

Карина Демина

ПОРТРЕТ МОЕГО МУЖА

ПРОЛОГ

Рядом с морем оживали мертвецы.

Здесь и сейчас их присутствие Кирис ощущал особенно остро, а поэтому норовил закрутиться в плащ, будто пропитанная каучуком ткань могла защитить от пронизывающего ветра.

— Сдаешь, — заметил человек, которого со стороны можно было бы принять за рыбака. У него и лодка имелась, узкая и длинная, как и полагается хитрой сардине, способной и сквозь прибрежные рифы пробраться, и от патруля уйти.

Сам человек был невысок, коренаст и облачен в одежду простую.

Деревянные башмаки его увязли в песке, а серые плотные чулки гляделись колючими с виду. Кожаные штаны успели обзавестись характерным налетом соли, как и потрепанная куртка, в карманах которой скрывалось немало полезного.

— Мое присутствие там лишено смысла, — Кирис поднял капюшон.

В кармане лежал сверток, ради которого и была затеяна встреча. Странно было думать о стоимости того, что пряталось в клетчатом платке, небрежно обернутом куском бечевы.

Его собеседник лишь хмыкнул и вытащил трубку.

Он сел на перевернутую лодку, ноги расставил, пропахав в песке глубокие линии, которые начали наполняться водой. Море никогда не уходило далеко, оно и сейчас знакомо шелестело, повторяя имена, будто опасаясь, что Кирис возьмет и забудет.

— Сколько лет потрачено и... зря.

— Так уж и зря?

Дым поднимался, но невысоко, будто упираясь в сизую небесную твердь. Он расплзался, отгоняя редкий по осени гнус и вызывая у Кириса желание чихнуть.

— То, что я передал, это мелочи... так, пара взяточников и только. Сауле... конечно, другое дело, но одних ее слов недостаточно. Тем более, при нынешней репутации.

Человек кивнул.

Согласился.

— Лайма... не пойму. Она-то готова ему ноги целовать, то ненавидит... ненадежно, кроме того, опять же, вряд ли она знает много.

— Старшая?

— Предана. Не столько сыну, сколько собственным интересам. А падение рода в них не входит. Впрочем, если почувствует угрозу для себя лично, то станет договариваться. Правда... сомневаюсь, что от нее будет польза. Он осторожный засранец.

Кирис сел.

Он смотрел на море, сизое, бугристое, на скалы, облепленные ракушками, на зеленоватый зыбкий песок, который вскоре окажется под водой. Откуда-то издалека ветер доносил дым и запах свежего хлеба, копченой рыбы, но есть не хотелось.

Показалось, кто-то коснулся затылка...

Рассмеялся.

Кирис, Кирис, неужели забыл? Все берега похожи друг на друга, и тебе лишь достаточно подойти к воде, позвать...

Кого ты хочешь увидеть?

Он вздохнул, отрешаясь от голоса. Это все Бейвир с его легким безумием, которое витало в воздухе, пропитывало стены древнего дома и обитателей его. Они, надышавшись, напившись этого безумия, давно походили на людей лишь внешне.

Только об этом следовало помалкивать.

— А мальчишка? — Человек выпустил трубку и выдохнул дым. — Он... как?

— Не могу понять. Возможно, и вправду сумасшедший, а может... там время давно остановилось. Я не знаю, — Кирис вскочил, и море всхлипнуло под ногами. Оно цеплялось за ботинки, норовило подняться выше, обещало, что если он позволит... — Каждый день, словно отражение предыдущего. Предыдущих. У меня появляется чувство, что я сам схожу с ума. И он это знает, клянусь... и ждет, когда же...

— Успокойся.

Ветер подул, пытаясь из пены вылепить фигуру.

Вельма?

Или...

Кровь на руках никуда не делась, Кирис вновь ощущал ее запах. И это чувство слегка стянутой кожи, влажноватой грязи, что застынет, забьется под ногти.

Замутило.

— Или меня травят, — этого он тоже не исключал. — Эйта Ирма... очень талантлива.

— Тоже возможно. — Из кармана куртки появилась пуговица, с которой свисал пучок разноцветных нитей. — Носи при себе. Очень полезная штука.

Плетение было незнакомым.

Да и сам амулет выглядел на редкость несерьезно. Предложи его кто другой, Кирис решил бы, что над ним издеваются, но вот Корн подобной привычки не имел. На молчаливый вопрос ответил, правда, не сразу.

— Один... очень хороший артефактор сделал. Пользуйся. Об отраве предупредит, кое-где кровь почистит... не сказать, чтобы вовсе спасение, но получше стандартного будет. Да и хватит на дольше.

По ребру пуговицы шел узор из рун, настолько мелких, что Кирис дважды прощупал, прежде чем удалось уловить хоть что-то знакомое.

— А...

— И потерпи, — Корн вытряхнул трубку на песок и каблуком втоптал пепел, а набежавшая волна послушно стерла следы. — Скоро это гадючье гнездо зашевелится. Предложение ему уже сделали...

Спокойное лицо перекосила маска ярости.

И шепот моря стал четче.

Неужели думаешь, Кири, что только ты его слышишь? Мертвецы, они ведь за каждым стоят. Ждут не дождутся. Или наоборот, дождутся?

Он убрал пуговицу во внутренний карман и почти не удивился, когда та нагрелась. Стало быть, все-таки травят. Оно, конечно, ожидаемо, но все равно неприятно. И ведь действует, несмотря на стандартный антидот.

— Жжется? — почти с сочувствием поинтересовался Корн, только глаза его смотрели не на Кируса, а на море. И выражение лица... будто ждет.

Жадно ждет.

С нетерпением.

Кого? Ответ известен, как и то, что подобное ожидание до добра не доводит. Морю нельзя верить, с него станется заманить лживыми обещаниями. Впрочем, люди не лучше.

— На вот. — Из другого кармана появилась целая связка амулетов. — Чувствую, пригодятся. Да не смотри, мне они перепали, так сказать... по-родственному.

Корн вздохнул.

И потянулся.

— Он не устоит. И от предложения отказаться не сможет, королям не отказывают, и камни не

захочет из рук выпустить. Мар всегда был болезненно жадным засранцем. Жадность его и сгубит... в общем, жди. В любом случае он скоро отправится в гости и вернется не один.

Корн поднял гладыш, смахнул прилипшие песчинки и, взвесив на ладони, запустил. Правда, море игру не поддержало, покачнувшись, оно расступилось, чтобы сомкнуться уже над камнем.

— Только... — Корн повернулся. — Смотри. Если ошибешься снова, я лично тебя на этом вот берегу закопаю.

Призрачный смех Вельмы был ему ответом. А во рту появился солоноватый привкус крови. Вздохнуло море: оно тоже не любило, когда прошлое возвращалось.

ГЛАВА 1

Рядом с Маруном я всегда ощущала себя полным ничтожеством. А это злило. Несказанно злило. И пальцы дрогнули, сжимая брошь с вплетенным заклятием. Я с трудом подавила подленькое желание кинуть ее в корзину, сделав вид, что к броши этой отношения вовсе не имею, так, случайно взяла, но Мар повел бровью и небрежненько этак бросил:

— Прекрати, Эгле, я и вправду хочу с тобой поговорить.

Он провел пальчиком по прилавку. Поднес оный пальчик к своему носу, украшенному аристократической горбинкой, хмыкнул:

— У тебя здесь пыльно. Убираться не пробовала?

— Некогда, — буркнула я, испытывая преогромное желание за прилавком спрятаться. И закрыть уши, чтобы не слышать Мара.

Явился.

А ведь не было ни чужих кораблей, ни мальчишки, которого хозяин острова всенепременно отправил бы предупредить меня. И вот вопрос, откуда Мар взялся? Договорился с кем-то из свободных капитанов? Осень. И не многие рискнут пойти морем, да и, что куда важнее, рассориться с Тересом, который подобного неуважения не простит.

Я вздохнула и повернулась к окну, за которым, как и вчера, позавчера и треклятую бездну дней до того, простирался пустынный, вылизанный морем до белизны берег.

А ведь так хорошо все шло. Семь лет покоя, когда я почти поверила, что ему надоело судиться, почти привыкла считать себя свободной — ладно, почти свободной, — женщиной, и вот, надо же, снизошел. Стало быть, что-то ему от меня понадобилось, то есть что-то помимо тех моих патентов, которые хитрым вывертом нашего законодательства считались собственностью супруга.

Как моя одежда.

Обувь.

И я сама.

Что ж, у высокого брака есть свои недостатки.

— Некогда, — мурлыкнул Мар, наклоняясь. От него несло дорогой туалетной водой, сладковатым ароматом цитрона, которым щедро сдобривали бриллиантин марки «Злот», стало быть, не изменил привычке. И сигарами тоже пахло. Коньяком... столько лет прошло, а я помню все эти запахи, будто только вчера... еще помню, как умел он голову морочить. Вот перемахнет сейчас через прилавок, который для благородного эйта и не препятствие вовсе. Обнимет. Погладит по волосам и скажет:

— Что ж ты так, Эгле? Ведь у нас все могло быть иначе...

Я стиснула кулаки.

Ну уж нет. Хватит. Наслушалась. Дышать надо глубже, да и успокоиться. Ничего он мне не сделает. Не здесь. Свободная земля. Свои законы.

А с хозяином у меня дела.

Хозяин вообще чужаков не любит, а уж тех, кто делам способен навредить, и подавно.

Места здесь пустынные, море норовистое, а в лабиринтах местных скал, случалось, весьма опытные люди пропадали. Ольс, он умеет хранить секреты.

— Знаешь, дорогая, — Мар замер, разглядывая слегка промасленную гайку, которая закатилась под кривобокую вазу. В ней почтенная вдова, которой, собственно, и принадлежала мастерская, держала сушеные рыбы головы.

На Ольсе люди были... несколько странными. Но я привыкла.

Мар же ткнул в вазу пальцем и произнес:

— Мне кажется, нам пришла пора кое-что изменить в наших отношениях.

— Ближе к делу, — я дала себе слово, что не позволю ему втянуть меня... не знаю, во что, но всяко

не идущее мне на пользу.

Не позволю и все тут.

Хватит.

Да, раньше я была дурочкой... такой вот умненькой дурочкой, которой даже эйт Лённрот, известный своей нелюбовью к слабому полу, пророчил неплохое будущее и которая сама, собственными, можно сказать, руками, это будущее похоронила.

А ведь предупреждали...

С Маром я познакомилась, будучи на пятом курсе Бирштонского технического. Славное заведение с древними традициями и засильем чистокровных эйтов, уверенных, что мир создан исключительно ради их удобства. А прочие, кому выпало родиться с даром, но в семье простой, это так... недоразумение.

У меня была государственная стипендия — виданное ли дело для девицы, если не из низов, то всяко к оным приближенной, — определенная репутация, подработка в университетской лаборатории и с трудом заработанное расположение эйта Лённрота.

У Маруна — место аспиранта, полученное, как теперь понимаю, не столько по заслугам, сколько по матушкиной просьбе, и бездна очарования. О нем говорили. Не буду врать, что только хорошее, но Мар обладал удивительнейшей способностью морочить головы людям.

Душа компании.

Сердце университета, которое трепетные женские ручки передавали друг другу с легкой печалью. Совесть... с совестью у Мара и тогда было сложно.

За полгода он сумел обрасти связями, завязать полезные знакомства, будь то в столовой, где ему готовили отдельно, или же в деканате, где престарелая нейта Урьяш всегда готова была перекроить уже существующее расписание, чтобы Марику было удобно. Его считали своим парнем студенты. И преподаватели. И даже ректор, стоящий словно бы над всеми, на Маровы выходы взирал снисходительно. Как-то сама собой возникла и золотая компания, где нашлось место и для Маровой сестрицы, пятерки ее подруг и парней с боевого.

Когда Мар обратил свой взор на скромную мою особу, я, признаться, решила, что это он с похмелья. Все же девиц он предпочитал видных, выразительных, что внешностью, что характером, который как-то умудрялся смирять. А я...

Полтора метра роста.

Веснушки, которые не исчезают даже зимой. Они усыпали кожу до того густо, что порой та казалась рыжей. И популярности мне этот факт не добавлял. Впрочем, мне было плевать на популярность, тогда я твердо знала, чего хочу от жизни, и тратить время на пустые романчики не собиралась.

На пустые...

А Мар...

— Вам не говорили, что вы прелестны? — он подарил мне тонкую веточку ландыша в колбе.

— Нет.

Я растерялась.

И разозлилась.

И... и еще раз растерялась, потому как Мар поклонился и исчез, будто его и не было. На следующее утро я нашла еще один ландыш, к счастью, Мар додумался не совать его в рабочий раствор, воспользовавшись чистой колбой. Потом был букет на подоконнике, с той стороны стекла, а с учетом, что жила я на седьмом этаже, это казалось подвигом.

Он играл со мной.

Появлялся. И исчезал, оставляя треклятые цветы, и видит Эйра Светлоокая, я в какой-то момент включилась в игру... и стоит ли удивляться, что не прошло и полугода, как мы оказались в одной постели.

Подруги?

Их у меня никогда не было. Характер не тот, да и сложно дружить с человеком, чей мир ограничен стенами лаборатории. Я ничего не понимала в моде и отношениях, не собирала сплетни, не умела объединяться против, а те, с кем меня сводила судьба, не желали вникать в красоту формул.

Сопротивление материалов?

Потоки сверхнизкой частоты? Сопряжение? И пространственная геометрия как способ... в общем, Марта, с которой мы делили комнату, лишь фыркала и закатывала глаза. Правда, Мара она оценила емко:

— Кобель. Но если для здоровья, то можно. Тебе давно уже пора жить начать.

Я же, дура, обиделась. И сказала:

— У нас все серьезно...

Марта же вздохнула, потерла лоб, на котором появились едва заметные морщинки, и сказала:

— Даже так... тогда беги от него, если можешь.

— Почему?

— Да потому что ты ему не пара...

Она оказалась права, Марта Спирковец, перебравшая с дюжину поклонников, прежде чем остановиться на невзрачном, рано полысевшем парне с целительского. За него, как слышала, она и вышла замуж, а после переехала куда-то на Перешту, где, надеюсь, и жила в тиши и согласии. Я же... я не послушала совета. Да и кто на моем месте послушал бы?

Я любила.

Меня любили. Будущее виделось прекрасным. И этому будущему не могли помешать ни Марова матушка, державшаяся со мной отстраненно и холодно, ни его сестрица, позволявшая себе откровенное хамство, ни подспудное чувство неправильности происходящего.

Эйты не женятся на таких, как я, без веского на то повода. Любовь?

Не смешите. Нет, я думала, что она есть, она живет, в тех же хрупких ландышах, в крохотных шоколадках, которые он вытаскивал из моих, тогда еще длинных — Мару не по вкусу стрижки — волос. И я, словно ребенок, смеялась над простым этим фокусом.

Любовь была в открытках.

В плюшевом медвежонке, поднесенном мне на день рождения, в большом наборе инструментов, выполненном по заказу.

— Видишь, — я тогда уверилась, что все у нас сложится, и сидела над кофром, любовалась, не смея притронуться к арфитовым рукояткам. — Он не будет заставлять меня бросить учебу. Он хочет, чтобы я получила диплом. И место мне присмотрит.

— На собственном заводе? — Марта смотрела на меня с сочувствием. Целительница, она, верно, видела болезнь, вот только лекарства от нее не существовало.

— Да, но...

— Но?

Я коснулась-таки отмычек. Ах, здесь есть совсем крохотные, для работы на квазикристаллах. А вот и кисть со сменными насадками. Десяток разнообразных штеков, не говоря уже о резцах, которые, полагаю, и драконью кость возьмут.

— Это не совсем мое... то есть точно я не знаю... сама понимаешь, секретность.

Марта кивнула.

А я продолжила перебирать сокровища. Конечно, у меня имелся собственный ящик с инструментом, я его собирала лет с десяти, когда окончательно поняла, кем хочу стать. Но разве мог он сравниться с этим?

— Я не хочу ковыряться в моторах... или стать младшим чертежником... или оказаться в ситуации, когда все относится ко мне, как...

— К любовнице босса?

— К жене, — призналась я и тронула колечко. — Вчера Мар сделал мне предложение.

Были цветы.

И ужин в самом дорогом ресторане города. Правда, чтобы я не смущалась, Мар взял кабинку, и за это я ему была благодарна. Все же мой гардероб на подобные выходы рассчитан не был, а покупать еще и платья... благо Мар не предлагал, я бы все одно не позволила.

— Вообще я хотела бы остаться при университете, — призналась я, прикидывая, с чего завтра начать. Кристаллы почти выросли, пора было формировать узор, но я сомневалась, использовать ли традиционные молды или же попробовать изменить структуру опосредованно. Лённрот полагал эту мою идею чушью, но... кристаллов я вырастила с запасом, если взять один, никто не заметит. — Продолжить работу над темой...

— А твой Мар...

— Говорит, что ему все равно, лишь бы я была счастлива.

И я решилась.

От одного кристалла беды не будет, и вообще, как можно не опробовать такой инструмент? В университетской лаборатории и то похуже будет, хотя к чести Королевского Совета финансировали нас отлично. Но...

Я вытащила малую кисть.

Попробую.

Мы сочетались браком спустя три дня. Древний храм, сложенный из белого известняка. Жрец и малый чиновник с большой амбарной книгой, в которую наши имена вписывались медленно, будто даже этот, равнодушный с виду человек, продолжал сомневаться.

Мы не пара.

Все знали, что мы не пара.

Кроме меня...

Нет, следующие несколько лет я была беззаветно, бесовестно счастлива. Мар снял небольшую квартиру на территории кампуса. Так делали многие, к чему терять время на дорогу, да и что есть в городе такого, чего нет в университете?

Я получила место в аспирантуре.

Мар вынужден был отказаться от преподавания.

— Пойми, дорогая, не мое это... студенты, отчеты... занудство бумажное. Я за прикладную науку... и вообще дело семейное внимания требует. А ты занимайся своими потоками и ни о чем не думай.

Я и занималась.

Спорила с Лённротом, который сперва к замужеству моему отнесся скептически, кажется, вообразив, что я в самом ближайшем времени брошу науку ради семьи... не знаю, честно говоря, если бы Мар тогда попросил, может, и бросила бы.

Любовь.

Опасное, мать его, чувство.

Но Мар не просил. Он уезжал и возвращался, привозил с собой ландыши и шоколад, устраивал вечера на крыше. Плед. Вино. И университетские голуби, толстые наглые птицы, которые, правда, казались мне забавными. Мы сидели и говорили... да обо всем на свете.

Он умел слушать, мой Мар.

И пусть сам признавал, что понимает едва ли треть, но... это звучало не обидно.

Моя маленькая умная девочка...

Опять что-то придумала.

Надо оценить идею и оформить патент. Не морщи носик, я сам этим займусь.

В конце концов, мы же семья, ты только бумаги подготовь, отчет там и вообще.

И я готовила. И испытывала невероятную гордость, как же... первый патент принес нам тысячи крон — так, во всяком случае, мне сказали. Второй и третий не меньше. Четвертый Мар и сам вытащил из кипы моих записок, в которых он копался упоенно.

Я бы, говоря по правде, не стала бы завязываться с такой-то мелочью. Оказалось, что вовсе и не мелочь, а принципиально новый тип соединения, который снизил энергопотери в ведущих узлах...

Ты и представить себе не можешь, девочка моя, что это значит в промышленных масштабах.

Мар кружил меня по крыше, и голуби ворковали, словно нашептывая, что жизнь удалась. А я... я задыхалась от переполнявшего меня счастья.

Пять лет.

Семь патентов и ворчание Лённрота, что наука, конечно, хорошо, но мне бы и семьей заняться. Ребенка там родить... теперь я понимаю, что он знал.

Да все, мать его, знали, кроме меня.

Благословенная слепота, от которой меня избавила Лайма. Она была маленькой и хрупкой, будто выточенной из куска горного хрусталя. Светлые до полупрозрачности волосы. Кожа настолько белая, что гляделось это едва ли не отвратительно. И огромные наивные глаза...

Вы меня не знаете...

Легкое платьице, едва прикрывавшее колени. Кружевной платочек и браслет с крупными сапфирами. Между камнями висели колокольчики, и браслет при каждом движении позвякивал. А Лайма не умела стоять не двигаясь.

Нас не представляли друг другу, и в любом другом случае я бы не стала разрушать семью, но... понимаете...

Лайма была беременна.

Немножко.

Так она сказала и мило зарозовелась. А я, помню, стояла и пыталась понять, что этой странной девочке нужно от меня. Она же, ободренная молчанием, говорила и говорила...

Мар меня не любит.

Быть может, когда-то и любил, но давно. Я ведь понимаю, что любые чувства рано или поздно умирают, особенно если над ними не работать.

Как?

Ежедневно и ежечасно.

Хорошая жена не бросит мужа ради науки. Хорошая жена следит за собой и уж точно не станет носить унылую серую форму и плевать, что в лаборатории без нее делать нечего. И вообще, к чему хорошей жене лаборатории? Она домом должна заниматься.

Каким?

Тем, который принадлежал Мару. Он, конечно, требовал реконструкции, чем, собственно, Лайма и занялась...

Дом?

Мое удивление защищало от боли. Какое-то время. А Лайма говорила, говорила и говорила... и главное, я понимала, что она не врет. Она... она была слишком уверена в собственном превосходстве, чтобы опуститься до лжи.

Я ведь...

Все знали, что Мар женат.

Кто все?

Его семья, которая этого брака не одобряла категорически. Его друзья, полагавшие, что Мар поспешил. Друзья его друзей. Знакомые. В свете только и разговоров, насколько Мару приходится тяжело... и да, их познакомила Сауле. Что в этом дурного?

Лайма не собиралась влюбляться.

Лайма просто...

Небольшой роман, который ни к чему не обязывает, но получилось так, что их роман затянулся. Насколько? Лайма наморщила носик. Три года уже... Мар? Нет, он ничего не обещал, да и она не требовала, понимала, что разводы в их кругах не приняты, даже если супруга попалась настолько неудачной. О нет, Мар ничего такого не говорил, но и без слов понятно.

Он меня не любит.

Стыдится.

Поэтому и прячет за стенами университета. Он ведь и в город меня не вывозит, если подумать, не говоря уже о том, чтобы поселить в доме, как это положено. Он даже ко двору меня не представил, что было почти откровенным нарушением правил, но... Мару простили.

Вошли в положение.

Чувствовала ли я, как мир рушится? Мой такой уютный замкнутый мирок, в котором я была абсолютно счастлива? О да... то есть земля из-под ног не уходила. День не стал менее солнечным. Напротив, для всех все было обыкновенно.

Университет.

Парк.

Студенты на скамейках. Кто-то брэнчал на гитаре, кто-то пел, кто-то, забравшись на край древней чаши, норовил дотянуться до ледяной струи фонтана и поймать каплю удачи. Бродили по дорожкам треклятые голуби. Щебетала Лайма, окончательно уверившись, что опасности я не представляю. Помилуйте, какая опасность от нейты, не способной сотворить заклинание выше пятого уровня. Позвякивали колокольчики на браслете. А я... я пыталась понять, когда же именно пустила свою жизнь псу под хвост. Выходило, что давно...

— Понимаете, я бы не стала нарушать правила, — Лайма коснулась платочком щеки, на которой блестела россыпь искусственных звезд.

Вживленные кристаллы — писк современной моды... и ей они шли.

— Но... столько времени, а ты так и не забеременела, что совершенно недопустимо.

Гладкие ноготки.

Идеальная кожа.

Белесая вязь родового узора, который начинался на левом предплечье, поднимаясь выше, при этом не выглядел ни пошлым, ни странным, но таким вполне естественным продолжением кружевного сарафана.

— А я... у меня будет ребенок, — Лайма убрала платочек в крохотный клатч, украшенный теми же сапфирами. — И как мать я должна позаботиться о его будущем...

— Мар...

— Не знает, — она, вдруг разом утратив былую робость, подхватила меня под руку. — И не стоит ему говорить. Муж чины порой ужасающе упрямы. Он вбил себе в голову, что несет за тебя ответственность.

Почему я не послала ее подальше?

Почему позволила увлечь себя? Шла по дорожке, по желтому камню, слушала, как цокают тонкие каблочки и раздумывала, что ж я за дура-то такая...

— Но мы-то знаем, что ты человек взрослый... тебе, несомненно, казалось, что ты сделала удачную партию...

— Чего вы от меня хотите, — в какой-то момент мне просто надоело ее слушать.

Лайма Бринциг.

Единственная дочь и наследница Лютера Бринцига, совладельца «Большой островной», которой принадлежало более сотни цеппелинов. Она и вправду достойная партия, куда более подходящая, чем я. А ребенок... я ведь заговаривала о нем, не потому, что и вправду хотела детей, то есть хотела, конечно, но не сейчас, а когда-нибудь потом, после... и Мар, как показалось, понял.

Сказал, мол, куда нам... надо пожить для себя.

И я вздохнула с немалым облегчением.

— Хочу, чтобы ты перестала всем мешать, — сказала Лайма, окончательно сбрасывая маску несчастной девочки.

Взгляд у нее был холодным.

Да и... читалось в нем куда больше, чем было сказано. И вправду, как посмела я, воплощенное недоразумение, заявлять свои права на того, кто плоть и кровь от плоти и крови высшего света.

Эйты не женятся на...

Просто так.

— Поддай на развод. Папа... поможет решить вопрос быстро. Прояви благоразумие, и мы не останемся в долгу. Папа оплатит переезд...

— Переезд?

Лайма повела плечиком.

— Мне не нужны в будущем ни слухи, ни двусмысленные ситуации. Ты, кажется, наукой занимаешься?

Я кивнула.

Кажется.

Занимаюсь.

— Папа подыщет место где-нибудь... в другом городе. Жилье... с ним сама разберешься. Двести тысяч компенсации хватит?

Двести тысяч... сумма для меня невероятная, невозможная даже. Я честно попыталась вообразить эти самые двести тысяч, сперва в банковских пачках, перетянутых розовыми лентами, потом россыпью, в кронах... хватит или нет? За убитую любовь и разрушенную жизнь?

— Не жадничай, — Лайма расценила мое молчание по-своему. — Вздумаешь глупости творить... у папы много друзей. Разных. Но мне бы не хотелось выходить замуж за вдовца. Это, как ни крути, бросает тень на репутацию...

ГЛАВА 2

Я хотела устроить скандал.

Банальный такой скандал, с битьем посуды, слезами, заламыванием рук и вообще... но когда Мар снисзошел-таки до меня, я поняла, что сил скандалить нет. Совсем.

— Я подаю на развод, — сказала я, вглядываясь в его лицо, пытаюсь найти там... что? Тень эмоций? Только настоящих, а не тех, которые он научился изображать.

— Ты его не получишь, — Мар тоже что-то, наверное, понял, если не стал притворяться. Он прошелся по комнате, поднял очередной мой журнал, подкинул его и поймал на ладонь.

— Почему?

— Лайма — идиотка... удобная в использовании, но все-таки... я не собираюсь связывать жизнь с капризной стервочкой, которая не видит ничего дальше собственного носа.

— А ты, стало быть, видишь?

Мар поморщился.

Он не любил признавать ошибки.

— Послушай, — он остановился у окна, которое вдруг показалось таким узким. — Ситуация, конечно, неприятная... нам давно следовало бы поговорить. Прояснить... но... ты была так счастлива.

Была.

Его правда. Целых пять лет... и голос разума шептал, что у кого-то и этих пяти лет нет, а я... я ведь могу притвориться, что ничего-то не произошло. Любовница?

С мужчинами бывает. Они, мужчины, блудливы, что коты, и в принципе природой к верности не расположены.

Я ведь могу его простить.

Смириться.

И играть в прошлую счастливую жизнь. Это несложно, всего-то надо вовремя отворачиваться и закрывать глаза на маленькие шалости мужа. Многие так делают, но...

— Ты милая девочка, Эгле. Очаровательная. Умная. И все же наивная... но при этом действительно умная. Когда я только-только приглядывался, мне посоветовали познакомиться с твоими работами. Ты же знаешь, у меня заводы... семейное дело...

То самое, требующее постоянного Мара присутствия.

— Верфи построил еще мой дед. На то время они были ультрасовременными, но потом... мой отец не давал себе труда вникать в происходящее. Он полагал, что если верфи работают, этого уже достаточно... он в принципе был на редкость ничемным человеком. И не желал понимать, что за прошедшие пятьдесят лет мир изменился. А вот верфи... остались прежними. Я получил в наследство предприятия, которые едва-едва держатся на плаву. Да, нас отчасти спасали военные заказы, но и те мы получали исключительно благодаря маминым связям. А ей прозрачно намекнули, что без должной модернизации мы их просто-напросто не осилим. И да, модернизацию мы проводим... я провожу. Практически завершил. Ты бы знала, до чего это сложно. Особенно когда на счетах пусто... занять? Это неприлично. Слухи пойдут и все такое... а матушкиных драгоценностей, конечно, хватит на закупку нового оборудования, но разве могу я поступить так с родной матерью?

— А я при чем?

— Я все-таки оформил заем... через знакомых... процент выше, чем в банке, но слухи не пойдут. Главное ведь репутация... и во благо ей мы будем вести прежний образ жизни. Вечера, визиты... благотворительность, которая сжирает остатки семейного состояния... — Мар потер переносицу. — Знала бы ты, как это все мне... так вот, оборудование закупить — это половина дела. Нужны люди, которые его как минимум не испоганят. Оказалось, что найти толковых рабочих даже низшего звена не так просто, не говоря уже о тех, кто стоит выше... Бринциги, Таргциги, Габрсоны — все охотятся на молодых и одаренных. Стипендии с обязательной отработкой... трудовые контракты на двадцать лет, но на условиях, когда эти двадцать лет не покажутся столь уж долгим сроком. Они

ищут тех, кто более-менее способен думать, и покупают их, порой уже на первых курсах, а иногда и в школе...

— Меня что-то не спешили купить.

Не сказать, чтобы я не понимала Мара. Понимала. Мои одноклассники начали подписывать контракты курсы этак на третьем, а некоторые и того раньше.

Тогда я им завидовала.

Искренне, порой до слез, не понимая, чем я хуже того же Конрада, которому предложили место младшего инженера на Савойском часовом...

— Ты женщина, — Мар пожал плечами, будто это что-то да объясняло. — Извини, но... в нашей среде еще весьма живы определенные... стереотипы. К примеру, Сауле работать не будет. Подозреваю, она скорее с голоду умрет, сперва замучив несчастного супруга, но работать... да, ты талантлива, но какой толк в этом таланте, если ты выскочишь замуж и растворишься в хозяйстве?

— Я пока не растворилась, — одна обида тянула за собой другую.

Да, на меня смотрели... с насмешкой?

С недоумением?

С удивлением порой. Как же, выбрала мужской университет, мужской факультет и специальность самую что ни на есть мужскую... понятно, зачем. Чтобы мужа найти.

И, главное, безумное это предположение — конечно, где еще их ищут-то, особенно рыжие с конопушками бесприданницы — как-то прочно укоренилось в умах что моих сокурсников, что преподавателей. Последние и вовсе не скрывали порой презрения. И плевать, что я была способней многих...

— Сперва я хотел лишь присмотреться. Предложить контракт... на место старшего... что? Ситуация на верфях, мягко говоря, неоднозначная. Мои инженеры устарели так же, как и оборудование, а главное — они и слышать не хотели о переменах. Мне казалось, что свежая кровь изменит ситуацию...

— Но потом ты передумал?

— Я просто понял, какое сокровище мне досталось...

Я отвернулась, потому как не обладаю выдержкой эйты. Он ведь так и называл меня, мое сокровище... это казалось милым.

— Боги судили, иначе не скажешь. Твои наработки, даже те небольшие наброски, которые я видел... они обещали невероятное. И прости, я не мог позволить, чтобы они попали в чужие руки. Это был шанс.

— И я...

Что? Приложение к тем злосчастным патентам, которые Мар так рвался оформить? Тем парадоксальней, что мне всегда хотелось, чтобы ценили мой ум, а не... оценили.

Нечего сказать.

— Контракт? Контракт можно разорвать. Признать несостоятельным. Опротестовать в суде при наличии хорошего юриста. А стоило кому-то понять, что ты из себя представляешь, и юристов появился бы десяток. Да в конце концов, его можно было бы перекупить...

— И ты решил связать меня браком?

— На тот момент это показалось мне самым удобным вариантом, — Мар взял меня за руку, и еще вчера это прикосновение вызвало бы во мне прилив нежности, но сейчас я молча спрятала руку за спиной. — Я понимаю, что ты обижена, но... подумай сама. Это выгодная для обоих сделка. Ты получила возможность работать... или думаешь, тебя приняли бы в аспирантуру, не будь ты моей женой?

Самое обидное, что Мар был прав.

Аспирантура... я о ней мечтала, робко, исподволь, прекрасно понимая, что все места расписаны и проплачены, и даже заступничество Лённрота не поможет. Да и не факт, что он станет заступаться... личной ученицей взять ведь не захотел.

Мол, слухи пойдут...

На самом деле плевать он хотел на слухи.

— Тебе предложили бы место на каком-нибудь захолустном заводе, где и держали бы младшим инженером до окончания жизни. Я помог твоему таланту раскрыться.

— И получил немалую выгоду, как подозреваю?

Мар склонил голову, признавая мою правоту.

— Ты дашь мне развод?

Молчание.

— Мар!

— Лайма — дура...

— Тебе это не мешало.

— Но дура симпатичная, — он закинул ногу за ногу. — Да и в постели огонь...

— Зачем мне...

— После смерти отца, я послал Бринцигу предложение. Мне показалось, что это будет удачная сделка. Он пристроит свою драгоценную доченьку, у которой не самая лучшая репутация, а я получу поддержку и финансы для реорганизации производства.

Почему я не ушла?

Продолжила слушать эти откровения, от которых становилось не по себе? Почему вообще...

— Он потребовал провести слияние. И контрольный пакет, естественно, переходил в его руки. Как понимаешь, на эти условия я не мог согласиться.

Надо было заткнуть уши.

Убежать.

Вот только бежать мне было некуда. Мар не отпустил бы меня просто так, и кажется, уже тогда я начала понимать, насколько тяжелым будет развод.

— Благодаря патентам мне удалось не просто выправить дела. Мы стали крупнейшим игроком на рынке... наши цеппелины надежней и быстрее любых других. Военные заказы... и гражданский флот тоже заинтересован. Слышала, наверное, Его Величество собирается создать воздушную сеть...

Кто не слышал.

Об этом проекте, который газетчики прозвали самым амбициозным со времен Первой войны, кричали на каждом углу. Одни называли его безумием, призывая остановить, — деньги можно потратить с куда большей пользой для страны. Другие ратовали за скорейшее воплощение.

Как же, объединить все крупные города... цеппелины надежнее кораблей. Им не страшны шторма, из-за которых половина островов то и дело оказываются предоставлены сами себе.

Высокая грузоподъемность.

Скорость.

И главное, защита.

— Мы получили заказ на две сотни цеппелинов средней дальности, дюжину тяжеловозов и полсотни почтовиков... — Мар смотрел на меня спокойно. — И это лишь начало. Королевству нужны воздушные пути. А еще алмазы Пельшты или черный уголь Искайта. Красный мрамор. Вулканическое стекло. Альфидиум. Да и... люди. Треть королевства зависят от моря, а это без малого восемь миллионов... восемь миллионов человек, чью жизнь мы изменим.

— Я рада за вас...

— За нас.

— Мы? — это прозвучало почти издевкой. — Разве мы когда-нибудь вообще существовали?

Я, оказывается, успела изучить его. Вот слегка дернулась губа, будто Мар вот-вот оскалится. Дернулся нос. Пальцы сложились крестом... детский нелепый жест, если сложить так пальцы, то можно врать — и боги не накажут.

— Признаю, я был недостаточно внимателен к тебе. Слишком занят... дела требовали пристального внимания...

— И Лайма.

Мар поморщился.

— Она дура.

— Пускай, зато беременная...

— Мне нужен наследник.

— Но не от меня, — я осознала это со всей ясностью. И Мар тоже понял.

— Прости, но... эйт не может быть слабосилком, иначе ему не удержаться.

Дышать было тяжело.

И я заставила себя считать. Раз-два-три-четыре-пять... вышла Грета погулять... дети наследуют дар... но не всегда, далеко не всегда это дар сильнейшего в паре... бывает... по-разному, и Мар не хотел рисковать.

— Тебе ведь не нужны были дети, — он робко тронул меня за руку. — Ты сама говорила...

— Сейчас не нужны, но...

— Как захочешь, родишь. Я не оставлю своего ребенка, каким бы он ни был...

Именно тогда я и поняла, насколько мы... разные?

— Я подаю на развод, — сказала я тихо. А Мар улыбнулся, этак, снисходительно...

— Ты ведь не думаешь, что все будет просто...

Конечно, не думаю.

Первое заседание. И сонный судья, который не столько слушает меня, сколько наблюдает за мухами. По летнему времени их развелось прилично. Мухи ползают по графину с лимонной водой, по дубовой раме и портрету Его Величества. Они садятся на пыльные окна и даже на судейскую лысину, и тогда судья вздрагивает, поднимает вялую пухлую руку, сгоняя нахалку.

Мне кажется, что все очевидно.

Муж мне изменил, и я в своем праве подать на развод, тем паче Мар не отрицает факта измены. Он спокоен, и, кажется, его даже забавляет моя злость.

— Она просто перенервничала, господин судья, — он привстает и удостоивается одобрительного кивка. — Женщины чересчур эмоциональны, а потому порой теряют способность мыслить здраво. Поэтому моя жена забыла, что брак наш заключен по старому обряду...

...а значит, расторгнут может быть лишь по взаимному согласию.

Или волей Его Величества.

Впрочем, это не помешало мне вновь подать в суд. И получить очередной отказ. Отправить прошение в канцелярию...

...и вызвать гнев Мара, который выразился в запрете на мою работу.

— Хватит маяться дурью, — сказал он. — Этот университет себя исчерпал. Если хочешь работать, у меня найдется...

— Иди на хрен! — я позволила себе выразиться и куда менее изящно.

— Как грубо...

Плевать.

Я... почему-то чем дальше, тем злее я становилась. Обида? О да, она была, жила и не собиралась исчезать, затмевая слабый голос разума.

— Дорогая, — он поцеловал мне руку, а я демонстративно вытерла ее о юбку. — Если ты еще не поняла, то у нас... женщина всецело зависит от мужа.

Одного письма хватило, чтобы меня уволили. И Лённрот, смущаясь и розовея, сказал, что мне следует проявить благоразумие и помириться с мужем.

Я осталась без квартиры.

И без денег, поскольку мой счет вдруг оказался заблокирован по требованию мужа. Мои вещи вывезли. А Мар оставил записку, что всегда будет рад видеть меня в нашем новом доме...

Я одолжила пять крон и купила билет до Эсбьерга.

ГЛАВА 3

— Дура ты, Эгги, — сказал мне брат, сунув в руку свежий маковый калач. — Но ничего, как-нибудь перетрется, мука будет...

Он держал маленькую булочную, которая досталась от матери, а той — от деда, и вообще соседи полагали, будто наша булочная возникла едва ли не ранее Эсбьерга.

Здесь было... спокойно.

Море.

Город, знакомый каждой улочкой своей. Чайки и берег. Круглые камушки, которые я отправляла гулять по воде. И Мар, появившийся на склоне зимы.

— Хватит уже, Эгле, — сказал он, обводя рассеянным взглядом море. И то, сизо-серое, отпрянуло, будто тоже не желало иметь с Маром ничего общего. Даже чайки заткнулись. — Все уже поняли, как ты обиделась. Возвращайся.

— Нет.

На берегу, следовало признать, Мар смотрелся глупо. Светлый его костюм выделялся на общем тускло-сером фоне, а модные ботинки успели пропитаться водой и обзавестись плотной темно-серой коркой высохшего песка.

Кто ж в ботинках на берег ходит.

— Эгле, — голос его звучал мягко, и всем видом своим Мар демонстрировал печаль. Легкую. Светлую. Иную эйты испытывать не умеют. — Это уже не забавно.

— А это было забавно?

Интересно, у него родился ребенок?

Нет, я могла бы взять «Родовое древо», благо продавался журнал свободно, извещая весь мир о важных событиях в мире высшего света. Свадьбы там, помолвки... или вот рождение наследника древнего рода...

— Нет, — вынужден был признать Мар. — Но я понимаю, что ты была обижена. Я извинился.

Он извинился и теперь... что?

Я должна проникнуться? Войти в положение? Или броситься на грудь со слезами? Простить, вернуться и сделать вид, что все хорошо? Просто-таки замечательно...

— Мне нужен развод.

— Зачем?

— Затем, что я хочу получить свободу. От тебя... от...

— Если тебя напугала Лайма, то я имел беседу с ее отцом. Больше она не станет вмешиваться в наши отношения.

Надо же, у нас, оказывается, отношения были, а не просто так сделка. И что значит, не станет вмешиваться? Будет тихо и мирно жить в особняке Мара в роли... кого? Второй жены? Слышала, у эйтов бывает. А я, стало быть, буду первой. И если проявлю толику смекалки, то мне тоже купят особняк. В конце концов, это же такая мелочь за спокойствие семьи.

Расписание составим.

У меня Мар будет по четным дням. У Лаймы по нечетным... или еще нужно оставить время для других любовниц, которые, как полагаю, появятся, если уже не существуют.

Почему-то именно там, на берегу, я вдруг осознала, насколько бессмысленен этот брак. Поддаться на уговоры? Вернуться? Пусть даже не в квартирку, но в собственный дом... номинально собственный, поскольку хозяином в нем будет Мар.

Он согласится.

Я нужна ему, иначе Мар не стал бы тратить драгоценное время на поиски, он терпеть не мог поездки и маленькие городки, которые называл потерянными во времени.

Издали донесся печальный звон корабельного колокола. Стало быть, паром подходит, и на пристани уже собралась толпа — кто посмотреть, кто почту ждал, кто груз. Там всегда-то было много народу, но в дни прихода «Конунга» собирался едва ли не весь город. Мальчишки забирались на столбы, карабкались по развешенным сетям, которые к полудню успевали просохнуть и покрыться коркой соли. Ругались матроны. Лениво курили грузчики, понимая, что уж без них-то ничего не будет...

— Я хочу развод, — мне бы тоже прогуляться до пристани, показаться соседям, которые вместе решили, что благородный супруг выставил меня за дверь, верно, потому, что я оказалась бесплодна, а такого ни один мужик не потерпит.

И все почему?

А потому как учиться поехала. Вот в мозгах что-то и сдвинулось.

Я сама слышала, как престарелая Ильга говорила о том невестке, а та слушала, кивала, не смея перечить, потому как перечить Ильге — себе дороже...

Может, Мара захватить? Будет новый повод для разговоров. А не будет, так сами себе придумают. Издержки местной неторопливой жизни с вечной нехваткой новостей.

— Эгле...

— В этом нет смысла, Мар, — я позволила себе повернуться и взглянуть на пока еще нынешнего супруга. И куда подевался обычный восторг?

И сердце больше не колотится.

И вообще... он, конечно, красив. По-другому быть не может, не бывает некрасивых эйтов, но... какая-то пустая красота. Светлые волосы. Идеальные черты лица, которые не портит крохотный шрам над левой бровью. И морщины, что только-только появились, ему тоже идут. Примерно как идет тонкий галстук и этот вот костюм из светлой шерсти. Темно-синий редингот переброшен через руку. Пальцы поглаживают трость из черного дерева. Он воплощенное великолепие.

Чужое.

— Никакого. Ты меня не любишь. Я это знаю. Теперь знаю. И я не хочу жить с человеком, который меня не любит. Я хочу нормальную семью, чтобы муж и жена, чтобы дети...

Чтобы как у моего брата, который светится от счастья, сам того не замечая.

И плевать ему, что Кара полновата, а волос у нее темный, — явно имперка, и вьется еще, и что говорит она с легким акцентом. Напротив, мне ее голос кажется песней, а уж ему...

— Муж у тебя есть, — Мар пожал плечами. — Дети... если тебе они так нужны...

Не понял.

И не поймет.

Я покачала головой, а чайки заголосили, вдруг и сразу, стало быть, где-то показался темный плавник косатки.

Тоже хищник, почти как Мар.

— Мне нужен муж, который будет меня любить. И детей моих тоже любить. Который не станет искать кого-то другого, более одаренного или более красивого. Я не хочу, закрывая за тобой дверь, думать, куда ты пошел. Вправду ли по делам или к очередной любовнице... сколько их у тебя? Одна, две? Кроме Лаймы... она ведь, если не ошибаюсь, будет жить в твоём доме?

— В нашем.

— В нашем она мне на хрен не сдалась.

— Это грубо.

— Это правда, — я повернулась к морю и прищурилась, пытаюсь разглядеть косатку. Но нет, только волны, мелкие, нервные, будто стихия чувствует мою неуверенность. — Мар... мы не уживемся. Я не уживусь. И я не хочу остаток своей жизни быть несчастной. Хочешь, чтобы я работала? Это не проблема. Подпишем контракт. И я буду работать. Но я хочу сама распоряжаться собственной жизнью. Понимаешь?

Понимал.

По глазам я видела, что все он прекрасно понял, вот только... куда девать родовую честь? И ладно бы только в ней дело было, но ведь оставались деньги.

Контракты правительственные.

И перспективы, которые Мар уже почти считал свершившимися. А я... я ведь не настолько глупа, чтобы не понимать, насколько развод, пусть даже с совершенно неподходящей Мару женщиной, повлияет на репутацию, не говоря уже о злосчастных патентах. Я ведь могу потребовать их... подать в суд и, что самое поганое, доказать авторство.

А еще могла плюнуть на патенты и просто уйти к конкурентам. И не так важно Мару, буду ли я работать на него, главное, чтобы я не работала на кого-то еще.

Это я тоже увидела в его глазах, а еще поняла, что в нынешней жизни развода мне не дадут.

Мар стиснул трость, и костяшки на пальцах его побелели.

— Мне жаль, Эгле, — сказал он. — Но ты ведь умная... ты сама понимаешь, я не дам развода. И не позволю тебе остаться здесь. Мне не нужны слухи... ты вернешься.

— Нет.

— Не заставляй меня вредить твоим родным.

А вот угрожать нехорошо.

— У твоего брата булочная... как думаешь, долго ли мне закрыть эту булочную?

— Попробуй, — я выдержала его взгляд и даже нашла в себе силы улыбнуться. — Ты многого не знаешь о маленьких городках...

И о том, что все мы здесь в какой-то мере друг другу родня. И если нас с братом не признали официально, то... каждому было известно, от кого Марийона Красноволосая прижила детей. Не от старого же Бреghа, за которого ее выдали родители, когда интересное положение стало... слишком заметно.

Правда, свадьба никого не обманула.

Мне об этом рассказали соседи.

По секрету, само собой, потому как в глаза обзывать соседских детей ублюдками невежливо. Да и чревато, говоря по правде. Нет, наш отец в местечковые дела не лез, я и сама-то встречалась с ним всего пару раз, последний — на похоронах матери. Особой привязанности друг к другу мы не испытывали, но...

Счет в банке на мое имя.

И другой, в помощь брату, когда тот перестраивал дом.

Рекомендательное письмо, благодаря которому меня в принципе приняли на первый курс. Вежливые записки-поздравления, приходившие ежегодно. Подозреваю, отправлял их секретарь, но... записки были. И к ним — чеки, благодаря которым я в принципе смогла начать работать.

Свой инструмент.

Материалы.

Книги и зелья, даже компоненты для зелий даром никто не даст, не говоря уже о прочем.

Нет, любви не было, но была благодарность и понимание, что обидеть нас не позволят. Не здесь, не в этом городе, который был, по сути, личным владением высокого князя...

Мар потратил два месяца жизни, чтобы в этом убедиться.

Я знала, что остановился он в «Белой косатке», лучшей гостинице города, которой, однако, было далеко до привычных ему заведений. Он нанимал коляску.

И отправлялся к градоправителю.

Он писал жалобы.

И дважды покидал остров, чтобы вернуться спустя неделю-две. Он почти выкупил телеграф к вящему недовольству жителей, но в целом они сходились, что я дура. Все мужчины гуляют от жен, и мой отец тому лучший пример. Разумная женщина не станет играть в обиду, но великодушно простит несчастного, который...

Здесь мнения расходились.

Я же...

Мне было плевать. Меня Мар больше не трогал, но я сама чувствовала себя лишней. Некогда я покинула дом, полагая, что никогда больше не вернусь. И за прошедшие годы дом этот словно бы стал меньше. Нет, меня никто не гнал.

Ни словом, ни взглядом.

Мне были рады.

Мне сочувствовали и даже жалели. Мне позволяли заглядывать на кухню, хотя братец знал, что я не унаследовала ни капли семейного таланта. Со мною говорили, но исключительно на отвлеченные темы, а было их немного, и потому разговоры то и дело обрывались. Неловкие паузы заполнялись вздохами, а... во взгляде брата появлялась жалость.

С детства ненавижу, когда меня жалеют.

И наверное, именно эта жалость, которая заставляла ощущать себя слабой и никчемной, заставила меня очнуться. А еще шепоток, становившийся громче и громче... голос Ильги, долетавший через улицу, — а говорила она так, чтобы я точно услышала, — и соседское недоумение... удивление...

Загордилась.

Носом крутит.

Решила, что и сама эйта...

Старик того и гляди помрет, посмотрим, что тогда будет... небось, братец не слишком родственничкам рад, а уж когда от них одни проблемы...

Следовало признать, что в чем-то они были правы. Мой отец, разменявший девятый десяток, — пусть эйты и жили дольше обычных людей, но и они не были всеильны, — и вправду готов был покинуть этот мир. А старший наш брат, законный наследник, с которым мы и знакомы-то не были, станет ли он решать чужие проблемы?

Сомневаюсь.

Выход был очевиден: мне следует уехать, но... куда? И не сочтет ли Мар отъезд проявлением моей слабости? Деньги у меня имелись, благо здешние банки подчинялись князю, а тот плевать хотел на чьи-то претензии... и я, прикупив в ближайшем магазинчике атлас, занялась пристальным его изучением.

Помог, как ни странно, брат.

Старший.

Тот самый, который, как и мы с Менно, старательно делал вид, что знать не знает о нашем существовании.

ГЛАВА 4

Получилось...

Странно.

Конверт из серой бумаги. Записка. Экипаж, который ждал меня на площади.

И поездка к побережью. Я слушала, как цокают копыта по мостовой, стараясь не думать, чем эта поездка для меня обернется. Я уже перестала верить в хорошее, тем паче что прежде Корн не изъявлял желания пообщаться.

Песчаная коса. И лошадь фыркает, а экипаж останавливается. Мне подают руку, старательно отводя взгляд, в котором видится жадное любопытство. А я ступаю на влажный теплый песок. Здесь пахнет морем и водорослями, которые прилив оставляет на веренице темных камней. Сейчас эти камни прятались под водой, и море выглядело притворно-беззаботным.

Я знала, что местные берега опасны.

Что таких вот камней в них скрываются сотни. Одни безобидные, другие... ждали. Некогда они собирали изрядную дань кораблей и человеческих душ, а темный замок, обожженный солнцем, хранил немало тайн.

В замке я не бывала никогда.

И не собираюсь заглядывать, тревожить покой тех, кто и без того многое сделал для моей семьи. Я умею быть благодарной и... надеюсь, что это поймут.

— Здесь спокойно, — Корн прибыл верхом. Он отпустил жеребца, и тот, некрасивый, коренастый и лохматый, совершенно неподходящий для благородного эйта, спокойно подошел к воде. Тронул ее копытом, фыркнул... — Люблю это место.

Море уходило вдаль и словно бы вниз, хотя я знала, что подобное невозможно.

Оптическая иллюзия, да...

И солнце, которое замерло огненной точкой, будто кто-то оставил на синем холсте желтую каплю. Ни облачка, ни тучи. Значит, стоит ждать шторма. Он всегда приходит на смену тихим дням.

— Красиво, — согласилась я, склонив голову.

Мой старший брат... а он давно уже разменял пятый десяток, выглядел именно так, как подобает эйту. И рыжие волосы, которые Корн собирал в длинный хвост, нисколько не портили образа.

Черты лица резковаты.

И ничего-то похожего... разве что взгляд знакомый весьма. Менно тоже вот так смотрит на новых покупателей, не способный решить, можно ли верить им на слово или надежнее будет просить деньги вперед... и вот этот нос острый, словно клюв. У меня такой же. А веснушки... разве у эйтов бывают веснушки?

— Мне жаль, что мы не познакомились раньше, — Корн снял перчатку и протянул руку. Мою он осторожно пожал, будто опасаясь причинить боль. — Так уж получилось... когда-то я был моложе, злее...

— И вам не нравилось...

Море с шелестом пробиралось по песку, вязло и отступало, оставляя влажные бурые пятна.

Корн склонил голову.

— Мне случилось быть знакомым с вашей матушкой. Вы на нее не похожи. Зато весьма похожи на мою бабу... то есть нашу бабу. Когда-нибудь я покажу вам родовой портрет.

— Зачем?

Я больше не испытывала страха, равно как и смущения. Не убьет же он меня, в конце-то концов... разве что с острова выставит, чтобы не доставляла проблем.

— Потому что ты имеешь право, — он наклонился и поднял кривоватую ракушку. — К сожалению, понимание некоторых вещей приходит тогда, когда изменить что-либо не представляется возможным. В свое время я выступил категорически против брака отца с... булочницей.

Ракушка легла мне в ладонь.

Странный подарок. Или не подарок вовсе?

— Мне казалось, что это деяние бросает тень не только на отца, но и на весь наш род... как же... репутация, которая складывалась веками, вдруг рухнет.

Я кивнула.

Репутация — дело такое. Хрупкое. С нею надо осторожно.

— Правда, теперь я понимаю, что репутация, которую способна обрушить подобная мелочь, ничего не стоит.

Ракушка была мокрой и облепленной песком.

— Наш род... — мне предложили руку, и я ее приняла. — Когда-то здесь жили лишь птицы... и те люди, которым нужен был маленький каменистый остров, до которого сложно добраться. Эти люди промышляли на торговых путях, а еще не брезговали дарами моря... позже возникла крепость. Не всем были по нраву некоторые наши привычки. Время от времени Эсберг пытались захватить, но...

— Не вышло?

Корн кивнул.

— Я рассказываю тебе, чтобы ты понимала. Эйты любят рассказывать истории о величии предков, о силе рода, но правда в том, что эти рассказы имеют мало общего с реальностью. Линас Краснобородый, с которого начались Ильдисы, некогда был славен буйным нравом. Он грабил корабли, водил хирд и возвращался с добычей, как и многие иные... ему повезло родиться с крупницей силы и не потерять ее, но приумножить. Как повезло и нашему предку. Это уже после, когда люди осознали, какой дар получили от богов, силу стали беречь, что в общем-то логично.

— Силы у меня почти нет.

— Зато есть способности, и немалые. Твои патенты принесли Ильдисам миллионы... и принесут еще больше. Поэтому он не желает тебя отпускать.

— Это я уже поняла.

Я поежилась. С моря потянуло ветром, холодным, пронизывающим до костей. Погода на побережье менялась мгновенно, и не пройдет получаса, как небо затянет тучами или же, наоборот, вернется солнце, опустится ниже, утопит скалы в волнах полуденного зноя.

— К сожалению, в данной ситуации я мало что могу изменить, — Корн нахмурился и, сняв куртку, набросил мне ее на плечи.

— А...

— Я Леонас. Мне стыдно мерзнуть на берегу.

Пусть так. А я вот от куртки отказываться не стану. Теплая и мягкая, хотя и выглядит поношенной, дешевой, но... уютно. И впервые за долгое время, пожалуй, я почти готова поверить, что все не так плохо, как оно кажется.

— Отпустить тебя, он не отпустит. Добром. Иным способом... тоже будет сложно чего-то добиться. Я не спрашиваю, о чем ты думала, подписывая это брачное соглашение вовсе без условий.

Я закуталась в куртку.

— Но нам следует решить, что делать дальше. На меня давят, требуя вернуть тебя законному мужу.

Значит, все-таки уезжать...

— Пока ты не придумала какую-нибудь глупость, скажу, что с островов тебя не выпустят без согласия мужа.

Твою ж...

— С другой стороны, если ты твердо решишь, то всегда найдутся... альтернативные пути. Что? Наш род... сохранил некоторые полезные, скажем так, знакомства... и привычки.

То есть...

Нет, вслух о таком говорить не принято.

— Местные воды на редкость неудобно патрулировать... нет, ничем действительно незаконным мы давно уже не занимаемся, но... алесский шелк или хорошее вино... или некоторые камни... лунное серебро, опять же...

Это было чересчур... откровенно для случайного знакомства.

— Вывезти одну маленькую девочку несложно. Однако этот вариант я оставил бы как самый последний, — он остановился и позволил волне коснуться ботинок. — Там, конечно, не будет твоего мужа, но хватит других мужчин. Молодая одаренная женщина — всегда искушение. А когда за этой женщиной нет никого, кто мог бы ее защитить, искушение становится практически непреодолимым. С учетом же имперских обычаев, боюсь... тебе придется куда сложнее, чем здесь.

Море добралось и до моих ног, заставляя отступить. Все же обувь моя, пусть и добротная, не способна была выдержать соприкосновения с холодной водой.

Думала ли я о том, что говорил Корн?

Думала.

И понимала, что он прав. Здесь меня защищает закон, а там... там я буду всего-навсего беглянкой, без роду и племени, без знакомств и связей... даже без силы, которая способна была бы защитить. В Империи, где женщина имела лишь одно право — радовать мужчину... нет, побег — не выход. Во всяком случае, на континент.

— И что мне делать?

— Нам, — поправил Корн. — Вариантов несколько. Первый — самый очевидный. Ты возвращаешься к мужу...

— Нет.

— Ты можешь многое выторговать. Сейчас он нуждается в тебе больше, чем ты в нем...

— Нет.

Корн кивнул, как показалось, с одобрением.

— Второй, я и отец признаем тебя. И твоего брата.

Я сглотнула.

— Само собой, избавить вас от клейма незаконнорожденности не в моих силах, однако в остальном это даст мне право вступить за тебя. Сейчас я имею слово лишь как владелец земель. У старшего брата прав куда больше...

— Развод...

— Сомневаюсь, — покачал головой Корн. — Здесь закон на его стороне.

— А то, что он...

— Не имеет значения. Именно поэтому сейчас к стандартному брачному договору делают весьма развернутые приложения, в которых и оговаривается... многое оговаривается.

Я вздохнула. В то время моя голова была забита чем угодно, только не договорами... я ведь выходила замуж по любви.

Большой такой.

А какая любовь по договору?

— Однако мы можем добиться раздельного проживания.

Море вылизывало ботинки Корна. Оно то отступало, то подбиралось, бросало волны, словно примериваясь, как ловчей затянуть упрямого человека в гостеприимные свои глубины.

— Останется ряд имущественных вопросов, но у меня есть законники, которые ими займутся...

— И ты...

— Мне было пятнадцать, когда матушки не стало. Я помню, что с отцом они не слишком ладили.

Обычный брак по договору. Ей хотелось ко двору, а отец не мог надолго оставить Эсбьерг. Впрочем, в последние годы они пришли к согласию. Матушка жила на Орхусе, занимаясь собой. Отец... выплачивал содержание и занимался мной. Когда произошел тот несчастный случай, для нас равным счетом ничего не изменилось. Понимаешь, отец был для меня... всем. И поэтому мне была ненавистна сама мысль о том, чтобы поделиться им, его любовью с кем-то еще. Это было эгоистично, но... это было.

Море коснулось одежды.

И кажется, шторм все-таки будет, но позже, потому как холод отступил, сменяясь тяжелой летней жарой.

— Я был против того, чтобы ваша мать жила в замке. Я бы вовсе отослал ее прочь. Признаюсь, я даже задумывался о... несколько нехороших вещах, но мой отец хорошо меня знал. Мы спорили... ругались... и все закончилось сделкой. Мы оба делали вид, что ее не существует... а потом и вас. Я не желал ничего слышать о другой семье, а отец мне потакал, опасаясь потерять меня. Когда же вашей матери не стало, он очень быстро сдал и... тогда я начал понимать, как много она для него значила. Да и... жизнь любит шутить. В любом случае, за мной долг, Эгле. И я хочу расплатиться с ним, поскольку в противном случае этот долг перейдет на моих детей...

Море отпрянуло, закружилось, завертелось, поднялось тонким полупрозрачным столпом. Казалось, тот уходил в самое небо, того и гляди до солнца доберется. Но нет, столп задрожал и рассыпался льдистыми брызгами.

Соленые.

Почти как слезы.

Очередное заседание состоялось той же осенью. И я сидела, разглядывая бесстрастное, кажущееся равнодушным лицо своего старшего брата, которого все еще не привыкла считать родным. Отец был слишком слаб, чтобы позволить ему покинуть остров. А вот Корн...

Его законники знали свое дело.

И дело затянулось.

На месяц.

И полгода... год... я выписала доверенность, и теперь являлась лишь тогда, когда требовалось мое присутствие, причем, и тогда я молчала, позволяя за себя говорить мастеру Кьярди. А он отличался удивительным красноречием.

Впрочем, как и законник моего супруга.

И они говорили, говорили...

Подремывали судьи.

И даже газеты устали от затянувшегося этого скандала.

В разводе мне вновь отказано. Равно как и моему дорогому надоевшему супругу в возвращении законной жены, ныне пребывающей под опекой любящих родичей.

Мне определено содержание, правда, в размере тридцати крон, что даже меньше обычной студенческой стипендии, но...

Мар потребовал мои записи.

Дневники вдруг сгорели. В домашней лаборатории произошел несчастный случай.

Мар запретил мне работу в лаборатории, заботясь исключительно о моей безопасности.

В газетах появилась статья о некоторых странных привычках древних семей, явно идущих в разрез с законом...

Мар предложил мировое соглашение.

И работу.

И... я подумывала согласиться. Я всерьез подумывала согласиться. Я ночь просидела над этим

проклятым соглашением, вчитываясь в каждую букву, давясь слезами и понимая, что другого варианта нет и не будет. Он... он купил меня за те самые ландыши и надежду на счастье.

Он... не отпустит меня.

Ни сейчас. Ни через десять лет. Ни через двадцать...

Он дал мне шанс, а если откажусь, то суды продолжатся, а пока они идут, мне остается сидеть на острове и... что?

Мешаться под ногами одного брата?

Испытывать терпение другого?

Задвинуть ящик с треклятым инструментом под кровать, взамен приобрести коклюшки и пару мотков шелковых нитей? И отправлять вывязанные салфетки Мару? Это... по меньшей мере глупо. Правда в том, что работать нормально мне не позволят. Но и согласиться, признавая поражение, я не могу.

Вот не могу — и все тут.

Пусть и упрямство это глупо... Мар теперь душу положит, чтобы мне было хорошо на этих вот заводах... лаборатория будет... условия... все, чего пожелаю, в разумных пределах, само собой. Так какого я сижу и...

Я могу выдвинуть встречные условия.

Мы поторгуюемся, а потом...

Невеселый выбор.

— Подписала? — поинтересовался утром Корн, который взял на себя труд сопровождать меня. И не скажу, что между нами вдруг возникла глубокая привязанность. Скорее... он полагал себя ответственным за мои неудачи, а я... мне нужен был кто-то, за кого можно спрятаться.

— Нет, — выглядела я, надо сказать, препогано. И зеркала в гостинице «Зеленый Эйерин» были беспощадны. Тощая. Не складная. В платье дорогом, но при этом сидящем криво, будто взятом в долг у более состоятельной подруги. Волосы и те поблекли, а веснушек, напротив, стало больше, отчего лицо мое казалось рыжим.

— Молодец.

Корн подал руку.

— Почему?

— Потому что, если он предлагает мир, то тоже устал от войны.

Логично. Но устала и я... я не хочу больше воевать. Не хочу рассказывать судье в сто двадцатый раз историю нелепой моей жизни, не хочу отвечать на вопросы законников, в каждом выискивая подвох...

Выполняла ли я супружеские обязанности должным образом?

И не могло ли получиться так, что недостаточное мое старание вынудило супруга искать...

Была ли я внимательна.

Проявляла ли я интерес к делам новой моей семьи и хозяйству?

И не сама ли во всем виновата?

Виновата.

В наивности и в глупости, а еще в надежде, что с людьми можно договориться.

— Все будет хорошо, — Корн потянул меня за прядку волос. — Просто... помни, что если долго сидеть на берегу моря, оно сделает тебе подарок.

— Я... не уверена.

Мне хотелось плакать.

За прошедший год я сильно похудела, обзавелась бессонницей, с которой не справлялись и темные травяные капли, и дурной привычкой плакать по любому мало-мальски значимому поводу.

Я шмыгнула носом.

И стиснула в руке платок. Не буду... вот не буду и все...

— Он не даст мне работать. — Я не отстранилась, когда Корн меня обнял. От брата пахло дорогой туалетной водой, но еще и морем. Запах этот, бывший частью его, успокаивал. — А я не хочу... остаток жизни... с коклюшками... я не хочу...

— Не хочешь? Не надо.

Корн осторожно провел рукой по волосам.

— Всегда найдется... альтернативный вариант. Если нельзя работать законно, то стоит найти тех, кому работа важнее закона. В конце концов, ты нашего рода, а Леонасы всегда дер жались своих интересов.

ГЛАВА 5

Некогда прекрасная Эйра, охотясь на морских кобылиц, так увлеклась погоней, что не заметила, как с шеи ее белоснежной соскользнуло драгоценное ожерелье из зеленых камней. Рухнуло оно с небесной высоты в море и разбилось, рассыпалось полусотней островов, которые позже и стали землей Эйерин.

Поговаривают, что и сам король не знает всех земель.

Ложь, конечно. Впрочем, островов и вправду было много, а стало быть, хватало места и эйтам, и людям обыкновенным, и вольным сала, которые упрямо держались за древние права и привилегии, предпочитая, как сотни лет назад, кормиться морем, но не идти под руку закона.

Ольс был невелик, за день на лодке обогнуть можно. Он прятался в скалах, что поднимались и с севера, и с юга, и с запада, что характерно, тоже. На востоке же имелся узкий проход, по которому могла пройти плоскодонка, да и та в удачные дни, а они зимой приключались не так уж часто.

Раз в пару месяцев к Ольсу подходил цеппелин, и тогда местные сбегались посмотреть, как он, тяжелый, грузный, ворочается, норовя пристать к замковой башне, единственном строении, которое худо-бедно можно было использовать для стыковки.

С цеппелина спускали ящики с заказанным товаром, а наверх поднимали другие... тоже с товаром.

Корзины с живыми ракушками.

Белоснежные рыбины, которые разводились здесь же, в укрытых меж скал сетях.

Резные шкатулки. И серьги. И мешки пуговиц из кости морского змея... на самом деле камень, но на большой земле предпочитали говорить о кости, хотя никаких змеев в море давным-давно не водилось. Не важно. Главное, что седовласый Терес сам строго следил за отгрузкой, а после долго и смачно ругался с таким же седым погонщиком...

Своя жизнь.

Тишина.

Покой.

Лавка, которая по бумагам принадлежала почтенной нейте Хордик. В лавке заправляла хмурая толстая женщина, рано овдовевшая, а потому обиженная на весь мир. Она и трое ее сыновей добывали тот самый белый, слегка пористый камень, который после небольшой обработки становился похож на кость. Они же резали из камня фигурки животных, порой удивительных, порой уродливых, но одинаково нежизнеспособных.

Они делали широкие браслеты.

И пуговицы.

Пуговицы ссыпались в кривобокие глиняные горшки, — их лепили на заднем дворе, — туда же отправлялась прочая мелочь, вроде костяных цветочков и крохотных, с ноготь мизинца, ракушек.

В столице ими расшивали одежду.

Ко мне нейта Хордик относилась с тем снисхождением, которое люди проявляют в отношении иных, представляющихся им душевнобольными.

Какая нормальная женщина бросит своего мужа?

Откажется рожать детей?

Будет сидеть в углу лавки, ковыряясь в амулетах...

Корн не обманул.

То заседание было... гораздо более тяжелым, чем мне представлялось. Поняв, что мировую я не подписала, Мар пришел в ярость. А я... я вдруг узнала, каким ничтожеством являюсь.

Его матушка, комкая кружевной платочек, долго и пространно говорила о любви сына к неподходящей девушке. О том, каким унижениям подверглась их семья... о моей не благодарности... о... порочности натуры.

Она говорила и говорила.

И как-то так, что я сама начала чувствовать себя виноватой.

Потом говорила его сестра... и друзья... и...

В какой-то момент я поняла, что еще немного — и не выдержу, что...

А Мар привел какого-то целителя, несомненно, уважаемого, возможно даже, действительно хорошего. Но тот заговорил о моем душевном здоровье.

— Мы имеем явный пример излишней женской мнительности, происходящей естественным образом из особенностей женской психики, — целитель был в очках и при окладистой бороде, возлежавшей поверх темно-зеленого костюма. Он держал в одной руке трость, а в другой — узкую черную книгу. — Женский разум слишком слаб, чтобы самостоятельно справляться с нагрузкой, которой, несомненно, представляется нам учеба в заведении столь достойном...

Его голос убаюкивал.

Очаровывал.

— Это вполне естественно, что она не справилась с подобной нагрузкой. В таких ситуациях организм защищается. Женщины становятся истеричны...

— Он что, — я очнулась из полудремы. — Он пытается вы ставить меня сумасшедшей?

— Боюсь, что так, — Корн нахмурился. — Ты хочешь это слушать?

— Нет, но...

Как мне доказать, что я нормальна?

Или...

— Оставь это мне.

— Несчастной нужна помощь, — взгляд целителя задержался на мне. — Ей требуется покой и лечение...

Где-нибудь в маленьком частном и закрытом от внешнего мира заведении, о которых, если и заговаривали, то шепотом.

А мне-то казалось, что хуже быть не может.

Оказывается, что может...

Корн осторожно сжал мои пальцы.

— Последствия могут быть воистину ужасны... женщины, которые слишком много времени проводят за книгами...

— Учатся думать, — перебил свидетеля Корн. — А еще мы выражаем протест...

Он запнулся и нашел взглядом законника, который тотчас вскочил, поддерживая протест, а заодно уж аргументируя, почему и, главное, против чего мы протестуем.

— Идем... — Корн вывел меня из зала, а уж как мы оказались в экипаже, я и вовсе не помню. Именно тогда, кажется, я испугалась, до дрожи в коленях, до понимания, что Мар рано или поздно, но доберется до меня и тогда...

Он не простит.

— Тише, — Корн обнял меня, сдавил так крепко, что дышать стало тяжело, зато я перестала вырываться. — Тише... все будет хорошо... все обязательно наладится. Они просто тебя пугают.

— А если...

— Решением суда ты находишься на моем попечении, — Корн поцеловал меня в макушку, — стало быть, они могут приводить хоть сотню целителей, но пока я не дам разрешения, ни один из них к тебе не приблизится. Однако в одном эта сволочь права...

— Сволочь?

— Как есть сволочь... признанный специалист по решению деликатных проблем. У многих имеются неудобные родственники, а он помогает сделать так, чтобы эти родственники не мешали.

Я сглотнула.

— Не думай о нем. Ему объяснят, что в некоторые семьи лезть не стоит. А вот уехать тебе надо. Этот развод слишком тяжело тебе дается.

— А...

— Оформим доверенность. Без тебя это дело затянется.

— И... куда? — я сумела взять себя в руки и даже не расплакалась.

— Есть у меня один знакомый... из последних действительно вольных сала.

Я напишу ему письмо... только там... совсем не столица.

Ольс — и вправду не столица.

Камень.

И зелень, но не травянистая — трава здесь росла разве что у самого подножия замка, столь древнего, что выглядел он естественным продолжением скалы, из которой поднимался. Кое-как отесанные глыбины смыкались, а тот самый мох, который терял яркую свою зелень разве что в летнюю жару, скрывал и стыки, и щербины, и подпалины.

Приземистая башня, прозванная новой, хотя таковой она была пару сотен лет назад. И развалины старой. Стена, которая в одном месте обрушилась на радость местным козам и мальчишкам. Темное жерло колодца, само собою, проклятого, ибо тянулся он, по мнению местных жителей, до самого дна мира.

Деревенька.

Одинаковые дома с толстыми стенами и махонькими окошками, которые света почти не пропускали, и вовсе появились данью современной моде. Старики ворчали, что из окон этих все тепло уходит, а стекла и вовсе баловство. И не могу сказать, что были они вовсе не правы. Летом стекла затягивало пылью. Осень с бесконечными дождями добавляла грязи, а зима и вовсе укрывала их плотным слоем наледи.

Говоря по правде, увидев Ольс впервые, я ужаснулась.

И испытала огромное желание попроситься домой. В конце концов, что мне здесь делать-то? Но... гордость ли проснувшаяся, или же страх вновь оказаться втянутой в судебный круговорот, или же просто полное признание собственного бессилия были тому виной, но я осталась.

Сперва в замке, где мне отвели целых две комнаты, благо хозяин замка овдовел, дети его предпочли нынешний свободный мир, а почтенная домоправительница, которой в скором времени грозило стать новой хозяйкой замка, ко мне отнеслась снисходительно.

Я была тоща.

Неприкаянна.

И дурновата, если приехала не с нарядами или там шерстью, но с ящиком какого-то железа. А блаженных боги не велели обижать.

Меня и не обижали.

Сперва я просто жила. Просыпалась. Умывалась ледяной водой. Одевалась. Как-то вдруг выяснилось, что прежние мои наряды совершенно не годятся для этого места, но почтенная Гедре принесла с дюжину платьев.

— Дочкины, — сказала она, раскладывая их на кровати. — Когда малой еще была... видишь, не зря сохранила.

Платья, пусть и выстиранные, все одно неуловимо пахли лавандой. Плотная шерсть, из которой они были сшиты, защищала от холода, а легкий плащ из рыбьих шкур спасал и от промозглых местных ветров, и от дождей.

Я подарила Гедре браслет на удачу.

Она приняла его милостиво. И по вечерам мне стали подавать теплое козье молоко с маслом и

медом. Я пила... почему-то все, происходящее вокруг, воспринималось ненастоящим, этакой игрой, в которую я вступила по воле брата.

Спустя месяц я решилась выбраться из замка.

Спустя два — отыскала место на берегу, с которого удобно было следить за лодками. Через три поинтересовалась, нет ли работы для артефактора. Не скажу, что мне поверили сразу. Все же в этом месте, будто затерявшемся в прошлом, привыкли, что место женщины — подле мужчины. И все, на что она способна, так это вести хозяйство.

Следующий год я работала.

Просто работала.

На замковой кухне, где помимо сложенного из камней очага, имелась почти новая — всего-то сотню лет разменяла — печь на кристаллах. Энергии она жрала много, а еще с завидной регулярностью выходила из строя, и тогда хозяину, единственному, кто хоть сколько-то разбирался в артефакторике, приходилось снисходить до кухни.

Он же время от времени восстанавливал стазисную установку, спасая продукты от порчи.

И обновлял защиту.

Питал силой обережные камни рыбацких лодок и связку целительских амулетов, которыми приходилось довольствоваться, поскольку сами целители отчего-то не желали задерживаться на Ольсе.

Печь я починила.

А потом изменила, перепаяв старые энергоемкие и ненадежные контуры. Потом изменила еще раз, стараясь не вслушиваться в глухое ворчание Гедре, которая к новшествам относилась с немалым подозрением. Впрочем, как и большинство местных.

Но печь заработала.

И камни перестала опустошать с прежней жадностью, а уж когда удалось стабилизировать пяток разных температурных режимов, благодарность кухарки достигла небывалых размеров. Виданное ли дело, чтоб хлеб да жаркое без пригляду доходили...

Следом занялась стазисной установкой.

И светильниками, которые работали еле-еле, а в грозовые ночи и вовсе гасли, будто пугаясь стихии. Постепенно люди, еще недавно полагавшие меня блаженной, если не переменили полностью свое мнение, то сочли, что и блаженные могут приносить пользу. А уж когда лодка молодого Нетта, разрисованная мною, — вот уж баловство, которое только старики и оценили, — уцелела, наскочив на блуждающий морской зуб, снисходительность сменилась не то чтобы уважением, скорее появилась некоторая толика доверия. А вскоре сала Терес словно бы невзначай поинтересовался, не желаю ли я, случайно, подзаработать пару монет? Дело верное, только...

Я же понимаю, что в нынешнем мире малым островам вроде Ольса выжить непросто.

Некогда его прадед держал дюжину кораблей и выходил в море за добычей. Когда попадались косатки, когда... на что иное везло, но теперь-то все иначе.

Косатки, конечно, остались, но морской зверь умен и хитер, а на людей охотиться закон не позволяет. Что остается? Ракушки собирать? Разводить нежную белую рыбу для столичных ресторанов? Оно-то, конечно, тоже неплохо, но...

Душа требует иного.

И мне передали с полдюжины стандартных заготовок, попросив сотворить что-нибудь этакое... интересненькое... что именно? А чего захочется... главное, чтоб без смертоубийства, а то за этакое уж больно королевские псы ялятся.

Признаюсь, заказ поставил меня в тупик. Одно дело чинить, и совсем другое — создавать... что? В голове было пусто, да и не только в голове. Я захватила с собой инструмент, пусть и старый, собранный мною за годы учебы, но вот расходники... ограненных кристаллов всего-то с дюжину. Лунного серебра едва ли полтора грана наберется, не говоря уже о платине или золоте. Впрочем, с золотом на острове проблем не было, стоило лишь упомянуть, как сала Терес принес шкатулку с золотым ломом. Рваные цепочки, гнутые браслеты, некоторые, подозреваю, весьма древние, но...

— Если еще чего надо, напиши, — велел он.

А я кивнула.

И вытащила из шкатулки половину медальона с отпечатком клевера... символ Эйры, стало быть, медальон женский. Кто его разрубил?

В бою ли?

Или же после, когда делили добычу и не получалось поровну? А может, прежние хозяева просто отрезали по куску золота, используя их вместо монет? Такое тоже случалось. Я провела пальцем по неровному краю... похоже на то. Слева обрезали больше, чем справа, и потому рисунок на обратной стороне непонятен, хотя явно какая-то рунная вязь.

Женский...

Почему бы и нет?

Скажем, если взять за основу стандартный целительский амулет низшего уровня, благо схему я помню, а что не помню, то в книгах найдется... и добавить внешний контур.

Стабилизировать гематитами.

Небольшое напыление из лунного серебра исключительно на вытравленные руны, что облегчит ток энергии...

К вечеру первый из амулетов был готов. Не буду лгать, что выглядел он красиво, скорее представлял собой довольно широкий браслет, украшенный гематитами и грубоватым в первом приближении узором.

— И чего он делает? — сала Терес попытался надеть браслет, но тот застрял.

— Улучшает состояние кожи и волос. — Я протянула браслет Гедре: — Попробуйте.

Она фыркнула, но... отказываться не стала.

Тот, первый браслет так и остался у нее. А я создала еще два, тоньше и легче, что позволило сэкономить не только камни, но и металл, которого осталось не так много.

За браслетами последовал мужской перстень, усиливающий потенцию. И еще дюжина... и защитный амулет средней силы. Золотые запонки с адамантитами, реагирующие на сотню ядов. Не знаю, кому они были нужны, но, озвучивая заказ, сала Терес смущался куда больше, нежели когда беседа шла о перстнях.

В этой работе не было ничего от моей прошлой.

Лаборатория?

Исследования? Рабочие журналы заменила старая тетрадь, в которой Гедре пробовала вести хозяйственные записи, да бросила это дело, ибо по собственному признанию, времени оно занимало изрядно, а толку не имело. Зачем писать то, что без всяких записей знаешь?

Амулет, усиливающий память.

И огневик, спрятанный в крохотной булавке для волос.

Щит Эйры в странном ожерелье, созданном из обрывков других цепочек и горного хрусталя, который гранила я сама. Не скажу, что получалось хорошо, но... когда других камней нет, зато есть огромная друза, покрытая пылью, поневоле научишься.

И я училась.

Я подстраивалась под местный нестабильный фон, настолько разреженный, что любой маломальски структурированный поток силы моментально рассеивало.

Я перестраивала стандартные схемы, потому что требовали они совершенно иного расхода материалов, да и не было у меня ни сапфиров, ни алмазов, а полудрагоценные камни обладали другими характеристиками, под которые требовалось подстраиваться.

Это было очень... познавательно.

Заказать нужную заготовку? В теории можно, но ждать придется несколько месяцев, а ожидание раздражает. Куда проще и быстрее выплавить ее самой, благо в сокровищнице Ольса, в той ее части, которую открыли мне, милостиво позволив брать все что нужно, хватало золотого лома.

А еще обнаружилась старенькая алхимическая печь.

Набор тиглей.

Формы.

Глина и даже молды из лунного железа, которые заросли пылью, но сохранности не утратили. И пусть схемы на них давным-давно устарели, но я же могла их переделать.

При толике старания.

Старания мне хватало, да и заняться на Ольсе, честно говоря, было больше нечем. За первый год я заработала больше тысячи крон, которым нашлось место в старом матросском сундуке. Часть я хотела потратить на материалы, но сала лишь махнул рукой, велел:

— Пиши чего надобно. И не стесняйся.

В башне, которую я обжила и приспособила под собственные нужды, сала Терес явно ощущал себя неудобно. А я...

— Если мне не для амулетов? Просто...

Оставленная тема не давала покоя. Конечно, сомневаюсь, что мне удастся создать полноценного голема в подобных условиях, но... кто мешает попробовать?

— И просто пиши... — он дернул себя за бороду и ворчливо заметил:

— А... я не думаю, что... получится достать... но если...

Все же лунного железа понадобится с полторы сотни гран по самым скромным подсчетам, и камней, пусть искусственных, но высокого уровня огранки...

Платины.

А главное, гран триста алюминия, который не так просто приобрести.

Сала Терес усмехнулся, одарив меня снисходительным взглядом.

— Ты не думай, — сказал он. — Ты пиши.

Я и написала.

А он доставил. И бросил только:

— Главное, всякими глупостями не увлекайся, а то ж за смертоубийство королевские псы крепко ярятся...

Совершить убийство я не планировала.

Я просто хотела работать.

ГЛАВА 6

Вельма устроилась на столе.

Она подвинула папки и массивное пресс-папье, сделанное из серого гранита. Повертела самописное перо, прежде чем отправить в ящик к другим таким перьям. Подняла крышку серебряной чернильницы и явно задумалась, стоит ли сунуть внутрь палец.

— Прекрати, — попросил Кирис.

Вельма лишь качнула ногой.

Донельзя изящной ногой в шелковом чулочке с идеально ровным швом. Светлая юбка задралась, демонстрируя край подвязки.

Черной.

Кружевной.

Кирис старательно не смотрел ни на ногу, ни на подвязку, чем изрядно забавлял Вельму. И она не давала себе труда скрывать, что ей смешно его провинциальное смущение.

— Ты такой милый, когда дуешься.

Вельма наклонилась и потрепала по макушке.

— Пожалуйста, прекрати, — злиться на нее не получалось.

Совершенно.

Кирис хотел. Он старательно копил в себе раздражение, благо поводов для него хватало, но оно все равно испарялось, стоило Вельме улыбнуться. Вот так легко, светло, солнечно. Она оперлась на руки и запрокинула голову, зажмурилась, подставляя лицо солнечным лучам.

— В отпуск отправлюсь на Вирдис... ты никогда не бывал на Вирдиси?

— Нет.

— Зря... хотя я тоже не бывала. Я уже купила чемодан. В конце концов, могу я позволить себе чемодан? Розовый.

— Почему розовый? — Кирис отодвинул отчет, в котором не было ни пользы, ни смысла. Кто он такой, чтобы спорить с высочайшим начальством, прямым текстом приказавшим забыть про неизвестного артефактора.

— А почему нет? Я ведь девочка или как? — Вельма пожала плечами. — Мне положено любить розовые вещи, даже если они чемоданы... и платица... я заказала себе восемь новых платьев. В мастерской. Безумные траты, если подумать...

Она вытянула руку и пошевелила тонкими пальчиками, на которых переливалось с полдюжины колец.

— Сумочка... перчатки из лайки и пальто. Тоже розовое, правда, теперь этот цвет называется «пыльная роза», и он даже не раздражает... несессер...

Вельма перечисляла вещи, которые купила или всенепременно купит, когда соберется в отпуск. Глупости, если подумать. И вздохи ее — притворство. Его величество не скупится на службу безопасности, а потому платят агентам, даже начинающим, вполне себе прилично.

Начинающей Вельма не была.

— Все равно не понимаю, — Кирис позволил раздражению проявиться, и перо вспыхнуло в руке.

— Чего не понимаешь?

— Это неправильно... и незаконно... опасно, в конце концов! Нельзя допускать распространения незаконных артефактов... а он... он...

— Приказал не лезть не в свое дело.

— Хуже.

Вельма приоткрыла глаз. Левый. И кажется, ей стало действительно любопытно.

— Сдать на экспертизу, а потом поставить наше клеймо.

— И?

— Это невозможно!

— Почему?

— Потому что, — он снова злился, уже на себя и на Вельму, что ей приходится объяснять очевидные вещи. — Если мы позволим одному, захотят и другие. А мир наводнят самоделки.

— Они его и так наводнили, — Вельма пожала плечами и все же соизволила слезть со стола. — Посмотри, на любой благородной эйте наберется дюжина-другая зачарованных булавок. И заметь, не всегда у эйты будет сертификат или тем паче разрешение. Она вообще, как правило, не способна понять ту рунную вязь, которую наносит на булавочки. Как же... бабушкин рецепт, чтобы волосы вились. Или выпрямлялись. Росли лучше. Не росли вообще. Были гуще или реже... предлагаешь штрафовать, как оно по закону положено?

Вельма сняла пару колечек.

— Вот... это чтобы кожу рук сохранить. А второе — чтобы ногти не слоились.

И поверь, клейма на них нет.

— Верю.

— Пройдись по рынку. В любой лавке ты найдешь амулеты на удачу, на любовь, на... да на что угодно. И далеко не всегда это безобидные поделки.

— Знаю.

Кирис полгода отработал на рынках и прекрасно знал, что можно там встретить. Чего стоит тот случай, когда в коробке старухи, распродававшей имущество неблагодарного жильца, однажды просто растворившегося вместе с платой за аренду, обнаружился перстень с частицей демонической силы...

— С этим борются.

— А то, — согласилась Вельма, надевая кольца. — Еще как борются. И это правильно... но, видишь, в чем штука, бывает, что попадают хорошие вещи...

Кольцо она бережно погладила.

— Очень даже хорошие вещи... и уничтожать их по меньшей мере глупо.

— Но найти автора...

— Если нужно искать, — она лукаво усмехнулась. — Думаю, Корн вполне себе в курсе, откуда игрушки.

— Тогда что мешает...

— Жизнь, Кирис, — она все же щелкнула его по носу. — Как правило, мешает именно жизнь во всем ее многообразии. Поэтому будь пайнкой, не спорь с начальством и делом займись. Что там тебе поручили?

Она потянулась к бумагам, перелистнула их и поморщилась.

— Дерьмо.

Кирис согласился, полное дерьмо. Вот... опять же, какой смысл?

— Нет... — Вельма постучала ногтем — крепким ногтем, наверняка благодаря незаконному артефакту. — Не может такого быть, чтобы только личное... Корн хоть и зануда редкая, но не настолько, чтобы служебным положением пользоваться. В общем, мой тебе совет: смотри в оба. И не полагайся только на глаза. Есть люди, которых надо... чувствовать. Ильдис из таких.

— А ты откуда...

Она вздохнула и предложила руку.

— Проводи девушку погулять, а то, чувствую, накроется мой отпуск медным тазом, раз уж Корн решил вот так влезть...

Гуляли в саду.

В городском.

Осень еще не наступила, большей частью благодаря усилиям погодных магов, рассеивавших ледяные северные ветра, но все равно ощущалась. Было что-то этакое в воздухе: то ли дым костров, которые разводили за оградой, то ли запах влажного камня, то ли острое ощущение близости моря.

— Мороженко будешь? — Вельма отпустила руку и остановилась у ближайшего разносчика. — Какое? Есть фруктовый лед. И еще с шоколадной крошкой... шоколад не люблю. А клубничное?

Мальчишка важно кивнул.

Звенели позолотой березы. И легкий ветерок гулял по парку, тревожа налившиеся цветом астры. Россыпи бархатцев укрыли некогда яркие клумбы, а краснолистный клен важно держал пурпурную листву, всем видом своим показывая, что не намерен сдаваться.

Здесь было непривычно много деревьев.

И многие росли даже не в кадках, а просто так. Говоря по правде, Кирис так до конца не освоился со всем этим... парки, фонтаны и даже пруд с рыбками, причем не съедобными, но разноцветными мелкими карпами, которых полагалось кормить хлебом.

— На, — Вельма сунула в руку ледяной брикет на палочке. — И не надо кривиться, ничего с твоим костюмом не будет.

— Он, между прочим, новый.

— Ага, из лавки готовой одежды, чуть подогнали...

— И что плохого?

— Ничего, только такие, как Мар, подобные штуки нутром чувствуют. Для них человек, который не может позволить себе личного портного, и не человек вовсе. А уж если дрожит над единственным костюмом...

Кирис мысленно вздохнул.

Этот разговор начинался не в первый раз. Да, костюм был единственным. Какой толк брать дюжину, если через полгода мода изменится и вместо двубортного пиджака все станут носить однобортные? И что тогда, наново перешивать? Да и разницы особой между индивидуальным пошивом и магазином готовой одежды Кирис не видел.

То есть видел. Одну.

В магазине было дешевле, даже с учетом подгонки костюма по фигуре. Ему даже предложили три пары брюк по цене двух. Сплошная выгода. Брюки-то изнашивались быстрее пиджака, хотя Кирис и был аккуратен.

Вельма хихикнула.

И лизнула сахарный рожок, над которым поднималась горка розового льда с цукатами.

— Ладно... повзрослеешь — поймешь.

— Я взрослый.

Вельма была старше на пять лет и порой вела себя совершенно невозможно.

— Так... вот... как бы тебе сказать... Марун — это немного личное... нет, он, конечно, еще то дерьмецо... в общем, у нашего великого и ужасного, — Вельма закатила глаза, — есть сестра. Незаконнорожденная, но признанная...

— Откуда ты...

— Если хочешь не просто выжить, а чего-то добиться, следить за начальством надо. А еще читать всякие полезные журналы, к примеру те, где печатают сводки о жизни наших благороднейших. О браках там, детях и подобное. Скидочных купонов в них, конечно, нет, но все же пользы хватает.

Вот ведь... не удержалась уколоть.

И что плохого в скидочных купонах? На прошлой неделе Кирис, к слову, дюжину банок тушеной фасоли взял за четверть цены. А тушенка с прошлого раза осталась, тогда он прихватил ящик. Теперь можно пару недель ужинами не заморачиваться.

И деньги целее.

— Так вот, эта сестра, к слову, артефактор, с лицензией, да... с неплохим опытом и немалым, как поговаривают, потенциалом взяла и неудачно вышла замуж. Настолько неудачно, что суды уже два года идут. А нашему великому дважды грозили отставкой, только он же не памятник, так просто не сдвинешь.

Она говорила обо всем этом просто, как о вещах очевидных. Кирис давно уже перестал удивляться излишней осведомленности напарницы.

Просто слушал.

Он, в конце концов, был не настолько глуп, чтобы... просто не настолько глуп.

— Личный интерес начальства — дело такое... в любой момент может стать твоим личным интересом.

— Ага... у него к тебе, по-моему, один интерес.

— А вот это, — Вельма разом посерьезнела, сбросив маску девочки стрекозы. — Не твоего ума дело. Ясно?

Кирис кивнул.

— И вообще... ешь мороженое, пока не растаяло.

Совет был дельным.

И мороженое Кирис любил. Втайне. Потому что мужчине как-то стыдно любить мороженое, то ли дело родину.

— Мар... личность крайне неоднозначная. Такой себе... идеальный образец эйта... молод, родовит, силен. И не только родовой силой. Не дурак. В аспирантуре, что бы там ни говорили, совсем дураков не держат. Ему предлагали службу, но выбрал семейное дело...

Мороженое успело-таки подтаять. И теперь приходилось ловить сливочные капли, пока те не перетекли на руку. Впрочем, слизывать с руки тоже было вкусно.

Кирис покосился на Вельму, но той, кажется, было все равно.

— В наследство от папеньки ему достались верфи, правда, не в лучшем состоянии. За пару лет он сумел вывести полу разрушенные заводы в число лучших по королевству.

А это, знаешь, требует не только денег, но и мозгов с характером. Вот отец его... честно говоря, про него только и уда лось узнать, что имя, и что подавал когда-то надежды... подавал, подавал, но так и не подал. А мать — целительница не из последних, правда, от дел отошла давно. Но умные люди говорят, что бывших не бывает, и что не все целители — это милые леди, которые только и думают, что как бы другим помочь. Эйта Ирма написала пару трактатов по редким ядам. Для широкой публики, конечно, закрыты, но наши переиздают каждый год.

Капля все-таки сорвалась, благо не на брюки.

Конечно, пятно бы вывели, но во что бы это встало? Женщинам проще, чулки постирал и все.

— Да и сам род... в далекой перспективе не так прост.

Она подхватила розовую каплю мизинцем и отправила в рот.

— Родовое владение — остров Бейвир. Слышал?

Кирис покачал головой.

— Темнота... ты когда самообразованием займешься? — Вельма щелкнула по лбу. — А фамилия? Ильдисы?

Он вновь был вынужден признать свою несостоятельность, фамилий этих... небось, несколько сотен. И всяк чем-то да известен. Голова же у Кириса лишь одна.

И далеко не безразмерна. Он, конечно, сдал «Основы геральдики», но, говоря по правде, поставили

исключительно из жалости. И еще потому как агентов с даром немного, вот и...

— Некроманты это.

— Так некромантов ведь не осталось.

Вельма закатила глаза.

— Иногда мне хочется тебя побить. Нельзя же быть на столько дремучим! Да, не осталось. Во всяком случае официально. Но кровь-то есть! И темные источники не иссякли. А их вокруг Бейвира без малого дюжина. И разной степени открытости.

Кирис нахмурился.

Нет, сами по себе темные источники особого вреда не причиняют, если, конечно, не поселиться рядом. Тогда да, будут и со здоровьем проблемы, и с психикой. Но где найти такого дурака, который рискнет поселиться рядом с...

— Именно, — кивнула Вельма. — Все-таки ты не безнадёжен. Так вот, остров фактически в кольце находится. Некогда там было святилище Джара, из истинных, между прочим. И почему было? Осталось оно, правда, жертв больше никто не приносит...

Она замолчала и тихо добавила.

— Официально. Только вот если неофициально, люди порой пропадают.

— А...

— А заявление? — ответила она на произнесенный вопрос. — И вообще, для вмешательства в дела рода нужны веские причины. Они есть?

Кирис пожал плечами и пломбир в рот отправил. Пусть и большой кусок, и холодно, и явно идет в разрез с правилами приличия, зато меньше шансов, что этот пломбир просто на землю шлепнется. Жалко же.

— То-то и оно... Марун, конечно, не некромант, но... он слишком очарователен, чтобы это было правдой. Женщины его не просто любят, они для него звезду с неба достать готовы. А это ненормально.

Кирис только и смог, что кивнуть.

Женщины...

Он никогда их не понимал. Да и вообще... что странного в обожании эйта? Молодой, красивый и при деньгах. Не жадный, если верить отчетам. Как такого не любить?

— И все-таки, — Вельма вздохнула. — Ты слишком молод для такого дела... с другой стороны, кто станет опасаться наивного дурака?

Наверное, стоило бы обидеться, но...

Налетел ветер, поднял ворох опавшей листвы, закружил красно-желтым вихрем. И Вельма тоже закружилась, засмеялась, подняв руки, будто спеша завернуться в этот еще теплый, но уже осенний ветер.

Разве можно на такую обижаться?

Да и...

Он сам посмотрит.

И решит.

В конце концов, никто пока не требует закон нарушать. На это Кирис не пойдет даже ради начальства.

И вовсе он не дурак.

И даже не наивный.

ГЛАВА 7

Два года.

Я почти поверила, что в жизни моей, каковой бы она ни была, наступила стабильность.

Я привыкла и к платьям из местного тяжелого сукна, которое расшивали защитными узорами, — странное дело, но они, почти лишенные магии, прекрасно защищали ткань и от ветра, и от соленой воды. Привыкла к острову и к замку с его обитателями, которые больше не казались мне такими уж странными. К башне своей.

И работе.

К коротким волосам, поскольку выяснилось, что длинные накапливают на удивление много остаточной энергии, а уж та способна испортить любую заготовку.

В прежней моей жизни я не работала со сверхтонкими потоками, благо финансирование позволяло не экономить на проводниках. А здесь...

Волосы впервые я обрезала на Сайман, и сала Терес счел их годной жертвой. Мы вместе стояли над костром, который разложили на древнем алтаре, и я смотрела, как пламя окрашивается зеленью, предрекая мне счастье в личной жизни.

Местным это пришлось по душе.

С ними я тоже свыклась, что с грубыми на вид рыбаками, из которых лишнего слова не вытащишь, полагаю, отчасти потому, что живы были в их памяти времена, когда выходили они не только на рыбью охоту; что с женщинами их. Те тоже не отличались разговорчивостью. Они, казалось, появлялись на свет с темною кожей и выгоревшими, почти белыми волосами. В столице, верно, это сочли бы уродливым, но здесь...

Здесь все было немного иначе.

А потом вновь появился Мар.

Едва увидев незнакомый цеппелин — тонкий, с виду хрупкий, будто из стекла отлитый, — я поняла, что прибыл он по мою душу. И отложила заготовку.

Сняла фартук.

Вытерла ветошью руки. Анатор гасить не стала, не хватало еще ради Мара испортить заготовку, на которую ушло почти семь унций алюминия.

Я провела ладонью по коротким — здесь такие и мужчины не носят — волосам и даже заглянула в зеркало, убеждаясь, что остров коснулся меня. Кожа потемнела, то ли от загара, то ли от веснушек, губы потрескались, а брови стали ярко-рыжими.

Ветер... ветра здесь дуют круглый год.

Я поднялась на башню и смотрела, как кружит чужак, пытаюсь найти точку опоры. Для местных ветров он был слишком легким, а лоцман, не знакомый с течениями, не справлялся, и цеппелин то и дело относил в сторону сизо-лиловых скал. Они были недостаточно высоки, чтобы дотянуться до гондолы, но выглядели довольно угрожающими.

Я помню.

— Ишь, — сала Терес дернул себя за бороду. — Выплясывает, чтоб ему...

Он хотел добавить пару слов покрепче, но лишь покосился на меня с упреком, будто бы я виновата, что воспитание мешает ему выругаться.

Может, и виновата.

Я не знаю.

Но вот пилоту удалось выровнять машину.

Якорные цепи упали на крышу. А я подумала, что было бы неплохо, если бы они не зацепились...

Мар спустился один.

Светлый редингот, наброшенный на костюм оттенка экры. Темно-лососевая рубашка с тонким

галстуком, в котором поблескивала алым глазом булавка. Ботинки сияют. Поскрипывают благоразумно надетые галоши. Но все равно вид у моего супруга на редкость... нелепый?

Пожалуй.

Он же, окинув меня взглядом, сказал:

— Отвратительно.

— Я тоже не слишком рада тебя видеть.

— Куда он тебя запихнул? В эту дыру... — он обвел рукой островок, который с вершины башни казался совсем уж крохотным. И да, вид не слишком впечатлял.

Скалы.

И снова скалы.

Зелень мха, которая прикрывала старые крыши. Пара пристаней и лодки, что сохли на берегу. Здесь пахло морем и еще камнем, и сыростью, и плесенью тоже, но... я, оказывается, и к запахам привыкла. Во всяком случае, они меня не раздражали, не то что тонкий изысканный аромат туалетной воды Мара.

— Где мы можем поговорить? — Мар поежился.

Да, ветра здесь... были ветра... вон цеппелин опять сносит, на сей раз к югу, который глядится обманчиво безопасным, хотя каждый ребенок на Ольсе знает, что именно там, где-то в туманах, не исчезающих даже летом, прячутся Льдистые пики. А уж они рассадили брюхо не одному цеппелину.

Ветра продували редингот.

И костюм, пусть и сделан он был из тонкой шерсти. И рубашку тоже. Мар слегка покраснел. Светлокожий, он краснел легко и этим раздражался. Вот и сейчас губы поджал.

— Здесь, — сказала я.

А сала Терес отошел к краю площадки. Забравшись на старый зубец башни, он сел, свесив ноги в бездну. Я знаю, защитное поле не позволит ему свалиться, но... все равно смотреть на это было жутковато.

Мар вон поежился.

— Наедине, — уточнил он.

— Мы в достаточной степени наедине.

— Боишься?

— Нет, — как ни странно, я и вправду не боялась. Я знала, что остров защитит меня, да и сала Терес не так уж прост, если до сих пор сохранил хотя бы эту видимость свободы. — Это тебе впору опасаться... неуравновешенной женщины.

Мар не стал отпираться, лишь руками развел: мол, на войне все средства хороши.

И я склонила голову, выражая согласие: именно, на войне.

И да, хороши.

А Ольс — это даже не средство. Это почти дом.

— Тебе здесь не надоело?

— Нет.

— И вернуться ты не хочешь? — недоверчиво уточнил Мар.

— Не хочу, — я закуталась в тончайшую с виду шаль. А вот несмотря на кажущуюся хрупкость, от ветра и холода она защищала великолепно.

Шерсть — тоже волосы.

А руны и вязать можно, просто многие в том большом мире забыли старинное это искусство.

— То есть тебе здесь нравится? — Мар нахмурился.

Он и вправду ждал... а собственно говоря, почему бы и нет? Для человека, привыкшего к иному миру, здесь было... неуютно.

Холодно.

И тоскливо.

Нечем заняться. Ни театров, ни ресторанов, ничего, помимо моря и камня.

— Вполне.

— И чем ты, с позволения сказать, здесь занимаешься?

Я пожала плечами.

— Чаек кормлю.

— Целыми днями?

— Ты не представляешь, насколько местные чайки голодны.

К слову, чистая правда. Более прожорливых тварей и представить невозможно. Вон, поднялась стая, кружит, будто примеряясь к цеппелину, который чайкам наверняка представлялся этакою преогромной рыбиной. И рады бы сожрать, да как?

Вот и орали, и, что куда хуже, гадили.

— Чаек, стало быть... — Мар помялся, явно не представляя, о чем говорить дальше. — А волосы зачем обрезала?

— От вшей спасаюсь.

Надо же, какие мы брезгливые... с трудом удержался, чтобы не отступить.

К счастью ли, к сожалению ли, но я умела читать и его маски.

— А артефакт... не помогает?

— Куда мне за твое содержание артефакты покупать? — почти и не солгала. Содержание, им выделенное, я тратила исправно, не забывая отправлять отчеты о заказанных чулках и булавках. К слову, булавки, если брать материковые, имперские, оказались сделаны из весьма качественной стали.

В общем, место им в хозяйстве находилось.

— Гм... мы ведь можем договориться.

Это он утверждает или спрашивает?

— Я готов пойти тебе навстречу. Забрать отсюда... я куплю тебе дом.

— У пруда с лебедями?

— Что? — Мар запнулся. — Если хочешь... у пруда. Или потом выкопаем.

— Лебедей тоже выкопаем?

— Эгле!

— Да я так... интересуюсь.

Чайки, устав осаждать цеппелин, опустились ниже. И теперь оглушающие их вопли доносились, казалось, со всех сторон, из-под земли, что характерно, тоже.

— Может, все-таки поговорим в другом месте?

Я покачала головой.

— Дом не мой. В гости не зову.

— А если попрошусь?

— Попробуй.

Мар создал белый шар пламени и... порыв ветра стащил его с ладони и разодрал на отдельные искры. Что поделаешь, энергетические потоки на Ольсе столь же нестабильны, как и воздушные. А уж мало-мальски серьезный всплеск приводит к возмущениям, в результате чего...

С защитой на башне мне в тот раз повезло.

Мар нахмурился. Оглянулся.

— Эй вы, милейший, не соблаговолите ли сообщить хозяину, что к нему гости.

— Не соблаговолю, — сала Терес даже не обернулся. Он вытащил из-под полы кусок черствого пирога и, отламывая куски, швырял их чайкам. — А пришлым тут не рады...

— Дикие люди... собирайся, Эгле, мы уезжаем. Это место не для тебя.

— А какое для меня?

— Ты мне нужна.

— А ты мне нет.

— Что тебе надо?!

— Развод. И шоколадку. Только чур с орехами. С орехами люблю... а тут с шоколадом как-то вот не сложилось...

— А я говорил, писать надо. Писать! — сала Терес раскрыл ладонь, в которую вцепились сразу две чайки. Они верещали и норовили ударить друг друга, а заодно и руку, рыжими клювами.

— Эгле!

— Послушай, — я поплотнее закуталась в шаль. Небо темнело, а ветер крепчал. Облако чаек и то развеялось, а стало быть, грядет буря. Местные же бури проще переживать под защитой замка. — Мне все равно, что тебе нужно... подозреваю, с твоим заказом не все ладится. Ты взялся за проект, который не тянешь...

И по тому, как исказилось лицо Мара, я поняла, что права. Что ж... может, Ольс и далек от столицы, но газеты нам доставляют исправно. Да и брат время от времени дает себе труд отписаться, хотя большей частью говорит о вещах не самых важных. Но строительство «Великого Норгри» и он не обошел стороной.

Величайшая задумка.

Цеппелин небывалых размеров, который докажет всему миру, что Эйерин по праву считается хозяином небес... кому, как не славным верфям Ильдисов доверят столь важный, одновременно и денежный проект?

Полагаю, за прошедший год Мар сполна осознал, что просто увеличить стандартный большегруз до заказанных короной размеров не выйдет. И одних патентов недостаточно.

Злорадствовала ли я? Пожалуй.

Я все-таки живая.

Радовалась? Нет. Мне... мне просто было неинтересно. Да, пожалуй, сейчас я могу выторговать куда больше, чем год тому назад, но... на развод он все равно не пойдет. А в остальном... дом побольше? Платья? Драгоценности? Сомнительное счастье появиться в свете? Некоторая иллюзия свободы при внешнем соблюдении приличий?

Не хочу.

— Мне нужна твоя помощь. Это ты хотела услышать? — процедил Мар сквозь зубы.

А когда ему надоест эта игра, меня убьют. По его ли заказу, по молчаливому ли согласию, из соображений родовой необходимости или технической безопасности. Какая разница? Я достаточно разобралась в теории математических вероятностей, чтобы просчитать свое будущее.

И еще...

Я не то чтобы не любила цеппелины. Просто... мой проект был для меня куда как интересней.

— Значит, нет? — Мар верно понял мое молчание.

— Нет, — подтвердила я.

— Мы могли бы заключить договор... соглашение к брачному. Задним числом. Это допустимо. И твой брат...

Вряд ли одобрит, поскольку любой договор можно обойти.

— Нет, — я покосилась на чаек, которые теперь сидели спокойно, лишь недобро косились друг на друга, будто подозревая в чем-то на редкость нехорошем.

Мар качнулся, переваливаясь с пятки на носок и обратно. Ветер ударил его в грудь, но разве ветер станет помехой для благородного эйта?

— Знаешь... в столице появились весьма интересные вещички... такие маленькие, симпатичные... девичьи большей частью.

Знаю.

Как не знать. Позавчера очередную партию отправили. Пяток колец, убирающих сухость кожи на руках. Пара цепочек на щиколотку — позволяют бороться с натоптышами и мозолями, а еще снимают боль, если случится примерить новую обувь. Гребни, способствующие росту волос и придающие оным блеск. Заодно и секутся волосы, которые этими гребнями расчесывают, куда как меньше.

Кольца на потенцию.

И на рост мышечной массы... последние — новинка, но сала Терес уверен, что спросом она будет пользоваться. А к ним целая шкатулка булавок от излишней потливости. Тоже, если подумать, полезное дело. Главное, что энергии для создания они требуют мало, впрочем, и служат пару месяцев от силы, после нуждаются в замене. Но булавок стараниями мужа у меня имелся изрядный запас, осталось лишь нанести на головки тонкий слой алюминия, а там и печать рунную поставить.

Да, у местной магии были свои секреты.

— И вот главное, откуда взялись — неизвестно... королевская служба безопасности обеспокоена. Самопальные артефакты, как понимаешь, до добра не доведут.

— Совершенно согласна...

Нам на курсе по технике безопасности об этом тоже говорили. Но я в своих изделиях уверена, и право на клеймо имею, другое дело, что поставить его означало нарушить очередное — уже право слово, не помню какое по счету — судебное предписание. А я чту закон.

Некоторый.

— И если выяснится... если удастся отыскать того умельца, который рискнул создавать... — Мар глядел мне в глаза. А я глядела ему. Раньше бы не выдержала, смутилась, отвернулась... куда только подевалось мое прежнее благоговение? Впрочем, куда бы ни подевалось, там ему самое место. — Его ждет масса неприятностей...

А то, знал бы он о маленьком моем проекте... не то чтобы совсем уж незаконном, просто... некоторые вещи не принято выносить за пределы закрытых лабораторий.

С другой стороны моя башня тоже закрывается. И замка целых два, другое дело, что несколько проржавевшие, зато и засов имеется.

И вообще...

— Я ведь знаю твою руку...

— Которую? — на всякий случай я вытянула обе.

— Эгле, я серьезно... я пока молчу, потому как скандал и мне без надобности, но ты заставляешь меня поступать некрасиво.

— Еще более некрасиво, чем раньше?

— Если я обращусь в службу безопасности... — он выразительно замолчал, позволяя мне додумать. Наверное, два года тому я бы испугалась. Само словосочетание — служба безопасности —

произносилось иначе, с легким придыханием и тихо, будто опасаясь, что там узнают...

Два года назад.

В бездну время. Хотя порой оно будет полезно.

— Надеюсь, у тебя есть доказательства, — руки я убрала за спину. — В противном случае я вынуждена буду отписать брату, что ты вновь... как там... пытаешься давить на меня и нарушить мое хрупкое душевное равновесие. Нехорошо...

— Думаешь, самая умная? — Мар нехорошо сощурился.

— Думаю, что шантажист из тебя хреновый, — искренне сказала я. — Если это все, то я, пожалуй, пойду... и тебе стоит вернуться.

А мне убраться, поскольку завтра, полагаю, Мар вернется, и не один.

ГЛАВА 8

Я оказалась права.

Тот же цеппелин кружил над башней, пытаясь пристроиться к швартовочному шпилью, а сала Терес вполголоса матерился. Не на меня. На криворукого пилота, не способного выполнить элементарную стыковку.

С Маром прибыли трое.

Грузный, отягощенный немалым весом и долгом, чиновник, на сером пальто которого мышинным хвостом болталась ранговая лента. Маров поверенный, человек редкой степени занудства, но в целом весьма полезный. И рыжий тип в мятом костюме.

Та самая служба безопасности?

Или всего-навсего надзор?

Тип представляться не спешил, он позевывал и ежился под порывами пронизывающего ветра, а еще крутил головой, и длинные волосы его то поднимались облаком, то опадали, закрывая глаза. Тип убирал их, но местные ветра слетелись на новую игрушку.

— Терес, засранец ты этакий, — дружелюбно сказал толстяк, вытирая пот со лба. — Чего ты творишь?

— Чего хочу, то и творю, — отозвался хозяин Ольса. — Я в своем праве.

— Только если оно не вступает в противоречие с законом.

Их пустили в замок.

И рыжий, будто очнувшись ото сна, встрепенулся, отряхнулся и вытащил из рукава золоченую бляху, от которой пахнуло силой. Все-таки служба безопасности. Та самая, королевская, от которой человеку здравомыслящему стоит держаться подальше.

— У меня есть ордер на обыск замка, — сказал он мягко, будто извиняясь и за ордер, и за бляху, и вовсе за свое здесь присутствие. — А потому, может, не будем тратить ваше и наше время. И вы сами во всем признаетесь?

Толстяк поморщился.

Мар посмотрел на меня преснисходительно: мол, я тебя, глупенькую, предупреждал. Не вняла? Сама виновата. Но если очень и очень попросишь, я тебе помогу.

— В чем? — уточнил сала Терес, которого, кажется, ни бляха, ни рыжий не впечатлили. А ведь все знают, что в СБ не берут бездарей.

Рыжий икнул, прикрыл рот ладонью и поинтересовался.

— А в чем можете?

— Вино, — сала Терес подумал и сказал: — Имперское. Белое. Легкое. Девять бочек... без королевской печати. Для собственного потребления.

— Все девять бочек? — Рыжий вновь икнул и скривился. Укачало его, что ли?

— Так ведь... чем здесь еще заняться? И красного полдюжины.

— Альежское? — толстяк потер руки. — То самое...

— То самое.

— А коньячок?

— И коньячок имеется...

— Хватит, — рявкнул Мар. — Нас интересует совсем не вино. Где лаборатория?

— Там, — сала Терес указал направление. — Прямо по коридору, а потом наверх...

Двести семьдесят восемь ступеней, причем не самых низких. Лестница извивалась змеей. Местами проход становился донельзя узким, а ступени высокими. В принципе, здесь и подъемник имелся,

но... сломался.

Старый ведь.

— Я... не думаю... что во всем этом... — толстяк остановился, переводя дух. Он вытащил платок и вытер лоб. — Есть... хоть какой-то смысл... сала Терес мой давний... знакомый.

— Вижу, — сквозь зубы процедил Мар.

А я что?

Я вообще держалась позади, ведомая исключительно любопытством. Что поделаешь, женщины слабы и излишне любопытны, впрочем, кроме любопытства они подвержены многим иным порокам. Все так говорят. И не стоит людей разочаровывать.

— Сомневаюсь... что вы там... найдете... хоть что-то...

Мар лишь фыркнул. Вот... а раньше мне казался человеком неглупым. Подъем продолжился. И закончился перед дверью, которую перечеркивали две железные полосы. Оба замка были заперты, засов задвинут, но когда такие мелочи останавливали службу безопасности.

Небрежный взмах руки, и замки слетели на раз.

И вот к чему ломать было? Попросили бы, сала Терес и открыл бы...

— Что за... — Мар все-таки добавил пару нехороших слов. А он запыхался... стало быть, пробежки забросил, да и на полигон времени не осталось. Вот и сказывается. — Что это?

— Лаборатория, — миролюбиво произнес мэтр Терес. — Как просили.

— Но она ж...

— Это еще от моего деда осталась, — он вытащил плитку жевательного табака и, отломив кусок, сунул за щеку. — Любитель был поковыряться... сотворить что-нибудь этакое. Потом, правда, в грозу пришибло, но сам виноват, окна закрывать надобно. Мы и закрыли. Окна тоже.

Здесь пахло сыростью, пылью и тленом.

Тихо ржавел древний анатор. Покрылись слоем окарины бронзовые чаши, заросла зеленью медь. И толстый слой пыли покрывал стеклянную посуду. Пыль лежала и на полу, свисала с углов клоками, прикрывая клубки проводов. Старый осциллограф, похожий на полудохлого паука, ютился в углу.

Высилась стопка лабораторных журналов, надо полагать, изрядно поеденная мышами...

Башня исправно хранила свои секреты.

— Сюда, почитай, никто и не заглядывает... лет десять уже точно, — сала Терес старательно пережевывал табак. — Оно, конечно, вроде и место, а издохнешь, пока доберешься. Сперва думал перестроить, а после... на кой ляд оно сдалось? Дом не любит, когда его без нужды беспокоят.

А это уже было предупреждением. Но разве ему вняли?

— Он над нами издевается, — Мар повернулся к сала, но взгляд его почему-то остановился на мне. — Они сговорились... моя жена и этот...

Я опустила взгляд в пол.

И стиснула подол платья, всем видом своим изображая несчастную, забитую жизнью женщину. Много усилий не потребовалось: с обрезанными волосами и кожей, на которой местные ветра оставили свой след, я выглядела в достаточной мере жалкой, чтобы рыжий отвел взгляд. А вот чиновник покачнулся, встав между мной и Маром.

И видит Эйте, движения его, еще недавно неловкие, нелепые, вдруг обрели характерную текучесть.

— Это она, — Мар злился. На себя ли, на меня, на весь этот дерьмовый мир, который не дает просто жить так, как хочется. — Она делает те цацки, а этот... вывозит и продает. Это ведь просто проверить, верно?

Я тоненько вздохнула.

И скрестила руки на груди.

— Полегче, парень, — в голосе чиновника прозвучала угроза. — Нечего тут кричать.

— Позвольте ваши руки, — рыжий теперь разглядывал меня. И в светлых его глазах — надо же, почти прозрачные, как местное небо, хотя с характерным отливом, выдающим огневика, — не было ничего. Ни раздражения. Ни желания поскорей закончить с неприятным делом. Ни ожидания...

Равнодушие?

Пожалуй.

Небу ведь глубоко наплевать на то, что происходит там, ниже. Разве что острые шпили горных пиков способны ненадолго потревожить его покой.

— Вы не обязаны, — толстяку не нравился и рыжий тоже. — Без судебного предписания.

Которое они получают ближе к вечеру. Если не получили загодя, в чем я почти не сомневалась. А потому молча протянула руки.

— Надеюсь, концентрация соблюдена? — уточнила я, глядя на темную склянку, появившуюся из внутреннего кармана пиджака. Пиджак был мят, слегка кривоват и сидел так, что плечи рыжего казались непропорционально огромными, а руки — коротковатыми. — Не хотелось бы остаться без кожи...

Толстяк засопел.

Надо бы узнать, как его зовут. Наверняка еще один старый и крайне полезный знакомый сала Терес. Рыжий продемонстрировал печать.

Разломил ее.

Пробку вытаскивал зубами, что делать, к слову, крайне не рекомендовалось. Но я промолчала. Кто я давать советы целому королевскому псу? А вот и платок. Запечатанный, как водится... и снова печать трескается при прикосновении к ней узкого перстня.

Жидкость полупрозрачна, а вот запах у нее до крайности резкий, аммиачный.

Она впитывается в платок, впрочем, рыжий довольно экономен, а может, не впервые проводит процедуру. Платок касается моей ладони.левой.

И правой.

Две влажные полосы краснеют моментально. И Мар подпрыгивает, надо полагать, от радости. А вот рыжий хмурится. В отличие от Мара он знает, что ни один реагент, оседающий на коже, не оставит такого плотного и, главное, равномерного поля.

— Сала Терес, — мой голос звучал тихо, виновато даже, — позвольте ли вы...

Он молча протянул руку. А рыжий также молча провел по ней платком.

И хмыкнул, когда след окрасился алым. Во взгляде его появилось... любопытство? Пожалуй.

— Соль, — сказала я и ресницами хлопнула, потупилась, старательно глядя не на рыжего, а на собственные туфли, тоже пострадавшие от соли, впрочем, как по странному совпадению, и прочая моя одежда. — Здесь ветра такие... соленые... к вечеру на коже прямо корка образуется. И на волосах. И на одежде...

А ионы натрия весьма неплохо вступают в реакцию Каррье.

— Гм, — произнес рыжий, с сомнением разглядывая свою бутылочку, будто прикидывая, имеет ли смысл тратить остатки реагента.

А он, к слову, недешев.

Но мне ли печалиться о чужих расходах?

Сестра великого и ужасного Корна была похожа на воробья.

Мокрого.

Слегка облезлого.

Донельза нервного. Она изо всех сил старалась казаться спокойной, но... нервозность ощущалась. Во взглядах, которыми девица одаряла супруга, в быстрых движениях пальцев, в... да во всем! А

главное, было совершенно непонятно, что Мар в ней нашел. Это же...

Недоразумение.

Мелкое.

С кожей, настолько густо усыпанной веснушками, что казалась она рыжей.

С неприлично короткими волосами и слегка оттопыренными розовыми ушками. На ней было мешковатое платье из грубой неровно выкрашенной ткани. Чересчур широкое, мягое и украшенное неожиданно замысловатой вышивкой, это платье раздражало сильнее всего.

Кто сейчас носит такие, длиной в пол?

Со шнуровкой?

С рукавами узкими до того, что, кажется, вот-вот треснут?

А еще девица точно знала, что некрасива, но почему-то знанием этим не тяготилась. То есть она нервничала, но отнюдь не по поводу внешнего вида и своего несоответствия высокому титулу супруга. И вот это вот... недоразумение, оно действительно артефактор?

Перспективный?

Да ладно...

Правда, тест Каррье она обошла.

Именно обошла.

Что бы ни было у нее на ладонях — а нельзя работать в лаборатории и не замараться — оно надежно смыто морской водой. А дело именно в воде, что бы там ни говорили. Только... не докажешь ведь.

И лабораторию, настоящую, а не ту обманку, в которую их носом ткнули, им не найти, если Кирис правильно понял это место.

Все равно обидно.

Как щенка... могли бы предупредить.

Девица, словно догадавшись о нелестных этаких мыслях, дернула плечиком и фыркнула, мол, думай, что хочешь, а я...

Додумать Кирис не успел: живот болезненно сжало.

— Прошу прощения, — он развернулся и, протиснувшись мимо толстяка, от которого за милю разило особым корпусом разведки, бросился вниз по ступеням.

Только бы...

Но нет, спазм отпустил, позволив дышать.

И что дальше? Обыск устраивать придется, Ильдис ждет помощи, вот только Кирис не уверен, что должен эту самую помощь оказывать. Могли бы, право слово, дать точные инструкции, а то тычешься, как слепой котенок.

Который того и гляди обгадится, вот весело будет. А ведь казалось, что отпустило. Три амулета стандартных извел. За них еще и отчитаться надо будет и так, чтобы правда не всплыла, ведь засмеют...

На плечо легла чья-то рука, заставив Кириса вздрогнуть.

— Не обманывайся, — тихо произнес Ильдис. — Она не такая простушка, какой кажется. Вот увидишь, мы здесь ничего не найдем...

— Тогда зачем?

Он пожал плечами.

— Интересно было... взглянуть. А еще надеялся, что ей надоело. Женщины... ты же понимаешь, до чего они непостоянны...

Ильдис держался просто.

Пожалуй, именно эта простота и подкупала.

Кирис ждал... он и сам толком не знал, чего ждать от субъекта, у которого не было причин симпатизировать какому-то там агенту, навязанному, возможно, силой. А он первым руку подал. И кривиться не стал, что одет Кирис как-то не так...

Наоборот, даже поинтересовался, кто костюм шил.

Кирис честно сказал, что понятия не имеет, потому как в лавках готовой одежды портные не имеют обыкновения представляться. Но костюм хороший.

Крепкий. И цвета немаркого. Вот прошлый Кирис по глупости светлым купил. Красиво, да, только после первого же дела выкинуть пришлось. Пятна крови и магией плохо выводятся.

Ильдис еще посмеялся, но не обидно, и сигарой угостил. А пока до острова добирались, рассказывал... всякое. Кирис тоже рассказал. Ничего такого, что было бы запрещено, но... во поддержание беседы. И вполне себе получилось контакт установить.

Заодно от бурления в животе отвлечься.

— Да, в свое время я совершил ошибку, — Ильдис вытащил серебряный портсигар и, раскрыв, протянул Кирису. — Глупость... кто застрахован от глупостей?

Никто.

Вот только, судя по докладам, глупости Ильдис совершал с завидной регулярностью, меняя одну любовницу на другую, а другую на третью. Правда, был с бабами щедр, и что еще надо?

Мысли были злыми. От боли, не иначе.

— Она обиделась... я просил прощения, — Ильдис оперся на подоконник. Это, конечно, зря. Местные строения выглядели так, будто готовы были развалиться от любого пинка. Оно, конечно, иллюзия, но... — Она решила показать характер. Если бы не вмешательство вашего начальства, все закончилось бы еще пару лет назад. Мы бы сумели договориться. А теперь что?

— Что? — послушно повторил вопрос Кирис.

И все бы хорошо, почти правильно...

Но не отпускало ощущение некоторой неправильности, легкая нотка фальши, как в той несчастной тушенке, которая слегка горчила, почти даже совсем незаметно, но в итоге Кирис третий день животом маялся, едва вылет не пропустил.

И Вельма обозвала идиотом.

Полным.

Может, права была, но ведь срок-то хороший стоял, а что банка слегка вздулась, так Кирис в иные времена и не такое ел. Разбаловался он тут... на казенных харчах.

Может, стоило послушать и попросить замену, но... гордость не позволила. Да и показалось, что полегчало... три амулета, как-никак...

В животе опять противно заурчало, но Ильдис сделал вид, что не слышит.

— Ничего хорошего. Она заперта в этой тюрьме, — он стряхнул пепел, но ветер, подхватив комок, закружил его, швырнул в лицо, правда, не попал. — Растрачивает свою жизнь... свой талант... ты видел, на кого она стала похожа?

Живот потянуло.

И кажется, рано Кирис обрадовался, что отпустило. Вот же... хорош он будет, если вдруг... он оглянулся, пытаясь вспомнить, где здесь уборная.

— Моя жена должна жить в нормальном доме. Носить нормальную одежду. Я боюсь представить, что с ней будет лет через пять! Я не хочу для Эгле такой судьбы...

— Я... — Кирис сглотнул, представив глубину своего падения, если... — Я постараюсь... поговорю с ней... извините.

Ильдис рассеянно кивнул. Кажется, мыслями он был далеко отсюда.

И когда Кирис отступил, осторожно, — что-то подсказывало, что резкие движения чреваты, —

бочком, даже не обернулся в его сторону.

Повезло.

Он успел добраться до уборной.

И даже не задержался в ней слишком уж долго, большей частью благодаря тому, что за последние три дня он потреблял лишь воду. Вот и...

А ведь остальной ящик выбросить придется. Благо, тушенки осталось едва ли на треть, но все равно жаль. Или не в тушенке дело, а в фасоли? С фасолью сложнее, она сама по себе темная, а еще в соусе этом, который не понять, кислый потому, что сам по себе такой, или потому как испортился.

Но если и фасоль...

Этак разориться можно.

Из уборной Кирис сперва выглянул. И почти не удивился, увидев сала Терес, который ловко ухватил Киписа за шкурку и в уборную запихнул.

— Мальчишка, — рыкнул он, обдав смесью запахов: острого перца, табака и камня, а еще старой крепкой крови, которая привязывалась к тем, кто изрядно ее пролил. Этот запах, как и запертая внутри тела сила, ощущались шкурой. И напрочь отбивали всякое желание сопротивляться. — Корн совсем из ума выжил, пацанье горькое отправлять?

— Я не пацанье.

Стоило бы обидеться.

В конце концов, Кирис не вчера на службу пришел. И не позавчера. Он уже два года как при конторе.

И не с конторы начинал, кто ж туда с улицы берет-то? Нет, сперва были южные рубежи с несуществующей, но вполне реальной их войной. Она началась давно и закончится еще не скоро, а может, и не закончится, но будет тянуться до самого окончания мира.

Была рекомендация.

И перевод во внутренние войска... служба охраны порядка с нудными патрулями и морем, которое отчего-то отмеченных короной не любило.

Короткие рейды и снова кровь, берега, вылизанные морем добела, но все равно меченые.

Удача.

Предложение, от которого Кирис не думал отказываться. Пара месяцев на Забытом острове, где из него, мнившего себя умелым магом, лепили и вправду мага. Практика... пара заданий... Вельма и вот. Только сала Терес это, если и видел, — а видел, стоило признать, он куда больше, чем следовало бы, — все равно всерьез Киписа не принимал.

И по лбу щелкнул.

Больно.

— Дал себя заморочить.

— Я не дал...

Лоб гудел, живот опять урчал, причем так громко, что не услышать это урчание было решительно невозможно.

— Дал, дал, — сала Терес отпустил Киписа и пиджак ему одернул, смахнул несуществующие пылинки. — Ходишь по пятам, в рот разве что не заглядываешь.

И вовсе Кирис не...

Разве что немного. Так у него задание. Следить. Ему еще отчет писать, между прочим, а как его писать, если он объект из поля зрения выпустит?

— Но не твоя вина, тут кто поопытней быть должен, а ты... щенок. Так вот, щенок, ты ищи, но не заискивайся. Делай, чего поручили, но если я тебя куда не пушу, головой о стену не бейся. Стены тут крепкие, не одну голову на них положили...

— Если я найду... следы лаборатории... я буду обязан доложить...

Второй щелчок по лбу заставил замолчать.

— Не найдешь. Ты лучше за своим придурком приглядывай, а то совсем мне девочку запугали. А ей, между прочим, еще работать... и вот что...

Он распахнул полы пиджака, пощупал ткань и скривился:

— Купил бы ты себе нормальной одежды, что ли. Я Корну отпишусь, чтоб пригляделся. Не дело это, когда агент выглядит, будто вчера пугало обобрал...

Во внутренний карман пиджака скользнул камешек.

— Носи с собой. И пойдем, отведу, Гедре подлатает. А ты больше всякую дрянь не жри.

Хотелось ответить, резко и всенепременно так, чтобы стало ясно: вовсе Кирис не юнец желторотый, а маг немалой силы. И место свое он получил не по протекции.

И службу знает. Его даже ранили... правда, скорее по собственной глупости — надо было щит ставить, — но все равно...

...он бы, может, и награду получить мог бы.

А тут...

В животе заныло, а рот наполнился тягучей слюной. И когда сала Терес взял его за шкурку, Кирис только и смог, что штаны придержать.

Без штанов воевать как-то... неприлично.

Тащили его по лестнице.

Впихнули в комнатуху, где было тесно, пыльно и пахло травами. А потом женщина со строгим взглядом матерого целителя, привыкшего к общей безалаберности и наплевательскому к себе отношению, сунула в руки склянку, велев:

— Пей.

И Кирис выпил.

Зелье было кислым, и еще горьким, и тягучим. Оно как-то долго текло по пищеводу, чтобы упасть в желудок тяжелым комом. И тот сжался, грозя избавиться от такого лекарства, но на живот легла ладонь, а женщина сказала:

— Сейчас полегчает. Вот что у вас, молодых, за привычка тащить в рот всякую гадость?

Кирис икнул.

Тепло от ладони проникало внутрь и становилось легче. Настолько легче, что получалось даже дышать. Ну и икать.

— И главное, каждый второй... это чайки и камни переварить способны, а вы, обалдуи...

Она добавила пару слов покрепче, а после протянула флягу.

— Как почувствуешь прилив дурноты, сделай глоток. Если не почувствуешь, то каждый час по глотку. И так пока не закончится. Дня два посидишь на овощных бульонах, а там потихоньку на нормальную еду переходи. Ясно?

Кирис кивнул.

С целителем спорить — оно себе дороже. Целители... помнится, в прошлый раз его просто в сон погрузили за то, что встал раньше положенного.

— Сколько амулетов извел?

— Три, — пришлось признаться, потому как врать целителям тоже не стоило.

— Напишу бумагу, что инфекция... передашь старику. Все еще занудствует?

Кирис опять кивнул.

— Правильно. Во всем порядок быть должен, — Гедре протерла пальцы тряпицей, смоченной в темном травяном растворе. — С девочкой нашей ты поаккуратней. Я ее месяц восстанавливала... а тебе, считай, повезло.

Она взялась за виски, заставив вывернуть голову. Шея и то заныла.

— Сложно заморочить человека, который думает о том, как бы не обделаться... так что, скажи спасибо.

Кирис сказал.

Богам.

И за везение это странное, и за то, что все-таки не обделался.

ГЛАВА 9

Замок все-таки обыскали, потратив на это остаток дня. А после, убравшись с острова, — сала Терес решил, что не собирается проявлять гостеприимство к людям столь оскорбительно недоверчивым, — вернулись на следующий день расширенным составом.

Пара алхимиков.

Еще один поверенный, озаботившийся захватить связку судебных решений, которую он попытался было всучить сала, но был послан по батюшке. Впрочем, это не помешало сала сформулировать протест. И его он лично передал рыжему, потребовав зарегистрировать оный согласно общему положению о вольностях и правах сала...

Пара дней и еще пара.

Все похожие один на другой, словно отражения друг друга в кривом зеркале, том самом, что висело внизу, в темном закоулке, медленно зарастая пылью. Его дурной нрав был известен всем обитателям дома, вследствие чего зеркало обходили стороной. Мало, знаете ли, удовольствия вдруг узнать, что твой нос велик, а под первым подбородком появился второй, что платье тебя полнит, а и без платья вес далек от идеального... в общем, говорю же, характер у зеркала был на редкость поганый. Уж не знаю, что оно показало Мару, но супруг от него отшатнулся, схватившись за родовой амулет. А вот рыжий перед зеркалом задержался надолго, едва ль не обнюхал, после и снять велел.

Это он, конечно, зря.

Тайные ходы в замке имелись, я сама знала с дюжину, но эта стена была обыкновенной. А весило зеркало прилично, там вон рама из холодного железа с литьем, полагаю, не просто так ставленая.

Но стену рыжий простучал.

И обратную сторону зеркала осмотрел, вооружившись огромной лупой с розовым стеклом. Мне даже стало любопытно, что он такого заметил.

— Проклято, — рыжий покосился на меня, будто полагал виноватым.

— Это не я.

— Давно уже...

— Тещенька моя, небось, — сплюнул сала Терес, — та еще ведьма была, упокойте боги ее душу. Она его приволокла. Все зудела, что только в нем правда и видна...

— Правда? — Мар вцепился в мою руку и подтолкнул к зеркалу, — ну-ка...

Правду я уже видела, а потому не испугалась, увидев блеклое недоразумение с испуганным взглядом. Отражение мое было пыльным, каким-то неуверенным, будто зеркало само не способно было решить, стоит ли тратить на него силы.

— Что ты себе позволяешь, сопляк? — рев сала Терес заставил замок содрогнуться. — Вон пошел... с моего острова.

— Вы права не имеете, — Мар вздернул подбородок, а рыжий убрал лупу во внутренний карман. Жаль. Я бы не отказалась разглядеть ее поближе. Почему стекло розовое?

Цвет — это банальное колорирование стекла?

Или дело во внешнем эффекте наложенных на лупу чар? А если так, то каким образом они умудрились воздействовать на глубоко нейтральное вещество? Или... конечно, логичнее предположить, что стекло — вовсе не стекло, но минерал, тот же кварц...

Темный и плотный.

Или же... алмаз? фантазийный алмаз с высокой степенью сродства к энергетическим потоком. Но алмазы в принципе удобны в работе именно в силу этой самой высокой степени сродства. Конечно, получается, что исходный камень для подобной линзы должен быть огромным. Но если предположить, что камень искусственного происхождения...

Тип решетки один, и еще во времена моей учебы среди наших ходили упорные слухи, что в Гарваальде давно уже усовершенствовали печи Крейца. Неужели, правда? Печи я видела, и даже сама проводила первичный синтез, отслеживая стабильность потоков, правда, получить удалось

только алмазную пыль, а энергии на это ушло... но это ведь учебная печь, пусть и вполне себе рабочая.

Можно предположить, что где-то есть и другие, более совершенные.

Способные создавать алмазы, в том числе и розовые...

Как они это делают?

Для синих достаточно добавить алюминий, коричневые требуют железа, а зеленые — хрома... вот только истинно розовые, сколь помню лекции профессора Лённрота отличаются лишь внутренней структурой. А потому получить искусственно их...

Невозможно.

Или не невозможно?

Я посмотрела на рыжего с немалым интересом.

Вот если бы...

Нет, красть что-либо у человека, состоящего на службе, нехорошо. Более того, неразумно, а я уже достаточно совершила неразумных поступков, чтобы стать осмотрительной. Если я попрошу... всего-навсего попрошу...

Сала Терес что-то выговаривал.

Мар не оправдывался — он ненавидел оправдываться и поэтому априори не признавал себя виноватым, — но держался нарочито отстраненно, всем видом своим показывая, что к сала и людям его, и ко всему происходящему отношения не имеет. А вот рыжий наблюдал за этой парой слегка склонив голову. Интересно, что еще у него в карманах прячется...

— Вон! — рявкнул сала Терес, и замок заворчал, задрожал, отзываясь на гнев хозяина. Стало быть, и вправду старика допекли. — Чтоб ноги твоей на моей земле не было!

— Полагаю, — рыжий счел возможным вмешаться, — нам всем стоит просто поговорить.

— Поговорить? — в голосе сала Терес слышался грохот камней. — Когда вы унизили мою гостью? Меня, как хозяина? Когда перерыли все здесь, будто я в чем-то виновен, когда...

Рыжий поднял руки и белое пламя окутало его ладони.

— Прошу прощения, — сказал он тихо, — это дело получилось несколько более... беспокойным, нежели я предполагал. Эйт Ильдис немедленно покинет ваш дом...

— Но... — Мар не был согласен с подобной постановкой вопроса.

— Подождет. А мы побеседуем с эйтой Эгле... и возможно, достигнем компромисса.

Мар убрался.

Молча.

Он был зол, и я кожей ощущала его готовность вспыхнуть.

Удержался. Но я не сомневалась: он запомнит и не простит. Пугало ли это меня? Нисколько. Я привыкла к этому месту, к камню и холоду, к морю и скалам, к ощущению покоя и безопасности. Я... пожалуй, я могла бы назвать Ольс домом. И в тот момент действительно была готова остаться здесь до конца дней своих.

— Эйта...

— Нейта, — поправила я рыжего.

— Согласно Уложению о браке вы приняли титул супруга, — пояснил рыжий, а я подумала, что столько времени прошло, но он так и не соизволил представиться. Быть может, сала Терес и знал его имя, точнее, наверняка он знал.

Как и другие.

Я же...

К чему тратить внимание на женщину?

— Надеюсь, суд в скором времени исправит это... недоразумение, — у меня хватило сил смотреть в глаза. Светлые. Прозрачные... а если действительно заказать партию искусственных алмазов? Не фэнтезийных, но самых обыкновенных. Использовать их вместо природных кристаллов. Камни брать мелкие, на четверть карата. В таком размере дефекты решетки маловероятны, следовательно, настроить потоки будет куда как легче...

Сала Терес держался за моей спиной таким молчаливым гарантом безопасности. Сомневаюсь, что он не доверял рыжему, все же королевские псы были известны своей репутацией. Безжалостны. Напрочь лишены сочувствия. Однако при всем том болезненно справедливы. А я... я не делала ничего дурного.

Я просто пыталась жить.

Как умела.

Нам подали чай.

Северная гостиная. Окна здесь — пластинки цветного стекла в свинцовой оправе, правда, поверх свинца нанесен тончайший рунный узор, что позволяет выдержать им таранные удары ветра. Из местных окон не тянет. А еще они не покрываются льдом и сохраняют удивительную для стекла прозрачность. Если приглядеться, можно увидеть, как по ту сторону вытянулось розоватое небо, в котором уже проступили первые крупные звезды.

— Думаю, — рыжий первым заговорил. Он взял на ладонь чашку чая, но благоразумно не стал пробовать. И правильно. Местные весьма неплохо разбирались в травах. — Вся эта ситуация изрядно вас утомила.

Я наклонила голову, демонстрируя всяческую готовность слушать.

Утомила.

Верно подмечено.

В гостиной сумрачно. И пусть горят свечи — на Ольсе не используют силу там, где можно обойтись без нее, — но совокупного света их недостаточно, чтобы отпугнуть приближающуюся тьму. А еще я остро ощущала близость бури.

— И что вы можете предложить? — чай слегка горчил.

И не совсем, чтобы чай. Гедре совершенно искренне не понимала, к чему тратить золото на какую-то траву, когда на Ольсе собственных трав изрядно.

Зверобой.

Мята или Melissa? Или и то, и другое? Кажется, черничные веточки и ягоды шиповника. Толика медового аромата, стало быть, без таволги не обошлось.

— Перемирие... вы показались мне разумным человеком.

Вот как-то не нравится мне подобное начало. Я коснулась полированного подлокотника, на котором проступили белесые пятна морской соли.

Ее здесь и вправду хватает. Иногда эта вездесущность изрядно портит жизнь, но сейчас я вынуждена была признать, что в соли есть своя польза. И немалая.

— Я разумный человек, — согласилась я, хотя и не сразу. — И потому я прекрасно осознаю, что меня ждет, если я поддамся.

— И что же?

— Положение откупной жены. Слишком полезной, чтобы избавиться от нее, и слишком... не такой, чтобы отнестись всерьез. Да, он даст мне дом, определит нормальное содержание. Даже, полагаю, будет закрывать глаза на любовников, если таковые появятся.

Приподнятая бровь.

А удивление у него получается отвратительно. Все-таки, как его зовут-то? И не будет ли с моей стороны вольностью спросить... хотя... мы тут о любовниках говорим, так что, думаю, именем поинтересоваться можно.

— Мне даже позволят родить ребенка, чтобы не чувствовала себя ущербной. Но и он, и я... мы всегда будем напоминанием о великой жертве, на которую пришлось пойти ради семейного дела. Нас никогда не признают равными...

— Это вас беспокоит?

Я пожала плечами.

— Не слишком.

— Тогда в чем причина вашего... упрямства?

— Быть может, в том, что я хочу, чтобы ко мне относились с уважением? Любви... любви уже не надо, спасибо, наелась, но хотя бы уважения я заслуживаю?

Молчит.

И я молчу, разглядываю чашку. Не фарфор, хотя и он найдется. В замке Ольс спрятаны немалые сокровища. С другой стороны обожженная глина — тоже неплохо. Тепла и уютна, а что еще нужно осенним вечером?

— Для него и его семьи я — всего-навсего средство. Инструмент. Капризный, как оказалось...

— Вы... понимаете, что государство в принципе не способно гарантировать счастливую семейную жизнь?

А разве я требовала у государства гарантий?

— Но оно, — я решительно посмотрела в светлые глаза, — может предоставить свободу...

— Далеко не всегда.

Молчание.

Вязкое, как овсянка, к которой и я притерпелась, а вот сала Терес каждое утро ворчит, что большей дряни он не пробовал, только все равно ест, потому что иначе Гедре обидится.

— Будем откровенны, — рыжий к чаю так и не притронулся. — Даже если вы подадите прошение в канцелярию короля... лично Его Величеству, вам откажут.

— Из-за патентов?

— В том числе. Судебный спор весьма осложнит жизнь и не только вашему мужу.

— А если... я подпишу отказ от претензий?

Рыжий развел руками. То есть этого недостаточно?

— Видите ли... дело не в патентах, но в технологии, которая позволит королевству во многом упрочить свое положение в мире. В настоящий момент политическая ситуация такова...

Что развода мне не видать.

— И мы не можем допустить, чтобы часть технологий попала, скажем, в империю... или еще куда.

Где ей быть не положено. То есть за границу меня точно не выпустят. Впрочем, что это меняет? Я уже поняла, что там легче не станет.

С другой стороны...

Я закусила губу.

Вздохнула.

— Мы... могли бы заключить соглашение... о работе...

Рыжий покачал головой.

— Боюсь... не поймите меня неправильно. Мы, безусловно, заинтересованы в новых специалистах...

Но не настолько, чтобы из-за них вступать в свару с благородным семейством.

— И мы признаем, что ваши наработки стали хорошей основой...

Что? Нарботки?

Основой?

Да я... с другой стороны, кто бы поверил, что женщина способна думать. Это же нелепо... пора бы привыкнуть, да. Женщины, они не способны ничего сами создать, а вот наработки, которые вдохновят мужчину, так уж и быть.

— Однако Его Величество не может позволить себе... вступать в дела семейные. Конфликт с Ильдисами весьма обострит отношения в свете. Вы сейчас плохо себе представляете, что такое старые семьи, — а вот здесь рыжий несколько сфальшивил.

И словно сам эту фальшь ощущая, заерзал. — Это не только и не столько сила, сколько связи. Они грызутся друг с другом за крупницы власти и влияния, но стоит тронуть кого-то одного... во всяком случае, тронуть без веской на то причины...

А я веской причиной не являюсь.

— Более того, в настоящее время король весьма благоволит к молодому Ильдису. Ему удалось почти невозможное, а это талант... талант, который должен служить на благо королевства.

И взгляд такой печальный, тоскливый даже.

Ему, наверное, подвигов хочется, а не уговаривать одну упрямую девицу вернуться к ее не менее упрямому мужу. В этом подвига нет, одно занудство. Но к совести моей взывать бессмысленно... хотя я бы все еще не отказалась от возможности поближе разглядеть волшебную лупу.

Чем больше думаю, тем меньше сомневаюсь, что в ней алмаз.

Стало быть, слухи не преувеличены.

— Сейчас Ильдис занят реорганизацией Сейманских верфей...

Контрольный пакет акций на которые принадлежит лично Его Величеству, а остальное считается государственной собственностью.

— Высока вероятность, что именно его семье... точнее, промышленному объединению под руководством эйта Ильдиса, будет доверено строительство новых портов. А это, если вы не понимаете...

Куда уж мне, убогой.

Деньги и власть.

Власть и деньги.

И еще, конечно, амбициозный план объединить все треклятые острова в одной транспортной системе. А если добавить заложенный на верфях огромный цеппелин, способный пересечь Кирнейский пролив...

В общем, ясно, государству сейчас разводы не нужны.

— Поэтому милая эйта, прошу, проявите благоразумие... — рыжий поднялся. — И помириться с мужем. Поверьте, он не самый плохой человек...

Вот только мне этого было недостаточно.

ГЛАВА 10

— В каком смысле она отказалась от встречи? — Ильдис держал в ладони бокал с коньяком. Бокал был огромным, а вот коньяка в нем плескалось на доньшке, и благородный эйт наклонял бокал то влево, то вправо, позволяя напитку добраться до края.

Будто забавлялся.

Ерунда какая. С коньяком не забавляться надо, а пить. Лучше, конечно, не коньяк. Кирис пробовал. Дрянь редкостная и воняет еще, лучше уж местная травяная настойка. Градус тот же, вкус приятней, а по мозгам бьет не хуже. Только пьют ее из махоньких стопок и залпом, занюхивая горечь хлебной коркой.

А не по бокалам размазывают.

— Просто отказалась, — Кирис потер шею.

Чешется.

Они на этом островке неделю проторчали. И плотная ткань пиджака пропиталась солью, а потому каждое прикосновение ее к шее было... вот будто наждаком протянули. Еще и щипало. А отдать в чистку — никак, потому как служба безопасности короля должна выглядеть представительно.

Службе безопасности в одних рубашках ходить неприлично.

Кирис, небось, не эйт благородный, чтобы сразу три костюма с собой возить. Правда, у Ильдиса костюмов больше, чем три, вон, за неделю ни разу не повторился. И нынешний из тонкого сукна цвета какого-то непонятного, то ли молочного, то ли даже серого с искрой, сидел преотменно.

— И ты ей позволил? — пальцы сдавили стекло.

И показалось, хрустнет.

— Сала Терес...

— Я не понимаю, какое отношение сала Терес имеет к моей семье, — бокал отправился на прикроватный столик, к бутылке. — И почему я вообще должен слушать, что говорит этот старый маразматик...

Кирис пожал плечами.

Слушать не обязательно, но что до остального, то закон есть закон, и на своей земле Терес может делать, что ему вздумается. Почти.

— Давно пора отказаться от этих нелепых пережитков прошлого, — Мар поднялся. — Ты цветы ей передал?

— Конечно.

Правда, не совсем эйте Ильдис. Букет, как и предыдущие, принял сала Терес, отправив сразу в окно. А ведь стоил букет немало... небось, здесь зеркальных лилий не купить. С собою вез.

Тратился.

А их просто вот в окно...

— Выкинула?

— Да.

Это было почти правдой, а еще камешек, который Кирис повесил на шею, — как-то оно надежней, что ли, — едва заметно потеплел. Может, от тела нагрелся, а может, от этого будто бы рассеянного взгляда.

— Ты передал, что я хочу оговорить условия развода?

— Да.

Не совсем, но... камень нагрелся сильнее, и врать стало куда как проще.

— И?

— Сказала, что это можно сделать с ее поверенным. Она согласна на любые, — последнее было выдумкой, ничего эта кого девица не говорила, она в последние встречи вовсе была молчалива, странно задумчива, а если и поглядывала на Кириса, то с совершенно непонятным интересом.

То есть он бы выяснил, но...

После того разговора ему велели не приближаться. И главное, попросили так, тихо, вежливо, спокойно, что Кирис впечатлялся. Нет, не испугался. Просто понял, что и вправду... не стоит. В конце концов, приказа устраивать чью-то личную жизнь у него не было.

— Умная стала... — Ильдис опустил в кресло и прикрыл глаза. — А ведь пара дней... и я изменил бы нашу жизнь.

— Ага, — Кирис все-таки почесался.

— Что ж... не вижу смысла и дальше оставаться в этой дыре.

И вовсе не такая уж дыра. Между прочим, тут почти двадцать тысяч человек населения, и пара фабрик имеется, правда, не из тех, о которых стоит говорить вслух, потому что даже Кирис не знал, что именно там производят.

Не важно.

Главное, хорошее место. И недорогое. Почти.

За гостиницу заплатил эйт Ильдис, а Кирис отказываться не стал, потому как выданных ему денег на такую роскошь — в номере целых три комнаты и собственная ванная имелась с горячей водой — не хватило бы. А на ресторан тем более.

— Мне жаль, — вполне искренне произнес Кирис, засовывая руку за шиворот. — Действительно жаль... женщины порой странные.

— Твоя правда, — Ильдис широко улыбнулся. — Безусловно прав, друг мой... а потому мужчинам стоит держаться вместе. Надеюсь, друг мой...

Наверное, Кирис должен был чувствовать себя польщенным. Но шея противно чесалось, да и... камешек куда не делся. Прилип к коже и жегся, жегся...

— Ты не откажешь, если вдруг мне... или моим знакомым... у меня много полезных знакомых, которые способны подействовать карьере хорошего человека... так вот, если нам вдруг понадобится частная консультация знающего человека, — голос Мара стал низким, вкрадчивым. — Естественно, за достойное вознаграждение...

— Я...

Он все же поскреб грудь, а заодно отметил, что ему все-таки льстит. То есть ощущение было странным, с одной стороны, его просто-таки распирало от гордости и желания доказать, что он будет полезен такому замечательному человеку, как эйт Ильдис, а с другой... он прекрасно осознавал, насколько нелепо это чувство.

— Само собой, — Ильдис мягко улыбнулся. — Если твоя клятва позволит... а она позволит. Поверь. Я умею ценить достойных людей.

Несмотря на боль, сделавшуюся почти невыносимой, — этак в нем и дыру прожгут, но надо будет попросить у сала еще пару камней, на всякий случай, чувствуется, с Ильдисом ему так просто не расстаться, — Кирис нашел в себе силы улыбнуться.

И очень надеялся, что выглядит в достаточной мере счастливым идиотом, чтобы ему поверили.

Ведь зачем то его сюда отправили.

И надо будет отписать сала, чтоб приглядывал за этой... пичугой... цветы цветами, но что-то подсказывало, что одними цветами фантазия эйта не ограничится.

А стало быть...

Все далеко не так просто, как ему представлялось.

Руку Кирис все-таки пожал.

И весь вечер смеялся над чужими шутками. Благо усилий прикладывать не пришлось, эйт Ильдис — просто Мар, какие формальности между друзьями — был удивительным собеседником. Настолько

удивительным, что Кирис даже близко не представлял, как это отразить в докладе.

Они убрались.

Не сразу, но убрались... говоря по правде, я до последнего не верила, что нас оставят в покое. Если Мар так нужен конунгу, то что стоит приказать мне вернуться.

— Не дрожи, девонька, — сала Терес был спокоен, как нынешнее море. — У твоей семьи тоже есть голос... и свой интерес. Силой тебя не заставят, а вот остальное... тут уж сама гляди.

Я и глядела.

И отправила обратно букет белоснежных ландышей. Букет до того очаровательный, что становилось не по себе от желания прикоснуться к нему. Пожалуй, именно это невероятное очарование, а еще поплывший взгляд служанки, что замерла, уставившись на цветы, заставили меня заподозрить неладное.

Рыжий притворился, будто не понимает, в чем дело.

Сала Терес обозвал Мара засранцем и следующий подарок самолично швырнул в пропасть, не распаковывая...

Были духи.

И ожерелье с крупными сапфирами, пожалуй, достойное эйты самых благородных кровей.

Мой набор инструментов.

Пропасть приняла все. Инструментов было немного жаль. Но я успокаивала себя, представляя, как бесится Мар, которому запретили покидать цеппелин. Что сделаешь, на своей земле сала Терес вправе отказывать нежеланным гостям.

В общем, они все-таки убрались перед самым Изломом. И замок вздохнул с немалым облегчением, а сала Терес, закрутив седой ус, произнес:

— Не думай, девонька, что они отцепились. Такие засранцы просто не уходят.

— И что теперь?

— А ничего... поставят своих людей на «Большое крыло», возьмут за жабры перекупщиков...

— И...

Сала Терес фыркнул и произнес очевидное:

— Цены вырастут.

Излом прошел обыденно. Я вместе с Гедре и прочими женщинами замка, которых по старому обычаю собрали всех, даже годовалую правнучку стряпухи привели, месила тесто для зимнего пирога. Слушала песни, в которых понимала слово через два, а после, когда ночь переломилась пополам, выставив на голом небе луну, зажигала свечи от яркого костра.

Ела тот самый пирог, который ломали руками.

Единственное, что изменилось, так это моя лаборатория.

Замок Ольс укрыл ее от чужаков, о чем, подозреваю, рыжий догадывался, но, несмотря на все свое старание, совладать с древней силой у него не вышло.

Замок был недоволен.

И стены лаборатории потемнели. Камень стал плотнее, а потолок будто бы ниже. Стекла и те помутнели, будто норовя закрыться от того мира вовне, который был для меня опасен. Но не это главное. Я, в отличие от замка и его хозяина, понимала, что доказать мою причастность к незаконным... к условно незаконным — все же я добралась-таки до Уложений и нашла интересный пункт о необязательности постановки клейма создателем, имеющим право на клеймение, — артефактам можно не только через лабораторию.

При первичной активации остается отпечаток силы, который, конечно, развеивается через некоторое время, но... мало ли, какие еще лупы есть в запасе у королевской Службы безопасности? Подозреваю, будь у рыжего желание надавить на меня, он бы вспомнил об этой мелочи, но... То ли

желания не было, то ли времени с последней поставки прошло изрядно, рыжий смолчал. А нового шанса давать я ему не собиралась.

На острове Одъс обитали разные люди.

Нашлись и отмеченные силой, которые за малую монету предоставили мне угол в мастерской, а еще собственные руки. Всего-то и надо, что взять заготовку и повернуть в ней ключ силы. Вот над ним пришлось поработать изрядно, потому как ничего подобного прежде мне не встречалось. То ли не вставало перед артефакторами аналогичных проблем, то ли решались они иначе, однако после нескольких месяцев мучений мне удалось создать более-менее стабильную вторичную структуру, которая после выполнения единственной своей задачи просто рассыпалась.

— Хитро, — оценил сала Терес, покрутивши узенький браслетик, который выглядел обыкновенным браслетом, по сути им и являлся, поскольку вычерченные на внутренней стороне контуры пока были лишь узорами. — Знаю я, кого тебе подрядить...

Так и появились в моей жизни почтенная вдова и трое ее сыновей, все — одаренные, хотя и дара их едва-едва хватало, чтобы разжечь свечу.

Или заклятие.

— А у них...

У вдовы не было коронной бумаги, равно как и у сыновей ее. С другой стороны, чем меньше сила, тем короче жизнь остаточного следа, но все же...

— Не беспокойся, им есть куда податься...

Так и жили.

Вельма забралась на стул с ногами. Этой ее привычки Кирис никогда не понимал, вот разве ж удобно? Устроилась, что курица на насесте, и карандаш грызет. Взгляд задумчивый...

— Стало быть, по крови ничего?

— Ничего, — подтвердил Кирис. — И по остаточному следу тоже пусто.

Ловушки чистые.

И ему самому уже начинает казаться, что никакого такого воздействия и не было. Примерешилось. Просто... человек симпатичный. Ведь бывает же такое, что некоторые люди способны вызывать симпатию.

— Но Терес утверждает...

— Утверждает.

Вельма рассеянно кивнула.

— Ему можно верить.

— Знаешь?

— Мой наставник. Хороший человек...

С этим утверждением можно было бы и поспорить, но Кирис не стал. В последние дни Вельма была какой-то... не такой. Рассеянной. Мечтательной даже. И про отпуск свой забыла.

— Значит, старая кровь. Что? Эйты, они ведь не просто так эйты, — она все же отложила изрядно пожеванный карандаш, но лишь затем, чтобы взять другой. — Благословенные богиней, а божественное благословение, чтоб ты знал, просто так не проходит. У них много... талантов, о которых, сам понимаешь, не спешат распространяться.

Наверное, стоило бы сказать, что это все глупости и сказки, которые хорошо рассказывать у костра на берегу, когда и море замирает. А волны подбираются ближе и ближе, они ценят хороших рассказчиков.

Таких, как Миста.

Поэтому и забрали ее.

Надо же, столько лет не вспоминал, а тут вдруг выскочило. Память, она такая, только отпусти, мигом извернется змеей, вцепится в горло.

— Может, — Кирис подал руку, — прогуляемся?

— Что? А... да... устал?

— Не знаю. Просто... странно это все. Думаешь, мне еще лают предложение?

Визитная карточка Маруна Ильдиса, самого молодого в истории королевства члена Большого Королевского Совета, лежала в коробке для визиток, между клочком бумаги с запиской от старого зеленщика, приторговывавшего краденым, и скидочными купонами. Возможно, со временем в коробке — вот уж бесполезнейшая вещь, но подарок Вельмы, — появятся и другие карточки, но эта... каждый вечер Кирис зачем-то доставал белый прямоугольник, осторожно касался шелковистой бумаги, трогал уголки и испытывал преогромное желание заказать карточку и себе.

Хотя бы дюжину.

Вдруг да пригодятся? Потом идея начинала казаться нелепой, да и камень вяло нагревался, намекая, что не стоит увлекаться чужой жизнью. И отпускало.

До следующего вечера.

Наверное, стоило бы написать в докладе, Кирис даже пробовал, только... стоило перу коснуться бумаги, и он осознавал, насколько нелепой, мелочной будет казаться его жалоба. Этак и вправду параноиком прослыть можно.

Подумаешь, карточка...

Он ведь не собирается вновь с Ильдисом встречаться, если, конечно, не велят.

В парке гулял ветер.

И дождь шел. От дождя укрылись и разносчики мороженого, и продавцы сладкой ваты, и даже махонький магазинчик, где продавали сахарных петушков на палочке, пряники и карамельные трости, был закрыт. Мокли облетевшие березы. И клен лишился пурпура. Листва его легла на дорожку, чтобы смешаться с грязью.

Вельма поежилась.

Но от куртки отказалась:

— Не надо. Извини... в последнее время все идет как-то... не так.

— Нужна помощь?

— Какая?

— Любая.

— А... — она впервые за последние дни улыбнулась. — Смотри, вдруг да попрошу Корна убить...

Кирис хмыкнул.

Непростая задача, если подумать. Но невыполнимых не существует.

— Сейчас не выйдет. Здесь он настороже, но вот через пару недель, слышал, в отпуск собирается. А люди перед отпуском становятся рассеянными. И лучше на море... там легче тело спрятать. И есть у меня хороший знакомый, который к имперцам доставит, если вдруг что...

Вельма рассмеялась.

Легко, почти как раньше.

— Я и забыла, какой ты... бываешь.

— Какой?

— Серьезный.

— Это плохо? Иди под зонт, промокнешь и заболеешь.

— Кто бы говорил, — Вельма показала язык. — Лучше расскажи...

— О чем?

— Обо всем... как Терес поживает? Я думала, он погиб, но если нет... наверное, так лучше для многих. Он... выполнял особые заказы, понимаешь? И устал. Люди, я слышала, устают убивать. Но отпустить его не могли, вот и пришлось... искать выход. Знаешь, я вот думаю... мне ведь тоже не уйти. И тебе. Никому. Я когда шла на службу, хотела просто нормальной жизни. Быть одаренной сиротой лучше, чем просто сиротой, но и так... кем бы я стала? Актрисой? Мне предлагали за... неважно.

Кирис сложил зонт.

Сам он дождя не боялся, да и было пока тепло, куда как теплее, чем на том берегу, где осталась догнывать лодка. Если еще не догнала.

— Говорили, что без покровительства я все равно ничего не добьюсь. Я послала всех... и посылала раз за разом. Думаешь, я не знаю, что про меня говорят?

— Кому нос сломать?

— И ты туда же, — Вельма топнула ногой по луже, будто желая стереть собственное отражение. — Это ничего не изменит. Всем рты не закроешь... а он придумал глупость. Жениться... кто он, и кто я? Какие же вы, мужики...

Кирис благоразумно промолчал.

— Вот скажи, какая из меня благородная эйта? Да, дар есть, но того дара две капли. И пока его тянет, конечно... вас всех тянет к необычному. Но пройдет время, и он поймет, что совершил ошибку. Станет злиться. На меня злиться...

Дождь усилился.

И Кирис раскрыл зонт. Пусть Вельма и дальше предается самокопаниям, он же постарается, чтобы, копаясь, она не промокла до нитки.

Ветер улегся.

И стало тихо-тихо. Эта тишина требовала что-то сказать, но что? Кирис совершенно ничего не понимал в делах сердечных. То есть у него была подружка, с которой он время от времени встречался, но там все было просто.

Он покупал духи и чулки.

Иногда давал денег. Она не требовала большего. И вполне возможно, что друзей у нее было несколько, но Кириса это совершенно не трогало.

— Может, — он все-таки заговорил, зная наверняка, что скажет не то и не так. С женщинами вообще сложно.

— Не надо думать за него? Пусть он сам. А ты за себя.

— Бестолочь, — ласково произнесла Вельма.

Какая уж есть. Зато... дурью не мается.

— Поможешь мне платье выбрать? — тот далекий, казавшийся забытым, берег не выходил из головы. А еще одно обещание, данное много лет назад. И глупое ведь. Детские не бывают другими. Кирис про него тоже забыл, как и о многом другом. Точнее, многое другое он старательно вымарывал из памяти, а уж берег пришелся заодно.

Но раз вспомнилось, то...

— Какое?

— Розовое. С кружавчиками... на девочку лет одиннадцати. Но она худенькой была...

К счастью, Вельма не стала задавать вопросов. Но и одного не оставила.

— Осенью, — сказала она, складывая розовое, все в кружевах и оборках, платье, к которому прилагались еще перчатки, туфельки и шляпка с лентами, в коробку. — Не стоит ходить к морю в одиночестве.

И потом, уже вечером, они долго сидели на берегу, глядя, как волны примеряются к подарку.

Может, не лгала старуха Тойге, которую полагали сумасшедшей, и те, кого море забрало, на самом деле не умирают. Они живут там, в глубине, и порой возвращаются.

Например, когда кто-то держит слово.

— А по поводу Ильдиса не обольщайся, — Вельма смотрела, как волна потянула-таки коробку, осторожно, будто не способная поверить, что это ей подарок. — Он еще появится. Попросит о помощи. Какая-нибудь мелочь, может, даже ерунда сущая.

— И что мне...

— Естественно помочь. Друзья ведь должны помогать друг другу?

Море расступилось. И проглотило коробку. А еще почудилось, будто кто-то засмеялся... так близко... рядом... руку протяни. Кто-то знакомый, почти родной.

Только немножечко мертвый.

ГЛАВА 11

Просьба и вправду была мелкой.

Всего-то проверить некоего господина, урожденного имперца, желавшего устроиться под крылом рода древнего и сильного, само собой, не без выгоды для одного рода.

Господин называл себя магом.

Обещал секреты и перспективы, но...

На деле оказался обыкновенным полукровкой, не особо чистым на руку.

Многоженец.

И мошенник.

Слабого дара его хватило, чтобы воздействовать на людей простых, внушая им доверие и симпатию к человеку в общем-то ничтожному, но на большее...

В благодарность Кирис получил полторы сотни крон и пару запонок, которые честно отнес к артефакторам, хотя, видят боги, запонки были диво до чего хороши.

Артефакторы ничего не нашли.

И запонки отправились в заветную коробку, к визитке.

Еще одна просьба.

Мелочь.

И вторая... третья, четвертая... не то чтобы его беспокоили слишком часто, скорее уж не позволяли забыть о существовании эйта Ильдиса, но само это...

Нервировало.

— Все равно не понимаю. У него же своя служба есть. Неужели ему охота на эту ерунду тратиться?

— Охота, — Вельма вновь притворялась собою, прежней.

Она сидела на столе и таскала карандаши, переставляла те малые вещи, которые у Кириса были, зная, что эта перестановка будет его злить. И нарочно же делала.

— Он тебя приручает.

— Я не хочу приручаться.

— А надо, — она наклонилась и дернула за прядку. — Придется... потому что больше он никого и близко не подпустит. Только... ты аккуратней, ладно? У таких ублюдков чутье... и если что не понравится, он живо... исправит.

Вельма вздохнула.

А Кирис вытащил из коробки сигару — очередной бесполезный подарок. Не курит он. Ни трубку, ни сигарет, ни вот эти... дуры.

Тем более, поди-ка пойми, чего туда напихали. Нет, свои-то утверждали, что помимо табака, причем качества преотменнейшего, в сигарах нет, но... что-то мешало поверить.

— Скоро пригласит тебя... скажем, в ресторан. Постарается разговорить, — Вельма сигару отобрала. — Не сунь в рот всякую пакость. Или забыл?

— Не забыл, — щеки вспыхнули.

Нет, она никому не рассказала, но... и сама не забыла.

Вредная.

— А ты постарайся разговориться. Скажем, что Корн за сестрицу свою переживает... велел копать, только лично ты в этом смысла не видишь...

Допустим, тут она была совершенно права. Смысла особого в разработке Ильдиса Кирис

действительно не видел. Вот... обычный же человек. Может, не идеальный, так идеальные, они в благословенных садах Эйры Светоокой обретаются.

— Вот именно, — Вельма кивнула. — Так и держись... искренне. Не пытайся его обмануть. Ложь этот ублюдок чувствует...

Кирис пожал плечами.

Врать он... говоря по правде, так и не научился. А правда... правды не жаль.

— Бестолочь, — Вельма щелкнула его по носу.

Он поморщился.

И карандаш отнял.

Его и вправду пригласили. Дорогой ресторан. Частный кабинет. Хрусталь. Серебро. И кольца для салфеток. Устрицы.

Вино, оказавшееся редкостной кислятиной. Тихий голос Мара... разговор ни о чем, вот только в этом разговоре нет-нет да проскальзывали вопросы, до которых обыкновенному эйту дела не было...

Не должно было быть.

Кирис отвечал.

На то, что мог...

Это был хороший вечер. Один из многих.

— Ты же сам понимаешь, что других вариантов просто-напросто нет, — голос Вельмы доносился из приоткрытых дверей. — Мужчину она просто-напросто не подпустит. А если и подпустит, то не факт, что доверится... понадобится время, которого у нас нет.

Кирис не собирался подслушивать.

Его позвали. А если позволили стать свидетелем разговора...

— Кого еще? У Нервы не хватит опыта. Кейта... привыкла работать с мужчинами, женщину она скорее всего оттолкнет. Илим и Савва... работают с другими проектами. И срывать их нельзя, — она говорила мягко и тихо. — Кирис присмотрит...

— Он мальчишка.

— Моложе тебя, но совсем не мальчишка.

Наверное, стоило бы обидеться, но за эти пару лет Кирис научился управляться с обидами. Он присел на кресло, поставленное для посетителей, а потому на редкость неудобное, и тронул запонку.

Ту самую, из белого золота.

Мару нравилось видеть свои подарки.

На сей раз он прислал часы. И очередную нелепую просьбу, которую Кирис исполнит, хотя смысла в этом не будет. Вряд ли собственная служба безопасности эйта не способна проверить одну мелкую фирму, предлагавшую пеньку по сильно заниженным ценам...

А за дверью тишина.

Молчание длится и длится, и становится почти неудобным. Как тот галстук-удавка, расшитый золотом... с рабочими костюмами он смотрелся удручающе нелепо, но приходилось надевать. Наивным мальчишкам должны нравиться яркие вещи.

И массивные часы, поселившиеся в левом кармане.

— Вот поэтому у нас ничего не получится, — устало произнесла Вельма. — Ты хочешь защитить меня от всего мира... но я не твоя сестра, меня не устроит личная башня. Даже личный остров. Я... привыкла к свободе.

Женщины...

— Вельма...

Она не хотела невозможного, его неумная напарница. Всего-то попасть в маленькую частную фирму, получившую, правда, право на постанровку королевского клейма.

Их Кирис тоже проверял, еще в прошлом году, правда, редкий случай, не нашел ничего предосудительного. Стало быть, контракт на поверку все-таки подписали.

— Они на хорошем счету. Не раз работали на корону, всегда успешно, но контракт с конторой Ильдиса — крупнейший на их памяти, — Корн расхаживал по кабинету, старательно избегая смотреть на Вельму, которая сосредоточенно разглядывала собственные ногти.

Кирис чувствовал себя лишним.

— В принципе, упрекнуть их не в чем... но есть подозрение, что с этим контрактом все не так просто. Наш объект, — он кинул папку, которую Кирис поймал. — Нейта Регис. Двадцать семь лет. Одаренная. Ведущий специалист. Репутация безупречная, но... если на кого Ильдис и воздействовал бы, то на нее. Технически, она вряд ли бы решилась на прямой подлог. И точно не рискнула бы ставить клеймо на металл низкого качества, но... всегда есть варианты.

Девушка на снимке была невзрачной.

Бледненькой.

С остреньким носиком и невыразительным лицом, на котором выделялись лишь резкие, чересчур резкие скулы. Она заплетала волосы в косу. И смотрела исподлобья.

— В последние месяцы кое-что в ее поведении изменилось. Вельма попытается установить с ней контакт. А ты... — Кирис удостоился хмурого взгляда. — Присмотришь. Сыграешь поклонника...

— А...

— Марун не настолько глуп. Он знает, что обо всех ваших встречах ты докладываешь.

— Тогда в чем смысл?

Иногда Кирису начинало казаться, что вся его работа — это несерьезно, это просто часть какой-то безумной игры, правила которой ему незнакомы и непонятны.

Корн вздохнул. А Вельма ответила:

— В том, чтобы расположить тебя к себе. Он знает, что наблюдать будут в любом случае, так пусть это делает человек, настроенный дружелюбно...

Запонка хрустнула в пальцах.

Проклятье.

— Успокойся, — Корн потер глаза. — Просто... логично, если ты обратишь внимание на фирму, с управляющим которой твой подопечный обедает дважды в месяц.

И логично, если при этом зацепишься за... симпатичную девушку.

Голос все-таки дрогнул.

— Заодно проверь, как Ильдис отреагирует на твой интерес.

— Он как-то со мной не очень делится.

Корн будто не услышал.

— Регис твоего возраста. Репутация у нее отличная. Дар, опять же... нейту с даром не так просто отыскать подходящую жену. Поэтому твой интерес будет вполне понятен, а если уж не поленишься рот открыть...

— Врать он не умеет, — встряла Вельма.

— Плохо, — Корн все еще не смотрел на нее, и за это захотелось дать в морду.

И плевать, что начальник. Эйт. И вообще... с женщинами так нельзя.

Они же слабые.

Даже когда сильные.

Замок.

Берег. Мастерская. Ящик, куда скидывались что заготовки, что мешочки с резными бусинами. Запах моря и крепкого самогона, который здесь настаивали на травах, но странное дело, менее вонючим он от этого не становился.

Ольс.

И лаборатория.

Первый прототип, на который у меня ушло три года и почти весь заработок, хотя стараниями сала Терес получала я не мало. Но... алюминий.

Лунное железо.

Алмазы.

Кисти и новый инструмент — одно время я подумывала даже, реально ли извлечь из пропасти подаренный Маром. Вытяжки и травы. Справочники, которые доставлялись морем, поскольку, как и предсказывал сала Терес, воздушный путь нам перекрыли, но это сказалось лишь на ценах...

Лодки на Ольсе были у всех.

Но речь не о том.

— Думаешь, оно на что-то сгодится? — поинтересовался сала Терес, скептически разглядывая мое создание. Выглядело оно на редкость уродливо, передвигалось рывками, ко всему то и дело замирало, не способное понять, что делать дальше. — Не тратилась бы ты, девонька, попусту...

Исправить первоначальные недочеты — это еще год.

И пара инспекций, которые самим инспекторам, несомненно, казались неожиданными, но...

То, что Ольс не был привязан к большим островам, не означало, что мы вовсе не знали о происходящем вовне.

Письмо, где меня уведомляли об изменении статуса. Нет, развода я не получила, но вот моя бездетность дала Мару право взять вторую жену — древние привилегии эйтов, — а после и сделать ее первой. С тайры хватит и почетного звания младшей.

Пускай.

Письмо я сложила в папку, куда отправлялись прочие постановления, уведомления, выписки и все то, отчего я старалась держаться подальше.

Второе мое создание оказалось куда более шустрим, нежели первое.

— Гм... — сала Терес все еще был настроен скептически. — А может, лучше собачкой там или котиком? Запишем в шкурку...

— Чью? — Я наблюдала, как голем, добравшись до края ковра, остановился. Сенсорные щупальца его подрагивали, пытаясь оценить новый тип поверхности, а на передней паре ног то появлялись, то исчезали шипы. Все же стоит уменьшить размеры... металлический паук, размером с крупного пса, людей почему-то нервирует.

Да и энергии жрет немерено.

— Ну так... котика или собачки. Что? Дамочкам понравится. Помнится, дед мой сказывал, что одно время мода пошла на чучелка. То ли королева своего дохлого кошака повадилась повсюду таскать, то ли эйта из знатных, главное, что прочие подхватили. Он тогда изрядно состояние подправил. А эта цацка...

Еще два года.

И десяток инспекций. Пара писем от мужа, в которых мне вежливо намекали, что хватит уже быть такой сволочью и вообще, если я желаю хоть какого-нибудь семейного счастья, то стоит проявить благоразумие.

Несколько судебных заседаний.

Взросший спрос на амулеты, снижающие аппетит и защищающие от солнца.

В моду вошли бледность и худоба...

Третий прототип.

Четвертый.

Партия алмазов, которую я вырастила сама, хотя изначально полагала эту затею безумной. Сала Терес только крикнул и уточнил:

— Еще сможешь?

Смогу.

Только мне нужны были не белые, а розовые камни. Чистые. С деформированной решеткой, которая — исключительно в теории — позволила бы мне снизить потери энергии при передаче...

Сала Терес уверял, что купить розовые алмазы непросто, но...

У того, рыжего, камень ведь был. И значит, они существуют.

Теоретически.

А если так, то у меня есть шанс...

Он опоздал.

Он понял, что опоздал, еще там, на углу, когда пухленькая нейта Дургилис, работавшая в конторе стенографисткой, вздохнула сочувствующе.

Нейта имела мягкое сердце.

И Кириса с его любовью — хороший ведь парень, вот во времена ее, нейты Дургилис, молодости, такими не разбрасывались — жалела.

— Так... ушли они, — сказала она, прижимая ридикюль к пышной груди. Грудь украшала брошь из вяленых цветов. — Еще когда... плохо ей стало. Кровь носом пошла, вот и отпустил.

Кирис стиснул чахлый букет.

Кровь?

Кровь — это плохо. Его подопечная и так выглядела пре отвратно, а еще и кровь... но почему Вельма не связалась? Возможности не было? Ладно, записку послать, но что мешало сломать булавку, одну из дюжины, которые всегда были при ней.

— Не переживайте, — нейта Дургилис погладила ридикюль. — Уверена, она образумится. Вот в мое время женщины не позволяли себе...

Он не дослушал.

Предчувствие беды, не отпускаящее Кириса с самого утра, накатило, оглушая, парализуя. И ему понадобилось несколько мгновений, чтобы избавиться от этого липкого всеобъемлющего страха.

Бросить цветы.

Нейта Дургилис, кажется, кричала что-то в спину, но...

Он не слышал.

Он бежал, уже понимая, что слишком поздно. Почему сегодня? Обычный день, как вчера или позавчера, как... он про сто бежал, перепрыгивая через лужи. А когда не получилось, то лишь прибавил шаг. Холодная вода в ботинках.

Холод у сердца.

Шепот моря, которое всегда оставалось рядом, и теперь знало то же, что знал и Кирис: поздно. Но он все равно бежал. Зацепился, как мальчишка, за карету, продержался четверть квартала, чтобы соскочить в черную грязную лужу. Свист местного пацанья, кажется, был одобрителем.

Плевать.

Он нырнул в арку и перемахнул через низенький заборчик, походя смел сторожевые чары. Собственное пламя грозило вырваться, и пусть бы...

Он добрался до треклятого переулка.

И дом увидел издали.

Обыкновенный.

Вполне себе степенный особнячок с пухленькими колоннами, поставленными больше порядка ради, чем из нужды. Желтые стены. Подвесные корзины, в которых догнивали цветы.

Холод.

Страх.

И пустота.

За тележкой зеленщика стоит незнакомый паренек, который больше занят беседой с парой молоденьких швей — здесь, неподалеку, находились мастерские. Окна соседнего дома за дернуты плотными шторами... и отдышаться бы.

Некогда.

Кирилл взбежал по ступеням, оставляя на светлом камне мокрые следы. Он толкнул дверь, уже не сомневаясь, что та будет не заперта, хотя нейта Ригис всегда проявляла похвальную осторожность.

Она лежала в холле.

Она еще дышала. И кровь пузырилась на губах. Крови было как-то слишком уж много.

Стены.

Пол.

И потолок... так не бывает, чтобы в одном человеке столько крови. Он сделал шаг. И еще один. Вытащил из кармана целительский амулет, понимая, что толку от него не будет, разве что агонию продлит.

— Кто? — он опустился возле тела.

В темную-темную глянцевую лужу, которая окрасила прежде бесцветные волосы эйты алым. Он убрал прядь, прилипшую к ее лицу, и повторил вопрос:

— Кто...

— Он... он... о-а... — Ригис захрипела.

И кажется, захлебнулась. А в следующий момент входная дверь рухнула с оглушающим грохотом, и чей-то голос велел:

— Встал и поднял руки...

Булавку он все же успел разломить. За секунду до того, как полицейская дубинка опустилась на голову.

ГЛАВА 12

Больше пить не получалось, но Кирис пил.

Третий кабак.

Или четвертый.

Грязь. Вонь. Пьянь, которая, правда, чувствуя что-то не то, держалась в стороне.

А он с удовольствием избил бы кого...

Кости ныли.

Переломы срослись еще до суда, почки восстановились, селезенку тоже спасти удалось. Он здоров. Технически. А что пьет и не пьянеет, так... бывает.

Проклятие магов.

— Это не самое лучшее место, — Ильдис мазнул пальцем по липкому столу, но все же присел. — И компания, если хочешь знать, отвратительная.

Кирис икнул.

Надо же...

Трех дней не прошло.

— Идем, — Ильдис подал руку.

— Я...

— Полагаю, самый известный в королевстве безработный маг, — он улыбнулся широко, радостно. — С которым ни один здравомыслящий человек не рискнет связаться...

Встать все же получилось, хотя и не сразу.

Сила не слушалась, то ли выпитое сказалось, то ли еще от блокаторов не отпустило. Главное, голова кружилась, кружилась... и треклятый камень жег плечо.

Хорошо.

Огонь — это благо... благо, огонь...

Правда, сейчас та замечательная идея с засовыванием камня под кожу больше не казалось замечательной. Впрочем, не стоило обижать хорошего плохого человека.

И Кирис сполз с табурета.

— Я думаю, мы поговорим, когда ты протрезвеешь, — Ильдис подставил плечо. — И поверь, все не так плохо, как тебе кажется...

Все еще более отвратительно.

— Когда ты в последний раз ел? — Столовая залита светом, и в нем Мар почти растворяется. Этого света слишком много для больной головы. — Я понимаю, друг мой, что твое нынешнее положение таково, что...

Голос его звучит, кажется, отовсюду.

— Суд тебя оправдал, но многим это показалось... неправильным.

Перед Кирисом поставили высокую чашу с чем-то густым, тягучим и острым.

— Кроме того, сколь знаю, начато внутреннее расследование... тебя хотят посадить. И посадят, будь уверен...

— Плевать.

Горько.

И кисло.

Живот урчит, потому что и вправду ел Кирис давно. Сам уже не помнит когда. Но голода он не ощущает.

— Если ты не заручишься поддержкой.

— Твоей?

— Почему бы и нет. — Мар ест аккуратно, он сдержан во всем, как и полагается эйту.

— А взамен?

— Мне нужны умные люди. И верные. Те, кто понимает, кому они обязаны своим положением...

Кирис понимал.

Отлично понимал. И потому склонился над чашей. Поесть все же стоило. Он лишь надеялся, что сразу травить не станут. В конце концов, не для того его вытаскивали.

— Все, что потребуется...

— Я уже принес клятву, — Ки́рис позволил себе перебить будущего... хозяина? Море в голове смеялось мертвыми голосами ушедших людей. Но с морем он как-нибудь справится. С собой — сложнее. — Вторая поверх не ляжет. Даже теперь.

Говорят, в прежние времена клеймо снимали вместе с кожей, правда, оно вырастало вновь, поэтому, собственно, резать и перестали.

Повезло.

— Поверь, — улыбка Мара была вполне дружелюбной. — Я прекрасно помню, что бывших псов не бывает, но... мы что-нибудь придумаем.

Клеймо над лопаткой зачесалось.

А во рту появился характерный привкус крови.

Иногда на Ольсе появлялись гости. Большею частью люди мрачного вида, порой больные, изломанные, они были гостями сала Терес и исчезали где-то в глубинах замка, не привнося беспокойства ни в мою жизнь, ни в существование острова. Порой я встречала их, но лишь затем, чтобы поприветствовать кивком. Порой они даже оставались, и на берегу появлялся очередной дом, а следом и лодка, которую меня приглашали расписывать.

И я делала вид, что так оно и должно.

Но бывало, что гости, прибывшие с очередным цеппелином, не радовали. Вот как сейчас.

— Посмотри на себя, — Мар поднес мне букет лобелий, которые я сунула Гедре. — Ты выглядишь устрашающе. Неужели не понимаешь, к чему ведет это упрямство?

К затыку в работе.

Если механически мой голем был почти совершенен, то вот остальное... нет, вероятно, я слишком многого хочу. Над созданием искусственного разума бьются лучшие умы королевства и не только, а я... на острове... вручную... с камнями, которые вырастила сама... пытаюсь вырастить, потому как обыкновенные, зеленые и голубые алмазы получались вполне себе приличных размеров, к превеликой радости сала Терес, но вот розовые...

— Чего тебе надо? — я спрятала руки под фартук.

Судебное предписание, которым вооружился Мар, требовало уделить ему полчаса времени. А кто я, чтобы спорить с королевским судом?

— Чтобы ты вернулась. Не беспокойся, не так ты мне и нужна, благо сами справились...

О да, я читала хвалебные статьи о спуске «Властелина небес».

У меня теперь лучшие инженеры.

— И ты меня отпустишь?

Мар за прошедшие годы стал будто бы ниже. Он все еще казался совершенством, правда, то ли время, которое и эйтов не щадит, то ли просто образ жизни коснулись и его. Светлый пиджак подчеркивал ширину плеч, но не скрывал округлого животика. Пальцы стали пухлее, а второй подбородок, прежде лишь намечавшийся, обрел плотность и толщину. Впрочем, странным делом он Мару шел.

— Пока ты растрачивала свой талант в глуши на всякую ерунду, я вписал свое имя в историю.

— Поздравляю.

Я поскребла мизинец, на который вчера прилетела искра. И больно так впиалась. Гедре причитала, что совсем я себя не берегу и вообще...

Если увеличить мощность установки? Не в плане объемов, больше уже некуда, но именно насыщенность поля на последнем этапе, когда сердце камня уже сформировано? Конечно, опасно, поскольку и без того показатели критические, а остров сам по себе нестабилен, но...

Другие варианты я уже испробовала.

— Ты сама во всем виновата.

— Конечно.

Придется значительно укрепить стенки реактора. Еще та задача... как? Они и без того покрыты пластинами лунного серебра... а если... безумная идея, но у меня есть запас не только камней, но и алмазной пыли — все же собственно камни получились далеко не сразу. Создать камень вне реактора я не сумею, а вот изменить...

Взять те же пластины и покрыть слоем...

И если получится, то не только пластины.

Сделать подвижный панцирь, вроде увеличенной копии кристаллической решетки, устойчивой к деформации. И тогда излишек энергии просто будет рассеиваться по всей площади. Если еще задать вектор рассеивания, направляя энергию внутрь...

— Ты меня вообще слушаешь? — поинтересовался Мар, глядя на меня с откровенной жалостью.

— Нет, — честно ответила я и уточнила. — Чего ты хочешь?

У меня, между прочим, цикл запущен.

Еще двести двадцать три часа как минимум. Вполне достаточно, чтобы набросать новый план. И поработать с алмазной крошкой. Если у меня не получится... а с первого раза никогда ничего не получается, но в любом случае мысль довольно интересная.

— Через месяц состоится награждение, — Мар поморщился. — Надеюсь, хватит, чтобы привести тебя в порядок. Ты должна присутствовать.

— Кто сказал?

— Я говорю.

Я пожала плечами: мне, говоря по правде, было глубоко плевать на то, что происходит в жизни Мара. Награждение? Пускай себе. Порты он строил, цеппелины выпускал. Род вот прославил, а заодно заключил весьма выгодный союз с батюшкой Лаймы. Наследник опять же имелся, и к нему добавилась наследница.

Как в лучших домах королевства.

Снимки семьи, вполне себе гармоничной, как по мне, время от времени появлялись в газетах, большей частью, когда речь заходила об открытии нового воздушного порта... чувствовала ли я обиду?

Пожалуй, что да.

Еще немного — боль, которая мешала полностью отсечь прошлое. Почему-то особенно больно было смотреть на детей и... может, прав сала Терес? Мне стоит плюнуть на мужа и заняться собой? Найти мужчину, пусть не титулованного, пусть временного, но способного наделить меня ребенком.

Родить.

Окунуться в новые для меня ощущения, предоставив право разбираться в юридических коллизиях законникам...

— Нет, — я покачала головой. — Это твое награждение. Я к нему отношения не имею.

— Именно, — Мар спрятал руки за спину. Похоже, больше всего ему хотелось вцепиться мне в горло. — Но правила таковы, что должна быть представлена вся семья...

А я все еще являлась ее частью.

— Почему ты не даешь развод? — мне было просто интересно.

Срок уникальности патентов истек еще год назад, да и новые технологии, пусть и основанные на моих разработках, давно уже внедрялись в производство. Про мои игры с големами он не знал, равно как и про алмазы — иначе явился бы не один — но вот поди ж ты... держал ненужную жену.

Мар вздохнул.

Потер гладкий подбородок и признался:

— Развод дурно отразится на моей репутации. Мне... скажем так, я могу стать самым молодым канцлером в истории королевства, но...

Его одежды должны быть белы, а образ едва ли не свят.

Я знаю правила высоких игр.

— Что ж... — я пожала плечами. — Желаю удачи...

— Ты... не собираешься помочь?

— Нет.

— Ты же понимаешь, что о тебе пойдут слухи... какие пойдут слухи...

Неудобные.

Скорее всего, меня и так полагают немного безумной, иначе почему пресветлый супруг столь упорно прячет меня от двора. А тут версия подтвердится, окончательно закрыв мне путь к самостоятельной жизни, ибо безумие делает развод априори невозможным.

Что ж...

Как-нибудь переживу. Еще годик или два, и точно найду кого-нибудь... для здоровья и ребенка, которому в замке Ольс будут рады. А пока мне было чем заняться.

Мар убрался.

Награждение состоялось.

А у меня к концу зимы вышло создать пластину из лунного серебра, покрытую сверхтонким слоем монокристаллического алмаза.

— Охренеть, — сказал сала Терес, повертев пластину, которая была размером с крону, в пальцах. — И на кой ляд оно нужно?

Вместо ответа я поднесла ему куртку, расшитую этими вот чешуйками, а после активировала огненную плетень. Выразился сала Терес куда как душевней, хотя и куртка, и стул, на который она была накинута, вполне себе уцелели.

Новый реактор — я внесла еще ряд изменений, благодаря которым давление внутри повышалось на треть, а температура стабилизировалась, — стоил мне года жизни и немалых нервов. Впрочем, за этот год я успела многое.

И первые розовые камни, мутноватые, больше похожие на грязные стеклышки, почти не удивили.

— Детонька, — сала провел по седым усам ладонью. — Ты понимаешь, что если кто прознает, даже я не сумею тебя защитить.

Самый крупный камень ушел на подвеску.

Ограненный квадратом, он больше не казался жалким, напротив...

— Пятьсот тысяч крон, — меланхолично заметил сала Терес, ткнув в камешек мизинцем. — А может, и того больше... еще сережки надобны. И браслетка. А то и вправду, как неродная, будто каменьев мало.

Он сделал их сам, и тончайшую цепочку из платины, которую я покрыла той же пленкой из поликристалла, и серьги, и браслет...

Я же занялась другим.

Розовые алмазы по свойствам своим принципиально отличались от иных своих цветных собратьев. Энергии они накапливали в десятки раз больше, обладали удивительной проводимостью, а еще камни одной партии не просто не требовали синхронизации.

Они усиливали друг друга.

И это свойство открывало невероятные перспективы.

Порт.

И вороватый управляющий, полагавший себя, если не владельцем, то всяко почти владельцем, да не только порта. Он поднял под себя остров, используя не столько силу, сколько имя.

Чужое.

Его было не жаль. И на несчастный случай Кирис закрыл глаза. В конце концов, он уже не работает на корону.

Верфи.

Обленившаяся вкрай служба безопасности. Воровство мелкое, воровство крупное... шпионы, правда, не имперские, но...

Разница невелика.

Как ни странно, новая работа мало отличалась от прошлой. Разве что платили не в пример лучше. Напиваться Кирис перестал.

Почти.

— Я в тебе не ошибся, друг мой, — Ильдис появлялся и исчезал, чтобы вновь появиться именно тогда, когда появления этого Кирис не ждал. Он не чурался пройтись по заводу, заглянуть в ангары, порой заговаривал с рабочими, расспрашивая о делах и делишках. Он искренне вникал.

Помогал.

Убирался.

И его обожали, наивно полагая, что Ильдису и вправду есть дело до простых людей.

— Ты отлично поработал, но появилась одна проблема...

Другой остров. Другой завод.

Или фабрика.

Новое предприятие, пополнившее список имущества, и те же проблемы: воровство и безалаберность, а еще нежелание жить по новым правилам. Кируса пытались убить, но всякий раз как то... неуклюже, что ли? Пару раз покушались на Мара.

Жаль, пришлось защищать.

— Собирайся, — велел Мар, появившись в очередной раз. — Хватит тратить твой талант на ерунду. Мне нужен личный помощник. Только, всех богов ради, надо что-то сделать с твоей любовью к идиотским костюмам...

Кирис склонил голову: хозяину не стоит перечить. А костюмы... что костюмы? На заводах грязища, к чему хорошую одежду портить.

— Кстати, — Мар заглянул под стол. Вот что он там надеялся увидеть помимо пыли? — Бросишь пить, женишься на моей сестре...

— Если нет?

— Два алкоголика в одном доме — это как-то чересчур.

Мар вытащил обрывок бумаги, понюхал и отправил в мусорное ведро.

— К слову, я вполне серьезно. Пора тебе выходить в эйты. Что? Это не так сложно, как кажется. А мне понадобится опора. Я все еще надеюсь стать канцлером.

Наверное, стоило бы почувствовать себя польщенным, но Кирис испытал лишь вялое раздражение. Пить? Он редко... по выходным, когда шепот моря в голове становится невыносимым.

Или когда приходит Вельма.

С ней хотя бы есть о чем поговорить. С мертвыми всегда есть о чем поговорить.

Два года.

Мар получил должность Министра воздушных путей.

Я сумела создать элементарную систему, способную понимать ряд голосовых команд. А сала Терес заполнил поредевшие было сокровищницы Ольса золотом. Он предпочитал именно его, почему-то не доверяя ни банкам, ни государственным бумагам.

Замок слегка ожил.

А у меня появился очередной племянник.

Еще год.

Система, дополненная полусотней камней, пусть размером не превышающих маковое зерно, стала стабильней и сохраняла в памяти несколько десятков типичных реакций.

Племяннице, которой исполнилось пять, я отправила золотой браслет с алмазным напылением. Хорошая, как оказалась, защита, особенно когда решилась проблема подзарядки контура. Всего-то потребовалось, что пара камней в золоте и внешние выходы, позволяющие накапливать рассеянную силу извне.

Мой прототип обжил мастерскую.

А система потребовала расширения.

Мне удалось значительно облегчить внешний скелет за счет модификации поликристаллического покрытия. И наверное, это уже было не так и нужно, но...

— Засиделась ты здесь, девонька, — сказал сала, глядя, как голем изучает портьеры. Он присел на задние конечности, широко расставив передние. Шевелились волоски на сенсорах, собирая информацию, а система натужно пыталась ее обработать.

Мощность придется увеличивать. И появилась у меня одна интересная мысль...

— Не обижайся, Эгле, — сала протянул руку, и голем, как показалось, с немалым облегчением перебрался на ладонь знакомого и одобренного хозяином человека, — но это не то, что нужно молодой девушке...

— Уже не молодой.

— Брось, эйты живут дольше.

— Я не эйт.

— Сила есть, умения тоже... вон, Гедре восьмой десяток, а как цвела, так цветет...

— Женились бы.

— Женюсь, — согласился он, сунув палец к самым хелицерам. И голем осторожно обхватил его, заелозил ногами по коже, добавляя системе данных, которые она старательно сличала со старыми. — А ты чересчур уж увлеклась. Тварюка твоя... она, конечно, интересная, но в жизни должно быть еще что-то помимо... муж там...

— У меня уже есть один.

Сала Терес лишь сплюнул, выражая отношение к моему браку.

— Дети...

Я кивнула.

Заведу.

Потом. Как-нибудь... пока... если не надстраивать систему количественно, но просто увеличить число связей? Допустим, каждый камень зацепить не за три, но за дюжину других? И создать перекрестья? Энергетические? С одной стороны, они добавят мощности, но, с другой, могут дестабилизировать работу...

— Мне просто надо... завершить.

— Ты же понимаешь, что никогда не завершишь? — сала Терес осторожно ссадил голема на стол, чем ввел в немалый ступор. — Ты так и будешь переделывать то одно, то другое. Я понимаю, что кроме этого вот... у тебя ничего не осталось. Но ты больше ничего и не хочешь. А это неправильно.

— Выгоните?

Он покачал головой.

Верно... куда меня выгонять? Я же алмазы даю и артефакты, которые по-прежнему пользуются немалым спросом. Мне же нужно попробовать улучшить систему.

И у меня получилось.

А потом снова появился Мар...

ГЛАВА 13

Мы молчали.

Разглядывали друг друга и молчали. Наверное, он тоже понимал, что все уже сказано и отвечено, и вообще... к чему?

— Поздравляю, — сказала я, наконец, спрятав руки за спину. Его кожа была бела, я же... я же мало чем отличалась от коренных жительниц Ольса. И прежде меня это нисколько не смущало. — Корн написал, что твое назначение — дело решенное...

Мар поморщился.

И кивнул.

Вздыхнул, провел ладонью по волосам, разрушая идеальную укладку. Присел на грязный стол, чуть подвинув коробку с недорезанными пуговицами.

— Ты все еще хочешь развода? — поинтересовался он.

— Да.

— Держи, — он вытащил из-под полы плотный конверт, на котором алела бляха печати. — И... извини, что получилось вот так... как получилось. Я был молодым, глупым...

— А сейчас постарел и поумнел?

Для эйта его годы — не возраст даже. И канцлер из него получится отменный, если уж с портами справился.

— Слышала, — конверт я подвинула осторожно, — вы новую серию цеппелинов запускаете...

— Сверхлегкие и быстроходные, — кивнул Мар. — В основном для доставки почты и мелких грузов. Но есть и частные заказы.

— Верфи...

— Живут и, надеюсь, будут жить.

— А твои... наследники?

— Мальчик умненький, только, — Мар поморщился. — Упустил я его немного. Вот дочь — дело другое... как думаешь, если я ее объявлю наследницей?

— Будет скандал, — озвучила я очевидное.

Станный разговор.

И странный конверт. Нет, я узнала драконью голову королевской канцелярии. Стало быть, назначение и вправду... объявят о нем на излете года, ибо таков обычай, но это не мешает Мару приступить к обязанностям сразу.

— Будет, — он произнес это с некоторой обреченностью. — Ты открывай. Не бойся. Мне давно стоило сделать это, но... амбиции порой туманят разум. И начинаешь ценить вовсе не те вещи, которые следовало бы.

Печать хрустнула.

А в конверте обнаружился лист. Всего один. Плотный, пергаментный с характерными знаками, которые не только подтверждали подлинность, но и защищали лист, что от огня, что от воды, что от времени.

Чернила светлые.

Буквы аккуратные. Почерк Маров я знаю хорошо, но читать не получается.

Волей...

Признать брак...

Расторгнутым по обоюдному желанию... с выплатой... пожизненного содержания... в размере... право на долю...

— Это...

— Ты же хотела развода, — сказал Мар. — Если передумала, то я просто аннулирую документ.

— Нет, — я вцепилась в лист обеими руками. А то мало ли, вдруг ветер украдет, утащит в пропасть, попробуй потом вытащи оттуда.

— Я могу просто определить тебе содержание. Дом... дарственную я тоже приготовил. Тебе не обязательно торчать на этом острове...

— Что взамен?

Пальцы дрожали. Уехать... я не собиралась уезжать. Ольс — это не тюрьма... совсем не тюрьма... если бы я хотела, я бы могла... в любой день... просто сказать... вернуться домой, знать бы еще, где этот дом, но я привыкла к острову.

И у меня работа.

Была работа, потому что позавчера мне, наконец, удалось стабилизировать систему. И то, что получилось... жаль, рассказать об этом нельзя.

Нельзя было.

А теперь, получается... мое имущество — только мое, и если я напишу статью... да у меня в сундучке хранится треклятая дюжина всякого рода статей, начиная с нового типа шарнирных соединений, которые стоило бы запатентовать, и заканчивая гибкой кристаллической решеткой...

Патенты оформит Корн.

Не откажет.

Только...

— Не веришь? — Мар посмотрел с улыбкой.

— Знаю. Этот развод будет стоить тебе части репутации. И даже то, что ты уже получил печать, ничего не изменит. Твое положение слишком непрочное, чтобы рисковать. Значит, тебе что-то от меня нужно. Настолько нужно, что...

Нехорошо кольнуло.

А если он знает?

Если потребует моего голема... я... отдам? Работу всех потерянных для жизни лет? В обмен на свободу? Хорошая сделка?

— Хорошо, — Мар вытащил портсигар. — Не возражаешь?

— Раньше ты не курил...

— Да... работа нервная. Не представляешь, сколько вдруг появилось друзей, полагающих, будто только их стараниями я добился места. Проклятье, ты бы знала, как они меня достали... одним квоты увеличить, другим подряд организовать. Третьи и вовсе хотят невозможного. А еще моя семейка, чтоб ее...

Сигареты были тонкими, кофейного цвета и ароматом обладали сладким, терпким. Такие подошли бы девице, но и Мар умудрялся выглядеть органично.

— Меня хотят убить, — сказал он, выпустив облачко темного дыма.

Я чихнула.

— Извини...

— Да нет, кури, — над печью приходилось нюхать и куда более отвратительные вещи. Дым же... карамельный. Точно. — Но не удивлена. Ты редкостный засранец...

— Стараюсь.

— Это не комплимент.

Куча ветоши в углу зашевелилась, а я замерла: если Мар обернется...

Оно было небольшим, мое последнее творение. И металл я не просто покрыла пленкой кристалла, но сделала пленку многослойной, способной к изменению цвета, а потому в куче тряпья темного голема, почти сроднившегося с этой кучей, рассмотреть было крайне затруднительно.

Но Мар...

Я покачала пальцем, и голем замер.

Он получился на редкость сообразительным, как по мнению сала, даже чересчур, хотя я не рискнула бы говорить о разумности.

— Это кто-то из моих... не знаю... матушка? Я отказался делать ее любовника министром. Не потому, что он любовник матушки, но просто он невероятно тупой самовлюбленный ублюдок.

Голем слегка шевелил передней парой конечностей, будто прислушиваясь к Мару.

— А матушка, кажется, растеряла остатки разума... влюбилась она... в ее-то годы... впрочем, неважно. Пусть бы любила, я не мешаю... Сауле тоже... требует свою долю в верфях, но пускать ее нельзя, потому что у нее талант разрушать все, до чего она дотягивается. Я плачу содержание, но ей мало. Лайма до сих пор злится из-за тебя. В свете ей время от времени напоминают... сын мой... юноша со странностями. Дочь слишком юна, благо Лайма не слишком ей интересовалась, поэтому не успела испортить.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Я хочу, чтобы ты отправилась со мной на Бейвир. Мне придется умереть...

— В смысле...

— В прямом. На меня трижды покушались.

— И ты... это лишено смысла, — я присела и расправила юбки, стараясь не смотреть в угол, где голем копошился в тряпье, цепляя его на спинку, которая покрылась острыми шипами. Он подобрется ближе. Он пока не решил, представляет ли чужой человек — а жителей острова он успел запомнить — опасность. Но оставлять его без присмотра малыш не был намерен.

Спасибо.

— Сам подумай. Если ты умрешь, то... во-первых, тот, кто займет твое место, точно не станет продвигать любовника твоей матери. А с живым, с тобой можно договориться. Далее. Верфи. Кому они отойдут? Подозреваю, что не Сауле. Только полная дура может рассчитывать, что ее пустят в правление. А Сауле, насколько помню, не так уж глупа... что до твоей жены. Лайма имеет шанс стать первой после королевы.

И все, кто еще вчера над ней посмеивался, заткнутся. Думаешь, она этого не осознает?

Мар отломил пепел о край глиняной тарелки.

— Я тоже про это думал... и так, и этак... только, понимаешь, это не мог быть чужак. Не мог! Я никому не рассказывал, что не переносу розовый перец. Не просто не люблю, но у меня горло отекает, задыхаться начинаю. И вот как-то за семейным ужином подали крем-брюле с цитрусовой глазурью. Благо не успел съесть много... все свалили на новую помощницу кухарки, как раз третий день трудилась. Она, правда, клялась, что розовый перец не использовала, что его и на кухне-то не было никогда. Мне повезло в тот раз.

— Случайность? — предположила я, подвигая ногу.

И голем мигом шмыгнул под юбку.

Острые коготки пробили и гетры, и чулки из местной толстой шерсти, чуть царапнули кожу.

— Знаешь... я почти себя убедил, что да, случайность, пока однажды вечером не споткнулся на лестнице. На ровном, мать его, месте! — он загасил остаток сигареты. — Я его вдоль и поперек излазил... Если бы не зацепился тогда за перила... а я ведь из кабинета с бумагами выхожу... как правило... руки заняты... тогда просто что-то понадобилось, не помню, что именно... ерунда какая-то, а колокольчик, которым Кириса вызываю, пропал куда-то. Я и выскочил. Быстро. Помню, злился, что отвлекаться приходится, а пол вдруг из-под ног вывернулся...

Коготки исчезли, но ногу мою обвили конечности голема, сомкнулись сомнительного свойства украшением.

— И главное, ничего... ни следа... я уже не только магию искал, хотя бы нитку какую, которую

поперек лестницы натянули, но нет. В третий раз букет появился. Вроде обыкновенный, но... слышала про шермский многоцветник?

Я кивнула.

Кто ж не слышал. Дурманный цветок с тягучим плотным ароматом, который на одаренных оказывает престранное влияние. Сперва отмечается немалый прилив сил, в скором времени, однако, сменяющийся беспричинной тоской.

Сила выходит из-под контроля, а в голове появляются мысли крайне нехорошего свойства.

— Я не сразу понял... то есть я бы, наверное, вообще не понял, если бы не Кирис... снял меня с башни. Как я там оказался? Не помню. Но помню, что очень хотел шагнуть в пустоту. Полетать. До сих пор... — Мар стиснул кулаки до побелевших пальцев. — Во сне вижу этот край... и желание такое... почти непреодолимое. Понимание, что все вокруг напрочь лишено смысла, что... только в смерти он есть.

Ого... а вот это уже не случайность.

Шермский многоцветник не растет на островах. Разве что... в оранжереях.

— Верно. Моя матушка увлекается разной... экзотикой.

Я поежилась.

— У нее изрядно... всякого собралось. Пытались расследовать...

— Без результата?

— Отчего же... мой камердинер сбежал. На него и свалили вину. Объявили имперским шпионом.

— Ты не веришь?

— Он был клятвой крови связан. Правда, об этом знали я и Кирис.

Что за Кирис такой, которому этакое доверие оказано?

— И при чем здесь я? Ты не подумай, я сочувствую...

Теперь, держа в руках бумагу, которая высочайшею волей даровала мне свободу от брака, я была готова проявить милосердие. И даже пожалеть уже, к счастью, бывшего мужа.

— Мы думаем, что это не прекратится, что меня попытаются убить снова, и не факт, что новое покушение удастся предотвратить. Поэтому я умру. А все свое имущество оставлю тебе.

— Что?!

— Завещание я уже составил...

— Мы в разводе!

— Со следующего месяца. Эгле, когда ты научишься правильно читать документы?

Наверное, никогда.

Я развернула бумагу и убедилась. Так и есть, рано радоваться — целый месяц я еще числилась законной супругой Маруна Ильдиса, чтоб его демоны за пятки грызли. Та толика благодарности, которая появилась было в моей душе, немедленно истаяла.

— Послушай, Эгле, — в голосе Мара появились мягкие нотки, и я насторожилась: вот определенно пакость задумал. — Я понимаю, что это... неприятно. Будет очень неприятно, но, кроме тебя, мне некому помочь. Ты ведь не хочешь, чтобы меня убили?

— Не знаю, — честно ответила я. — Если тебя убьют, развод мне не понадобится. Стану честной вдовой...

— Нищей вдовой.

Ну... это как посмотреть. Та шкатулка с алмазами, которые были моей долей от совместного предприятия, подозреваю, не позволит мне сгинуть в нищете и безвестности. Да и счет, открытый, правда, на имя Корна, пополнялся с завидной регулярностью.

И вообще...

— Эгле, это всего-то месяц... не буду лгать, что это единственный способ.

Я просто хочу умереть и взглянуть на это дело со стороны. А еще не хочу скандала. Как понимаешь, одно дело слегка... безумная супруга.

— Безумная?

— Самую малость, — он показал, насколько эта малость мала, почти, считай, незаметна. — Нормальные люди не бегут от успешного мужа, чтобы десяток лет провести в никому не известной глуши.

Оно, конечно, может, и так... но эта конкретная глушь была вполне себе пригодной для жизни. И для работы, что куда как важнее.

— В последнее время я заговаривал о том, что поступил с тобой несправедливо... что мне следует пересмотреть дела прошлые, что... в общем, твое появление сочтут закономерным шагом... я заявил, что еду с тобой мириться.

И меня, само собой, не спросил.

— Эгле, — Мар преочаровательно улыбнулся. — Все просто... ты едешь со мной и помогаешь, тогда бумага остается у тебя. Или же... я ведь могу ее и отменить.

— А что тебе помешает отменить ее после?

Голем зашевелился, переползая повыше.

— Клятва крови?

Что ж...

Выбор у меня есть. Месяц... один-единственный месяц... я ждала столько лет, а теперь...

— Меня ведь попытаются убить?

Я бы вот на месте благодарных родственников покойного всенепременно попыталась. Конечно, можно пойти другим путем, опротестовать завещание, сославшись на явную неадекватность завещателя, — адекватные люди не завещают имущество безумным, даже самую малость безумным женам, но это долго и дорого. Убить проще.

— Очень на это надеюсь, — улыбка Мара стала шире. — Но ты не переживай. Кирис о тебе позаботится. Он у меня ответственный.

ГЛАВА 14

Остров Ольс сверху казался крохотной бусиной на сизом полотнище моря. Цеппелин поднимался медленно, будто позволяя мне смириться с мыслью, что вернусь сюда я не скоро.

Месяц.

Это ведь недолго, верно?

И клятва принесена, сала Терес сам ее составлял, а ему я верила. И он сказал, что мне, пожалуй, будет полезно, а если уж Мар вздумает дурить, то упокоить покойника всяко проще, нежели человека живого. Мне всего-то надобно, что знак подать.

Я вцепилась в сумочку обеими руками.

Было ли страшно?

Было.

Я все-таки сроднилась с Ольсом за эти годы, а теперь... вон обрыв и красные скалы, к которым лодки крадутся осторожно, зная, что скальная подошва протянулась далеко в море, и острые пики рифов прорастают на ней цветами капризной Эйры.

Вон зелень пологого южного берега, такая нарядная, несмотря на осень.

И север, с которого тянет туманом.

Лодки.

Лодчонки. Снуют муравьями, ткут нити тайных путей...

— Волнуешься? — Мар появился за плечом, и сумочка моя дернулась. Все же Этне мой почти бывший муж активно не нравился. Я положила на сумочку ладонь.

— Волнуюсь. Все же... не каждый день тебя будут убивать.

— Не переживай, это только в первый раз страшно. Потом как-то привыкаешь даже...

— Как-то не хочется мне к такому привыкать.

Мар пожал плечами и отвернулся. Молчал он довольно долго, явно испытывая некоторое стеснение, и я даже знала, отчего: смотрелись мы нелепо. Он в роскошном костюме, сшитом на заказ, а потому идеальном от ниток до костяных пуговиц, и я в платье, тоже шитом и почти на заказ — на острове иных не было, — только из грубоватой плотной ткани.

Бурое.

И сине желтые узоры лишь удивительным образом подчеркивают общую его невзрачность. Кожанный пояс с заклепками. Несколько кошельков, с него свисающих, и отнюдь не все для денег.

Короткие волосы.

Темная обветренная кожа. На руках кожа и вовсе потрескалась. На ночь я смазывала ее китовым жиром, но трещины не спешили заживать.

— Мне нужно будет выходить в свет? — уточнила я на всякий случай.

— Если ты того хочешь.

Не знаю. Я сунула палец в рот и мысленно отругала себя за дурную привычку грызть ногти. В свете этого точно не поймут. Но... волосы можно отрастить, пусть и не косу до пояса, но сделать чуть длиннее... я ведь не собираюсь работать там?

Или собираюсь?

С кожей поработают. Гардероб... да, сейчас меня в приличный дом и служанкой не возьмут, не говоря уже о жене. Или сумасшедшим позволено? С другой стороны, даже если я неделю в салонах проведу, более благородной мне не стать. Они давно уже составили свое мнение, и длина волос на него никак не повлияет.

— Ты спешишь? — уточнила я.

Мар кивнул.

— Стало быть, сойдет... потом... думаю, у тебя в поместье найдется кто-нибудь, кто поможет разобраться с этим, — я почесала щеку.

Соль и вправду въедалась в кожу.

— Знаешь... — Мар окинул меня насмешливым взглядом. — Ты права... пожалуй, так будет даже лучше... только, Эгле... прошу лишь... постарайся держать себя в руках. Я знаю, что мои родные далеко не всегда приятны в общении и порой выводят из себя. Но... просто постарайся продержаться.

— Месяц?

Уже чуть меньше, но...

— Месяц, — подтвердил Мар.

— А ты... — я постучала пальцем по стеклу, за которым проплывали рыхлые облака. — Не хочешь рассказать, кого подозреваешь сам?

— В том-то и дело... — Мар отвернулся от окна. — Я... не хочу никого подозревать. Я был бы рад получить иное объяснение... любое иное объяснение.

Но логика убивала надежду.

Бывает.

Мы прибыли ближе к вечеру. Помню темное, какое-то бархатистое небо с россыпью мелких, в полтора карата, звезд. Луну, что повисла над морской гладью, явно любясь собственным отражением. И тень цеппелина на воде.

Быстрый.

И надежный.

Почти бесшумный. Комфортный... и чем дальше, тем меньше хотелось покидать свою каюту.

— Справимся? — поинтересовалась я. И темные жвалы щелкнули, выражая согласие. — Веди себя хорошо и постарайсяшний раз не попадаться на глаза...

Нет, у меня имелся паспорт, благо империя запустила производство големов-спутников, тех самых собачек и кошечек, способных ходить, лаять и выполнять простейшие команды. Впрочем, игрушки эти — не могла же я пройти мимо такой новинки — были на диво примитивны, хотя по словам сала Терес пользовались немалым спросом.

Так что паспорт имелся.

И свидетельство, что голем оный, выполненный по специальному заказу, принадлежит Корну. Этого хватит для людей несведущих, а вот попадись моя Этна на глаза кому-нибудь, кто хоть немного понимает в артефакторике...

Я тронула бусы.

И браслет.

От прямого удара они защитят, выдержат и огненный шторм, благо синхронизация минералов оказалась настоящей находкой, но вот от яда... или от дурмана... на амулеты надеяться не стоит.

Со стороны они мне казались жалкими стеклянными бусинами, кое-как отшлифованными и нанизанными на суровую нить. Нить, к слову, была и вправду суровой, местной, которой рыбаки прошивали темные акульи шкуры. Не знаю, из чего их делали — еще одна маленькая местная тайна, — но нить эта способна была выдержать вес взрослого человека, а уж гниению и разложению вовсе была не подвержена.

— Эгле? — Мар нахмурился. — Может... у меня жемчуг есть.

— Рада за тебя.

Бусы я погладила.

Кусочки серебра, выполнявшие роль передатчиков, — серебро на удивление легко поглощало энергию, разлитую в воздухе, — ощутимо нагрелись. Все же над остаточным полем двигателей стоило поработать. Пока оно распределяется равномерно по ребрам гондолы, особого неудобства пассажирам не доставит, но если мощность двигателей увеличится или цеппелин окажется в насыщенном поле, где рассеивание не возможно, это чревато внутренним износом.

Надо бы сказать Мару...

Или не надо?

— Ты... уверена?

Уверена.

Я подхватила сумочку, в которой тоже не было ничего изящного — сшитая из акульей кожи, все той же нитью, украшенная камешками и ракушками, она хранила в себе много интересного. Помимо Этны, которая, несмотря на размер, весила прилично.

Обычный дамский шелк не справится.

А я...

Переживу насмешки. Наверное.

Цеппелин пристал к швартовочной башне, и к гондole протянулась зыбкая лента моста. Я видела и этот мост, укрепленный силой, и полупрозрачную пелену защитного поля, и саму башню...

— Вниз не смотри, — предупредил Мар. — Голова закружится.

Я глянула.

Море.

Скалы... вот, к слову, если бы я собиралась устроить несчастный случай любимому родственнику, в жизни не упустила бы столь удобный момент. А потому... я присмотрелась к плетениям. И опять... и снова...

— Эгле, это совершенно безопасно... — Мар первым ступил на мост и...

Я успела заметить тонкую нить заклатья, нырнувшего в плотный защитный полог.

— Стой, — я схватила бывшего за руку. — Отступи.

— Эгле...

— И наступи опять.

Мар, хвала богам, сообразил, что это не женская придурь. Он подчинился. Шаг к цеппелину. И шаг на мост... снова искра и уже едва заметная дрожь.

— Еще.

На третий раз он и сам почувствовал неладное.

— Что за...

А вот и критический узел, замигал, готовый погаснуть в любой момент. А я с восторгом почти наблюдала, как наливаются силой энергетические линии, пытаюсь компенсировать кажущуюся потерю, но узел, получая силу, только больше дестабилизируется.

— Мар...

— Назад, — рявкнул он, за шкирку втащив меня в цеппелин.

А спустя пару мгновений мост просел.

Сперва просел.

Вот лопнул левый ведущий контур. Спустя мгновение посыпались вторичные структуры... и правый провис, даже показалось, что выдержит, однако нет. Это было даже красиво. Искры желтые, искры алые, бегут, летят, подсвечивая металлическую опору, которая, лишенная энергетического скелета медленно выгибается под собственной тяжестью. Что-то заскрипело, заскрежетало, ухнуло вниз...

— Твою ж... — Мар был бледен. И дрожал. Он не хотел показывать страх, однако я видела его так явственно... а еще видела закушенную губу и боль в глазах.

Обидно, наверное, когда тебя предают люди, которых ты считаешь семьей.

Двумя часами позже я сидела в гостиной и старалась делать вид, что ко всем прочим недостаткам я еще глуховата...

— Конечно, это она, больше некому! — эйта Ирма Ильдис не скрывала раздражения. Голос ее был звонким, резким.

И громким.

Во всяком случае, слышала я ее и без усилителя. Но с усилителем — крохотный камушек прижался к стене — куда как лучше.

— Мама, ты говоришь глупости, — голос Мара звучал тихо. — Зачем Эгле меня убивать?

— Потому что она тебя ненавидит.

Сумочка на столе зашевелилась. Все же способности системы к анализу порождали некоторые недостатки, вроде несвойственного нормальным големам любопытства. Этна высунула передние конечности и распушила чувствительные волоски.

Слушает?

И записывает. Надо будет пересмотреть кристаллы, я, конечно, помню момент крушения, но не настолько хорошо. Глядишь, и усмотрю что-нибудь интересное. Что бы там Мар ни вообразил себе, я не собиралась играть роль безмолвной жертвы.

— Мы помирились, — а теперь я слышу в этом голосе усталость.

Я шевельнула пальцами, тронула простенькое кольцо управления, послав Этне мысленный приказ. И голем понял. Она выбралась из сумочки, замерла на мгновение, сканируя пространство комнаты. Энергетические возмущения были слабыми, вряд ли кто-то обратит внимание, но все же...

Я тоже осмотрелась.

Окно. Одно. Большое. Забрано узорчатой решеткой. Стекло поблескивает, в нем отражается невзрачная девушка с отвратительной стрижкой. Да... получилось чересчур уж коротко, пожалуй.

Стены.

Обои в тонкую полоску.

Белоснежная мебель, расставленная с той показной небрежностью, которая получается после тщательной планировки. Обивка в лазурных тонах. Дымчатый ковер на полу.

Статуэтки.

И еще массивный конь из серебра, в котором мне заподозрился артефакт, но, прикоснувшись, я убедилась, что конь был просто конем. Цельнолитым.

Что ж...

Этна, скатившись на пол, сменила окраску. Она двигалась быстро и бесшумно, а, нырнув под буфет, вовсе замерла.

— Это ты думаешь, а она... низкорожденные на редкость мстительны.

Кто бы говорил.

— Матушка... при всем желании Эгле не сумела бы повредить энергетическую структуру моста, — теперь Мар говорил медленно, делая паузу между словами. — Это... требует времени.

— А мне кажется, вы преувеличиваете, — надо же, столько лет прошло, а я помню этот голос, который звенит серебряными колокольцами. — Конечно, случай неприятный, но папенька говорит, что случается всякое... у нас как-то на верфях тоже мост рухнул...

А вот это надо будет проверить.

Хотя... как я это сделаю? С другой стороны, почему я? Пусть Мар этим займется, у него, покойного, времени хватит.

— Дефект конструкции и только. Я рада, дорогой, что ты не пострадал.

Как по мне, прозвучало не слишком убедительно.

— И что ты собираешься делать с этой девкой?

Сауле.

Красавица Сауле, рядом с которой я и раньше ощущала себя ошибкой природы, что уж говорить о днях нынешних. Вряд ли она сильно изменилась.

Эйты не стареют.

Я улыбнулась. Что ж... как-нибудь да уживемся со всеми ними. Сумасшедшим ведь можно не понимать, что им не рады.

Сумасшедшим, если хорошо подумать, вообще позволено куда больше, чем нормальным людям.

— Это моя жена, Сауле. И я надеюсь, что ты будешь относиться к ней с должным уважением.

Ага... а в ответ кто-то фыркнул. Я даже знаю, кто.

— Вы все будете относиться с должным уважением. Если, конечно, матушка, ты не передумала оплачивать векселя твоего любовника...

— Мар!

— А ты, дорогая, надеешься увеличить содержание... тебя, Лайма, это тоже касается.

Любить меня больше не станут...

Что ж... любовь их мне без надобности, а с ненавистью я как-нибудь да справлюсь.

— Через две недели состоится большой прием. И мне кажется, нам следует продемонстрировать единение семьи...

Чушь, но звучит почти убедительно.

— Его Величество изволил выразить желание. И не мне вам говорить, что некоторые пожелания лучше исполнить. А еще мне стоило немалых трудов уговорить Эгле приехать. Поэтому, если я решу, что кто-то из вас собирается... навредить семье, я приму самые суровые меры.

Даже я впечатлялась.

Немного.

Этна тонко свистнула, предупреждая, что к дверям идут. Спасибо, дорогая.

Я убрала камень и подумала, что личные покои нужно будет обезопасить. Проклятье, с защитой я как раз и не работала.

Придется сочинять.

ГЛАВА 15

— Эгле, — Мар появился на пороге гостиной и протянул руку. — Идем. Пришло время возобновить старые знакомства. Матушку мою ты помнишь...

Все-таки я была не права. Годы коснулись старшей Ильдис, урожденной Кейне, двоюродной племянницы самой королевы. Они оставили на коже едва заметные тени морщин. Полагаю, если бы не целители, тени были бы глубже, явнее, но...

Глаза светлые.

Взгляд недобрый.

А в остальном леди была верна себе: спокойна и демонстративно равнодушна.

— Она ведет хозяйство... поэтому, если что-то понадобится, говори ей.

И тогда точно это, понадобившееся вдруг, не получу. Или получу в виде, совершенно непригодном для использования. Спасибо, что предупредил.

— Она выглядит жалко. И даже уродливо.

Спасибо, вы мне тоже глубоко симпатичны.

— Это платье... его только сжечь. Ты уверен, что на нем нет блох?

— Он не проверял, — ответила я за Мара. — Но вы не переживайте, блохи в таких домах не приживаются. Атмосфера, знаете ли, давит. А они — твари нежные... не то что люди.

— Мар, она...

— Разговаривает, — я улыбнулась, уже вполне себе искренне. — А вам в вашем возрасте нервничать нельзя. Морщины глубже станут. Потом ни один амулет не справится.

— Сауле, — Мар предпочел сделать вид, будто ничего особенного не происходит. — Надеюсь, ты тоже ее помнишь...

— Ее забудешь, — проворчала я.

— И ты позволишь этой выскочке оскорблять маму? — Сауле ткнула в меня мизинцем, за что и получила по руке. А рука у меня стала тяжелой. — Мар!

— Веди себя прилично — и все будет хорошо...

Ответом ему было гневное пыхтение.

— Лайма... моя... гм... жена...

— Первая, — пропела Лайма, очаровательно улыбаясь. — Не беспокойтесь, Эгле, я прекрасно понимаю, насколько неудобно вам здесь...

А вот она изменилась мало, разве что исчезла прежняя хрустальная легкость, сменившись мягкостью линий. Лайма была... пожалуй, совершенна.

Хрупка, но в меру.

Приятно округла именно там, где прилично было быть округлой. Нежна. Мила...

Ядовита, как гармская кольчатая сколопендра.

— Я помогу вам, — сказала она, касаясь меня осторожно. — В конце концов, мы одна семья...

Сауле откровенно перекосило. И взгляд, которым она наградила Лайму... кажется, далеко все не так радужно на родовом острове Ильдисов, как это пытаются представить.

— Мой сын...

Только теперь я обратила внимание на бледного юношу, сидевшего в углу. Он был... пожалуй, красив, хотя чересчур уж бесцветен.

Нескладен.

И зол.

На лице, черты которого были столь совершенны, что это казалось уродливым, застыло выражение одновременно капризное и обиженное.

— Йонас, — пропела Лайма. — Подойди, познакомься с тетушкой Эгле.

Он послушно поднялся, шагнул, но как-то бочком, всем видом показывая, что подчиняется матушкиной просьбе, но ни малейшего удовольствия это ему не доставляет.

Выше меня на голову. Сколько ему? Что-то около шестнадцати. Стоит. Смотрит. На меня, а будто бы мимо.

— Йонас! — резкий оклик этны Ирмы заставляет его очнуться.

— Очень. Рад.

Прозвучало так, будто меня по батюшке послали.

— И я рада.

А наш сын... если бы у нас с Маром был сын, он бы тоже стал таким? Эйтом... благородным до рези в зубах.

— К сожалению, представить дочь я не могу. Она наказана.

— Что произошло? — Мар помрачнел.

— Ты же знаешь отвратительный ее характер... девчонка нахамила Йонасу, а после облила чернилами. Пусть подумает над своим поведением. Ты совершенно ее распустил, — упрек был мягким, не упрек даже, скорее Лайма позволяла себе выразить некоторое недоумение.

— Завтра познакомишься, — сказал Мар.

— Ей неделю запрещено покидать комнату...

— Заглянем сами.

— Марун, я не думаю, что Эгле так уж интересны чужие дети... — и робкий взгляд из-под ресниц, в котором помимо робости читается что-то иное, отнюдь не дружелюбное.

А мальчишка разглядывает меня.

Недоуменно.

Насмешливо? Разве что самую малость. Изучающе. И интерес этот холодный мне не нравится. А главное, почему Мар сбросил со счетов сына? Наследник ведь... пусть еще до законного совершеннолетия ему пару лет, но, сдается, матушкой, которая, скорее всего, стала бы опекуном, мелкий засранец вертит, как ему вздумается.

Впрочем, я пока смотрю.

— Мне будет... интересно познакомиться. Надеюсь... мы подружимся.

— Я в этом уверена, дорогая, — Лайма взяла меня за руки. — Ты позволишь... немного поработать над твоим внешним видом? Я не говорю, что ты выглядишь плохо, но при дворе... люди злы.

— Конечно.

И улыбнуться.

Радостно так... сумасшедшим позволено быть счастливыми без особых на то причин.

Комнаты мне отвели роскошные.

Огромная гардеробная, правда, было в ней пусто, и пара моих чемоданов смотрелась откровенно жалко.

Спальня с кроватью, где поместились бы трое.

Ванная комната.

Кабинет.

Гостиная... сдержанные тона. Светлые шпалеры. Темные обои. Картины... пейзажи незнакомые, но вполне себе миленькие. Вазы. Букеты.

Я не поленилась заглянуть в каждый, а то мало ли каких сюрпризов ждать.

— И что ты об этом думаешь? — поинтересовалась я у Этны, когда та соизволила вернуться к хозяйке. Забравшись на туалетный столик, инкрустированный костью нарвала и серебром, Этна замерла. Только волоски на спинке ее чуть подергивались. — Вот именно... влезли в дерьмо, а могли бы просто отсидеться, глядишь, овдовели бы тихо-мирно...

Этна засвистела.

И подобралась ближе, повернулась боком, подставляя чувствительную полосу на боку.

— Красавица...

Она согласилась.

— План дома сделаем? Сделаем... но сначала защита. А то ведь мало ли... местным я особо не доверяю. Вон, в чемоданы полезли... кто, спрашивается, разрешал? То-то же...

Вскрыть не удалось, но все равно было обидно.

Начала я от дверей.

К слову, дверей нашлось четыре, и если одна выводила в коридор, то три остальные были заперты и скрыты панелями. И сомневаюсь, чтобы Мар о них не знал. Почему не сказал? Позабыл? Не счел важным?

Плевать.

Я прикрепила к порогу по камню, выбрав покрупнее, все же площадь довольно таки велика. Еще несколько по ставила на потолке. Этна с легкостью взобралась по гладкой стене, оставив, правда, мелкие дырочки следами когтей. Но издали они были незаметны, а вблизи мои стены разглядывать нечего.

Несколько камней крохотных, дополнительными узлами, — конструкция будет сложная, стоит укрепить. И пара рун на пороге.

Пара капель крови. Не совсем чтобы запрещено, но... на острове Ольс помнят старые слова. И руны... раньше мне рунная магия казалась древностью.

Громоздкая.

Занудная.

И неэффективная.

Да... громоздкости в ней хватало, занудности тоже, а вот эффективность... все зависит от того, чего ты хочешь добиться.

Я выстроила скелет будущего заклятия, и силовые нити легли ровно, аккуратно.

Я уже забыла, до чего легко работается в нормальном стабильном поле. Следующие полтора часа прошли для меня деятельно, хотя сомневаюсь, что кого-нибудь из обитателей дома моя деятельность порадует.

Но мы-то не о них думать должны.

Этна наблюдала за мной, поджав ноги, и казалась одной из полутора десятков статуэток, которых, похоже, стянули на каминную полку по принципу, что что-то да поставить надо. Здесь нашлось место и фарфоровым зайцам, и потемневшей от времени бронзовой фигурке колдуна, и серебряному, слегка помятому, оленю.

От последнего фонило магией, но не злой... на удачу заговаривали? Или, скорее, чтобы огонь в камине горел ровно. Правда, заклятие почти уже вышло, но я наполнила его силой.

Не жаль.

Силы было... много. Пожалуй, слишком даже много, я изрядно отвыкла от настолько плотной среды. Ничего. Привыкну.

Этна тоненько свистнула и, скатившись на пол, поспешила забраться мне под юбку. На сей раз она

добралась до подвязки, к которой крепились чулки.

— Ниже, — проворчала я. — Не хватало, чтобы сползли...

— Можно войти? — поинтересовались из-за двери. А я кивнула, потом, спохватившись, что вряд ли меня видят, сказала:

— Входите.

— Добрый вечер... мне поручено сопроводить вас в столовую, — за порогом обнаружился рыжий.

Тот самый.

Надо же... столько лет... и вранье, что он не изменился. Еще как изменился. Нет, вид был по-прежнему до отвращения бодрый, и легкие морщины ему к лицу, как и тонкий шрам на шее, слегка прикрытый платком. Но кожа была темной, а шрам светлым, и потому бросался в глаза.

Седина в волосах появилась.

А взгляд...

— Добрый, — я потупилась и руки сцепила, не на груди, пониже, но видом своим изображая несчастную провинциалку, которую злостно забыли в отведенных ей покоех.

Ужин, стало быть...

Поздний.

Часы вон полночь показывают. На Ольсе в это время честные люди давно уже в постелях лежат и сны добрые видят. А нечестные... как получается.

Отоспаться и днем можно.

— Кирис, — представился рыжий, шаркнув ножкой.

Ага... вот, значит, в чьей дурноватой голове сей гениальный план зародился.

— Эгле, — ответила я, похлопав для надежности ресницами. Гедре говорила, что женщину, которая хлопает ресницами, ни один мужчина всерьез не воспримет. И еще губки сжать нужно или вот вытянуть, будто кого поцеловать собираешься. — А Марик о вас рассказывал...

И опять ресницами.

И наивности во взгляде побольше. И восторга. Особенно восторга. Правда, здесь я сомневалась, вышло ли, но Кирис смутился.

— Я рад... что вы... наконец, нашли общий язык.

— Пришлось, — я пожала плечами, а Этна предупреждающе засвистела. Стало быть, рыжий не просто так меня разглядывает, а пытается считать... ага, сама ощущаю кожей легкое такое прикосновение. Пожалуй, если бы не Ольс с его аномалиями, я бы и внимания на такую мелочь не обратила. Скорее всего, через несколько дней я свыкнусь с местом, но пока чужая сила ощущалась остро.

Даже такая... едва-едва живая.

— Прошу? — мне предложили руку.

Вот бы узнать, что он увидел.

Хотя... пара камушков, заряженных силой, сойдут за артефакты средней руки. Остаточное излучение у них среднее. Бусы мои... вероятнее всего, спишет на общую неоднородность фона. С камнями случается набирать всю энергию, до которой они способны дотянуться. Браслет туда же...

— Ой, а это прилично? — уточнила я, на руку опираясь. — Сумочку свою вот прихватила.

— Можете оставить...

— Там важные вещи, — главное хлопать ресницами. И про наивность не забывать. И про восторг... тяжело в жизни приходится нормальным женщинам.

— Какие же, если не секрет?

— Носовые платки. Знаете, на Ольсе постоянно дует... то с севера, то с юга. И там нет несопливых людей. Сперва это раздражало, а потом ничего, привыкла как-то...

Опять же, говорить следует чистую правду.

Привыкла.

А что к привычке добавился маленький целительский амулет, который после снискал немалую популярность и не только на Ольсе, дело другое.

— Только приходится с собой носить запас платков. А то ж тоже... вот стол, общество приличное, а я в салфетку сморкаюсь.

— Я попрошу, и завтра к вам заглянет целитель.

— А он есть?

— Семья Ильдис достаточно состоятельна, чтобы нанять личного целителя... — сказано это было как-то... печально, что ли? — Как вы себя чувствуете?

Я на всякий случай шмыгнула носом и даже почесала кончик.

Надо будет придумать для Этны какую-нибудь упряжь, а то я иду, она подергивается, силась удержаться, и съезжает, причем вместе с шерстяным чулком.

— Вы не очень испугались?

— Неа, — покачала головой.

— Все-таки мост обрушился... прямо на ваших глазах...

— Лучше уж на глазах, чем под ногами, — я обернулась на зеркало, в котором отразился лощеный тип, рыжина которого несколько выбивалась из в общем-то вполне благообразного образа. А рядом с ним явное недоразумение в мятом платье.

— Верно... — произнес Кирис. — Мар сказал, что это вы заметили... неладное.

— Ага.

Девушка морщила нос, усыпанный веснушками, а короткие волосы ее торчали дыбом, словно перья. И сама она походила на птицу, мокрого неприкаянного воробья.

— И как вы... заметили?

— Повезло.

— И все-таки?

— Действительно, повезло. Интересная конструкция, вот и всматривалась, а когда он шагнул, по связке будто искра прошла, которой быть не должно. Это же основы. Структура искрит, стало быть, есть проблема с изоляцией, энергопоток нарушен.

И не надо на меня глядеть с таким удивлением. Даже обидно как-то...

— То есть...

— То есть либо дефект существовал давно, от этого ни одна структура не застрахована.

Даже то, что создаю я. Всегда есть шанс пропустить, не заметить, да и просто ошибиться, ибо нет тех, кто идеален.

— Или кто-то ее взломал, настроив на определенную энергетику.

Мар успел бы сделать несколько шагов, отошел бы от спасительного цеппелина, а там... там в небе между небом и морем ни один амулет не спас бы. К слову... интересная ведь тема... иногда и цеппелины падают, что нехорошо...

— Ясно, — сказал Кирис не слишком-то бодро. — И к какому варианту склоняетесь вы?

— Ко второму. Сколько ваш мост простоял?

— Двенадцать лет.

— Вот... то есть шанс, конечно, что сказалась степень износа, что структура самостабилизировалась некоторое время и все такое, имеется, но уж больно мизерный.

— Нам тоже так кажется...

А мы остановились.

Светлые двери. Темные стены. И мягкий ковер, который заглушил шаги. Кирис двери распахнул. Какая любезность... а я зажмурилась.

Внутри было... светло.

Точнее, настолько светло, что мигом заслезились глаза. Мать вашу... это ж сколько солнечных камней сюда напихали? Свет был плотным, жестким. Он заполнял столовую, выбеливая и без того белые стены. Он отражался в полированном металле и лакированном дереве, множа сам себя. И потому комната казалась почти бесконечной.

Где-то там, укрытое светом, бренчало пианино.

Сияли вазы.

Душно воняли розы. Давил морально фарфор, добавляя болезненной белизны. Обилие хрусталя. Столовое серебро... если они так в принципе живут, мне жаль этих людей. Разве в такой обстановке можно поесть нормально?

— А вот и наша потеряшка, — пропел сладкий голос. — Кири, дорогуша, как мило с твоей стороны вспомнить об этом... недоразумении.

Сауле бирюзовый шел.

Льдистый такой. Холодный цвет. Платье узкое, что змеиная шкура. Волосы забраны высоко, и на бледной шее тонкой нитью выделяется цепь. Черное арвейское железо? Интересный выбор... а вот подвеска-капля, усыпанная темными сапфирами, как по мне тяжеловата. И силой от нее несет вовсе уж безбожно. Это ж как часто ее заряжать приходится?

В руке Сауле держала бокал, который был наполовину пуст.

Или полон?

Главное, допила она коньяк одним глотком и не поморщилась.

— Только ее не сюда вести надо было, а на кухню...

— Мне кажется, Мар не одобрит.

— Точно. Не одобрит, — Сауле слегка покачнулась, но на ногах устояла. — А ты у нас слишком слаб... слишком зависим, чтобы сделать что-то без высочайшего одобрения. Как это я успела позабыть?

— Сауле!

Матушка Мара была в темно-зеленом. Бархатистый спокойный оттенок и платье той кажущейся простоты, которая стоит изрядных денег. На шее тонкая цепочка с каплями-изумрудами и ей в пару витой браслет. Силой от них тянет, но... скромно так, правда, скромность эта притворная. Не удивлюсь, если обнаружится, что эта пара артефактов таит в себе много интересного.

— Мальчик мой, ты же понимаешь, что она не со зла...

Сауле икнула. А до меня дошло очевидное:

— Она набралась.

— Деточка, — меня удостоили взгляда, в котором читалось одновременно и недоумение, и безразличие, и все-таки смирение. — В обществе не принято выражаться столь... примитивно.

— Ага... — согласилась я с эйтой Ирмой. — Знаю. Марик говорил. Жопа есть, а слова нет.

— Что?

— Что выражаться не принято. Вот нажираться можно, а выражаться — так ни-ни...

Мне показалось, или рыжий усмехнулся?

— Боги, за что это нам?

— За праведную жизнь? — предположила я и, похлопав себя по животу, сказала: — Так а кормить когда будут? А то я, признаться, проголодалась...

И вновь не солгала.

В животе вот заурчало весьма себе выразительно. Сауле рассмеялась, а матушка, слегка поморщившись, сказала:

— К счастью, это ненадолго...

И здесь я с ней согласилась.

ГЛАВА 16

Ужин... ужин проходил в теплой семейной обстановке. Место во главе стола пустовало, ибо Мар был слишком занят. По правую руку от него устроилась Лайма с сыном, который к ужину тоже переоделся, выбрав наряд сдержанный и темный, почти траурный. Единственным ярким пятном была алая булавка для галстука. Ишь ты... камень крупный и чистый.

Искусственного происхождения?

Или все-таки... как там было? Ильдисы в достаточной мере состоятельны, чтобы позволить себе природные рубины.

— Она хотя бы руками не ест, — заметила Сауле, запивая темное мясо вином. Светлым. Бокал был пятым по счету, но все вокруг делали вид, что так оно и надо. — Значит, дрессировке поддается.

Йонас фыркнул.

А вот почтеннейшая эйта Ирма нахмурилась.

— Мне кажется, ты устала, — сказала она так, что я едва не подавилась, хотя мясо было мягким, в меру острым и даже слегка сладковатым. Пюре, несмотря на неприятный зеленоватый оттенок, тоже оказалось вполне съедобным, а Ольс отучил меня от излишней разборчивости. Не то чтобы мы там голодали, скорее уж не принято было тратить драгоценное время на такую ерунду, как чересчур сложные в приготовлении блюда.

— Нет, маменька, что ты, я бодр и весела, — Сауле подняла очередной бокал. — Разве не заметно?

— Чересчур уж заметно.

Кирис, которому досталось место по левую руку Сауле, вздохнул, чем неосторожно обратил на себя высочайшее внимание.

— Мальчик мой, — эйта Ирма коснулась губ кружевной салфеткой. — Тебе пора проводить невесту... на отдых.

Невесту?

Рыжий и вот эта вот... хотя... чему я удивляюсь. Она красива, оглушающе красива, какой может быть лишь урожденная эйта.

Сильна.

И состоятельна.

За ней стоит род, который не только сумел вернуться на прежние позиции, но и изрядно их укрепил. Блестящая партия, если подумать, особенно для того, у кого светлой крови если и есть, то пара капель. А что невеста хамовата и пьет много... у всех свои недостатки. И вообще, может, в душе Сауле милейший человек, просто я на нее дурно влияю...

— Да, Кири, скорее... препроводи меня... в покои, — Сауле торопливо, будто опасаясь, что вот-вот отберут бокал, допила вино и поднялась. — Или еще куда... куда там принято сажать несогласных? Там ведь... сыро, мокро... неприятно... ты же знаешь, правда?

Он молча подал руку невесте.

А та ее оттолкнула.

И стул пнула. И сказала пару слов из тех, которые в обществе высоком вслух произносить не следует. Но ушла. Ступала она медленно, пытаясь сохранить остатки достоинства, но вот весьма характерная вихляющая походка несколько портила общее впечатление.

— Может, все-таки в обитель ее спровадить... — задумчиво произнесла Лайма, раскрывая ножом темную раковину. Раковина хрустнула, а Лайма вонзила тонкий крючок в мясо мидии. — Раз от раза становится только хуже...

— Сомневаюсь, что поможет, — подал голос Йонас.

А вот он почти не прикоснулся к еде.

— Дорогой. Ты подумал о моем предложении?

— Мальчику еще рано уезжать, — эйта Ирма ела удручающе мало.

— Мальчик не может провести остаток дней возле твоей юбки. А учеба в Свержском военном даст ему нужные связи...

— Боги, будто ему связей мало... ты же знаешь, у мальчика проблема, о которой...

Я ела, наблюдая за обеими женщинами, которые были прекрасно чужими, и радовалась тому, что знакомство наше не продлится долго. В конце концов, месяц пролетит, и я уберусь.

На Ольс.

Или... может, навещу братьев. Корн писал, что на него давят. Долг перед родом и все такое... невесту выбрать требуют. Он пока держится, но рано или поздно его дожмут. Он ведь тоже не молод и даже непонятно, почему до сих пор свободен. Так что рано или поздно свадьба состоится. И пусть любви ждать наивно, но... он хороший человек, и мне бы не хотелось, чтобы ему достался кто-то вроде Лаймы. Поэтому к потенциальным невестам лично буду присматриваться.

А заодно уж и младшенького проведаю.

Небось, отъелся на собственных пирогах... и на племянников с племянницами посмотрю.

— Иногда следует потерпеть во имя блага рода...

— У нас могут быть разные представления о том, что есть благо, — Лайма отвернулась от сына. — Ты слишком... переоцениваешь проблему.

Ага... а губы у мальчишки дернулись. Кажется, маменькины слова его задели.

И ножик сжал, пусть столовый из мягкого серебра, которым только с жареным палтусом и сражаться, но... главное, намерения, а нож подходящий найти — дело времени.

— Ему будет сложно в той обстановке... — эйра Ирма не желала уступать.

— Тогда Шлезвигский технологический?

— Лайма... — это было произнесено с упреком. — Ты же знаешь, что ему... неинтересны все эти... — Ирма крутанула рукой, — штучки.

— То есть образование он получать не собирается?

— У него отличное домашнее образование.

— Этого недостаточно.

— Мар обещал познакомить его с делами. В конце концов Йонас — наследник, и стоит ли тратить время на всякие глупости, когда есть компания? Задача Йонаса — принять наследство, когда наступит пора...

За столом вдруг стало тихо-тихо. Были бы мухи, небось, и они притаились бы.

— Не слишком ли вы спешите? — почти шепотом поинтересовалась Лайма.

— Боюсь, — Ирма слизнула капельку темного соуса с ножа. — Я спешу недостаточно... жизнь непредсказуема... а еще... в голову Мара приходят странные идеи...

Ее взгляд задержался на мне, не обещая ничего хорошего.

Я выдержала.

И улыбнулась. Робко так, виновато... я прошлая знала толк в виноватых улыбках.

— И не говори, что ты не чувствуешь...

Лайма побледнела, но с собой справилась, ровно затем, чтобы спросить:

— Раз уж семья воссоединилась... могу я узнать, когда возвращается дорогой дядюшка?

— Завтра.

Дорогой дядюшка, который если и приходился родственником кому-то из Ильдисов, то настолько далеким, что вспоминать об этом родстве было бы глупо.

Он был молод.

И отвратительно хорош собой.

— Дядюшка Юргис! — Лайма коснулась губами смуглой щеки. — Как мы рады вашему возвращению...

Он принял этот поцелуй и ответил снисходительным кивком.

Ущипнул Йонаса за щеку.

Поцеловал руку эйте Ирме. И задержался взглядом на мне. А я, в свою очередь, не отказала себе в удовольствии рассмотреть дорогого дядюшку.

Высок.

Даже выше Мара, что само по себе достижение. Широкие плечи. И темный мундир лишь подчеркивает их размах. Волосы светлые. Кожа смуглая. Черты лица правильные, разве что переносица слегка кривовата, сомневаюсь, что от природы. И эта кривизна лишь придает очарования.

Серые глаза.

Взгляд внимательный, насмешливый, будто он точно знает, о чем я думаю... пожалуй, пару лет назад я бы покраснела. А теперь просто поинтересовалась:

— А вы чьим дядюшкой будете? Лаймы или Сауле?

— Ничьим, — ответил он.

Голос низкий, хриловатый, что называется, продирающий до костей. Я даже поежилась, а вот Этна протестующе засвистела. Ага... стало быть, дело не в одном лишь личном обаянии. Артефакт?

Я присмотрелась.

Две пуговицы на мундире характерно отсвечивали, но вряд ли дело в них, скорее уж персональная защита, которой многие военные обзаводятся. Пояс... знакомое творение. А мне казалось, что подобные амулеты предпочитают мужчины постарше.

Но промолчу.

Кольца... то темное — явно родовое. Рядом поблескивает ободок... ага, это от дурных болезней, что предусмотрительно весьма. А вот и последнее кольцо, на мизинце, простенькое с виду, и фон от него слабый-слабый, но слишком уж ровный для остаточных эманаций. Сверху кольцо гладкое, а вот изнутри... руны?

Наверняка.

Ничего незаконного, но... немного усилить личное обаяние, исправить голос... еще не приворот, где-то рядом.

— Какое интересное колечко, — я потянулась к артефакту, и дядюшка, до того с притворным вниманием изучавший мои пальчики, поспешно убрал руку.

— Ничего особенного. Матушкин подарок.

Родовой, стало быть.

— А где Сауле? И что вообще здесь произошло...

— Мост рухнул, — ответила я. — А про Сауле не знаю. Вчера она перебрала вина, должно быть, похмельем мается.

— Девочка... излишне прямолинейна, — сквозь зубы произнесла эита Ирма, беря дорогого дядюшку под руку. И вид у нее был таков, что я сочла за лучшее отступить, но наткнулась на Йонаса и получила отчетливый тычок в спину.

Пальцем.

Жестким таким пальцем.

А вот волна силы, поглощенная силовым полем, удивила... он нарочно? Наверняка, нарочно, уж больно невинный взгляд.

— Что-то не так? — поинтересовалась Лайма.

Вот поганец... не будь на мне защиты, я бы съежилась от боли. И Этна свистнула, соглашаясь, что мальчишку стоит проучить.

— Извините, я, кажется, на ногу наступила... — сказала я и действительно наступила мальчишке на ногу. И не стоит морщиться, сама знаю, что ботинки на мне с набойками шипастыми, которые кожу пробивают на раз. Что поделаешь, на Ольсе часто бывают морозы после дождя, и тогда все вокруг, включая посыпанные песком дорожки, становится скользким.

Вот и приходится...

Мальчишка скривился.

— Нечаянно, — я тронула бусики. — Значит, это не ваш дядюшка?

— Это бабулин любовничек, — сквозь зубы процедил Йонас. — И ногу убери, корова...

— Йонас, нельзя же вот так...

— А как можно? — он стиснул кулаки. — Делать вид, что все нормально? Сколько вы готовы это терпеть? Вы ненавидите друг друга, а терпите... ты бабу, она тебя... вы вместе...

Мальчишка побелел.

А вокруг губ появилась синеватая кайма. Интересно, однако...

— Папашу с его бредовыми идеями. Тетку, что трезвой бывает только по праздникам. Но я ее даже не осуждаю, сам бы запил...

— Йонас!

— Еще и это... уродище прибыло. Ее и вправду ко двору потащат? А мне придется называть ее мамой?

— Упасите боги, — воскликнули мы с Лаймой одновременно.

А мальчишка развернулся и бросился прочь, не отказав себе в удовольствии громко хлопнуть дверью.

— Извините, Эгле, — Лайма прикусила губу. Кажется, она с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться. — Он... хороший мальчик, но сами понимаете... возраст такой...

— Сложный.

— Именно. И здесь тоже... ему хочется большего, я бы его отпустила, но Ирма... — она замолчала и вздохнула. — Она боится...

— Сердце?

— Что? Как вы...

Я коснулась губ.

— И сердце тоже... Ирма полагает, что он... не совсем тот наследник, который нужен. И в этом моя вина, — Лайма отвернулась. И вдруг стало ясно, что время все же коснулось блистательной эйты, оставило ей мелкие морщины на шее.

Веки подпухшие.

Под глазами темные круги.

Я не хочу сочувствовать, ни ей, ни кому бы то ни было из их семейства, которое отняло у меня столько лет жизни. Хотя... следует признать, что и дало немало. Без них не было бы ни Корна, ни Ольса с сала Терес.

Новых работ.

Этны.

— Сауле...

— Это от нервов. У нее очень деятельная натура, которой мало просто сиять в свете, тем более что

это никогда Сауле не интересовало. Вот и получается...

— А Кирис?

— Мар так захотел. Договор подписан... уже пять лет, как подписан.

Но свадьба так и не состоялась. Любопытно.

— Вам здесь не нравится, — Лайма все же взяла себя в руки. — Не знаю, зачем Мар вас притащил... лгать он может им, если повезет, поверят, но я успела его изучить. Поэтому... послушайте моего совета. Уходите. Из дома, с острова... вам ведь есть куда?

Я помогу... пока еще не поздно — уходите.

ГЛАВА 17

Выход к морю я сама отыскала. Не так уж сложно, когда за тобой не следят. Мар, привезя меня на остров, явно решил, что с него хватит, и благоразумно закрылся в кабинете. Государственные дела, они такие, требуют постоянного внимания. Прочие же обитатели особняка, верно, рассудили, что, коль уж избавиться от меня в ближайшее время не выйдет, надо меня терпеть. А делать это лучше на расстоянии.

Понимаю.

Прислуга и та старательно делала вид, что меня не существует. Пожалуй, раньше подобное отношение крепко бы меня задело, но теперь я лишь порадовалась свободе.

И выбралась к морю.

Надо сказать, что Бейвир весьма отличался от Ольса. Более пологие берега, на которых успела нарасти земля. И деревья, на ней укрепившиеся, крепко держались корнями за скальную подложку. Местные сосны вырастали просто-таки до неприличных размеров, а под ними скрывалась трава.

И даже цветы.

Полупрозрачные осенние колокольчики привлекали шмелей и бабочек, и я остановилась, присела, любуясь этой красотой.

На Ольсе росли мхи. А вот цветы, так только в горшках Гедре.

Здесь и море было... усмирленным?

Успокоенным.

Темное, какой-то невероятной синевы, оно то выбиралось на песчаную косу, то отползало, оставляя за собой влажные полосы и нити водорослей, но... ни камней, ни раковин, ни мелких юрких крабов, которые на Ольсе были законной добычей местных мальчишек. Крабов жарили на кострах, как и толстые ракушки, запивая горьковатой водой из местных родников. А тут... я смотрела на эту вот гладь, в которой отражалась тень цеппелина.

Останки моста разбирали, и я бы не отказалась взглянуть на них поближе, но вряд ли меня допустят. Я, конечно, попрошу... или не попрошу? Мост — сооружение массивное, и остатков много. Отправят их наверняка в ангар, временно освобожденный от цеппелина, потому-то его и подняли.

Надо подойти.

Глянуть.

Я уже почти решила, когда Этна свистнула, предупреждая о госте.

— Доброго утра, — я повернулась, запахивая цветную шаль, подарок Гедре. Вывязанная из жесткой овечьей шерсти, крашенная в семь оттенков пурпурного, она гляделась необычно, возможно, местами уродливо, но была теплой.

И непродуваемой.

А местным ветрам пусть и далеко было до тех, оставшихся на Ольсе, но и они уже несли на крыльях своих осень. С осенью же не шутят.

— И вам доброго утра, — ответил дядюшка Юргис, переступая через гнилую коряжину. Вросшая в песок, та успела покрыться толстым слоем мха, но растопыренные ветви-пальцы по-прежнему гляделись грозно. — Гуляете?

— Люблю свободу.

— Кто ж ее не любит...

Он сменил мундир на светлый свитер свободной вязки, который, впрочем, не смотрелся чуждо. На Ольсе мужчины носят похожие, правда, отнюдь не кашемировые, да и узоры вывязывают осмысленные. А здесь... пара рун, сплетшихся вместе, но друг друга гасящих.

Все-таки у классического образования есть свои недостатки.

— Мне показалось, вам одиноко, — его голос звучал низко, а я вновь ощутила, как быстро, пожалуй, чересчур уж быстро застучало мое нелепое сердце.

С сердцем всегда так.

Нельзя ему доверять.

— Показалось, — я стиснула хвост шали. — Я привыкла к одиночеству.

— Молодые красивые девушки не должны быть одиноки.

Он сделал шаг ко мне.

Ботинки вот тоже рыбацкие, из плотной шкуры, залитой смолой. Смотрятся довольно массивными, но зато удобны, особенно для таких вот песчаных берегов.

— Почему?

— Это противно их природе.

— Вижу, вы много знаете о природе молодых красивых девушек, — сказала я, разглядывая гостя. Вот интересно, когда он меня заметил?

Еще в доме?

Я вышла через боковую дверь, которой пользовались слуги, и тропинку эту выбрала именно за ее неприметность.

От него пахло... туалетной водой.

Хороший запах. Вполне себе гармоничный, в нем сплелись лемонграсс и еще черный перец, придающий остроты. Капля ветивера, который сам по себе шепчет о близости осени. Мускус. Сандал...

Губы, коснувшиеся моих пальцев.

Когда только успел подойти? Горячие, слегка шершавые...

— Ваши руки... — он уже шепчет, заставляя прислушиваться к словам. И пытается поймать взгляд. — Они такие... настоящие...

— Ага, — я высвободила пальцы и демонстративно вытерла их о юбку. Все равно в стирку отдавать. — Извините. Не люблю, когда слюнявят...

А вот и злость.

Искра в серых глазах вспыхнула и погасла.

— Простите...

И снова этот шепот, от которого по телу разливается непонятная истома. И только коготки Этны, впивающиеся в ногу, заставляют собраться. Интересное у него колечко, однако.

— Прощу, — согласилась я, присаживаясь на ту самую корягу. Бежать не имело смысла, да и выглядело бы это по меньшей мере нелепо. Как же, благородный эйт завел беседу, а бестолковая дикарка неверно истолковала его намерения, приняла обыкновенную вежливость за нечто большее.

Интересно, он и вправду собирался меня соблазнить?

Если и да, то для чего? Или просто силы пробовал?

— Я вас смутил...

— Не дождетесь. Знаете, там, где я жила, многие пользовались рунами. Конечно, сейчас рунная магия считается пережитком прошлого, — я поправила съехавший чулок, и Юргис отвернулся. Какая милая вежливость. — Но мы с вами знаем, что при некоторой толике знаний и... скажем так, воображения, рунная магия способна творить чудеса.

И главное, смотреть на море, а не в глаза.

Менталист?

Если и так, то слабенький, но...

— Удивительно, правда? — Он подошел и положил руку на плечо, хорошо хоть сразу целоваться не полез. Я попыталась представить себе этот поцелуй и содрогнулась: кажется, я совсем отвыкла от

мужчин.

Или меня просто этот конкретный раздражал?

— А то... берем металл... полагаю, платина, на ней контуры формируются хорошо, да и энергоемкость по сравнению с тем же серебром на порядок выше, впрочем, рунам достаточно и малости. Их задача — преобразовывать собственный поток носителя. Лунное железо... алюминий. Количества небольшие, чтобы усилить исходные свойства платины, но не допустить смешения. На внутреннем кольце... что за руна? Позвольте взглянуть?

Руки убрались.

Это он правильно, это он благоразумие проявил, что весьма даже похвально.

— К слову, новодел или родовое?

— От прабабушки досталось...

— Редкостной, полагаю, красавицей была?

— Слыла, — Юргис отступил и скрестил руки на груди. — В свое время едва не стала королевой, но вынуждена была покинуть двор. Поспешное замужество. Ссылка... родные от нее поспешили откреститься.

— Несправедливо.

— Жизнь в принципе несправедлива, — Юргис поднял плоский камушек и, примерившись, запустил его по морю. Я тоже так в детстве любила, правда, моих сил хватало на два подскока от силы, потом камни уходили в воду. А у него ловко получилось. — Она меня вырастила. К сожалению, ее единственный сын погиб в весьма юном возрасте, а мой отец... полагал, что жизнь дана для удовольствия.

Второй камешек заскакал вслед за первым.

— А вы...

— А мне достался остров, на котором две чайки с трудом разминутся, полуразвалившийся замок и отцовские долги.

— Сочувствую, — почти искренне сказала я.

— Не стоит. Я почти уже расплатился... мои подруги проявляют неслыханную щедрость.

Он покосился, но я лишь пожала плечами: каждый живет как умеет, и не мне его осуждать.

— А еще порой... от них поступают странные просьбы.

— К примеру, соблазнить одну провинциалку?

— Вроде того...

— Зачем?

Кстати, и вправду интересный вопрос. Если бы я думала, что роман с кем-то поможет получить развод, давно бы обзавелась любовником, может, и не одним даже.

— Не знаю, — он подал руку, и я приняла ее. — Но Ирма очень зла. Я бы не советовал вам испытывать ее терпение. Рунная магия — не самая лучшая защита...

Просто пользоваться уметь надо.

Возвращались мы вместе. Юргис, оставив — или отложив на время? — идею меня соблазнить, просто рассказывал. Об острове, что этом, что родном. О море. И чайках.

О столице, в которой бывал частенько. Он оказался на редкость интересным собеседником, и я даже получила от этой прогулки удовольствие, которое, впрочем, испарилось, стоило увидеть Мара.

Мой законный супруг ждал нас на пороге дома.

Стоял, ноги расставив.

Руки скрестил.

Вид мрачный, ничего хорошего не предвещающий. И главное, почти поверила, что он ревнует. Юргис вот поверил точно, фыркнул, ручку мою поцеловал на прощанье и взглядом одарил многообещающим. Была бы дровами, вспыхнула бы.

А так...

— Где ты бродишь? — процедил Мар сквозь зубы.

— Гуляю.

— С ним?

— Почему бы и нет? — Я склонила голову, разглядывая взъерошенного супруга.

А ведь ночь не спал, вон, глаза запали, морщины проявились. И злится он не столько на меня, сколько просто... бессонница, усталость, а тут еще и я с Юргисом.

— Мне не нравится, что ты...

— Мар, — я взяла почти бывшего мужа под руку. — Успокойся. И вспомни, сколько нам до развода осталось?

Он лишь зубами заскрипел. И зря. Зубы, между прочим, беречь надо.

— Он... редкостное ничтожество. Живет за счет женщин.

— Знаю.

— Откуда?

— Он сам сказал, — я поправила мятый воротничок Маровой рубашки. — И еще пользуется родовым перстнем, который усиливает очарование. Предупреждая, скажу, это не приворот.

Где-то рядом, близко и почти на грани, но ведь не приворот? Жертву не лишают силы воли. Просто кто виноват, что этой силы оказывается недостаточно, чтобы устоять перед искушением? А прабабку жаль... не стоило замахиваться на добычу, которая не по силам.

— Это мерзко.

— А лгать о любви, чтобы получить патенты, не мерзко?

На щеках Мара проступили красные пятна.

— Ты...

— Успокойся уже. И что там с мостом?

— Ничего, — как ни странно, но он действительно успокоился, разом взяв себя в руки. — Следов воздействия не обнаружено...

Ага, потому что их смыло волной силы, которая выплеснулась при разрыве контура.

— Я хочу взглянуть, если ты не против.

— Скажу Кирису.

Что ж... рыжий меня одну не оставит, что, конечно, нехорошо, но с другой стороны, если обронить там Этну... я смогу управлять големом с расстояния, а она способна уловить и слабый остаточный след. То есть надеюсь, что способна.

— Я хотел познакомить тебя со своей дочерью.

Рута.

Ее звали Рута. В честь бабки, матери Лаймы, ныне покойной.

Ей было семь.

Высокая, пожалуй, что чересчур уж высокая для девочки. Напрочь лишенная изящества матери, напротив, какая-то откровенно нескладная. И с этой нескладностью не способно было справиться ни платье в мелкий цветочек, ни оборочки, ни бантики, которые едва-едва держались на тонких косичках.

На меня девочка смотрела исподлобья, явно не ожидая ничего хорошего. А вот Мару обрадовалась.

— Эйта Рута наказана, — возвестила вполне себе миловидная девица, которую несколько портило крайне недовольное выражение лица.

И гладко зачесанные волосы.

И серое строгое платье гувернантки.

И удушающий запах лаванды, будто бы и это платье, и сама девица хранились в старом бабкином сундуке, переложенные этой самой лавандой для пущей сохранности.

— Подите вон, — сказал Мар, и девица молча покинула покои. А вот двигалась она по-кошачьи мягко, и длинные юбки колыхались, обвивая ноги, что не осталось незамеченным.

Интересно, Мар с ней спал?

Или только собирается.

— Рута, это Эгле. Моя жена.

— Та самая? — Рута дернула себя за косичку и поморщилась. — Она выглядит больной. Ты скоро умрешь?

— Надеюсь, что нет.

— Мама сказала, что было бы хорошо, если б ты сдохла на том острове, — она наблюдала за мной внимательно, рассчитывая... что? Обиду увидеть? Слезы?

Маленькая поганка.

— Рута!

— Что? Мама сказала, что ты, похоже, ума лишился, если приволок ее в дом.

— Тебе сказала?

А вид у девчонки примерный. Села. Руки на колени положила. Спинка пряменькая, шейка худенькая... такую только пожалеть и приласкать.

— Нет. Йонасу. И еще сказала, что с ней надо что-то придумать. А мама умеет... придумывать. Так что будь осторожна.

— Буду.

Рута кивнула.

— А ты... действительно артефактор?

— Да.

— Я хотела учиться. Но мама сказала, что это ни к чему. Меня и так замуж возьмут. Только я замуж не очень хочу.

— И правильно.

Комнаты у нее были... девичьи. Просторные. Светлые. Обои розовые, с золочеными завитушками, правда, редкими и скромными, ибо обилие золота — признак дурного тона. Так писали в том журнальчике, который нравился Гедре.

Белая мебель.

Тончайшие портьеры, которые не столько задерживают солнечный свет, сколько рассеивают его, наполняя комнату золотистой дымкой. В ней скрывались фарфоровые статуэтки танцовщиц, само собой, изящных, и тихо увядали белые розы.

Ковер цвета беж.

И черный почти паркет, выглядевший на редкость уютным. Камин, чья решетка сияла, а вот зев был пуст, ибо камин отходит в прошлое. Дом теплый, а комнаты эти... неправильные. Ей нужны не такие.

— Мама считает, что папа зря не дал тебе развод.

— И я так думаю.

— Дорогая, — Мар откашлялся и посмотрел на меня, явно ожидая поддержки. А я что? Своих детей у меня не было, чужие... младенцы внушали ужас своей беспомощностью. Они кричали, срыгивали, пачкали пеленки и требовали неустанной заботы. Дети постарше имели дурную привычку лезть туда, куда лезть не следует, а еще визжать, капризничать и вообще всячески портить жизнь непричастным к их появлению людям. Другие, возраста Руты, утратившие уже нежную пухлость, зачастую становились вовсе несносны.

И хамили.

И подслушивали.

Гедре утверждала, что к своим я буду относиться иначе. Не знаю...

— Ты... гм... повела себя не совсем правильно.

— Когда? — уточнила девочка, старательно хлопая ресницами. Правда, выглядела она при этом на редкость глупо, что, вероятно, чувствовала, и морщилась. — Когда сказала Йонасу, что у него в голове дерьмо?

— Именно. Нельзя говорить брату, что у него в голове... гм... нельзя грубить, — поправился Мар.

— Но у него и вправду в голове дерьмо. Иначе чего он полез, когда ему сказано было не лезть.

— Куда?

Рута потупилась.

— Я собирала... одну штуку... чтобы никто в мою комнату не лез. А он полез. Сам. Я ему сказала, чтобы не трогал. Не услышал. Опять того... шизанутый... глаза в кучку и бормочет чего-то. Я его не трогала. Сам приперся. Ну его и шибануло. Он мигом в себя пришел и орать стал, что это я виновата. А разве я виновата, что у него в голове дерьмо и уши забиты?

Я вынуждена была признать, что мелкая засранка в чем-то права: не стоит трогать чужую работу, тем паче неоконченную, когда контуры нестабильны, всякое может случиться.

— Рута! — Мар заложил руки за спину. — Мы с тобой, кажется, говорили на эту тему. И ты обещала, что не станешь экспериментировать здесь...

— А где мне экспериментировать? Ты обещал, что дашь лабораторию...

— Ты же знаешь, что мама против!

— И что? Я-то за...

Она смотрела на Мара с такой надеждой, что сердце сжалось.

А мне вот не запрещали. То есть лаборатории у меня не было, но в своей комнатухе я делала, что хотела. В разумных пределах, само собой. Да и материалов, чтобы сотворить что-либо серьезное, у меня не хватило бы...

— Папочка... — Рута вдруг всхлипнула. — Я не хочу... не хочу вышивать... и слуха у меня нет, ты же знаешь. И голоса. И не разовьются они, это все ерунда... почему Йонаса учат, хотя он псих полный, а мне нельзя?

— Потому что ты женщина.

— И она тоже! — Рута указала на меня пальцем. — Она ведь училась и...

— И в университете. И даже степень получила, — я присела на край низенькой софы, чтобы потрогать позолоченную пуговицу. Нет, не артефакт, обыкновенная, как и дюжина других, выложенных монограммой. — Действительно, если у девочки талант, то к чему ее мучить?

Мар вздохнул.

И застыл.

И снова вздохнул. Тряхнул головой, будто пытаюсь избавиться от мыслей, которые мешали сосредоточиться. Поднял было руку и опустил.

— Ладно... я ведь все равно собирался... скажу мастеру Арчо, чтобы занялся и тобой, раз уж Йонас действительно...

ГЛАВА 18

С мастером я тоже познакомилась, правда, ближе к вечеру. Он, высокий и сухопарый, чем то напоминающий серого журавля, расхаживал по ангару и что-то бормотал под нос. За мастером следовало трое мальчишек того поганого подросткового возраста, когда они сами себе и окружающим кажутся взрослыми.

Мое появление заставило всю четверку замереть.

И если мастер только дернул шеей, то мальчишки захихикали... мальчишки... да они выше меня на голову будут. И сила клубится, прямо-таки рвется, не сдерживаемая ограничительными brasлетами. Как же... пятнадцать лет разменяли, контроль держат...

— Это моя жена, — сказал Мар, окинув взглядом ангар, временно вместивший остатки моста, те, которые удалось демонтировать и извлечь из моря. — Она желает взглянуть...

— Потом.

— Сейчас, — я не собиралась уступать этому журавлеобразному типу только потому, что у него ученики имелись. У меня, возможно, тоже бы были, останься я при университете.

Или не были?

Кто пойдет учиться к женщине, будь она хоть трижды талантлива. Сейчас я куда отчетливей понимаю, сколь призрачными были мои шансы задержаться в мире науки. И да, наверное, стоило бы поблагодарить Мара, но... в другой раз.

Под настроение.

— Мне некогда...

— Вы мне и не нужны. Я сама как-нибудь, — я подняла обломок искореженного металла. Надо же, какой ровный разрыв, будто ножом срезали.

А ведь я была бы с Маром на том мосту.

Если бы задумалась.

Если бы...

Не стоит. Прошлого не изменить, а в настоящем я вполне себе жива, цела и любопытна.

— Ничего не трогайте! — взвизгнул мастер, подскочив на месте. — Эйт Марун, я должен предупредить, что процедура анализа первичных данных требует полной моей сосредоточенности. И я не могу...

— Просто не обращайтесь на нее внимания, — посоветовал Мар, трусливо отступая к двери. — А еще... я распорядился. Теперь ваши занятия будет посещать и моя дочь.

О... а это мастеру понравилось еще меньше, чем мое присутствие в святой святых. Ишь ты...

— Не вижу в этом необходимости.

— Девочке интересно, — сказала я, присаживаясь еще у одного осколка. Массивный. Тяжелый. С одной стороны успел покрыться тонкой пленкой коррозии, с другой — сияет. Это часть поручня? Опоры? Интересно, у них вообще исходный чертеж имеется?

— Девочка может найти себе другое занятие... более подходящее ее полу.

Конечно.

Муниципирование. И ничего, если слуха нет, это не важно, главное, чтобы приличия соблюдены были.

— Она уже нашла. И вообще, Мар, если этот не согласен, найди другого мастера. Мало ли их... развелось.

А вот мост воссоздать стоило бы, хотя бы затем, чтобы понять, откуда началось разрушение.

То есть я помню, и Этна записала, но... одно дело память моя, и другое — металла. Вдруг да повезет найти... что-нибудь? Пока сама не знаю, что именно.

Этна свистнула, правда, услышала ее лишь я.

Ага... ей бы остаться в тихом уголке, а уже ночью, когда люди спят... Этне сон не нужен, а запаса в кристаллах хватит на несколько дней, даже если не пополнять. Тем более что поле здесь насыщенное, в нем кристаллы будут частично самовосстанавливаться.

— Мало, — Мар пнул железяку, которая отозвалась глухим гулом, а следом загудела и гора, наваленная посреди ангара. И почти уже бывший муж благоразумно отступил к двери. Нет, спроси, я бы могла ответить, что гул этот происходит в результате небольшой цепной реакции, которая началась, когда он собственным полем потревожил остатки энергетического контура, и стало быть, части моста все еще реагируют на Мара.

— Я заявляю...

— Заткнитесь, — сказала я, присаживаясь. Я положила обе руки на перекрученную трубу, из которой торчали остатки стальных канатов. — Мар, а пни эту штуку еще разок... вот так...

Труба мелко дрожала.

— И еще...

Дрожь стала ощутимей, а в куче что-то да заскрежетало, и сама куча зашевелилась. В какой-то момент мне даже почудилось, что она вот-вот оседет, поползет, накрывая и мастера, и учеников, и меня с Марой грудой железного хлама.

Острого железного хлама.

И Мар, кажется, тоже что-то такое ощутил...

— Что...

— Она по-прежнему на тебя реагирует. Какое цепкое проклятие...

— Мы имеем дело со структурной аномалией, — сквозь зубы процедил мастер. — И будьте так любезны...

— А мне казалось, что вы еще данные не собрали. Первичный осмотр проводите...

— На предмет поиска структурной аномалии.

— То есть диагноз уже поставлен?

Я взяла кусок оплавленного листа и поднесла его к Мару. Лист задрожал. А муж попятился... вот же, когда-то он казался мне храбрым человеком.

— Я с ней позанимаюсь, если хочешь, — я отложила лист. — Аномалии не обладают памятью. А вот проклятие... получив внешнюю энергетическую подпитку...

Мой голос был прерван, когда кривая арматурина сорвалась-таки с горы железа, чтобы рухнуть на пол.

— Не исчезают, но напротив, множатся и цепляются за любой более-менее подходящий носитель.

И весьма странно, что мастер немалых регалий — а другому не дали бы разрешение обзавестись учениками — этого не знает. Или... знает?

Если бы Мара не стало...

Несчастный случай.

Структурная аномалия, о чем имеется соответствующее заключение... чужаков к острову не допустят, а вот свои... свои, они всякими бывают.

— Хочу, — Мар попятился к двери. — И... если займешься не только Рутой. Буду благодарен.

Он помолчал и добавил:

— Действительно буду благодарен...

Хотелось бы верить. Впрочем... я присела и постучала пальцем по полу, позволяя Этне перебраться под гору. Сдается, тихой темной ночью мы узнаем куда больше, нежели днем. И мастер, вновь дернув шеей, сухо произнес:

— Надеюсь, эйт Ильдис, вы понимаете, почему не стоит так уж доверять доводам дилетантов... иногда остаточные следы и вправду могут казаться более структурированными, нежели они есть на

самом деле. Но увидите, что постепенно, по мере развеивания силы, так называемое проклятие сойдет на нет...

— Если только так называемое.

— А потому просто прошу вас дать мне сделать свою работу...

Возражать я не стала, тем более что Этна нашла себе тихий угол. Потом вернусь. Ночью... темной-темной ночью.

Я не удержалась и хихикнула.

Кто бы мог подумать... жизнь за пределами Ольса и вправду куда как интересна.

За ней было интересно наблюдать.

Издали.

Маленькая пичуга изменилась. Нет, она не постарела, напротив, время будто обошло ее стороной. А веснушек вот прибавилось.

Или Кирису только кажется так?

Он бы не отказался пересчитать. А еще подойти поближе, но нельзя... вот и остается, что издали смотреть.

Сильнее стала.

Страх ушел. Появилась уверенность, которую чувствовали и другие...

— Следишь, — Сауле прислонилась к косяку и фляжкой потрясла. — Она миленькая... и умненькая. Но все равно дура, если думает, что переиграет этого ублюдка.

— Голова не болит?

— Болит, — она сделала глоток и вздохнула. — Что он затеял?

— Понятия не имею.

— Дерьмо, — она прижалась лбом к стеклу.

Витраж.

Зеленый луг, яркие цветы и все равно в коридоре сумрачно, да и стекла выглядят постаревшими, побуревшими.

— Недолго осталось, — Кирис подал руку. — А тебе лучше не попадать на глаза... я бы тебя отослал, но сама понимаешь.

— Понимаю, — она срыгнула и запоздало прикрыла рот рукой. — Я, мать его, только и делаю, что понимаю. Если бы ты знал, до чего все опротивело... вчера я подумывала, что, пожалуй, могла бы его убить. И убила бы... то есть появилась такая возможность, убила бы... но ее не появится. На нем амулетов больше, чем блох на собаке... он бы даже упав, уцелел бы...

Сауле икнула.

И снова.

Потрясла головой, пробормотав.

— Что он затеял... что-то плохое... очень-очень плохое... я чувствую... я его чувствую, как никого другого...

Кирис взял ее под руку.

Кажется, с зельем она слегка переборщила. А может, и к лучшему, до вечера отлежится, там, глядишь, скажется больной и еще пару дней продержится.

Знать бы, сколько осталось.

И при чем здесь рыжая пичуга, которая бодро шагает, не замечая ни чужих взглядов, ни

пристального, слишком уж пристального интереса Мара.

Он выглядел задумчивым, Марун Ильдис.

Он скинул пиджак, небрежно бросив его на спинку кресла, а сам забрался на подоконник, вытянул ноги, упираясь в проем, запрокинул голову. Глаза закрыл.

— Сауле спит?

— Да.

— Надолго?

— До ужина точно. Может, стоит отправить ее. Я подобрал несколько хороших... действительно хороших лечебниц. Ей помогут.

— Нет, — вялая рука поднялась и опала. — Мы должны сыграть красивую семью... красивую и дружную. Очень-очень дружную.

Почему?

До недавнего времени Мару было глубоко плевать на то, что о нем говорят. Благо писали о самом молодом канцлере сдержанно и большей частью с должествующим восторгом. Так для чего это... собрать всех. Самому убраться якобы в отпуск перед торжественной церемонией. Притащить Эгле, о существовании которой он, казалось, вовсе забыл?

— Потом... делай, что хочешь. Она твоя невеста, значит, и голова пусть болит у тебя.

Невеста.

Правда, о свадьбе и речи не идет. И вряд ли она, эта свадьба, вообще когда-нибудь состоится. Эйты не выходят за... непонятно кого.

К счастью.

— Что об Эгле скажешь? — Мар потянулся и зевнул.

— А что ты хочешь услышать?

— Правду, друг мой, исключительно правду...

— Она... выделяется.

— Ты все-таки научился играть словами.

— С кем поведешься...

Мар хохотнул и сполз-таки с подоконника. Тронул правую запонку — белое золото, пара сапфиров и скрытые в камнях плетения. Слева — защита от огня. Справа... Кирис точно не знал, скорее всего, водная плеть. Или щит. Или еще что-либо.

— Если собираешься ее вытянуть ко двору, то сперва сделай так, чтобы она не сильно выделялась.

Глупый совет.

Она, рыжая пташка, все равно будет иной, даже если ее закрутить с ног до головы в драгоценные паучьи шелка, а сверху посыпать жемчугами. Она... иначе смотрела.

Держалась.

Она просто была другой. Не хуже, отнюдь. А главное, она прекрасно осознавала свою инаковость, но... не страдала, что ли? То есть, может, и страдала, Кирис наверняка не знал, но тогда она очень хорошо прятала эмоции. А это несколько противоречило сложившемуся образу.

И еще почему-то стало тошно от мысли, что рано или поздно, но она узнает.

Про нейту Ригис.

Про...

А про Вельму нет. Как и про то, что море разговаривает с Кирисом каждую ночь. Впрочем, на

острове каждый сходит с ума по-своему, и весь вопрос лишь в том, как надолго затянется процесс.

Кирис вот начал получать от этих разговоров своеобразное удовольствие.

— Вот и я о том же, — Мар давно научился обходиться без собеседников, впрочем, каким-то удивительным образом угадывая, о чем думают другие. — Я могу навесить на нее все семейные драгоценности, но легче никому не станет... да и... не знаю. Я не думаю, что ей понравится двор.

А она двору.

Вот только...

Мар постучал пальцем, мешая поймать скользнувшую мысль.

— Если я скажу, что всего лишь собираюсь исправить ошибки юности, ты мне поверишь?

Нет.

— Вот и они не поверят... никто не поверит, — губы Мара растянулись в улыбке, той сияющей, великосветской, которая на самом деле ничего не значит. — Поэтому пусть все идет своим чередом...

ГЛАВА 19

Здесь все было немного иначе. И море, вылизывавшее берега, к вечеру темнело, а небо, напротив, подолгу оставалось светлым, выцветшим и каким-то мутным. В мути этой терялись звезды, половинка же луны казалась ненастоящею, вырезанною из золотой бумаги, да и то наспех.

Я сидела на подоконнике, разглядывая эту половинку, думая о том, что стоило бы написать брату, но... что именно? Письмо прочтут, в этом я не сомневалась. А Мар не был настолько наивен, чтобы не понять, что я пойму, и тогда...

Что, собственно говоря, тогда?

Я положила ладонь на стекло идохнула, оставляя на окне влажный след. Детская забава, если поспешить, можно что-нибудь нарисовать...

Лайма вошла без стука.

Точнее попыталась войти. Дверь не поддалась. К слову, вовсе не та дверь, которая вела в общий коридор, а маленькая, скрытая в панелях.

— Кто там? — поинтересовалась я, успокаивая сторожевое заклятие.

— Нам следует поговорить.

— Мы уже говорили, — я качнула ногой.

Вверх и вниз.

Вниз и вверх. Наверняка эйты так не делают, наверняка качания ногой в этом мире находятся где-то между непристойностью и недопустимостью, как и прочие маленькие жизненные удовольствия.

— Пожалуйста, — тон изменился, — мне действительно надо с тобой поговорить. Это касается нас обеих. Ты ведь не хочешь потерять единственного союзника?

Союзника?

Э нет, я, может, и далека от высшего света, но вот кожей чувствую, что от подобных союзников стоит держаться подальше. Однако не уйдет ведь. Да и любопытно, что ни говори. Оставшись без работы — не станешь же открывать лабораторию в чужом доме, — я вдруг обнаружила, что мне совершенно нечем заняться. Хоть ты и вправду начинай брови выщипывать.

Я сползла с подоконника.

Надо будет что-то придумать с управляющим контуром, чтобы можно было защиту снимать, но локально и, главное, не покидая при этом уютного подоконника.

— Ты поставила защиту? — Лайма слегка сморщилась. — Конечно, весьма предусмотрительно, но... боюсь, долго она не продержится. Основной контур развеет.

Посмотрим.

Есть у меня кое-какие мысли на этот счет, точнее, даже не мысли, а... в общем, вряд ли Лайме это будет интересно.

— И ты права. Тебе стоит себя защитить, — сегодня она была в зеленом, точнее, даже не знаю, как называть этот нежный оттенок первой листвы.

Узкое платье на бретелях.

Нити бисера, нашитые так густо, что ткани почти не видать, шевелятся при малейшем движении, сверкают как-то чересчур уж ярко. И это сверкание раздражает, как и газовый шарфик, обмотанный вокруг тонкой шейки.

Круглый изумруд в волосах.

Павлинье перо.

Туфельки на остром каблучке. Крохотная сумочка, в которую вряд ли вместится что-то помимо помады. Но нет, здесь я ошиблась, и из сумочки Лайма вытащила колечко.

Круглое.

С камушком. Вида не то чтобы непрезентабельного, скорее уж нарочно сделанного незаметным.

— Возьми, — она протянула колечко. — Моя дорогая свекровь... на редкость небрезглива. А еще многое знает о травах. И веществах, которые в них содержатся. Ты знала, что она когда-то была целителем?

Благородная эйта Ирма и целительство?

Одно с другим сочеталось примерно как старая лодка с бархатными накидками для сидений.

— Образование она получила отменное. Альсвейгский университет имени Корнуда Светлого... лучшая ученица... три года магистратуры. Несколько монографий. Правда, потом она вышла замуж и оставила практику, но не настолько, чтобы... действительно оставить. У нее чудесные теплицы, как-нибудь загляни.

Всенепрерывно.

Колечко оказалось интересным. Вот первое заклятие явно из целительского арсенала, но переплетенное, перевитое с другими... поиск поняла. А третье что? Стазис? Но не в стабильном состоянии. Вся конструкция странным образом равновесна и в то же время...

Подвижна?

Вот эти два блока отвечают... не понимаю, за что отвечают, но очень даже интересное решение проблемы.

— А при них и небольшая лаборатория имеется. В нее заглядывать не следует. Эйта Ирма весьма нервно относится к своей собственности... ко всей своей собственности. Кольцо поможет обнаружить посторонние примеси в еде или питье, или... оно способно стабилизировать тебя, если вдруг случится принять что то... не то.

— Яд?

Лайма качнулась, и серебряные бусины на нитях зашевелились, зашелестели рукотворной чешуей. Все же было в ней что-то донельзя змеиное.

— Дорогая, — пальцы стиснули сумочку. — Поверь, никто не станет рисковать, используя яд. Воздействовать на человека можно по-разному. Тебе повезло когда-то уехать до того, как эйта осознала твою ценность для семьи. В противном случае вам хватило бы нескольких бесед наедине и... когда-то и я хотела уйти.

— Почему не ушла?

Колечко я крутила, но примерять не торопилась. Все же технику безопасности помню: малоизученные артефакты, ко всему полученные от подозрительных личностей использовать себе дороже.

— Сложный вопрос... не возражаешь, если я присяду?

— Не возражаю.

— Вообще-то тебе, как хозяйке места, следует проявить вежливость. Предложить сесть, послать кого за чаем и прочей дребеденью...

— Послать? — поинтересовалась я, решив, что колечко посмотрю вечером, да и предупреждению стоило бы внять.

— Не стоит, скоро ужин и... переодеваться не собираешься?

— А чем этот наряд плох?

Платье было новым, правда, от вчерашнего оно отличалось разве что рунным узором на подоле, сомневаюсь, что кто-то здесь и вправду заметит разницу.

— Ничем. Если собираешься и дальше быть мишенью для иголок Сауле.

— Она уже протрезвела?

— В достаточной мере, чтобы вновь начать напиваться...

— Почему ты мне помогаешь?

— Я тебя ненавижу, — вполне искренне сказала Лайма, вытащив из сумочки тонкий портсигар.

Черный мундштук, хрупкая с виду сигарелла. Дым с привкусом шоколада и белые пальчики, скользившие по мундштуку. Что-то было в этом движении, если я почувствовала, как краснею. — Я понимаю, что и ты, и я... что по сути мы оказались заложниками в чужой игре, в чужих амбициях. Но понимания мало.

Понимание — это разум, а эмоции... мне отчаянно нужно было кого-то ненавидеть.

С Маром мы знакомы давно. Мы все друг с другом знакомы. Там... — она указала сигаретой на потолок — на самом деле очень тесно. И все всё знают, да... еще в детстве мама сказала, что мы поженимся.

Она выпустила тонкую струйку дыма.

— Я никогда не отличалась особыми талантами. Сила? Да, была, но... толку-то?

И желания... отец предлагал оплатить учебу, но мама сказала, что мне это не нужно. И я поверила ей. Я решила, что меня вполне устроит красивая жизнь чьей-то жены... в конце концов, разве женщина не должна блистать?

— Понятия не имею.

— Повезло, — как-то обреченно произнесла Лайма. — Если бы ты знала, до чего тяжелый труд — блистать...

— Бросила бы...

— Кто ж мне позволит? Нет, сначала все было чудесно. Мы с Маром встречались. Мы были симпатичны друг другу, а это больше, чем имеют многие. Он относился ко мне с уважением, хотя и снисходительно, но... я привыкла к этой мужской снисходительности, даже научилась с ней управляться. Я вполне себе построила планы, в которые имела неосторожность посвятить близких подруг. Тогда я еще думала, что у меня могут быть подруги...

Пауза.

Вздох.

И дым, который становится горьким, терпким. Я никогда не пыталась курить, хотя на Ольсе многие женщины умели обращаться с трубкой, и никого особо это не смущало. Хозяйка моей лавки жевала табак, и зубы ее давно приобрели желтый цвет, а к волосам и коже приклеился запах, нет, не сказать, чтобы отвратительный, но...

Курить я не пробовала.

Да и если бы пробовала, вряд ли бы у меня вышло столь же изящно.

— Они в последний момент не сумели договориться, мой отец и Мар. И помолвка, которая должна была состояться, не состоялась. Пошли слухи... всякие слухи. И большей частью обо мне... о том, что я была постыдно неосторожна, что... — кулачок Лаймы сжался. — Мои подруги... меня утешали. А слухов становилось все больше. Мне даже пришлось уехать ненадолго... в путешествие по Империи, да... а вернувшись, я узнала, что Мар женился. Представляешь?

— Ужас какой.

— Именно. Ужас. Он разорвал помолвку со мной, чтобы жениться на какой-то безродной девке.

Еще немного и точно сочувствием проникнусь, как иначе...

— Если раньше обо мне шептались, то теперь я стала посмешищем. Мне в лицо говорили... всякое говорили... это высокое искусство сделать вид, будто желаешь помочь, а вместо этого обмакнуть в дерьмо. И я вдруг поняла, что это все, что если после разрыва помолвки я еще могла рассчитывать на хорошую партию, все же папенькины верфи изрядный приз, то теперь... то есть верфи, конечно, ценности не утратили, в отличие от меня, не сумевшей удержать того, кого в свете полагали моим женихом...

Пепел она стряхнула в фарфоровую вазочку и, как показалось, сделала это с немалым удовольствием.

— Да и папенька мой вдруг решил, что после матушкиной смерти прошло изрядно времени, а значит, второй брак не будет выглядеть поспешным. Конечно, его поняли... мужчине нужен наследник. Я же... я получу некоторую сумму в приданое, но этого мало.

О да, понимаю, одно дело шанс наследовать огромное предприятие, и совсем другое — получить

чужую невесту с небольшой доплатой.

— Признаюсь, я тогда несколько... вспылила. С папенькой у меня состоялся неприятный разговор, который закончился моей отправкой в Тихую обитель.

Ничего себе...

Я слышала про эту обитель многое, вот только хорошего в этом многом не было ни капли. Отдаленный остров. Камень. Скалы. И древний храм, при котором когда-то воспитывали жриц Эйры, внушая им мысли о служении божеству, а также смирении и прочей чепухе. И не только жриц воспитывали, да... бывало, что некие особы рода благородного вдруг начинали ощущать в себе зов неба, заставлявший их удалиться от мира...

Сомневаюсь, что уход всегда был добровольным, но...

— Полтора года... мне хватило и месяца, но отец был зол... а потом появился Мар с его новыми идеями. И патентами. И папенька, к счастью, вспомнил обо мне...

Она с наслаждением раздавила остаток сигареллы о поверхность вазы.

— Извини. Нервы.

— Успокоительное принимай.

— Принимала, не помогает. Разве что то, которое Сауле, но... ее пример показателен. Мар... предложил сделку. У него уже была ты, такая очаровательно-наивная и готовая горы свернуть ради общего блага, только вот ваших детей в свете не приняли бы. И я это говорю не для того, чтобы тебя обидеть. Просто... там другие законы. Боги, сколько раз я думала, что с удовольствием отдала бы все свои побрякушки лишь за то, чтобы ко мне хоть раз отнеслись по-человечески!

Лайма прикусила губу, вскочила, прошлась по комнате.

— Это было... унижительно. Любовница... игрушка... без прав, без надежды, что буду значить хоть что-то. Ты знаешь, что по таким договорам дети изначально принадлежат мужу?

— Нет.

— Мар мог бы меня выставить в любой момент, и мой отец стерпел бы. Ему тоже нужна была реорганизация производства, а у Мара опыт... у Мара патенты... у Мара связи, в конце концов. И король к нему расположен. С меня же требовалось рожать и улыбаться.

— А ты нашла меня.

— Сперва мне хотелось просто посмотреть, понять, что есть в тебе, что Мар так держится за этот брак? Отец ведь предлагал ему выгодные условия. И с разводом никто не стал бы затягивать, напротив, все бы с пониманием отнеслись к этой ошибке юности...

Это Лайма, надо полагать, обо мне. Хотя... в моей юности вот тоже ошибка случилась. И что? И ничего... никуда нам с этой ошибкой друг от друга не деться.

— Потом... я беременна. Положение шаткое. На папочку, чтоб ему демоны пятки грызли, когда сдохнет, никакой надежды... и не смотри на меня так. Он четко дал понять, что выгода для него важнее дочери. Я знаю, что потом, после скандала, он предлагал Мару отослать меня в обитель. Сказать, что, мол, умерла при родах...

Меня передернуло.

А ведь Лайма не лжет, и если так, то мне стоит порадоваться, что мой папенька держался от меня подальше. Мало ли как бы оно обернулось, признай он меня.

— Мар отказался... он засранец, но не сказать, чтобы вовсе без совести. Он был, конечно, зол, что я игру испортила. А вот зйта Ирма понадеялась, что сынок одумается. Она была такой ласковой... сволочь. Как же... переедешь на остров... не позволим обидеть... ребенок должен расти в атмосфере любви и покоя.

Белые пальцы дернулись.

А Лайма коснулась шеи, провела по ней ноготками.

— Эти суды... никто не ожидал, что Мар проявит такое упрямство. Сперва это было смешно. Потом... одно дело ждать своего год, а другое... в свете и сплетничать о нас устали, а это что-то да значит. Я родила мальчика. Мар подарил мне что-то там... отец тоже... акции, правда, без права

управления. Я же женщина, дура... правда, его новая жена тоже родила двоих девочек, наверное, от избытка дури.

Я покосилась на часы.

Эта затянувшаяся откровенность не то чтобы раздражала: непривычно было. Все ж не каждый день передо мной душу изливали.

— Он и вцепился в Йонаса... насколько получилось.

— Ты...

— Мой сын не совсем нормален. Ты еще пока не поняла, это не бросается в глаза, но я прекрасно вижу его... безумие. А еще знаю, что он меня терпеть не может, как и Мара... единственная, кто имеет на него хоть какое-то влияние — Ирма. Впрочем, и ей не стоит обманываться.

Лайма вздохнула и поднялась.

— После его появления я... мне было тоскливо. В свете меня больше не ждали. Как же... кому нужна чья-то любовница, согласившаяся рожать по контракту... будто меня спрашивали. Впрочем, если бы спросили, я бы согласилась. Лучше так, чем в обитель... тишина... если бы ты знала, как там тихо. Пусто. Только камень. Вода. Чайки. Но даже чайки немые. Веришь? И целый день ты наедине с собой, со своими мыслями... медленно-медленно сходишь с ума. Там работа — награда, которую еще надо заслужить, а молитвы... — единственный способ услышать хоть какой-то звук, даже если это звук собственного голоса. Сначала я пела песни. Пошлые песни. Потом кричала. Ругалась... но эта ругань уходила в камень и только. А молитвы, они звучат...

Полуприкрытые глаза.

И капелька слюны на темной помаде. Того и гляди Лайма сглотнет или подавится, или...

— Что угодно, лишь бы не туда... я иногда вижу это место ночами. Я... просто не хочу туда.

Не умею сочувствовать, а ей и вовсе не получается, хотя, наверное, это страшно.

— После родов обитель... она будто вернулась. Во снах. Я снова была там, только уже знала, что навсегда, я... я хотела уйти. Я даже вены себе резала, — она провела пальцем по белоснежному запястью. — Сбежала... попыталась вернуться в столицу, но не помогло. Напротив, стало хуже... в моих снах появилась кровь. Я знала, что, если убью тебя, все изменится. И я бы убила, будь у меня возможность... возможности не было, поэтому я просто сходила с ума. А потом появилась Ирма и дала мне что-то... чай, травяной. Чудесный такой, легкий. После него все становилось... иным? Не важным.

Я жила и радовалась... и пропустила несколько лет. Только когда вновь забеременела, Ирма перестала приносить этот чай. Она сказала, что и без того держала меня слишком долго, что он вреден для будущего ребенка, что... меня стоило бы сперва стерилизовать.

— Зачем ты рассказываешь это все?

— Затем, что мне больше некому. Остальные знают. И им плевать.

— Даже рыжему?

Насколько я помню, наркотические вещества в королевстве запрещены. Или запрет вновь же не для всех существует?

— Ты про Кириса? Милый мальчик... они тогда с Маром редко бывали дома. Заказы... новые верфи... работа... когда появлялись, то не замечали никого и ничего. Да и что заметить? Вторая жена рада. Улыбается. Ничего не требует... сын растет, окруженный учителями и заботой бабушки... потом жена приболела... бывает... беременные женщины так хрупки. Нервозны. И порой им лучше проводить время во сне... два месяца во сне, а потом еще два, когда я с трудом поднималась с кровати. Трое монахинь, которые сменяли друг друга. Мне не позволяли покинуть пределы комнаты. Я была куклой, я... ненавидела тебя.

— Ты уже говорила.

— Нет, ты не понимаешь... я ненавидела, потому что заняла твое место. Это ты должна была сидеть в этой комнатухе, открывать рот, глотая полужидкую манку, пить целебные коктейли и не надеяться, что переживешь роды... знаешь, я бы их и не пережила, если бы не Мар... совпало... роды начались, и он приехал. Не один.

С папенькой. А при нем свои целители и... Ирме пришлось отступить.

— Ты не пыталась...

— Пожаловаться? Кто бы меня стал слушать. Я родила дочь. Меня поздравили. Подарили небольшой завод и вновь же акции... и драгоценности, куда без них. Конечно, никто не думал, что я стану заниматься заводом. Зачем? Это даже не подарок, это просто символично... знак уважения. А я занялась. Не хотела больше оставаться в этом доме. Боялась... и надоело сходить с ума. Мне позволили. Почему бы и нет? Это тоже развлечение, а обычные мне заказаны... знаешь, это оказалось довольно интересным. Мой завод... мне удалось поднять прибыль. И в принципе... мне понравилось. Сейчас у меня около полусотни предприятий. Я покупаю те, которые почти разорены. Я довожу до разорения, чтобы избавиться от долгового груза законным образом, а потом возвращаю их к жизни. Это я тебе говорю, чтобы ты поняла: мне нет нужды убивать Мара.

— А...

— Я не дура. То есть местами, конечно, дура, если позволила втянуть себя в эту авантюру. После рождения Руты мы с Маром как бы... не то чтобы разошлись, это сильно сказано. А интересовать друг друга перестали и задолго до этого события. Мы стали жить каждый сам по себе. Он мне помогал местами. Иногда я помогала ему. Он до сих пор не научился разбираться в бухгалтерии. Его ребенок обмануть способен был, а те люди, которых он держал, не всегда оказывались порядочны. В общем, когда он понял, что мы можем быть полезны друг другу, стал относиться иначе. Даже извинился... нужны мне были его извинения.

Я кивнула: в словах смысла особого нет.

— Время от времени мы показывались в свете. Не скажу, что меня это радовало, но в целом было полезно. Играли в дружную семью, да... потом опять расходились.

У каждого свое дело, благо папенька все же оговорил в контракте возможность иметь свою собственность.

А вот у меня такого папеньки не было.

— Ирма, старая скотина, как-то даже письмо написала... пространное такое, где радовалась, что я наконец обрела смысл жизни... и что ей бы не хотелось, чтобы кому то стало известно о моих слабостях. И взамен кое-что просила.

— А ты?

— А я послала ее лесом... знаешь, с шантажистами иначе нельзя.

Я кивнула.

Точно.

— Тут же поползли слухи, что я безумна... что зависима от некоторых трав, что нельзя со мной иметь дело. Но старым моим партнером требовалось кое-что помимо слухов, а новые... невозможно угодить всем. А пару месяцев тому назад со мной связался Мар. Попросил навестить матушку и вообще... мол, скоро назначение, и потому образ будущего канцлера должен быть цельным и блеснуть, как кошачья мошонка.

Пару месяцев... то есть... я почему-то полагала, что Лайма жила здесь...

— Он выдернул Сауле, которая тихо спивалась в своем поместье. И заставил матушку играть роль гостеприимной хозяйки. Тебя вот притащил. Спрашивается, зачем? И тут вдруг этот мост... то есть полагаю, мост тоже... полагаю, были и другие случайности?

Я кивнула.

Она ведь знает куда больше, чем говорит.

— Чудесно... я знаю, что здесь ловили имперского шпиона, хотя глупость невероятная. Что ему здесь выведывать? Очередной чудесный рецепт Ирмы? Или секрет Сауле, позволяющий ей всосать бутылку коньяка и остаться на ногах? Нет... все серьезно... настолько серьезно, что мне не по себе. Мар очень важен для короны. Важней тебя и меня, и нас всех вместе взятых... поэтому прояви благоразумие.

Да уже, чувствую, поздно.

Хотя брату отпишусь, конечно. Ему и сала Терес отписался, уверена, но и я... не посадят же нас всех, в самом-то деле... или... интересно, а второй своей жене Мар рассказал, что планирует умереть?

Я покосилась на Лайму. Она ответила мне безмятежной улыбкой.

Еще немного и обнимемся.

Расцелуемся, полюбим друг друга со страшной силой, на радость Мару, королю и всему королевству, которое от этого возьмет и воспрянет или что там положено делать.

Твою ж...

Предчувствие было поганым. А ужин не лучше.

ГЛАВА 20

— Знаете, мне подумалось, — эйта Ирма выглядела расслабленной, что несколько настораживало. — Нам стоит представить девочку свету... для начала, скажем, кулуарно. Конечно, времени почти не осталось, но я взяла на себя смелость разослать приглашения. Простой домашний вечер, камерная обстановка, возможность присмотреться друг к другу...

И плюнуть ядом в душу ближнего.

Понимаю.

Я воткнула вилку в переплетение чего-то темного и блестящего, с виду похожего на водоросли. Надеюсь, что все-таки не они, потому что водоросли я, признаться, недолюбливала, несмотря на всю их полезность.

— Мне кажется, мама, ты спешишь, — на сей раз Мар удостоил семью собственным присутствием. Выглядел он... усталым.

Недосып сказывается? Или проблемы государственные покоя не дают? Главное, и ест то через силу, а может, вид делает. Рыбу несчастную разодрал на махонькие кусочки, соус по блюду размазал и теперь зеленым горошком занялся.

Свежим.

Я вот воздержалась, поскольку для горошка сейчас явно не сезон, стало быть, тепличный, а что там в теплицах у эйты Ирмы растет, и демоны не знают.

— Дорогой, — она была милосердна и снисходительна, какой только может быть дама высшего света по отношению к людям, жизнью обделенным, — это ты что-то не торопишься. Неужели не понимаешь, что в твоём положении не стоит шокировать общество. Чересчур уж шокировать... у нас есть возможность обзавестись поддержкой, раз уж ты решил вернуть это недоразумение в семью...

Я ответила взглядом на взгляд и облизала вилку, с трудом удержавшись, чтобы не облизать пальцы.

— У нас мост рухнул, маменька, — Сауле пила шампанское.

Только его и пила.

Мрачно.

Сосредоточенно. И бокал за бокалом, при этом оставаясь с виду вполне себе вменяемой. И вправду талант. Или правильнее будет сказать, опыт?

— И что? — аргумент не произвел на эйту ни малейшего впечатления. — Были времена, когда мосты у причальных башен в принципе считались излишеством.

Я пригласила самых близких людей, тех, кто способен разделить нашу... как бы это выразиться, радость. И правильно подать все в свете.

Второе, полагаю, было куда как важнее.

— Завтра девочкой займутся. Надо привести ее в подобающий вид. Что-то сделать с волосами. Отрастить вряд ли выйдет, может, покрасить? Она подозрительно седовата.

— Мама...

— И кожа... кожа в ужасном состоянии. Этот загар, морщины... пошлость неимоверная. В наше время, дорогая, стареть не модно.

— Ага, — сказала я, засовывая в рот кусок палтуса. А ни чего так... на подушке из брокколи, с мятным соусом, в котором плавали зерна горчицы.

Необычно.

И надеюсь, не отравлено. Хотя перстенок, который я все-таки примерила, молчал.

— Конечно, эйту из нее при всем моем желании не сделать...

— Ты недооцениваешь себя, — заметил Юргис, которому досталось место по правую руку Ирмы.

— Ах, перестань, сейчас не время для лести.

— Для лести всегда есть время...

— Мне не кажется, что идея удачная, — Кирис отвлекся от созерцания тарелки. Как-то он был немногословен. А еще выглядел измученным, и готова поклясться, что это отнюдь не результат недосыпов. Такое я встречала. На Ольсе. Иногда там появлялись... люди, которые селились в замке, как некогда селилась я сама. Они просто жили, порой, кажется, не замечая ничего вокруг, и Гедре ворчала что-то про глупцов, которые края души не видят. Не знаю, знал ли Кирис про этот самый край, но чувствовала: подошел он к нему вплотную. А Гедре здесь не было. — Слишком много посторонних людей... это может быть небезопасно в свете последних событий.

— Дорогой, — рыжего не удостоили и взгляда. — Мне кажется, что твой человек несколько преувеличивает эти... как там их... последние события. Несчастья случаются, к сожалению, все в воле Богов, но... это же еще не значит, что мы теперь должны остаток жизни провести взаперти?

— Мама...

— Приглашения разосланы. И будет очень мило с твоей стороны, если ты найдешь немного времени для семьи. С этой работой ты совсем о нас забыл. И знаешь, почему? Потому что твой помощник перестал выполнять возложенную на него работу. Тебе нужен кто-то толковый, способный...

— Хватит! — Мар поднялся.

— И еще успокоительное, — эйта Ирма погладила любовника по руке. — Если хочешь, я могу приготовить сама. У меня получаются отменные успокоительные.

Ночь пришла с запада. Она подбиралась медленно, и небо сперва стало серым, почти до белизны, а потом вдруг почернело, загустело, расплзлось, укрывая и скалы, и тот лоскуток моря, что был виден из моей комнаты.

Часы пробили десять.

И одиннадцать.

Никогда не умела ждать, а уж теперь к ожиданию прибавилась некоторая, ранее несвойственная мне нервозность. Предвкушение? Пожалуй, что... жизнь моя на Ольсе была спокойна и размеренна, а здесь... выходит, мне не хватало чего-то подобного? Того, что люди обычные переживают в юные годы, когда я была занята тем, что пыталась доказать миру, что женщины могут быть не глупее мужчин?

Доказала.

И сама почти поверила.

И теперь вот мерила шагами комнату, не способная остановиться хоть на миг. Попыталась вспомнить таблицу констант для серебра, но... голова напрочь отказывалась работать.

Волнение нарастало.

Здесьняя ночь пахла морем и землей, и еще листвой, деревом. Она заглядывала в приоткрытое окно, будто не веря, что и ее приглашают в дом.

Мне бы переодеться. Лезть в амбар в платье — затея не самая лучшая. В моих чемоданах, которые так и стояли неразобранными, — слуги честно пытались, но защита не позволила исполнить обязанности должным образом — отыщется кое-что попрacticalней. Юбки и в лабораториях не слишком удобны, а потому я давно обзавелась нарядом, пусть и непристойным с точки зрения сала Терес, но вполне себе практичным.

Свободные брюки.

Темная блуза из тех, которые местные надевают в море. И куртка с широкими рукавами на завязках. Пропитанная особыми составами, одежда неплохо защищала, что от ветра, что от влаги, что, куда более актуально рядом с алмазной печью, от огня. Нет, взрыва она не выдержит, несмотря на поликристаллическое покрытие, — наносить я его замучилась, — но вот шансы мои выжить при случайном пробое значительно увеличивались.

Мой платок лежал здесь же.

Часы внизу пробили полночь. Еще немного и... я раскрыла шкатулку с инструментом, пытаюсь понять, что именно может пригодиться. Чутье подсказывало, что стоит взять все и еще кофр с декоктами, так оно вернее будет... правда, незаметности во мне поубавится.

Я вздохнула.

Возьмем малый набор. И само собой, лупу из розового алмаза. То есть частично розового, поскольку вырастить камень подобных размеров само по себе достижение, а уж чтобы полностью измененный... мне удалось добиться деформации верхних слоев, причем довольно глубокой, что и позволило, собственно, камень отшлифовать.

Впрочем, этого хватило...

Лупа вышла небольшой, с виду даже игрушечной, но работала.

В лаборатории.

Сегодня и полевые испытания проведем. Я подпрыгнула от нетерпения и выглянула-таки в коридор. С Этной было бы проще, но... она осталась в ангаре.

Еще одного голема сделать, что ли?

Попробовать иной облик, к примеру, кого-нибудь легкого, крылатого, способного переносить небольшие кристаллы с записями... или что-нибудь иное... почтовые цеппелины — дело, конечно, хорошее, но при всей своей скорости, они значительно проигрывают обыкновенным чайкам. А вот если...

Новая идея почти поглотила меня. Впрочем, не настолько, чтобы утратить осторожность.

В коридорах было... темно.

Как-то слишком уж темно.

Пусто.

Глухо. Звук моих шагов тонул в коврах, а я сама... я ощутила себя вдруг потерянной.

— Куда спешишь, любовь моя... — этот голос заставил замереть, прижавшись к стене. Вот же...

— Какое тебе дело?

— Прямое. Я же сказал, что люблю тебя...

Юргис, чтоб ему... не спится в ночь глухую? Я вытянула шею, но разглядела лишь смутную тень. Лунный свет проникал в холл, но был вялым, разбавленным. А рядом с ним... Сауле?

— Это не мешает тебе спать с моей матерью.

— Все мы несовершенны.

Сауле фыркнула, но уходить не спешила. Они стояли по обе стороны лестницы, ею разделенные, и сейчас эта самая лестница гляделась мне непреодолимой преградой. Надо же...

— Зачем тебе я?

— Затем, что эйта Ирма, конечно, хороша, но годы берут свое. Да и любить она не умеет.

— Мне кажется...

— Всего-навсего кажется, девочка моя, — теперь голос звучал печально, а тень качнулась, будто грозя ступить на лестницу. — Она играет... со мной, с тобой... со всеми... вот увидишь, скоро ей надоест, и на моем месте появится кто-то другой. Вероятно, помоложе...

— А ты... женишься на мне?

— Если ты захочешь.

— У меня уже есть жених.

— Скорее уж надсмотрщик. Как тебя вообще угораздило заключить договор с этим... уродом?

Рыжий и урод? Нет, он, конечно, далеко не красавец, во всяком случае, до эйтов ему далеко, однако и уродом я бы его не назвала. Обычный... пожалуй, что-то в нем есть от Корна, не во внешности, в той неторопливости, в спокойствии.

И еще эта манера, смотреть будто бы в сторону, но я хорошо научилась чувствовать чужие взгляды.

— Он не урод. И тоже не в восторге, — Сауле вздохнула, и вздох ее походил на шелест осенних листьев. — Но ты не знаешь Мара. Если ему что-то взбрело в голову...

— Выдать тебя за...

— Скорее привязать Кириса к семье... он полезный человек. А еще честолюбивый... как он думал. Помолвка с этой, шанс основать собственный род... правда, как оказалось, одного честолюбия недостаточно... впрочем, разве тебе есть до этого дело?

— Есть.

— Только не говори, что влюбился...

Ее голос предательски дрогнул. А мне подумалось, что разговор этот может длиться до утра, и что мне делать? Стоять, надеясь, что парочка меня не заметит, или, отступив, попытаться найти другой выход? Можно заглянуть в коридоры для слуг, но там выше шанс на кого-нибудь нарваться. Слуги в таком доме ложатся спать поздно, а встают засветло...

Нет, подожду.

— Если тебе неприятно слышать, то...

— Неприятно, — довольно резко произнесла Сауле. — Ты говоришь о любви, но что ты готов сделать ради этой любви?

— Многое, дорогая, — тень одним шагом пересекла ставшую вдруг несущественной преграду. — Подожди чуть-чуть и ты увидишь...

— Я устала.

— И пьяна.

— Тебя это тоже злит?

— А твоего жениха злит? Он тебя обижает?

— Он до отвращения благороден, а еще утомительно зануден, но и только...

— Ты пьешь, потому что несчастна. Но позволь, и я сделаю тебя счастливой.

Сауле молчала.

Она не спешила уходить, хотя могла бы. И ответить могла бы, резко, ядовито, но... то ли яд к ночи поистратился, то ли просто не хотелось ей. И вот она молчала, позволяя целовать свои руки. А мне было немного стыдно, что я это вижу.

— Если не можешь ждать, мы уедем завтра... — Юргис заговорил, и голос его, низкий, хрипловатый, разрушил очарование момента. — Или сегодня. Сейчас. Сбежим. Обвенчаемся...

— А дальше что?

— Что-нибудь...

— Что-нибудь меня не устроит, — она все же высвободила руку. — Но... я устала быть чьей-то игрушкой. И... я подумаю. Наш с Кирисом брак и вправду отвратительная идея.

И мысленно я с ней согласилась.

— Только... — теперь голос Сауле звучал жестко. — Я не уверена, что брак в принципе хорошая идея... не важно с кем.

— Но ты позволишь себя убедить?

— В постели?

Насмешки она не скрывала.

— И до нее дело дойдет. Когда-нибудь.

— К чему откладывать?

Я вздохнула. Все же идея с окольным путем начинала казаться все более привлекательной.

— Ты пока не готова. Ты мне не веришь.

— А должна?

Она отступила, а вот Юргис остался.

— Почему я должна тебе верить? Ты говоришь, что любишь, но... многие говорили... слова — это легко, а вот делом докажи.

— Каким?

— Не знаю... придумай сам... что ты готов для меня сделать?

— Что угодно.

— Украдешь?

— Украду. Если понадобится. Тебя или... что скажешь.

Сауле рассмеялась, хрипловато, неестественно.

— Какая... смелость. Может, и убить готов?

— Твоего жениха?

— Кири? Его-то за что, помимо занудства... нет... если ты не лжешь... если ты и вправду готов... тогда убей... — она замолчала, позволяя ему додумать. — Ты ведь понимаешь? Конечно... ты такой чуткий, как говорит моя матушка, такой внимательный... ко всем внимательный... скажи, а Лайму ты тоже обихаживаешь? Она пока не просила тебя никого убить?

— Ты первая.

— Я не хочу быть первой, — Сауле топнула ножкой. — Я хочу быть единственной! Хотя для кого-нибудь...

— И будешь.

— Ты...

— Имя. Просто назови имя и увидишь...

Что-то мне стало слегка неуютно, и дело отнюдь не в сквозняке, пробравшемся сквозь приоткрытое окно. Он шелохнул портьеры, заставив Сауле насторожиться и отступить.

— Мар, — сказала она. — Убей этого ублюдка... кто-нибудь, убейте этого ублюдка.

И исчезла в черном зеве коридора. Юргис же еще некоторое время стоял, глядя ей вслед, то ли раздумывая над убийством, то ли над своей странной жизнью. То ли просто прислушивался к тишине.

Я затаилась, боясь вдохнуть чересчур громко.

Но вот он качнулся и, разом растеряв былую невозмутимость, пнул лестницу.

— Ну и сука, — произнес он. — Ты слышишь, девочка моя? Она ничуть не лучше... все здесь такие... все... сволочи.

А я согласилась.

Редкостные.

ГЛАВА 21

Луна не отражалась в море. Бледна, раздута, что дохлая рыба, которую подняло приливом из морских глубин, она бултыхалась меж облаков, то скрываясь почти, то выползая в уродливом своем великолепии. Свет ее красил камни желтизной.

Влажноватая трава проседала.

Наверняка оставались следы, но... мне ведь разрешено заглядывать в амбар, и Мар не говорил, что заглядывать можно лишь днем. Может, у меня бессонница.

Где-то совсем рядом заухал филин, потом и вовсе расхохотался: глупенькая, ты и вправду хочешь докопаться до истины? Некоторые истины раскапывать не стоит, все знают, что чем глубже они зарыты, тем более отвратительны собой.

Нет.

Я... Этну хочу забрать.

И присмотреться к мосту. Мне вот просто не нравится мысль, что надежное с виду сооружение может взять и рассыпаться. Сооружений здесь много, как знать, которое решит рассыпаться следующим?

А с учетом услышанного.

Нет, дело не в любопытстве... не в одном лишь любопытстве. Здесь все куда как сложнее. Во всяком случае, если я буду себе это повторять, то в конце концов и поверю.

Длинные постройки ангаров примыкали к дому с севера. С одной стороны они выходили к берегу, пологому, как и все здешние берега, и пара камней, торчавших из воды, не выглядели сколь бы то ни было надежной защитой. Нет, я подозреваю, что на деле камней куда больше, иначе в месте столь удобном организовали бы пристань, а не сараи, но...

Залаяли псы.

И успокоились.

Покачнулось марево защитных заклинаний, пропуская меня. На мгновение оно задрожало, но временные связи, созданные маленьким, но весьма популярным амулетом — не хочу думать, для чего его используют, — стабилизировали структуру. Надеюсь, до того, как прошел сигнал.

Я огляделась.

Тишина.

Благодарь.

Ветерок качает ветви, шелестят остатки листвы, вздыхают будто. Высится молчаливой громадиной причальная башня. И поблескивают во тьме тонкие нити стальных канатов. У самой вершины застыла туша цеппелина, заякоренного прочно, но как по мне, все равно надежней было бы посадить, благо летное поле пустовало. Почти. Темный силуэт полуразобранной гондолы проступал из сумерек и выглядел довольно-таки зловеще. Впрочем, вместо страха я ощутила раздражение: могли бы хоть навес поставить, осень же... или убрать этот лом в принципе, если не так уж и нужен.

— Эй, есть тут кто...

Тишина.

И прятаться я не буду. Я огляделась и решительно зашагала к первому ангару. Трава сменилась песком, тоже влажным и мягким, а еще на редкость скрипучим. А вот дверь, перехваченная массивной цепью, отворилась беззвучно. Замок на цепи оказался простеньким, такой ставят скорее, чтобы отсеять любопытных, чем и вправду надеясь защитить имущество. В ангаре было мутно.

Неправильно как-то.

Причем ощущение неправильности было едва уловимым, как... тонкий аромат горького масла... того, которое используют во внутреннем блоке двигателя.

Двигателя у моста не было.

— Этна, — позвала я вполголоса. Запах... не нравился.

Что я знаю о горьком масле, помимо того, что получают его из черного рапса, а тот выращивают в Империи? И масло само по себе дорого, как и все, что приходится завозить... и в чистом виде его не используют, но смешивают с мозговым жиром китов, добавляя каплю силы...

Я шагнула в темноту.

Запах стал сильнее, отчетливей.

А вот Этна засвистела, откликаясь, но... не спешила ко мне.

— Что у тебя?

Голос мой размывался в пространстве, да и я сама вдруг показалась себе ничтожной. Появилось почти непреодолимое желание отступить, убежать... не важно куда, главное, прочь.

Нет.

Я закрыла глаза.

Так быть не должно. Нет у меня панических страхов ни перед темнотой, ни перед грудой ржавых деталей. Я выходила в море, и не всегда это море было спокойным.

Я кормила чаек с крыши старой башни, где полусгнившие доски держатся на старых валунах, и кажется, что любой мало-мальски серьезный порыв ветра развеет эту башню.

Так чего же вдруг...

Сердце стучало быстро-быстро. И во рту появилась неприятная сухость, а страх никуда не делся. Придавленный силой воли, он вяло трепыхался, но не спешил исчезать. Напротив, изменился.

Будто кто-то шепчет на ухо, что здесь не безопасно.

Для маленькой хрупкой женщины нигде не безопасно, а уж в чужом доме... кто знает, не пошли ли за мной по следу... это ведь так удобно — устроить еще один несчастный случай... или побег? Почему бы и нет... камнем по голове, а тело в мешок. Море рядом. Море скроет. Море знает множество чужих секретов, одним больше, одним меньше...

Я судорожно выдохнула и позвала:

— Этна, что здесь происходит?

Свист стал громче и... нервней? Теперь я ощущала голема. Рядом... совсем близко. Она застряла? Если так...

— Я сейчас, — в конце концов, со страхом тоже можно уживаться, главное, захотеть. А сейчас я хотела понять, что происходит в этом сарае.

Я активировала светлячка. Белый камень вспыхнул холодным светом, раздвигая полумрак. Где-то должен быть выключатель и логичнее использовать его, но... потом, позже, когда пойму, что здесь не так. Свет у артефакта ровный, яркий, хватает, чтобы разглядеть и песок на полу, и какие-то влажные пятна... рассыпью протянулись и даже дорожкой.

И пахнет от них... так и есть, черным маслом.

На самом деле оно не черное, скорее темно-багряное, в темноте изрядно кровь напоминает... это ж сколько здесь разлили? Одному цеппелину хватает полпитны на месяц работы... вот же... и не надо говорить про мост, мосту масло без надобности.

Сперва я увидела ноги.

Точнее, ботинки.

Светлые ботинки с темной подошвой. Один торчал, другой лежал... то есть вместе с ногами... а вот тело пряталось под грудой металла. И на вершине этой груды устроилась Этна. Она беспокойно подпрыгивала, шевелила лапками и трещала без умолку.

Надо что-то с речевым аппаратом придумать.

— Это ты его? — я присела и потрогала ногу, убеждаясь, что та вполне себе теплая. Нет, может, тело еще не успело остыть, но что-то подсказывало, что несчастный еще жив. Этна возмущенно пискнула. Стало быть, не она.

— Записала?

Лапки опустились.

Конечно...

— Надо на помощь кого позвать... — собственные силы я оценивала весьма здраво. Самой мне эту грудку хлама не разобрать, а стон, донесшийся из-под нее, как бы намекал, что стоит поспешить.

Я сделала было шаг, но...

Этна взвизгнула и подпрыгнула.

— Что? Не уходить? Да мы вдвоем здесь до утра провозимся.

Я тронула покореженный лист, который от прикосновения вдруг соскользнул.

Или не провозимся.

Рыжий лежал ровно, почти как покойник, и темное пятно, расплывшееся вокруг головы, подсказывало, что таки вполне вероятно и в самом деле покойник.

Потенциальный просто.

Этна нырнула куда-то вглубь кучи, выскочив с другой стороны. Она вцепилась в ладонь рыжего... надо же, понравился. Или здесь что-то другое? Ощущение неправильности стало острым, а страх вновь поднял голову.

Уходить.

Немедленно.

Бросить этого... в конце концов, местные игры меня не касаются. Я Мару скажу, а дальше...

— Что ж, если ты думаешь, что надо так, то давай лучше за ноги потащим.

Ботинки соскользнули, стоило хорошенько дернуть. Он их что, на размер больше носит? Впрочем... полосатые носки смотрелись как-то гармоничнее, что ли.

Светляка я прицепила к куртке.

Вздохнула.

И дернула хорошенько.

Железо заскрежетало, куча пошатнулась, а раненый дернулся и застонал. Потом и вовсе открыл глаза, чтобы поинтересоваться:

— Что вы здесь делаете?

— Понятия не имею, — совершенно искренне ответила я. Шла-то я сюда мост разглядывать, а не спасать каких-то рыжих и наглых от собственной их глупости. — Постарайтесь расслабиться, а то застрянете...

Я дернула вновь.

И опять.

Тело чуть поддалось, а рыжий поерзал.

— Лежите спокойно, а то я так вас не вытащу...

— А как я...

— Тоже не имею понятия, — я остановилась. Если взяться не за рыжего, а вот за эту трубу, которая проходит сквозь всю кучу... потянуть и раскачать...

— Отойдите, — произнес рыжий недовольно.

Спорить я не стала. С больными и мужчинами бессмысленно, а уж когда мужчина нездоров, так и вовсе вредно.

Он опять задержался.

Что-то прошипел и куча просто-напросто взяла и осыпалась. Нет, я успела уловить, как

расползается по металлу ржавчина, но... интересненько... очень и очень интересненько. Заклятие тлена? Или... в отношении неорганики оно иначе называется?

Рыжий же сел, схватил себя за голову и спросил:

— Чем здесь воняет.

— Черным маслом, — ответила я, потирая руку. Этна, забравшись в сумку, затаилась. И это было весьма разумно. Нечего всяким подозрительным рыжим на глаза появляться.

— Черным... — он поднялся, отряхнулся и вздохнул, как-то очень уж печально заметил. — Твою ж мать... за ногу.

Я подставила плечо. Мужчины, конечно, существа донельзя гордые, однако Кирис проявил благоразумие и на плечо оперся. Потер пальцами волосы, поднес к носу.

— Это... не просто... черное масло, — он поморщился, явно головушка болела. А с волос капало. На меня, между прочим, тоже капало. — Это... активированное черное масло...

— Что?

— Одной искры хватит...

Дальше мог не продолжать, потому что искра появилась. Она вдруг поднялась откуда-то из-под очередной кучи, очертаниями донельзя напоминающей дракона, чтобы повиснуть в воздухе. Искра была рыжей и по своему красивой, а мне подумалось, что все же стоило ночами дома сидеть...

— Беги... — Кирис дернулся было, но явно осознал, что лично он не в том состоянии, чтобы бегать. Так меня оттолкнуть попытался.

Заверещала Этна, подозревая неладное.

А треклятая искра медленно, будто издеваясь, опустилась в темную лужицу. Та и вспыхнула... как-то тоже медленно вспыхнула, будто через силу...

В следующее же мгновение пламя растеклось по полу, забралось на обломки моста, потянулось к потолку, к масляным лампам, будто мало было ему его самого.

— Идем, — я дернула рыжего, который заворуженно наблюдал за тем, как ангар заполняется огнем. — К воротам не прорваться, но...

Всегда остаются запасные пути.

Он очнулся.

И хрипло произнес:

— Без меня у тебя больше шансов.

А то... но это же не значит, что я его брошу. У меня, может, еще совесть не до конца атрофировалась, вот и мешает жить.

— Шевели ногами, — буркнула я.

Пламя... не было жарким. Вот странность... воздух дрожал, потрескивая, дышать становилось трудно, а черный дым собирался под потолком, но жара я не ощущала, хотя тот же металл плавился.

Мы шли.

И бежали.

И не помню, когда мне пришла здравая мысль накинуть рыжему на голову свою куртку. У меня и рубашка непростая, а этот весь в масле, которому достаточно искры. Не хочу проверять, расплавится ли человек, если жара нет, но железо плачет.

— Зачем...

— Надо, — я куртку придержала. — И щит держи...

Щит у него оказался хорошим, крепким, синеватые дуги огня, касаясь его, отступали, рассыпались искрами. А я... я про сто шла по ним.

По следам.

По огню, дрожащая пленка которого укрыла и пол, и... и она отзывалась рябью, всхлипывала и смачно чавкала, предупреждая, что когда щит ослабнет...

— Налево!

Он повернул, не задавая вопросов.

Дверь для обслуживающего персонала... одна из трех обязательных... и я помню планы эвакуации, их мы учили в первую очередь, потому как работа на верфях — это априори опасно. Главное, чтобы Мар не отошел от стандартной схемы, чтобы...

Черного масла не хватило.

Не здесь.

И злой огонь остался позади, выплюнув что-то темное, почти живое. Это новое пламя было обыкновенным. Оно вцепилось в стены, несмотря на специальное покрытие, оно слизало чьи-то бумаги, неосторожно брошенные на столе, да и за сам стол принялось.

Кирис остановился, опершись на стену. Дышал он тяжело, сипло, а сил в нем почти не осталось, правда, куртка работала, поддерживая плетение щита, питая, да и жар, касаясь поверхности ее, отступал.

Я дотянулась до камней в кармане. В теории они должны были сработать сами, но как-то не хотелось мне такой проверки практикой.

От огня мы ушли.

Почти.

Но вот дым, едкий и горький, он вползал в коридорчик, заполняя его.

— Идем, — я дернула рыжего за руку. — Недолго осталось... надо всего лишь...

Добраться до двери.

До треклятой двери, обшитой железными полосами, снабженной дюжиной замков и засовов, но...

— Отойди, — Кирис спрятал меня за спину, и я спряталась, потому что в конце концов я маленькая и хрупкая. Я вообще женщина и цветочки люблю, а не подвиги совершать, голова, главное, кружится... кому понадобилось...

Додумать я не успела.

Что-то гроыхнуло и так, что несчастная моя голова раскололась болью. Я бы упала, но не позволили, подхватили и вытащили, и уже там, снаружи, задыхаясь от свежего воздуха, выблевывая из легких копоть пополам с кровью, я подумала, что приключение это получилось чересчур уж... героическим.

— Жива? — сипло поинтересовался Кирис, на четвереньках отползая от белесой стены ангара.

— Ага, — сказала я, сглотнув слюну. Правда, ее оказалось слишком много, и часть потекла по подбородку, а у меня не осталось сил вытирать.

Я тоже ползла.

И тоже на четвереньках. Главное было — сосредоточиться... раз рука... два нога... три рука... переставляем и не думаем, что пламя может перекинуться на соседние ангара, и тогда нам точно не уползти.

— Х-хорошо...

— Замечательно, — согласилась я, когда руки расползлись и я уткнулась носом во влажноватую гниловатую траву. И та была упоительно прохладна, еще меня перестало выворачивать, что, наверное, тоже было неплохо. Я перевернулась на спину. — Ночь нынче ясная...

— К морозу, — Кирис тоже лег и руки на груди скрестил.

Тренируется в покойники?

— Рановато для морозов...

— Здесь погода меняется быстро. Порой пару раз на дню... куртка откуда?

— Брат подарил, — я закрыла глаза, но перед ними все равно плясали звезды. Откуда-то издалека, как почудилось, очень издалека, донесся крик.

— Хороший у тебя брат...

— Не жалуюсь...

— А он откуда взял?

Я бы пожала плечами, если бы могла... за головой раздался звук шагов и чьи-то на редкость холодные руки полезли к моей шее.

— Жива!

Жива, жива, чего орать? Спросил бы, я бы сама ответила.

— И он жив!

— Жив, — согласился Кирис. — Но сейчас радости от этого не испытываю...

Где-то сбоку что-то заскрежетало, печально так, а потом вновь грохнуло, и мне подумалось, что мы вовремя выползли... очень вовремя.

ГЛАВА 22

Нам повезло.

Уже потом, после, я осознала, насколько нам повезло.

Разбавленное масло горело медленней, а температуру давало куда меньшую, чем концентрированное в запертом помещении. Это Кирис сказал.

Позже.

Мы сидели в гостиной, кажется, морской, потому что стены ее были затянуты темно-зеленым штофом, а под потолком покачивалась люстра в виде парусника.

И главное, так покачивалась, что вместе с нею, казалось, качались и картины.

Морской тематики.

От этого всеобщего покачивания меня изрядно мутило, и я сглатывала слюну, запивая ее теплым чаем, который мне заботливо сунули в руку, а еще мечтала послать всех лесом и отбыть...

— Какой ужас, — громко сетовала эйта Ирма, прижимая к вискам белые пальчики. — Это же придется наново отстраивать... у нас гости, а тут пожар...

— Чудом обошлось без жертв, — Юргис подал нюхательные соли, от которых Ирма отмахнулась.

— Чудом, — согласилась она как-то слишком уж равно душно. Кажется, жертва в виде моей особы ее не слишком бы опечалила, а может, напротив, вполне себе примирила бы и с убытками, и с пожаром.

— Сама виновата, Сауле была с бутылкой виски, который пила из горла. — Наверняка это она что-то там натворила...

— Что именно? — уточнила Лайма.

— Понятия не имею... она всегда только о том и думала, чтобы нам напакостить...

— Тогда бы я сожгла дом, — говорить было больно.

Все же горький дым оказался и ядовитым. Нет, целитель в доме имелся, и меня осмотрели, завернули в одеяло, напоили горьким отваром и велели дышать, а заодно уж пить побольше теплого. Совету я вняла, потому как вдруг поняла, что замерзла и согреться не выходит.

— Она еще и издевается, — Ирма отмахнулась от любовника. — Засунь ты их себе знаешь куда... я еще не настолько старуха, чтобы...

— Не знаю, не знаю, матушка, — Сауле подняла бутылку. — Твое здоровьице... старуха или нет, ты всех нас еще переживешь... а она и вправду дом сжечь способна. Вот потеха-то будет!

— Прекрати.

— К слову, — тихо произнесла Лайма, забрав у меня пустую кружку, которая, правда, тут же сменилась полной. — У тебя едва жених не погиб...

— Этот не сгорит, — отмахнулась Сауле.

— А что он там делал? — Ирма все-таки обмахивала себя растопыренной пятерней. — Может, у них роман?

Юргис фыркнул.

А Сауле откровенно захохотала. Почему-то от смеха этого мне стало обидно. Неужели я настолько отвратительно выгляжу, что сама мысль о романе со мной кажется им... нелепой?

— У него? Он зануда... нет, к шлюхам ходит, не без того, но роман... это не Кири... это... оплот, мать его, добродетели.

— Извините, — я поднялась, когда поняла, что в принципе сама способна добраться до комнаты. Даже если вновь придется идти на четвереньках. Но все лучше, чем сидеть и выслушивать. — Мне... нехорошо...

— Иди, — махнула Ирма. — И не забудь, завтра у тебя примерка...

Забудешь тут.

В кабинете на втором этаже окно было приоткрыто. Самую малость. Со стороны оно и вовсе выглядело бы обыкновенно, но Кирис, прислонившись к узкой щели, жадно вдыхал ледяной воздух.

— Может, целителя? — поинтересовался Мар, которому сквозняк был не по вкусу, но он терпел.

— Уже... ничего страшного... пара ожогов, небольшое отравление... мне повезло.

В кабинете было сумрачно.

Место это всегда казалось Кирису чересчур уж большим и неуместно пафосным.

В глубине души его раздражали и шкафы из черного дуба, и массивная мебель, украшенная драгоценными медальонами. И тяжелая люстра из горного хрусталя.

Здесь, в кабинете, не было ничего простого.

Чернильница и та являла собой золотую гору, исполненную весьма художественно, правда, от этого еще более неудобную в использовании.

Или вот портьеры.

Старый пыльный бархат, в складках которого можно не одного убийцу спрятать... мысли были трусоватые, но Кирис, как ни пытался, не мог избавиться от них.

Нельзя паниковать.

Нельзя...

Это просто яд. Продукты горения. И еще близость смерти. И понимание запоздалое, что с этой самой смертью он едва-едва разминулся.

— Пространство... слишком большое... давление низкое... реакция пошла, но много медленнее, чем в печи... знаешь, его ведь используют в получении алмазов... температура поднимается... печи и те одноразовые фактически, — Кирис отер лицо. — И пепла не нашли бы...

— Думаешь...

— Не знаю, что думать, — Кирис дополз-таки до кресла, огромного и неподъемного, впившегося в толстый ковер когтистыми лапами. К лапам ножкам прилагались подлокотники в виде орлиных голов, и разъявленные клювы — он точно знал — были остры. — От меня избавляться смысла нет...

— От тебя ли...

— Я прекрасно помню, что шел к ангару. Собирался поставить печати. Как-то и вправду очень уж мастер настаивает на несчастном случае. Нужны специалисты со стороны... помню, как вошел. И что замка на двери не было. А потом уже очнулся... и твоя эта... жена...

Кирис потрогал голову.

Ушиб.

Сотрясение мозга. Покой, которого ему не видать, и молчаливый упрек в глазах целителя, сие понявшего. Нет, Кирис готов себя побережь, само собой, но как-нибудь так, без отрыва от работы.

А еще откат впереди.

Он уже ощущается характерным привкусом пепла на губах. Мар знает. И не спешит отпускать, будто ждет чего-то... еще?

Объяснений?

Признаний?

Он наблюдает, словно кот за мышью, и вкус пепла ослабевает. А пламя внутри притворяется обессиленным. Оно даже позволяет Кирису говорить.

— И запах... а потом вдруг огонь... и клянусь, это не было случайностью. А это видел? — Кирис поднял грязную куртейку.

Видел.

Лежала та на светлом диване, на котором ныне виднелось пятно, кругловатое в очертаниях и вида препакостного. Опять эйта Ирма вздыхать станет, что Кирис совсем не бережет чужое имущество.

— Нет, — Мар потер переносицу и поморщился, всем видом своим показывая, что устал.

День хлопотный.

Ночь и того поганей. А Кирис тут с какой-то ерундой...

Очередная маленькая ложь.

Но от него ждут продолжения. И осторожней надо... нельзя лгать. Благо за прошедшие годы Кирис успел понять, что правда весьма многообразна.

— Интересная вещица, — Кирис плюхнул куртку на стол, прямо поверх бумаг. Впрочем, дома Мар ничего важного не держал. Растянул, прошелся по ней ладонью, собирая грязь. Ладонь же вытер о штору, правда, зря, потому как за последний год висения бархат изрядно набрался пыли.

Было в этом что-то донельзя мелочное.

Но удовольствие доставило.

— Посмотри, — палец Кириса ткнулся в беловатое пятнышко, которое при прикосновении исчезло. — Знаешь... когда мы там были... я точно знал, что не выживем. Даже подумывал твоей супруге шею свернуть.

Прозвучало на редкость двусмысленно.

— Не в том смысле, а чтобы не мучилась... я знал, что щита не хватит, что... у меня уже далеко не те силы, которые раньше. И как только он бы лопнул, я и...

— Рад, что не лопнул.

— А уж я-то как рад, — Кирис потер ладонь о штаны, кожа зудела. И скоро этот характерный зуд расползется по всему телу. К утру на коже появятся волдыри неполученных ожогов, а к обеду лопнут, и лучше бы, чтобы этого никто не видел.

Откат — вещь такая... неприятная.

Мар смотрел выжидающе. И бровь приподнял, выражая недоумение. Пожалуй, стоило бы взять себя в руки, но эхо силы еще гуляло в голове, а огонь, он терпеть не может притворства. И все же Кирис справился с ним.

Вздохнул.

Стиснул пальцы, впиваясь ногтями в раздраженную кожу ладоней.

Надо будет перчатки найти, чтобы не пугать людей.

И сказал:

— Извини, знаю, что ты не при чем, просто... как-то вот... знаешь ли, в полной мере ощутил прелесть жизни.

Мар не без брезгливости коснулся вещицы. Понюхал пальцы. И вновь же их вытер, правда, не о штору, но белоснежным платком.

— Щит держался... вот веришь?

— Верю. Ты сильный маг.

— Ну да... я потом думал, что, возможно, мы пробыли там не так и долго, что... время ощущается иначе, я это проходил. И на пару минут меня бы хватило, но... потом... я уверен, что мы там были далеко не пару минут. У меня просто-напросто не хватило бы сил.

— И виновата куртка мой жены?

Мар куртку поднял.

Пощупал.

Кожа, определенно, только чем-то обработанная. А вот чем? Поверхность будто лаком покрыта, но каким-то таким, умудрившимся сохранить текучесть. Ни трещин, ни... вердикт Мар вынес быстро:

— Защитное покрытие.

— До этого я и сам додумался. Только какое? Какое, мать его, защитное покрытие будет подпитывать чужие щиты?

Ответ известен. Никакое.

Покрытие — это покрытие и только.

Мар посмотрел этак снисходительно. Ему нравилось быть умнее прочих, даже когда в этом особого смысла не было.

— Покрытие не будет, но вот у Эгле наверняка с собой пара-тройка накопителей имелась. Вот с них и потянул на пределе.

Объяснение звучало вполне правдоподобно. И Кирис поверил бы. Он бы, пожалуй, поверил бы и в изъятие божественной воли, которой он жив остался. Вот только это он.

А Мар...

Откуда такое спокойствие? И главное, равнодушие?

Мар поднялся и велел:

— Иди отдыхай. И завтра тоже. Видеть твою болезную рожу радости никакой, — теперь в его голосе скользнуло раздражение. — В следующий раз постарайся не лезть... куда не просят.

Уже в собственных покоях, где назойливо пахло плесенью, и запах этот держался не первый год, Кирис стянул одежду.

Холодная вода принесла облегчение, правда, ненадолго.

Сила... не желала стабилизироваться. Она, казавшаяся почти исчезнувшей, теперь требовала выхода, поднимаясь к коже, раскаляя ее докрасна. И вода лишь дразнила пламя.

Терпеть.

Он и терпел. Распахнул окна, впуская ледяной воздух. Дышал. И когда все же отпустило — уже под утро — вернулся к куртке.

Кирис очистил ее от грязи.

Повесил на кресло, одно из трех, которые некогда хранились на чердаке, а теперь вот пригодились. И вправду, к чему прислуге новая мебель...

Он развернул кресло.

Бережно разгладил складки, попутно отметив, что кожа, несмотря на отвратительный вид, была на удивление мягкой. А еще сохранила запах.

Тонкий такой аромат...

Это просто откат. Разум слабеет, и голос моря заглушает все. Главное, не слишком вслушиваться, а что чужую куртку он нюхает, так это мелочи...

— Глупый мальчишка, — голос Вельмы донесся издалека. — Разве не знаешь, чем чреваты подобные привязанности? Возьми уже себя в руки.

— Возьму, — пообещал Кирис, прижавшись щекой к коже. Он бы даже закрыл глаза, но тогда была велика вероятность отключиться. А нельзя. Откат еще шел, а силе все равно, в сознании он или нет.

Щиты подняты.

Дом не пострадает. Кирис с большой долей вероятности тоже жив останется, а что выйдет из игры... может, в этом дело?

— Правильно, думай. Думать полезно.

— Ты мертва.

— Когда и кому это мешало? Не забывай дышать.

Он не забывает. Почти.

— Будь осторожен, — присутствие Вельмы становится почти ощутимым. Еще немного, и она коснется обожженной шеи. — Не повторяй моих ошибок...

Сегодня она хотя бы не обвиняла. И ушла быстро, значит, совсем скоро отпустит.

И Кирис, раскрыв ладонь, позволил пламени выплеснуться. Оно кинулось к куртке, обняло ее, чтобы стечь рыжей волной. Зашипел паркет, впрочем, пламя тотчас унялось, послушное воле создателя. Ковер, правда, подпортило.

И паркет.

Стоило бы выйти во двор, но... во время отката думается туго.

Кирис погладил темную кожу, которая ничуть не пострадала, разве что слегка нагрелась и заблестела, будто маслом смазанная. Погладил и прижался щекой. До утра осталось немного, а там... как-нибудь продержится.

Главное, не заорать.

Пламя вздохнуло. И улеглось, будто мягкое прикосновение этой самой кожи и его успокаивало. Хорошо, если так... просто-напросто отлично.

Только Вельма права. Не стоит увлекаться.

Спала я крепко. Вот как добралась до постели, запечатала контур, ибо к приему гостей была категорически не готова, рухнула, закрыла глаза и заснула. Снилось мне Этна и еще рыжий, который что-то выговаривал, при этом донельзя походя на моего старого школьного учителя, уверявшего, будто математика для девиц — наука излишняя. Им достаточно цифры знать и считать до десяти.

Больше десяти яиц в пирог все равно не кладут.

Короче, еще тот идиот был, да... предрекал после мне незавидную участь старой девы. Жаль, не сбылось.

Проснулась я ближе к полудню, и то потому, что Этна разбудила. Она прыгала на подушке и отчаянно посвистывала. В дверь же колотились, и так душевно колотились, что, будь дверь обыкновенной, всенепременно бы вынесли.

— Чего надо? — спросила я, подойдя к двери. Нити сторожевых заклинаний держались, даже стали потолще за ночь. Надо будет еще укрепить, попробовать создать внутренний дочерний контур и стабилизировать перемычками...

— Эгле, открой! — голос Мара я узнала.

— Зачем?

И с трудом удержала зевок. Вот же... а под утро мне снилось что-то донельзя хорошее, то ли сад вишневый, то ли формула вечного двигателя, причем подробная и понятная.

— Мы беспокоимся... — а это эйта Ирма.

— Зря, — я почесала шею.

Вот помыться вчера стоило бы, но сил, чтобы доползти до ванной, у меня не осталось.

— Эгле, с тобой все в порядке?

— В полном.

В животе заурчало.

— Есть хочу.

— Завтрак давно прошел! — вновь влезла Ирма.

— Хотеть есть я от этого факта не перестала.

— Эгле...

— Скажи, что скоро буду, мне переодеться надо.

И ванну принять, смыть с волос гадостный запах гари, который, помнится, обладает редкостной прилипчивостью.

— Значит, непустишь?

О, Мар, кажется, обиделся. Какие все они нежные.

— Нет.

— Почему?

— Не хочу.

Я, между прочим, почти голая — коротенькая рубашонка не в счет. И к приему гостей не расположена. Придут, натопчут, а мне живи.

— Верно, дорогая?

Этна свистнула.

А ведь она вчера запись вела, должна была вести. И тем интересней будет посмотреть, кто это так ненавидит рыжего, что не побоялся руки убийством замарать.

А ведь если бы не я... что случилось бы?

Просто пожар?

И случайная жертва? Он бы успел прийти в себя или так бы и сгорел заживо... впрочем, если бы и успел... мои накопители почти досуха вычерпал, засранец этакий. И за ночь энергии, если и прибавилось, то на донышке. А стало быть, бусы стоит заменить, благо я всегда отличалась просто таки поразительной запасливостью.

На сей раз достала темненькие.

С янтарем.

То, что нужно, к блузе ядовито-желтого колеру — не все красители, которые нам продали, оказались хороши — и зеленой юбке. Блуза была мешковата, а юбка широковата, зато в складках ее нашлось место паре глубоких карманов.

Шелковые чулки.

Сумка, потому как тягать Этну на ноге — еще то удовольствие. И волосы причесать, ишь, отросли немного... нет, я не красавица и вряд ли когда стану ей, зато живая. И злая. Вот не люблю, когда меня пытаются убить, пусть даже случайно.

Завтрак ждал меня в очередной гостинной — я дала себе слово, что всенепременно прогуляюсь по дому и выясню их количество. На сей раз комната была угловой и вполне себе приятной.

Светлой.

Полосатенькие обои, ковер круглый и минимум мебели. Статуэтки фарфоровых чаек на полке старого камина. И древние вовсе часы, остановившиеся, подозреваю, еще в том столетии.

— Как ты себя чувствуешь? — Мар подал руку, чтобы проводить меня к столику, но я не приняла. Сама доберусь, а эта вот вежливость вкупе с заботой — весьма искренней на первый взгляд заботой — заставляют нервничать.

— Спасибо. Неплохо. Только в горле першит.

— Тебе не стоило запираяться... так.

— А как стоило?

Как по мне, запоры затем и нужны, чтобы надежно оградить комнаты от нежеланных гостей.

— Никак не стоило. Эгле, тебе не желают зла...

— Одно добро, — я устроилась у окна, кинув сумку на пол. — Понимаю... добро оно такое, без

причинения кому-то страдать начинается...

На серебряном подносе отыскался кофейник.

И сливочник.

И еще сахарница на тонкой ножке.

Кофе — это хорошо, а главное, Мар помнит, что люблю я черный, густой, с виду похожий на то самое масло. Я сглотнула. И заставила себя успокоиться: я жива, а с остальным разберемся.

— Опять колючки выпустила... — Мар покачал головой. — То, что случилось вчера... недоразумение...

— И ты в это веришь?

К кофе подали кругленькие булочки с творогом, хрустящие корзинки с начинкой из паштета, яйца и рубленой зелени. Темное вишневое желе в крохотных формочках. Мясные шарики, что утопали в сладкой подливе...

— Мар, вот передо мной идиотом не притворяйся, — я начала с шариков. Всегда их любила, а здесь и чеснока не пожалели для подливы. Вышло остренько. — Ты же понимаешь, что нет ничего... недоразуменного. Кто-то дал твоему секретарю по голове, потом завалил тело кучей железа, плеснул поверх масла и устроил пожар...

Бывший поморщился.

А ведь приоделся... костюмчик твидовый того оттенка голубого, который уже почти серый, но еще не совсем. Рубашка белоснежная.

Запонки поблескивают.

Волосы зачесаны гладко. И цветок в петлице. Цветок смотрелся глупо, но мнение свое я оставила при себе. А вот корзиночки оценила.

— Я буду рад, если ты... станешь помалкивать о своих... домыслах.

Стану.

Мне не сложно.

— По официальной версии ты проводила исследования, и сила вышла из-под контроля. Кирис спас тебя...

А вот безе не люблю.

И нынешнее, недопеченное, вязнет на зубах.

— То есть, — я вытерла пальцы о скатерть. — Ты решил сделать из меня дуру?

— Эгле!

— Что? Дуру, которая не способна сладить с элементарным поисковым заклинанием? Или что я там делала? Дуру, чья сила едва не уничтожила ангары? Чудом не убила двух человек?

— Эгле... лучше, если они будут думать, что ты дура, чем...

— Среди них убийца? Только... мы так не договаривались, дорогой.

— Любые договоренности можно пересмотреть.

Ах вот, стало быть, как? Интересно, что он еще пересматривать собрался? И... быть может, мне и вправду стоит постоять в сторонке. Во вдовстве есть свои преимущества.

— Эгле, не сердись, — Мар потянулся через стол и накрыл мою ладонь. — Ты же понимаешь, что такое необходимость... долг... я знаю, что ты не виновата. Но... мост ведь рухнул не просто так.

— То есть ты теперь в это веришь.

— Я всегда в это верил, — и взгляд пронзительный, в глаза, раньше у меня от этого его взгляда сердце обмирало. И вновь попыталось, не иначе, по старой памяти, но, к счастью, опомнилось. Не хватало мне вновь в этого засранца влюбиться. — Но... заявить прилюдно... тот, кто стоит за всем этим, наверняка затаится. А остальные примутся ловить ведьм. Они все друг к другу относятся

несколько... неоднозначно.

— Сразу видно, канцлер из тебя хороший будет, — сказала я, засовывая в рот ложечку.

С маслом.

Сливочным. Всегда его любила, причем вот просто так, вне привязки к хлебу.

— Я рад, что ты оценила мои таланты...

— Я их давно оценила. Лжешь ты, как дышишь, изворачиваешься так, что всякому угрю фору дашь... что еще надо? Дерьмо умело прячешь под кустами фиалок. Они у тебя друг друга ненавидят. Причем, искренне... и кстати, а Лайму ты зачем сюда притянул? Насколько я знаю, она не слишком-то за этот брак держится...

Ага... а вот это Мару пришлось не по вкусу. Руку убрал.

Кулаком подбородок подпер.

Воззрился на меня... а я что? Я масло ем. Ложечкой. И да, зачерпываю с горкой, так оно мне вкуснее. Еще бы соли поставили, вообще цены бы им не было.

— Это она тебе так сказала.

Не вопрос, скорее утверждение. И я кивнула. А то... кто еще...

— Лайма... сложный человек. Между нами накопилось много... всякого... сама понимаешь, ситуация была неоднозначна, да и в принципе... она обижена, да, но осознает, что этот брак дает ей многое. Развод? Поверь, если я разведусь с ней, случится скандал, который прежде всего ударит по ней же. Говорить она может многое, но...

Это всего-навсего слова.

Вот интересно, ей тоже выгодно вдовой стать?

— А твоя матушка...

— Сложный человек. На Сауле не обращай внимания, ей заняться нечем...

Кроме как натравливать потенциального поклонника на окружающих. И вот интересно, могла ли Сауле соорудить ловушку?

Знала ли она про активированное масло?

И куда интересней, смогла бы сама напитать его силой, чтобы получить... все-таки доступ к ангарам у нее имелся, как и у любого из семьи. Умения... она училась, пусть и на технологическом, но, помнится, состояла в общеуниверситетском обществе «Создатель»...

Она не глупа.

И способна, сколь помню.

Хорошо это? Подозреваю, что для Марка — не очень.

— Знаешь, дорогой, — я ложечку воткнула в желтоватую массу. — Что-то мне здесь перестало нравиться... но, подозреваю, если я захочу уехать, ты будешь против?

Мар лишь развел руками.

— Что ж... в таком случае надеюсь, что тебя и вправду скоро убьют.

А что?

Я не обещала быть милой. Мар же поперхнулся и укоризненно покачал головой.

А вот оскорбленную невинность у него не получилось сыграть. Уж больно физия лощеная.

ГЛАВА 23

В сад здешний тоже осень пробралась. Пара старых кленов медленно и мучительно расставалась с пурпурной листвой, которая падала на дорожки, покрывая их плотным влажным покрывалом. Под листьями прятались лужи и остатки гнилой травы.

Стояли дубы.

И белесые березки, выглядевшие ободранными, дрожали на ветру.

Я шла по дорожке.

Под ногами чавкало, а сверху зарядил мокрый снег, смешанный с дождем. Крупные хлопья ложились на плащ, чтобы тут же обернуться водой, а уж та стекала по спине, по рукавам... было холодно. Куда только подевалось вчерашнее почти летнее тепло?

Неуютно.

Но куда менее неуютно, нежели в доме.

Я дошла до ограды, витой и с виду несерьезной, и повернула налево, туда, где виднелись громадины оранжерей. Нет, понимаю, что заглядывать в них мне не рекомендовалось, но... кто может помешать?

Этна ворочалась в сумке.

Она не отказалась бы прогуляться, пусть бы и по парку, но я... чувствовала спиной взгляд. Такое вот неприятненькое ощущение, будто за тобой не следят, нет, просто слегка подсматривают. И отнюдь не с восхищением.

Я добралась до колючего терна.

Тронула влажные ветви.

Обернулась.

Никого.

И слева... и справа... особенно справа. Там старый шиповник давно уже превратился в одну сплошную колючую стену, которой и птицы избегали. Если и касались его руки садовника, то явно осторожно, если не сказать, с трепетом.

Ощущеньице не пропало. Напротив, взгляд стал... жестче? Навязчивей?

— Кого-нибудь чувствуешь? — тихо спросила я у Этны. Она свистнула, только поди-ка пойми, согласие это или же совсем наоборот. — Ладно... сделаем вид, что я любопытная дура, которой дома не сидится...

Тропинка сама нырнула под ноги.

Чистая.

Подозреваю, эйта Ирма не испытывала любви к прогулкам по мокрой листве. Черствый она человек, напроць лишенный романтики осени.

Слева вытянулись свечи грабов, под которыми прижился снежнягодник. И на лишенных листвы ветвях белые бусины ягод смотрелись нарядно.

Здесь и пахло иначе.

Навозом? Куда без него. Почвы на островах бедные, здесь и мох-то с трудом приживается, не то что грабы... а вон и рябина, увешана алыми гроздьями.

Взгляд не исчез.

А я сунула руку в карман, нащупывая медную пластину кастета. Что поделаешь, жизнь, она непредсказуемая... стоило прикоснуться, и медь прилипла к пальцам, а руку окутала тончайшая пелена силы. Убить не убью, но...

Я почти добралась до первой в череде теплиц. И судя по виду, самой старой. Здесь неплохо себя чувствовал дикий виноград. Он, освоившись в тени, вскоре выбросил тонкие плети, зацепился за неровности, за свинцовые оплеты рам, придавил своей тяжестью посеревшие стекла, да и выбрался

на крышу, где уж и вовсе раскинулся вольготно.

Он был по-своему красив.

Темный, глянцевый, отмытый дождем до блеска. Темные ягоды привлекали птиц, но те, верно, привычные к людям, внимания на меня не обратили.

— Бабушка не любит, когда здесь ходят, — сказали мне, и я обернулась.

Надо же... Йонас.

Мальчишка, который выше меня на голову, хотя и считается ребенком. И одет... не так, как обычно. На кого здесь охотиться, кроме разве что на чаек? Но все же... брюки из оленьей кожи. Куртка явно шита на заказ, а потому сидит отлично. Перчатки. Короткий плащ, который прикрывал плечи. Кепи.

И ружье.

Хорошее такое ружье... нарочито простое с виду, но...

— Мне любопытно, — я выдержала его взгляд, в котором больше не было равнодушия. Скорее затаилось предвкушение. И клянусь, мне это было не по вкусу.

— Любопытство порой... опасно.

— Неужели?

— Этот остров лишь кажется простым, — Йонас поставил ружье на сапог. А вот сапоги тоже отличные, с высокими голенищами, темной кожи, на которую нанесли защитный слой. Наверняка не промокают.

И по болоту ходить в таких — одно удовольствие.

Осталось выяснить, если ли здесь болота.

— Да?

— А то... плоский, скучный... на самом деле здесь столько всяких... мест и местечек, — мальчишка облизал губы. — Куда никто не заглядывает... никогда не заглядывает... по доброй воле... а еще других... вот, представь, здесь рядом есть болото.

Значит, все-таки есть?

— Местные про него знают, обходят стороной. Оно маленькое, с одного края другой виден, но при том глубокое, а вы глядит сущей лужайкой. Ступишь на такую и провалишься... в прошлом году у одного идиота из местных коза провалилась. Утонула. Потом, конечно, вытянули за веревку...

— Ужас какой, — сказала я вполне искренне.

— А то... я бабушке так и сказал. Ужас. Следить за животными надо... они ведь, в отличие от людей, беззащитны... да и люди... но люди сами виноваты, если забираются туда, куда не стоит.

Как-то мне совсем не по вкусу нынешний разговор.

— Ты... охотился? — я похлопала ресницами.

— Вроде того.

Он вдруг выдохнул и поморщился.

— Конечно, если ты полезешь в теплицы, никто останавливать тебя не станет... — и шагнул ко мне.

Протянул руку.

Коснулся щеки.

— Какая... она кажется грязной, знаешь? Ты сама кажешься грязной. Как отец польстился на такое ничтожество? С другой стороны, мамочка моя еще та бледная немочь...

А сам он кто?

Тоже блеклый, выцветший, только у Лаймы эта бледность кажется естественной, а здесь... будто в подземельях его растили. Йонас красив. Не бывает некрасивых эйтов, но красота какая-то слишком

уж резкая.

— Тебе не кажется, что...

Он прижал палец к губам.

К моим губам.

И клянусь, от этого пальца отчетливо пахло кровью.

— Не спеши, девочка, — Йонас наклонился, заглянул в глаза. — Не надо... в спешке можно натворить много глупостей, а глупости причиняют боль. Ты же не хочешь, чтобы тебе было больно?

Его палец коснулся моего виска.

Смахнул капли воды с волос. И клянусь, я не в силах была пошевелиться.

Я смотрела на этого мелкого засранца, чувствуя, как бешено колотится мое сердце, и не могла пошевелиться.

— Никто не хочет, чтобы ему было больно... это же так естественно — боли избегать...

Палец замер на виске, будто Йонас тоже слушал мой пульс.

— Боишься? Правильно... страх — это тоже естественно. Он предупреждает нас, что нужно быть осторожней. Ты же будешь осторожна? Мне бы не хотелось, чтобы тебя убил кто-то другой.

— Что? — я все-таки отмерла и отшатнулась.

— Не хочу, чтобы тебя убили, — Йонас расплылся в улыбке, и в этот момент стал так похож на отца, что сердце болезненно сжалось: а ведь у нас тоже мог бы быть сын.

Или хорошо, что его не было?

Как то...

— Я тоже не хочу, чтобы меня убили.

— Что ж, — он кивнул. — Тогда наши желания совпадают. В какой-то мере... а там, — Йонас указал на теплицы, — на самом деле ничего интересного, но если хочешь, я покажу.

Я не хотела.

Но и отступить, позволяя этому гаденышу запугать меня, не желала. А потому протянутую руку приняла.

— Буду благодарна.

— Будешь, — согласился Йонас, закидывая ружье на плечо. — Когда-нибудь... когда все поймешь... если поймешь. Почему-то меня все понимают превратно. Здесь вход скрыт. Бабушка не любит чужаков. Ей помогают големы. Отец говорил, что ты разбираешься в големах?

Разбираюсь.

И парочку паукообразных существ, застывших на каменных постаментах, оценила. Последняя модель. И не наша. Имперская. Хотя... что уж тут говорить, имперцы всегда вели в големостроении.

— По специальному проекту, — Йонас протянул было руку к темному панцирю, покрытому узором рун, но прикоснуться не стал. — Не знаю, во что они обошлись...

Нет, не пауки, скорее крабы.

Уплощенные тела.

Многосуставчатые конечности, которые заканчивались острыми коготками. И пара манипуляторов. Сенсоры. Несколько пар узлов.

Утопленный блок обработки.

А вот и привязка к поводку-браслету, лежавшему здесь же.

— Попробуй, если есть желание, — Йонас играл любезного мальчика, а я не стала отказываться. Браслет оказался великоват.

И тяжеловат. Украшен десятком камней, из которых выделялся темно-вишневый кабашон. Я коснулась... что сказать, имперцы знали свое дело, хотя в управлении голема оказались несколько туговаты. Отклик на приказы поступал с задержкой, но в остальном... плавные движения.

Хорошая координация.

Расширенный набор команд. Внятный сканер и толковый блок обработки. Во всяком случае, на углы они не натыкались, друг с другом не сталкивались, да и вовсе по узким дорожкам бегали довольно-таки бодро. Проверять другие режимы я не рискнула, как и снимать печати с внешнего блока. Конечно, заглянуть внутрь големов хотелось, но...

— Спасибо, — сказала я вполне искренне, возвращая браслет на место.

Йонас чуть наклонил голову.

— Мне тоже показалось, что тебе они будут интересны. Я рад, что не ошибся... кстати, обрати внимание. Лезейский виноград...

Он предложил руку, а я... я не стала отказываться, хотя, конечно... что-то было не так в этом мальчишке. Виноград представлял собой тонкие, словно паутина, нити, на которых вызревали бледно-золотистые ягоды.

— Растет лишь в Лезейских предгорьях и, насколько я знаю, далеко не на всяких... в принципе, сам по себе он безвреден, — мальчишка сорвал ягоду и отправил в рот, слегка поморщившись. — Кислый, правда... но вот если сок его нагреть, и не просто нагреть, но довести до появления первых пузырьков, когда вот-вот закипит, а после быстро остудить, то вкус не изменится. Зато в соке появится некое вещество, вызывающее головные боли.

К ним добавляются боль в суставах, затем и мышечные... так называемая лезейская лихорадка, болезнь виноградарей. Смерть наступает спустя год или полтора...

— Жуть какая...

— Это если дозу неправильно рассчитать. В малых... в очень малых дозах такой сок способствует восстановлению печени. А еще раны заживляет. Причем некоторые зарастают прямо на глазах. Это удивительно.

Я кивнула.

Куда уж удивительно... в оранжерее было все... не так.

Жарко.

Влажно.

Тропинка вьется меж деревьями. Разными такими... вот карлик с темно-красной корой и треугольными листочками, которые дрожат, хотя ветра в теплице нет. А рядом пара берез... то есть сперва я решила, что это березы, но они лишь похожи. Белесая кора сочилась соком.

— Не стоит прикасаться, — предупредил Йонас. — Пустынная плакальщица... надо будет сказать бабушке, что пошел сок. Период выделения длится всего сутки.

В естественных условиях она плачет после дождя, а дождь в пустыне явление редкое. Но ее сок местные собирают и хранят. Им смазывают стрелы... у сока интересное свойство. Он парализует, но не убивает. Местные охотятся... это очень удобно в песках, когда жертва остается живой. Нет нужды думать, как сберечь мясо.

Меня передернуло.

— А вот черная клалия, — Йонас присел у тропинки и коснулся невзрачной с виду травки. — Тоже весьма ядовита...

— Вы это все...

— Было время, когда бабушка надеялась, что я пойду ее путем...

— А ты...

— У меня свой собственный. И к сожалению, мое согласие не требуется. В последнее время я стал понимать... в последнее время... это как спать, а потом вдруг очнуться, — мальчишка протянул мне тонкий стебелек. — Возьмите. Высушите... не важно, как... хоть на солнце, хоть меж страницами книги. Носите с собой.

— Зачем?

Трогать неизвестную траву хотелось меньше всего.

— Не стоит волноваться. На тебе знак Эйры, а кто я такой, чтобы спорить с богами?

Стебелек упал на мою ладонь. Он был невесом и...

— Зачем? — повторила я вопрос. А мальчишка пожал плечами.

— Мне кажется, однажды он пригодится. Клалия — дар темного Джара, возлюбленной его...

Хрупкие листья.

Цветок... полупрозрачные лепестки действительно черного цвета. Способен ли хозяин Мертвого царства любить? И создавать цветы? Люди многое сочиняют о богах, но что из сказок правда?

— Одним он подарит тихую смерть, ласковую, как поцелуй солнца. В других вернет душу... кстати, надеюсь, ты знаешь, что создание искусственной души находится под запретом?

— Знаю.

— Прекрасно, — мальчишка поправил ружье. — Носи ее с собой и... если соберешься угостить кого-нибудь другого...

— Я никого не собираюсь травить!

— Кто говорит об отравлении? — его улыбка стала лукавой, а глаза вдруг ожили, мелькнуло в них что-то такое... то ли тоска, то ли обреченность. То ли просто свет лег так, что мне показалось. — Клалия способна и мертвеца оживить. Ее, к слову, весьма активно используют в Зандаре, знаете, их пристрастие к мертвой плоти?

Меня передернуло.

— Бабушка в свое время тоже ставила эксперименты. Оказалось, поднять мертвеца не так и сложно, но... что с ним потом дальше делать?

— Мертвецов я тоже не собираюсь поднимать.

— У тебя и не выйдет.

Цветок был теплым.

Невесомым.

Крохотным.

И теплым, если не горячим. Казалось, еще немного — и мне обожжет пальцы.

— Кровь не та... радуйся. Но если вдруг... если тебе понадобится излечиться... скажем, от смертельной раны... здесь на редкость подходящий климат, чтобы обзавестись такой. Или вот вздумашь глупо спасти чью-то жизнь, остановить кровотечение, срastить плоть. Не важно. Смешай эту травинку с кровью. Только твоей. Добровольно отданной. Смешай и дай выпить.

— Случится чудо?

— Вроде того.

— Если... все так просто, то... почему здесь не стоит очередь из страждущих? — я провела по травинке пальцем. Странное чувство, будто... будто держишь в руках что-то... не знаю, свое. Давно потерянное. Родное.

Ценное.

Сушить?

Как можно... я поставлю его в пробирку. Воды налью и... не знаю, сколько он продержится. Ландыши когда-то жили недолго, но это ландыши. А здесь — черная клалия.

— А кто сказал, что просто? Она крайне неохотно цветет. И... я бы не показывал бабушке. Она уже лет двадцать как пытается добиться цветения. Только она тоже не слишком верит в божественную волю.

— А ты...

— А я? У меня выбора нет... но нам пора. Мы же не хотим, чтобы нас здесь застали. Вдруг подумают дурное? Надеюсь, нет нужды просить, чтобы вы помалкивали?

Я спрятала подарок в сумку.

Надеюсь, цветок не помнется.

Мальчишка закрыл дверь и, вновь превратившись в себя прежнего, отстраненно-равнодушного, произнес:

— Ты все-таки не выходи одна. Здесь убивают.

Кого?

ГЛАВА 24

Девушку.

То есть я не уверена, была ли она девушкой в физиологическом смысле, но... она лежала, раскинув руки, уставившись пустыми глазницами в небо.

Она была молода.

И хороша собой. Когда-то. До того, как ей вырезали глаза.

Светлые волосы. Светлая кожа... веснушки, которые были бледноваты, то ли потому, что осень и солнце почти ушли, то ли благодаря отбеливающим кремам.

Кирис осторожно укрыл лицо простыней.

— Что здесь... — я поежилась и оглянулась.

А мальчишка исчез. Он повел меня вокруг дома, и теперь я понимала, что выбор пути не случаен. Он определенно знал про девушку и... хотел, чтобы я ее обнаружила?

Увидела?

Зачем?

Меня замутило, и я отвернулась.

— Что вы здесь делаете? — поинтересовался Кирис, отступая от тела.

И руки за спину спрятал.

В перчатках.

Странно, здесь, конечно, прохладно, но не настолько же.

— Гуляю.

— Здесь?

— Почему бы и нет...

Тоже часть сада, но старая, запущенная. Вон виднеется каменная осыпь, поросшая мхом, за ней — ограда, сложенная из плоских камней, кое-как скрепленных глиной. Она появилась еще в незапамятные времена, а теперь не выглядела сколь бы то ни было серьезной преградой. За ней виднелся низкий местный кустарник, он тянулся до самого берега, постепенно мельчая. Корни его прикрывала жесткая трава.

Трава зеленела.

Солнце в кои-то веки выглянуло из-за туч, и в свете его эта зелень казалась какой-то слишком уж резкой. Будто краски нарочно подлили. Еще белела простыня.

— Далековато ушли... — Кирис скрестил руки на груди. На меня он смотрел с немалым подозрением. А где, спрашивается, благодарность? Не будь меня, сгорел бы...

— Так получилось.

Я оглянулась. А и вправду дом теперь казался далеким и маленьким. Я видела вереницу грабов и темную крышу с дюжиной труб. Дым. Поблескивающие стеклышки... а мне казалось, что гуляли мы не так и долго.

— Как ее убили?

— Вам и вправду интересно? — приподнятая бровь. И я киваю. Зачем мне это? Не знаю, но... я просто хочу знать. И Кирис соглашается.

— Перерезали горло, — он хмур.

Хотя да, причин для веселья нет.

— А... глаза?

— Заметили?

Сложно не заметить темные впадины.

— Уже после смерти вырезали. И это не первая жертва.

Вот же... мать твою... здесь и вправду не стоит гулять в одиночестве. Подозреваю, мои амулеты не настолько надежная защита, как мне казалось.

— И когда это... началось?

Мне показалось, что не ответит.

Он и не должен отвечать.

Кто я такая? То ли старая жена, то ли новая игрушка. А он... он Мару служит. Как давно? Он ведь из королевских псов, а говорят, что бывших не бывает.

Врут?

И... не важно. Рассчитывать стоит лишь на себя.

Кирис тронул перчаткой перчатку и поморщился.

— Пару лет назад... сперва пропала служанка. Помощница с кухни. Не слишком красивая. Не особо умная. Но она была старательной и милой девчушкой. Я нашел ее... не сразу. Тогда я решил, что глаза выклевали птицы. Они здесь очень... прожорливы.

Я кивнула.

Чайки — та еще погань, и тела, коль выносит их на берег, они разделяют быстро, а уж на пару с крабами если... зрелище редкостной тошнотворности.

— Решили, что ее убил любовник. У нее обнаружился дружок из местных. Парень любил выпить и подраться. В тот день, когда Марика пропала, они поссорились. Этого хватило, чтобы его повесить. Владетельный суд скор... но не всегда справедлив.

Кирис вытер руки о штаны.

— Хотите уехать?

— Мар против.

— Я не его, а вас спрашиваю.

И главное, взгляд такой... пронзительный.

— А как же государственные интересы?

Он пожал плечами. Стало быть, государственные интересы отошли на второй план. Откуда тогда такая, мягко говоря, щедрость?

Из благодарности?

Не верится.

Я стала на отвращение подозрительна. А еще что-то подсказывало: если рыжий не врет и действительно поможет уйти, то... Мар ему не простит.

Совсем не простит.

И мне не должно бы быть дела до чужих проблем, но я ответила:

— Нет.

— Были еще четверо. Он больше не носил тела на берег. Здесь бросал. А глаза забирал с собой.

— Думаете...

— Я обыскал этот клятый дом трижды. И поверьте, куда тщательней, чем обыскивал тот маленький островок... тогда у меня не было задачи найти что-то.

То есть мне просто и незамысловато действовали на нервы? Спасибо.

— Здесь я использовал все возможности, которые у меня остались. Я проверил каждого человека... я... не знаю. Я дол жен был найти убийцу. И я даже нашел.

— Маров камердинер? Тот, который сбежал? Что? Мар мне сказал, что он был шпионом. А это удобно, если в одном лице и шпион, и убийца... и еще кто-нибудь.

Когда он так смотрит, мне хочется отвести взгляд.

Или вообще предаться обмороку. Почему-то появилось ощущение, что меня бы подхватили... вот так, как в одном из романов Гедре, где про крепкие мужские руки и... и все остальные части тела, к ним прилагающиеся.

Кажется, у меня уши покраснели.

Глупости какие... неуместные.

— Потом, после исчезновения, в его комнате обнаружили банку с формалином. А в ней...

— Дайте догадаюсь, глаза?

— Именно.

— Все?

— Не все, — Кирис все же качнулся в мою сторону и руку подал. — Всего пять, по одному от каждой жертвы.

То есть расстаться со всеми трофеями тот урод не сумел.

— И вас это не убедило?

Кирис подал руку.

А я... так нельзя делать, но я стянула перчатку. Он мог бы остановить. И руку убрать. Или просто сказать. Но промолчал. Перчатку только принял.

Не знаю, что на меня нашло.

Люди врут. И глаза, которые зеркало души, тоже, если в них у меня так и не вышло разглядеть душу Мара. А вот руки, руки — совсем другое дело. Ладонь у Кириса оказалось неожиданно большой. И никакого изящества. Артефактором с такими руками не быть. Пальцы короткие. И пятнышки мозолей в кожу вросли. Не только мозолей. Ожоги?

После вчерашнего? Глубокие какие... и наверняка болезненные. Я знаю. Мне случалось ловить искры, и всякий раз я давала себе слово, что больше к печи не подойду. А потом хмурилась, слушая ворчание Гедре. Ее мазь снимала боль, но раны заживали долго.

— Больно?

Кирис покачал головой.

— Больно, — не поверила я. — Почему ты к целителю не сходил?

— Иногда безопасней без целителей, — Кирис не делал попыток забрать руку. — Да и само пройдет. К вечеру. Когда сила окончательно стабилизируется.

Сила, стало быть. Ну да... он же огневик. А стало быть, к ожогам привык. На редкость нестабильная стихия.

Я вздохнула. И руку отпустила. Наверное, это до крайности неприлично, разглядывать руки постороннего мужчины, но...

А собственно, почему бы и нет?

Я женщина почти свободная, могу смотреть куда хочу. И думать тоже. Кирис же сделал вид, что ничего-то особенного не произошло. Перчатку надел. А руки убрал за спину.

— Мар настоял, чтобы дело закрыли, — произнес он.

— Скандал?

Кирис чуть наклонил голову.

— А вы сами-то не устали? — поинтересовалась я, озираясь.

А место открытое. Не поляна, скорее старый газон, который если и стригли, то где-то в прошлой его жизни. Впрочем, газон давно уже обжился, вросся в землю, и темная трава торчала жесткою свиной щетиной. В ней не уживались ни одуванчики, ни даже робкие березки, которые умудрялись при всей хрупкости своей прорасти на голых камнях.

Слева поднимался берег.

Справа, за старой оградой, которая определенно не являла собой непреодолимое препятствие, виднелся парк, плавно переходящий в лес. Сзади был дом.

А ведь земля влажная.

И не похоже, чтобы тело несли.

— Она пришла сюда сама, — Кирис не стал меня удерживать, пусть даже подобное поведение показалось ему, мягко говоря, странноватым. Все же женщины и трупы плохо совместимы друг с другом. — Воспользовалась старым ходом для слуг. Его обычно запирают, но там засов, изнутри открыть проще простого.

— Где?

До дома было... прилично так было.

— Правее. Да. Видите? Домик смотрителя. Раньше там жил человек, который, собственно, и приглядывал за островом.

Домик — это скромно.

Дом.

Вполне себе приличный дом в два этажа, вот только верхний затянут виноградом, а потому почти сливается с поздней зеленью старого дуба, крона которого наклонилась, укрывая этот самый дом, будто пряча его.

— Раньше слуги не жили в доме. Они уходили в деревню, потом возвращались. Но эйте Ирме это показалось не совсем удобным. А когда старый Эрхе умер, она велела его семье убираться. Обычно сын занимал место отца, но...

У эйты Ирмы оказались свои представления о том, что есть правильно.

— Зачем она это сделала?

— Кто знает? Боюсь, понять ее мотивы мне сложно... но дом связан с хозяйским короткой дорогой. И девушка о ней знала. Ее следы начинаются оттуда...

— Можно...

— Вам так интересно?

— Не думаю, что интерес — это подходящее определение, — я позволила перенести меня через поваленное дерево. А ведь этот обломок не сам собой появился, перекрыв тропу... то есть лежит он здесь давно, вон и мхом зарос, и выводком желтых грибов обзавелся. Однако я не вижу поблизости ничего, похожего на пенёк. — Мне как бы... советовали не гулять в одиночестве.

— Разумно, — согласился рыжий. — И кто посоветовал?

— Йонас.

— Весьма... любопытный молодой человек.

О да... я заметила.

А не мог ли...

Прогулка его. Охотничий костюм. Ружье... разговоры эти, мягко говоря, сомнительного свойства. Может, мальчик чуть более странен, чем мне показалось? Он наверняка знает о доме и о его маленькой тайне, которая определенно давно уже не тайна, если мне так просто о ней говорят. Что может быть проще? Вскружить девочке голову... позвать на свидание... быть может, не первое даже... перерезать горло...

Вырезать глаза.

И отправиться на прогулку.

Я сглотнула.

— Не стоит, — Кирис переступил через лужу, на краю которой заплывал грязью отпечаток ноги. Босой женской ноги. А ведь погода не та, чтобы босиком разгуливать. — Его я проверил в первую очередь. Он... имеет некоторые особенности, но к убийствам не причастен.

— А кто причастен?

— Хотел бы я знать.

Спокойно.

Надо думать логически. Допустим, если бы Йонас и вправду избавился от этой девицы, то... ей перерезали горло. Когда режут горло, течет кровь. Очень много крови.

И в итоге что?

Я помню светлый костюм.

Сапоги.

Перчатки.

Все новое и чистое... и может ли чистая одежда быть доказательством невиновности? Вряд ли. Дом рядом. Что стоило вернуться и сменить один костюм на другой.

— Его давно не ремонтировали, — предупредил Кирис, останавливаясь перед строением, которое на второй взгляд казалось еще более древним, чем на первый.

Желтоватый камень подернулся влажной пленкой плесени. Местами она расползалась ржавым кружевом, порой смыкалась, поглощая и камень, и сизоватую прослойку раствора.

Треснувшие ступени.

Каменные цветочницы, которые потемнели от времени. Окна прикрыты ставнями, и дом выглядит слепым.

— Погодите, — Кирис приподнял правую цветочницу, из-под которой появился длинный ключ. Он вошел в ржавый замок, чтобы застрять в нем, правда, все же провернулся, хотя и со скрежетом.

Внутри пахло...

Старым заброшенным домом.

Гнилым деревом. Сыростью. Тленом. Спертый воздух и темнота, которую слегка разбавляют тонкие полосы света — ставни все же сходятся неплотно.

— Кстати, — я зажигаю на ладони светляка. — А в целом если... Как вы себя чувствуете?

— Весьма неплохо... если позволите, я пойду первым.

Позволю.

Я давно уже вышла из возраста, когда тянет на приключения. Передав светляка Кирису — он взял пластинку артефакта, лишь хмыкнул как-то... выразительно.

Что?

Стандартное плетение было чересчур энергоемким, требовало внимания да и свет давало слишком уж резкий, неприятный для глаз. Я всего-то слегка доработала.

Рыбакам мои светляки нравились.

Скрипнули половицы.

Где-то совсем рядом кто-то вздохнул, и вздох этот прокатился по дому, пробуждая его к жизни. Вот протяжно застонало дерево. Хрустнул камень. А у меня появилось огромное желание убратсья и как можно дальше, но...

Кирис отступил.

— Видите? — он указал на след девичьей ножки, четко отпечатавшийся в пыли. — Она была здесь. И одна...

Второй след... и целая цепочка. Она пересекала холл, пыль в котором стала своеобразным полотном. Все равно не понимаю...

— Погодите. Мне нужно это зафиксировать. Подержите, будьте любезны...

Мне вернули моего светляка, а в руках Кириса появилась небольшая коробочка. Очень интересно. Его фиксатор куда меньше стандартных.

— Здесь широкоугольный объектив. К тому же есть возможность снять в тонком спектре... но, сомневаюсь, что это что-то даст.

— Почему?

Я подняла светляка над головой.

Этна в сумке завозилась, требуя немедленно выпустить ее на свободу. Нет, дорогая, не сейчас. Я верю, что ты что-то почувствовала, все же твои сенсоры куда надежнее человеческих глаз, однако время не подходящее. Мы вернемся.

Вечером.

Может, мысль в сложившихся обстоятельствах и не самая здравая, но...

— Потому что это уже было, — Кирис сделал несколько снимков. — И девушка вон там... и следы... и дом этот. И снимки... незадолго до того, как...

— Нашелся убийца?

Я все же переступила порог.

Пыль.

Много пыли.

И пустота. Из мебели здесь остался старый диван, на котором кто-то бросил плед да так и забыл, и пара стульев, явно из разных комплектов собранных.

Камин.

Решетка почернела от сажи. Полка пуста. А на ней все та же пыль. Она танцует в желтоватом свете, ложится на руки, щекочет нос. Нос я потеряла: не хватало расчихаться.

— Я могу даже кое-что предсказать... идемте, — Кирис протянул мне руку. Все-таки на редкость неразумное поведение. Логичнее было бы выставить меня, а то и отвести в дом, наврав что-нибудь достоверное про несчастный случай с глупой служанкой. А он за собой тянет. И сомневаюсь, что исключительно потому, что больше некому светляка держать. — Она появилась вот оттуда...

Темная дверь почти скрывалась между двумя массивными шкафами.

— Прошла наверх...

Кирис запечатлел цепочку следов, пока вполне себе обутых.

— Разделась в спальне.

Кровать здесь осталась, и я даже догадываюсь о причине такой щедрости: вытащить этого древнего монстра из дома — еще та задача.

На кровати обнаружился букет. Полевые цветы, поздние, последние тени лета, собранные вместе и перевязанные лентой. Хотя...

— А можно взглянуть поближе? — Я не решалась сама подойти к кровати. Вдруг да затопчу что-то важное. — На букет...

— Он всегда оставляет букеты.

Горная ромашка, почти сорняк, но полезный. Ее пьют от многих хворей, да и просто так добавляют в чай, для вкуса и запаха. Ветки серой полыни. И пара васильков, чудом доживших до осени. А вот

эти тонкие темно-красные стебельки я где-то видела...

— Виноград, — сказала я, трогая ягоду-бусину. — Этот... как его... лезейский, да?

— Что?

Кирис, разглядывавший одежду, которая лежала на кровати, развернулся.

— Это лезейский виноград. То есть в названии не уверена, я плохо запоминаю такие вещи, но... я его видела. Сегодня. В оранжерее. И... сомневаюсь, что он растет где-то кроме.

— Интересно...

Кирис принял букет из моих рук.

Осторожно, будто опасаясь, что цветы осыплются. Ромашки потеряли пару белых лепестков, а вот виноград... кто мог его сорвать? Кто рискнул бы сунуться во владения эйты Ирмы?

Любимый внук.

Или...

Одежда разложена, и аккуратно. Знакомо. Так замковые горничные складывают белье. И стало быть, она сама... то есть вполне возможно, что убийца постиг высокое искусство складывания одежды, но... мне кажется, что девушка сама.

Пришла.

Разделась.

И ушла... какой в этом смысл?

— Знаете, — Кирис протянул мне цветы. — Мне кажется, что я устал от всего этого. Мар опять запретит вызывать полицию.

— А вы опять к нему прислушаетесь.

— Он умеет убеждать. Подержите, пожалуйста, ровно. Мне надо и его заснять. Идиот... на прошлые букеты я не обратил внимания. Думал, это так...

Макушка у него тоже рыжая, выгоревшая до морковного яркого колера. А в нем тонкие мазки седых волос. И мне хочется погладить их, понять, мягкие они или жесткие, как проволока?

Я вздохнула.

Кажется, мне действительно следует найти себе мужчину. Хотя бы для здоровья, а то лезет в голову всякое и не к месту.

— Но я напишу письмо. Сегодня. И если вы захотите уехать, просто скажите, — он поднялся и заглянул мне в глаза. А я смутилась вдруг.

С чего бы?

Это просто взгляд.

И просто мужчина.

Я ведь по делу общалась с огромным количеством мужчин, так чем этот конкретный отличается от них? Вот именно...

Именно, что себе врать не стоит. Не знаю чем, но отличается. От взгляда прочих я не краснела.

— Скажите, — знаю, что глупо, но если я и дальше буду им любоваться, то... то что-то случится, такое, что возьмет и испортит все, даже то, чего нет. — А Мара вы тоже проверяли?

— Что?

Кирис моргнул.

А ресницы у него совсем светлые, будто обожженные. Из-за них и глаза кажутся почти белыми.

— Мара. Вы сказали, что проверили всех. А его тоже?

Что ж... ответа я не дождалась. Впрочем, он был и не нужен.

ГЛАВА 25

К вечеру отчетливо похолодало. И холод пробрался в дом, заставив дам вспомнить о мехах. В соболином палантине зйты Ирмы поблескивали искры алмазов. Сияли камни на шее Сауле, которой шло платье с оторочкой из лисьего меха. А вот Лайма выбрала длинный жакет, отделанный соболем.

Красиво.

Только непрактично.

— Боги, у меня от этой погоды голова раскалывается, — эйта Ирма сидела у окна, наблюдая за отражением в стекле. Где-то там, в черной глади, была и я. — Ненавижу осень. Скорей бы по-настоящему холода наступили.

— Слышала, опять девку нашли, — Сауле устроилась у камина, в котором переваливалось рыжее пламя. — Ей вырезали глаза...

— Не понимаю твоего плебейского интереса к кровавым подробностям.

Сауле поболтала флягу, прислушиваясь к тому, что осталось. И кажется, услышанное пришлось ей по вкусу, флягу она прижала к груди и погладила.

Нежно.

— Надо же мне хоть чем-то интересоваться. Ты вот травками. Племянничек зверей свежует. А я буду кровавыми, как ты выразилась, подробностями.

Кто это зверей свежует?

— Мне кажется, — подала голос Лайма, — это не совсем уместная тема для беседы. Ужин скоро.

О да, скоро ужин.

И мы его ждем. Терпение проявляем, даже беседуем, точнее, они беседуют, а я слушаю, пытаюсь отрешиться от неприятного предчувствия.

— Ай, не будь такой ханжой, Лайма, не о погоде же говорить, в самом-то деле... а нас уверяли, что убийца найден.

— И ты в это поверила? — теперь в голосе Лаймы слышался скепсис.

— Иногда удобнее верить, а нас всех здесь приучили делать именно то, что удобнее. Правда, мама?

Эйта Ирма не соизволила ответить.

— С другой стороны... одной больше, одной меньше... пока режут их, беспокоиться не о чем. Верно? Они ведь даже и не люди... не совсем чтобы люди... а скандал может выйти знатным. Скандал для Ильдисов куда опаснее какого-то там убийцы...

— Ты стала слишком много себе позволять.

Сауле молча подняла флягу.

— Мне кажется, — я протянула руки к огню, впрочем, каминная решетка защищала не только от искр, но и жар рассеивала, в результате пламя было словно бы ненастоящим, — с подобными вещами не шутят. Сегодня одна девушка, завтра — другая... послезавтра, вполне возможно, его заинтересует кто-то из вас.

— Или ты, — Сауле упала в низкое кресло и, сев боком, перекинула ноги через подлокотник. — Чем не жертва?

— Всем.

— Ты забавная... уже не плебейка, но еще не эйта, что бы там ни говорилось. Самое оно... так что, на твоём месте, я была бы осторожней.

— К счастью, каждый из нас на своём месте.

— Девочка огрызаться научилась? Мило... раньше ты была упоительно беспомощной, только и умела, что глазками хлопать да удивляться...

В общем, ужин прошел в теплой и родственной атмосфере. Впрочем, кормили здесь неплохо, а отсутствием аппетита я никогда не страдала.

Тело перенесли в ледник.

То есть лед из подвала давным-давно исчез, сменившись полудюжиной чеканных пластин. В остальном здесь стало разве что почище. А так — тот же камень, черный, отесанный грубо.

Крюки, на которые цепляли туши.

Полки.

Стол.

Узкие, длинные, покрытые толстым слоем металла. На таких удобно разделывать мясо, и куском такового казалась девушка. Тело ее успело окончательно окаменеть, и даже покрылось тонким пухом инея.

— Неприятно, — Мар поежился.

Он никогда не любил подземелий, как-то слишком уж отчетливо ощущал всю эту грудку камня над собой. Да и холод переносил с трудом. Пальцы разом леденели, утрачивая чувствительность, кровь будто бы загустевала...

— И только?

А вот Кирис чувствовал себя слишком уж бодро.

И зло.

— А что ты хочешь еще услышать?

— Что завтра здесь появятся дознаватели. Нормальные дознаватели, облеченные соответствующими полномочиями. И что они перетряхнут этот остров, если понадобится, до последнего камня.

Мар поморщился.

— Не сейчас.

Ответ был ожидаем, но все равно заставил стиснуть зубы. Но Кирис не сдержался.

— А когда? Сколько их должно умереть, чтобы ты, наконец, позволил...

Мар отдает предпочтение светлым костюмам. Но сегодня он выбрал тонкий галстук черного цвета. Знак траура?

Прихоть.

От Ильдиса пахло туалетной водой, воском и табаком. Немалым состоянием, размеры которого и Кирис наверняка не знал. Спокойствием. Уверенностью, что и на сей раз все будет именно так, как Марун задумал. И потому движения его по-прежнему неторопливы, взгляд слегка рассеян, будто думает он о чем-то, явно к убийству отношения не имеющему.

— Погоди. Я понимаю твоё волнение... и гнев, — Мар коснулся руки, и это легкое прикосновение погасило гнев. — И полагаю, что ты прав... это кто-то из наших... Юргис?

— Гадать можно бесконечно.

— Йонас не оставил бы следов. Не с его возможностями, ты же знаешь.

— Если бы не захотел, чтобы ее нашли. Прости, но твой сын... вгоняет меня в дрожь.

— Не одного тебя...

Мальчишке не повезло, а еще не повезло Мару, поскольку у него имелись свои планы. И теперь, глядя на сына, он морщился, наверняка пытаясь планы переиграть, но... с богами не спорят.

Не потому ли он вспомнил о первой жене, что Лайма больше не способна рожать?

Надеется получить нормального наследника?

Мысль об этом Кирису категорически не понравилась. Настолько, что пришлось сделать усилие, чтобы успокоить пламя. Он заставил себя не думать — Эгле тоже немолода, да и силы в ней недостаточно, чтобы удовлетворить запросы высокого эйта, — и вернулся к телу.

Он успел его изучить.

Подробно.

Кривоватые мизинцы. И вросший ноготь на большом пальце левой ноги. Нарыв уже прорвался, а сейчас ноготь посинел. Он помнил пару тонких шрамов чуть повыше щиколотки и родинку под коленом. Белесые бедра и все еще мягкий живот.

Руки с их мозолями, выдававшие, что девушка, несмотря на красоту, — мертвая, она была, пожалуй, красивей живой, — не принадлежит к благородному сословию.

— Тогда остаются двое. Ты или Юргис.

В лицо вот Кирис заставлял себя смотреть. И тонкая полоса ткани, которой он прикрыл глазницы, не спасала. Напротив, мертвая будто обрела способность видеть.

Мертвые могут видеть.

И возвращаются.

Если, конечно, им помогает море.

— Я? — Мар отвернулся от тела. Но в этом его жесте не было ни отвращения, ни страха.

— Просто мне начинает казаться, что я плохо тебя знаю.

Кирис вытащил сухой листок из спутанных волос девушки.

— Я тебя спас, — сухо напомнил Мар.

— Я помню.

— Я прикрыл твой зад. Я не позволил тебя повесить. И потом, когда ты оказался на улице, не отвернулся...

— И я тебе за это благодарен.

— Я дал тебе новый дом. Работу. Свою сестру...

— Вот за нее я не очень тебе благодарен.

Это было почти шуткой. И Мар понял, поддержал, даже изобразил улыбку, но взгляд остался прежним, холодным, изучающим.

А ведь Ильдис превосходно разбирается в устройстве цеппелинов, как и в том, для чего используют черное масло. С силой он обращаться умеет, и активацию способен провести без особого труда.

Но для чего?

Не то чтобы у него вовсе нет причин избавиться от Кириса, скорее уж Мар не привык марать руки.

— Послушай. Я понимаю тебя... мне тоже бесконечно жаль эту девушку.

Я прослежу, чтобы ее семье выплатили компенсацию. И чтобы убийца не ушел от наказания. Но... мне нужно время. Всего лишь немного времени...

Он говорит мягко.

И голос привычно окутывает, убаюкивая. А старый камень, спрятанный под рубашкой, столь же привычно прилипает к коже. К вечеру очередной ожог останется, но... к ожогам Кирис привык. К голосу, кажется, тоже, поскольку искушения поддаться почти нет.

— Ты же знаешь, что в ближайшие полгода будет тихо... и стало быть, время есть...

— Если мы не ошиблись.

— Ты лучший дознаватель из тех, кого я знаю. И если ты оказался бессилён, то что говорить об остальных?

Молчание.

Тягучее. Раздражающее. И холод этот. Снова холод.

Мар тоже его чувствует. Он спрятал руки в подмышки и отвернулся от тела.

— Хочешь, занимайся этим делом, — это было почти уступкой. — Только им... обыщи дом. Надо — дам помощников... допроси их всех. Если потребуется — с зельем правды...

— Которое очень плохо действует на людей вашей силы?

— Увы... никто не лишен недостатков. Но делай, что считаешь нужным, главное... не привлекай внимания. Я не могу позволить себе скандал. Не сейчас.

— То есть еще один несчастный случай?

Кирис смотрел на девушку. Смотрел, не отрываясь.

Отбить телеграмму?

Телеграф закрыт. Но у Кириса есть дубликат ключа. И он знает, что, стоит позвать, и помощь придет, только... не этого ли ждут?

— Счастливым, — Мар все же скользнул взглядом по телу, — его точно не назовешь.

Холодно было и в моих покоях. Причем как-то... слишком уж холодно. Холод будто просочился сквозь стены, он оставил белесые следы на стеклах, что характерно, изнутри.

По подоконнику расплылась лужица.

А на потолке, в углу, проступило темное пятно.

Я выпустила Этну и, устроившись на кровати, велела:

— Показывай...

Очки для просмотра записей у меня имелись, пусть и не слишком новые, но в целом годные. Вот только... смотреть оказалось особо не на что.

Железо.

И снова железо.

Ворчание старого мастера, недовольного моим появлением. Его крик на учеников, которые суетились, но в суе этой не было ни капли смысла. Они хватали железо, чтобы перетащить его из одной кучи в другую. Серьезно кивали.

Водили руками, силой стирая те слабые остатки следов, которые могли бы уцелеть.

Исключительно теоретически могли бы уцелеть.

Мастер злился.

И кричал еще громче. А потом вдруг сел в углу и, достав из тайника бутылъ, приложился к ней. Он так и сидел, а ученики, устроившись за очередной кучей, тихо резались в карты.

Я пролистывала записи, надеясь, что не пропущу ничего действительно важного.

Мастер уходит.

На ногах он держится вполне уверенно, но ученики весьма благоразумно держатся подальше от наставника. Гаснут светильники. И запись переходит в другой режим.

Я моргаю, пытаюсь отрешиться от головной боли. Все-таки...

Тепло.

Оно исходит от стен, нагревшихся за день, хотя и слабо. Потому выглядят они бледно-серыми. А вот железо — темным, почти черным. Колбы светильников и сейчас едва-едва сияют.

Дверь.

И человек.

Он кажется сплетенным из огненных нитей, алых и рыжих, и немного — желтых. Вот же... я выругалась. От души, между прочим. Человек остановился у темной кучи.

Он просто стоял.

Смотрел.

Крутил головой, и тогда на записи появлялась характерная рябь. Вот человек замер, чтобы в следующее мгновение резко развернуться.

Никого нет.

Ничего...

Он вздохнул, и я услышала этот вздох. А еще протяжный скрип двери, которая приоткрылась.

— Кто здесь? — спросил человек голосом Кируса.

Ему не ответили, что, зная будущее, весьма даже логично.

— Эгле?

Ага... так бы я и отозвалась. Я провела ладонью по спинке Этны, которая сидела рядом, подогнув конечности под тело.

Человек двинулся к двери.

Шел он медленно... дошел.

Выглянул.

Окликнул кого-то, но... вышел и...

Несколько минут ничего не происходило. Тишина получилась звонкой, нервирующей. А потом появился еще один человек. Точнее два. Один волок второго. Это выглядело... странно. Два ярких пятна, местами сливающихся друг с другом. И смотреть на них было больно.

Я сняла очки.

Закрыла глаза.

И надела. Все происходило в полной темноте. Вот тот, другой, укладывает Кируса. Вот поднимает что-то с пола... бьет... мне кажется, я слышу влажноватый хруст, но знаю, что это лишь игра разума. Кирус лежит, а его засыпают железом.

Вот в руках человека появляется канистра, которая постепенно наливается белым светом. То есть... она нагревалась прямо там?

Или в нее вливали силу?

Жаль, Этна пояснений к записи не даст, хотя предположу, что дело все-таки в силе. Сомневаюсь, чтобы ее, раскаленную, можно было просто удержать в руках. А вот сила... ошметки ее висели в воздухе, завивались, расплывались, смазывая и без того смазанную картинку.

В какой-то момент мы с Этной почти ослепли.

А человек поставил канистру, смахнул пот с лица — выходит, не такое это простое дело — и принялся за работу. Масло он разливал щедро, выкладывая дорожку к двери. То есть даже если бы Кирус очнулся и пошел... если бы сумел определить, где находится и что вокруг... достаточно одной искры.

Наверное, той, которую посадили на половине пути, заключив в бледный сосуд.

И я помню прекрасно, как полыхнуло пламя, сразу отрезая путь к воротам. Стало быть...

— От него хотели избавиться, — сказала я Этне, досматривая остаток записи. Больше ничего интересного не обнаружилось, разве что я сама, очередным красно-желтым горячим пятном. — Смотри, если бы им нужен был только сарай, скажем, хотели убрать какие-никакие улики...

Она свистнула.

— То достаточно было просто оглушить, оттянуть куда подальше и вперед, к зачистке. Но нет, его оглушили и затащили внутрь. И дело не в жалости, хотя убивать людей без веской на то причины нехорошо, но... дело в трудоемкости. Заметила, как его волокли? Медленно. Он явно был тяжелым. То есть и остался, но мне кажется, что мужчина управился бы куда легче. А из женщин... Сауле? Интересно, ты вообще различаешь людей? То есть других, тех, к кому привязки нет?

Этна шевелила жвалами, будто собиралась что-то ответить. И сенсорные волоски на передних конечностях шевелились. Они то прижимались, темнея, инактивируясь, и тогда лапы казались покрытыми плотной темной броней, то вновь поднимались, окружая их полупрозрачным коконом силы.

— Не понимаешь? Да, это сложно... да и твои показания в суде точно не примут.

С другой стороны, на кой ляд нам суд? Нам бы понять... вообще я почти уверена, что это Сауле. Кажется, ей не слишком по вкусу жених, хотя... могла бы и присмотреться. Нормальный мужчина. А нормальный мужчина в этом безумном мире — ненормальная редкость.

Наверное, если бы меня видел сала Терес, он бы не удержался, сказал бы что-то про обезумевшую девицу, которая вместо обычных кошек — от кошек хотя бы польза имелась — завела себе железного паука.

Разговаривать нужно с людьми.

Но что делать, если подходящего человека нет?

— С другой стороны, всегда есть способ попроще... а это... но Лайме-то зачем? Ирма, если бы ее Кирис достал, просто бы отравила. У нее хватит и сил, и решительности, а возиться с черным маслом — не в ее характере. Да и вообще... долго, муторно и грязно.

Я провела пальцем по металлической броне.

Гладкая.

И тепловатая.

— Мне интересно, Кирис тоже это понял? Если понял, почему ничего не сделал? Мар не позволил? Сам не захотел? Ему ведь повезло. Если бы не мы... не ты... он бы и сгорел. Это больно как минимум, а еще необратимо... сказать ему, что ли? Хорошо бы запись отдать, но тогда придется рассказать о тебе.

Этна скрестила конечности на груди.

— Вот и мне эта идея не кажется хорошей. Еще изымут для изучения. С них станется.

Если бы запись велась с одной точки, я бы солгала, что оставила камеру. Зачем? Какая разница. Но Этна облазила весь сарай, а такая подвижная камера, к тому же меняющая режимы по своему желанию... нет, слишком много вопросов будет.

Но все-таки.

Зачем убивать?

И не сразу... надежней было бы выпустить искру, переступив порог сарая, но... тот, кто затеял этот, с позволения сказать, несчастный случай, явно желал себя обезопасить.

Заклинание отсроченного действия.

И сработало оно верно, только...

— Рыжему повезло... надеюсь, он отдает себе отчет, насколько. А вот Сауле получила неплохое алиби... кстати, откуда то она вернулась, да? Хотя тебя не было, а жаль. Тот разговор тоже стоило бы записать. Ведь не просто так она по дому бродила...

Я вытащила из сумки часы.

— Знаешь... мне кажется, что нам стоило бы принять предложение... то, которое про уехать.

Этна молчала.

Только сенсоры потемнели. Не прогорают ли? Сапфиры, которые легли в основу, конечно, отличаются высокой чувствительностью, да и запас прочности у них, как и у всех камней, изрядный, но вчерашняя прогулка могла сказаться...

Я щелкнула пальцами, создав крохотный лепесток огня. Он отразился во всей дюжине глаз, и Этна встрепелась. Видит, стало быть.

А вот диагностику не проведешь, нет подходящих инструментов.

Плохо...

ГЛАВА 26

На кухне всегда было жарко.

Старая печь, выложенная черным аслезским камнем, способным выдержать жар вулкана, горела и днем, и ночью. В последний раз ее гасили лет двадцать тому назад, чтобы снять нагар, да и вовсе привести в порядок. С той поры печь обзавелась парой руноскриптов, которые значительно увеличили ее возможности, и новой облицовкой. Белые глянцевые плитки, расписанные синими цветочками, со временем пожелтели, однако блеска не утратили.

Кроме печи, здесь имелся и открытый очаг, способный вместить бычью тушу. Им-то пользовались как раз редко, по случаю больших приемов, а потому большую часть времени очаг просто стоял, прикрытый темным промасленным полотнищем. Нашлось место и для пары массивных плит, для патентованной фритюрницы Бигглера, занявшей свободный угол.

Пахло здесь маслом и специями.

Висели на крючках травы. Выстроились на полках медные кастрюли, самых разных форм и размеров. Устроились на своих местах лопатки и лопаточки, щипцы, двузубые и трезубые вилки и иной инструмент, порой весьма зловещих очертаний.

Главенствовала на кухне Йорга, женщина степенных лет и объемов, не оставлявших сомнений в том, что готовить здесь умеют.

— А я что, знаю? — она раздраженно смахнула со стола несуществующие крошки. — Вы, господин, у меня зазря спрашиваете...

На Кириса она столь старательно не смотрела, что у того поневоле зародились подозрения. Знает Йорга куда больше, чем говорит, но... ему не скажет.

Не доверяет.

И не только она.

Помнит и повешенного Берко, которого сама яростно называла проходимцем, требуя правосудия, и того, другого, чья вина у нее вызывала подозрения. И теперь боится, что, если произнесет хоть слово, это слово будет истолковано превратно.

Как знать, кого еще повесят, прикрывая хозяйские игры?

— Эта девушка работала с вами, — Кирис присел за стол.

Старый.

Вытертый. Впитавший множество запахов, он встал в каменный пол кухни.

А табурет поскрипывал. Вот именно этот табурет из полудюжины сколоченных деревенским плотником. И ничем-то он от прочих не отличался, но поди ж ты, вечно попадался Кирису.

— Работала... работала она... свиристелка...

Телеса Йорги шевелились медленно, они то шли складками, комкая шерстяное платье, то распрямлялись, и тогда ткань разглаживалась, растягивалась, того и гляди грозила треснуть.

— Йорга, — Кирису удалось поймать взгляд. — Хозяин не желает скандала. А я не хочу, чтобы еще кто-нибудь погиб.

В этой женщине была кровь морских ведьм, как иначе ей к своим немалым годам удалось сохранить гриву иссиня-черных волос, без единого седого.

— Тогда. Раньше. Я просил его не спешить, — Кирис стиснул кулаки, смирив пламя, которое рвалось наружу.

Он устал ждать.

Сколько лет?

Сколько лжи?

А главное, на сколько его еще хватит? У всего есть предел, даже у моря, что уж о людях говорить.

— Не врешь, — тяжело произнесла Йорга и велела: — Садись. Кормить буду. Садись, сказала... ишь

ты, под смертью ходишь, а кобенишься.

Она шлепнула полотенцем по плечу, и Кирис смирился, подвинул затрещавший табурет поближе. А на столе появилась тарелка, из простых, не фарфор, но глина, пусть и глазированная, украшенная незамысловатой косицей... только косицей ли?

Руны переплетались друг с другом.

— Я сразу сказала, что ей здесь не место. Слишком... наивная.

Кувшин с молоком.

И кружка. Край сколот, но это сущий пустяк, так ведь?

Кусок мяса, наскоро обжаренный на углях. Печь ведь работает, стало быть, и угли имеются. Йорга посыпает мясо рубленой зеленью, солью и перцем. А следом льет соус, тягучий, кроваво-красный. Он острый и в то же время почти приторно-сладкий, отчего хочется пить.

Запивать мясо молоком?

Почему бы и нет.

И сухие пресные лепешки, которыми удобно подбирать соус, тоже пришили в тему.

Йорга усаживается напротив. Под ней табурет молчит, хотя Кирису удивительно, как он вовсе оказался способен выдержать немалый вес кухарки. Она же подпирает подбородки ладонью, и те растекаются.

Йорга смугла.

Почти черна.

И на коже ее желтые камешки песчаника кажутся неправдоподобно яркими. Камушки нанизаны на нить, но та скрывается в складках плоти, и сами камни выглядят так, будто вросли в эту самую плоть. Может, так оно и есть.

Кирис слишком мало знает о ведьмах.

— Она мне родственница... дальняя... двоюродной сестрицы дочка. Та и прицепилась, возьми, мол, — Йорга крутит в толстых пальцах нить, и та течет, будто вода, ниже и ниже... берется из воздуха и уходит в землю. А сила молчит.

Сила Кириса не способна услышать ведьму.

А их еще полагают пережитком прошлого.

— Я ей говорила, что в этом доме беспокойно, а она все одно... я отказала. Я ж видела, что девчонка не такая... что не приживется она тут. Добренькая чересчур.

— А быть добрым плохо?

— Добрым? Нет. А вот добреньким... добренькие люди думать не способны. А еще не понимают... третьего дня вот господин молодой закрылся. Стало быть, опять подурнело...

А вот Мар о новом приступе ни словом не обмолвился.

Не знал?

Не счел нужным сказать?

И вот гадай теперь, то ли это маленькая ложь, то ли просто... совпадение?

— Я ей велела не трогать. Но она ж... голодный он... ему самое оно, когда голодный. Не зря жрецы постятся... набрала... поволокла поднос... чтоб поел, чтоб не страдал. Знамо дело, он ей и наговорил. А эта дурочка в слезы...

И значит, виделись они во время, когда приступ отступил, если мальчишка вообще способен был разговаривать, но прекратился ли? Как знать, на что способен разум, которого тьма коснулась.

— С Даной поругались. Дана отказалась молодой госпоже молоко нести. Раз не велено, стало быть, не велено... а коль охота нарушать приказ, так пускай сама Элька и несет. Но самой же ей боязно...

Йорга тянет нить и молчит.

Ждет вопросов.

— Когда она появилась?

— Так... по весне аккурат. Как Кермину порезали... на место ее... говорила я, что добра не будет, но кто слушает старую Йоргу? Сестрица моя вбила себе в голову, что только при доме доченька ее мужа хорошего найдет...

Вздых.

И от него колышется необъятная грудь Йорги, скрытая под цветастым платком, и руки ее обнаженные, перехваченные медными кольцами браслетов, и волосы, и даже сама кухня.

— К домоправителю пошла, поклонилась ему. Отдала жемчуг. Лучше б девке в приданое положила, но нет... наши то, домовые, на Эльку свысока поглядывали. Простовата она. И грамоте не обучена, хотя я говорила, чтоб отпускали ее в школу-то... но нет, не слушали. Кто и когда Йоргу слушает?

— Я вот слушаю.

— Только что ты, болезный... добрый больно. Но не добренький, не подумай... сердце ноет? Вижу, что ноет. Не слушай море. И мертвецов своих отпусти. Не своей волей приходят. Держишь. Не надо это, смертью и без того меченный. Так что сиди, кушай, тебе силы нужны... мужик недокормленный, что лодка недосмотренная, при любом ветерке опрокинется, а там уж молись, чтоб не прибрали мертвяки, да...

От ее голоса вдруг стало холодно. И повеяло той исконной жутью, которая, думалось, бывает только в годы детские. Она сгнула вместе с чудищем в шкафу и тварью, что обжила пыльное подкроватье, а вот теперь вернулась.

Скользнула ледяным шнуром по хребту.

Кирис вздохнул.

Остров — место такое... до крайности специфическое, и люди здесь такие же, особенно те, которые из коренных. Не одна сотня лет прошла, вот и не выветрилось из них... нет, не знания.

Сила.

— Чуешь? — Йорга ослабилась, и зубы ее, слегка желтоватые, вдруг показались не по-человечески длинными, острыми. Вспомнилось, что, если хроникам верить, ведьмы никогда человечины не брезговали. А что, мясо на островах всегда в цене... и не так важно чье.

— Не бойся, во мне уже капли... то ли дело бабка... вот молодой господин в силу войдет, тогда и поглядишь, как все переменится. Я Эльке сказала, что не про нее он, что ему настоящую ведьму надобно, такую, у которой душа огненная, а тело черное, обожженное.

Йорга провела кривым пальцем по собственной руке.

— Моя бабка, она черна была... ныне-то такие, отмеченные, редко появляются, но раз уж Джар благословил, то неспроста... глядишь, пройдет год-другой и случится буря, а с нею и дитя придет в чей-то дом. Элька помнила старые сказки. И родилась она аккурат в бурю. Оно, конечно, не великое диво, потому как шторма тут случаются.

Кирис кивнул.

И кружку с терпким травяным отваром принял. Не сказать, чтобы вовсе без опаски, но... старой ведьме его травить незачем.

— Вот и вбила себе в голову, что она-то сужденная, что стоит ему увидеть, как враз поймет, что никто другой ему не надобен. Сестрице бы за розги взяться, но Элька матушкой всегда вертела... как же, единственная дочка... мужа сестрицыного еще когда море к себе позвало, а за другого она не пошла. Все дочку пестовала. Сама ворожила по малости, не без того. И люди к ней ходили. За травками там или еще по какой надобности, да...

Йорга вновь устроилась напротив и застыла, впрочем, Кирис не обманывался этой ее неподвижностью, как и кажущейся тяжеловесностью. Помнил еще зимние костры, и странный танец, одновременно уродливый и завораживающий, как извивалось темное нагое тело в объятьях огня, и все, кому суждено было увидеть, вспоминали вдруг, кто она такова, скромная замковая кухарка...

Вспоминали, чтобы, когда минет ночь, вновь забыть.

И верно, так оно всем спокойней. Времена ведь остались в прошлом, нынешнее же время принадлежит классической магии и эйтам.

— Она и поддерживала Элькину придурь. К ней всякие люди сватались. И рыбаки, и даже купец один; который сам на Джайрам ходит. Три лодки. Дом каменный. Готов был платить выкуп по старому обычаю, только и он нехорош оказался.

Интересно выходит.

Девушка при жизни была миловидной, конечно, но и только.

— Ты не смотри, что она простовата. Кровь-то, пусть и слабая, свое брала... захоти Элька, и огонь в ней оживал, да... мужики-то, что твои мотыльки, летели, вот и возомнила, что хватит этого огня...

— То есть она вознамерилась... стать любовницей Йонаса?

— Любовницей? — Йорга засмеялась, и смех ее был подобен грому. — Любовницей она точно становиться не желала. Женой, законной...

— Вряд ли это возможно.

— Возможно, отчего ж нет... вот посмотришь, будет время, море покажет... море всегда дает людям то, что они ищут. И он когда-нибудь найдет... свою ведьму. Оно так правильно, потому как обыкновенной бабе его силы не выдержать.

— Боюсь, эйта Ирма не слишком... обрадуется.

Она вновь рассмеялась.

— А то... твоя правда... не обрадуется... только куда ей против их-то воли? — черный палец указал на потолок. — Да и хозяин, даром что молод, своего не упустит... нет...

— Значит, девушка метила в невесты...

— Дура, говорю же.

— А... Йонас?

— Нужна она ему была, как косатке заячий хвост. Забыла, что он не обыкновенный человек, что ему ее огонечка мало. Только все норовила на глаза попасться.

Достаточно ли этого, чтобы разозлить? Мальчишка несдержан. Местами избалован. А еще совершенно непредсказуем. Догадайся он о намерениях девицы...

Воспользовался бы?

Оскорбился?

Или посчитал бы забавным?

Сложно предугадать.

— Не думай... много думаешь, — затылок толкнула тяжелая ладонь. — Все беды от того, что головой живешь.

— А надо сердцем?

— Надо так, чтоб и голова работала, и сердце не болело, — Йорга поднялась. — Господин в своем праве... взял бы жизнь, никто б и слова не сказал бы... когда сама дура, так что ж тут... но не он это.

— Почему?

Меж пальцев Йорги появилась бусина из желтоватого мутного стекла. Она легла на ладонь, почти исчезла в ней, чтобы вдруг оказаться на столе.

Покатилась.

Закружилась.

А нож скользнул по темному запястью Йорги, выпуская темную же, почти черную кровь. Капля вспухла, поползла по запястью, чтобы сорваться с него, упасть на бусину.

И впитаться в стекло.

Кирис молча отхлебнул отвар.

Спрашивать?

Сами объяснят. И все же... чем дальше, тем яснее он понимал, что классическая магия далека от совершенства. А так называемые древние методы... может, и не столь удобны, как оперирование чистой энергией, но и не примитивны, как-то пытаются доказать.

— Эр-шамм... — Йорга подтолкнула бусину, и та покатилась по столу, чтобы замереть на краешке его. — Я сама сделала его, когда Элька только-только появилась.

Я смешала стекло с ее кровью и выплела нить из собственных волос. Я закалила в слезах матери. Это было хорошее вместилище души. Оно притянуло бы ее откуда угодно... и мы провели бы обряд.

Она покачивалась, и казалось, что пол прогибается под тяжестью черного этого тела. Босые пятки давили камни, и те становились мягки, словно пух.

— Был бы костер... и хардаш из костей морского змея. Мы вместе резали его. Были бы украшения. Элька успела собрать изрядно морских слез, хватило бы на откуп. Она предстала бы пред Хозяином в подобающем обличье. В наряде белом, как морская пена, с лицом, выкрашенным драгоценной охрой. Мы храним ее давно... в венце девичьем, с семью запястьями... для каждой из Молчаливых сестер. Мы бы зарезали ягненка и еще белую чайку, и перьев хватило бы на откуп голодным стражам, что стерегут путь в Нижнее царство. Сколько бы времени ни понадобилось, но ее душа дождалась бы достойного погребения, но... видишь? Эр-шамм пуст. Кто-то выпил ее душу. А человек, на котором стоит печать Хозяина, в жизни бы не совершил такого. Ты можешь не верить, маг, который слеп, потому что думает, будто прозрел от науки, но есть вещи, которые просто... невозможно сделать по сути своей. Нет, это не молодой господин... он властен над плотью, но души принадлежат его хозяину. Он бы не тронул... в отличие от таких слепых дурачков, как ты.

— Юргис?

Йорга замерла.

Кивнула, как-то медленно, неуверенно.

— Может, и так, — сказала Йорга. — За ним, как за тобой, мертвые по пятам ходят... не знаю... только ты, магик... ты уверен, что искать надобно среди мужчин?

ГЛАВА 27

Ночь.

Вторая ночь без сна, между прочим, что совершенно нездорово, хотя, положила руку на сердце, довольно-таки привычно. В конце концов мне и раньше приходилось бодрствовать не то что по ночам, но и сутками, благо для приготовления тонизирующего зелья не нужно ни особых умений, ни редких ингредиентов. И хранилось оно, на мое счастье, долго, со временем лишь прибавляя в силе.

Правда, вкусом обладало на редкость гадостным.

Я поморщилась и зажевала зелье булочкой.

Булочка осталась после вечернего чаепития, благоразумно спрятанная в сумке вместе с парой кусков ветчины и слегка надкушенным ломтиком сыра. Что поделаешь... сомневаюсь, что здесь к моей ночной вылазке на кухню отнесутся с пониманием.

Было... не по себе.

Слегка.

И поэтому, вытащив заветный сундук, я принялась перебирать сокровища. Бусы, к слову, зарядились уже на треть, вот что значит повышенный энергетический фон. Правда, цвет их слегка изменился, потемнели, кажется... надеюсь, на свой ствах защитных это не скажется.

А вот браслет я примерю.

И на вторую руку тоже.

Не уверена, что мне пригодится огненный шквал, но... иногда лучше с ним, чем без. И водяная плеть, правда, я с ней так и не научилась ладить. Нет, лучше вот ветер. Ураган я направить худо бедно сумею, а вот с плетью рискую остаться без пальцев.

Пальцы мне еще пригодятся.

— Думаешь, глупость делаю? — спросила я, проверяя расположение заветных чешуек. От магии они защитят, а вот от людей... как-то никогда не думала, выдержат ли они, к примеру, удар ножа.

Или пулю?

— Вот и испытаю, да? — Я подала руку Этне, которая ловко перебралась ко мне на плечо, где и замерла, вцепившись острыми коготками. — Надеюсь, нынешняя прогулка будет... менее разрушительна, чем прошлая.

Я вдруг представила сгоревший дом.

И Мара, который всем врет, что это я. Не нарочно. Просто силы не рассчитала... интересно, как скоро от него потребуют убрать столь опасную особу с острова?

На сей раз я без труда добралась до нужного коридора. Никто не спешил на ночное свидание, да и признаниями в любви сомнительного свойства не разбрасывался. Напротив, дом был тих и подозрительно благостен, что несколько нервировало.

Время от времени я останавливалась, вслушиваясь в тишину.

Никого.

Ничего.

И Этна вот спокойна. Хорошо... наверное.

А вот и дверь. Странно, почему ее не запечатали. Причем после первого же убийства, то есть того, когда стало понятно, что дверь и домом пользуются в не самых благовидных целях. Это же логично, бездна их заберу. Но, похоже, с логикой здесь в принципе сложно.

Я тронула дверь — и та отворилась. Что характерно, без зловещего скрипа.

Вот и дальше что?

Внутри тьма кромешная, и еще ощущение появилось, что за мной наблюдают.

— Есть кто живой? — поинтересовалась я, впрочем, не особо надеясь, что ответят.

Дом вздохнул.

Заскрипел и вновь застыл.

Идти надо... светляк вспыхнул на ладони. Ага... сейчас все выглядело слегка иначе. Пыль почти не видна, как и древность мебели. Напротив, все кажется застывшим, словно на угольном наброске. Пара мазков и вот уже виден силуэт стола. Еще пара линий — и тени, что вытянулись к лестнице.

Я вздохнула.

И присела.

— Показывай, что тебе здесь не понравилось, — сказала Этне, искренне надеясь, что оно того стоило. Голем скатился на пол и закружился. Он казался... озадаченным?

Пожалуй.

И возмущенным, правда, я все равно не способна была понять причин возмущения. И просто ждала. Вот Этна остановилась между шкафами. Кажется, именно там был ход, соединявший дом смотрящего с господским. Надеюсь, нам в него лезть не придется?

Вот она, постояв немного, отступила.

Вновь замерла.

Коснулась стены и ловко вскарабкалась на шкаф. А потом свистнула, явно предупреждая.

— Замри, — велела я, поскольку тоже услышала шаги. Такие вот... хлюпающие.

Быстрые.

Кто-то спешил и... я отступила к двери и, нацепив очки — неудобные, но в темноте лучше с ними, чем без, — погасила светляка. Мир моментально окрасился в серо-лиловые тона, а голова привычно заныла. И глаза зачесались. Я моргнула несколько раз, уговаривая себя потерпеть — по опыту знаю, скоро станет легче.

А шаги замедлились.

Дверь приоткрылась, впуская желтоватый свет. Пятно его перебралось через порог, легло на пол и замерло. И кому это у нас по ночам не спится?

— Есть тут кто? — раздался дрожащий детский голосок.

Рута?

А ей что понадобилось в этом проклятом месте? Ах ты... и как быть? Отозваться? Правда, станет ли девочка молчать о встрече? Или потом последует объяснение с Маром, который, подозреваю, будет крайне недоволен?

Как-то не хочется...

Меж тем Рута переступила порог.

Вновь замерла.

А я затаила дыхание. Если Рута пришла сюда не по моим следам, то... зачем?

И ведь подготовилась. Волосы собрала. Куртку надела темную, явно великоватую. Юбку подвернула, отчего та стала неприлично короткой, зато двигаться в такой куда удобней.

На ногах крепкие башмаки.

А в руках — сумка и фонарь. Обычный такой, со стеклянным колпаком, под которым кружится, кланяется лепесток огня. Масла в фонаре не так много и, кажется, девочка это понимала. Она вздохнула и, поставив фонарь на пол, принялась разуваться...

Интересно.

Я отступила в сторону, надеясь, что так и останусь незамеченной. А для верности активировала колечко с бирюзой. Хороший камень, вот только избирательный весьма, но плетение отвода глаз держит отлично.

Следом за ботинками Рута сняла и чулки.

Все любопытней и любопытней.

Она подхватила сумку и фонарь. Осмотрелась... ага, а искала она, похоже, цепочку следов. Девочка осторожно наступила на первый. Покачнулась. Удержалась, правда, выразилась при том отнюдь не по-детски. И второй шаг... шла она осторожно, то и дело замирая.

Я подумывала было двинуться следом, но...

Отвод отводом, а осторожность не помешает. Наверху Рута задержалась ненадолго. Вниз она спускалась так же, по следам, прижимая похудевшую сумку к груди. И уже на пороге, точнее за порогом, прошипела:

— Теперь ты за все заплатишь...

Мы с Этной переглянулись. И когда девочка убралась-таки — а уходила она весьма поспешно и, полагаю, не только дождь был тому причиной, — я спросила:

— Думаешь, стоит позвать рыжего?

Этна кивнула.

Кирису снились ведьмы.

Те самые, которыми пугают детей, в тщетной попытке оградить от моря. Но все знают, если кто и услышит зов, то тут уж запирай, пугай, а... море своего не упустит.

Кирису повезло.

Он был глух на оба уха, а потому в шелесте волн не слышал голосов. В детстве. Сегодня ведьмы поднялись из глубин, чтобы спеть ему. Они дразнили, выглядывая из груд камней, точь в точь таких, которые навалило на заднем дворе дядькиного дома, и прятались вновь.

— Кири, Кири... ржавые гири... — ведьмы говорили чужими голосами, то соседского мальчишки, которому Кирис когда-то зуб выбил, то его сестры, девки на редкость вредной. Вечно она рожи корчила, а еще камнями кидалась лучше, чем кто бы то ни было. И его обещала научить.

Слова, правда, не сдержала, но на то у нее была веская причина.

Илзе забрало море.

А теперь вот вернуло. Подросшую, но... все равно ту, прежнюю, разве что более гладкую, ибо море не терпит острых вещей, вот и обмяло, перелепило человеческое тело на свой лад.

— Кири, Кири...

Ее тело покрывала мелкая рыба чешуя.

Нос сделался плоским.

А рот — безгубым. Зубы ее были остры, и Кирис знал, что близко подходить не стоит, потому как ведьмы и вправду не брезгут человечиною.

— Мясо, — кивнула она. — Сладкое. Теплое. Рыбье — холодное... кровью поделишься? Тогда что-то скажу.

— Что?

— Поделись сперва.

— Это сон, — Кирис осознал это ясно и, осознав, вздохнул с немалым облегчением. — Это всего-навсего сон...

— Во снах с людьми разговаривать легче, — Илзе не собиралась отрицать. — Так-то вы не слышите... почти никто не слышит.

— Ты слышала. И что хорошего получилось? Ты умерла.

— Я жива.

— Для людей.

— Люди совсем все забыли, — Илзе вышла из воды и уселась на камень. Этот длинный плоский валун дядька использовал, чтобы чистить рыбу. Камень за долгие годы успел пропитаться темной рыбьей кровью, сделался склизким и неприятным. Но Илзе провела пальцем по верхушке его и палец сунула в рот.

Зажмурилась.

— До людей эти земли принадлежали иным...

— Ведьмам?

— Сарраш. Их зовут сарраш. Они умели кормиться морем... и приняли людей.

У сарраш много женщин и мало мужчин. А человеческие — теплые... приходи ко мне, Кири. Позови. И я откликнусь. Хочешь, я принесу тебе жемчуг? Черный, большой? Его хватит, чтобы купить земли. Я помню, люди стали продавать то, что им не принадлежит. Но пускай...

— Ты...

— Тоже сарраш. Их кровь давно смешалась с вашей. Она спит, но порой просыпается. Отец хотел меня убить. Знаешь?

— Откуда? Нам сказали, что ты... что море тебя забрало.

— Забрало, — Илзе разглядывала свой палец, который заканчивался острым изогнутым когтем. — Потом... он ударил меня по голове камнем. Сказал, что следовало бы раньше... что это все прабабка... про нее всякое говорили. Он ударил и бросил в море... думал, что я утону. И я утонула. Пришлось... люди злые.

— Не все.

— Многие. Так ты позовешь меня? Я помню, я тебе нравилась.

— Это было давно.

— Ты все-таки подарил мне платье. Красивое. Спасибо. И за то, что помнил.

— Я рад, что ты жива.

Илзе рассмеялась, звонко и весело, как раньше. Кири, Кири... ржавые гири... обманула дурачка на четыре кулачка...

— А если так? — она отряхнулась и... чешуя исчезла, как и когти. Девушка, сидевшая перед ним, была обыкновенна. Разве что... немного отличалась от других, но чем именно, Кирис не мог понять. — Так лучше? Или все еще боишься?

— Зачем тебе это? — Кирис сделал шаг и оказался возле камня. Хорошо, что это сон. Во снах многое проще. Он коснулся темных длинных волос, что плащом легли на покатые плечи. Они отливали прозеленью, но это только если приглядеться.

Наверное, тогда же будет замечен и серебристый отблеск в глазах.

И... черные ногти.

А еще Илзе была теплой, но не обычно, как другие люди, она горела, вот-вот грозя вспыхнуть.

— Не знаю... нас немного. И мы не любим жить рядом друг с другом. Но я... все-таки слегка человек. Иногда устаю от одиночества. Хочешь, расскажу интересное?

— За кровь?

— Тебе жалко?

— Нет, — Кирис протянул руку. — Пей.

Илзе не стала отказываться. Она черканула по запястью когтем и приникла к ране губами. Она тянула кровь и вместе с нею силы. Тянула жадно, и в какой-то миг показалось, что она не сумеет остановиться, выпьет все досуха.

Но нет.

— Спасибо, — она облизала красные губы. — Ты все еще добрый. И наивный. Ты знаешь, что твой дядька забрал твой дом? И что ты никогда не был нахлебником? Родители оставили тебе деньги...

— Теперь знаю, — Кирис сел рядом на грязный камень. — Это... прошлое.

— Оно никогда не отпускает.

Под взглядом светлых рыбьих глаз беспокойно.

— Он называл тебя дармоедом. Он говорил, что бросил свой дом и дело, чтобы тебя вырастить, а на самом деле...

— У него не было ни дома, ни дела, пока он не забрал чужие, — Кирис коснулся горячей щеки. Кожа. Мягкая. И ни следа чешуи. Куда подевалась? — Он много пил.

И еще играл. А когда проигрывал, то злился...

И Кирису приходилось прятаться.

А еще ночевать на берегу. Он прятался под старой отцовской лодкой, там и спал. Летом еще ничего, а вот зимой подмораживало, не спасало и тряпье, которое Кирис притащил. Впрочем... все в прошлом.

— Он утонул в том году, — сказала Илзе.

— Сам?

— Он был пьян... кто лезет в море пьяным? Оно не простит... да и у меня хорошая память. А вот кровь его я брать не стала. Горькая. У пьяниц всегда кровь горькая. Рыбы этого не чувствуют. Тебе его жаль?

— Нет.

Кирис в последний раз заглядывал домой двадцать лет тому назад... странно как.

И наверное, если дядьки действительно не стало, стоит навестить... просто посмотреть.

С другой стороны, в том доме уже ничего не осталось от прошлого, родительского. Так чего ради?

— Ты это мне хотела рассказать?

— Не только... не бойся. У меня уже есть мужчина. А мы выбираем только раз в жизни. Может, поэтому нас почти и не осталось?

Ее волосы были мокрыми.

С них натекала целая лужа, и вода казалась красной, как кровь.

— А я просто хотела предупредить... ты был добрым. Ты прятал меня под лодкой, когда... помнишь, той зимой? Мы вместе провели ночь.

Сидели, закопавшись в тряпье, слушали море. Илзе слушала, а Кирис пытался понять, что такого есть в шелесте волн, что он способен заморозить.

— На следующий день ты исчезла...

Она кивнула.

— Но ты был добр... остерегайся твари.

— Какой?

— Из заповедья. Сарраш помнят добро... и не едят людей без веской на то причины.

Наверное, это можно было счесть полезным знанием.

— Тварь здесь. Давно. Она проснулась. Она приняла свою суть. — Илзе поморщилась. — Тварь пытались утопить в море, но оно не принимает тварей. Теперь она здесь. Шепчет. Не слушай голосов. Тварь хочет тебя убить. И не только тебя.

— Спасибо.

— Приходи. Позови. И я приду... только за помощь придется платить. Таков закон. Море не

понимает, когда закон нарушают...

— Тогда не буду.

— Хорошо...

Она исчезла, а камни вдруг стали рассыпаться, вся та огромная груда, которая казалась неподвижной. Сколько раз Кирис сам забирался на ее вершину, прыгал, пробуя на прочность. И камни держались. А тут... грохот был оглушитель.

Не грохот — стук.

В дверь.

Камни исчезли, осталась комната.

Белый потолок. Пятно лунного света на подоконнике и черная ветка, словно рука чудовища, прилипла к стеклу. Но стучала не она.

В дверь.

И не так уж и громко... и надо вставать, только по телу разливается мерзковатая слабость. И до двери пройти — почти подвиг. Ведь просто так посреди ночи стучать не будут. У него хватило сил дверь открыть. А еще понять, что этой женщине не место здесь.

И в коридоре.

И вообще на острове. На странном острове, где поселилась тварь из заповедья. Правда, где? Кирис тварей не встречал. Только людей. Иногда, правда, они были хуже тварей, так как понять, кто есть кто? Он хотел сказать. Что то... наверняка важное, но не сумел.

Пол вдруг покачнулся.

А женщина с птичьими острыми чертами лица шагнула вперед. И сознание отключилось.

ГЛАВА 28

Нет, я, безусловно, в годы юные девичьи робко мечтала, чтобы мужчины падали мне под ноги. Но не настолько же буквально! Когда рыжий вдруг покачнулся и стал заваливаться на меня, я успела сделать шаг назад. Оно, конечно, на живого человека падать приятнее, но не для самого этого живого человека.

Выглядел рыжий...

Погановато.

Бледненький, сколь можно разглядеть, аж до синевы. И ка кой-то горячий, что ли?

— Что думаешь? — поинтересовалась я у Этны, которая выбралась из-под куртки, чтобы основаться у меня на плече. — Так оставить или позвать кого?

Я прикинула, кого еще можно позвать, но... Мара?

Как-то вот не хочется.

— Ладно... может, это он от удивления. Или счастья... подумал не то, кровь не туда прилила... Гедре говорила, что крови у мужчин мало, на две головы не хватает, вот и думают попеременно.

Я переступила через Кириса, который по-прежнему не подавал признаков жизни, и решив для себя, что открытая комната — то же самое приглашение, вошла. Огляделась.

Вздохнула и вцепилась в голые мужские ноги.

Мосластенские.

К слову, без ботинок и одежды держать их было не в пример удобней. А дальше... дернуть, упереться в пол и волоочь, волоочь... мало ли кто по ночам гуляет. Наткнутся на тело, подумают дурное... они и так про меня дурное думают, но тут почему-то стало не все равно.

Втащив Кириса, я закрыла дверь и огляделась.

Графин с водой был в наличии.

И стало быть...

Этна отправилась в сумку, хотя было искушение спрятать ее под кровать. Пусть бы огляделась в чужих покоях. Но... во-первых, с рыжего бы стало заметить проникновение, во-вторых, мало ли что у него в запасе имеется. Еще отловит.

Поломает.

Нет уж.

Сами посмотрим.

Для очистки совести я проверила пульс. Наличествовал. Сердце билось ровно, правда, как-то слишком медленно, но все же билось. Стало быть, жив.

Выбрав из перстней нужный, я повернула камень в нем и сунула под рубаху Кирису. Вот так... хуже все равно не будет, а силы ему, похоже, нужны. Простенькое целительское плетение вмиг присосалось к телу, подпитывая его, бедолажное, энергией.

И сон.

Здоровый сон всем нужен. А я подожду. Осмотрюсь пока. И нет, мне не стыдно. Почти.

Надо сказать, что комнаты его отличались той степенью заброшенности, когда понятно, что жить в них живут, но как-то... без чувства дома.

Камин.

И полка на камине. Брошенные перчатки, те самые, утрешние. И стало быть, не соврал, затянулись ожоги. Пара статуэток, сдвинутых к краю. Ваза с трещиной на подоконнике.

Шкаф.

Одежда. Уныло однообразная, к слову. Белье... в белье я копать не стала. Сомневаюсь, что, будь у

Кириса компромат, он спрячет его среди подштанников.

Пара тростей, и не пустых. Я слышала сквозь дерево голос зачарованного металла. Любопытная игрушка, как и пара короткоствольных револьверов. И булавка вот эта... впрочем, больше в шкафу ничего особо интересного я не обнаружила.

Рабочий кабинет — дело другое.

Был он мал и, кажется, переделан из гардеробной, а потому лишен окон. Хотя... с той завесой защитных заклятий, которые поднимались над старым столом, окна здесь явно были бы не в тему.

— И что ты ищешь? — сипло поинтересовался рыжий.

Он стоял, прислонившись к косяку двери, вполне себе живой и почти даже бодрый.

— Неспокойной тебе ночи, — ответила я, подавив робкое смущение. — А ищу государственные секреты. У тебя есть?

— Зачем тебе?

— Не знаю. Всем нужно, а чем я хуже?

— Кому нужно?

Эта убийственная серьезность меня несколько утомляла.

— Я тебе потом перечислю. Поименно. Как самочувствие?

— Лучше. Твое? — мне продемонстрировали перстенок, который, кажется, почти опустел. Вот же... скорость поглощения просто-напросто невероятная. А главное, на пользу. Выглядел Кирис пусть и бледновато, но уже на покойника не походил.

— Мое.

— Откуда?

— Брат подарил.

— Много он тебе дарит...

— Что поделаешь, любит меня без памяти. Единственная сестра как-никак.

Кирис смотрел мрачно и с подозрением. Интересно, он видел, как я в шкаф заглядывала? Хорошо, что подштанники пересчитывать не стала. Все же подштанники государственными интересами не объяснишь.

— Я вообще-то по делу, — я спрятала руки за спину. — Ты не знаешь, зачем девочке подделывать улики?

— Кого?

А вот когда хмурится, становится забавным. Такое выражение лица... просто прелесть... и сам он... гм... да, мне определенно стоило отвлечься от работы на пару лет раньше.

Или любовника завести, все развлечение.

Вот только порядочные любовники — не тараканы, сами не заводятся, а где их ищут, я не знаю. Я вздохнула и сказала:

— Мне захотелось на дом взглянуть... и да, ночью. Не спалось, знаешь ли.

— Я скажу, чтобы тебе снотворное выписали.

— Не поможет.

— Почему?

— Потому что от местных лекарств я точно воздержусь, — я протиснулась мимо Кириса, который вдруг вспомнил, что предстал передо мной в виде, мягко говоря, неподобающем.

И покраснел.

Я, кажется, тоже покраснела. Просто так. За компанию.

— Я решила пойти... — и голос слегка дрогнул. А потому я поспешно вернулась в гостиную и села в кресло. То вяло скрипнуло. От ткани пахло пылью... да, убирают здесь, похоже, нечасто. И хотелось бы знать, потому что Кирис не желает видеть в своих апартаментах прислугу или же его самого не считают в достаточной мере важною персоной, чтобы убирать комнаты так же часто, как и господские. — В общем, решила...

— Я слушаю.

Он вышел.

А вернулся в просторных домашних штанах. Слишком уж просторных. Кажется, кто-то за последний год изрядно похудел. И это явно не от избытка здоровья.

— И пошла. Дверь, к слову, открыта была. Ты бы ее хоть запечатал.

— Я запечатал. И запечатывал. Всякий раз запечатывал. Только печати слетают.

Ага... то есть, ого... я ничего странного в доме не увидела. И куда печати деваются тогда? Слететь... сами?

— Тогда...

— С той стороны тоже. И дверь я запирал. Я вообще предлагал замуровать ход.

— Не разрешили?

И почему это меня не удивляет.

— Эйта Ирма уверена, что я преувеличиваю. А дом ей пригодится. Когда новый смотритель будет назначен.

— И когда?

— Она не уверена, но когда-нибудь ведь будет... так что там с домом?

Пришлось рассказывать. И по мере моего рассказа Кирис мрачнел все сильнее.

— Спасибо. Я проверю. А тебе лучше...

— С тобой. Что? Вдруг опять в обморок упадешь?

Он почему-то потер руку и плечами пожал: мол, в жизни всякое случается.

— А у тебя еще колечко найдется?

— Говорю же... брат меня любит.

Кстати, в это я верила.

Из дома мы вышли тем самым темным тайным ходом, который начинался вовсе не в кухне, а в неприметной гостиной. Портьеры здесь были задернуты, паркет не скрипел. Слегка бликовали стекла на картинах, но и только.

Пахло... цитрусами.

Непонятно.

Или...

Нет, девочка про ход не знала, иначе не стала бы извращаться и искать обходные пути. Кирис вот коснулся панели, одной из дюжины, темных, одинаковых в полутьме, и та послушно отворилась.

Не было ни сырости, ни запаха плесени.

Ступеньки вот.

Три.

Каменный пол. Стены беленые, хотя побелка успела слегка отсыреть. В углах паутина повисла, но немного. Шаги здесь отдавались эхом, и было не то чтобы страшно, скорее беспокойно.

— В следующий раз, — Кирис остановился посреди коридора, и я едва не налетела на него. Ткнулась носом в спину и замерла. — Если вздумаешь вдруг где-нибудь ночью гулять, хоть оружие с собой возьми.

Оружие у меня было.

Разное.

Но к чему человека беспокоить лишним знанием? Поэтому я просто ответила:

— Хорошо.

Шли мы недолго, сверху определенно путь был вдвое длинней. Вот очередная дверь. И засов на ней, кажущийся мощным, неподъемным. Но Кирис с легкостью его сдвинул.

Выглянул.

Вышел.

И вернулся за мной.

— Будешь свидетелем, — велел хмуро, явно не слишком радовался этакой перспективе. А я что? Я кивнула. Буду. — Возможно... придется отвечать под клятвой. Дело семейное...

А оттого вдвойне гадостное.

Наверх мы поднимались вместе, причем Кирис держался одной стороны лестницы, а я другой. Вот и спальня.

Кровать.

Одежда исчезла, как и цветы. Зато появилось кое-что еще... а девочка-то с фантазией...

Капли крови начинались от двери. Они протянулись темной дорожкой, которая сразу бросалась в глаза. Полагаю, на то и был расчет. Дорожка доходила до кровати.

И уже на ней оставались потеки.

Подушка.

Темная лужа, почти впитавшаяся в ткань. И нож, эту подушку пронзивший.

Вот... чего-то я, кажется, в детях не понимаю.

— Что это? — спросила я, а рыжий, вздохнув, ответил:

— Полагаю, орудие убийства.

Определенно не понимаю...

— Утро... — он потер усталые глаза. — Нам придется подождать до утра... и ты pomoжешь прибраться?

Она пришла сама, девочка Рута, которая тоже умела притворяться. Порой Кирис начинал думать, что в этом доме, да и на всем острове, не найдется человека, не постигшего хитрой науки притворства. Сам он исключение, и то — потому как чужак.

— Простите... — белое платье чуть выше колен.

Две косички и банты.

А ведь она ненавидит вот такие белые платья с пышными юбками и кружевами, как ненавидит и банты, и шпильки, и весь нынешний благообразный облик.

— Я не уверена...

Она всегда говорит громко и в глаза смотрит, будто вызов бросает взглядом.

— Важно ли это... но мне кажется, что важно... Йонас вчера ходил в тот дом. Понимаете? — и быстрый взгляд из-под ресниц: слушают ли? — Кирис слушал. — Ночью... я проснулась и выглянула в окно. Он шел... с ножом...

Им повезло, что Рута еще ребенок. И пусть самой ей план кажется изящным, возможно, гениальным, но на самом деле он еще детский.

Пока.

— Конечно, важно, — тихо произнес Кирис. — И куда он шел?

— К дому... к тому... я понимаю, что у меня из комнаты не видно, но я... я... — она задрожала и получилось вполне правдоподобно. — Понимаете... я рискнула... вышла... выглянула... из комнаты. Я знаю, что нельзя, но мне показалось это важным...

Надо же, и факт, что окна ее комнат выходят на другую сторону дома, учла.

И поверил бы ей Кирис, если бы не ночная прогулка?

Голова ныла.

В ней плескалось море, нашептывало, что девочка неспроста, что у всего есть причина, нужно только быть внимательней. Кирис пытался быть внимательней. Выходило плохо.

Получалось...

Не ахти. Сейчас его больше волновало другое — кровь на ноже и вправду была человеческой. Да и сам он, темный, пропитавшийся силой, явно оборвал не одну жизнь. Откуда девочка его взяла?

Или...

Он проверял кровь тех девушек потому, что положено в подобных случаях проверять. Но ни заклятий, ни зелий не обнаружил. Тех зелий, которые можно обнаружить самому.

Он ведь пес, а не алхимик.

И да, он способен смешать толику плоти с тертыми камнями, как способен понять, что означает изменение цвета раствора, благо справочники с таблицами имелись. Вот только в суде его экзерсисы не будут иметь никакого значения. Да и зелье, которое чуть сложнее обыкновенного... хватит ли стандартного камня, чтобы зацепить какую-нибудь редкую траву?

Или остаточные эманации маленького, но опасного заклятия?

Кирис поморщился.

— Идем, — сказал он, поднимаясь, и руку протянул. Рута приняла. Правда, не сразу. Пауза была едва заметна, как и выражение недовольства, мелькнувшее на нежном ее личике. Интересно, чего она ждала? Уж не того ли, что Кирис бросится задерживать так нелюбимого ею братца?

Или вовсе убьет на месте?

Ручка была прохладной и легкой.

Девочка — милой настолько, насколько это возможно с ее некрасивым по сути лицом. Она смотрела под ноги. Вдыхала. И кажется, почти поверила, что у нее выйдет...

— Дорогая, что случилось? — эйта Ирма была в полосатом платье, отороченном лисьим мехом. Серый палантин. Бирюзовый зонт.

Тонкие браслеты на руках.

Капля помады ярким пятном. Эйта немолода, но все еще хороша, о чем знает.

— Бабушка... — всхлипнула Рута, вырывая руку. — Бабушка, я так боюсь... Йонас...

Эйта чуть отстранилась.

Не сказать чтобы внуков она не любила. Любила. По-своему. И этой любви не хватило для объятий. Или дело в том, что платье помнется? Эйта в мятом платье — это... неправильно.

— Что происходит? — Мар спускался под руку с женой.

Первая?

Вторая?

Кирис с раздражением подумал, что порой благородные сами не знают, чего им хочется. Однако

следовало признать, что пара была красива. Лайме шел костюм темно-лавандового цвета, подчеркивал невероятную хрупкость ее, хрустальность.

— Происходит, — сказал Кирис, выдержав взгляд. Он никогда не позволял себе забыть: благородный эйт не снизойдет до дружбы с простолюдином. Пусть даже и называет того другом.

Благородные эйты умеют обращаться со словами.

— Я вижу, — взгляд Мара был холоден.

— Папочка! — Рута бросилась уже к отцу, чтобы вцепиться в руку его, прижаться, мелко дрожа всем телом. — Папочка, защити меня...

Представление. И девочке не хватает опыта, а потому остро чувствуется нота фальши. И Рута знает. Взгляд ее, чересчур уж внимательный для того, кто близок к истерике, не отпускает Кириса.

— Объяснись.

Это уже не просьба — приказ. А контракт у Кириса до конца года. Жесткий контракт, надо сказать. Год от года жестче. Но, конечно, ты же понимаешь, друг мой... есть некоторые правила, которые мы оба должны соблюдать... я верю тебе, как не верил ни одному человеку... но это только я... даст нам право...

— Мы шли проверять одну... теорию, — Кирис сумел заткнуть море в голове и успокоиться. Все вдруг стало неважно.

Пожалуй, именно этого ему и не хватало в последнее время — отстраненности.

Отрава ли тому виной, от которой его тело, судя по всему, избавлялось медленно и крайне неохотно, или же понимание, что осталось недолго.

Поженитесь... некоторое время, конечно, будут сплетничать, не без того... сам понимаешь, мезальянс, но не буду лгать, Сауле не в том положении, чтобы выбирать. Все же репутация у нее далека от идеальной... глупый роман. От женщин одни беды, друг мой... конечно, она согласится. Она уже согласилась, когда выбрала не ту свою любовь.

Я тебе говорю, что ни одна любовь не выдержит испытания деньгами... если бы она и вправду любила...

— Папочка, он мне не верит... никто мне не верит... — Рута плакала.

Крупными хрустальными слезами, которые катились по щекам, чтобы упасть на кружевной воротничок.

— Дорогая...

— Папочка...

— Думаю, вам всем стоит взглянуть.

Потерпи, Сауле скоро перебесится и забудет этого своего... знаешь, он от денег отказался. Я ему предлагал и чек, и приличное место, если уберется из жизни сестрицы. Но нет, он глупый... то есть благородный, но по мне еще та дурость. Так вот, о чем это я? Ах, да... он отказался. А вот Сауле, когда поняла, что остаток жизни придется ютиться в каком-то клоповнике, быстро пришла в сознание. Она не на тебя злится, друг мой, на себя саму. А ты так, слишком мягок, чтобы дать отпор.

— Рута видела кое-что, о чем решила сказать...

Всхлип.

Руки, прижатые ко рту.

Мрачный взгляд эйты Ирмы, не обещающий ничего хорошего. Кирису, само собой. Мар по-прежнему хмур. Лайма, напротив, кажется безразличной.

Представление.

Хотелось бы знать, где Йонас. В последнее время мальчишка совсем утратил осторожность. И не один ли из амулетов, которыми поделился Кирис, тому виной?

Мальчишку бы предупредить, но...

В нем Кирис не уверен.

Он здесь и в себе не уверен. То ли отраву тому виной, то ли сам остров, вытягивавший души, то ли просто... устал и запутался.

— Я не опоздала? — поинтересовалась Эгле, застегивая медные пуговицы на старой куртке. Доходившая почти до колен, она казалась тяжелой и неудобной с виду. Опушка давно истрепалась, а кожа пошла пятнами, отчего куртка казалась рябой.

В цвет плотным брюкам из рыбьей кожи.

Наряд дополняли высокие сапоги и меховая шапка с длинными ушами, которые свисали едва ли не до пояса. Расшитая бисером, шапка поблескивала, и наряд в своем варварском великолепии готов был затмить скромные драгоценности эйт.

— Эгле, ты опять... — Мар откровенно поморщился. — Ты выглядишь, как дикарка...

— Зато тепло и удобно. Там, между прочим, ветрено. И дождь начался. Так что, если вы гулять, я бы настоятельно рекомендовала одеться по погоде.

Она оперлась на подлокотник кресла и руки на груди скрестила.

Маленькая.

Едва ли выше Руты ростом, а девчонка еще вытянется.

Нелепая.

В этом доме, в этой компании.

Живая.

Пожалуй, единственная по-настоящему живая, кроме старой Йорги, к которой Кирис заглянул утром. Просто... захотелось. А она молча подала ему кружку с травяным отваром. Он выпил, не спрашивая, чего она там намешала. Травы были горькими, но взбодрили.

И голос моря ненадолго отступил.

Море не стоит слушать.

— Так что? Идем? — поинтересовалась Эгле, которую, кажется, нисколько не задела чужие взгляды. Она дернула плечиком и поправила массивную сумку.

Что она там прячет?

По виду так камней нагроутила. И тянет заглянуть, но Кирис не без оснований подозревал, что исполнить желание будет не так-то просто.

Потерпи... в этом году свадьбу играть не стоит. Дай ей перебеситься... и вообще, пойдут слухи, что ты прикрываешь чужой позор... оно тебе надо? Нет, еще годик... ты же видишь, сколько работы. А свадьба — это, поверь мне, совсем непросто... у нас другие задачи... я стану канцлером, тогда никто и слова не скажет. А ты постарайся найти общий язык с Сауле. Она, конечно, еще та зараза, но все-таки сестра... и передай, что еще один публичный скандал, и она отправится в гости к жрицам. Пусть они просветлению души способствуют. У них опыт большой...

Зазвенел колокольчик.

Подали меха.

Зонты.

И галоши.

Собирались все молча, разве что Эгле насвистывала какую-то простенькую песенку.

— Не могла бы она замолчать? — раздраженно поинтере совалась эйта Ирма, сменившая палантин на тяжелую соболью шубу. — У меня от этого свиста голова раскалывается.

— Эгле, — Мар произнес это со вздохом. — Не могла бы ты не... эпатировать матушку.

— Боюсь, не получится.

— Почему?

— Мы слишком разные. И то, что для меня нормально, ее эпатирует. А то, что нормально для нее, кажется мне полной чушью...

— Это как?

— Как в жизни... воду и масло смешать, конечно, можно, но понадобится эмульгатор. Из тебя он хреновый...

— Эгле!

— Я правду говорю, — она хлопнула ресницами, — как есть хреновый...

ГЛАВА 29

Не буду лгать, я получала удовольствие. Странное и, полагаю, несколько извращенное, потому что нормальный человек не будет испытывать радости от того, что доводит других людей, но...

Эйта Ирма злится.

Она старается держать маску равнодушия, но само мое присутствие питает ее злость. И той становится слишком много.

Вот она мнет несчастных соболей.

Стискивает зонт. И, подозреваю, представляет себе в деталях, как обрушивает его мне на голову.

Лайма кутается в меха, но глаза ее поблескивают, а я не могу понять, что в них — мрачное удовлетворение или же ярость. Если она, то кто ее вызвал?

Я?

Кирис выглядит уставшим. Конечно, ночь не спать. Я вот тоже не отказалась бы прилечь, и зевки с трудом сдерживаю.

А полы он моет неплохо, потому как магия магией, но вода с мылом — оно понадежней будет. Еще у него смешная привычка кивать, соглашаясь с собственными мыслями, которые Кирис, правда, не озвучивал. Именно потому и кивание в тишине выглядело таким забавным.

Я заставила себя отвести взгляд. Нехорошо пялиться на чужого жениха.

Мар...

Держит за ручку дочь и что-то говорит ей на ухо, утешая. А у малышки... какое богатое выражение лица. Здесь и предвкушение. И легкое раздражение — девочка представляла, что все пойдет немного иначе. И с трудом сдерживаемая радость — она все еще надеется, что шутка удалась.

Пускай.

И не могу отделаться от ощущения, что все — не более чем маски.

— Мне не нравится то, что здесь происходит, — заявила эйта Ирма, опираясь на зонт.

— А уж мне как не нравится, — поддержала я свекровь.

Правда, не оценили.

К дому мы шли в полном молчании. Рута по-прежнему дер жалась за руку отца, оттеснив Лайму, — на тропе для троих места было маловато. И Лайма покорно отступила, потом пропустила и эйту Ирму, которая не желала быть последней... то есть последней была именно я, а со мной и Кирис.

— Плохо? — поинтересовалась я шепотом, когда он поморщился.

— Пройдет.

— Тебе бы отдохнуть.

Он лишь махнул рукой. Когда отдыхать? Вот именно, что некогда... сочувствую.

И стянув очередной перстенок, я протянула ему.

— Еще один... подарок брата? — усмехнулся Кирис, но отказываться не стал.

Говорю же, разумный человек.

— Он у меня заботливый.

Признаюсь, что не удивилась бы, если бы дом сгорел. Тут ведь несчастья случаются на раз. Но нет, он был на месте. И при дневном, пусть и тусклом весьма свете, казался скорее заброшенным и унылым, чем жутким. Глянец виноградной лисвы, отмытой дождем докрасна, нисколько не спасал ситуацию.

Кирис осторожно сжал мои пальцы и сказал:

— Ничему не удивляйся.

Не буду.

Первым в дом вошел Мар и Рута с ним, следом по ступенькам поднялась эйта Ирма, сохраняя вид величавый. И мокрый мех — а соболя промокли при первом же порыве ветра — ничуть не убавил этой величавости. Талант, однозначно.

Лайма поднялась бледным привидением.

И настала наша с Кирисом очередь. Он подал руку. Он указал на стену, к слову, ту самую, у которой я стояла ночью. А я не стала спорить. Разве что отошла чуть дальше, к старенькой софе, которая не развалилась единственно потому, что стену подпирала.

Я присела на край ее и потрогала пыльную ткань, по которой поползли дорожки, и даже запихнула клоч конских волос в дыру.

Надеюсь, мыши там не водятся.

Не то чтобы боюсь, но...

— Наверх мы тоже будем подниматься вместе? — сухо поинтересовался Кирис.

И ответ был утвердителен.

Они поднялись.

Потом спустились. Эйта Ирма была бледна. Рута вновь разразилась потоком слез. Интересно, это сила самоубеждения или она что-то попроще использует? К примеру, кусочки лука, спрятанные в рукаве? Или не лука... слезы вызвать не так и сложно.

Но Мар ей верит. Прижимает к себе, гладит по голове, что-то шепчет, явно утешая. А косички, бантами украшенные, подрагивают.

Лайма все еще молчалива и бледна, но утратила несколько своей невозмутимости.

— Девчонка лжет, — наконец, заговорила эйта Ирма. Она подошла к грязному окну, встав аккурат в полосе света. Он пробивался сквозь неплотно сомкнутые ставни, наполняя холл дома. Этот бледный разбавленный свет странным образом подчеркнул нездоровую белизну кожи.

И подпухшие веки.

И морщины, которые лишь наметились, но все же.

— Она меня всегда ненавидела! — взвизгнула Рута. — Все меня ненавидели, кроме тебя, папочка...

Я поморщилась.

Переигрывает слегка, но Мар не замечает. Задвинув девицу за спину, он сказал:

— По-моему, здесь все говорит само за себя...

А то... я видела... и пусть следы на полу Кирис замыл, скажем так, во избежание лишних вопросов, то кровь мы решили оставить.

Нож вот заменили.

Ножей в доме много, в представлении поучаствовать может любой.

— Мне кажется, дорогой, ты спешишь с выводами, — Лайма вновь была спокойна, как море в летний день. — То, что Йонас сюда шел, еще не значит...

— Он у нее никогда не виноват! — пожаловалась Рута.

— Просто к нему нельзя подходить с теми же рамками, что и к обычному человеку.

Лайма лишь пожала плечами.

— Да и в конце концов, даже если Йонас... устроил то представление наверху. Вчера дом был чист, верно?

Все взгляды обратились на Кириса.

И он кивнул.

— Чист.

— Видите... то есть, что бы здесь ни произошло, это случилось уже после убийства. Да, Йонасу нравится охота... и быть может, он счел возможным разделать добычу уже после... и здесь... я не могу сказать, что именно породило в нем такое желание...

А теперь она смотрела на меня.

Будто бы мимо, на стену за моей спиной, и в то же время на меня.

— Однако сомневаюсь, что здесь кого-то убили.

— Папа!

— Рута, помолчи, будь добра.

Мар, может, и был сволочью редкостной, но он не был сволочью глупой. Не мог не понять, что крови для убийства маловато, что слишком помпезна, театральна эта сцена... да и многое.

— Это он, — Рута стиснула кулачки. — Как вы не поймете... он опасен! Он сумасшедший! Он...

Мысленно я согласилась с девочкой: у Йонаса с головой точно было не все в порядке, но это еще не значит, что его нужно подставлять.

— И поэтому ты решила показать всем, как он плох? — тихо спросил Кирис.

Он присел и теперь был ниже Руты, в которой уже почти проснулась благоденственная кровь. Он смотрел на нее с печалью и даже жалостью, позабыв, что эйты не выносят, когда их жалеют. И мелкая паразитка не стала исключением.

— Папа, — она повернулась к Мару и сложила руки в молитве. — Пожалуйста... поверь мне... он... он сейчас скажет... они все скажут, что угодно, лишь бы выгородить его... они все думают, что Йонас вернет роду былую славу, но мы с тобой разумные люди, мы понимаем, что сейчас не время одержимых! Что это благословение на самом деле ненаучно... что... он причинит куда больше вреда, чем пользы.

Она говорила спокойно и без притворства, во всяком случае, я больше не улавливала и толики фальши. А вот про одержимость — это интересно... очень интересно.

Надо будет заглянуть в библиотеку. Освежить, так сказать, некоторые знания, которые я полагала не очень нужными.

— Я думаю, — я позволила себе прервать паузу. — Спор можно разрешить просто. Так уж вышло, что в этом доме ночью было... людно.

— С-сука, — прошипела Рута.

И кажется, с ученичеством у нас ничего не выйдет. Что ж... не больно-то и хотелось.

Она долго упиралась.

Она плакала.

И заламывала ручки. Начиная лепетать, что не желала дурного, что лишь боялась брата, который повадился ее пугать. Она жаловалась на него и на мать, и на старуху, возмнившую, будто Рута вовсе не принадлежит их роду. И Мар поддавался.

— Это не имеет смысла, — он встал, и Рута тотчас обняла отцовскую руку. — Она, конечно, поступило дурно и будет наказана...

Но вряд ли слишком строго.

— Иди, дорогая...

Она выскользнула за дверь, правда, далеко не ушла, в этом Кирис готов был поклясться.

— Послушай, — Мар вздохнул и потер переносицу. — Ты ведь понимаешь, что Йонас любого довести способен. А Рута — ребенок. Одинокий ребенок. Моя мать считает ее неудачной, да и Лайма...

Он вновь опустился в кресло, подтянул к себе папку с бумагами, что-то неважное, то ли отчет по поместью за последний квартал, то ли докладные, то ли просьбы... Кирис собирался сам заглянуть,

но как-то оно не вышло.

Еще со сметой на реконструкцию ангара разбираться надо.

Нанимать кого-то на расчистку.

Согласовывать рейсы.

Размещение.

Питание.

Подъемные. И в поселке предупредить. Там чужаков недолюбливают.

Рейсы на Харвест, который достаточно велик, чтобы на нем вырос городок.

А город — это не только магазины, но и кабаки, и дома терпимости, и прочие нехитрые радости...

Мар молчит.

— Где она взяла нож? — спросил Кирис.

Рабочими пусть займется поверенный, благо человек толковый, сам справится. Да и... говоря по правде, Кирис больше не испытывал желания контролировать все. Как-то... перегорело, что ли?

— Нашла, как и говорит.

— Вот так просто взяла и нашла?

— Чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты вытащил из своей дочери правду.

— Допросил под зельем?

— Если понадобится.

— Ей всего девять! — Мар вскочил, отшвырнув папку. И белые листы разлетелись по кабинету. — Ты понимаешь, что ей всего девять?!

— Я понимаю, что ей уже девять, — Кирис подавил волну гнева. — А она уже додумалась, как подставить брата. И что будет дальше? Одна попытка не удалась, но ведь можно предпринять еще одну. И еще... папа поругает. Может, оставит без сладкого на неделю. Не такая уж большая жертва, верно?

Мар застыл.

Повернулся спиной.

— Она где-то взяла этот нож. И может быть, в этом месте осталось еще что-нибудь, не такое нужное? Ей не нужное, а нам вполне годное... или вот она что-то слышала... видела...

— Она ребенок...

— Она полезла во взрослые игры. И ты сам, скажи, веришь, что нож просто так лежал на тропинке?

Молчание.

Слышно, как шелестит ветер, ластится к шершавым бокам дома. Где-то там на море идут мелкие волны, и совсем скоро оно, очнувшееся от летнего зноя, вспомнит, что характером обладает прескверным. Волны станут выше, злее. Море станет ловить корабли, что хрупкие рыбацкие лодчонки, многие из которых уже спрятаны в сараях, что неповоротливые баркасы. Оно будет играть с ними, что кот с мышью, кружить, отпускать или подталкивать на острые зубы подводных скал.

И корабли отступят, признавая слабость свою.

Останется один путь.

Хорошо бы выбраться с острова раньше.

— Ладно, если нож ей подбросили. Но плохо, если она и вправду нашла. Как думаешь, тот, кто этот нож потерял, поверит ли он, что мы не станем выспрашивать у девочки подробности? Или решит на

всякий случай убрать невольного свидетеля.

— Я отошлю Руту.

— Куда?

— В пансион. Я знаю хороший пансион. Там с ней... справятся.

Мар повернулся к окну. Серый силуэт на сером стекле.

— Это была дурная шутка. Не более того... и мне жаль, что все так получилось.

— Мне тоже.

— А еще мне не нравится, как ты смотришь на мою жену.

— На которую?

— Лайма не в твоём вкусе, — он поднял с края стола очередную папку, повертел и уронил, позволяя листам рассыпаться. Взялся за третью. — Чересчур изысканна. Слишком утонченна. Это надоедает, понимаю...

Море любит ломать корабли.

Но и с ним можно договориться. Раньше люди умели. Знали, какое слово сказать, чтобы волны уgomонились.

— Сауле совсем потеряла край, а Эгле живая... по сравнению со всеми нами. Но, Кирис, не забывайся. Она все еще моя жена.

Листов на полу становилось все больше.

Детская выходка.

— Это ненадолго.

— Не знаю. Я еще не решил. Возможно, развод — не такая хорошая идея, как мне представлялось прежде... в конце концов мне тоже нужен кто-то живой.

Последняя папка упала на гору бумаг, добавив к ней свое содержимое.

— Приберись, — Мар вытер руки платком. — И не лезь к моей семье. Ясно?

ГЛАВА 30

Злая девчонка следила за мной.

Она стояла на верхней ступеньке, держась за лестницу обеими руками. Она смотрела пристально, не мигая, и губы ее растянулись в недоброй улыбке.

— Вот посмотришь, папочка вышвырнет тебя отсюда... — сказала она, поняв, что замечена.

— Буду весьма ему признательна.

Она сделала шаг.

Качнулись пышные юбки, мелькнула красная подвязка. Интересный выбор цвета, совсем не для юной девицы, которая мечтает стать механиком. Или не мечтает? В конце концов, что я о ней знаю? Только то, что слышала от прочих.

— Ты не боишься? — поинтересовалась Рута, вновь застыв.

— Нет.

— Тебя могут убить.

— Пусть попробуют.

— Они все понимают. Я знаю. Я видела.

— Что видела?

— Не скажу, — и та же издевательская улыбочка, в которой чудится предвкушение. — Вам надо... а я не скажу.

— И не говори, — я повернулась спиной.

Выпороть бы ее... если уже не поздно.

Чулочки у девочки тоже были взрослыми, пусть и невинного белого цвета, но украшенные россыпью мушек. Причем готова поклясться, что мушки она сама наклеила.

— Тебе не интересно?

— Нет.

— Врешь!

— Зачем?

— Чтобы я все рассказала.

— А ты расскажешь?

— Нет, конечно, — в голосе послышалось возмущение. — Я не такая дура!

— Вот видишь. Значит, и врать мне незачем.

Застучали каблучки.

В окне я видела мутное отражение. Вот девчонка замерла, раздумывая, что делать дальше. Ей хотелось поиздеваться, доказать мне, что она все равно умнее, что, даже проиграв, победила, вот только я не спешила восхищаться ее умом.

И вообще обращать на нее внимание.

Это злило.

Пожалуй, особенно сильно потому, что в этом доме на нее слишком часто не обращали внимания.

— Ты...

— Я, — я коснулась влажного стекла. — Видишь ли, не имеет особого значения, что ты видела и что нет. Допросить тебя с зельем все равно закон не позволяет. А принимать за правду сказанное... ты слишком много лгала, чтобы можно было верить.

Нехорошо обманывать детей? Возможно. Но не тогда, когда дети покрывают убийцу. А Рута что-то знала... что-то такое, возможно, совершенно неважное, а быть может, и наоборот.

— Я не лгу! Я действительно видела!

— Я вот тебя тоже вижу, — я указала на отражение, — но плохо, а потому, скажем, в сумерках, вряд ли верно интерпретирую увиденное.

— Юргис спит с Сауле. Не в одной постели. То есть в постели тоже, но они предпочитают конюшню. Идиоты, думают, что никто не знает, — Рута оперлась на кресло. — Ей нравится, когда он сзади...

Чудесные откровения.

— Она тебе сказала?

— Зачем говорить. Я сама вижу. Думаешь, я дура?

— Я тебя слишком плохо знаю, чтобы делать какие-то выводы.

— Все почему-то думают, что если я родилась девочкой, то у меня мозгов нет. У бабушки вот есть, у мамки тоже, а у меня, значит, нет. Или мало. Меньше, чем у Йонаса. Ты знаешь, что ему нравится свежевать животных? Котят там или щенят... или овец. Его всегда зовут, когда надо курицу зарезать или свинью. Он приходит весь в крови и будто пьяный.

Ее передернуло.

— А они делают вид, что ничего особенного не происходит.

— Он тебя пугает?

— Можно подумать, только меня, — Рута задрала юбки и поправила подвязку. — Сползает...

— У Сауле взяла?

— У мамашы... тоже дура: думает Юргиса соблазнить. А он куда умнее, чем кажется. Сауле ему бабка простит, главное, чтоб она не психовала и перестала нажираться, а вот полезет к мамаше моей, тут-то и вылетит с острова. Они давно воюют. Мамаше он на самом деле не нравится, она до сих пор за папенькой сохнет, прямо бесится, когда он из слуганок кого валяет. А Юргиса она просто хочет у бабки отбить. Что? Говорю же, все считают, что я дурочка... маленькая... ничего не вижу, ничего не понимаю.

Да уж... понимала она куда больше, чем следовало бы ребенку ее возраста.

— Она за ним бегает. То прижмется, то вдруг плохо ей станет. Чушь... ты вот не бегаешь.

— А надо?

— Тебе Кирис нравится? Не показывай. Иначе папашка тебя никогда не отпустит, — она села на подлокотник кресла и поболтала ногами. — Чисто из принципа.

— Спасибо.

— За что?

— За предупреждение.

— А... не за что... думаешь, меня отошлют?

— Куда?

— Куда-нибудь подальше... надоело. Здесь тоска смертная, только и знают, что пилить. Манеры то, манеры се... девице надо... замуж выйти.

— А ты не хочешь?

Рута задумалась, впрочем, ненадолго.

— Нет.

— Почему?

Она пожала плечиками и, содрав подвязку, намотала ее на руку.

— Чтобы муж мной командовал? Это только если за старика, чтобы быстро умер и от меня, наконец, все отстали. Ко вдовам никто не цепляется.

— Практично, — оценила я. И осторожно поинтересовалась. — А если не замуж. Чего ты хочешь? Сама? Вообще от жизни... если хочешь. Дети, как правило, не особо задумываются, но мне кажется, что ты уже давно не совсем чтобы и ребенок...

Рута размотала подвязку и замотала обратно.

— Хочу, чтобы никто не указывал мне, как жить.

— Это вряд ли получится.

— У папы получается.

Она вздохнула и растянула несчастную подвязку.

— У тебя вот...

— У меня как раз и не выходит.

— Тебя никто не трогает. Носишь, что хочешь. Говоришь, что думаешь... а папа... почему я не родилась мальчиком?

— Не ко мне вопрос.

— Им легче... вот папа...

— Ему тоже непросто, — это признание далось мне нелегко. — Смотри, с одной стороны, он должен слушать короля. С другой, не всем нравится, что он делает и сколько власти имеет. Ему приходится считаться с интересами других людей, которые, если окажутся слишком недовольны, объединятся, и тогда папе придется нелегко. Ему нужно искать союзников и делать так, чтобы они не отказались от союза. Делать то, что не всегда по душе...

Например, скрывать, что на острове неладно.

Рута слушала и, кажется, внимательно.

— Власть — это и ответственность тоже. Если твой папа сделает что-то неправильно, то пострадает не только он или вот вы, но и многие другие люди.

Правда, я не уверена, что Мару есть дело до этих самых теоретических других людей.

— Поэтому ты не хочешь жить здесь?

— И поэтому тоже.

— А еще почему?

— Потому, что я люблю свою работу. Мне нравится создавать вещи. Нравится решать задачи. Всегда нравилось. А если я буду жить здесь, от меня потребуют, чтобы я соответствовала положению. Понимаешь?

Рута кивнула.

— Неудобные платья?

— Неудобные платья. Неудобные туфли. И люди вокруг тоже... неудобные. Мне нельзя будет общаться с друзьями, потому что у благородной эйты не может быть таких друзей. Мне нужно будет следить за каждым словом или жестом... и вообще... не мое это.

— А деньги? Тебе было бы не обязательно жить здесь. Ты могла бы попросить папу, и он бы купил тебе дом.

— Чтобы потом сказать, кого и когда я должна принимать в этом доме? Что носить? И как себя вести? Нет, знаешь, меня вполне устраивал Ольс. Там тихо. Спокойно.

И работать никто не мешает.

Вот сомневаюсь, что где-нибудь в другом месте мне бы позволили заняться алмазами. И не только ими. Рута молчала, щупая расшитую серебром подвязку. Пальцы ее скользили по узору, будто по бусинам.

Она вздохнула.

— Если бы я родилась мальчиком, все было бы проще. Папа бы отказал Йонасу в праве на наследство, признал бы наследником меня. Он сам говорит, что я больше подхожу на эту роль. Я умнее. Я ответственной. Мне интересно то, чем он занимается. И я готова учиться! Всему готова учиться, но... это не имеет значения только потому, что я девочка. Кто сказал, что девочки хуже?

— Не хуже, — я протянула руку. — Просто... в мире мужчин им приходится сложнее. Думаешь, моя мама обрадовалась, когда я сказала, что не хочу замуж, а хочу учиться? Поступить в университет? И не на целительство... целительниц приняли давно уже. Или вот еще можно было бы на природоведческий, там и с малым даром берут.

А меня на механику тянуло.

— И что?

— Учитель в школе считал, что я своими знаниями позорю учеников-мальчишек, и требовал, чтобы меня забрали из школы. Что, мол, складывать и вычитать я умею, а остальное не так и важно. Для домашних учетных книг и складывания с вычитанием хватит. Я плакала, помню... а потом мой дед сходил в школу. И меня оставили. Мне даже дали кое-какие книги из тех, где задачи уже не школьного уровня. Учитель, правда, все равно считал, что я зря трачу время.

Надо будет заглянуть к нему.

Отнести выпечки свежей и того крепкого рома, который делают на Ольсе. Его льют в бутылки из темного стекла, не удосуживаясь украсить их этикеткой, а пробки запечатывают темным воском. И уже на нем ставят отпечаток.

Он горек, тот ром, но для сердца полезен. Во всяком случае, так говорят местные. Конечно, может статься, что эта польза существует лишь в их воображении, но сдастся мне, старик будет рад.

Если он жив еще.

— В университете меня тоже долго пытались... переубедить. И не только меня. Были другие девушки, но... на факультете механики учится много молодых людей. Талантливых. Перспективных. Выйти замуж за такого — тоже вполне себе удача. И вот почему-то все экзаменаторы полагали, что девушки именно затем и поступают, чтобы найти себе партию.

Помню скептицизм.

И холодное любопытство, с которым изучались мои документы. Брошенное небрежно:

— Девушка, а вы куда лезете с вашей-то внешностью?

Собственное удивление: при чем тут внешность? Затянувшийся экзамен, который, на счастье мое, писался, поскольку только это, кажется и останавливало. Вопросы и вновь вопросы, и еще вопросы, и через один — отнюдь не те, которые изучались в школе.

— Мне не обрадовались ни наставники, ни одноклассники. Они полагали, что женщинам не место среди избранных.

— А ты?

— А что я? Мне не было времени меряться умом. Мне нужно было удержаться.

И доказать им всем...

Доказала, что уж тут...

— Только курса после четвертого ко мне стали относиться иначе.

Снисходительно. Не как к женщине, ведь понятно, что нормальная женщина с высшей математикой не сочетается, а если вдруг что и понимает в ней, то исключительно в силу природной своей дефективности. Страшненьким женщинам и математику простить можно. Нет, со мной, конечно, нельзя напиться и потрепаться за жизнь, попутно высказав мнение о целительницах, которые в этом году ничего, симпатичненькие и еще пока не стервы. Но у меня вполне можно списать практику или попросить помочь... хотя нет, просить — это чересчур.

— Друзей у меня не появилось. Подруг тоже. Но я не скажу, что была несчастна.

— А потом ты встретила папу?

— Да.

— И влюбилась?

— Влюбилась.

И даже любила. А теперь пытаюсь понять, что именно тогда, много лет назад, я сделала не так. Ошиблась? Ошибки простительны, но моя отобрала у меня почти двадцать лет жизни. Но и дала многое. Это я тоже осознаю.

— Почему тогда ты не осталась с ним?

— Потому что он солгал.

Сомнительное объяснение, ведь дело не только во лжи. Она, ложь, разной бывает. Я не сумела пережить ту... а если бы Мар... если бы с самого начала сказал правду? Хватило бы моей любви на второй его брак? Быть может. У него отлично получается убеждать.

Но... какая разница.

Рута задумалась. Я же... я коснулась ее руки, привлекая внимание.

— Ты реши, что нужно именно тебе. Понимаешь, нет ничего плохого в том, чтобы выйти замуж. Это еще не конец света. Твоя мать помогает отцу в его делах. И мне кажется, что сейчас он уважает ее больше, чем прежде.

Рассеянный кивок.

— И ты вполне можешь поступить, как она...

— Или как ты.

— Или как я. Только я наделала много ошибок. И у тебя будут. Все ошибаются, и это нормально. В мире идеальных людей жить было бы невозможно.

— Я видела, — Рута вскинула голову. — Я видела, как она шла... та девушка. Она следила за Йонасом. Она хотела забраться к нему в постель. Она глупая, ей ведь говорили, что он... как бы... не совсем такой, как другие. Избранный. Ему нельзя. Совсем нельзя. Еще год или что-то вроде. Не знаю почему, но... Избранный ведь.

Она фыркнула.

— Но она почему-то вбила себе в голову, что сумеет его исправить.

— Глупость какая.

— Я тоже так думала. И еще слышала, как мамина камеристка говорила, что бабушке скоро надоест и тогда девица исчезнет. Как остальные.

— Какие «остальные»?

— Понятия не имею, — Рута пожала плечиками. — Я не слежу за прислугой, но... иногда они и вправду уходят. Из старых горничных здесь только Миа, а она с бабушкой. Злая. Шипит на меня и называет выблядкой, когда думает, что я не слышу.

Да уж... хорошее место, чтобы расти.

— Я давно научилась быть незаметной.

— Артефакт?

Рута протянула пуговицу на нитке. А выбор ничего. Пуговица золотая, камень — жемчуг, не самая оптимальная база, но в целом для новичка неплохо. Да и сомневаюсь, что у нее имелся выбор. Плетение...

— Ты слишком много рун используешь, — я положила пуговицу на ладонь. — Смотри. Ир и теро фактически дублируют друг друга, если бы ты объединила их в одной связке, получилось бы усилить действие, но они разнесены на разные углы схемы. Зачем?

— Для равновесия.

— Этот способ давно устарел. Проще регулировать энергетические потоки через дополнительные скрипты. Вот так... — я осторожно коснулась плетения. — Видишь, когда вливается слишком много

силы, схема теряет стабильность. А здесь у вас силы много...

— Вулканы, — Рута забрала пуговицу и, помявшись, спросила. — Нарисуешь? Так, как надо?

— Сама рисуешь. Я дам тебе одну книгу. Отец не будет против. Поставлю закладки, что прочесть, а потом вместе отработаем. И еще... мне нужно будет понять, что ты знаешь и насколько хорошо. Ясно?

Она кивнула.

— Так что с прислугой?

— Я как-то... не знаю, не замечала раньше. Кто вообще будет смотреть на прислугу?

Действительно.

— Но они меняются... то одни лица, то другие. Похожи друг на друга... была одна... ее звали Лисса. Она мне носила с кухни пирожки, когда наказывали. А потом исчезла. Бабушка сказала, что у нее жених. И к нему уехала. Что меня не должна интересовать какая-то горничная, особенно когда я осанку держать так и не научилась.

Теперь она жаловалась.

Горькая обида.

Детская.

И нижняя губа подрагивала, а голос звучал нарочито ровно. Но я не обманывалась этой маской.

— Бабушка только Йонасом интересуется. Мама... она здесь редко бывает. А когда бывает, то ей жалуются, что я ничего не умею. Слуха нет. Рисовать тоже не получается.

Я стараюсь, только... вечно красками перемажусь, а эйты рисуют аккуратно. Да и выходит у меня так себе...

Она вздохнула.

— Я видела ту девушку... она вышла из комнат Йонаса... веселая. Остановилась у зеркала. Погладила себя по груди. Вот так.

Рута повторила подсмотренный жест.

— Потом покружилась и пошла... вниз. То есть она нажала что-то на стене, и стена отодвинулась. Там была лестница, я хотела пойти за ней, не успела только.

На свое счастье.

Сомневаюсь, чтобы убийца обрадовался, получив вместо одной жертвы двух.

— Потом... потом мне сказали, что произошел несчастный случай. Я сразу подумала про нее. У нее такие глаза были. Странные. Я ведь там близко стояла. Я... хотела... он меня вечно бездарью называет. И мелким отродьем. Я порошок дымный сделала. Думала, высыплю в замочную скважину, когда он там... пусть позлится.

Дымный порошок — это хорошо.

Это хотя бы понятно.

Детская месть, которая и вправду по-детски нелепа, а потому почти безобидна.

— А тут она...

Теперь Рута заговорила быстро, торопливо, растянув несчастную подвязку так, что та затрещала.

— Вышла и пошла. Не вернулась. Врут все... здесь все врут, понимаешь? Несчастный случай. А на кухне горничные судачили, что ей вырезали глаза. Правда?

— Да.

— И тот нож...

— На нем человеческая кровь. Но этой ли девушки — я не знаю.

Не стоит врать, и быть может, тогда не станут врать тебе. Или станут. С людьми сложно, големы в этом отношении куда как приятней.

— Я нашла его... в своих... вещах. Мама злится, когда я что-то делаю. И бабушка тоже. Поэтому... у меня мало всего. Есть немного золота. Я брошку расплавила. Камни кое-какие. Проволока вот... инструмент, правда, дрянной. Я со старой лаборатории утащила. И приходится прятать. Если узнают, то выбросят.

— И где?

— На чердаке.

— Покажешь?

Она кивнула и сказала:

— Сейчас. А то... папа с Кирисом поругается, злой будет. Меня запрут. Я, конечно, могу уйти, но ведь придется посадить кого рядом...

Сейчас так сейчас. Все равно других дел у меня не имелось.

ГЛАВА 31

На чердак поднимались по лестнице. Старой, скрипучей, но все еще надежной. Дверь отворилась, стоило ее коснуться, и Рута вошла первой.

— Здесь хорошо, — сказала она с явным облегчением. — Сюда никто не заглядывает. Я так думала. Хорошо.

И вправду.

Сквозь узкие окошка проникал свет. И в нем, неровном, танцевали пылинки. Они подчинялись малейшему движению воздуха, то кружась, то застывая. Они вздрагивали от вздохов, а стоило двинуть рукой, как тотчас устремлялись вверх.

Или вниз.

Пыль покрывала старые доски. Она лежала на белой ткани чехлов, которыми заботливо укрыли ставшую ненужной мебель. Она хранила старые сундуки и даже укутала арфу с треснувшей рамой. Инструмент стоял в углу, и то ли чехла не хватило, то ли решили, что надевать его бессмысленно, но... я тронула струну, и арфа издала тонкий дребезжащий звук.

Рута обернулась и прижала палец к губам.

Надо сказать, она в своем наряде удивительным образом вписывалась в окружающую нас обстановку. Появилось в девочке что-то донельзя хрупкое, воздушное...

Чужое.

Правда, ощущение тут же исчезло.

Рута обустроила для себя уголок.

С одной стороны его закрывал старинный трехстворчатый шкаф с потускневшим зеркалом. Дверцы его не закрывались, и потому создавалось ощущение, что из пыльной глубины шкафа за нами наблюдают. С другой ограничивал комод, тоже древний и весьма массивный. Некогда он был роскошен, украшен резьбой и позолотой. Но позолота облезла, виноградные гроздья облупились и потемнели, а с крыльев бабочек слетели перламутровые чешуи.

— И тебя никто не ищет?

На пол Рута постелила ковер, с одной стороны пестревший подпалинами — кто-то когда-то слишком близко подтянул его к камину, — он сохранил и толщину, и бархатистость ворса. А что рисунок выгорел, так это, право слово, мелочи.

— Кому я нужна, — она села на ковер, сунув под попу подушку. — У madame свои интересы... на конюшне. Почему всех так тянет на конюшню?

— Понятия не имею.

Но запомню, что соваться туда не стоит, уж больно людное местечко.

— Вот, — Рута вытащила из комода коробку. — Здесь, если посмотреть, много интересного найти можно...

В коробке обнаружились пуговицы, родные сестры той, на которую девочка навесила плетение.

— Со старого платья спорола, все равно оно уже сто лет здесь висит. А вот это — от комода... — кусок золотой пластинки был внушительного веса.

Комочки серебра, тщательно ободранные и переплавленные, а потому энергетически нейтральные, впрочем, это ненадолго: все же поле на острове было нехарактерно плотным.

— У вас здесь источник поблизости?

О таких вещах говорить вслух было не принято, все-таки зйты к родовым тайнам относились донельзя болезненно, и хотя источники по закону не могли принадлежать человеку или роду, являясь общественным достоянием, но...

— Вулканы. Внизу. Вокруг острова. Бабушка как-то сказала, что из-за них наш род и отмечен, — Рута вытащила костяную пластинку. С одной стороны на ней была вырезана длинная рыбина, с другой нанесен рунный узор.

Правда, несколько косоватый.

— И что оно должно делать?

Воздушные петли и кусок целительского плетения, безбожно выдранный и существующий как бы сам по себе.

— Я хотела, чтобы у меня волосы росли. Бабушка говорит, что у меня не волосы, а мочало. Что редкие. И вообще короткие, а это неприлично... почему стрижка — это прилично, а если волосы сами по себе не растут длинными, то уже неприлично?

— Не знаю. Я ведь не эйта.

— Повезло тебе.

— Как сказать... — я повертела пластинку в руках. — Смотри, нельзя взять и соединить два элемента. Это как масла в воду налить, оно соберется каплями и будет плавать. Разная энергия плохо смешивается, поэтому используют руны обь единения. Их всего восемь, но в разных сочетаниях это дает огромное количество вариаций. Иногда, когда энергетический поток слабый, хватает и одной. Но чем мощнее амулет, тем более прочной должен быть стыковочный узел... я потом напишу тебе парные сочетания. Их придется заучить.

Рута кивнула.

О да, помню, классическая таблица парных сочетаний мне в свое время изрядно крови испортила, ночами снилась.

В ее тайнике нашлись слитки металлов, драгоценные и полудрагоценные камни, старый инструмент и горелка, причем заправленная полупрозрачным маслом, которое издавало весьма характерный аромат.

— Где взяла?

— В ангарах. Там много. И горит хорошо.

Это я на собственной шкуре испытала. Горело масло и вправду хорошо. А вот использовать горелку вне лаборатории...

— Дом спалить не боишься?

Рута пожала плечами. О доме она думала меньше всего, а о собственной безопасности и вовсе не думала. Нет, пожалуй, наше обучение придется начать именно с простейших правил.

— Достаточно искры, чтобы твое платье вспыхнуло. Как ты думаешь, как скоро кто-нибудь придет на помощь?

Молчание было ответом.

— Правила существуют не только, чтобы людям жизнь портить.

Я вернула горелку в коробку.

И пуговицы ссыпала туда же.

— Но этим мы займемся позже. Где ты нашла нож?

На долю мгновенья лицо Руты застыло. Мне почудилось даже, что вот сейчас она передумает. Вновь вспомнит ту свою привычную роль — капризной девчонки, которая ни за что не расскажет того, что нужно другим.

Просто из упрямства.

— Там, — она со вздохом поднялась. — Здесь... много всего. Только мало нужного. Я искала... мне дают деньги, но требуют, чтобы я тратила их на полезные вещи. По бабушкиному мнению полезные. Мне присылают каталоги с лентами вот или с кружевами. А на кой мне еще ленты?

Действительно.

Она ловко пробиралась сквозь завалы мебели, я едва успевала следом. Перед зеркалом Рута остановилась ненадолго. Пыльное, с темным стеклом, перерезанным трещиной, оно выглядело уставшим. И отражение в нем получалось мутное, будто наспех нарисованное.

— Бабушка говорит, что я позор рода, что мама могла бы кого посимпатичней в любовники выбрать.

А отец дурак, если верит, что я его крови. Но он не верит. Я знаю, он проверял...

— Меньше слушай.

— Я и не хочу. Само получается, — она дернула себя за косичку. — Как думаешь, когда подрасту, стану посимпатичней?

— Некрасивых эйт не бывает.

— У мамы бабушка из простых...

— Но остальные-то из сложных. Кровь эитов не так легко разбавить. И вообще... ты хочешь красивой стать и замуж, или умной и в артефакторы?

— Пока не решила, — Рута отвернулась от зеркала. — Идем. Только осторожно. Там совсем старые вещи...

Накренившаяся витрина для посуды. Стекла выехали из разошедшихся рам и упали, рассыпались ледяными осколками по полу. Пыли здесь было больше, она лежала плотным серым ковром, на котором оставались следы.

Мои.

Руты.

И снова Руты, но старые.

Вот диван, на который взгромоздилась пара стульев. Оба сломаны, торчат ножками вверх, будто пики выставили, не желая пропускать нас. Рута ловко втиснулась между диваном и секретером, в котором не хватало половины ящиков.

— Здесь, — она оказалась на пяточке пространства, заваленного мебелью.

Софа.

И козетка. И махонький столик, то ли туалетный, то ли для какой-то игры. Даже каминная решетка, придавившая пару растерзанных пуфиков, нашлась.

— Чехол сняли... то есть, может, его вообще не было, — Рута оседлала хромоногий табурет. — Я думала, вдруг в столе что найдется. Иногда перья стальные забывали или вот чернильницы. С чернильницы много чего наковырять можно.

Я кивнула.

— Открыла ящик, а в нем... завернут был. Тряпку я оставила.

— Здесь? — ящик поддался не сразу. Он, разошедшийся, застрял, скрипел, и у меня появилось ощущение, что еще немного, и ящик попросту рассыплется. Но нет, что-то хрустнуло, и он выскользнул, едва не ухнув мне на ноги.

Ящик оказался неожиданно тяжелым.

А еще пустым.

Рута нахмурилась.

— Точно этот, — она почесала кончик носа. — Тряпка такая... как полотенчко. И вся в пятнах красных. Я сразу поняла, что кровь... не люблю крови. Йонас как-то курицу зарезал... ну, когда еще никто не понимал, что с ним... украл, притащил в комнату и зарезал. Крови было... он весь изгваздался. А потом сидел и плакал... ага... я видела. Дурак какой. Если жалко, то зачем резать было?

Девочка не лгала.

Я потрогала сухие темные пятна, которые прилипли к древесине. Кровь? Похоже на то. Значит, здесь прятали нож? Завернутый в то самое полотенчко.

— Он сказал, что если я хоть кому-нибудь... он меня придушит. За шею взял... — Рута потрогала шею. — Это он... просто все носят... Избранный... как же...

— Кем избранный?

Я удостоилась слегка удивленного взгляда.

— А... ты не знаешь?

— Нет.

Я вытаскивала остальные ящики. Один за другим. Я ста вила их на столешницу, а когда она закончилась, то друг на друга. В ящиках было пусто, разве что паутина старая обнаружилась, а чуть позже и визитки. Но ни окровавленных полотенец, ни вырезанных глаз, ни ножей или иных орудий... просто ящики.

Просто секретер.

И стало быть, убийца понял, что тайник обнаружен.

Однако... видел ли он девочку?

— Джаром избранный... как мой прадед. И его прадед. Некромант он, — Рута чихнула и вытерла нос ладонью. — Только маленький еще...

Мальчишка нашелся у себя.

Впрочем, Кириса это не удивило — Йонас редко покидал отведенные ему покои, если и выбираясь, то рано утром, еще до рассвета.

Он забрался на подоконник. Подпер кулаком подбородок. И сделал вид, что Кириса не видит.

— Мне нужна твоя помощь.

— Убить кого? — Йонас дернул плечом.

Темная рубашка.

Черные брюки с красными подтяжками. И полосатые носки того странного болотного цвета, который сам по себе кажется грязным.

— А сумеешь?

Мальчишка соизволил повернуться.

— Не знаю... мне когда-нибудь придется. Все говорят. А я не хочу убивать.

— Кто заставит?

— Джар.

— Он тебе сказал?

— Издеваешься?

— Спрашиваю.

— Боги не говорят с людьми.

— Тогда откуда эта уверенность?

— Просто... — Йонас стиснул кулаки. — Мне нравится, понимаешь? Кровь нравится... и вообще... когда курицу режу... я будто... две части. Мне противно, мерзко. Меня почти тошнит. А другая... она захлебывается от счастья. И я ненавижу ее.

Он неловко сполз с подоконника.

— Бабушка требует, чтобы я остался в храме на ночь, чтобы принес жертву... курицу, корову... не важно. Думаю, если я попрошу человека, она... найдет способ. Милость Джара и все такое... снизойдет... величие рода. А мне страшно! Я... я еще человек, а если туда загляну, то кем стану?

— Тебе решать, — Кирис вытащил сверток. — Поможешь?

Не стоило сюда приходить, но в последние дни Йонас выглядел вполне адекватным. А другие способы Кирис использовал.

— Чем?

— Пока не знаю. Все-таки некроманты давно не появлялись в этом мире.

— Я помню историю, — мальчишка расстегнул манжеты и закатал рукава. — Их истребили во время последней войны... то есть они героически пали, защищая родную землю от подлых имперцев.

Сказано это было с явным сарказмом.

— Что не так?

Йонас указал на стол.

Обыкновенный стол, если не считать обыкновенным пустоту его. Ни чернильниц, ни перьев, ни бумаг. Одна лишь лакированная гладь дерева.

— А то, что по времени не сходится... война закончилась в семь тысяч девятьсот третьем от сотворения мира, а некроманты... падали смертью храбрых в следующие двадцать лет. Мне кажется, что просто кто-то потом соединил два события, прикрывая правду. А правда в том, что подобных мне боялись.

Кирис набросил на стол носовой платок.

Чистый.

И уже на него положил лоскут с ножом. Отступил, позволяя мальчишке приблизиться. Мар разозлится, если узнает.

Когда узнает.

И то, что он сам обещал свободу действий, не оправдание. Понимать ведь надо, что собственная свобода Киписа заканчивается там, где начинаются интересы благородного семейства Ильдис, частью которого, пусть и не самой лучшей, был мальчишка.

Он не спешил прикоснуться к ножу. Подошел. Обошел стол. Наклонился, втянув воздух. Бледные ноздри трепетали, а Йонас часто сглатывал, но все равно не справился, и нить слюны поползла изо рта. Он был бледнее обычного, стало быть, ночью очередной приступ скрутил. Участились, а это плохой признак... но мальчишка держится.

Не спит.

Пахло от него кошачьей травой и еще безвременником, который хорош, если нужно бодрствовать несколько дней кряду...

— Плохо?

— Можно подумать, тебе хорошо, — Йонас разминал запястья. Пальцы у него были тонкими, длинными. Да и сам он отличался нездоровой бледностью, лишь подчеркивавшей общую его изможденность.

Глубокие тени под глазами.

Складки у губ. И синеватая кожа на запястьях, под которой проступали темные нити сосудов.

— Мне вполне терпимо.

— Ага... папенька здорово приучил тебя терпеть, — в мальчишке никогда-то не было и тени почтительности, а после того как дар окончательно раскрылся, характер его вовсе сделался невозможен. — Послал бы ты его, что ли?

— Куда?

— Тебя и вправду научить? — Йонас кривовато усмехнулся.

— Не стоит.

— Я серьезно... он выпьет из тебя все соки, как выпил из своей этой... или помнишь, до тебя был Нихван? Хороший такой дядька. Он мне конфеты носил. Бабка вечно зудела, что детям сладкое вредно. Сама вон вазы целые в своих покоях ставила, а мне так... он в кармане носил. И не считал, что если ребенок, то молчать должен. Мы с ним разговаривали.

Про Нихвана Кирис слышал, но... когда это было? Еще до той истории, перевернувшей всю Киписа жизнь.

— Не думай. Я помню почти все, что со мной было. Даже то, как обоссался в колыбельке и орал, а

нянька просто закрыла дверь. Я ей мешал спать. Я читал, что это у всех, что... особенность такая. Так вот, он долго на папеньку пахал, прям как ты. Верный. Толковый. Еще от деда доставшийся. А потом вдруг исчез. Куда? А хрен его знает.

Я спрашивал, мне сказали, что уехал. Ввали. Здесь все лгут...

Он протянул руку к клинку и замер.

Пальцы дрогнули.

— Потом... узнал, что он якобы украл что-то очень важное... имперцам продал... только... это чушь... Нихван не покидал острова. Хочешь, я покажу, где его убили?

— Покажи.

Йонас кивнул.

— Здесь многих убивали, — он осторожно коснулся клинка и замер, тяжело дыша. На лбу выступила испарина. — Слишком многих, чтобы это было нормально... и мне нет нужды ночевать в храме.

Пальцы скользнули по гарде, вернулись на рукоять, прикасаясь бережно, будто мальчишка боялся сломать такую чудесную вещь. Губы его растянулись в странной улыбке, от которой изрядно тянуло безумием.

— Храм не на берегу... храм везде... весь этот треклятый остров... во славу Джара. Только смертные ошибаются. Ему не нужно столько крови.

Он отдернул руку.

Сунул пальцы в рот и облизал жадно, поспешно.

— А еще он не любит, когда люди прикрываются его именем...

— Никто не любит.

Йонас кивнул.

Потер виски и сел на пол, подогнув под себя ноги. Так он сидел несколько минут, слегка раскачиваясь, взгляд его туманный скользил по стене, а в уголке рта появились пузыри.

Мальчишку надо отправить отсюда.

То, что он некромант, еще не значит, что его надо держать на цепи. И уж тем более глупо ждать от него возрождения рода. Да и чему возрождаться? Ильдисы сильны как никогда прежде.

Должность.

Связи.

Благосклонность короля. И союзники будут верны семейству, понимая, что с Ильдисами можно достичь многого. Оппозиция? Тоже имеется, не без того, но не сказать, чтобы вовсе агрессивная. Напротив, даже те, кто считает Мара выскочкой, слишком рано добравшимся до власти, признают, что он умен. А еще, что с ним можно договориться.

— Это... нехорошая вещь, — Йонас нарушил молчание. — Очень нехорошая. Она... существует давно. Возможно, она появилась вместе с храмом. Она принадлежит храму. И моему прадеду... его отцу... всем им. По праву... мне придется оставить ее себе.

Он вновь облизал губы.

Поднял взгляд, и в светлых побелевших глазах виделось отчаяние.

— Я не думаю, что смогу...

— Ты не сможешь, — согласился Йонас, — я смогу. Смотри.

Он повернул к клинку раскрытую ладонь, и тот вспыхнул прозрачным пламенем. Оно взметнулось к потолку, расплзлось по столу дрожащей зеленоватой пеленой.

— Что...

— В нем частица бога, — Йонас протянул к огню другую руку, и тот, послушный воле последнего жреца — а Кирис не слышал, чтобы остались другие, — вцепился в кожу, обвил ее, облепил

полупрозрачной перчаткой. — Крохотная. Почти утратившая силу, но... мне легче.

Это было сказано с немалым удивлением.

— Обычного человека он... будет звать. Убивать. Все люди в глубине души хотят кого-нибудь да убить. У меня это желание много сильнее. Оно заставляет делать... всякие вещи. Поэтому нормальные люди меня боятся. Это правильно. И ты боишься.

— Отчасти. Я не совсем тебя понимаю.

— Я сам себя не понимаю.

Он позволил огню впитаться в кожу, которая осталась прежней — ни ожогов, ни язв, ни хотя бы легкого покраснения.

— Но я знаю, что простой человек, который прикоснется к Его сути, скорее всего, сойдет с ума. Он просто не сумеет справиться со своими желаниям.

— А ты?

— Когда ты вошел, я захотел перерезать тебе горло, — Йонас взял нож в руки и покачал, словно младенца. — Я даже представил, как это будет... как поддается кровь под струной, как она брызжет, летит на стены. Как ты хрипишь... не переживай, я всех хочу убить. Это... тоже наша особенность. Так я думал.

— А теперь?

— Теперь... мне кажется, в нашей библиотеке осталось слишком мало информации, чтобы на нее полагаться. Я больше не хочу убивать. Я хочу уехать.

— Куда?

— В столицу. Мне кажется, там архивы много обширней. Поможешь?

— Полагаешь, не отпустят?

— Уверен, — Йонас криво усмехнулся. — Будь их воля, меня бы в храме на цепь посадили. И воля Джара соблюдена, и я не маячу перед глазами. Не думай. Раньше мы не были привзаны к какому-то месту. Полагаю... бог слишком велик, чтобы уместиться в каком-то одном храме... в столице храм тоже есть. Первозданный. И мне, пожалуй, стоит в него заглянуть.

В этом был смысл.

Йонас поднялся.

— Идем, — сказал он. — Любая душа оставляет след, даже та, которую выпили... хотя сделать это непросто. Клинок здесь ни при чем. Он забирает жизнь и жизненную силу. А еще он неполон. Частица бога осталась, но то, другое, что в нем жило... оно получило свободу. И это плохо. Демоны не должны гулять на свободе.

Демоны? Вот только демонов Кирису для полного счастья и не хватало.

Демон?

Тварь из запределья, о которой предупреждали? Но ведь то был сон. Всего-навсего сон...

Однако мальчишке явно стало лучше. Его бледность исчезла, а в глазах появился блеск, правда, наряду с легким безумием. Но к безумию жреца все привыкли.

— Душу отняли другие... зачем? Не спрашивай. Идем. Я покажу, где это было.

— Я знаю...

— Ничего ты не знаешь, слепец, — Йонас остановился и, обернувшись, ткнул Кирису в грудь. И прикосновение это опалило жаром. — Забирай эту нелепую женщину и беги... вам здесь определенно нечего делать.

Его губы расползлись.

Стали видны десны, розоватые, поблескивающие слюной.

— Ты ведь знаешь, что когда-то давно... когда еще не было столь гуманных законов, Ильднсы... и не только они... приносили богам жертвы? И забирая души их, становились сильнее. Это самый

простой путь. Взять себе то, что принадлежит другому.

И разве какого-то закона достаточно, чтобы справиться с искушением?

ГЛАВА 32

Он вывел на луг.

Покружил, напоминая Кирису ищейку. Он не обращал внимания ни на ранние сумерки, ни на дождь, ни на ветер. Рубашка мальчишки промокла, облепила тощее его тело, обрисовав заодно и мышцы. А ведь его не учат бою, ни рукопашному, ни шпажному.

И понятно, зачем оно некроманту?

Он и без шпаги убивает.

— Здесь... тело принесли сюда, но...

— Йонас, что происходит? — эйта Ирма выплыла из сумерек. И те уцепились за роскошные меха ее шубы. Они окружили Ирму туманом, легли под ноги ее, и появилось в облике эйты что-то донельзя ведьмовское...

— Ничего, бабушка, совершенно ничего...

Он поднял руки к небу и засмеялся, пошел боком, пританцовывая, выглядя при этом настоящим сумасшедшим.

— Что вы сделали? — эйта повернулась к Кирису. — Это ведь вы... что вы ему дали?

— То, что давно должно было быть моим... только ты, бабушка, почему-то забыла об этом? Знаешь, а у вещей есть память. Особенно у таких. Он помнит тебя. И того, другого, который передал его... велел хранить. Беречь.

Клинок рассек дождевые струи.

И ветер заскулил, будто просил пощады, а небо рассекла белая нить молнии. Шторм грядет. На уцелевшей причальной башне один за другим загорались алые огни. Где-то там, в тишине, стрекотал телеграф, рассылая предупреждения цеппелинам, что ныне причалы закрыты. Собственные корабли опущены на поле. И рабочие, спеша до грозы, натягивали защитные полотнища, проверяли якоря. А команда стравливала излишки газа.

Поднимались щиты вокруг поля.

И ветер злился, спешил.

— Почему ты мне не отдала? — Йонас остановился и подошел к бабушке, а та попятилась, впервые, пожалуй, выказывая слабость. — Ты ведь знала, что я схожу с ума. Ты знала, что мне нужно, чтобы...

— Я просто не была уверена, что тебе он поможет.

— Ложь.

— Мальчишка!

— Уже нет, — он вдохнул влажный воздух и коснулся пальцем собственных губ. — Ты хотела, чтобы я кого-нибудь убил, так? Ты думала, что уж тогда-то сумеешь меня контролировать, держать на привязи... ты бы подбрасывала мне время от времени ненужных людей, а сама...

Пощечина получилась оглушительной, но Йонас даже не покачнулся.

— Все дело в деньгах, верно? Отец их дает, но тебе мало... вам всем всегда и всего мало. Денег. Власти. Силы... хочется еще и еще. И чем больше у вас есть, тем сильнее желание. Что бы с ним стало? Ты отравила бы его? Или избавилась бы с моей помощью? А потом... наследник я, но я ничего не понимаю в делах. Мне они не интересны. Зато я полностью в руках доброй своей бабушки, ведь она помогает мне... защищает от несправедливого закона... скрывает подлую мою суть.

— Замолчи.

— Отчего же, — он смотрел спокойно, и эйта не выдержала взгляда. Отвернулась. — Это лишь слова. И они ничего не значат. Мне куда интересней, кому ты отдала нож.

— Никому!

— Теперь я явно слышу его голос, но до этого... — Йонас потряс головой, и брызги слетели с его

волос. — До этого я был глух. И слеп. Ты... что-то сделала...

— Такие вещи нельзя давать простым людям. Я должна была убедиться, что ты... достаточно иной, чтобы выдержать знакомство.

— И когда ты убедилась?

— Клинок исчез, — эйта Ирма поплотнее запахнулась в меха. — И зря ты полагаешь, что я надеялась тебя контролировать. Я хорошо изучила летопись рода. Некромантов контролировать нельзя. Они слишком безумны, для того чтобы с ними можно было договориться.

Йонас лишь фыркнул и, вытерев рукавом лицо, почти нормально сказал.

— Вообще-то я удивлен, что вы мне в детстве несчастный случай не устроили.

Кирис был удостоен быстрого взгляда и, видимо, сочтен достаточно своим, чтобы услышать ответ.

— Сперва ты казался вполне вменяемым. Потом... во-первых, других наследников все равно не было, а гибель единственного изрядно пошатнула бы позиции рода. Во-вторых... я, в отличие от многих скептиков, верю в гнев богов. Если ты изучал историю, должен был понять, что в той войне... сгинули не одни лишь некрманты. Двадцать три рода в течение полста лет угасли без видимых причин, без надежды на спасение. И на престоле династия сменилась. Поэтому, дорогой, будь уверен, трогать тебя побоятся, но это еще не значит, что факт твоего существования смиренно примут. Воздействовать можно по-разному... идем домой, пока ты не простыл. Поверь, некрманты болеют точно так же, как простые смертные, а в соплях радости нет.

Йонас тряхнул головой, и брызги разлетелись. Повернувшись к Кирису, он велел:

— Идем.

И зашагал бодро куда-то вниз.

Он шел, будто спеша раствориться в серых сумерках. И Кирис едва поспевал следом. Странно. Мальчишка не бежал, а вот поди ж ты...

По лицу хлестанула мокрая ветка, и Кирис остановился.

— Подожди.

— Идем, — Йонас оглянулся. — Дождь. След тает. Он и без того не слишком... явный. К слову, ты поверил, что бабка действительно собиралась отдать мне клинок?

В полумраке сталь казалась черной.

— Я вот нет... то есть что его сперли, поверил. Но недавно... да... а я с ума схожу лет этак с десяти. Знаешь, каково это, каждый день вставать, не зная, убьешь ты кого-нибудь или нет?

— Не знаю.

У Кириса получилось догнать мальчишку.

Они добрались до края старого парка, который плавно перетекал в лес. Здесь было уже не сумеречно — откровенно темно. И в темноте этой влажной шелестели листья, что под ногами, что на ветвях. Дождь шел. Он прорывался сквозь дырявое покрывало листвы, чтобы сползти по веткам, напоить темные мхи и гнилые травы.

Кирис зажег светляка, но мальчишка покачал головой и попросил:

— Не стоит. Моя... сила не очень любит другую, — он поежился и чихнул. — Проклятье, а ведь действительно заболел...

— Сходи на кухню, попроси, Йорга тебе трав заварит.

— Старая ведьма... еще отравит.

— Тебя — нет.

— Даже так? Что ж... — он вновь чихнул и осторожно двинулся вперед. Теперь он не несся, но ступал, прислушиваясь к каждому своему шагу. И выражение лица стало таким... ищущим.

Кирис держался позади, надеясь, что в темноте, которая, к счастью, уже не казалась ему крошечной, он не потеряет подопечного.

Шаг.

И еще.

И старое дерево с кривыми ветвями. Его ствол белеет в темноте, поднимаясь из белого же камня. На дереве не осталось ни одного листа, и выглядело оно, честно говоря, отвратительно. Но Йонас, опустившись на колени, нежно провел по стволу ладонью. Потом коснулся камня и скривился:

— Здесь, — сказал он. — Ее убили здесь. Сначала перерезали горло, а потом... поищи...

Он взял палочку и поковырял плотный полог листвы. Вытащил что-то... осклизлое, вязкое с виду и стряхнул.

— Вот и глаз...

Кириса замутило.

— Кстати, — Йонас сел в кучу прелых листьев, вытянул ноги и закрыл глаза. — Здесь хорошо. Настолько хорошо, насколько это вообще возможно... помнишь, я тебе рассказывал про предыдущего папенькиного секретаря? И его здесь убили... и тело тоже закопали неподалеку. Все тела закопали неподалеку.

— Покажешь?

Сауле пела.

Сильный голос ее наполнял дом, и не были ему преградой ни стены, ни тонкие двери. И ладно бы оперу пела, но нет, портовую пошлую песенку.

Матерную.

Она сидела в холле, забравшись с ногами на белый кожаный диван, сунув под голову расшитую подушку, и пела. В одной руке Сауле держала бутылку коньяка. Во второй — соленый огурчик, с которого капало на белый диван, но это обстоятельство нисколько ее не смущало. Белая мужская рубашка шла ей, подчеркивая огненную красоту, а вот чулки в сеточку казались пошловатыми, как и алые подвязки, которые крепились к алому же поясу для чулок. Нижнее белье, что характерно, того же вызывающего алого цвета, поблескивало драгоценными камнями.

— А... это ты... мышь серая... рыжая, — Сауле помахала бутылкой. — Выпьешь?

— Спасибо, воздержусь.

— Не будь занудой.

Рута, державшаяся за моей спиной, отступила, а после и вовсе опрометью бросилась наверх. Кажется, встречаться с пьяной теткой ей не хотелось.

— Племяшечка... такая очаровательная девочка... умненькая... это плохо. Умным девочкам приходится думать, а когда начинаешь думать, голова болит.

Сауле покачала ногой, и туфелька, державшаяся лишь на носке, шлепнулась на пол.

— Упс... мою матушку не видела?

— Нет.

— Странно... наверное, опять в теплицах своих пропадает. Как думаешь, кого отравит первой? Тебя или меня? Ты ей надоела, да и я тоже... и Лайма. Хитрая сучка.

— Почему?

Сауле приложилась к бутылке, сделала глоток и не по морщилась.

— Потому что... Марику кажется, что его женушка вся такая... несчастенькая... сохнет по нему... до сих пор... а что любовники, так это от женской тоски. Он у нас очень самолюбивый. Ты заметила?

— Заметила.

— Садись куда, — Сауле махнула рукой с огурцом и поморщилась, когда влажная капля шлепнулась ей на нос. — Поболтаем, а то тоска смертная... тебе мой женишок как, глянулся?

— А тебе?

— Зануда. Благородная зануда. Вот как так получилось, что благородство осталось лишь среди таких, как он? Мы ведь эйты... опора и надежда... — Сауле явно кого-то передразни вала. — Его мой братец схарчит и не подавится. И тебя... что он тебе пообещал, что ты из своей норы высунулась?

— Развод.

— Думаешь, даст?

Я промолчала. Чем дальше, тем больше у меня возникало сомнений. Нет, документы имелись, они остались на Ольсе, а там чужаков не бывает, а уж тайник с камнями и вовсе скрыт от посторонних глаз.

— Прикидываешь, где он тебя наколол? Не пытайся, не угадаешь... скотина он. Редкостная. И ублюдок. Мне вот тоже обещал... не важно.

Она села и икнула.

Прикрыла рот рукой, но вновь икнула.

— Кажется... я слегка... перебрала... ты не слушай Марика... он хорошо поет, красиво... он знает всех нас... отлично знает... изучил, тварь этакая... каждому скажет, что хочет услышать... подцепит... будет трясти обещанием, что морковкой перед носом. А ты станешь прыгать, из шкуры вон лезть... сама не заметишь, как запутаешься. Хочешь, расскажу секрет? — Сауле поманила меня, и я наклонилась. — Ему нельзя верить! Совсем нельзя!

— Опять нажралась, — голос Мара заставила нас с Сауле отпрянуть друг от друга. Она зажала рот рукой, а в глазах появился... страх?

Она боялась?

Впрочем, он ушел, зато Сауле подняла бутылку.

— Твое здоровье, дорогой братец... чтоб тебя... Джар прибрал и поскорее.

Она сделала глоток.

— А то ведь скучно ему там... без тебя-то...

— Не обращай на нее внимания, — Мар подал руку, и у меня как-то мысли не возникло ее не принять. — У Сауле и трезвой фантазия чересчур буйная, а уж когда выпьет...

— О да... конечно... — Сауле плюхнулась на диван и, подняв бутылку, пристроила ее на груди. Благо коньяка оставалось на донышке, — фантазия... это все мои фантазии... кровь на руках... из носу... да... она так идет, как правило, из носу и на руки... где ты был, братец? Скажи, где ты был в тот день, когда шел дождь?

— О чем она?

— Обычный пьяный бред...

— В тот день шел дождь... он пришел... мокрый... помнишь? Весь до ниточки... и на манжетах кровь... я знаю... а еще знаю, что после той ночи Корн поклялся тебя убить... ему запретили. Зря, конечно, но ты был нужен королю. А доказательств не хватало, вот и нашли себе козла отпущения. Но я... ты же не знал, что я тебя видела, иначе не пожалел бы... ты решил, что опять переиграл всех. Только этого мало-мало... потому ты Кири вытащил... благодарность — веская причина не задавать вопросов.

И служить... Марик любит, когда ему служат. Верой и правдой. Правдой и верой. Но от самого не дождешься ни того, ни другого...

Мар почти силой потащил меня прочь. Пальцы его стиснули руку, и так, что не дернешься. А выражение лица... о да, он был в бешенстве, мой пока еще действующий муж, который все-таки станет бывшим, чего бы это мне ни стоило.

— Не обращай внимания, — процедил он сквозь зубы. — Обыкновенный пьяный бред.

— Эй, — донеслось из холла. — Скажи, когда ты рыжего на тот свет отправишь, я стану, наконец, свободна?

— Сука.

Меня практически вытолкнули в узкую дверь, и та громко захлопнулась за спиной. А Мар остановился, вытер лицо и сказал:

— Извини. Иногда Сауле переходит все границы... я долго терпел ее выходки, надеялся, что она образумится, но... всему приходит конец. В этом доме пора что-то менять.

— Ты дашь мне развод? — поинтересовалась я.

— Конечно.

Слишком... бодро. Чересчур уверенно. И вот эта его привычка заглянуть в глаза, убедиться, что собеседник слышит и верит... главное, что верит.

— Мы же договорились.

— Конечно, — я улыбнулась. — Договорились. С чего бы мне опасаться, что ты нарушишь данное слово?

Тем более документы были.

Лежали.

В тайнике. И значит...

— Не с чего, — Мар потер глаза. — Проклятье... устаю, как собака... я хотел с тобой поговорить. Но, наверное, не здесь... ты была на галерее? Ее мой дед построил. Мои почти туда не заглядывают. Мать высоты боится, хотя в жизни в этом не признается. Сауле плевать. Остальные как-то слишком собой заняты.

Галерея, так галерея.

Здесь и вправду было красиво.

Узкая каменная лента вытянулась вдоль стены. И той стены, что выходила на море. Пожалуй, я понимаю, почему галерею построили именно здесь. Море было...

Диким.

Сизым.

Злым.

Оно гнало волну за волной, и некоторые поднимались мокрыми звериными лапами, словно желали добраться до этой глупой человеческой придумки.

Черное небо.

Клубки туч, сквозь дыры в которых виднелось белесое солнце. И грохот. И гром. Дом дрожит, и галерея, крепившаяся к нему на тонких каменных лапах, тоже вздрагивает. Едва заметно.

— Окна поставил уже я, а то находиться здесь было не возможно.

Стекла покрылись мелкой рябью.

— Ветер такой, что сдувало напрочь. Деду нравилось. Он говорил, что только здесь, наедине со стихией, мог позволить остаться собой.

Мар осторожно стиснул пальцы.

— Мне показалось, ты оценишь.

Я оценила.

И море.

И небо. И грозу, что надвигалась черным фронтом. Белые нити молний, выглядывавшие из разодранного неба. Да, определенно это место стоило того, чтобы быть.

— Я прихожу сюда, когда совсем тошно на душе становится. Пожалуй, ты способна меня понять. Ты всегда была единственной, кто способен меня понять, — он смотрел на море, но я все равно ощущала его внимание. Неправильное.

Настойчивое.

Проклятье.

— Чего ты хочешь?

Небо шло черными пятнами, словно рытвинами. И ветер метался по побережью, норовя ухватить море за холку. Иногда у него получалось, и тогда море ярилось, поднималось на дыбы, все выше и выше, обнажая острые скалы, которые до того бережно прятало.

— Знаешь, это самый сложный вопрос, — Мар опустил на корточки. — Садись... если, конечно, тебя приличия не гнетут.

Я села.

Почему бы и нет? Камень галереи был слегка теплым, а еще шершавым на ощупь.

— Раньше мне всегда казалось, что я точно знаю, чего хочу. Сначала — возродить семейное дело. Это больно — видеть и понимать, что твой род вот-вот погаснет, что еще немного и от былой славы останется этот забытый богами остров.

— Мне кажется, не совсем забытый. Скорее наоборот.

У Мара дернулась щека, и на мгновение на лице его мелькнула злая гримаса.

— Доложили? Конечно, сложно ждать, что тайна останется тайной... да и какая это тайна? Мальчишке не повезло. Раньше... наш род время от времени выделялся среди прочих. И мать живет памятью о былом величии. Ей хочется выделиться, но... я определенно не уверен, что она не спутала благословение с обычным безумием. Мы часто видим то, что хотим видеть. — Мар повернулся к морю. — Даже если я ошибаюсь, то... некроманты больше не нужны. И не только они. Роль магов постепенно уменьшается.

И это факт. Прогресс не стоит на месте. Если сотню лет назад цеппелин не поднялся бы без мага на борту, то сейчас достаточно аккумуляторной батареи и команды, способной читать приборы. Сила больше... почти ничего не значит.

Хорошая тема, пожалуй.

Нейтральная.

Но сам факт беседы... когда-то давно, когда я еще наивно верила, что у меня самый чудесный муж в мире, мы порой разговаривали. И про роль магии в современном мире тоже. Правда, тогда Мар придерживался совсем иных взглядов.

Изменился?

Или... просто говорит то, что мне хочется услышать?

— Объективная ценность толкового инженера куда выше, чем средней руки эйта с безупречной родословной. Наша единственная возможность не оказаться ненужными — это возглавить прогресс. Дать инженерам базу для работы. Помочь. Направить.

— Проконтролировать и реализовать чужие идеи.

Мар рассеянно пожал плечами: мол, само собой, всем ведь хочется жить, и желательно неплохо.

— Вместе мы меняем мир. Вместе. Чего стоили твои таланты без материальной базы? Без инструментов и расходных материалов? Без помощников, которые бы взяли на себя часть муторной работы? Да и без рынка сбыта? Я знаю, ты делаешь амулеты... весьма приличные амулеты, но... разве об этом ты мечтала?

Молчу.

Я не стану ему помогать. Я бы и вовсе ушла, но... нужен повод. Мар ведь не делает ничего, что нарушило бы безмолвный наш договор. Мы просто разговариваем. И это моя беда, если разговор кажется немного двусмысленным.

— Оглянись. Мы построили порты и причальные башни на каждом треклятом острове, даже там, где нет ничего, помимо пары рыбацких деревень. Мы построили их, и люди перестали зависеть от милости эйтов. И да, многие были не довольны. Очень недовольны... я пережил пять покушений и несколько попыток дискредитировать проект. Не говорю уже о такой мелочи, как подкупы строителей, затягивание сроков, завышение стоимости и многое иное... но мы справились. И теперь любой человек может просто купить билет и перебраться с одного острова на другой. А программа поддержки молодых талантов? Тебе пришлось сложно, но теперь ты бы просто могла подать

документы в комитет и получить коронную стипендию...

— А платить чем?

— Отработкой, само собой. Но это тоже хорошо, ведь человека, в которого вложены государственные деньги, не станут держать среди рабочих просто потому, что родом не вышел. Нет, мы уже получили сотни специалистов, которые разошлись по десяткам конструкторских бюро. Они отдадут десять лет жизни, но в итоге вновь же помогут королевству стать лучше...

Десять лет...

Десять лет, если подумать, немного. Хотя... вполне достаточно, чтобы привязать человека к месту. Убедить, что иного не стоит и желать, что все-то в его жизни хорошо...

— Видишь, не такое я и чудовище... это была моя идея.

— Рада за тебя. И за них.

Рука Мара осторожно накрыла мою ладонь.

— Все еще не веришь? Правильно... я заслужил. Я был молод и глуп, пошел на поводу у матери, которая требовала внука... как же, род... уязвимое положение. И теперь оно не стало менее уязвимым. Йонасу мои дела совершенно безразличны...

— Рута...

— Выйдет замуж и что, отдавать мое дело какому-то проходимцу в надежде, что он его не развалит?

— А самой...

— Не надо, — попросил Мар. — Здесь все немного иначе... и посмотри на мою мать. Она вполне могла бы заняться делами, но ей они просто не интересны. Нет, она предпочитает блистать. Лайма... в последнее время нашла себе развлечение, но она бросит его, стоит попросить. Или отдаст. В этом слабость женщины. Любовь к кому-то... чему-то... делает вас слабыми.

Его рука была горячее и не скажу, чтобы прикосновение это было мне неприятно.

— Вы слишком эмоциональны, позволяете обидам управлять собой, настоящим или выдуманным...

Я убрала руку, обняла себя за колени.

— Как сейчас... столько лет прошло, а ты так и не сумела меня простить, — сказано это было с легкой печалью. А отвечать я не стала. Во-первых, сомневаюсь, что меня услышат: и в прежние времена Мар обладал удивительной способностью слышать лишь то, что ему было нужно. А во-вторых... зачем?

— Да, я обидел тебя... и признаю свою вину, — он слегка наклонил голову. — И не собираюсь делать вид, что ничего такого в прошлом не было... но это прошлое. Его стоит отпустить. Дать себе свободу.

— Я вполне свободна.

— В той убогой дыре?

В той убогой дыре, где остыла, наверное, моя печь. И стало быть, по возвращении ее можно разобрать, оценить степень износа. А заодно взглянуть на руны свежим взглядом. Сдается мне, в некоторых связках я допустила непозволительную многослойность, что не могло не сказаться на качестве камней. Если пересмотреть их...

И добавить кое-какие плетения четвертого уровня, которые еще надо придумать, как состыковать с остальными...

Можно, исключительно теоретически... да, теоретически... стабилизировать камни на последнем этапе. А с учетом того, что розовые алмазы до отворачивания нестабильны и процент выхода их отвратительно низок.

Да, в печь я загляну.

Всенепременно.

— У каждого своя дыра, — мысль о работе настроила меня на благодушный лад.

— Я могу дать тебе лабораторию. Оснастить по последнему слову техники...

Лаборатория у меня имелась, и весьма неплохая. Подозреваю, что оснащена она была если не по последнему слову, то всяко к тому близко. Я, честно говоря, понятия не имею, где сала Терес добыл гравер с прикрепленной графитовой доской, масштабирователем и контролем глубины рассечения...

И во что он обошелся.

Хотя... подозреваю, что те пару алмазов, которые я покрыла особой вязью, — ни один ювелир не справился бы — машинку окупил. Амулеты вышли необычайно мощные.

А времени работа отняла всего ничего.

Расчеты.

Цепочка.

Подбор масштаба и толщины луча, пара осколков на пробу... в общем, хорошая машинка. И анатор с функцией поддержания нужной температуры, возможностью быстрого нагрева или остывания и заданным повременным циклом. И... и много других, до крайности полезных вещей, у меня было. Да...

— Команду... немного подучишься, все-таки квалификацию ты на своих амулетах растеряла, но это восполним. Ты умненькая.

— Спасибо.

Кажется, сарказм Мар не заметил.

— Соберешь собственную команду. Над чем ты там работать хотела? Низкоуровневые энергетические потоки? Подумаем, как это выразить, чтобы практическая польза была... или новое что-нибудь подберем. Ты знаешь, в последнее время очень перспективна стала разработка косметологической продукции... мы даже строим завод...

— И тебе нужны схемы?

Мар развел руками.

— Я же говорю, магия становится доступна всем. И не грех на этом заработать. Если боишься, оформим патент на твое имя...

— Пока оно соответствует твоему.

Тихий смех был мне ответом.

— Можем составить договор. Получишь часть акций на правах изобретателя. Слушай, тебе самой не скучно клепать эти вот...

Нет.

У меня станок имеется. Староват уже, это и сала Терес осознает, и не меняет лишь потому, что мне потом вновь придется новый настраивать, а это дело небыстрое. Я старый пока до ума довела, пару месяцев потратила.

Зато заготовки он штампует отлично.

А дальше остается их из аппарата под гравер перенести и камни вставить. Вот камни приходится вручную, по старинке, обрабатывать. Мы пробовали шлифовальный аппарат, но он оказался вовсе не так точен, как обещала реклама.

— Подумай... ты получишь стабильный доход...

— Которым будешь распоряжаться ты?

— Лишь до развода...

— Вот именно, Мар, — я щелкнула его по носу, не удержалась. Помнится, его весьма раздражала эта моя привычка. — До развода... я ничего не буду делать до развода. А вот после... мы вполне можем сработаться.

ГЛАВА 33

Кости поднялись к поверхности земли.

Это выглядело, честно говоря, жутковато. Вот мальчишка, опустившись на четвереньки, кружит, то и дело расширяя радиус этого самого круга. Он, промокший до нитки, в облепившей тело рубашке, выглядит настоящим безумцем. Вот только от прикосновений этого безумца из земли поднимаются кости.

Первым показался беловатый купол черепа.

За ним из-под листвы выглянула берцовая кость... а вот и кисть, словно побеги неизвестного кустарника. Чуть дальше показалась темная грудная клетка. Меж ребрами застряли листья и пара корней.

Снова череп.

Еще один.

Кости выползали. Земля подчинялась некроманту, а Кирису оставалось лишь смотреть и надеяться, что этих самых костей хватит, чтобы убедить Мара.

Или в бездну Мара?

Сказать придется. И Мар будет зол: некоторым тайнам не стоит выходить на свет божий.

— Все, — Йонас поднялся и потянулся. — Хорошо-то как...

Он вытер грязные руки о штаны и, оглядевшись, присвистнул.

— А неплохо они тут... погуляли.

— Что мне с этим делать? — не то чтобы Кирису нужен был совет. Решение он принял, только... от этого менее тошно не стало.

— Что хочешь... если надо, могу обратно закопать.

Мальчишка поднял череп, покрутил в руках и отложил.

— Хорошая была женщина... моя нянечка, я ее помню прекрасно. Знаешь, она мне сказки рассказывала. Про богов, про некромантов. И не боялась. Говорила, что простым людям надо других людей бояться, а без некромантов раньше никак...

Он погладил череп кончиками пальцев и застыл, прислушиваясь к чему-то.

— Она умерла здесь. Они все умерли здесь. И вариантов немного, верно?

— Что?

— Когда это началось, я был мал. Сестрица моя и давно... мать... она и вправду тогда слегка не в себе... сбежала. Стало быть, остается или бабка, у которой нож хранился, а хранить подобные вещи — себе дороже... или тетка. Или отец.

— Ты всерьез?

— Почему нет? — Йонас осторожно положил череп у корней мертвого дерева. — Или ты еще веришь, что он добрый?

Каким-каким, но добрым Мара назвать язык не повернулся. Он был... практичен. Пожалуй, что так. Он не стал бы убивать без нужды, вот только если бы нужда появилась...

— Если хорошо подумать, — мальчишка присел на корточки у черепа и заглянул в пустые глазницы. — Если очень хорошо подумать, то... я ведь неспроста стал таким.

Кирис огляделся.

Кости казались вполне себе гармоничной частью этого места. Они устилали землю серо-желтым хрупким ковром, зарывались в листья, прятались меж корнями, подбирались к самому камню, становясь будто бы его продолжением.

Следовало признать: дело давным-давно вышло за пределы его компетенции.

— Ты бы поспешил, — из глаз мальчишки глядела темнота. — То, что я сделал... нельзя не заметить. Если это и вправду кровь... сила... услышат. А услышав, позаботятся, чтобы лишних людей не было. И не важно, замешан отец напрямую или нет, но... скандала он не допустит.

И стоило признать его правоту.

Гроза набирала обороты.

В какой-то момент ветер взвыл на сотню голосов, а дом содрогнулся.

— Иди к себе, — Мар не просил, он приказывал. И выглядел обеспокоенным. — Надо поднять щиты. К сожалению, здесь порой случаются грозы, которые могут напугать с непривычки.

Спорить я не стала.

Компания супруга, который больше не заговаривал о делах, но вдруг сделался до отвращения милым, нервировала. Он вспоминал...

Те ландыши, которые воровал в оранжерее. И его дважды ловили, делали выговор. Он конечно, мог бы купить, это обошлось бы дешевле, чем платить штрафы, но душа требовала подвига во имя прекрасной дамы.

Ужины на крыше.

Покрывало, найденное мной в лавке старьевщика. Оно было сшито из лоскутков и вид имело довольно-таки непрезентабельный, и Мар не единожды предлагал мне купить новое, но я упрямо отказывалась. Я держалась за это покрывало.

И за посуду разномастную.

Тарелку с лиловой каймой. Те же ландыши, но какие-то нелепые, будто нарисованные ребенком. Или вот кружка из зеленого с крапинами стекла.

Корзинка для пикника.

Небо низкое.

И наши разговоры. Игру смешную — на что похоже облако. Детям позволено играть, а мы взрослые. Нам тогда казалось, что мы взрослые. Но ведь было хорошо, верно?

Верно.

Было хорошо. Было просто замечательно. А стало больно, отчасти потому, что все эти пикники на крыше, прогулки под дождем и его маленькие подарки, вроде тех шоколадок, которые я обнаруживала в сумке, оказались ложью.

Только про ложь Мар не вспоминал. Благоразумный... и наверное, будь я немного моложе, слегка наивней, я бы поверила, что он и вправду сожалеет о прошлом. Нашем общем таком замечательном прошлом, которое ныне — как старая открытка с полустертым рисунком. И эта его незавершенность дает волю фантазии.

Придумай, что пожелаешь.

Я ушла с галереи.

А Мар держался рядом. Он просто был, просто говорил, и как-то сама не замечая, я отвечала... кажется, даже улыбалась, потому что память — она такая, предательская, так и норовит подкинуть что-то неуместное, неподобающее.

Столовая.

И чай.

И свечи, потому что во время грозы энергетические контуры становятся нестабильны. И вообще свечи — это почти романтика... тишина. Бьющееся сердце, без причины. Мар, который держит чашку на ладони и жмурится довольно. И умом я понимаю, что он что-то задумал и его задумка для меня опасна, но...

Чай хорош.

Булочки тоже к месту. А Этна замерла, будто и ее убаюкали эти истории. А потом ветер взвыл,

перекрывая голос Мара, и очарование рассеялось. Содрогнулся дом. И Мар встал.

Сказал:

— Иди к себе.

А я... я воспользовалась предлогом, чтобы сбежать. И уже у себя, закрыв дверь, восстановив защиту, прижалась к стене. Прижала ладони к горящим щекам, пытаюсь справиться с дрожью в ослабевших коленях. Я дышала часто, тяжело, а сердце бухало, болью отдаваясь в груди.

Что это было?

Это... неправильно.

Взгляды.

Прикосновения... этот вечер памяти, будто Мару заняться больше нечем... завод? Не в заводе дело... тут все и вправду можно решить. Оформить патент на Корна, а он уже подпишет договор на производство, да и... сомневаюсь, что прибыль будет так велика, чтобы Мар затеял новую игру.

А ведь игра.

Со мной.

Кошка и мышка... мышка и кошка...

Я сползла по стене и обняла себя. Все понимаю, но... это ведь воздействие какое-то? Сейчас я могла мыслить более-менее здраво, а недавно... боги, я хихикала, как девочка подросток... и пожелай Мар меня поцеловать...

Ментальное?

Нет, все мои амулеты молчали.

Тогда... очередные руны? Старые знания, казавшиеся утраченными? Спрашивать бессмысленно, Мар не ответит. А ведь... если подумать... тогда, много лет назад, я не собиралась с ним сближаться. Я понимала, что мы слишком разные, чтобы надеяться на сказку... а потом вдруг...

Любовь случается.

Но может ли быть так, что любовь случается по расписанию?

Дом вновь содрогнулся, а Этна вдруг зашевелилась. Она выбралась из сумки и, вскарабкавшись на плечо, засвистела.

— Что-то чувствуешь? — поинтересовалась я, окончательно успокаиваясь.

С острова надо уходить — это факт. И как только уляжется буря, я... не знаю, отправлю письмо Корну.

Потребую увезти меня.

Попрошу рыжего...

Главное, больше не оставаться с Маром наедине. Вот чувствую, ничем хорошим это не закончится. А еще... если кто-то что-то и знает, то Лайма.

— Думаешь, стоит поговорить?

Чувствительные волосы, покрывавшие тело Этны, стояли дыбом. А вихри силы... да, остров был не просто насыщен — перенасыщен энергией. Вязкой. Тяжелой. Обволакивающей. Способной лишь разрушать.

С другой стороны...

— От дармовой силы никто не откажется, — я вытащила шкатулку с пустыми камнями. Их было не так уж и много, чуть больше полусотни, но зато собрались самые яркие.

Чистые.

И с правильной огранкой.

Я разложила камни под кроватью, где уже набралось пыли и стоило бы кликнуть горничную, но...

не было у меня доверия к местной прислуге. Уж лучше пыль, чем кто-то, кто попытается сунуть нос в мои дела. Прикрыв алмазы носовым платком — не самая надежная защита, но нужна она скорее формально — я начертила пару рун концентраторов. Лучше бы, конечно, на свинцовой пластине, с другой стороны, где мне здесь пластину искать?

Да и вопросы лишние не нужны.

— Вот так... потом подумаем, что с ними сделать, — я вытерла руку о штаны. — Идем. Лайму поищем. Такая погода, помнится, весьма располагает к откровениям...

Когда огромный старый вяз покачнулся и медленно, с явной натугой, стал заваливаться набок, Кирис понял: прогулка как-то слишком затянулась.

— Идем, — он схватил мальчишку за руку, поразившись лишь тому, насколько та холодна. — Скорее... пока нас не смыло.

Дождь, будто того и ждал, рухнул с небес водяной стеной. Она пробила, смяла потрепанный ветром лес. Омыла камни. Оплакала людей и потоками устремила к морю, унося с собой и листву, и мелкие ветви, и частично — кости.

— Погоди, — мальчишка вырвал руку и, распоров запястье, плеснул кровью. Впрочем, той Кирис не разглядел. В потоках воды вообще было сложно разглядеть хоть что-то. — Теперь они не уйдут... будут ждать.

— Чего?

Приходилось перекрикивать ветер, который крепчал. Он налетал то слева, то справа, словно играючи толкал деревья, выкручивал лапы ветвей, сдирал остатки листвы, которая мешалась с дождем. И Кирис в какой-то момент понял, что понятия не имеет, куда идти.

— Сюда, — мальчишка сам схватил его за руку, стиснул и потянул. — Идем.

Он вел, верно, по своему чутью, которое позволяло продираться сквозь мокрые заросли. Где-то рядом ухало, ахало, что-то трещало или вот стонало совсем по-человечески.

Ноги разъезжались в грязи.

Промокшая одежда липла к телу. А небо прошивали молнии, одна за другой.

В какой-то момент их стало так много, что темнота отступила. Именно тогда Кирис и увидел темный силуэт дома, прикрытый дождем.

— Под землей пойдем, — мальчишка разжал ледяные свои пальцы. — Папаша, небось, защиту поднял... только она все равно кривая.

— Защиту?

— А ты разве не чувствуешь? Сила... — он замер на пороге, подняв лицо к небесам, воздев руки, будто приветствуя их. — Сколько силы... ее так долго собирали, а теперь просто отпустили... красиво, да?

— Пожалуй.

Такой красотой Кирис предпочитал любоваться со стороны, а уж когда разлапистая молния коснулась мальчишки, впитавшись в рукоять его кинжала, и вовсе содрогнулся.

— Не бойся, — теперь глаза Йонаса казались черными, — мертвые не причинят вреда... и он... он позволит мне самому... судить... в этом суть, понимаешь? Мы не хозяева мертвецам... мы... только судьи...

А в следующее мгновение Йонас покачнулся и мешком осел на землю.

Вот же...

Тело его, внезапно отяжелевшее, оказалось донельзя неудобным, но Кирис втянул его в дом. Внутри было сухо... хотя бы сухо. Правда, и холодно. Но имелся камин, а древний стул, найденный в соседней комнате, разлетелся от пары ударов. Огневик вспыхнул легко, и также спокойно пламя перекинулось на дерево. Оно вгрызлось в остатки мебели жадно, тепло давало ровное.

Что ж... для начала сойдет.

А там Кирис видел еще стулья, да и в целом мебели в доме хватит на пару дней. Кирис скинул грязную одежду и поежился. Холодно. Даже у камина холодно. Поднявшись наверх, он стянул с кровати покрывало, прибрал и матрас. Можно было, конечно, сходить в поместье, но оставлять мальчишку одного категорически не хотелось. Некромант он или нет, но что-то подсказывало, что теперь Йонас беспомощней котенка.

Он не пошевелился, когда Кирис содрал с него одежду. Белое тело, ледяная ровная кожа, сквозь которую проступали синеватые ребра. Грудная клетка вздымалась, мальчишка дышал, но в себя приходил отказывался наотрез.

Как и отпускать злосчастный клинок.

Кирис подтащил к камину хлипкую с виду козетку, но мальчишку она выдержала. Набросив на тощие плечи покрывало, сложенное в несколько раз, Кирис сам приблизился к огню. Он позволил пламени почти выбраться, почти коснуться ладоней, и жар его немного отрезвил.

Выходит...

Дерьмо выходит. Редкостное. От такого, даже если кругом непричастен, не отмыться.

Мар... не знал?

Делал вид, что не знает? Не имеет значения. Это его остров и, стало быть, он в ответе. Так скажут. И потребуют отставки.

Всего-навсего отставки.

Шелест моря стал более явным. Оно кралось к порогу, оно выбралось, переползло через череду острых камней, вскарабкалось по тропинке и теперь шло... к Кирису? Или за ним? Страшно? Ничего, со страхом он справится...

Телеграмма...

До телеграфа еще добраться надо. А Мар умеет чувствовать людей. И сохранять родовые тайны... там, где много мертвецов, еще один ничего не изменит.

Или два?

Мальчишку ведь тоже не пощадит. Если узнает. Когда узнает... одно дело — безумец, которого держат взаперти, чтобы не смущать знакомых. И совсем другое, как мальчишка сказал?

Некроманты — судьи Джара?

И стало быть, на этом острове давно неладно, если появилась нужда в таком судье. А в дверь все-таки постучали, и Кирис открыл ее, даже не спросив, кто по ту сторону.

И без того понятно: море.

В комнатах Лаймы не было цветов.

И фигурок.

Да и сами эти комнаты... серые стены. Простая мебель. Стол у окна. Темные занавески, прихваченные простыми лентами. Стопка бумаги, придавленная розовым шаром пресс-папье.

Секретер.

И зеркало в половину стены.

В нем отразилась нелепая некрасивая женщина с коричневой от веснушек кожей и волосами, которые торчали, будто иглы ежа. Впрочем другая, сидевшая напротив зеркала с бокалом вина, выглядела не лучше.

В отражении.

Она была чересчур худа и бледна. Ее кожа обтягивала череп плотно, подчеркивая некоторую неправильность его. Ее губы казались блеклыми, выцветшими, а в светлых волосах набралось седины. У настоящей Лаймы та была незаметна, а вот у отражения...

— На редкость поганое создание, — сказала Лайма, протянув руку к той, которая подалась навстречу. — Все хочу выкинуть, да... отрезвляет. Взглянешь поутру, и сразу становится ясно, что

сегодня лучше не стало. Садись.

Она курила.

Тонкий мундштук черного цвета с тонкою же сигариллой и тонкой нитью дыма вполне себе гармонировали с образом, как и темное платье строгого кроя.

— Я не понимаю, что здесь происходит, — я присела на край кресла.

Жесткое.

Просто дерево. Полированное. Ни обивки, ни подушки даже. И у самой Лаймы такое же.

— Этого никто, думаю, до конца не понимает, — Лайма прикрыла глаза. — Хочешь? Хорошая трава... душу отпускает.

— Нет, спасибо.

— Боишься? Правильно... ее недаром запретили, но... некоторым можно и то, что нельзя, если очень хочется. А мне не просто хочется, мне бы с ума не сойти... к нему тянет, правда?

— К Мару?

— А то ж... он с нами, как кошка с мышью... отпустить, позволить поверить, будто свободна и... потом позвать. Угостить лаской. Нашептать на ухо очередную порцию правды... то есть ты знаешь, что лжет, скотина, но все равно отчаянно веришь, что это правда. Я поэтому и держу это зеркало. Оно хотя бы никогда не лжет.

Я погладила полированный подлокотник.

— Мар ведь... воздействует, верно?

Лайма пожала плечами.

— Это родовой дар?

Еще одно пожатие.

Сладковатый дым дурмана полностью затуманил ее разум. И разговаривать сейчас бесполезно. Я вздохнула...

— Камни, — вдруг произнесла Лайма и, как показалось, та, которая в зеркале. — На Островах появились камни... алмазы... хорошая чистота, размер отличный... цвета... знаешь, цветных алмазов не так и много. А здесь...

Сердце обмерло.

Да не мог он этого узнать! Не мог и все... алмазы никогда не входили в сферу моих интересов. И вообще... они понадобились как ресурс и все, а что у нас получилось чуть больше, чем я рассчитывала, так это просто везение такое.

Или невезение?

— Мар... с год тому приобрел партию... ему предложили, а он никогда не отказывался от выгодных предложений, даже если не совсем законных, — Лайма уронила сигарету, и отражение поднесло некрасивую руку к приоткрытому рту. — Сперва думал, что это контрабанда. Империя, в отличие от островов, богата, да... и умелый человек многое способен привезти.

На это мы и рассчитывали.

Клеймо подделывать воздержались, все же это не так и просто, да и уровень защиты в нем куда больше, чем кажется на первый взгляд. Но в Империи с полдюжины шахт и не везде контроль за добычей стоит на должном уровне.

— Камни были хороши.

Лайма гладила пальчиками верхнюю губу. Проводила вправо и затем влево, и снова вправо.

— Мар пришел ко мне... он хотел еще. Ему всегда мало, да... во всем мало... денег мало... власти недостаточно... особенно если над людьми. Власть — вообще такая вещь, которой никогда не бывает слишком... не для таких, как Мар... так получилось, что... у меня есть кое-какие знакомства... мне не показалось это сколь бы то ни было важным. Камни... разовая поставка... свела Мара с имперцами... не подумай, он не собирался торговать секретами. Ему нужны были камни, которые

действительно оттуда.

Проклятье!

Мы думали об этом, все-таки химический состав камней будет отличаться, но вот чтобы кто-то рискнул купить и известить пару алмазов на проверку. Вероятность показалась нам ничтожной.

— Он сумел дотянуться до всех... из каждой шахты...

Лайма захихикала и поспешно зажала себе рот.

— Тише... ты не говори... он не должен знать, что ты знаешь. Это испортит ему всю игру, и тогда Мар разозлится. Ты не представляешь, на что он способен, когда злится...

И представлять не хочу.

Значит, развод — это так... это чтобы поманить, выдернуть меня с Ольса, где при всем моем желании Мар ничего не мог мне сделать. Там. А здесь? В теории... если по закону... законы я знала теперь, успела изучить, да только сомневаюсь, что они мне помогут.

— Правильно, — Лайма подняла палец. — Здесь он хозяин... всегда... поэтому будь осторожна... я тебя все еще ненавижу, но понимаю, что ты не виновата... Мар год камни покупал... собирал... пытался понять.

— И решил, что я их сделала?

— Что их сделали, — Лайма подняла палец, а ее отражение в зеркале препохабно усмехнулось. — В этом все... их сделали... а кто?

— Кто?

Получилось, пожалуй, слишком нервно.

— Он и вправду думает, что я... что если бы у меня были алмазы, я бы...

— Он не думает. Он знает, что ты — единственный инженер, который не связан контрактом и кровью. Все... даже выпускники старших курсов... они теперь подписывают не просто бумаги, а на крови, да... и условия... ты бы почитала на досуге, чтобы понять... это как душу продать. Дорого, да... но потом... кто отпустит нужную душу на свободу?

Женщина в зеркале смотрела на меня.

Прямо.

Зло. Не скрывая своей злости и ненависти. А мое отражение выглядело откровенно жалким. И при одном взгляде на него становилось очевидно, что никаких алмазов у меня нет... нет и быть не может... сегодня же в море утоплю, пока Мар не удосужился обыскать мои вещи.

Ладно, сегодня буря.

Утоплю завтра.

— Он тебя не отпустит, — покачала головой Лайма. — Даже если выяснится, что камни не твои, он тебя все равно не отпустит. Он слишком долго пытался добраться, чтобы взять и вот так просто подарить тебе свободу. Хотя... с другой стороны... ему нравится быть великодушным.

Она прижала палец к губам.

— Только тихо, хорошо? Я тебе ничего не говорила.

— Ты мне ничего не говорила, — эхом отозвалась я и вышла из комнаты.

Интересно, предложение рыжего еще в силе? Или он тоже часть игры?

ГЛАВА 34

В коридоре было тихо.

Темно.

Камни почти погасли, а на окна легла мерцающая пелена щита. И казалось, что дом уснул. А мне вот... будем считать, что мне не спалось.

— И что ты об этом думаешь? — поинтересовалась я у Этны, которая сидела тихо-тихо. — Стоит ли ей верить? С одной стороны, причин нет. С другой... ведь это она начала разговор о камнях.

Вот то-то и оно... чувствовала я, надо было ограничиться товаром попроще, но... эксперименты — удовольствие дорогое.

Как бы не выяснилось, что чересчур дорогое.

Я дошла до галереи на втором этаже, когда услышала тихий шелестящий звук.

— Я не понимаю, что за представление ты затеял, дорогой, но... — голос Ирмы доносился откуда-то сбоку. И я спешно прижалась к стене, активируя камень. Энергии в амулете осталось изрядно, да и пополнялась она легко при нынешней то плотности силового поля, но все равно сердечко застучало. Подслушивать нехорошо, однако весьма полезно. — Надеюсь, что ты знаешь, что делаешь.

Они стояли ниже.

На первом ярусе.

И второй, сложенный из тонкого песчаника, не был преградой для голоса. Или дело не в камне, а в том везении, которое судят боги?

— Потерпи. Осталось недолго...

Мар.

И в голосе его такая нежность, что треклятое беспокойное сердце обмирает.

Я впилась в запястье зубами. Боль — хорошее средство от опасной любви. Главное, что действенное.

— Конечно, дорогой. Я потерплю, но Его Величество... ты же понимаешь, что подобные предложения бывают раз в жизни...

— Мама...

— Я знаю, ты у меня самостоятельный и в советах не нуждаешься, — мне показалось, или в голосе промелькнула легкая насмешка. — Но послушай хоть раз в жизни престарелую свою матушку. Не дразни их. Ты можешь быть трижды полезен короне и Островам, но... оскорбления не простят. А сестра короля никогда не станет третьей женой.

Сестра?

У нашего короля четыре сестры. Три, насколько знаю, замужем, а четвертая... выходит, Мару предложили руку юной принцессы, а он согласился, потому как эйта Ирма права: от подобных предложений не отказываются. В свете сказанного... камни камнями, а развод ему куда нужнее, чем мне.

Или не развод?

Я тихонько отступила.

— Тебе дали время решить проблему, но оно на исходе. Да и мальчишка стал совершенно невыносим.

— Ты про которого?

— Про твоего сына, если это вообще твой сын.

Шаг.

И еще шаг.

Прижаться к стене. Стена неровная, и кажется, что дом сам подталкивает меня в спину. Он верен хозяевам, а я...

— Мама, ты же знаешь, я проверял...

— Знаю, естественно, только... он все равно не похож на тебя.

— Зато вылитая копия прадеда, если верить портретам...

— Это и странно. А еще он был редкостной сволочью, — поделилась эйта Ирма. — Никогда меня не любил... знаешь, мне кажется, проживи он чуть дольше, и меня бы не стало, да...

Вздых.

Скрип половиц. И мысли, мысли... вдовцом быть выгоднее, нежели разведенным. Нет, все поймут... не понимали, когда Мар противился разводу, цепляясь за нелепые отношения с простолюдинкой. А развод... развод — это разумно.

Смерть — прилично.

И кажется... кажется, Мар неспроста позволял убивать тех девушек... ведь если жертв станет немного больше...

— Его невозможно контролировать, особенно теперь... я не знаю, где он нашел нож, мне казалось, я решила эту проблему...

— Как?

— Выкинула. В море.

— Мама!

— Что? Эта вещь сводила меня с ума...

А рыжего сделают виноватым. Или преступником? В любом случае посмертно. И конечно, будет расследование. И несчастный вдовец, который горе свое изживает в работе... это романтично и практично, что редко бывает...

— Я видела его... я слышала его голос... голос твоего прадеда... он смеялся надо мной. Называл бестолковым найденышем... слабенькой девочкой, которая ни на что не способна... которую только и можно использовать, что на развод. Да и то, не факт, что потомство будет удачным.

Надо же, какие откровения.

— Мама, он давно умер...

— Умер, — эхом отозвалась эйта Ирма. — Конечно, умер... по-другому быть и не могло... никто не боится целителей, а тем более таких слабых.

Слабых?

Мне казалось, слабых эйт не бывает.

— Но он возвращался... снова и снова... снова и...

Резкий звук пощечины заставил меня вздрогнуть.

— Эта вещь была... опасна. Она свела с ума и твоего отца... а дед и без того был достаточно безумен. Возомнил себя великим некромантом, хотя дара в нем... нет, от нее давно следовало избавиться.

— Следовало, но в море...

— Я... не знаю. Я просто в какой то момент оказалась на берегу, — голос эйты Ирмы слегка подрагивал, выдавая волнение. — Я стояла и смотрела на волны. Стояла и... думала о том, до чего замечательно будет броситься в них. Всего-то и нужно, что сделать шаг. Один-единственный шаг, и я обрету покой. Мое тело разобьется о камни, а волны смоят кровь. Я до сих пор помню то чувство восторга и предвкушения, понимание, что ничего более чудесного со мной не произойдет... никогда больше не произойдет. И я едва не шагнула, да... не знаю, каким чудом удержалась. Я разжала руку и позволила клинку упасть. Я подумала, что он тоже понравится морю... он не должен был вернуться.

— Но вернулся.

А ее он тоже приговорит? Матушку, которая знает слишком много? Или... во всем важна умеренность. Две супруги и сестра, потерявшая границы, позорящая канцлера своим поведением. Этого более чем достаточно.

— Мы не позволим ему? — шепотом поинтересовалась я, а Этна заскрежетала.

— Это ничего не меняет, — жестко произнес Мар. И мы поверили: есть нож или нет, это ничего не меняет. Для него. А для нас?

— Мальчишку нельзя трогать...

— Мама...

— Ты не понимаешь. На нем благословение богов! И если с ним что-то случится, то... гнев Джара...

— Боги, если когда-то и существовали, то давно уже покинули мир живых. Да и... матушка, я не собираюсь трогать мальчишку. Соблюсти условия можно по-разному.

То есть условия все же были?

Логично.

Это ведь не брак по большой и чистой любви, это очередная сделка. А сделки должны быть выгодны. И дети от первого брака здесь помеха.

Руту не убьют.

Это как-то чересчур. Отправят в подходящий пансионат, а там выдадут замуж, вероятно, с выгодой. С Йонасом сложнее. Объявят сумасшедшим? Запрут в доме призрения?

Мерзко.

Мальчишка, конечно, весьма специфического толку.

— Травы на него почти не действуют.

— А увеличить концентрацию?

— Опасно, — голос стал глуше, и я спустила Этну с рук. Запись она вела, только... что мне с ней делать-то? Королю жаловаться, как понимаю, бессмысленно. Он или в курсе авантюры, или просто готов закрыть глаза на некоторые, скажем так, непредвиденные сложности. — Сердце может не выдержать... да и разум... он и без того нестабилен.

— И что?

Этна скользнула на галерею, чтобы, зацепившись за каменный парапет, спуститься ниже. Ее когти впивались в камень, а плоское тело распласталось, меняя окрас.

— Дорогой, я, конечно, понимаю, что он не тот наследник, которым можно было бы гордиться, — голос звучал ближе, теперь, правда, из передающего кристалла, который я сунула в ухо. — Но, даже если отбросить незначительный факт, что он твой сын...

Действительно, незначительный.

— Ты просто представь, на что способен обезумевший некромант.

Мне представлять не хотелось.

Ага... а вот и смешок.

— Ты его переоцениваешь.

— Это ты его недооцениваешь. Ни его, ни Лайму... зря ты позволил ее оставить. Удерживать ее становится все сложнее.

Надо полагать, в живых.

— С Бринцигом возникли некоторые проблемы, — теперь в голосе Мара проскользнуло раздражение. — Он только и ждал повода, а уж обвинить меня в смерти дочери... нет, время было неподходящим.

Зато теперь, надо полагать, самое что ни на есть отличное.

Дом вновь содрогнулся.

— Буря... буря — это хорошо... еще дней пять фон будет нестабилен, телеграф отключен, а там... при всей быстроходности до Клейпиха двое суток пути. Но учти, матушка, те, кого пошлют, будут знать лишь то, что им положено... будь осторожна.

Королевские псы смертоубийства не любят, да.

Я вот помню.

Она почти не изменилась, та девочка, которая, казалось, давным-давно ушла в прошлое, вместе с берегом, лодкой и кучей тряпья.

Разве что вытянулась.

Стала тоньше.

Ее обнаженное тело покрывала чешуя, а длинные волосы прилипли к спине.

— Здравствуй, — сказала она, протянув к Кирису тонкие руки. И длинные когти коснулись щек, оставив на них тонкие полосы. — Ты рад меня видеть?

— Рад.

В ее глазах жило море, то самое, опасное, которое истинные рыбаки полагают живым. А в городах давным-давно не верят в эти байки, ведь море — это всего лишь море.

Море темнело.

Светлело.

И шептало, что Кирис должен впустить старую свою подругу в дом. Но он продолжал стоять на пороге. Будь он один, впустил бы. Но там, у живого огня, отогревался мальчишка, единственный в мире нынешнем некромант, истинно благословенный Джаром.

— Правильно, — Илзе кивнула. — Никого и никогда не приглашай в дом. Не все из нас... любят людей.

Она улыбнулась, показывая мелкие острые зубы. Меж них мелькнул синий язык.

— Зачем ты пришла?

— Ты позвал.

— Нет.

— Звал, — она вновь протянула руку и провела когтем по шее, вспоров кожу. Подхватила каплю крови и, отправив в рот, зажмурилась. — Горячая... спасибо.

— За что?

— За то, что не забыл.

— Я забыл, — признался Кирис. — Совсем забыл. Я хотел забыть о том, что было... и это получилось.

— Как видишь, не совсем... ты готов платить?

Он повернулся распоротой шеей, подставляя под ледяные губы существа, которое, как ему казалось, все же не желало Кирису смерти. А Илзе не стала отказываться от приглашения. Она пила кровь жадно, тонко всхлипывая, содрогаясь всем тонким своим телом.

И тело это стало словно бы теплее.

В голове загудело.

И голова эта закружилась. Кирис покачнулся, упал бы, если бы не оперся на дверной косяк. И мелькнула вялая мысль, что так его вовсе осушат, но...

— Хорошо, — Илзе оторвалась-таки от шеи. — Не переживай, рана заживет быстро. Я... не хочу тебя убить.

— А другие?

— Люди охотились на подобных мне. Отчасти из страха, потом ради шкур. Наша чешуя плотна, а мясо кое-где считается деликатесом, — Илзе облизала губы. — И это справедливо. Люди едят сарраш, а мы едим людей...

Да уж, душевное равновесие. Кирис потрогал шею, но та была сухой, да и рана, судя по всему, затягивалась. Что ж... это, наверное, хорошо.

— Тварь... демон. Кто? Знаешь? — язык слегка заплетался, а в голове шумело, как бывает после вина. Только вино согрело, а сейчас Кирис испытывал холод.

— Нет.

— Тогда какой от тебя толк?

— Я могу передать весть. Если хочешь, конечно, — Илзе склонила голову набок, и волосы сползли с узкого плеча. — А могу забрать тебя... только тебя...

— Куда?

— В море.

— Я не выживу.

— Не у всех моих сестер есть мужья. А твоя кровь сладка. Ты будешь жить долго. Хорошо. Ты не будешь ни в чем ну ждаться. И не будешь никому служить.

— Кроме твоей сестры?

— Ты сам к ней привяжешься... — Илзе провела пальцем по губам. — Слюна сарраш не даром используется во многих... зельях.

— Нет, спасибо.

— Здесь ты умрешь.

— Ты не можешь этого знать.

Она пожала плечами, но при всей своей человечности, жест этот вышел иным. Чересчур текучим, чересчур каким то сглаженным, что ли.

— Судья мертвых не поможет. Он слишком слаб. Его тело отравлено, а разум замутнен. Я не уверена, что он справится.

Она говорила спокойно, и, возможно, поэтому Кирис ей поверил.

— Письмо, — он решил. — Ты сможешь передать письмо?

— А тебя оставить?

— Да.

— Чтобы ты умер?

— Чтобы я остановил это безумие.

— Думаешь, получится?

— Думаю, стоит попробовать...

— Однажды ты уже ошибся.

— Откуда ты...

— Мы ведь не только в море живем. Этот мир никогда не принадлежал только людям, что бы они себе ни думали. Мы... научились притворяться вами. Это даже удобно.

— Постой... — Кирису вдруг показалось, что он видел ее. Нет, не эту женщину с гладким рыбьим телом, но другую, человеческую, просто невероятно похожую. И видел не на берегу, но среди людей.

Рынок?

Улица?

Маленький книжный магазин, в который он любил заглядывать?

Или просто лицо, мелькнувшее в толпе? Зацепившее взгляд своей похожестью.

— Не стоит, — она приложила палец к его губам. — Не думай... это вредно. Просто вы, люди, такие забавные в своей убежденности, что нет никого умнее... милее богам. Пиши свое письмо.

Было бы на чем.

Кирис прошелся по дому, заглядывая в пустые шкафы, затянутые паутиной, тревожа древние комоды и секретер с треснувшей ножкой. Он уже обыскивал это место в мучительной попытке найти хоть какой-то след. Он знал, что бумаги здесь не осталось, как не осталось чернил и перьев, но вместо чернил и кровь сгодится.

А бумага...

Его собственная рубашка, пусть и грязноватая, мятая и мокрая, но сохранила изначальный белый цвет. Правда, писать на ткани неудобно, но Кирис старается.

Сквозь открытую дверь тянет ветром, и пламя в камине почти угасло. А еще появилось ощущение, что времени у них почти не осталось. Так бывает со временем. То оно было, то почти вышло... он огляделся. А ведь и кожу-то вскрыть нечем, разве что ножом, который по-прежнему сжимал в руке бессознательный мальчишка. Мысль, конечно, не самая здравая, но...

Время.

И дождь.

И существо, застывшее на пороге. И совесть, которая нашептывала, что нехорошо томить девушку, что стоит пригласить ее войти... дождь, холод и ветер... где его, Кириса, воспитание? Он ведь знает Илзе, знает давно, так разве можно усомниться в ее благонадежности?

Но разум был против.

Клинок вспорол кожу на запястье. Рисовать пришлось пальцем, но всего-то понадобилось, что пара рун... это он сумеет.

И отпечаток ладони подписью. Немного силы, чтобы кровь сложилась нужным узором, подделать который не выйдет при всем желании.

Последний завиток просьбой о помощи.

Откликнутся.

Правда, доживет ли Кирис и...

— Сумеешь переслать на Хальшим? Это рядом...

Он запнулся. На цеппелине — пару часов пути, а вот по морю куда как дольше выйдет, тем более нынешнему, разъяренному, беспокойному.

— Кому?

— Смотрителю маяка...

А там уже Алвис активирует сеть, в конце концов для того и поставлен. Правда, для Кириса этот вызов будет означать провал, но...

— Хороший маг, — кивнула Илзе. — Сильный... мои сестры ему часто поют. Он слушает. Я думаю, он не стал бы есть наше мясо.

— Не стал бы.

И надо будет написать докладную... то есть ему в любом случае придется писать докладную, однако именно эта будет касаться нелюдей.

— На рассвете. Я буду там на рассвете. Но ты вряд ли его застанешь. Тех, кто должен принять вину, убивают первыми.

ГЛАВА 35

Я вернулась в комнаты и задумалась.

Крепко так задумалась.

С острова следовало уходить и как можно скорее, но вот как? Окна были подернуты пеленой силы, а за ними бушевало море. Лодки оно разобьет в щепу.

Цеппелин?

Они укрыты, надежно привязаны к земле зубастыми якорями. Обездвижены. Системы законсервированы. Уровень энергии в кристаллах на нижней планке, что уж говорить о воздухе. Запаса системы не хватит и на то, чтобы подняться, если...

У меня ведь есть собственные камни.

Целая джарова прорва камней, среди которых и розовый алмаз имеется, а у них энергоемкость такова, что не на один цеппелин хватит. Построить переходник — дело получаса... но будут ли у меня эти полчаса. Да и... я одна с кораблем не справлюсь.

Я знаю его устройство.

Я могу разобрать и собрать каждый из двигателей. Я знаю, как откалибровать навигационную систему. Могу проверить все цепочки руноскриптов, да и не только проверить, я знаю, как оптимизировать эти треклятые системы, но...

Я понятия не имею, как им управлять.

Твою ж...

Я вздохнула и взглянула на часы. Вечер... и что?

Ничего.

Скоро ужин, выходить на который мне не следует, а не выйти... и показать, что я подозреваю моего дорогого мужа?

Притвориться больной?

И впустить в свою нору целителя, точнее целительницу, милую заботливую эйту Ирму? О нет... сослаться на женскую слабость? Дурноту? С кем бы иным прошло, но Мар, не сомневаюсь, прекрасно помнит, что прежде я слабостями не страдала, а дурноты не испытывала, даже когда он сам отравился купленной на улице лепешкой.

Сыграть в обиду?

Но мы расстались вполне мирно, более того, я была очарована. Может, в этом дело? Мару удалось задурить мне голову один раз, так почему не воспользоваться проверенным способом и второй?

Я повернулась к зеркалу и поморщилось.

Отсидеться не выйдет. Если я хочу убраться с острова, то цеппелин — единственный более-менее здоровый способ. Но к нему нужна команда, а найти ее, сидя в комнате, вряд ли получится. Стало быть... играем.

На подготовку к ужину я потратила почти два часа.

Темно-синее платье из мягкой шерсти, которую подарил мне сала Терес, ибо девушки должны хотеть нарядов, а не только каких-то там железяк, пусть и весьма полезных для дела.

Узор из мелкого бисера.

Листья.

Цветы.

И руны, спрятанные в переплетениях стеблей.

Длинный узкий рукав. Плотный лиф и мягкая юбка, доходящая до середины голени. Темно-серые

чулки, расшитые теми же цветами. И туфельки на низком квадратном каблуке. Волосы я пригладила, все равно не та длина, чтобы тратить время на прическу. Лицо... веснушки просто так не вывести, но если воспользоваться пудрой... ненавижу пудру, чихать от нее тянет, зато создается иллюзия, что я старалась.

Очень старалась понравиться.

Тронуть губы помадой.

И примерить цепочку с розовым камнем, тем самым, созданным совсем для иных целей. Хотя... стоило признать, что и в качестве украшения он смотрелся неплохо. Ограниченный квадратом, заключенный в тончайшую сеть с россыпью мелких сапфиров, алмаз был откровенно, вызывающе роскошен.

А теперь серьги.

И браслет-цепочку с подвесками из розовых же камней. С браслетом оно как-то спокойнее...

Я обернулась в зеркало. Нет, пожалуй, я не стала моложе. И кожа моя не посветлела, напротив, пудра выделялась на ней, будто лицо припорошило пылью. И эта пыль забила в морщинки, подчеркивая, что молодость моя осталась где-то позади.

Я сохранила фигуру, но и только... ноги тяжеловаты, платье, пожалуй, грубовато, как я теперь понимаю. Но для милой провинциалочки, которой вдруг захотелось стать красивой, сойдет. Камни вот выделялись, появилось даже желание снять их: к чему дразнить гусей? Но... знает Мар правду или просто догадывается, не имеет значения.

Ни одни камни не сравнятся с перспективой стать своим на вершине мира.

Власть, она такая...

Всегда мало.

Я почти не удивилась, когда в дверь постучали.

— Эгле, ты готова? — голос Мара был мягок.

И я со вздохом вогнула в рукав булавку. Чувствую, пригодится.

А заодно хрупкий стебелек странного растения, которое по-прежнему выглядело живым. Тонкое, оно обвилось нитью вокруг пальца, подчиняясь невысказанной моей просьбе, и вновь застыло. Кольцо? Отчего бы и нет. Правда, на этом пальце кольца носят вдовы, но так и я... надеюсь.

— Я... не уверена, что хочу... может, лучше я здесь поем? Мне не слишком-то рады, — это, между прочим, было сказано искренне, но прозвучало все равно по-детски.

Никогда не умела жаловаться.

— Они просто понимают, насколько ты другая. Ты знаешь, я буду вынужден попросить тебя кое о чем, — Мар стоял за дверью, прислонившись к стене. И он переоделся.

Вечерний костюм.

Темно-зеленая шерсть, рубашка цвета топленого молока. Ему идет. Как и перстень, единственное украшение, заменив шее разом все прочие.

— О чем?

Я стараюсь не задрожать.

Мне приходится сделать усилие, чтобы унять эту непонятную дрожь. А заодно появляется непреодолимое почти желание прикоснуться к нему. Тронуть вот эту светлую прядку. Заглянуть в глаза. Встать на цыпочки и прижаться, опереться на грудь, как я делала когда-то.

В этом нет ничего дурного.

Прошлое... оно всего-навсего прошлое. Что о нем думать?

— Отключить защиту. Тебе здесь нечего бояться, — Мар качнулся, и я моргнула, сбрасывая наваждение. Твою ж... а это будет сложнее, чем мне представлялось. — Я позабочусь о твоей безопасности.

Он предложил мне руку, а сам отстранился, словно дразня.

Хотя... почему «словно»? Он на самом деле меня дразнил, и вот осторожно погладил ладонь, перевернул кверху, коснулся каждого пальца.

— Какие тонкие... меня всегда восхищали твои руки. Знаешь, мне кажется, они идеальны... они воплощение тебя...

— Зачем мне отключать защиту?

Я сдерживала желание руку вырвать и спрятать за спину. А еще отступить к заветной двери, укрыться за ней и сделать вид, что меня нет. В конце концов не станет же он эту дверь ломать? По меньшей мере глупо, а Мар не был глуп.

На мою беду.

— Затем, девочка моя, что здесь крайне нестабильное энергетическое поле. А во время бури и вовсе колебания становятся критичны. Ты же сама понимаешь, насколько это опасно.

Он коснулся губами пальцев, и по моей спине побежали мурашки. Но что характерно, шеренгами.

— Я понимаю твою недоверчивость, но... буря... ты же не думаешь, что я способен вызвать ее?

— Нет.

До Заклинателя бурь Мару далековато. Я знаю.

Я видела.

Древний старик с белесыми глазами, который казался слепым и немощным, но лишь до тех пор, пока пальцы его не касались морской глади. И тогда губы вздрагивали, расползались, а из щели рта доносилось шипение. Нет, не змеиное, этот звук напоминал шелест, с которым волны трутся о камни.

Я не верила.

Я не верила даже тогда, когда море кинулось целовать рассеченные камнями ноги заклинателя. Или когда, выпрашивая ласку, вынесло на берег остатки корабля.

Я не верила, пока не увидела, как оно вдруг затихло, создало узкую полосу от горизонта и до берега, и там, на ней, на которую выбирались потрепанные бурей лодки. Они привычно выстраивались цепью, спеша добраться до берега.

Получилось почти у всех.

— Вот видишь. Я просто забочусь о твоей безопасности. Мне не хотелось бы, чтобы твои собственные плетения тебе навредили.

— А щиты?

— Они создавались специально для этого места, — Мар нежно погладил стену. — И структура их учитывает некоторые особенности. Не спорь, Эгле. Хотя бы раз в жизни доверься мне.

Я кивнула.

Доверюсь.

Конечно. Что еще остается маленькой девочке, которая так соскучилась по любви?

Наверное, Кирис все-таки отключился, то ли от потери крови, то ли просто от усталости, а может, и холод был тому виной. Он пришел в себя именно от холода.

Ледяная поземка шелестела по полу.

Протяжно и нудно скрипела дверь, которую раскачивал ветер. За порогом все еще висела стена дождя, а во рту было сухо. И эта близость влаги манила. Кирис встал на четвереньки, пытаясь справиться с общей слабостью.

До двери недалеко.

Он дойдет.

А там...

— Не советую, — раздался надтреснутый голос. — В такие ночи лучше из дома не выглядывать. Знаешь, нам повезло, что ты никого не пригласил в гости. И повезло, что, в отличие от людей, приличные твари без приглашения не заглядывают.

Мальчишка сидел на той же козетке, где его Кирис и оставил. Разве что ноги подтянул и закурился в покрывало так, что виднелась лишь взъерошенная макушка.

Йонас шмыгнул носом и пожаловался:

— Холодно.

— Да...

Огонь в камине почти погас. А жажда... жажда отступила. Но до двери все равно добраться стоит. Хотя бы затем, чтобы эту самую дверь прикрыть. И Кирис пополз, стараясь не думать, что выглядит он донельзя жалко.

А еще беспомощно.

Самое оно добить, но... то ли у Мара иные планы имелись, то ли просто повезло, но добивать их не спешили. Дверь не убежала, как и лужа, под ней собравшаяся, не исчезла. Конечно, пить из лужи — не то, о чем Кирис мечтал, но... за неимением иных вариантов. Вода как вода. Правда, кажется, что с привкусом крови, но так ведь кажется лишь.

Дверь он запер.

И засов задвинул, просто на всякий случай, хотя что-то подсказывало, что гостей больше не будет.

Хорошо.

Теперь бы утра дожждаться... и помощи.

Кирис опустился у стены, пытаясь уgomонить ноющее сердце. Возраст... возраст — это не шутка...

— Кто она тебе? — Мальчишка высунул из-под покрывала руку с ножом.

— Что?

— То существо. Вы были знакомы.

— Так ты...

— Я все слышал. И чувствовал. И спасибо, что не бросил.

— Не за что.

— Есть... боюсь, многие бы решили, что... случай подходящий... несчастный, — он слегка пошевелил пальцами и по жаловался. — Тело тугое, будто не мое. Я знаю, что случается, когда... слишком много на себя берешь. Как ты думаешь, мне позволят учиться?

— Позволят.

Надо было бы встать, но сердце не просто ныло, в груди поселился ледяной ком, который то разрастался, заполняя всю грудную клетку, то съеживался, позволяя сделать вдох, чтобы потом вновь навалиться.

Дело — дрянь.

Этак Кириса и убивать не придется. Сам преставится.

— Ты так уверен?

— Уверен.

— Неспроста?

— Да.

— Ты дерьмово выглядишь.

— Спасибо, — он все-таки поднялся, с трудом удержавшись на ногах. Нет, дело не в потере крови.

Кириса в прошлом резали и не раз. А Илзе взяла не так и много, чтобы... другое... а что, он понять не может. Но до камина дойдет, чтобы отправить в пасть его пару кусков древесины.

— Не за что, — мальчишка закрыл глаза. — Я спать хочу... я давно не спал... сложно уснуть, зная, что во сне ты кого-нибудь... от тебя тянет смертью. Я раньше как-то иначе все... знаешь, будто сквозь мутное стекло. Пытаешься разглядеть, а оно расплывается. И голова болит. Сейчас вот особенно... вода вкусная?

— Нормально.

— Мне бы тоже... попить... нет, я сам, — и некромант, будущая надежда рода и не только его, наклонился, выпутываясь из покрывала. Он тоже полз на четвереньках, и движения его были дергаными, нервными. Йонас то и дело останавливался, и ребра на тощем его теле расходились, натягивая синеватую кожу. Того и гляди прорвут.

Дышал он ртом, глубоко и часто, как старая собака.

Но дополз.

И почти упал в остатки лужи.

— Дверь... открыть? — поинтересовался Кирис.

— Нет... не надо... в такие ночи... многое становится иным... приходят... и ко мне придут... они звали... сколько себя помню, звали... сперва шепоток такой, когда засыпаешь... закрываешь глаза, а тебе, что колыбельная... не страшно, нет... я же не понимал, кто ее поет... на кладбище хорошо... старом... его еще тогда не прятали.

— От кого?

— Как понимаю, от любопытных... вроде тебя... снесли надгробия... хотя какие там надгробия, просто камни, которые стояли... полянка и камни. А меня тянуло. Я туда сбегал. От нянек. И от гувернера, которого бабка нашла... я его ненавижу. Он меня тоже.

Мальчишка сел, повернулся спиной, на которой расходилась дорожка белых шрамов.

— Выпорол... я сбегал... всю ночь там... мне было так хорошо. Спокойно. А он... нашел и... разозлился. Раньше он следов не оставлял. А тут... бабушка ему потом выговорила.

— И только?

Шрамы были тонкими и на первый взгляд казались вовсе незаметными, этикетки, к коже приклеившиеся.

— Хорошего гувернера не так просто найти, — Йонас сел у стены. — Так она сказала. И я сам виноват... а он... он действительно стал осторожней. Он больше не оставлял следов.

Явных.

Похоже, не только у Кириса детство не задалось.

— И ты...

— Я его убил, — мальчишка поморщился. — Не специально... то есть я хотел, чтобы он убрался... и шепот, он становился сильнее... бабка решила, что я ненормальный, что... она приносила отвары, и у меня в голове все мешалось.

Он потер виски.

— Прямо, как сейчас... почти... думать тяжело... что-то делать тяжело... дышать и то... а он всегда рядом... ждет, когда я ошибусь... он умел придумывать наказания.

— А Мар...

— Папаша появлялся — хорошо, если раз в году. Приезжал на меня посмотреть, на мелкую... мать вообще не в себе... не знаю, почему бабка от нее не избавилась. Повезло, наверное. Или наоборот. От нее кровью тянет.

Мальчишка поерзал и пожаловался:

— А у меня спина зудит.

— Это от холода. Возвращайся к огню.

Да и в дом стоило бы. Если получится. Кирис не был уверен, получится ли. Щиты наверняка подняты, но перекрывают ли они и подземные тоннели?

— Папаше говорили, что я ленив... туповат... не стараюсь... что я... ни на что не годен.

— И он...

— Меня вызывали. Наряжали. Бабка как-то решила, что у меня осанка отвратительная. И потребовала, чтобы я носил корсет. Его затягивали туго, у меня и дышать-то получалось через раз... отвар еще этот. Я совсем ничего не соображал. А он... он только посмеивался. И говорил, что таких дрянных мальчишек, как я, надо наказывать и наказывать... что только порка способна из меня человека сделать... что я ничтожество, недоразумение...

Мальчишка втянул воздух сквозь сцепленные зубы.

— Он... он приходил... ко мне... в комнату... ночью. Трогал. Сперва только трогал. Говорил, чтобы и я его... мне было противно.

И некому рассказать.

Наверное, в этом отношении Кирису повезло куда больше. У него хотя бы лодка имелась, костер и груды тряпья. Илзе, которой тоже не хватало места дома. А еще надежда, что дядька когда-нибудь да допьется.

Да.

Определенно повезло.

— Однажды... он... пришел... был пьян. Он делал то, чего делать нельзя, — Йонас стиснул кулаки. — Мне стало больно и еще стыдно. И я захотел, чтобы он умер... я представил, как он умирает... как хрипит, хватаясь за горло... как сучит ногами и блюет, захлебывается собственной слюной.

На губах Йонаса появилась мечтательная улыбка.

— И знаешь... все так и получилось. Он хрипел. И скулил. Обмочился... в мою постель. Вот это, конечно, получилось не слишком... да... я сидел рядом. Держал за руку и... это было чудесно. Я чувствовал его боль. Не как свою, нет. Его и только его. И страх. И ненависть. И многое другое... а еще я знал, что я был не единственным его воспитанником. Знаешь, он и вправду был хорошим гувернером. Он не трогал других... тех, кто знатен и богат. Боялся. Но в любом доме есть мальчишки, которых не хватает... он находил кого-то, за кого некому было вступить. Обещал... научить... взять к себе помощником. Он умел быть ласковым. Внимательным. Он... знал, что и как говорить. Ему верили. И потом... когда... после того как...

Йонас запнулся.

— Некоторые продолжали верить. Это было частью игры. Ему нравилось. Но постепенно надоедало, да... и тогда он делал больно. Воспитывал... говорил, что нужно терпеть, что боль закаляет... ее становилось больше и больше... и еще страха... только ему все равно не хватало. Ему хотелось увидеть смерть... и он не отказывал... вызывал мальчишек в тайное место, их особое тайное место, о котором никому нельзя рассказывать. А потом... кто будет искать неблагодарного сироту, взятого в дом из милости? Сбежал... утащил серебряные ложки или еще какую мелочовку... деньги на хозяйство... он никогда не брал действительно ценных вещей, понимал... просто небольшой... сувенир.

— И ты это все увидел?

— Мне рассказали. Понимаешь, когда он умирал, граница миров словно разошлась, и я, наконец, смог различить голоса. Шепот их... их было так много. И они требовали справедливости. Смерть за смерть. Боль за боль. А я... я сделал, как они просили. Это оказалось не так и сложно... удержать душу в гниющем теле... даже когда плоть отваливалась кусками, он продолжал жить. Чувствовать. Орать... он так орал... правда, он сам поставил на мою комнату щиты, чтобы я своими воплями никого не побеспокоил. Утром... его хватились.

Йонас закрыл глаза.

— К огню.

— Знаешь, а мне больше не холодно... бабка надавала мне пощечин. Хорошего гувернера найти непросто...

— Ты...

— Рассказал. Попытался. Но она заявила, что это не имеет значения. И никто не должен знать, да... только... не получилось. Сила... ее сложно запереть. В тот день... я прошел инициацию... не нужно никого резать... или сердце вырывать из груди... ритуальные пытки и все остальное... не спору, кто-то без них не способен, а я... я просто открыл границу. Я вынес приговор. Я исполнил его.

— Сколько тебе было?

— Десять.

Он все-таки пошел. Осторожно. Останавливаясь после каждого шага. Замирая, будто не до конца веря собственному телу.

— Бабка... испугалась. Я слышал... тогда еще я ясно слышал, что происходит. Людей. Не только их. И убивать... убивать мне не хотелось. Позже почему-то... маги берут силы извне. А некроманты так не могут... то есть могут, но нужно убивать.

Я убивать не хочу. А своих, здесь, внутри, — он положил ладонь на впалый живот, — почти не осталось. Наверное, скоро издохну.

Йонас упал на козетку и потянулся за покрывалом. Вытащил из складок нож.

— Я вчера совсем безумным был?

— Не помнишь?

— Помню. И поэтому спрашиваю. Я знаю, что люди боятся таких, как я.

— Боялись. Таких, как ты, больше нет. И нет, я не испугался. Ты пока показал себя вполне вменяемым.

Мальчишка прикусил губу.

— Я убивал животных.

— Животных.

— Я не понимаю, почему... я читал... много читал. Это не нормально. Мы... чувствуем смерть. И боль тоже. Но чтобы зависимость такая... мне постоянно приходилось бороться с желанием кого-нибудь... кому-нибудь... и я не уверен, что оно не вернется. А если вернется, то как узнать, сумею ли я справиться?

— Никак.

— А если не сумею, я стану опасен...

— Даже если сумеешь, все равно ты будешь опасен.

Кирис добрался до камина и опустился на пол, сунул еще пару деревяшек, отметив, что осталось их не так и много. По-хорошему, следовало снова пройтись по комнатам, разбить какой-нибудь старый стол или табурет... на кухне, кажется, был такой. Но это означало необходимость двигаться, а Кирис категорически не желал шевелиться.

Огонь, выглянув из камина, приветливо коснулся ладоней, словно успокаивая. Мол, все-то будет хорошо... правда, возможно, что не сегодня.

И не у Кириса.

— Голова все еще болит, — мальчишка мазнул по носу, из которого пошла кровь. — А она не должна... я не делал ничего, что требовало бы таких сил.

— А кости?

— Они сами хотели подняться.

Некромант зажал переносицу пальцами и забился в покрывало.

— Это... я никогда и ни с кем... не говорил. Кому охота говорить о мертвых? Или с чудовищем... да и опасно мне с людьми... сестрица... дура... вечно лезла, особенно когда плохо... я не хотел, чтобы она... чтобы ей тоже больно... вот... но мертвецы беззащитны. Если душа уходит к Джару, то тело остается кормить мир. Плоть — всего-навсего плоть, а вот душа, она вечна... и изменчива в вечности. Но иногда она не желает уходить, понимаешь? Иногда задерживается. Или ее задерживают. Например, болью. Или несправедливостью. Или делом, которое не окончено, но это

реже. Там, на стыке миров, дела становятся неважны... а вот боль или несправедливость, или и то, и другое... души не принадлежат этому миру. Он от избытка их болеет, но изгнать не способен. И тогда появляются подобные мне... эти кости зывали о справедливости. Они там лежали очень давно... они шептали, но я не слышал. Пока вот...

Из складок покрывала появился клинок, по-прежнему выглядевший жутковато. Даже более жутко, чем прежде. Он потемнел, словно обгорел, и сделался тоньше, изящней.

Как раз по руке.

— Знаешь, что он говорит?

— Откуда?

Мальчишка пожал плечами. В его представлении не было ничего странного в способности вещей к разговору.

— Он говорит, что я отравлен. И что мне нужна кровь.

— У меня больше нет.

— Я знаю. Я... не собираюсь. Ты и без того... дал силы. Ему. Больше никогда не трогай чужие вещи, ясно? — Йонас был предельно серьезен. Тонкие пальцы скользнули по кромке лезвия. — Он мог бы забрать твою жизнь. И забрал бы, если бы решил, что мне нужнее...

— Тогда спасибо, что не забрал.

Огонь согревал, но с теплом возвращалось и чувство голода. А уж его-то разговорами не утолить. В животе тотчас заурчало, и Кирису подумалось, что время-то самое то.

Ужина.

ГЛАВА 36

В столовой горели свечи.

Дюжины три.

Или четыре.

Свечи украшали огромную люстру, которая, казалось, парила в воздухе, потому что темнота скрывала цепи. Свечи отражались в столовом серебре и хрустале. Они поднимались из сложных цветочных композиций и слегка чадили.

Стало душновато.

— Доброго вечера, — поздоровалась я с эйтой Ирмой, которая к ужину переоделась.

Платье цвета малахита.

Жемчуг.

Лайма была в лиловом. Темный чернильный оттенок подчеркивал общую ее бледность, придавая ей какой-то болезненный оттенок. А уж в массивном опаловом ожерелье, обвившем шею, было что-то от ошейника. Дорогого, но все же...

Сауле... в белом.

Жертве белый к лицу. А вот Сауле — не слишком идет. Ее кожа в свете свечей выглядит рыхлой, нездоровой, а вот волосы словно потускнели. Да и фасон на редкость нелепый. Эти присобранные рукава, округлый какой-то девичий вырез, расшитый мелким речным жемчугом. Складка под грудью, будто нарочно придающая платью объем.

В таком удобно прятать растущий живот. И...

Жених и невеста.

И пусть невеста далека от идеала, но... это ведь ничего не значит. Если Сауле беременна, то...

Я уколола себя булавкой, прогоняя лишние мысли. Беременна или нет, это не имеет значения. Это, если разобраться, ее личное дело. И быть может, рыжего, но никак не мое.

Я, между прочим, замужем.

Пока еще.

— И все-таки... — эйта Ирма склонилась к любовнику, который, к слову, выглядел несколько потрепанным. — Некоторые особы поразительно наивны. Я еще могу понять, почему они вообще заказывают поддельные драгоценности, настоящие не всем по карману, но... нужно же меру знать. Розовых алмазов подобного размера попросту не существует!

— А мне нравится, — я погладила камень, заодно посылая легкий импульс, который исчез в бездонной его глубине. — Красивенько получилось. Мар, тебе нравится?

— Очень.

— Я, наверное, себе еще и бусики сделаю, — я позволила Мару усадить меня.

К слову, место за столом сместилось, и теперь я удостоилась высокой чести сидеть по правую руку супруга. Лайма приподняла бровь.

Сауле пьяновато икнула.

Кажется, она вообще плохо понимала, где находится.

— Такие, знаете, чтобы камушек, а потом жемчужинка. И еще камушек. Я такие в одном каталоге видела, только там камушки были белыми. Белые, как по мне, совсем некрасиво. А розовенькие — это мило. По-девичьи.

Эйта Ирма подняла глаза к потолку.

Я тоже.

Ничего. То есть ничего не видно. Если люстра, обьятая огнем, это по-своему красиво, то вот выше

ее — тьма крошечная.

— Объясните ей кто-нибудь, что это нельзя носить.

— Дорогая, — подал голос Юргис. — Редкий случай, но все же... ты ошибаешься. Камень настоящий.

— Что?

— Я разбираюсь в камнях. Позвольте?

Не дожидаясь разрешения, он поднялся, обошел и Мара, явно заинтересованного происходящим, и меня. Развернул стул, причем сделал это, учитывая вес здешней мебели, как-то чересчур уж легко. Он наклонился к самому моему лицу.

Заглянул в глаза.

Подмигнул даже.

И подцепив цепочку мизинцем, приподнял.

— Платина... и сапфиры... небольшие, но крупные камни смотрелись бы чересчур вычурно. Плетение интересное, хотя несколько вышедшее из моды? Да... сейчас предпочитают делать цепочки попроще. Говорят, в простоте стиль, но на самом деле это куда как менее трудоемко. Что? Моя матушка происходила из рода простого... ее родители — довольно известные в узких кругах ювелиры.

— Ты не говорил.

— Уже усвоил, что о некоторых фактах своей биографии стоит помалкивать, — камень лег на палец Юргиса. — У нас до сих пор многие слишком уж озабочены чистотой крови...

Искра силы, сорвавшаяся с пальца, исчезла в камне.

— Даже так...

— Это ты ошибаешься... дорогой, — сквозь зубы произнесла эйта Ирма. — Камни подобного размера...

— Около восьмидесяти карат, верно? К сожалению, я не настолько талантлив, как мой дед, а потому точно не определю. Но не менее восьмидесяти. Огранка удачна... для ваших целей.

Камень отпустили.

— А стоимость?

Юргис пожал плечами.

— В зависимости от того, сколько будет денег у тех, кто пожелает купить. На последнем аукционе розовый алмаз в пятьдесят три карата ушел за полтора миллиона крон. И было это, если не ошибаюсь, около ста лет назад. Сейчас он хранится в королевской сокровищнице и, по мнению моего деда, изрядно прибавил в стоимости. Розовые алмазы и вправду редкость.

Вот как-то... неуютно мне стало под взглядом эйты Ирмы.

Юргис же развернул меня к столу и, коснувшись кончиками пальцев затылка, презадумчиво произнес:

— Вы слишком беспечны... будьте осторожней.

— Постараюсь.

Ответом мне был рассеянный кивок.

— И откуда камешек? — поинтересовалась Лайма, сжимая вилку так, будто она примеривалась, как половчее воткнуть ее в меня.

— Брат... дал поносить.

— Он, наверное, очень вас любит...

— Очень.

— Что странно, учитывая и вашу разницу в возрасте... и происхождение, — вилка воткнулась в тонкий ломтик ветчины, что заставило эйту Ирму поморщиться. Все же супруги ее сына были далеки от совершенства. — Не бойтесь, что его свадьба... испортит такие идеальные отношения?

— Если испортит, значит, не такие и идеальные.

Я смотрела на еду.

Паштеты.

Горячий салат с кунжутным семенем и запеченной свеклой. Печень, тушенная в белом вине. Розовая ветчина, которую медленно сосредоточенно обгрызала Лайма. Ветчину, пожалуй, можно попробовать. Подсыпать что-либо в мясо затруднительно. А вот паштеты...

Или еще грибы в сливочном соусе.

Перепелки, запеченные в хрустящей корочке. Нет, мне придется обойтись чем-то попроще... яйца пашот? С другой стороны, не стали бы они травить всю еду, это по меньшей мере нерационально.

Да и не отравы надо ждать.

Отрава — это пошлость, которую при расследовании могут и обнаружить. И тогда некрасиво получится. Нет, думаю, дело в сонном зелье, а оно... все известные мне сонные травы обладали характерным вкусом.

— Попробуй, — Мар наполнил мой кубок. — Вино с травами.

— Спасибо, не хочу.

— Оно сладкое...

Уверена в этом.

— У меня от вина голова болеть начинает, — произнесла я капризно, чем заслужила долгий внимательный взгляд. Его я выдержала и неловко пожала плечами. — В последнее время...

— Работаешь много.

— Приходится.

— Что еще делать сиротинушке, — отозвалась Сауле, выныривая из своего полусна, — как иначе заработать на бусики с камушками?

— Сауле, постарайся вести себя прилично...

— К слову, — тема нынешняя мне категорически не нравилась. — А где твой сын? И тот... рыжий... который секретарь?

Голос все-таки слегка дрогнул, и это не осталось незамеченным.

— Партнер, — мягко поправил Мар, правда, слегка поморщившись.

— Ага... и еще секретарь. И верная собачонка... гав-гав... не обольщайся, детонька, он тебе сколько угодно может хвостом вилять, но Марик прикажет, и разом отхватит руку. Или две.

Сауле перегнулась через стол, чтобы подвинуть к себе блюдо с грибами. Сунула в него ложку и, вытащив, облизала.

— Это невыносимо! — эйта Ирма прижала руку ко лбу. — Она это нарочно...

— А то...

— Сауле! — Мар отвел взгляд от меня.

И от камня.

— Что?

— Выйди из-за стола. И будь добра, когда в следующий раз решишь испортить всем настроение, подумай...

— Это ты подумай, братик... когда в следующий раз решишь загрести жар чужими руками. Я ведь не только... полезный ресурс, но и человек...

Сауле отправила в рот еще ложку грибов, икнула и закусилась ломтем хлеба. Взяла еще один, кинула ветчины, сыра и только затем поднялась.

— Я, конечно, понимаю, что для тебя, кроме себя самого, людей не существует, но... постарался бы ты не быть такой сволочью, глядишь, и жить стало бы проще... а ты, мелкая, в следующий раз не хлопай ушами. Петь он всегда тебе напоеет... о чудесном... наобещает с три короба, и будет обещать, пока не получит нужного... потом же...

Сауле выразительно провела пальцем по горлу.

— Сауле!

— Спроси у него... спроси, что случилось с Эленой Ригис... и причем здесь твой рыжий.

Понятия не имею, кто такая Елена Ригис. А рыжий, он совсем даже не мой.

И близко не мой.

Просто симпатичен.

Может же мне быть симпатичен человек? Единственный, к слову, более-менее вменяемый в этом доме и, начиная подозревать, на острове тоже.

— Заткнись, — Мар поднялся.

Он медленно ступал, осторожно, будто крадучись. И появилось во всем его облике что-то до того хищное, что я подвинула к себе нож. Пусть туповатый, из мягкого столового серебра, но все защита. Сауле икнула и, прикрыв рот ладонью, неискренне сказала:

— Ой... кажется, я проболталась. Но ничего, братец... ты ведь найдешь, что соврать... ты всегда находишь, что соврать...

Она сделала шаг назад и, едва не запнувшись о стул, покачнулась.

— К слову... а твоя жена знает, что ты ублюдок? В прямом смысле слова? Не знает... никто не знает... то-то будет скандал, если...

— Вон...

Мар произнес это тихо. Но Лайма судорожно сжала вилку, а эйта Ирма прикрыла глаза. Лишь Юргис сделал вид, что ничего-то не происходит.

Сауле ушла.

Интересно, если я предложу ей убраться с острова, что она ответит? Пошлет подальше? Пьяненько рассмеется? Или доложит брату? Подозреваю, что доложит... проклятье... надо было строить крупных големов. Пусть спрятать их сложнее, но хотя бы с командой проблем не возникло бы.

А теперь как?

— К слову... мне тоже интересно, где Йонас, — Лайма нарушила затянувшееся молчание, и все словно бы выдохнули.

Мне все равно интересно, кто такая Елена Ригис?

— Я видела их с... тем невозможным человеком, которого ты при себе держишь, — губы эйты Ирмы недовольно дернулись. — У мальчика очередной приступ. Он совершенно невменяем. Я пыталась увести его, но... к сожалению, Йонас отказался уходить. А твой... секретарь... — Это слово она практически выплюнула. — Потребовал, чтобы я ушла... боги, Мар, я ведь предупреждала тебя, что мальчик нестабилен. Ему нужны специальный уход, покой... забота, в конце концов.

Она говорила это, раздирая крохотную тушку перепелки и явно получая от процесса немалое удовольствие.

— А вместо этого... его заставляют вновь обращаться к силе... это не останется без последствий.

— Мама!

— Я всего лишь обращаю твое внимание на то, что происходит за твоей спиной.

Она отправила кусок мяса в рот и застыла.

Жуть.

— Ты могла бы обратить мое внимание до того, как началась гроза...

— Я переодевалась.

— А потом?

— Запомняла... — это было сказано с легкой виноватой улыбкой. — Ты же понимаешь, дорогой, что в моем возрасте с памятью... случается всякое.

— То есть, — Лайма отложила столовые приборы, — мальчик сейчас там?

Она указала пальцем куда-то в стену.

Вернее, за стену.

Туда, где выл ветер, выворачивая руки деревьям, где яри лось море и в принципе было несколько... неуютно.

— Понятия не имею. — Эйту Ирму, кажется, куда сильнее волновала перепелка, нежели судьба собственного внука. — Они были так заняты... и так грубы... вполне возможно, конечно, что они вернулись, но... я также допускаю мысль, что им пришлось искать убежища в ином месте. Мне кажется, или они добавили чеснок? Знают же, что я не переносу чеснок... дорогой, а ты что думаешь?

— Чеснок — это плохо, — покорно отозвался Юргис, правда, голос его звучал как-то... отстраненно.

И смотрел он не на любовницу, а на дверь, за которой скрылась Сауле.

— Мама!

— Успокойся, дорогой. При всем моем непонимании твоего желания окружать себя личностями низкого происхождения...

Эйта Ирма подцепила вилкой кусок золотистой кожицы, поднесла к носу и замерла.

— Я вынуждена признать, что твой секретарь — неплохой маг. Он справится с такой мелочью, как щит от ветра.

А до деревни всего-то пара миль.

— Через лес, — сухо произнесла Лайма.

— Полею чуть дальше. Они молоды. Доберутся.

Мар с грохотом отодвинул стул.

— Дорогой... тебе стоит принимать успокоительные капли. Ты стал слишком эмоционален... да, определенно дикий чеснок. Вот невероятно... ищешь прислугу, платишь ей деньги, а взамен что? Вопиющая неблагодарность. Или это просто неспособность низкородных удерживать хоть какую-то мало-мальски серьезную информацию в голове. Вы знаете, королевская Академия проводила исследования... мой хороший друг рассказывал. Так вот, им удалось выявить статистически значимые отличия...

— Спасибо. Я сыт.

— Между интеллектом чистокровных эйтов и... тех, в ком кровь сильно разбавлена. Или и вовсе пуста, да... теперь я в это охотно верю... чеснок... надо же было додуматься!

А вот теперь она несколько переиграла.

— Эгле...

Проигнорировать протянутую руку я бы могла, но не стала.

ГЛАВА 37

За окнами было темно.

Темень именно та, крошечная, дикая, от которой не спасут ни свечи, ни прирученное пламя, живущее в каминах. Эта темень смотрела на нас глазами Бездны и улыбалась.

Эта темень уже решила, что сожрет нас, и лишь ждала подходящего случая.

— Я должен извиниться, — Мар остановился у лестницы, ведущей на второй этаж. В полумраке львы, охранявшие ее, казались живыми. — За маму и вообще... невозможный вечер. Это все буря... это все... силы. С ними не всегда получается справиться. Знаешь, этот остров окружен полудюжиной вулканов, их еще называют Кольцом Джара. Ученые уверяют, что вулканы спят, что спать будут еще не одну сотню лет, если они вообще живы.

Я разглядывала длинные тела, в которых чудилось что-то донельзя змеиное, массивные лапы и когти, что впились в мрамор.

Испещренные шрамами времени морды.

— Но местные знают правду... они не спят, а сила... наши источники всегда были слегка отравлены. И это сказывалось... на всех сказывалось.

— Йонас и вправду некромант?

— Моя матушка так считает.

— А ты?

Мар оперся на лестницу. Он выглядел нарочито расслабленным, но я не обманывалась.

— Не знаю... может, и некромант, а может, и сумасшедший.

— Ты так просто говоришь...

— Я уже смирился. Знаешь, когда твой ребенок не оправдывает твоих надежд, это неприятно. Он всегда был странным мальчиком. Замкнутым. Нервным. Он страдал бессонницей, а после и галлюцинациями. Он придумывал истории, которые рассказывал. И был весьма убедителен... знаешь, ему было то ли восемь, то ли девять, когда он придумал себе гувернера...

— Придумал?

Тени скользили по мордам каменных тварей, и казалось, они скалятся, то ли от смеха, то ли от гнева.

— Его образованием занималась матушка. Были, конечно, учителя, но гувернер... это излишество. Мне так казалось. Йонас же... каждую нашу встречу меня ждал поток жалоб. Причем порой совершенно безумных. Матушка уговаривала потерпеть. Сперва полагала это лишь детской болезненной фантазией, способом обратить на себя внимание, но когда Йонас убил человека...

Пауза повисла в воздухе.

Она растворилась, слилась с общей серой зыбью, которая окружила нас с Маром.

— К нему приставили лакея... приглядывать... просто приглядывать. Мальчик несколько раз пытался причинить себе вред. Однажды он разбил вазу и катался на осколках, пока не разодрал спину в клочья. Вот после того случая матушка и испугалась. Я же... каюсь, я был слишком занят. Верфи... стройка... двор... не все гладко... точнее, ничего не гладко. Если бы я больше внимания уделял семье, возможно, не случилось бы беды, да... матушка вызвала меня, когда было поздно. Йонас... я точно не знаю, что произошло, но он убил того несчастного. Мне пришлось изрядно раскошелиться, чтобы замять дело.

Львы усмехались.

Веришь?

Или не веришь?

В то, что Мар раскошелится, чтобы замять дело, — вполне себе верю. Деньги — его способ. А вот что касается остального...

— Тебя здесь не было?

Он развел руками.

— Я понимаю твое недоверие, но... я сам видел тело... изуродованное до невозможности, обожженное... а Йонас только и твердил, что это суд... возмнил себя... начитался. Следовало давно закрыть доступ к библиотеке, но кто же знал. Меня в его возрасте интересовали игрушки, а не хроники темного времени.

Где-то далеко загудели часы, отбивая одиннадцать.

— С ним было невозможно говорить. Целители... я уважаю матушку, но случай, сама понимаешь... все сошлись, что у ребенка наступило помутнение рассудка. Он всегда был слабеньким... а тут... желание привлечь мое внимание в сочетании с врожденной слабостью нервной системы, наложившиеся на фантазии. Больше года его пришлось лечить.

Вздых.

За спиной.

Я точно знаю, что здесь никого, но... не могу не обернуться. Так и есть, пустота. Темнота. Свечей здесь мало, оно и верно, для чего их тратить на пустой холл? И темнота укрывает стены, прячет родовые портреты, будто великие предки не желают быть свидетелями... чему?

— После он, казалось, оставил свои фантазии, но... у него появилась тяга ко всему, что так или иначе связано со смертью. Временами эта тяга сходит на нет, и Йонас кажется вполне нормальным, но потом... я не знаю, что случилось, но мне придется поговорить с Кирисом.

— Думаешь...

— Матушка права. Он перешел все разумные границы, — Мар откровенно поморщился. — Он прекрасно знает об этих... фантазиях. Как и о моем к ним отношении.

Мне вновь подали руку.

И пальцы коснулись кожи нежно, трепетно даже... а мне вспомнился вдруг тот наш первый поцелуй, которого я и ждала, и боялась... как же... вдруг надеюсь на то, на что не стоит... кто я и кто он? И тогда тоже дождь шел. Весенняя гроза. Ветер теплый и горячая вода с небес. Зарево заката, разлившееся по крышам. Старые часы над головой.

Я мокрая.

И Мар тоже. Но мы не зря забрались на часовую башню. Здесь на удивление спокойно. Вздыхает механизм, скрежещет и иногда поскрипывает, будто стремится рассказать что-то донельзя важное.

— Мне жаль, что у нас все так... не получилось.

Мар поднял мою ладонь.

Коснулся губами.

И отпустил.

— Ты... не будешь их искать?

Тот поцелуй остался в прошлом, в часовой башне, которая надежно хранила тысячу и один секрет. Где-то рядом осталась и первая наша ночь, пикники на крыше, моя квартирка, в которой явно живет кто-то другой...

— Кого? — Мар явно удивился. Неужели полагал, что одного прикосновения хватит, чтобы я забыла. — А... я думаю, матушка права. На острове безопасно, а Кирис в состоянии позаботиться о себе и мальчишке.

— Но...

— Эгле, — по ладони скользнул теплый его палец, рисуя дорожку до запястья и выше. — Допустим, я действительно решу их поискать. Каким образом? Там буря... а здешние бури... сила становится нестабильна. Поисковые заклятия просто не сработают. Прочесывать остров? У меня не так много людей. Нет, разумнее всего переждать бурю.

— И как долго придется ждать?

Он пожал плечами, правда, явно раздражаясь.

— День или два... иногда, три. Не переживай. Им ничего не угрожает.

— Кроме убийцы?

— Эгле...

— Что? — и ресницами хлопнуть. — Ту девушку все-таки убили. Я знаю.

Мар отпустил мою руку, а я удержалась, чтобы не спрятать ее за спину. А тема ему неприятна... отвернулся, замер, раздумывая над чем-то. Вдохнул. И сказал:

— Во-первых, хрупкая девушка и двое мужчин, один из которых неплохой маг, да и без магии способен защитить себя, — это, как говорится, разные вещи. Во-вторых... мне жаль, но... в том, что произошло, есть и моя вина.

Мар вновь протянул руку и сказал:

— Идем... это надо увидеть.

Второй этаж.

Левое крыло. Все тот же темный коридор, все те же свечи в рогатых канделябрах. Они отражаются в полированной кирасе молчаливого рыцаря, поставленного то ли для устрашения, то ли для украшения. Они пускают блики по серой стали клинков, развешенных на стенах. И тонут в серости гобеленов. Сейчас, когда окна закрыты намертво, рисунка не различить, но не могу отделаться от ощущения, что все томные девы и благородные кавалеры — а кого еще изображать на гобеленах-то? — следят за мной.

Мар молчал.

Я тоже не спешила говорить. Шаги наши тонули в тишине и, говоря по правде, ощущения были не из приятных. Я словно заблудилась в этом огромном мертвом доме.

И поди-ка пойми, выпустит он меня или...

Мар остановился перед дверью.

Темная.

Серебристая ручка. Черные петли. Замок внушительный. И засов. Это немного... необычно, засов снаружи.

— Сейчас мы им почти не пользуемся, — Мар трогает засов, и тот легко входит в паз. — К сожалению, с замками Йонас управляется легко. С любыми замками. Он довольно талантлив для такого засранца, каким является...

Дверь открылась беззвучно.

А вот изнутри не было ни засова, ни замка, ни даже ручки.

И дверей тоже не было. Тонкая полупрозрачная ткань в дверных проемах смотрелась по меньшей мере нелепо.

— К сожалению, он однажды заперся в ванной и перерезал себе вены, — Мар тронул ближайшую занавеску. — Мы едва его не потеряли, пока пытались выломать дверь. Все же дуб — это дуб, даже если он разменял пару сотен лет. Погоди... свечи должны быть где-то здесь.

В комнатах пахло ванилью.

И еще — корицей.

Неуместные запахи в логове то ли некроманта, то ли безумца. Да и ничего безумного я не вижу. Обычная гостиная, разве что какая-то чересчур уж камерная, будто я попала внутрь дамской шкатулки. Нежно-голубой шелк на стенах.

Белая мебель, инкрустированная перламутром. Медальоны и серебро. Тонкие паучьи лапы настольного светильника, смотревшегося несколько нелепо на хрупком, почти девичьем столике.

Полосатые покрывала.

Натюрморты с полевыми цветами. Только корзинки с рукоделием и не хватает. Или мольберта.

— Моя матушка считает, что светлые оттенки способствуют установлению психической

гармонии, — Мар расставил два десятка свечей и протянул мне канделябр. — Не скажу, что мне это по вкусу, но лучше так, чем то, что было раньше.

— А что было раньше?

— Сейчас увидишь.

Спальня.

И все та же нежная пастельная гамма, разве что с уклоном в зелень. Мягкий ковер. Белые тапочки. Гардеробная, забитая костюмами... шкаф для обуви.

Открытый.

Здесь было открыто все.

Кроме окон. Ручек я на них вновь же не заметила, как и щеколды.

— Открыть их можно лишь снаружи.

— А... если проветрить?

Эти комнаты были тюрьмой. Мягкой, обставленной с немалым вкусом — обувь и та гармонировала с обоями, — но все-таки тюрьмой.

— Здесь хорошая вентиляция. Матушка позаботилась.

Интересно, если я буду и дальше требовать развод, меня запрут в такой же? Почему бы и нет... объявят мертвой. Это несложно. Скажем, сорвалась со скалы в море, а море, оно не отдает своих жертв... хотя... поисковые заклęcia на крови не так просто обмануть.

Значит, все-таки убьют.

Несмотря на алмазы.

— Там, — Мар подтолкнул меня в спину. — Сейчас сама увидишь...

Эта комната была последней в анфиладе других, отличных лишь мебелью, да и та, выбеленная, словно из кости вырезанная, казалась одинаковой.

Эта комната отличалась от них, как день отличается от ночи.

Маленькая.

Подозреваю, что прежде здесь находилась кладовая, которую переделали, да и вправду, что безумцам в кладовой хранить.

Темные стены.

Неровные какие-то... я коснулась одной. Сухие. И ощущение знакомое.

— Он сам это расписал. Акварелью. Черной и синей. Сейчас плохо видно...

И алой. Желтой еще капля, только чтобы обозначить цвет. А у мальчишки талант. Будто угли у паркета разбросали.

Поднимается марево.

Дрожит.

И я ощущаю жар, исходящий от камней. Нет, не камней — черепов. Их здесь сотни, если не тысячи. Некоторые прорисованы с отвратительной тщательностью, другие лишь обозначены, но... черепа горят.

А над ними в темноте, вязкой, густой, перед которой и свечи бессильны, застыли души.

Вот дети.

Мальчишки со стертыми лицами, но все равно я понимаю, что Они кричат. Кривят рты, будто хотят рассказать о чем-то, но... кто будет слушать мертвецов?

Женщина, закрывшая лицо руками.

Девушка.

Девушки, похожие на птиц. Рукава их платьев длинные, почти достают до обожженной земли... так много людей. Я смотрю на них, а они смотрят на меня. И в какой то момент я почти оказываюсь там, по ту сторону рисунка. Я чувствую жар и холод, чужую боль.

Отчаяние.

Я тоже кричу, как кричат они, силясь прорвать стену молчания. Но и меня, как их, не слышат. И это длится... длится...

Я не знаю, как долго длится.

Оно заканчивается как-то сразу и вдруг с прикосновением к моей ладони. Это прикосновение обжигает, будто пламя.

— Теперь ты понимаешь? — Мар смотрит в пол.

И наверное, это правильно. А я заново учусь дышать.

— Понимаю. Он талантлив.

— Он утверждает, что знаком с каждым из них! — в этой комнате голос вязнет, но стены отзываются на него, они вдруг приходят в движение, нарисованные души. — Он придумывает им имена. Рассказывает... всякую ерунду. Вот, смотри...

Мар схватил меня за руку, сдвинул так, что слезы из глаз брызнули и подтолкнул к полноватой женщине, которая стояла спокойно. Лицо ее было блеклым, как у всех, а вот руки, скрещенные на животе, выделялись ярко. Они были прорисованы так подробно, что казались живыми. И пожелай она прикоснуться ко мне, думаю, я бы позволила.

Хорошие руки.

Мягкие.

— Это его бывшая нянька. Мы ее отослали, когда Йонасу исполнилось шесть. Боги, никто не собирался ее убивать! Зачем? Я дал отличные рекомендации и помог перебраться в столицу. Она работает в хорошем доме, с новыми подопечными. А он... он просто не смог смириться.

Мар хлопнул по другой стене, по ногам мужчины с раззявленным ртом. Он, в отличие от женщины, был лишь обозначен. Разве что заплатка на штанах выделялась ярким пятном.

— Балвис, старый пьяница. Жил в деревне. Рыбачил. Все там рыбачат. И утонул однажды. Пьяный. Бывает.

Я кивнула.

Бывает.

Нельзя жить у моря и не приносить даров.

— Йонас возомнил, что его убили. Требовал судить жену. Несчастливая женщина овдовела, вынуждена сама поднимать четверых детей, а он... ей пришлось уехать.

В деревне пошли слухи. Ей дважды ворота дерьмом мазали, потом и вовсе попытались поджечь. И все почему? Потому что темные люди поверили бреду сумасшедшего... а это Окрис, он упал с башни... да, Йонас был еще мал, но, верно, запомнил... утверждает, что его столкнули. Обвинил горничную и, опять же, бедняге пришлось уехать.

Женщины.

Мужчины. И снова женщины...

— Ее муж избивал. Вот и повредил что-то внутри. Пришлось суд устраивать. После я запретил мальчишке выходить к людям. Это дурно влияло и на него, и на них. Рыбаки уверились, что он и вправду отмечен Джаром. А Йонасу только этой веры и не хватало...

Люди кружились.

И мне стоило немалых усилий вырваться из этого хоровода. Что в комнате еще есть? Пол. Стены... стол, вернее, доска, прикрученная к стене. И держится она почти чудом. Листы бумаги. Карандаши.

Альбом.

И вновь — лица, лица... всегда разные, хотя и обозначены зачастую парой штрихов. Но я почему-то не сомневаюсь, что узнаю их, если...

Узнаю.

Уже узнала.

Вот эта девушка, которая лежала на траве. Линия губ. Легкая горбинка на носу... надо же, я и ее запомнила. Едва заметное родимое пятно на левой щеке.

— Видишь, — Мар подошел сзади. — Он нарисовал и ее. Обрати внимание. Он нарисовал ее без глаз.

ГЛАВА 38

Урчание в животе разогнало дрему. И Кирис встрепенулся. Надо... возвращаться надо. Придумать что-то в оправдание... или ничего не думать?

Главное, пойти.

Он-то сможет, а вот мальчишка, придремавший у огня? Его не бросишь, но и на себе не потащишь. У Кириса на это сил точно не хватит. Кажется, подруга детства взяла не только кровь.

Впрочем, стоило ему пошевелиться, и мальчишка открыл глаза. Черные, как треклятая ночь. Это позже Кирис понял, что просто сосуды полопались, отсюда и иллюзия черноты.

— Пора идти? — обреченно спросил Йонас.

— Не хочешь?

Мальчик выполз из кокона и потянулся к одежде.

— Опять запрут. Бабка, небось, нажаловалась папаше, а у того один разговор. Ты ведь тоже меня ненормальным считал, верно?

Отвечать не хочется.

Да и ответ не нужен.

— Считал. Поэтому и не пришел раньше. Я все ждал, ждал... думал, вспомните... правда, ее душу забрали. Кто? Не скажу. Кто-то из наших. Извини, был бы я сильнее, смог бы понять, а так... ее убили на том алтаре, как прочих, а душу забрали. Старый ритуал.

Он потер нос рукоятью клинка.

— Несложно... надо только иметь фиалы из алмаза... алмаз крепкий. Капля крови. Пара рун... к сожалению, в некромантии очень много простых обрядов. Таких, из-за которых стали ненавидеть именно некромантов. Но ты все равно мог бы прийти раньше.

— Извини.

Йонас пожал плечами.

— Я понимаю. Отцу выгодней представлять меня безумцем, да и... я, по сути, им и был. Но больше не позволю... я бы и сам мог сказать... я ведь слышал, как они умирают. А потом забывал. Вспоминал. Но это больше не казалось важным.

Он тряхнул головой.

— Зачем ты пытался себя убить?

— Чтобы не убить кого-то, кроме себя. Кстати, увидишь, удобное объяснение... будет... я совершил убийство и, не вынеся груза содеянного, покончил с собой. Но сперва расправился с тобой.

— Почему со мной?

Одежда высохла, впрочем, от грязи ее это не избавило. И теперь ткань раздиралась с сухим хрустом. Да и по жесткости напоминала наждак. Однако... избаловался Кирис. Привык к удобствам. Остались в прошлом времена, когда он и спал на земле, и грязи не боялся.

— Слишком много знаешь. Ему сейчас нужно избавиться от лишних людей.

Мальчишка пригладил волосы.

— Тебе не кажется, что ты преувеличиваешь?

— А тебе не кажется, — тон в тон отозвался Йонас, — что ты преуменьшаешь? Сам подумай. Что бы тут ни происходило, могло ли оно вообще случиться без его ведома?

Повертев ботинок, Йонас отправил его в угол. И то верно, задубевшая ткань — это еще куда ни шло, а вот окаменевшая кожа куда как болезненней.

— Не знаю.

— Знаешь, — мелкий поганец усмехнулся. — Все ты знаешь... а еще... в той истории тебя

подставили. Хотя...

Его улыбка была почти мечтательной.

— Это ты тоже знаешь... жаль не хочешь их отпустить. Это никогда не заканчивается хорошо. Мертвецам сложно с живыми. Поэтому не слушай. И вообще, идем. А то ведь соскучатся.

Дверь отворилась сразу. Из хода непривычно потянуло сыростью, и Кирис подумал, что стены неплохо бы укрепить, если уж обрушить их не дают. Деревянные перекрытия давно прогнили, кое-где просели.

— Погоди, — ему пришлось вернуться в дом, благо в шкафу нашелся запас старых свечей. — Держись за мной и... молись.

— Не умею, — свечу Йонас взял. Зажег от угля в камине, который вытащил пальцами.

— Что ты за жрец такой?

— Хреновый... я вообще это сразу говорил, но кто ж меня услышит.

В тоннеле пламя слегка присело, растеклось по воску. Но не погасло, уже хорошо. Когда-то на полке у двери хранились лампы, но то ли убраны были за ненадобностью, то ли сворованы, ныне полку покрывал толстый слой грязи.

Идти было недалеко. Почему-то не отпускало ощущение, что за ними все еще наблюдают, но Кирис отмахнулся: этак недолго и паранойю заработать.

— Мне здесь не нравится, — мальчишка держал свечу ровно, не обращая внимания на воск, заливающий пальцы.

— Тебе не больно?

— А? Нет... я не очень хорошо чувствую боль. У меня вообще с чувствами как-то сложно.

Кирис поверил.

То, что дверь приоткрыта, он понял по запаху. Вниз проникала смесь ароматов, заставившая желудок болезненно сжаться. Жареное мясо. Острый соус. Ваниль...

— Я есть хочу, — жалобно произнес мальчишка. — Может... побыстрее. А то заметят если, то накажут... сидеть еще и без ужина совсем неохота.

Кирис кивнул и добавил.

— Если вдруг... я принесу. Что ты любишь?

— Все люблю. Я неприхотливый, — он почесал ухо и смахнул с пальцев застывший воск. — Я... в принципе, если еда есть, то хорошо. Но мясо лучше всего... сырое... то есть не совсем чтобы сырое, но... в общем, бабка думает, что если меня поить молоком и кашами, то я избавлюсь от дурных привычек.

Станный рецепт.

Но Кирис кивнул: мясо так мясо. Он и сам надеялся, что их возвращение не то чтобы вовсе останется незамеченным — он все же не был настолько наивен, скорее, что заметят его далеко не сразу.

Есть хотелось.

И переодеться.

Грязная одежда приклеилась к коже, а вот о том, как вы глядят ноги, он вообще старался не думать.

Дверь отворилась беззвучно. Выходила она, как ни странно, на кухню, в один из нескольких погребов, где одуряюще пахло копченостями. И мальчишка, не удержавшись, — Кирис его понимал, — сдернул тонкую палку вяленой колбасы. Разломав ее пополам, он протянул кусок Кирису:

— Ешь, пока... тут хорошо, и Йорга не ругается. Она... ей кажется, что я значу больше, чем это есть на самом деле. В ней сильна кровь. А вот в ее племяннице крови не было. Дурь одна. Говорила, что меня любит, но с папашей переспала. Какая это любовь? — Йонас, окончательно утратив прежний лоск, говорил с набитым ртом, поэтому часть слов приходилось угадывать. — Но я ее не убивал.

Он проглотил недожеванный комок и добавил:

— Надеюсь.

Кирис тоже очень надеялся, хотя... следовало признать, что, будь мальчишка виновен, все бы упростилось. Никаких заговоров, никакой политики даже в отдаленном будущем, одно маленькое семейное сумасшествие. В старых семьях и не такое случается.

Йонаса даже не казнят — запрут в отдаленном поместье вместе с такими вот... неудачными детьми высоких браков. Накачают зельями, может, личность попытаются исправить. Ходили слухи, что ведутся и такие работы, но созданные ментальные заклятия в большинстве своем оказывались несовершенновыми и вместо исправления просто-напросто стирали память.

Если повезет, только память.

— Думаешь, что лучше бы это и вправду я? — Йонас вытер грязные пальцы о не менее грязную рубашку и, примерившись, отхватил кусок окорока. Оказывается, древний ритуальный нож и с ветчиной справлялся неплохо.

— Думаю.

— Хочешь, сознаюсь?

— Зачем?

— Всем станет проще. Мне тоже. Я думал об этом. Вешать не станут. Зелья... разум не поймет, что одурманен. Если до того не понимал, то и потом тоже. Зато никаких сомнений, никаких метаний. Спокойное существование. Чем не мечта?

Кирис выругался.

— Это ты зря... ты просто не понимаешь.

Он и вправду не понимал, а потому присел на камень, которым придавливали мясные заготовки, сказал:

— А как же мертвые?

— Найдут себе другого судью... только... что потом с моей душой станет? Думаете, он разозлится?

— Кто?

Колбаса была вкусной. Высушенной почти до деревянной твердости, сдобренной диким чесноком и острыми приправами, а потому жгучая и в то же время сладковатая. Окорок оказался не хуже.

— Джар, — мальчишка озираясь. Кусок колбасы он спрятал под рубашку. Ветчину, разделив на тонкие полоски, запихал в карманы. — Даже люди злятся, когда кто-то отказывается от их подарка, что уж о богах говорить... и не смотри, обыскивать точно не станут, а взаперти лучше с колбасой, чем без.

В этом имелась толика здравого смысла.

Кирис икнул.

И... подумал, что идти все-таки придется. Остаток жизни среди колбас не проведешь. Да и дверь на кухню рядом, вон, виднеется светлым пятном. Два шага и толкнуть.

А дальше что?

Мар потребует отчета.

Лгать?

Сказать правду?

— Что, шея чешется? — поинтересовался мальчишка. — Это предчувствие... на тебе уже метка появилась.

— Завещание пора писать?

Руку от шеи Кирис убрал. Вряд ли его собираются удушить. Скорее всего яд... или револьвер? Весьма удобное оружие, безликое по сути своей.

— Поздновато. Здесь все равно от твоих бумаг останется пепел... на всякий случай. Папаша не любит сюрпризов, а так... мало ли что ты мог написать?

Действительно, мало ли что.

— Дожевал? — поинтересовался Кирис, вставая. И мальчишка кивнул. — Главное... меня во всем обвиняй. У тебя был приступ, а я воспользовался. И ты ничего не помнишь. Как из дому ушел, помнишь, а потом очнулся уже в доме зрителя. И как очнулся, так мы и пришли.

Поверят ли?

Вряд ли, но вид сделают, поддерживая чужую игру. Что ж, все лучше, чем ничего.

— А знаешь... — мальчишка прикрыл глаза. — Тут убивают кого-то...

Договаривал он уже в спину.

— Да не спеши ты так... уже все...

Она лежала у основания лестницы.

Она лежала, широко раскинув руки, и белое платье выглядело резким белым же пятном. Оно было ярче свечей и даже светильника, который лениво, тяжело вспыхнул, повинувшись движению Маровой руки. Стало быть, не так грозна буря, как нам пытаются представить?

— Эйта милосердная, — прошептала Лайма, отступая к стене. Она пятилась и пятилась, глядя на собственные руки, измазанные в чем-то алом.

Кровь.

Конечно, этим вечером для полноты ощущений не хватало только крови.

И странно, что на платье ее почти нет, так, пара капель.

Лайма тоненько всхлипнула и закрыла глаза.

— Что здесь происходит...

А вот эйта Ирма вышла откуда-то из бокового коридора, разглядеть который у меня не получалось. Скрытый? И не для таких ли случаев предназначенный.

— Доигралась...

Я сбросила с плеча руку Мара и подошла к телу.

— Не трогай мою дочь...

— Заткнись, — я присела и осторожно коснулась шеи. Я еще надеялась, что, быть может, Сауле жива. Мы, конечно, никогда особо не ладили, а временами я вполне искренне ее ненавидела, но теперь она была мертва.

А я нет.

Шея теплая.

И рука. Пульса нет. И сердце в груди молчит. А вот кровь имеется и много. Кровь расплзается под телом этаким глянцевой тягучей лужей... и знать бы, что это означает.

— Набралась и упала с лестницы, — спокойно сказал Мар.

Лицо его было... непроницаемо?

Равнодушно? И даже я не могла понять, умело ли он скрывает эмоции и собственную слабость, либо же ему действительно наплевать.

— Ее зарезали, — я осторожно сдвинула рыжую прядь.

Сауле лежала ничком, широко раскинув руки. Ее волосы разметались, прикрывая и плечи, и эту самую шею, на которой зиял черный след раны, и само лицо.

— Самоубийство? — робко заметила эйта Ирма. — Как не вовремя...

Раздражение.

И стиснутые пальцы с побелевшими костяшками... а меня мама любила. Я помню. Мы вместе ходили к морю, расстилали на берегу клетчатый плед. Помню и нашу корзинку для пикника. И сам берег. Мамин голос. Ее просьба быть осторожней. Крабов, которых я ловила, а она делала вид, что боится, и кричала... многое помню.

У Сауле, кажется, не было ничего подобного.

Золото вот было.

Имя.

Сила... а пикников — нет. И теперь ее матушка злится, но вряд ли на того, кто убил Сауле. Мне жаль... я осторожно погладила пряди.

— Странное самоубийство. Вы пробовали когда-нибудь себе горло перерезать?

— Заткни эту девку.

— Мар, ты же понимаешь, что ее убили...

— Я был с тобой.

Был. Со мной. Решив вдруг посвятить в некоторые тайны семьи. Безумный сын, не совсем нормальная супруга, матушка властная и убийца.

— Я чист, — сказал Юргис, поднимая руки. — Если бы это был я...

А вот он выглядел мрачным.

Настолько мрачным, что мне, честно говоря, становилось слегка не по себе.

— Крови здесь было изрядно...

Он обошел тело и Мара, легко взбежал по лестнице и остановился.

— Здесь. Ее убили здесь... вот... — Юргис присел и указал на что-то. — Она стояла... спиной? Спускалась? А убийца подошел сзади... он был быстр... одно движение и кровь летит веером. Смотрите, вон там и там...

— Хватит, я больше не желаю это слушать, — эйта Ирма схватилась за голову. — Я требую, чтобы этот нелепый спектакль прекратили... мне жаль Сауле, но она сама виновата.

— В чем? — вкрадчиво поинтересовался Юргис.

Он спускался, но медленно, останавливаясь на каждой ступеньке, разглядывая каждый клочок пола.

— Она пила... много пила. Вела себя безобразно. Эти связи... я готова была закрыть глаза на многое, все же моя дочь... моя ошибка.

Перерезали горло и столкнули с лестницы.

И она полетела, теперь я тоже вижу темные пятна, словно следы. Она, наверное, даже не успела понять, что произошло.

Но... кто?

Мар?

Он и вправду был со мной все время, будто... будто знал, что ему понадобится алиби. В другое я бы не поверила. А в это... откуда сомнения, если...

Эйта Ирма?

В их безумном мире мать вполне способна избавиться от детей. Но она... была с Юргисом? Пришли они определенно вместе. И думать не хочу, чем они занимались.

Он смотрит на любовницу так... пристально?

Презрительно.

— Но она окончательно потеряла край. Я собиралась отправить ее лечиться, однако убивать... зачем мне убивать Сауле?

— Быть может, затем, чтобы она не рассказала правды? — поинтересовался рыжий.

Надо же... какой сюрприз.

А выглядит он... скажем так, в высшем свете явно не одобрят. Мало того что босой, так еще в мятой, покрытой грязью, словно коростой, одежде. Волосы тоже слиплись, срослись грязными сосульками.

— Какой правды?! — взвизгнула эйта Ирма. — Мар!

— Я рад, что ты вернулся, — Мар подал мне руку. — Теперь я могу надеяться, что смерть моей сестры...

Он запнулся, явно не зная, что еще сказать.

— Ты сделаешь все, чтобы найти убийцу.

— Сделаю, — сказал Кирис, не сводя с меня взгляда. И было в нем что-то... да, определенно мне стоило бы завести любовника.

Или двух.

Или...

— Как только поле стабилизируется, я прикажу отправить телеграмму. Идем, Эгле, нам здесь больше нечего делать.

— Я, пожалуй, останусь...

— Идем.

— Нет.

А вот теперь он разозлился. Мару не стоит перечить. Не сейчас.

— Мы были вместе, — примиряюще сказала я. — В доме не так много людей...

— С прислугой, — эйта Ирма, осознав, что никто не станет обращать внимание на ее тонкую душевную организацию, заговорила нормально. — Больше двух сотен...

— Полагаете... — Кирис опустил на корточки у тела, и грязь на некогда белой рубашке пошла трещинками. Я же спрятала руку за спину, до того захотелось вдруг стряхнуть эту грязь.

А еще спросить, где он был.

Нехорошо уходить из дома в бурю. Люди же волнуются. Ладно, не только люди.

Я волнуюсь! Он, может, трижды маг распрекрасный, но я знаю, что и маги умирают. Сауле тоже была сильной.

Ей не помогло.

— Ну не вас же подозревать, — ядовито произнесла эйта Ирма. — Лайма — чересчур ничтожна. Она только и может, что ныть, а если кого и зарежет, то себя. И то не до конца...

— Вы... я вас ненавижу, — всхлипнула Лайма, отчаянно пытаюсь оттереть кровь с ладоней. — Я... я на нее упала... споткнулась в темноте. Зачем нужно было погружать дом в это...

— Ты, дорогой любовничек, пусть старательно делал вид, будто поражен мной, но не отказался бы залезть в постель к Сауле, хотя... может, и залез. Беда в том, что после ужина ты и вправду не отходил от меня ни на шаг.

Ирма отмахнулась от предложенной руки.

— Мар... ты уединился с этой мышью. Неужели и вправду надеешься, что она в достаточной мере туповата, чтобы поддаться на твое очарование? Мне казалось, девочка немного повзрослела... а впрочем, это не мое дело.

Кирис бросил на меня взгляд, а я... кажется, покраснела.

— Ты права, мама, — сквозь зубы процедил Мар. — Это и вправду не твое дело.

— Остается мой дорогой внучок. Но он бы не стал действовать так примитивно. Мальчику нужно время и...

— Он был со мной, — Кирис прижал пальцы к шее.

— С еще одним верным псом, который по слову моего дорого сыночка уничтожит, хоть шлюшку, готовую рот раскрыть, хоть... еще одну шлюшку, которая по странному совпадению тоже устала молчать. Тебе ведь не впервой убирать лишних людей? — с улыбкой поинтересовалась эйта Ирма. — Ты, девочка...

Теперь ее взгляд был обращен на меня.

— В своей глуши, вероятно, отстала от жизни, но скандал был... просто поразительно, какой был скандал. Его Величеству пришлось вмешаться, чтобы спасти этого... песика от виселицы. Во что он нам обошелся? Доля в Эйшбургских верфях и пара патентов? И скажи, оно того стоило?

Эйта Ирма развернулась:

— И да... конечно, можно было бы предположить... исключительно предположить, что убийство совершил кто-то из вас... нашел способ присутствовать сразу в двух местах или... переступить через собственную никчемность, но... факты таковы, что на пару ничтожеств в доме приходится несколько сотен человек, среди которых отыскать кого-то жадного и не слишком брезгливого несложно.

— Поделишься опытом, матушка? — Мар произнес это тихо, но... мне стало не по себе.

— Дорогой... это скорее у тебя просить надо... — она кивнула нам и велела: — Идем, Лайма, тебе точно не обойтись без успокоительного. Ты себе руки в кровь разодрала... боги, я же предупреждала, что тебе категорически нельзя нервничать. Идем, идем... не стоит оставаться одной в этом доме... как знать, может, моему сыну не только Сауле мешала...

Они удалились.

Эйта Ирма и Лайма, которая все так же не отрывала взгляда от пола и при этом старательно, с какой-то остервенелой сосредоточенностью скребла собственные руки.

— Эгле?

— Нет... мне, пожалуй, интересно, — я демонстративно оперлась на перила. — И надеюсь, здесь нам ничего не грозит?

А ведь эйта Ирма подала донельзя здравую мысль. Зачем убивать самому, если можно кого-нибудь нанять? Кого-то беспринципного. Небрезгливого. Способного не только перерезать горло беззащитной женщине, но и... вырезать ей глаза.

А если так, то... найти этого человека почти невозможно.

Пока.

Потом... когда представление будет закончено, когда Мар добьется своего, чего бы он на самом деле ни добивался... этого человека тоже не оставят в живых. Быть может, он уже мертв, сам того не зная, но... как-то вот... страшно стало.

По-настоящему.

— Поможешь перевернуть? — спросил Кирис и обращался он к Юргису, напрочь игнорируя и меня, и Мара. Обидно. — Вот так... аккуратно... голову придерживай, разрез глубокий... смотри, почти до кости... сила немалая и инструмент острый.

Мар наблюдал.

Молча.

И... зло?

Смотрела и я. Не из пустого любопытства, не из надежды увидеть что-то, что упустят эти двое. Я все же не настолько наивна, но... сама не знаю почему. Я просто смотрела. Вот Кирис придерживает тело за плечи, а Юргис очень бережно, даже с нежностью поворачивает голову.

Вот убирает прилипшие к лицу пряди.

Склоняется.

Касается губами белого лба. Лицо залито кровью и кажется черным, как и нелепое это белое платье, будто Сауле знала, что ее ждет.

— Тело надо убрать в ледник. — Кирис отворачивается, и я тоже. Этим двоим не хватило времени при жизни, а теперь вот поздно. Но Юргис прощается.

И шепчет что-то.

У меня не настолько хороший слух, чтобы разобрать слова, однако я знаю: он обещает найти убийцу. И хотелось бы верить, что обещание сдержит.

Хотелось бы.

Верить.

Хоть кому-то.

— Вот этим и займешься, — Мар вернул маску спокойствия и отрешенности. — А заодно... надо будет дом обыскать. На кровь... конечно, вряд ли что-то выйдет... буря искажает заклатья, но если попробовать... почему бы и не попробовать?

Юргис кивает.

А я... а мне вновь кажется, что Мар лжет. Но где и в чем? Сложно.

— Тогда... — Кирис укладывает тело. — Лучше здесь. От нее если... и позволь Йонасу...

— Нет.

— Ты не понимаешь...

— Это ты не понимаешь, — Мар не переходит на крик, но и шепот его страшен. — Парень давно уже не в себе. А ты хочешь подпитать его безумие?

Кирис не отвечает.

— Я буду вести. Я тоже одной с ней крови.

Он подходит к телу. Осторожно, крадучись, и шаги его бесшумны, тени и те не тревожатся, но уходят, отступают, освобождая место человеку.

Мар наклоняется, опуская пальцы в лужу крови. Он чертит знак на лбу Сауле. Это почти метка, почти клеймо. На мгновенье наши с Маром взгляды пересекаются, и он презрительно кривит губы. Мол, видишь, до чего приходится...

Вижу.

— Отойдите...

Я знаю этот поиск. Простейший ключ, который проходят курсе этак на третьем, и студенты развлекаются, пытаясь найти меченый кровью платок.

Прятки на четвертом.

И на пятом, когда нужно не только найти, но и со щитами, препятствующими поиску, справиться. Мар... чертит то самое, простое и надежное в своей простоте, заклятие для третьекурсника. И кровь вспыхивает зеленоватым неровным светом.

На огонь похоже.

Пламя дрожит над лужей, расплзается по лицу, подкрашивая мертвые черты зеленью. Оно поднимается дорожкой по ступенькам, чтобы погаснуть где-то там, наверху... и Мар морщится, не скрывая злости.

— Не работает...

— Если силы добавить?

— Силы здесь с излишком. Я же говорю, время на редкость... неудачное, — он сбивает огонь с ладоней, а потом отчаянно трет их о штаны. — Проклятье... наверное на перилах, когда спускались...

Возможно.

Только... я шла впереди, а мои руки чисты.

ГЛАВА 39

Мертвая Сауле весила немало.

Она и живая-то не отличалась худобой. Бывало, Кирису приходилось относить перебравшую невесту в ее покои, и пожалуй, он многое бы отдал, чтобы так оно вновь и случилось.

Алкоголь.

Много алкоголя.

И капля травки, которая поднимает настроение, а заодно позволяет говорить обо всем. Даже о том, о чем говорить не следует. Надо только задать правильный вопрос.

И кристалл не забыть.

Все равно ведь не вспомнит.

— Думаешь, братец так уж предан короне? — Сауле распласталась на кровати, она лежала, обнаженная и, наверное, красивая, только эта, выставленная напоказ красота, не вызывала ничего, кроме раздражения. Вчера пришлось разбираться с очередным ее любовником, простоватым парнем, слишком наивным, чтобы просто отступить, бросив названую невесту. Ей нравилось собирать женихов. — Думаешь, его интересует дело? Нет... спроси у него про закупки... только не напрямую. Прямую если, он солжет. Он всем лжет... мне пообещал, что если я буду хорошо себя вести... если приручу тебя... отпустит. Только это тоже... нельзя... говорить.

Она смеется и захлебывается, сперва слюной, потом рвотой. Ее выворачивает на скользкие простыни, на мягкий ковер, мимо серебряного таза, который стоит под кроватью.

Слуги предусмотрительны.

А Кирис в этот момент ненавидит и ее, и себя.

Есть за что, да.

Но сейчас она тяжелее, чем обычно. И нести ее нужно не в покои, а вниз, в ледник, где уже лежит одно тело. Потом, позже, он позовет в ледник мальчишку, что бы там Мар ни говорил.

Жаль, одним свидетелем меньше.

— А знаешь, я на тебя почти и не злюсь, — Сауле переворачивается на живот, сигаретку она не выпускает изо рта. Волосы ее рассыпаются по остреньким плечам, скрывая выводок неблагоприятных веснушек, которые она выведет.

Когда-нибудь потом.

— Раньше злилась, да... хотела изувечить, как он меня... особенно когда поняла, что тебе на меня наплевать. Почему, к слову? Я ведь красива.

— Не люблю пьяных женщин, — Кирис пересаживается в кресло. — Значит, откаты?

— Фи, как грубо... но откаты... откаты — это мелочь... все берут, отчего бы Мару брезговать... нет, тут другое... знаешь, кем она была, та девочка, которую ты якобы убил?

— Любовницей Мара?

— И это тоже, но... т-с-с, об этом не стоит упоминать вслух... впрочем, у моего брата любовниц столько... и через одну полезные. Она вот умела ставить печати... такие, знаешь, маленькие печати... скажем, на металле... о соответствии качеству... по уложению проверяется каждая десятая... деталь партии... случайным образом. Но мы-то знаем, что случайностей нет... что можно попросить... очень хорошо попросить... и проверяться будет один паллет из десятки... конкретный... и все будет соответствовать... это ведь удобно... когда спешишь на свидание, когда опасаясь, что тебя вот-вот оставят, ведь он не любит ждать, такой замечательный Мар с неудавшейся личной жизнью. Ты ведь знаешь, что на неудавшуюся личную жизни бабы ловятся лучше, чем акулы на кусок кровавого мяса...

Она икает и зажимает рот.

— Что ты мне подмешал?

— Ничего.

— Я... знаю немного, но достаточно... если Мар... если он хотя бы подумает, что я... что ты... скажи ему, что я тебя соблазнила.

— Непременно.

— Я не хочу умирать.

— А чего ты хочешь?

— Новое имя, — ее взгляд трезвеет. — Новые документы. Новую жизнь. Я не хочу иметь ничего общего ни с ним, ни с моей шибанутой мамашей... думаешь, я сама пить начала? Нет... я... вырвусь отсюда, да? Я все расскажу...

Она знала не так и много, хотя и достаточно.

Частные проверки подтвердили, что отмеченные королевской печатью крепежи и вправду соответствуют заявленному качеству.

Но лишь они.

А вот остальные... взять сталь подешевле. Не настолько, чтобы дешевизна бросалась в глаза, о нет, Мару, уже тогда наметившемуся в канцлеры, скандалы ни к чему. Просто... надежность конструкции немного уменьшится. Но в конце концов башни строили с большим запасом прочности, и если сталь немного, самую малость будет отличаться, вреда не будет.

— Кто еще? Да много кто... — Сауле прижимала к груди бутылку с травяным настоем, который пила медленно и морщилась. — Думаешь, меня посвящали? Моя задача — проверить, чтобы ты сидел на коротком поводке... я и проверила, да... вчера матушка поинтересовалась, почему ты ходишь к той вдове... я тебя не удовлетворяю?

Она пригубила отвар.

— Я сказала, что... ты мне отвратителен. И мне насрать, к кому ты ходишь.

— Не переигрывай.

— Мне кажется, они знают. Мар намекнул, что я плохо работаю... мне страшно.

— Осталось немного.

— Неужели вам все еще мало?

— Мало, — вынужден был признать Кирис. — Твои слова — это только слова. И ты сама знаешь, на что способен твой брат. Скверлон, который отвечал за поставки, мертв. Несчастный случай. А у Маргова вдруг печень отказала. Даргомский молчит.

— И будет молчать. Что? Старинный, так сказать, друг матушки... у него внучка чем-то там болела. И матушка готовит эликсиры... только она и умеет. И он знает, что если раскроет пасть, то матушка обидится. А стало быть, внученька умрет... ей уже шестнадцать, кажется... выросла... благодаря маменьке. Хотя...

Сауле поморщилась.

— У меня от этой отравы изжога.

— Терпи. Яды не выводятся так легко, а алкоголь — тоже своего рода яд.

— Ты мне это рассказываешь? — фыркнула Сауле. — Меня теперь от одного запаха мутит, но... к Лайме присмотритесь. Она многое знает, но предана Мару, что собака... не знаю, что он с ней сделал и как, только за него горло перегрызет... кому угодно. И подозреваю, с превеликой радостью. Иногда она... совсем теряет чувство реальности.

На горле выделялась черная полоса.

Когда-то в моде были такие бархатные полосочки, к которым крепился камешек-подвеска. Сауле бы пошла, шея у нее длинная... была.

И что это?

Его ошибка?

Та самая, роковая, обесценивающая почти всю работу, ибо свидетель живой мертв, а мертвецы... кто поверит словам завистливой алкоголички? Пусть и записанным на кристаллы, но...

Кирис уложил мертвую невесту на стол.

Документы были готовы.

Он не лгал.

Новое имя.

Новое лицо. Новая работа. В конце концов на корону работают многие, и ничего в том зазорного нет. Просто где-то в городке, неприметном и провинциальном, появилась бы молоденькая вдова...

Ей нравилась сама эта мысль, обмануть брата.

— Ты бы знал, сколько он мне крови попортил... а ты в курсе, что прадед наш преставился незадолго до того, как матушка понесла? И дед следом... вдруг... скоропостижно, — она захихикала и прикрыла глаза. — Прости... пришлось выпить... матушка красного вина подсунула, не поверила бы, если бы я...

— Ничего.

— Я больше не буду... никогда не буду... племянников вытащи. Не виноваты, что мой братец — урод... смотри, если с поставщиками не вышло, попробуй через банк.

У папаша Лаймы братец имеется, а у того — свой банк... это очень удобно. Мар открыл три торговых представительства... надо же как-то объяснить, откуда деньги берутся, только торговля там идет на бумаге.

— Проверим.

— Только осторожно... он что-то чувствует, точно... ты же меня защитишь?

Не сумел.

Пообещал и... снова... история имеет обыкновение повторяться.

— Я найду, — пообещал Кирис мертвой женщине, и, показалось, та улыбается. То ли насмешливо: глупый, столько лет в этом дерьме, а наивности не подрастерял, то ли, наоборот, одобрительно. Ему бы хотелось думать, что одобрительно.

Он отступил и, окинув тело взглядом, покачал головой: когда придет помощь, придется многое объяснять... и кажется, его карьера, и без того мертвая, умрет окончательно. Что ж... для Кируса тоже готовы новые документы.

И новое лицо.

В ушах раздался шепот Сауле:

Он затаился... он знает, что почти победил. Он осторожен... пообещайте ему что-нибудь... что-нибудь такое, чтобы Мар решил рискнуть... не знаю, сами придумайте... нет, он уже считает себя канцлером. Другое. Что-то, что заставит его действовать.

Пообещали.

У Эгле темные глаза, там, на лестнице. И в них отражается дом, не этот, другой, которым он мог бы стать. От ее волос пахнет морем и свободой.

Ее любят чайки.

А люди попытаются убить. И если недавно Кирис был уверен, что сумеет защитить, то теперь...

Он повернулся к Сауле спиной. Что ж... если не останется другого выхода... то... плевать, что он приказ нарушит, а печать не даст солгать. Пусть судят.

И вешают.

В тот раз он почти смирился. В этот... хотя бы будет знать, что жил не зря. Главное, ударить первым.

А меня заперли.

Надо же.

И ладно бы в собственных моих покоях, но нет... Мар взялся провожать, хотя явно было, что делает он это не от большой ко мне любви.

Соображения безопасности.

Убийство.

И чужой человек в доме. Мар так уверенно, напористо говорил про этого чужого человека, который пробрался в дом, чтобы убить Сауле, что я почти поверила.

— Пойми, у меня много врагов. И некоторые не остановятся ни перед чем, — Мар тянул меня по коридору и только стоило опомниться, сообразить, что коридор другой — в этом доме они вообще отвратительно похожи, — меня впихнули в комнаты. — Это исключительно ради твоей безопасности. Я надеюсь на твое благоразумие.

И дверь закрыли.

Не на ключ, что характерно — за стеной зашелестел засов.

— Мар!

— Эгле, ты мне кажешься несколько... своевольной, что, быть может, неплохо для женщины, но не сейчас. Я не могу рисковать твоей жизнью. И не пытайся выбраться. Стены изолированы. Дверь укреплена.

Просто прелесть, до чего мило.

— Ты скотина.

— Мы оба знаем, что я о тебе забочусь. Всегда заботился. И надеюсь, ты меня простишь...

— А если я есть захочу?

— Позвони в колокольчик. И тебе принесут. Есть. Пить. Ночную вазу. Что угодно в разумных пределах...

Ага, только осталось проверить, где эти самые пределы пролегают.

Я пнула дверь, больше для поддержания образа, чем из надежды ее проломить, и послала Мара по батюшке... и по матушке... и по всему генеалогическому древу.

— Кстати, — сказал он, как почудилось, не без толики злорадства, — использовать дар тоже не выйдет. Покрытие из альбеста.

Вот же...

— Ты сволочь, — сказала я, ковырнув стену. Мягкая бумага поддалась, а вот альбест... сомневаюсь, что здесь цельные плиты, все же дом и специальное заведение для условно опасных одаренных — разная вещь.

Альбест — это дорого.

Почти так же дорого, как алмазы, особенно если брать плитами или пластинами.

— Ты потом сама спасибо скажешь, — ответил Мар. А главное, с этакой непрошибаемою мужскою уверенностью.

Идиот.

Нет, он умный, но все равно идиот...

— Эгле?

Молчу.

Разглядываю место своего заточения, пытаюсь прикинуть, сколько здесь альбеста с учетом того, что и в королевской тюрьме особого режима стены особых камер выложены плитами толщиной в волос. Сама видела.

Водили на экскурсию, в познавательных, так сказать, целях.

Так вот, плиты эти обладают отвратительным свойством поглощать энергию, в результате... а в результате любая структура распадается еще до того, как будет завершена. И даже если ее вдруг

удастся завершить, все равно распадается.

Наставник, помнится, взорвал в камере огненный шар.

Камера не пострадала.

— Эгле, ты обиделась?

Интересно, он и вправду полагает, что я бодренько отвечу, мол, нисколько, и вообще всю жизнь мечтала, чтобы меня заперли где-нибудь... в прохладном местечке.

Я потеряла руки. Холод... холод — это естественный итог поглощения энергии.

Любой энергии.

После той экскурсии, помнится, Паняшка, наш староста, снискавший славу человека весьма пронырливого, хотя и не особо умного, шепотом делился информацией. Мол, в таких камерах маги весьма скоро лишаются дара.

А то и сил жизненных.

И потому их раз в пару часов выводят на прогулку. Но если разозлить надзирателей или не заплатить, то мага забудут вывести и тогда...

— Эгле, что ты как маленькая...

А ты большой?

С-скотина... зато все мысли о любви из головы вынесло. И напротив, такая ясность наступила, что просто диву даешься. Стало быть, все-таки имело место внешнее воздействие, слабое, узконаправленное, но постоянное, судя по тому, насколько мне легче стало.

Что ж... прав был Мар, я ему уже благодарна.

— Эгле... ты жива?

Не дожدهшься.

Я потеряла виски, пытаюсь отрешиться от ноющей боли. Причем болело слева, а в правый будто эхо отдавало. А ведь защита от ментального воздействия не сработала. И о чем это говорит? О том, что защиту нужно совершенствовать. Идеальной не существует, да и, судя по всему, воздействие было подпороговым.

Зато истаяло почти мгновенно.

Комната оказалась небольшой. Оно и понятно, альбест — это очень дорого...

Окон нет.

Камин... забран мелкой решеткой, сквозь ячейки которой и палец с трудом пролезет. И главное, решетка эта крепится к штырям четырьмя замками.

Огонь, что характерно, горел.

Ярко так.

Стало быть, комнату приготовили. Определенно. Вот и постель разобрана. Белье пахнет свежестью и лавандой. Кровать прикручена к полу, как и стол, и стул.

Да уж...

— Я приду попозже...

Иди, чтоб тебя... и если вдруг свернешь шею, я печалиться не стану.

Я села на стул. Поерзала. Жесткий. Сбит из бруса, грубоват с виду, хотя брус тщательно отполирован и покрыт лаком. Стол такой же. Его, если и открутить получится, просто так не сдвинешь.

Картины... тоже прикручены к стене.

Что еще?

Ни корзинок с рукоделием, ни книг, ни иных опасных для физического и душевного здоровья предметов. Думать не хочется, кого в этой комнате запирали, но... потом спрошу.

Когда выберусь.

А я выберусь, я буду не я.

Перебравшись поближе к камину, я попыталась сосредоточиться. Так и есть, энергетический слой разряжен, альбест тянет на себя силу, как из явного, так и из тонкого мира. Вот только... не всю... я прекрасно помню, что в тех камерах, в которых нас заперли... исключительно в целях воспитательных, да... так вот, в них и воздух-то, казалось, готов был иссякнуть.

Здесь...

Иначе.

Стало быть, для этой площади толщину блокирующего слоя стоило бы увеличить. Я попыталась создать огневика, но заклятие рассыпалось, правда, далеко не мгновенно.

Что это дает?

Сил у меня... будем откровенны, я никогда-то не была сильным магом. Мар, Сауле... да три четверти моих однокурсников были сильнее меня.

Я сняла браслет.

И прошлась по камням... если подумать... очень хорошо подумать... поглотительная способность у альбеста велика, но не бесконечна. Зависит она в том числе от количества материала, увеличиваясь в геометрической прогрессии по мере роста массы в арифметической.

Камней было не так и много.

Я подошла к стене и поскребла обои. Мягкие... нет, сомневаюсь, что Мар стал бы тратить столь дорогой материал, соединяя его с бумагой. Скорее всего, обои наклеены поверх.

Я провела кончиком ногтя.

След остался.

Итак... если прикинуть размеры комнаты... потолок тоже учтем, ибо мой муж при всем поганстве характера — тварь предусмотрительная... и пол... площадь высчитать, а вот что делать с толщиной? Брать наугад?

Ненавижу считать наугад.

Я вернулась к камину и присела. Что делать?

Ждать?

Чего? Когда меня придут убивать? Или, опоив, переправят в какое-нибудь тихое местечко, где и дальше можно будет работать... скажем, над моим сознанием. Или силой воли.

Или...

Нет уж, как-то не прельщает меня ожидание.

Этна?

Она должна была ощутить разрыв связи. Альбест блокировал и кольцо. И как себя поведет? Замрет? Бросится на поиски, выдав себя? Она вполне способна вскрыть дверь снаружи, но... почему-то этот вариант мне тоже не кажется оптимальным.

Выбраться самой?

Идеально было бы, но... как? Устроить взрыв, который выжжет защитный слой?

Я и мощность-то требуемую рассчитать не могу, не говоря уже о том, что сама-то я, в отличие от альбеста, не готова поглощать энергию. И в каком углу мне при этом взрыве прятаться?

В углу...

Если не всю комнату... мне ведь вся не нужна, если подумать... зачем уничтожать гору, если можно построить тоннель? Образно говоря...

Допустим...

Допустим, у меня получится локализовать участок воз действия.

Как?

Рунной цепью. Руны сами по себе инертны, соответственно поглощать из них нечего. Нанести узор, а после наполнить его энергией. Только... как отсечь остальную массу альбеста? Активировавшись, руны потеряют инертность. Следовательно... следовательно необходимо физически отделить зону воздействия от основной массы материала.

Как?

Я огляделась.

Пустота... так, похоже, придется требовать ужин.

ГЛАВА 40

Кирис смыл грязь.

А вот одеваться пришлось под насмешливым взглядом Мара.

— Вижу, ты не слишком расстроен? — пуговицы норовили выскользнуть из пальцев. Они, эти пуговицы, оказались вдруг неудобными.

А пальцы неповоротливыми.

— Тебе солгать?

— Нет.

Мар устроился в кресле у окна, все еще задернутого пленкой силового щита. В руке он держал тонкую асбестовую палочку, которую крутил в пальцах.

— У меня с сестрой всегда были непростые отношения...

— Но ведь она все равно... родня.

— Все равно, — согласился Мар. — Поэтому я найду ее убийцу и вздерну его. И это будет мой долг старшего в роду. Но печалиться... в последнее время она совершенно потеряла края. А ты, вижу, огорчен.

— Она была моей невестой.

— То-то вы оба спешили со свадьбой...

Рубашка, словно нарочно, застегнулась неровно, и пришлось искать ошибку. Рядом с Маром Кирис чувствовал себя неуклюжим. Как есть деревенщина, которая по счастливому случаю выбилась в люди. Правда, случалось это лишь тогда, когда Мар хотел. Выходит, именно сейчас ему зачем-то потребовалось выбить Кириса из равновесия. Вот и играет в благородного эйта, вынужденного снисходить до общения с плебеем.

— Мне жаль ее, — на сей раз рубашка сдалась, правда, каким-то непостижимым образом умудрилась измяться. Вот как у Мара получается целый день проходить, и на рубашке ни складочки, ни залома, а Кирис...

Дервенщина и есть.

Все это знают. И Мар в том числе. Отсюда эта снисходительность, готовность прощать. Ведь откуда людям, выросшим на берегу, знать, как следует обращаться с одеждой.

— Она не заслужила смерти. Такой.

— Увы... не каждый из нас получает то, что заслуживает. Это жизнь, мой друг, — последние слова, как показалось, Мар произнес издевательски. — Нам нужно решить, что делать дальше...

— А есть варианты?

— Варианты есть всегда, — темная палочка коснулась виска. — К примеру, мы можем вызвать подмогу, положиться на твоих... бывших коллег.

Эта пауза тоже не осталась незамеченной, но Кирис заставил себя сосредоточиться на пуговицах.

У жилета тоже мелкие.

Неподатливые.

— Но тогда смерть Сауле станет достоянием общественности. Пойдут слухи... полагаю, многие обвинят тебя.

— Почему?

— Просто потому, что ты — не их круга, — Мар пожал плечами. — И еще потому, что пытался стать равным. И потому, что ты при мне... и еще потому, что тебе приходилось убивать... женщину... вспомни, ты ведь ее зарезал, верно? Это... было нужно, я верю...

Вкрадчивый бархатный голос.

Пуговицы.

Мать их, крохотные квадратные пуговицы со скользкими углами. И узкие петли, которые попробуй-ка найди в плотной ткани.

— Мне стоило немалых сил вытащить тебя из петли. Я просто поверил, что у тебя имелись причины... веские причины убить Элину Ригис.

— А в то, что не я ее убил?

— Как скажешь, — Мар расплылся в улыбке. — Следствие тоже ошибается, и улики, помнится, были косвенными. Да, я помню... как сейчас, да? Дюжина резаных ран, свидетелей нет... алиби... сейчас твоё алиби — полубезумный мальчишка, который живет в фантазиях.

Пуговицы закончились.

На пиджаке тоже.

И пиджак сел криво, если верить зеркалу. А ведь шился на заказ, но... почему одно плечо получилось выше другого? Или... конечно, все дело в осанке. Ее Кирис держать не приучен, вот и морщит отличный серый пиджак.

Вельма сказала бы, что он безнадежен.

— Думаешь, он точно скажет, когда вы вернулись? Сауле была еще теплой...

— Он... слышал, как ее убивают.

— И кто в это поверит?

Мягкий вопрос и мягкий взгляд, в котором читается легкий упрек: нельзя же быть настолько наивным. В прошлый раз твою шкуру спасло чудо, но кто сказал, что они часто случаются?

— Ты же понимаешь, друг мой, что многие... из твоих бывших коллег... полагают, что тебя нельзя было отпускать. И как думаешь, сколько из них решат, что судьба дает им еще один шанс? Шанс, которым стоит воспользоваться...

— И ты предлагаешь...

Галстук Кирис вернул на полку. Все равно нормальный узел изобразить не выйдет.

— Я предлагаю воспользоваться моим правом на суд.

— И кого судить будем?

— А это ты мне скажи... скажи, мой друг, и я поверю. Я ведь всегда тебе верил.

Поправить рукава.

В зеркало смотреться не стоит. Местные зеркала давно и прочно состоят в заговоре с Маром, и нынешнее не исключение. В нем Кирис жалок донельзя.

И ему ли равняться? Ему ли надеяться на что-то? Пусть даже и в мыслях... какая женщина выберет его, если есть Мар?

— Чего ты хочешь? — главное, говорить спокойно.

— Понять, когда ты скурвился...

— Какие слова...

— Какая жизнь, такие и слова...

— И с чего ты решил, что я... как ты там выразился? Скурвился, — рукава рубашки должны выглядывать из рукавов пиджака не более чем на полпальца. У Кириса никогда не получалось соблюдать эти гребаные полпальца. Левый рукав норовил вылезти едва ли не весь, зато правый прятался под серой шерстью. — Мне кажется, у тебя паранойя.

— Моя сестричка... такая умненькая, как мне казалось, сестричка, в последнее время стала вести себя ненормально...

— В таком случае, я не застал время, когда ее поведение было нормальным.

Галстука не хватает, но... пусть лучше Кирис оскорбит притязательный взгляд эйты Ирмы, чем еще час будет маяться, пытаясь завязать эту цветную тряпочку хоть как-то.

— Есть такое. Знаешь, я все не мог понять, что же с ней произошло... одно время мы работали вместе...

Давно, когда больше Мару было не на кого рассчитывать.

Работать с родственниками в какой-то мере даже удобно. Им не надо платить, им достаточно подкинуть идею о скором величии рода и о том, какая их ждет награда в том самом будущем, когда род, наконец, возвеличится.

Сауле верила.

Мару вообще легко верить. Он, словно дурман, он проникает в кровь, он отравляет душу, он добирается до таких струн души, о которых ты сам не знаешь. И главное, играет умело.

Он готов пообещать... что угодно.

Славу?

Слава ждет своих героев.

Деньги?

Разве это сложно? Состояния создаются из воздуха, многие стали богаты, чем ты хуже?

Титул?

Вечность саму в личное твое распоряжение? Будет и вечность, главное, подумай, сможешь ли удержать ее?

— И она многое обо мне знает. Не всегда хорошее, да... это было сложное время. Обедневший род, падения которого ждала стая великосветских стервятников. Разоренные предприятия. Отсутствие внятных перспектив.

— Сочувствую.

Кирис все же повернулся. Не будешь же вечность пялиться на собственное отражение.

— Тогда нас крепко выручили патенты.

— Твоей жены?

— Мои, дорогой друг, мои. Ведь муж и жена едины пред лицом богов. Кажется, что-то такое поют в храмах...

— Ты ей лгал.

— И не только ей. Лгал ли я родным? Много. Заказчикам? Кто им не лжет. Партнерам? Это вообще святое... лгал ли тебе? Конечно. Ты был мне нужен, а уж что для этого пришлось сделать... ложь — это вполне себе часть мира. Инструмент, которым нужно уметь пользоваться.

Мар поднялся, и палочка в его пальцах засветилась бледно-зеленым цветом.

— Лгал ли я королю? Ты это хочешь спросить? И ты знаешь ответ. Да. Ему тоже все вокруг лгут. Когда клянутся в верности, когда обещают думать исключительно об интересах королевства, когда... да не важно... главное ведь что? Главное, не запутаться.

А я, кажется, слегка... но это ничего...

Кирис замороженно наблюдал, как палочка, кувыркнувшись, выпала из рук Мара и покатилась. Она катилась медленно, словно дразнила кажущейся своей близостью. Только руку протяни и...

Плохая идея.

Руку Кирис тянуть не стал, сделал шаг в сторону, позволяя палочке коснуться комода. Та замерла и... ничего не случилось.

— Это просто детский мелок. Светящийся. Я когда-то очень любил такими играть... а ты?

— А мне не покупали.

— Сочувствую, — Мар наклонился и поднял мелок. — Неужели, ты и вправду думаешь, что я тебя убью?

— А ты убьешь?

— Мог бы, — мелок крошился в руках Мара, оставляя на них тонкий меловой узор. — Я мог бы устроить тебе тысячу несчастных случаев. И поверь, даже твои друзья... те самые, которые много лет старательно тебя травили, создавая иллюзию охоты... так вот, даже они не нашли бы повода усомниться.

Кирис ему поверил.

Ему вообще было легко верить.

— Слишком все было... очевидно, да... но работал ты неплохо, а Корн слишком одержим, чтобы надеяться, что королевское слово меня защитит. Так что все равно кого-нибудь да приставили бы. Вот к сестрице моей лезть не стоило... факт. Печально, что она умерла. Для тебя в том числе. Как думаешь, если вдруг кто-то... случайно, совершенно случайно обнаружит, что ты подбивал мою сестру к предательству? А потом, когда она отказалась...

— Кто сказал, что отказалась?

— А это неважно, — Мар вытер пальцы о ковер. — Правда, она такая интересная вещь. Во многом вера в нее зависит не от фактов, а от того, кто и как эту правду преподносит... так вот, она отказалась, и ты ее убил... злость ли, разочарование тому виной, но убил...

Мар пошевелил пальцами, измазанными зеленью.

— Платки у тебя есть? Я совсем забыл, до чего отвратительно эта штука отмывается.

— В столе. И чего ты хочешь?

Мар вытащил платок, помял, поморщился.

— Столько лет, а привычки все те же... кровь и вправду имеет значение. А хочу я... договориться. У меня есть, что предложить короне. Взамен твои приятели отступают, и все мы вместе делаем вид, что произошла ошибка...

— Как тогда?

— Все ошибаются. Эта маленькая дурочка стала задавать слишком много вопросов. Но... нет, я ее не убивал. Да, я догадываюсь, кто это сделал и почему. Я даже готов поделиться знанием с условием, что вы все сделаете тихо. Скандал мне не нужен.

Мар оттирал пальцы старательно. И в этой старательности виделась нервозность.

— Видишь ли... я не хочу становиться канцлером. Власть на самом деле никогда меня не привлекала, но это было непонятно многим моим союзникам. Тем самым, которые стали чересчур уж навязчивы. Если хочешь, я передам вам документы. Будет, кого отправить под суд...

— Треворы?

— В том числе... и Лаймин неугомонный папочка, который возомнил, будто может мне указывать, как жить. Его друзья. Представляешь, мне уже принесли проект закона, который я должен проташить. А что настолько лоббировать их интересы невозможно в принципе, они и слушать не хотят... сидят и делят казну.

Его недоумение было не наигранным.

И Кирис вынужден был признать: у него может получиться. Мар... что против него есть? Обвинения и только, но ни доказательств, ни свидетелей... тогда почти получилось зацепить с помощью Ригис, но она умерла.

Как умерла Вельма.

И Сауле.

— Тяжко? — поинтересовался Мар весьма живо. — Сочувствую даже. Сперва меня тоже совесть, случалось, мучила, а потом ничего, притерпелся. И ты притерпишься. Вот орден дадут по закрытии дела...

— За что?

— Так ведь... имперские шпионы, помнится, всегда в цене были. Плюс мошенничество в особо крупных размерах, взятки и все такое... я даже свидетельские показания дать готов.

И попасть под декрет о помиловании.

Мар насмехался.

Явно так, не скрывая издевки. Он опять переиграл... раз-два-три-четыре-пять... все на новенького... кто водит? Кто не ходит, кто не бродит... глаза закрываем, только чтобы надежно.

Ильдис поднял правую руку и произнес:

— Клянусь, что никогда не умышлял против короля и королевства. Мне бесконечно жаль, что по наивности своей я оказался втянут в дела столь откровенно незаконные. И оправданием мне может служить лишь моя излишняя доверчивость...

— Прекрати!

— Что, недостаточно искренне? — Мар приподнял бровь. — Костюм, конечно, не тот... к слову, зря ты не уделяешь должного внимания внешнему виду. Люди многое могут простить при правильно подобранной одежде. Так вот, я сдам всех. Хотите — сажайте, хотите — казните... подозреваю, Его Величество ограничится штрафами и изгнанием, казна сейчас катастрофически пуста. Я его, к слову, предупреждал, что глобальные проекты требуют глобальных трат.

Мар уселся на стол, закинул ногу на ногу и качнулся.

— И да, я лучше, чем кто-либо, знаю, сколько должна казна. И кому она должна.

И поверь, мне совершенно не хочется разгребать эту кучу дерьма. Канцлер — это ведь не только большая власть, но как нас с тобой учили, и ответственность не меньшая...

И вновь же он был прав.

От первого до, мать его, последнего слова. Нет, Кирис никогда не был финансистом, тем более таким, которого можно было бы назвать выдающимся, но... Мар не лгал там, где можно обойтись без лжи. Правда — тоже вполне себе оружие в умелых руках.

— Правда в том, дорогой мой друг, что я все еще нужен короне... пусть и свидетелем, а заодно залогом пополнения казны. И потому Его Величество не позволит твоему начальнику перервать мне глотку. А без разрешения... — Мар развел руками. — Как бы ни хотелось... Корн в достаточной мере эйт, чтобы соблюдать правила.

Корн — да.

А вот Кирису повезло родиться свободным от родовых клятв. И та единственная, которую он принес... в ней ни слова нет о том, чтобы не убивать.

Не сейчас.

Вельма точно назвала бы его идиотом. Но Вельма мертва, а вот та другая, похожая на взъерошенного воробья, вполне себе жива. И Кирис обещал ее защитить. А он, пусть и близко не благородный эйт, слово сдержит.

Только позже.

— Подумай, — Мар наклонился. — Ты можешь и дальше играть в обиженную гордость, а можешь сделать мне предложение... заманчивое предложение, и выйти победителем. Корн будет в ярости, но... он тоже не вечен. А у Его Величества отменная память. Он умеет награждать за работу... да и я в долгу не останусь. Ты же знаешь.

— Стало быть, сделка? — Кирис ненавидел себя за эти слова.

И за протянутую руку, которую обвинили ледяные пальцы Мара. И за улыбку эту, которую хотелось стереть с лощеной физиономии, но...

Нельзя.

Не сейчас, когда Ильдис ждет удара. И готов на него ответить.

— Не переживай, — Мар похлопал по плечу. — Я буду ходатайствовать, чтобы тебя наградили.

Менее тошно от этого не стало.

У сделки с совестью был привкус протухшей рыбы, той самой, которую приходилось есть раньше, и Кирис дал себе слово, что никогда в жизни больше...

Никогда.

Слишком долгий срок, оказывается.

ГЛАВА 41

Ужин, как ни странно, принесли по первому звонку.

Дверь приоткрылась, впуская мрачного вида женщину, за которой виднелись еще две, надо полагать, на случай, если я решу бежать.

Я сидела на кровати.

Ручки вот сложила скромно, взгляд потупила. Правда, мне не поверили. Женщина поставила поднос на стол и сказала:

— Приятного аппетита...

А по тону судя, мне желали провалиться в бездну.

— Погодите, — я окликнула ее и поднялась, и руки подняла, показывая, что они пусты. — Где вилки? Или нож? Я что, руками есть должна? Или... Мар! — мой крик разнесся по коридору. — Ты обещал, что меня запрут для моей безопасности, но... оставить без ножа?

Свой у меня имелся: на Ольсе без ножа и дети из дому не выходили. И отнюдь не потому, что было там опасно. Просто... привычка.

Полезная.

Вот захочется тебе ракушку вскрыть на берегу, и что? Или нужда придет веревку обрезать, деревяшку очинить. Неважно, главное, нож — это такая же неотделимая часть бытия, как одежда или обувь.

— Не положено.

— Кем не положено? Эй, а вы? У вас-то мозгов должно быть больше... — договаривала я под стук закрывшейся двери. Могли бы и повежливей, но... плевать.

Я поскребла металл.

Так и есть, серебро. Отлично, иногда чужой снобизм приносит немалую пользу. Под серебряными колпаками обнаружилась творожная запеканка, блинчики с начинкой, ягоды, паштет, ветчина... ветчину я даже попробовала, а остальное просто вытряхнула на поднос.

Итак, с вилкой было бы проще, но с другой стороны, если плотно прижать крышку к стене, захватив кусок двери, и повернуть, то останется след. Еще один. Дверь и без того оставляла зазор в плотном покрытии, пусть и совсем крохотный, но из зазора тянуло силой, что было мне на руку. А теперь... теперь попробуем отпечаток вырезать.

Нож вошел в стену подозрительно легко. Впрочем, эта легкость вскоре получила свое объяснение. Стоило мне прорезать верхний слой и, подцепив узорчатый край обоев, потянуть, как полотно отошло, обнажив другое, бледно-сизое, выцветшее. Под ним обнаружилось третье. Кажется, эта комната была создана далеко не Маром.

Ничего.

Я почесала кончик носа. От пыли хотелось чихать, но я сдержалась.

Ага... а вот и сама стена. Сизоватая, неровная, покрытая старой штукатуркой, словно коростой. А уже под ней, надо полагать, и скрывался заветный слой. На мое счастье альбест — металл довольно мягкий. Резать приходилось осторожно. То и дело я останавливалась, прислушиваясь, не раздадутся ли шаги в коридоре: как-то, подозреваю, сложно было бы объяснить, что именно я делаю.

Я и сама пока не до конца знала, что делаю, но...

Круг я вырезала глубокий. И расширила границы, чтобы уж точно отделить зону воздействия от прочей массы. Неплохо было бы еще изолят использовать, но... на свече серебро не расплавишь.

С другой стороны...

Я подошла к туалетному столику, на котором выстроился ряд банок. Что у нас здесь? Румяна? Нет, не то... и краска для ресниц не подходит, как и тени, и тонкие кисточки из беличьего волоса. А вот белила... белила, сколь помню, содержат цинк. Цинк, конечно, далеко не серебро... хотя...

Втирала я белила тщательно, на редкость мерзопакостная, если подумать, субстанция. В пальцы въелась намертво, а вот к стене прилипать не желала.

Итак, что дальше?

Рисовать руны пришлось ножом по внутреннему периметру круга. И времени на это ушло изрядно, нож — не лучший инструмент для рунописи.

Ничего сложного.

Две цепочки прямой передачи и резонатор между ними.

Теперь камни. Розовый алмаз я решила не трогать. Пока. Что-то вот подсказывало, что он мне еще пригодится. А вот другие камешки... пришлось выковыривать для них ямки, а крепить — клеем для накладных ресниц. Держались не ахти, но на пару секунд хватит, а там...

Я вытерла руки о пол и задумалась.

Сейчас?

Или подождать?

Дом еще не спит, но... если кто-то заглянет, к примеру Мар, движимый желанием разъяснить мне, что все, что здесь делается, делается для моего же блага... в общем, чувствую, не отнесется он к вынужденной порче своего имущества с должным пониманием.

Так что...

Я направила тонкую струйку силы в цепь, активируя руны. И почувствовала физически, как энергия рассеивается. Но и капли хватило, чтобы открыть накопители. Сила хлынула по цепям волной, выжигая сперва руны, а затем и альбест, их окружающий.

А я поспешно закрыла круг крышкой.

Серебряной.

Получится, или... и сколько ждать? Я сосчитала до десяти... крышка нагревалась, медленно так... там, где она соприкасалась с дверью, серебро и вовсе потекло, а вот ручка оставалась почти холодной.

Уже не холодной.

И даже не теплой.

Я дотянулась до полотенчика. Что-то кажется, одного полотенчика будет недостаточно, но... потерплю. Я ведь в целом терпеливая, а тут... серебро застывало на двери и стене причудливыми потеками. Кажется, что-то задымило, а крышка раскалилась так, что удержать ее было невозможно.

Я и не стала.

Отбросила подальше. Или вышло, или...

На двери и стене виднелся черный оплавленный круг с раскаленными рунами. Остывали они медленно, а вот огонь погаснуть не спешил. Рыжие язычки пока ползали по дереву, вгрызаясь в несчастный мореный дуб. Но, как ни странно, выйти за пределы очерченного круга пламя не пыталось.

Итак, альбестовое поле... нет, не слишком ослабло. Энергия просачивалась сквозь созданную дыру, но лишь затем, чтобы быть поглощенной стенами.

А что делать мне?

Помочь огню.

Я подобрала алмазы, которые слегка потемнели, но и только. Кстати, если это не копоть, а на копоть не похоже, то оттенок получился прелюбопытный, бледно-лиловый, припыленный. И физически камни ощущались кусками льда. Интересно... перенос свойств? Частичное заимствование?

Если так, то...

То подумаю позже, а сейчас мне нужно заняться дверью. Обмотав руку полотенцем, которое я смочила в травяном отваре, я приложила ладонь к двери. Если направлять силу узко, как я училась на Ольсе... полная сосредоточенность... и жар... дверь толстая, но не настолько, чтобы можно было ее прожечь. Надеюсь, только с местом я не ошиблась, все же выжигать второй круг в попытке

добраться до засова, как-то не тянет.

Дерево дымилось.

Дерево в принципе материал довольно инертный, с плохой проводимостью и еще худшей способностью к накоплению, но я не собираюсь придавать ему новую форму. Мне нужна дыра.

Простая, незатейливая дыра в двери.

Такая, в которую можно просунуть руку. Может, конечно, это не слишком изысканно, но... дерево хрустнуло — и рука моя провалилась сквозь него. Твою ж... не хватало еще застрять. Или вывих заработать... то-то муженек порадует, застав меня в престранной позе.

Я осторожно вытащила руку и стряхнула остатки обожженного полотенца. Кожа покраснела, но боли не ощущалось. Или это пока? Я пошевелила пальцами.

Что дальше?

Сунуть руку в дыру и попытаться нащупать засов?

Получилось.

Не с первого раза. Я сипела, шипела и материлась, хотя без особого облегчения. Этот треклятый засов оказался выше. Не настолько выше, чтобы вовсе не дотянуться, но пришлось изгибаться и расширять дыру, чтобы влезло и плечо.

Но я дотянулась.

И зацепилась.

И потянула, сдвинув с места. И возблагодарила богов, что альбест поглощает не только энергию, которая внутри комнаты... будь на засове пара-тройка сторожевых заклятий...

Заклятий не было.

Была только треклятая тяжесть, хрустнувшее плечо, которое вдруг налилось свинцовой тяжестью, и ощущение собственной беспомощности, которое, впрочем, вскоре исчезло, поскольку засов все же сдвинулся.

А дверь открылась.

Правда... открылась с моей рукой, дернув несчастное плечо так, что сустав отчетливо заныл.

— Ой, — сказала Рута, пряча нож за спиной. — А я думала, тут опять маму заперли...

Договор лежал в верхнем ящике стола.

Пара листов, сшитых между собой. И Марова размашистая подпись...

— Читай, — он кинул бумаги Кирису. — И подписывай.

Он все предусмотрел, ублюдок хитрозадый. И личную неприкосновенность, и запрет на конфискацию имущества рода. Запрет на изгнание. Сохранение доброго имени...

На столе появилась другая папка. Темная кожа. Свинцовые уголки с рунной вязью.

— Взгляни. У меня таких много.

Накладные.

Выписки из счетов.

Списки имен, подробные, с указанием сумм и номеров переводов. Банки не станут запираяться, не в этом деле, затрагивающем интересы короны. А интересы...

— Сомневаешься? Я вполне могу и без тебя обойтись. Награду ты получишь, но уже посмертно, — Мар откинулся в кресле. — В конце концов ты же на словах согласился, что стоит поставить подпись? Или...

Он прищурился.

— Нет, ты, мой бестолковый друг, не настолько сволочь, чтобы рискнуть добрым именем своим... тем более, подумай сам, кому и когда я навредил?

— Опоры...

Мар поморщился.

— Это дело... я изначально не хотел ввязываться, я прекрасно понимаю границы, но мои партнеры... очень и очень жадные люди. Это плохо — быть слишком жадным. Так вот, я лично проверил все расчеты, включая щитовые. Металл выдержит. Да, запас прочности несколько уменьшится, но и только. Те станции, куда он пошел, никогда не станут перегружать. Мелкие, забытые богами острова... островки... там редко что-то происходит.

Бумаги были составлены грамотно.

И Мар готовился.

Возможно, с первого дня, когда решил ввязаться в большую королевскую авантюру. Он знал, что в этой игре не будет победителя. Да, сообщение между островами нужно, но... не такой ценой.

— На центральные станции отгружался нормальный металл, а остальное...

— Твои корабли...

— Те, что выходили с моих верфей, вполне надежны, а вот за другие я ответственности не несу, увы... — Мар потянулся. — Я же говорю, мои партнеры — жадные люди, а жадность — это синоним глупости. У меня есть некоторая информация... у меня есть много всякой информации... о том, кто сливал чертежи имперцам... и да, в том числе большегрузов. Слышал? В Империи затеяли строить собственный грузовой цеппелин, говорят, невероятных размеров. Впрочем, они тоже слепы, думают, что чем больше, тем лучше... ты знаешь, где лежат перья.

Кирис знал.

И вытащил из коробки. Попробовал остроту и поморщился, когда перо пробило палец. Не больно, но... неприятно.

Подпись свою он выводил медленно, старательно.

— Дело не в том, у кого будет больше кораблей, неважно, наземных или воздушных. Дело в том, какие это будут корабли. Паровые двигатели морально устарели, а вот чтобы создать полноценную энергоустановку на чистой силе, требуются накопители... много накопителей...

Мар открыл ящик стола и вытащил шкатулку.

— К примеру, вот таких, — он вытряхнул ее содержимое на платок. — Конечно, выглядят они пока не лучшим образом...

Мелкие камушки, некоторые — с рисовое зерно, другие — чуть крупнее, пара и вовсе серьезных, размером с горошину.

Алмазы?

Не те ли самые, переданные Корном?

— Именно, друг мой, именно... извини, что я тебя продолжаю так называть, я и вправду к тебе привязался. Ты был так очаровательно мил, честен... это редко встречается.

— Откуда?

— Мы зависим от Империи, — Мар перебирал камни нежно, подвигая их друг к другу. — Наши шахты почти выработаны. Да, мы можем создать искусственные алмазы, только... ты же знаешь, что их качество оставляет желать лучшего. Я узнавал...

— Это...

— Давно не тайна. Ни для кого не тайна... к чему таиться, если выход ничтожен, камни получаются мелкие, едва ли в полкарата, энергии на создание уходит столько, что выгода от такого синтеза сомнительна...

— Можно? — Кирис отодвинул договор, скрепленный кровью. Он взял ближайший камешек, мутно-розовый, такой... которого не могло существовать.

— Пожалуйста... так вот, представь, если кто-то вдруг... научился делать полноценные алмазы... да, процесс энергоемкий по-прежнему, хотя подозреваю, ей удалось снизить потребление энергии, если камни пошли на продажу и по вполне вменяемой цене.

Розовых алмазов было немного.

Купленные.

Украденные.

Добытые весьма сомнительными путями, они являлись собственностью короны. Большею частью.

— Теперь ты понимаешь, насколько я вам нужен?

— Ты ли?

Мар осклабился:

— Тебе нечего ей предложить, а вот я... за свою свободу она готова платить. Пока за свободу, но дай мне немного времени и... говорю же, это, — он указал на папку, — на самом деле ерунда... а вот здесь...

Камень был теплым.

И чистым, насколько Мар мог понять.

— Здесь будущее королевства. Ты ведь не станешь рисковать его будущим?

ГЛАВА 42

Нож я отобрала.

Ножи — вообще детям не игрушка, даже если ребенок честно считает себя взрослым.

— Значит, — я повертела нож в руках, убеждаясь, что ни крови, ни таинственных знаков или иных признаков силы, на нем нет, — здесь обычно твою маму запирают?

— Иногда, — Рута смотрела на меня с восторгом.

Ну да... слегка взъерошенная, самую малость грязная, зато самостоятельно — почти самостоятельно — выбравшаяся из запертой комнаты.

— Когда она опять становится... не в себе, — Рута покусала губу. — А когда гроза, то она часто становится не в себе. Бабушка утверждает, что это потому, что внешние энергетические потоки дестабилизируют внутренние. У нормальных людей это компенсируется, а вот у ненормальных...

Она вздохнула и светским тоном поинтересовалась:

— А правда, что тетку убили?

— Правда.

Никогда не видела смысла в оптимистичном вранье.

— Йонас?

— Понятия не имею.

— Он. Кто еще? Он тоже ненормальный. Вот как жить, когда тебя окружают одни ненормальные, — Рута убрала руки за спину. В грязно-белой рубашке ниже колен, отделанной темным кружевом, она до невозможности напоминала... привидение.

Бледные руки.

Тонкие ноги.

Узкое личико.

Волосы, заплетенные в жидкую косицу. И свеча в руке. Света мало, и его нехватка подчеркивает острые черты Рутино лица.

— Что-то не так? — она чуть склонила голову. — Ты меня боишься?

— Нет.

Немного.

И не ее, но...

— Боишься, — вздохнула Рута и протянула руку. — Так бывает... кое в чем старуха права, потоки и вправду дестабилизируют...

Ее пальцы оказались холодны.

И холод впился иглой в тело. Холода стало много, так много, что я заледенела.

— Пойдем, — меня взяли за руку, и я сделала шаг.

И еще один.

— Улыбайся, — приказала девочка, и губы послушно растянулись в безумной улыбке. — Вот так... знаешь, мне даже немного неприятно... впервые появился кто-то, кто пожалел эту бестолковую девчонку...

Мы шли.

Медленно. И звук шагов терялся в полутьме. Я слышала, как мечется ветер, я... была частью этого ветра, как была и частью моря. А еще немного человеком, который явственно осознавал: он попался.

— Ей всегда было одиноко... так одиноко... тяжело жить, когда ты никому особо не нужен. Так и тянет спрятаться и отыскать хоть кого-то. А в старом доме столько интересных вещей.

Кто она?

Оно?

То, что заняло тело Руты, явно не было человеком. Это я тоже знала, как и знала, что мне не дозволено будет жить.

— Демон, — честно сказала существо. — Я здесь давно. Очень давно...

— Это ты... Сауле?

— Нет.

— А...

— Мы только немного помогли. Эта стерва нас обманула, представляешь? Она приносила конфеты. И разговаривала. Рассказывала сказки. Мы любим сказки. А потом оказалось, что все это — из-за Йонаса. Йонаса мы не любим. Он плохой.

— Почему? — губы слушаются с трудом, но мне дозволено говорить, и я пользуюсь этим. А вот тело по-прежнему мне не подчиняется.

Идем.

Куда?

Вниз. Темными коридорами.

— Потому что его все жалеют. Или завидуют. И еще думают, что на нем милость Джара...

— Это... не так?

Иллюзия, что, пока длится разговор, меня не убьют. Существо качает головой и с упреком произносит:

— Ты и вправду веришь?

— Во что?

— Не важно. Но... нет. И да. На нем печать бога, поэтому я не могу просто взять и убить его. Это избавило бы от многих проблем. Однако разве можно гневить бога? Вот и приходится...

— Ты... мост...

— Я.

— Почему?

— Он обижает мою девочку. Все обижают мою девочку. Она такая ранимая... знаешь, ей совсем не хочется, чтобы ты умирала, но она понимает, у нас нет другого выхода.

Лестница.

Она скрывается за уродливого вида зеркалом и ведет куда-то вглубь стены. Здесь холодно и сыро, и паутина липнет к одежде. Паутины столько, что, кажется, будто она рвется с протяжным хрустом. А еще мне темно. Я останавливаюсь.

Не знаю как...

— Ты права, — кивает Рута. Неловкое движение, будто кто-то дернул за веревочку, и девочка-кукла подчинилась. — Нам не нужно, чтобы ты раньше времени свернула шею. Палочка огорчится. Возьми.

Мне протянули свечу.

— А ты... — пальцы послушно обхватили восковую скользкую палочку.

— А я и так вижу. Это тело дает неплохие возможности. Знаешь, вы, люди, как-то себя недооцениваете, вечно вам хочется большего...

— Демон.

— Демон, — согласился демон с очевидным. — А ты человек. Хочешь предложить сделку?

Я не сошла с ума.

Лучше умереть... во всяком случае, тогда останется шанс, что моя бессмертная душа вернется к Эйре, а там, глядишь, и получит шанс на новое воплощение, а не будет пожрана хозяином Тысячи огней.

— И не больно-то хотелось, — демон, кажется, обиделся. Немного. Губы его растянулись. Искривились. А из горла донесся утробный рык. — Все равно я сильнее.

— А...

Если сделка состоялась, то должны быть озвучены условия.

— Ей просто нужен был кто-то, кто позаботился бы о маленькой одинокой девочке. Кто бы защищал ее, берег и не позволял обижать. Никому. Я неплохо справляюсь, — сказал демон, широко ухмыляясь. — Как мне кажется.

— Ты меня убьешь?

Ступеньки закончились. А демон прижал палец к губам:

— Не сразу, — сказал он, что было довольно мило с его стороны. Раньше мне не приходилось общаться с демонами, и, говоря по правде, я плохо представляла себе, на что они способны. То есть контролировать мое тело — это да... а еще что? — Сначала мы уйдем отсюда. Нам здесь надоело. Ее отец решил отправить девочку в храм. То ли заподозрил неладное, то ли устал от нее. Это нехорошо. Очень нехорошо... в храмах неуютно. Стой.

Я остановилась.

И... поняла, что говорить не способна. Нет, я могу открывать рот. И закрывать, но вот издать хотя бы звук...

— Выпей, дорогая, — раздался рядом тихий голос. — Выпей, и тебе станет легче...

— Не хочу.

Лайма.

И эйта Ирма.

Бледная ручка коснулась стены — и в ней появилась пара отверстий, расположенных аккуратно на уровне глаз. Надо же, я слышала о таком, правда, способ древний, но, как оказалось, вполне себе работающий. Мои ноги сделали шаг.

А я... я прильнула к грязной стене, стараясь не думать ни о паутине, ни о пауках, которые обязаны были быть. Паутина сама собой не возникает.

Нет, пауков я не боялась.

По сравнению с воплощенным демоном, паук — это мелочь... но... все равно неприятно. Тотчас появилось премерзкое ощущение, будто в волосах кто-то ползает, кто-то мелкий и юркий.

Вдох.

Выдох.

И смотреть. Если он хочет, чтобы я смотрела, то... я буду.

Комната.

Часть ее. Вон темное окно и кусок сизой гардины. Стол. Канделябр и корона свечей. Пламя расплзлось, объединилось. А вон и масляные круглые лампы, выстроившиеся в ряд на каминной полке.

Стул.

И Лайма, сидящая на стуле. Ее руки опущены, а взгляд устремлен куда-то вглубь комнаты, к сожалению, не вижу, куда.

— Упрямица, — с печалью в голосе произнесла эйта Ирма, — моему сыну не повезло с женщинами. Одна умна, но рода ничтожного, ко всему бастард...

Эйта Ирма осторожно качнула колбу, и содержимое той — бледно-голубая текучая субстанция — расплзлось.

— Вторая рода хорошего, но при этом негодна. Своему мужу я родила здоровых детей.

— Мужу ли, — Лайма подняла руку к губам. — Знаете, меня всегда удивляло, насколько он отличается... вы поэтому... отдали портрет на реставрацию?

Я повернулась.

Да, так лучше, теперь виден и длинный стол, уставленный склянками и скляночками, банками, колбами и сосудами причудливых форм. Одни низкие и толстые, будто придавленные, другие, наоборот, вытянутые, закрученные спиралью. Жаль, содержимое не рассмотреть.

Эйта Ирма поставила склянку на столик и взяла в руку колбу.

Аккуратно вытащила восковую пробку.

Подцепила щипцами кусочек чего-то, с виду напоминавшего желтый жир...

— Жир и есть, — шепотом подсказал демон. — Человеческий. Ей нужны были мертвецы. Наша дорогая бабушка оказалась... очень увлекающимся существом. Это мне в людях нравится. Вы всегда готовы узнать что-то новое... попробовать...

Лайма следила за свекровью, и выражение лица ее было донельзя брезгливым.

— Кто догадался о романе? Ваш...

— Ее здесь недолюбливали... как же... выскочка, которой удалось одурманить наследника рода... и так, что тот позабыл об обязательствах. Он уже был помолвлен с подходящей девушкой, нужной силы, а тут... — демон прижался ко мне. Тело было горячим, и я слышала, как в груди быстро и часто бьется сердце.

Демон внутри, а тело принадлежит маленькой девочке, которая виновата лишь в том, что не справилась с одиночеством.

Взрослые тоже с ним плохо справляются.

— Не надо, — тихо произнес демон. — Твое сочувствие ничего не изменит. Впрочем, я, пожалуй, дам тебе выбор. Так будет интересно.

В колбу отправилась капля темно-синей жидкости.

И волос с головы Лаймы.

— Вы его убили, — та пошевелила пальцами. — А потом убили и вашего свекра, наверное, опасались, что он тоже узнает...

— Нет, он мне просто надоел, — спокойно призналась эйта Ирма. — Знаешь, вечно был всем недоволен. Я искренне пыталась им понравиться. Лечила... даже благородные эйты имеют дурную привычку болеть. Он... он позволял лечить, но продолжал называть меня никчемной. Вечно ворчал, что я много трачу, многого хочу... обвинял, что я лишила его сына разума.

— А вы...

Капля крови.

И жижка меняет цвет, становится с виду густой, темной, словно деготь. Правда, стоит Ирме поднести колбу к огню, и чернота проходит.

— Первые варианты рецепта были не лишены некоторых... недостатков. К сожалению, главные проявились лишь с течением времени. И нет, я не собиралась полностью лишать своего никчемного супруга воли, просто... мне нужно было, чтобы он меня полюбил.

— Зачем?

— А тебе-то зачем? — Ирма осторожно поворачивала колбу над огнем. — Почему ты так страстно цепляешься за моего сына? Ты могла бы потребовать развода и получить его. В конце концов вы оба выполнили свои обязательства. Ты стала бы свободна. Сама себе хозяйка... сама... но нет, ты

держишься за Мара, ты пишешь ему, надоедаешь постоянным присутствием, не способная отступить...

— Я... не надоедаю.

— Это тебе так кажется. Ты даже убиваешь, не способная справиться с ревностью.

Цвет менялся, и стремительно: вот жидкость блеснула зеленью, вот та выцвела до желтизны, чтобы в следующее мгновение вновь потемнеть.

— Не переживай, девочка, — эйта Ирма погладила невестку по щеке. — Скоро все закончится. Осталось не так и долго. Я, если подумать, не имею ничего против тебя лично, но... моему сыну нужен здоровый наследник. Адекватный...

Когда зелье стало темно-красным, Ирма убрала его от огня и легонько качнула колбу влево, и еще раз, и снова.

— Отлично получается. Тебе не будет больно. Тебе не будет плохо. Ты просто окончательно сойдешь с ума. Все знают, что ты слегка безумна, а безумие имеет обыкновение прогрессировать. И мы подберем хорошее заведение. Там будет тихо и спокойно. Мар даже станет навещать тебя. Я так думаю. Все же... в обществе любят заботливых. Сейчас... остынет... знаешь, что самое интересное? В первый раз я боялась... безумно боялась... думала, что все поймут... старик был крепким, и вдруг скончался. Сердце... я сама наблюдала его сердце, и могла бы сказать точно, оно продержалось бы еще не один год. Им всего-то надо было позвать другого целителя, но... разве может такое ничтожество, как я, решиться на убийство? Нет... я просто недосмотрела. И да, это мне поставили в вину.

Эйта Ирма скрестила руки на животе.

Узкие запястья.

Узкие ладони. Узкие длинные пальцы, на которых сейчас не было украшений.

— Второй раз было проще. Мой супруг... его мало что интересовало. Мар только появился на свет, а Сауле... и вовсе... она, к слову, от мужа, все-таки у него получилось. Не знаю, зачем я вообще оставила этого ребенка...

— Видишь, а нас еще считают злом, — произнес демон, как показалось, с немалой печалью.

— Вы... я вас ненавижу...

— Пока, — уточнила Ирма. — Скоро все изменится...

— А... Эгле... ее вы тоже...

Эйта позволила себе скривиться. А ведь эйты не гримасничают. Не должны...

— Она нужна Мару. Он боится, что прямое воздействие повредит ее разум. Тогда она станет бесполезна, — она подняла склянку и тронула стеклянный бок. — Почти остыло. Пара капель, и ты забудешь обо всем... поверь, сумасшествие — надежное убежище от мира. По-своему...

Демон смотрит.

Он ведь может что-то сделать, как-то остановить эту безумную женщину.

— С девчонкой придется поработать, потребуется время... она довольно-таки устойчива, но слегка увеличим концентрацию... Мару знать не обязательно.

— Вы ее травите! И меня...

— Нет, дорогая, никаких ядов. Просто... духи, назовем их так. Всего-навсего ненавязчивый аромат, который будит подспудные желания. К примеру, влечение... разум человеческий сложен, но, с другой стороны, в этой сложности прост.

Эйта Ирма присела, глядя на свою невестку снизу вверх.

— Вот увидишь. Несколько встреч, несколько прикосновений... капля на коже, и она сама поверит, что вновь влюбилась в моего сына. А уж он постарается, чтобы на сей раз никто... никто и ничто не разрушило это светлое чувство.

Я сглотнула.

То есть... духи?

Магии нет...

— Есть, — возразил демон, который, оказывается, и мысли читать умел. — Немного. То есть когда ты так эмоционально думаешь, получается довольно громко.

А что до магии, то та бывает разной. Ты используешь магию рун, она — магию трав, и то, и другое — сила, но своя, отличная от прямой. И да, я могу ее остановить. Но что получу взамен?

А что он хочет?

— Слово.

— Какое? — мне дозволено было вновь говорить.

— Что ты поможешь нам поднять цеппелин. Сейчас.

— Почему сейчас?

— А когда? Когда нас опоят? Свяжут? Передадут в руки жриц? Или когда все будут достаточно свободны, чтобы обратить внимание на взлетающий корабль.

Что ж, мой безумный план не кажется таким уж безумным, во всяком случае, демону.

— Сейчас все люди укрылись. Вы боитесь бурь. Другие особенно. Они думают, что боги гnevаются, но... боги пока лишь смотрят. Они редко вмешиваются в ваши дела. Вам дали свободу воли, а вы... — демон неловко махнул рукой, будто сожалея об этакой ошибке. — Думай сама. Позже нам не позволят и близко подойти к кораблю.

Что ж, здесь он был прав.

— Или ты хочешь влюбиться?

— Влюбиться — хочу, но не так...

Демон прижал палец к губам.

— Значит... я должна помочь...

— Поднять корабль.

— Я не умею им управлять.

— Мы найдем нужного человека, но мне сложно держать многих людей. Поэтому ты дашь мне слово, что не будешь мешать. И тогда я отпущу тебя.

Дать слово демону?

Это... нехорошо.

Очень нехорошо, но...

— Смотри, — велели мне, и тело послушно повернулось к окошкам.

Та же комната.

Те же люди.

Эйта Ирма держит в руках кофейную чашку, содержимое которой размешивает тонкой стеклянной палочкой.

— Постой, — Лайма облизала губы. — Сауле... она ведь догадалась, верно? Она... в последнее время очень злилась на брата... а если бы выяснилось, что он... другой крови... что не имеет права на наследство...

— Это ничего бы не изменило, — палочка поднялась и с нее в чашку упала крупная розовая капля. — Конечно, она могла бы затеять суд. Возможно, он встал бы на ее сторону...

И Мар вынужден был бы расстаться с именем.

Только с именем, об активах он бы позаботился. Возможно, уступил бы сестре пару семейных предприятий, высосав из них все соки, но...

Скандал получился бы грандиозный.

А Мар ненавидит скандалы, да и клеймо бастарда... забавно получается.

— Это... вы... ее...

— Нет, — сказала эйта Ирма. — Мне хотелось, но... это было очень неаккуратное убийство. Много крови пропало зря.

Она подула на чашку.

А я...

— Согласна, — шепотом произнесла я. — Я... обещаю... клянусь своей душой, что помогу тебе поднять корабль.

— И не будешь пытаться нас уничтожить.

— Это уже второе слово.

Демон смотрел, выжидая, а эйта Ирма поднесла чашку к губам Лаймы. Она положила ладонь на светлый затылок, нежно так, бережно даже.

— Я... не буду пытаться уничтожить этот корабль. Я не самоубийца! Ведь ты меня здесь не оставишь?

— А ты хочешь? У нее получаются отличные духи...

— Нет!

— Хорошо, — демон закрыл глаза, и в следующее мгновение я вновь смогла дышать. И тело... вернулось ощущение, что это тело принадлежит мне. Я могу сама шевелить пальцами.

Или руками.

Или...

Коснуться маленькой бусинки на нити.

Рута моргнула и прижала палец к губам. А потом тихо сказала:

— Не пытайтесь его обмануть. Он... не любит, когда кто-то врет. И наказывает. Больно.

Я же молча обняла девочку, прижала ее к себе, и Рута, уткнувшись в мой живот, тихонько всхлипнула.

— Я... не хотела... так не хотела...

— Все будет хорошо.

Только мне не поверили. И чтобы не видеть тоски в светлых глазах ребенка, я отвернулась к дырам в стене. На мгновение показалось, что ничего не происходит.

На мгновение.

Вот дрогнули пальцы, выпуская скользкий фарфор. И чашка выпала, кувыркнулась, выплеснув содержимое на ткань. Охнула Лайма, кажется, напиток все еще был горячим.

А Ирма стояла.

Просто стояла.

Потом же покачнулась и стала заваливаться набок. Она пыталась уцепиться за стул, но...

Я успела коснуться кольца и отдать приказ прежде, чем демон лишил меня возможности двигаться. Надеюсь, Этна услышит.

Очень надеюсь.

— Видишь, — теперь я ощущала присутствие демона иначе, близко, похоже, данное слово связало нас куда крепче, чем я предполагала. — Люди такие... хрупкие.

Ирма была жива.

Она лежала.

Дышала — я видела, как поднимается грудная клетка, — и смотрела в стену. Широко раскрытые глаза, в которых удивление медленно сменялось страхом. А Лайма вдруг поднялась.

— Тварь, — сказала она громко и пнула свекровь. — Получила, тварь? Яды бывают разными... ты права. И знаешь что? Мой не хуже!

Она опустилась на корточки, чтобы вцепиться в волосы Ирмы. Дернула, заставив ту задрать голову.

— Каково тебе? Тело не слушается... руки, ноги, будто чужие... и так будет дальше... так будет всегда... — Лайма выпустила волосы и вытерла ладонь об одежду. — Долго-долго будет... ты же здоровая, ты так следила за собой... и проживешь еще очень долго. В этом беспомощном теле.

Демон захихикал.

— Значит... — Мне позволили отвернуться. — Она ее...

— Люди, — демон развел руками. — Такие злые... такие мстительные... надо лишь немного подсказать. И попросить... зато у нас вот что есть.

В руках Руты появилась круглая бляха на витом шнуре.

— Иначе как бы мы попали на полигон? Пропуск нужен.

— Ты... солгал!

— Нет... я лишь немного помог... яду. Целителя не так просто отравить, а тут видишь, как хорошо получилось?

Я не хотела смотреть.

Я...

Действительно, пожалуй, желала одного: убраться с треклятого острова и как можно дальше. Но вместо этого я повернулась к демону спиной.

Лайма сидела на ковре, она положила голову Ирмы себе на колени и теперь старательно расчесывала волосы.

— Это ты виновата... сначала ты забрала у меня мужа... потом лишила сына... потом свела с ума... ты была плохой, очень-очень плохой... но меня учили прощать... — дотянувшись до столика, Лайма взяла крохотные ножнички. Она приставила их к левому глазу Ирмы. — Не могу сказать, что была хорошей ученицей, но...

Щелкнули лезвия, отрезая тонкую прядку.

— Я постараюсь. Я не отдам тебя... зачем нам какие-то заведения? Нет, я сама буду присматривать за тобой. В обществе любят благородных... только волосы придется остричь. Ты не представляешь, сколько с ними мороки, то вши заведутся, то демоны...

Лайма наклонилась к самому уху, отрезая вторую прядку.

— Что ты получила, отдав этой твари мою дочь? Впрочем, какая разница...

— Идем, — демон потянул меня, и я послушно сделала шаг.

И второй.

Третий.

Я... хотела бы забыть то, чему стала свидетелем, но вряд ли получится. И...

— А хочешь, — демон шел рядом, он уже не пытался управлять мной, за что я была ему несказанно благодарна. — Хочешь, я и тебе помогу?

— Ядом?

Коридор вышел в другой, отделенный от первого огромным батальным полотном. На темной картине закованный в железо рыцарь топтал огромного змея, а где-то там, на заднем плане, пылали то ли лады, то ли разоренные деревни.

— Смешно, — демон даже хихикнул. Баском. — Но нет. Ты знаешь, что им нужно? И твоему мужу, и

тому, другому, который за тобой приглядывал? Камни... ты научилась делать камни... и теперь они хотят получить знание. Но даже если ты им отдашь знание, им покажется мало. Они постоянно будут думать, все ли ты отдала или утаила что то...

Демон говорил почти шепотом, и голос его пробуждал к жизни собственные мои страхи.

— Я...

— Ты попытаешься сбежать, спрятаться, но будь честна, разве тебе позволят? Они придумают тысячу законов, тысячу причин, лишь бы не отпускать.

— И что ты предлагаешь?

— Пригласи меня, и мы обманем всех. Ты умрешь... не сейчас, позже, скажем, от несчастного случая. Я смогу остановить жизнь в этом теле. Никто, ни один целитель не догадается.

Снова коридор.

На сей раз широкий, и мы идем, взявшись за руки, женщина и ребенок, трогательные беглецы, отражающиеся в кривых зеркалах. А зеркал сюда стащили немерено, кажется, со всего замка. В одних я высока и чудовищно худа, а в других, наоборот, вытягиваюсь уродливым веретеном.

— Потом я верну жизнь. Демоны не лгут. Мы не умеем. Честно. Я верну жизнь и дам тебе новое лицо...

— А жить мы будем...

— Мне известны все клады этого мира. Откопаем один. Или попросим море. Море тебя любит.

Хоть кто-то.

Уродцы с непомерно огромными головами на тонких шеях-стебельках превратились в карликов.

— И что взамен?

— Ничего. Просто... интересно. Ты почти не ощутишь моего присутствия. А я получу возможность смотреть на людей. На мир. Пробовать. Слушать. Знаешь, это удивительная способность, ощущать, как море касается вашей кожи. Она такая нежная...

— Нет.

Я... не знаю, что меня ждет, возможно, и мучительная смерть или такая же мучительная жизнь, но демону я не верила. Пускай демоны лгать не умеют, но это еще не значит, что мне скажут всю правду.

— Я подожду, — вполне миролюбиво сказал демон. — Я умею ждать.

ГЛАВА 43

Три черные папки.

Бархатная коробка с кристаллами. Каждый лежит в своей ячейке и подписан. Один кристалл — одно имя, и имена-то именно те, на которые и был расчет.

Только...

Все равно тошно.

— Прекрати, — Мар покачивался на кресле, вытянув ноги. — Твоя кислая физиономия портит мне весь триумф. Признай, что я снова оказался умнее.

— Признаю.

Коробку Кирис запечатал кровью, поморщившись, — его предупреждали, что подобного рода печати имеют свойство тянуть силы из души, но он не представлял, насколько это... неприятно.

Папки.

Пролистать наспех и отложить. Все равно сейчас не время и не место.

— И... что ты планируешь делать дальше? — папки Кирис отправил в сейф, в тот самый, где хранилась пачка банкнот, перетянутая узкой лентой, и пакет сушеных яблок. Их Мар любил жевать, говорил, легче думается.

Все равно более защищенного места в доме не найти.

Код Кирис менять не стал.

Договор... подписанные кровью договора сами обяжут к исполнению.

— Да ничего особенного... жить... сперва, подозреваю, в некоторой опале. Пару лет в тишине, как раз хватит, чтобы получить наследника. Или двух... потом меня опять пригласят ко двору. А нет, то и не опечалюсь. Здесь не так и плохо. Море, покой... рыбалка отличная. С детства любил рыбачить, но матушка запретила. Вот снова начну. Соберу хороший винный погреб. Стану давать балы или вот тематические вечера... будем сидеть с такими же бездельниками и обсуждать какую-нибудь ерунду.

Мар мечтательно закрыл глаза.

— Если бы ты знал, до чего мне все надоело... каждый день... сколько себя помню... род и долг, долг и род... долг перед родом, перед семьей... обязательства, обязательства и ничего кроме обязательств.

— Сочувствую, — получилось с издевкой, от которой Мар отмахнулся.

Кинув в рот яблоко, он зажмурился.

— Ты помнишь, мы работали... по десять часов... по двенадцать... и по двадцать... а тот месяц, когда пытались установить платформу на Хермдале с его беспокойными водами? Сколько мы тогда спали? По паре часов в день, и одни стимуляторы. Мне постепенно начинало казаться, что я схожу с ума. Мы оба сходили. И то, что я брал, это была малая цена за угробленное здоровье... оно ведь не пройдет даром. Ни мне, ни тебе... а потом? С одной стороны король, который сам понимал, что требует невозможного, но продолжал требовать... с другой — союзнички, следившие за каждым моим шагом. Жадные твари, только без них у нас бы ничего не получилось... ты молчал, и твой хозяин молчал, и молчанием этим разрешал брать у них... время, деньги, людей, что угодно... платить ведь не ему...

— И не тебе.

— Уже не мне, — Мар понюхал сморщенный кусок яблока. — Уже, к счастью, совсем не мне, но... сам подумай... в любом другом случае... ко мне пришли бы требовать долги, а твой король? Он бы вновь отвернулся. Нет уж... хватит... я больше не хочу думать, кого утопить первым, а кого вторым. Кого и с кем сравнить, чтобы выжить самому. Кому кинуть денег, а кому предложить девушку или парня, потому что, хоть и мразь, но человек нужный... ты думаешь, что я тварь, но... я стал тварью, просто чтобы выжить.

Кирис поднялся.

И Мар за ним.

Он потянулся с огромным удовлетворением.

— Знаешь... я одного боялся... что ошибаюсь, что ты мне и вправду верен, что... нет никакой слежки или работы на корону... и что мне все-таки придется платить.

— Тебе повезло.

— Нам обоим, мой друг, нам обоим... поверь, порой везение весьма похоже на кучу дерьма...

Белый кусок хрусталя, с виду казавшийся обычной подставкой, налился цветом и издал тихий скрежещущий звук, который заставил Мара скривиться:

— Вот же... неугомонные. Скажи, кому может понадобится корабль в бурю?

Сердце екнуло.

Рыжая.

Других Кирис успел изучить, но рыжая...

Если с ней что-то случится, с Кириса шкуру снимут. И не факт, что с мертвого.

С другой стороны, если с ней что-то случится, на шкуру ему будет плевать.

— Эй, не спеши... охранку взломать не так просто, — Мар накинул на плечи пиджак. — Да и баллоны на нижней отметке.

Правда, сказал он это как-то без обычной своей уверенности.

Поворот.

И дверь.

И еще одна, на сей раз массивная, дубовая, укрепленная парой кованых полос. Правда, полосы изрядно проржавели, а петли обвисли, замок и вовсе зарос грязью.

— Помогай, — велел демон, потянув за ручку.

— А ты...

— В человеческом теле я ограничен возможностями этого тела. И вне человеческого тела ограничен силой, — он вцепился в гнилую с виду ручку и потянул. — Но другого пути нет. Ты обещала.

В полумраке глаза Руты блеснули краснотой.

Что ж, обещала, стало быть... обещала.

— Тебе самой интересно, что там.

— Любопытство — не грех, — я примерилась к ручке. — Отойди...

— Ничто не является грехом... до определенного момента, — демон подвинулся, а я тронула ручку, попробовала дернуть, но дверь держалась намертво. На всякий случай проверила крепление — не хватало еще тянуть, когда надо толкать. Но нет, открывалась она внутрь.

Если вообще открывалась.

Не похоже, чтобы в ближайшие годы ею вообще пользовались.

— Вам, людям, дана свобода воли. А еще способность различать, что есть зло, а что есть добро. И разум, с помощью которого вы способны извратить, что первое, что другое. Вы любопытные создания.

Почему-то комплиментом это мне не показалось.

Я подергала дверь.

Потянула, упираясь ногами в пол, но вынуждена была признать: то ли ее изнутри заперли, то ли просто грязью она заросла за годы забвения, но нам так просто ее не открыть. А как открыть? Демон ждал, видом своим изображая полнейшее смирение. Виду я не слишком поверила, демону

тем паче.

Так... если нельзя открыть с одной стороны, то...

Я ковырнула петлю.

Так и есть, воловья кожа, пропитанная особым раствором, придававшим ей прочность, но не в ущерб гибкости. Однако ничто не устоит перед дыханием времени.

И женщиной, которой очень нужно куда-то попасть. Я вытащила крохотный ножик и тронула петлю. След остался, но...

— Так мы до утра ковыряться станем, — сказал демон, который наблюдал с явным интересом.

— Подожди...

Нет нужды резать, нужно лишь... пара рун, сплетшихся воедино, и толика силы. Петли вспыхнули, что солома, и демон зажмурился, выставив руку. Он зашипел.

Отступил.

Бойтся огня?

И что нам это дает? Ничего... я ведь не собираюсь жечь ребенка. А еще почему-то я не верила вот этому страху.

— Там... внизу... много огня? — Я вновь толкнула дверь, которая опять же осталась неподвижна.

— Нет. Там... темно. Всегда темно. И жарко. Здесь не жарко, но пламя обжигает, — демон тоже толкнул дверь, правда, выглядело это жалко. — Надо еще замок сжечь. Сможешь?

— Попробую. Расскажи...

— Зачем?

— Почему бы и нет?

Я присела, изучая замок. Крупный. Сразу видно, что старый, сейчас делают куда как более миниатюрные, а в этот мой палец влезет, но... жечь металл — занятие не то чтобы совсем бессмысленное, скорее уж потребует это куда больше времени, чем мы можем себе позволить.

— Там... холодно... холод синий. И белый. Яркий... здесь слепит, а там... кто не успевает укрыться, тот обречен гореть от холода. А укрываться негде. Равнина от края до края мира, и за краем она же. Темные скалы. Норы. В них живут... всякие создания, — демон присел, прикрыл глаза, но ощущение чужого внимательного взгляда не исчезло. — Там нет дня, нет ночи... ничего нет... иногда, правда, дыхание Джара касается проклятых пустошей, и тогда они оживают. Рождают подобных мне... конечно, большей частью они живут недолго... добыча...

Если не огонь... дерево, скорее всего, тоже пропитано составом, защищающим от огня, но... тогда что остается? Ржавчина... довольно глубокая... внутренний механизм тоже затронула. Стало быть... попробуем ускорить естественный процесс.

— Если кому-то удастся выжить, он спрячется. И ждет.

— Чего?

— Никто и никогда не знает. Тот мир, он переменчив и все же постоянен. Я... мне когда-то удалось отыскать душу. Души сладкие, даже те, которые изменены. Эта принадлежала клятвоотступнику и мужеложцу, впрочем Джару нет дела до ваших смешных постельных игр. Но тот человек был убийцей. Он отнял много жизней. Он пытался откупиться, стал жрецом, строил храмы. Прославился среди вас своей святостью, но... Джара не обманешь. Его души хватило надолго. Я проявил терпение.

На металл руны нанести не так и легко, тем более такие, сложносочетаемые.

Я вообще была не уверена, что у меня получится хоть что-то.

Нож в руках норовил вывернуться.

— Потом... я научился охотиться на них. Знаешь, на самом деле вниз попадает не так много душ, а вот охотников на них, так наоборот. Всем нравится почувствовать себя живым... я был далеко не самым сильным. Но... я вовремя понял, что сила — это ничто. Куда важнее ловкость. И ум. Мы

далеко не сразу обретаем разум... аккуратней, не знаю, что ты делаешь, но выглядит оно как-то неправильно.

Потому что нет внутреннего равновесия.

Это отличает хорошего артефактора от плохого. Можно заучить и рунный алфавит, и значение сцепок, и всю классическую таблицу Иальвиса наизусть, но при этом не быть способным создать более-менее внятный руноскрипт.

Так говорил Лённрот.

Дело не в знании. Дело в способности ощущать гармонию, которая должна быть в каждом завершенном заклятье.

Здесь ее не было.

Почему?

Я отступила, разглядывая творение рук своих.

Конечно, не хватает малости — вектора направления и ограничителя. Мне ведь не хочется наслать проклятие ржавчины на гнилой этот дом...

— Да, так лучше, — сказал демон. — С душой мы получаем и ее память, и ее разум. Иногда — способности, но они угасают быстро. Сложно быть живописцем в мире, где нет холстов, красок, да и вообще писать нечего...

— А...

— И живописец как-то попался... хороший, говорят. Я узнавал. Тут. Его работы очень ценятся. Говорят, некоторые и вовсе в сокровищнице, наверное, именно те, в которые он вкладывал чужие души. Знаешь, редкий дар, заключить чужую душу в холст. Зато творение воистину обретает бессмертность. Он мне пытался это объяснить.

Я позволил ему жить долго... пока была другая пища. Но с пищей там сложно.

Я закончила рисунок и потянула демона. Новосотворенные заклятия требуют предельной аккуратности. Никогда не знаешь, чего именно ты не учел.

— Что случилось потом?

Капля силы.

И... ничего не происходит. То есть я чувствую отклик, стало быть, рисунок оживает, но... ничего не происходит. Некоторое время.

— Меня поймали. Человек. Некромант... я никогда еще в своей той жизни не сталкивался с некромантами. Они — сильная добыча... и далеко не всегда добыча. Иногда и душа способна сожрать демона...

Пятно ржавчины увеличилось.

Или... мне просто кажется? Тянет подойти, прикоснуться, но я крепко держу демона за руку и борюсь с любопытством. Не всегда оно во благо, да и... увеличилось. Определенно. Цвет тоже изменился, стал глубже, а то и вовсе сменился с рыжего на темно-коричневый.

— Сперва я был зол. Ваш мир причиняет боль, если нет защиты. Это как если бы... я сунул тебя в пламя... свет... везде свет... и жар... и я кричал, я не помню, сколько это длилось. А человек требовал подчиниться. Он обещал, что если я соглашусь, он даст мне защиту.

— И ты...

— Как ты думаешь, почему я до сих пор здесь? — демон смотрел мне в глаза, и в его, блеклых, тусклых, я видела безымянные равнины Джара, по которым бродят неприкаянные души. — Я понял, что сгорю и... я тоже хочу жить, человек.

— Мне... жаль.

— Мне тоже.

Ржавчин а ползла, захватывая все новые куски металла, но медленно, как же медленно... а если силы добавить? Будь руноскрипт знакомым, я бы так и сделала, но здесь... слишком много

сомнительного свойства связок, не вышло бы хуже. Если заклятие распадется, нужно будет начинать сначала.

— Тот человек и вправду дал мне защиту, — демон протянул руку, но касаться заклятия не стал. — Красиво. Ты не видишь, но разрушение всегда по-своему красиво. Он поселил меня в тело. И разрешил сожрать душу.

— Чью?

— Как я понял, тот другой человек был его врагом. Мне тогда сложно было понимать вас. Он не сделал ничего дурного... настолько дурного, чтобы скормливать душу демону, но я был ослаблен и голоден. Тело сперва показалось на редкость неудобным. Оно дышало. Выделяло влагу. Его следовало кормить, но я не привык к подобной пище... а передвижение... мне пришлось многому учиться.

Не скажу, что прониклась к демону сочувствием, но где-то его возмущение было понятно. Взяли и вытащили из родного привычного мира, чтобы с головой окунуть в чужое дерьмо.

А железо потихоньку осыпалось прахом.

— Но я приспособился. Со временем я научился получать удовольствие. Вам дано многое, а вы не цените. Вам нужны какие-то глупости. Тот некромант жаждал силы. Он стал сильнее. Он пил мою кровь и ел плоть.

— Что?!

Меня слегка замутило, а демон пожал плечами:

— Он решил, что тело, измененное демоном, поможет и ему измениться. Он действительно стал иным... да... его убил собственный сын. И теперь душа, полагаю, заняла свое место на равнинах Джара. Это очень темная и сладкая душа, но и очень сильная. Не уверен, что для нее нашелся подходящий охотник.

Ржавчина переползла на железные полосы.

И дверь протяжно заскрипела.

— Тот, другой... отпустил мое тело. Так он сказал. Зря. Я бы мог затянуть раны и нарастить новую плоть, это несложно. Но человек не захотел. Наверное, испугался.

Я думал, он позволит мне вернуться, но он вытащил меня из тела, чтобы спрятать в вещь. Он сказал, что я буду хранить его род...

Демон мерзковато захихикал.

— Он создал хорошие оковы, но... любые оковы со временем истончаются.

Я толкнула дверь.

Она устояла.

Нет, кажется, чуть дрогнула, но все-таки... а если налечь всем телом? И...

— Помоги.

Демон послушно приник к грязному дереву, и то поддалось, сперва медленно, настолько медленно, что я даже решила, будто это движение мне почудилось, но в следующее мгновение дверь покачнулась и рухнула. И мы рухнули с ней.

Было больно.

Я упала на четвереньки, кажется, рассадив ладони, и зашипела от пронизывающей боли в запястье. А демон лишь вздохнул.

— Если ты что-то сломала, мне придется тебя убить.

— Не сломала, — я пошевелила запястьем, правда, не без труда. — И без меня ты не справишься, не пугай. Так значит, ты хранил род?

— Пока было что хранить, — демон поднялся. — Люди живут так быстро, даже те, кто наделен силой. Сегодня он есть, а завтра уже другой и третий... и все верят, будто великий и могучий предок пленил демона. И все верят, будто оковы нерушимы, а демон давно покорен. Что он похож

на других людей с их верностью и готовностью служить сильнейшим. Я видел их. Слышал. Понимал. Но ничего не мог сделать. Я спал, а они пили мою тьму и становились сильнее... справедливости ради, меня тоже не забывали кормить.

Руку подать он мне не удосужился.

Впрочем, чего еще от демона ждать. Я с кряхтением поднялась и кое-как отряхнулась. В общем... история обыкновенная. Поколения сменяли друг друга, все больше уверяясь в собственном величии и силе. Демон ждал...

— Люди не ценят жизнь, — сказал он назидательно.

А я осмотрелась.

И снова коридор, точнее... да, чувствую сырость и влагу, и характерный запах моря, запертого в песках. Не удивлюсь, если мы окажемся на берегу.

— Люди воюют друг с другом. Люди убивают друг друга. Не из-за еды, — это, казалось, до сих пор удивляло демона. — Иногда одни люди убивают много других людей. Это называется война. Мой последний настоящий хозяин использовал меня, чтобы выпить жизнь из других людей, которые пришли, чтобы сожрать тех, которые принадлежали хозяину. Я получил много сил... так много, что почти очнулся ото сна... и смог заговорить.

Море и вправду пробралось.

Оно нашло иные ходы, те, которые оказались слишком узки для людей. Оно подтянуло темную тушу воды, просочилось трещинами, проложило себе путь темными нитями водорослей. Оно принесло ракушки, приклеив их своею меткой на темный гранит, и белесую соль, что покрыла и стены, и пол.

Ногам стало мокро.

А демон жадно облизнулся. Он, присев у темного валуна, коснулся его, а потом, оглянувшись, будто подозревая, что за нами следят, коснулся засоленного бока. Сунул пальцы в рот.

Зажмурился.

— Они не все меня слушали... не все слышали, — шепотом произнес он. — Но постепенно... я научился... мы научились.

— Куда дальше? — поинтересовалась я.

Откровения откровениями, но внизу было прохладно. Да и близость моря не внушала спокойствия. Море, оно... как бы это выразиться, далеко не безопасно, и это знает каждый, кому выпало жить на берегу. Я слышала, как гудит ветер, я слышала, как скрипят скалы, будто раздумывая, не поддаться ли напору. Еще немного — и осыплются остатками каменной стены, которая, несомненно, некогда была укреплена заклятиями, но...

— Туда, — демон жадно слизывал соль с пальцев. — Что? Она вкусная. Почти как кровь... ты знаешь, что некроманты едят сырую плоть?

— Ты говорил.

А я прожила бы без этого замечательного знания.

— Правильно изъятая плоть сохраняет часть души, и такая пища питает не только тело.

И без этого тоже.

Почему то представился Йонас и... он, выходит, тоже?

— Пока лишь животных. Начал с сырой рыбы. Знаешь, эта девочка увидела однажды, как он вытаскивает длинных черных угрей, а потом ест их, еще шевелящихся. Он вырывал куски плоти и заглатывал, не жуя. Но, говоря по правде, смысла в этом особого нет. Угри, конечно, часть моря, но не самая подходящая еда для некроманта. Вот с теплокровными, оно куда как полезней...

Демон решительно зашагал вперед, и вскоре мы оказались в пещере. Ее создало море, вылизав одну стену до блеска, а вторую завалив камнями. И на них, вверх дном, дремала длинная лодка. Я подошла поближе.

— Нет, морем отсюда не уйти. Мы думали.

Лодка была старой, пожалуй, она вполне могла представлять историческую ценность, но мне от

этого легче не стало. Ее киль почти сгнил, а обшивка местами сползла, обнажая гниловатые с виду ребра. Возле лодки виднелся сундук, крышка которого была открыта.

В него я тоже заглянула.

Любопытствовать так любопытствовать...

— Его содержимое давно ушло на строительство дома... знаешь, они все жили памятью о былом могуществе, и только этот ублюдок, твой муж, начал что-то думать...

— Почему ублюдок?

— Разве не так вы называете незаконнорожденных? — демон пнул сундук, и тот развалился на части. — В нем нет крови моего хозяина. Впрочем, теперь крови моего хозяина нет ни в ком, даже странно, что Джар решил снизойти до мальчишки. Идем, здесь не стоит задерживаться. Иногда из моря... выходит всякое.

Что именно, демон уточнять не стал, я же в последний раз оглянулась на камни, лодку и темную громадину воды, которая казалась подозрительно тихой.

ГЛАВА 44

А снаружи бесновался ветер.

Первый же порыв едва не опрокинул меня на спину, развернул и впечатал в камень. Второй швырнул в лицо горсть ледяной крупы.

Бледные пальцы вцепились в руку.

— Она всем хороша, только слабенькая. Знаешь, его кровь была куда менее податлива, чем эта...

— Ты не тронул душу?

— Нет. Пока нет...

— Почему?

— А почему ты не ешь тухлое мясо? Оно мягче и слаще, и даже готовить не надо, черви изрядно сдобривают его своими соками...

— Меня сейчас вырвет, — говорить приходилось, перекрикивая вой бури. Но странное дело, голос демона я слышала отчетливо, будто он шептал мне на ухо.

Я огляделась.

Ночь.

Глухая. Беззвездная. Самое оно для незаконных дел или, на худой конец, кражи цеппелина. Правда, теперь я начинаю сомневаться, что в этой краже есть хоть какой-то смысл. Допустим, нам удастся поднять корабль, но как удержать на таком ветру? Если корпус, защищенный заклятиями, выдержит, то хватит ли у двигателей мощности, чтобы идти против ветра? Ладно идти, но хотя бы скорректировать курс, чтобы нас не снесло на скалы?

Я не говорю о нулевой видимости и таких же моих напрочь отсутствующих способностях пилота.

— Души людей имеют разный вкус. Чем больше тьмы, тем слаще и питательней.

А в ней пока живут лишь обиды. Этого мало. Это... как если бы тебе предложили кусок вареного мяса, без соли, без приправ, к тому же жесткого, что подошва. Съесть можно, но зачем? Я не голоден. Я подожду. Я помогу ей справиться с обидами. Я подскажу, как удобней устроиться в этом мире. Я стал ее другом, хотя она, глупая девочка, все еще боится, но со страхом мы тоже справимся.

И в этом я не усомнилась.

Если позволить демону остаться в теле Руты, то со временем ее душа изменится, почернеет достаточно, чтобы ее можно было сожрать. И даже не знаю, что кажется мне более отвратительным в данной перспективе: то, что душу лишат посмертия, или то, что будет происходить во время перемен.

Но я огляделась, пользуясь внезапным затишьем.

Дом справа, а вот ангары... кажется, нам нужно прямо. Главное, не сойти с тропы. И не улететь. Я пригнулась и остановилась. Ветер выбил воздух из легких, куснул за шею, попытался пробраться под одежду, но та была зачарована на совесть. Правда, от холода не спасла. Руки мигом потеряли чувствительность, губы и те будто корочкой льда затянуло. Каждый вдох давался с трудом, а каждый шаг... ветер норовил толкнуть, закрутить, опрокинуть.

Над головой гроыхнуло.

И белесая молния распорол небо, впрочем, света было слишком мало. Демон держал меня за руку. Или держался? И... он ведь понимает, что мы не удержим корабль.

Не сейчас.

Даже если подняться выше грозы... насколько выше? Я слышала, что проводились эксперименты... и создан корабль, способный держаться в разреженном воздухе за счет особых добавок, но... нас снесет раньше, чем мы наберем высоту. Нас попросту утянет в море, а разбиваться о воду ничуть не легче, чем о землю...

Но мы шли.

С упорством обреченных, с затаенной надеждой, что демон образумится, а если нет... должно у него быть что-то... древняя сила, мощь или знания, которые спасут от неминуемой гибели.

Я не знаю, сколько времени занял путь.

Я считала шаги.

Сбивалась.

И вновь начинала считать. Я прижала подбородок к шее и вдохи старалась делать лишь тогда, когда не дышать становилось невозможно. Я не смотрела на существо, вцепившееся в мою руку. Я старалась не думать, что детское тело совсем не предназначено для таких прогулок.

Я...

Дошла.

Просто вдруг перед нами появилась стена, отделявшая ангары от моря. Невысокая. Сложенная из красного камня и заботливо напоенная силой. Правда, сейчас силы осталась крупница, и демон велел:

— Отойди.

Он положил на ограду руки, и я увидела, как потоки силы хлынули в полупрозрачные пальцы Руты. Ее кожа слабо засветилась, а волосы поднялись редким облаком. И ветер, удивленный, не иначе, попритих. Я же получила возможность отдышаться.

Мать его... если выживу...

Должна выжить.

Я ведь сильная, я смогу... и я не заключу новой сделки с демоном. Я знаю, что он мне предложит. Детское тело слабо, а я... у меня тоже есть слабости.

И обиды.

И надежды. И многое иное... он найдет, что предложить. Но я... я сумею.

Наверное.

Сила ушла, а демон облизнулся и, тряхнув головой — с волос полетели искры, — сказал:

— Так лучше. Все же ваши детеныши на редкость гибкие существа. Ее организм изначально не был приспособлен оперировать потоками подобного уровня насыщенности...

Из носа вытекла струйка крови, которую демон поддел пальцем и сунул в рот.

— Вкусно, — сказал он. — Как кровь. Идем...

Идти вдоль стены оказалось проще. То ли вереница могучих деревьев защищала от ветра, то ли сама стена, то ли просто место было такое, на редкость удачное. Главное, что редкие порывы, если и достигали его, то лишь затем, чтобы разбиться о камень.

А вот и калитка.

Приоткрыта.

Нас здесь ждут?

— Погоди... — демон замер, закрыв глаза. — Молчи...

Человек, выбравшийся из темноты, сперва показался мне пьяным. Он шел, слегка раскачиваясь, спотыкаясь и останавливаясь, будто не до конца понимая, куда идет и зачем.

И пахло от него...

— Сторож, — сказал демон. — Маг. Нам не нужен. Умри.

И тело осело грудой плоти.

— Ты...

— Я не хочу, чтобы он поднял тревогу. Не сейчас. Мы сами ее поднимем, когда будем готовы. Идем,

или ты... передумала?

Я смотрела на останки человека, который и понять то не успел, что произошло. Было ли ему больно? А мне, если откажусь помогать, будет?

— Хочешь, я пообещаю никого больше не убивать? — вкрадчиво поинтересовался демон.

— А... взамен?

— Ты исполнишь одну мою небольшую просьбу...

— Нет.

— Смотри, там есть еще люди...

Наверняка есть. Должны быть. Рабочие и штатные инженеры, которые проводят проверку, уборщики, мойщики, конструкторы и помощники... молодые и старые.

Святые.

Грешные.

Всякие.

— Правильно, я могу приказать им...

— Не можешь, — я отряхнулась. — Если бы все было так просто, зачем тебе я?

Демон против ожидания не разозлился, он засмеялся низким вибрирующим смехом, от которого сердце сдавило.

— Действительно, — теплое дыхание коснулось моего уха. — Зачем мне ты? Здесь есть люди, куда более опытные, а камень я и с тела снять могу.

— Можешь.

Нельзя поддаваться.

Будь все так просто, демон не затеял бы игру.

— И что ты с ним дальше делать будешь? Думаешь, достаточно сунуть в конвертер и запустить? Цепи выжжет на первом же потоке. Нужны ограничители. И синхронизация потоков. Стабилизация всей системы, которая приспособлена под конкретные накопители. Допустим, знаний Руты хватит на создание простейшей рунной цепочки, но... она вряд ли догадается учесть плотность потока и константы отдачи. Розовые алмазы не только накапливают энергию быстрее прочих.

— Умненькая.

— И команда... если бы ты мог удержать под контролем такое количество людей, ты бы просто... приказал не замечать тебя. Не нужно было бы устраивать этот самоубийственный побег. Нет... ты кого-то боишься, кого-то...

— Меня, — раздался тихий голос. — Демоны и некроманты не слишком друг друга жалуют. Так уж повелось...

В корабельном ангаре было сухо.

И тихо.

Мар зажег огни, и шелест света потревожил эту тишину.

— Что за... — он стряхнул капли дождя и сунул руки в подмышки. — И как это понимать?

— Есть здесь кто?

Поисковое заклинание рассыпалось, стоило отпустить его. И за стеной вновь гроыхнуло. А в ангаре... пустота в ангаре. Здесь, что характерно, тоже пахнет гарью, но запах приглушенный, наносной. Сквозь него пробиваются другие: привычная вонь перегретого металла, отработанного масла и смолистого дерева, сложенного вдоль стены. Доски укрыты провощенной тканью, и у Кириса появляется неприятное чувство, что под этой тканью не только доски.

Рука сама тянется к револьверу.

Нельзя.

Когда нервы на пределе, хвататься за оружие не стоит.

— Пусто, — Мар потер шею. — Проклятье... что творится?

Спрашивал он не у Кириса. Просто спрашивал, заполняя голосом тишину. Ему тоже было, мягко говоря, не по себе, хотя Мар тщательно скрывал страх.

Страх ли?

Вот он сжимает кулаки. И тут же разжимает, шевелит пальцами, разгоняя кровь.

И слегка вздрагивает, когда где-то там, в глубине ангара, раздается тихий стон. Не человеческий, нет. Это голос корабля.

Он близок.

Массивная туша, темные обводы которой сливаются с крышей. Давление в газовых баллонах минимально, но жесткие ребра позволяют сохранить форму. И кажется, что стоит открыть верхние ворота, как корабль рванет вверх.

Не рванет.

Его удерживает тройка якорей, да и...

Кирис коснулся прохладной гондолы.

Курьерский.

Изначально курьерский, малой грузоподъемности, но весьма приличной скорости. Пара патентованных двигателей от Мейбах-Зеппелин, съемный преобразователь, усовершенствованный на верфях, а потому надежно защищенный от посторонних взглядов коробом красного дерева.

Тонкие нити проводов.

Боковые баллоны с блаугазом, которые, надо полагать, заправлены под завязку.

В полутьме поблескивали стекла, будто цеппелин разглядывал незваных гостей.

— Идем, — Мар решительно двинулся вдоль гондолы. — Если здесь что-то и есть...

Сказано это было с некоторой долей сомнения. Наверняка он уже успел убедить себя, что никого-то и ничего в ангаре нет. Сработала сигнализация?

Бывает.

Ночь такая. Энергетически нестабильная, вот и...

И кому может понадобиться корабль во время бури? Никому.

Дверь открылась легко, будто цеппелин только и ждал, что неурочных пассажиров. А на ладони Мара вспыхнул жидкий светлячок. Получился он почему-то зеленоватым, и свет испускал такой же.

— Чего стоишь? — Мар оглянулся. — Заходи и... давай в каюту.

Кирис аккуратно притворил дверь.

Шагнул.

Ноги утонули в мягком ковре. Да, от бывшего курьера, в казенной унылости которого была своя сдержанная красота, мало что осталось.

Дубовые панели.

Картины.

Зачем на цеппелине картины?

Инкрустация на перегородках. Ковры и узкие столешницы, вытянувшиеся вдоль бортов. Округлая кают-компания. Изящная мебель, куда более уместная в гостиной, нежели на борту корабля.

Правда, все какое-то... будто мертвое.

Свет тому виной.

— Хорошая машинка, — Мар толкнул дверь, оказавшись на мостике.

Изнутри темные стекла были вполне себе прозрачны, правда, смотреть было совершенно не на что. Тот же ангар. Доски.

Канаты. Просмоленные бочки с маслом, выстроившиеся у входа.

— Развивает скорость почти в тридцать узлов, а при попутном ветре и того больше, — Мар устроился в кресле старшего погонщика. — Впрочем, расход у нее тоже немалый, но иногда скорость важнее...

Он активировал панель, и десяток огней вспыхнул, правда, как-то тускло, будто...

— В блоке остались лишь запасные кристаллы. Так что... если кому-то вздумается уйти с острова, ему придется позаботиться о подпитке...

Мар провел ладонью, инактивируя панель.

Поднялся.

— Лучше подождать в другом месте...

— А...

— Идем, — и вновь голос изменился. — Кажется, времени у нас не так и много...

Ему позволили переступить порог мостика.

Не стоило поворачиваться спиной... не стоило...

Тому, кто предал...

Однажды...

Боль была острой, но Кирис успел зацепиться за столик, только тот захрустел и рухнул. А Мар, присев рядом, сказал:

— Извини, приятель, но так будет лучше... уж больно ты нервный.

ГЛАВА 45

Йонас был в черном.

Черные штаны, которые казались ему чересчур уж большими. Черная рубашка с закатанными рукавами. Подтяжки вот выделялись неуместной своей белизной. Явно были не от этой пары.

Топорщились мокрые волосы.

А вот одежда прилипла к телу, подчеркивая неестественную его худобу.

— Не бойся, демон, — сказал мальчишка спокойно. — Я не собираюсь тебя изгонять.

— У тебя и не выйдет, недоучка.

Йонас вытащил из-за спины нож. Тот самый. Зловещий. Вида мрачного и... какой-то правильный в его руке, что ли? Не могу понять, откуда взялось это странное ощущение, но я почему-то точно знала — именно знала, а не предполагала, — что эти двое, мальчишка и нож, неразделимы.

— Иногда важны не столько знания, сколько сила...

— Не для тебя, — демон отпустил мою руку.

Он сгорбился, втянув голову в плечи, и выставил руки. И теперь в его обличье не осталось ничего и близко человеческого.

— Ты... ублюдок и сын ублюдка. В тебе нет ни капли правильной крови... ты слаб, мальчик... — голос демона стал низким, вибрирующим, и от него у меня волосы на затылке дыбом поднялись.

Будто... кто-то гвоздем по стеклу рисует.

— Прекрати, — поморщился Йонас. — Я поговорить хочу.

— О чем мне разговаривать с тем, кто... слишком слаб, чтобы попробовать настоящей крови? Кто... слишком труслив, чтобы признаться себе в своих желаниях. Кто... ничтожен и по силе, и по родовому дару... твой отец...

— Я знаю, — отмахнулся Йонас. — Я, может, и не совсем здоров, но я художник. А еще учителя у меня были неплохими. В отце нет ничего от деда, те самые семейные черты, которые проявились в тетке. А ведь признаки доминирующие...

— И ты... — демон склонил голову набок. Птичий жест, и сам он теперь сделался похож на уродливую птицу, почему-то спрятанную в человеческом теле.

— Проверил кровь. Это ведь несложно. Сложнее было эту кровь получить. Но да.

Я знаю, что мой совершенный отец — ублюдок, как ты изволил выразиться. Это ничего не меняет. А вот, что он убийца, это плохо...

Йонас покрутил нож, чтобы убрать его за пояс.

— Я хочу предложить тебе сделку, демон, — сказал он. — И готов скрепить ее собственной кровью, если на слово ты не поверишь.

Демон издал утробное ворчание, которое тотчас сменилось чириканьем. Звуки были настолько нечеловеческими, что... меня замутило.

— Ты собираешься убраться с острова? Отлично. Я тоже с тобой.

— Не страш-ш-шо? — теперь его голос вибрировал, и эта вибрация отдавалась во всем теле.

— Нет.

— Поч-шему?

— Почему сейчас? Может, потому что в моей комнате воняет бессмертником? Знаешь, такая травка... в принципе безвредная, но если сорвать в должное время и смешать с кровью, то... можно получить зелье, которое сведет с ума любого.

Демон захихикал.

— Я устал. Устал притворяться безумцем. Устал ждать, когда же, наконец, от меня решат

избавиться. И гадать, когда это произойдет, — Йонас потер лоб. — Раньше... я не знаю, чем она меня опоила, но я не имел сил сопротивляться. А теперь не имею желания гадать, как скоро вновь стану игрушкой в бабкиных руках.

— Уже не станешь, — проворчала я, вслушиваясь в темноту.

Этна должна была появиться.

Приказ был однозначен, но... успела ли она? А если не успела, что делать мне?

Не думать... точнее, думать, но не об Этне, а о чем-нибудь другом... или о ком-нибудь другом... и желательно, чтобы мысли были погромче.

— Бабка доигралась? — без особого удивления поинтересовался Йонас.

— Вроде того, — демон судорожно сглотнул. — Значит, я тебе нужен?

— Как и я тебе, — Йонас сделал шаг, но демон зашипел:

— Не двигайся — или я сверну ей шею...

— И останешься без вместилища.

— Почему? Есть еще одно... или не одно.

— До них еще добраться надо. Получить согласие. Устроиться. Мы ведь знаем, что к человеческому телу не так-то просто привыкнуть. Тем более ее смерть и тебя заденет. Одно дело убивать посторонних, а совсем другое — того, к кому ты притерпелся... так что не дури. Если бы я собирался тебя изгонять, я бы поступил иначе.

— Как? — Я прикусила собственный язык, и не по своему желанию. Рот наполнился кровью, а боль была... была боль, предупреждая, что не стоит вмешиваться в чужие беседы. Но Йонас ответил:

— Обыкновенно. Подождал бы где-нибудь в коридоре, дал бы по голове. Человеческое тело накладывает ряд ограничений, так что...

— Я бы не подпустил тебя близко.

— Тогда сонная трава в молоко. Хотя... на одержимых яды действуют плохо. С другой стороны, было бы желание, способ найдется. Но желания у меня нет.

— С-совсем?

— Не буду лгать, чисто в научных целях интересно. Мне довелось кое-что прочесть... скажем так, я бы не отказался провести ритуал, но вот гарантировать результат... насколько я понял, со временем демон и душа сродняются настолько, что извлечь его, не повредив душу, невозможно. Поэтому раньше одержимых предпочитали просто-напросто убивать.

Я вытерла губы и сглотнула кислую слюну.

Вот как-то... не нравятся мне эти разговоры.

— Поэтому, даже если бы я провел ритуал, то сомневаюсь, что моя сестра после него осталась бы в здравом уме. Так чего ради?

Действительно.

Чего.

Кому здесь помешает демон? Люди, как я успела убедиться, куда как похуже иных демонов.

— Я все равно тебе не верю.

— Твое право, но... — Йонас провел пальцем по клинку. — Скажи, если она утонет, что будет с тобой? В лучшем случае окажешься на дне морском, где и будешь тихо гнить вместе с телом. Но вместе у нас есть шанс получить свободу.

Он сцпил пальцы и потянулся до хруста в костях.

— Некромантов никогда не любили, а в нынешнем мире... полагаю, кое-кто придет к мысли, что существо, подобное мне, опасно. А если и нет, то я все равно не хочу остаток дней провести на привязи у Его Величества... мы поднимем корабль... доберемся, скажем, до Каржевских пустошей...

— И ты думаешь-шь, что я...

— Я думаю, что ты не настолько глуп, демон, чтобы упустить такой шанс. Вздумаешь отказать, что ж... у меня появится возможность кое-что опробовать... например... — Йонас скрестил пальцы, поднес к губам и дунул. В следующее мгновение на ладони его распустился темный цветок. — Конечно, шансы у тебя неплохие... ты все же существо древнее и вполне возможно, одолеешь меня, но... это будет стоить времени и сил. Многого времени и многих сил...

Йонас перевернул ладонь, и цветок осыпался бледным прахом.

— Поэтому, повторяю, нам лучше быть вместе.

Моего мнения никто и не спросил. Впрочем, решила я, размазывая кровавую слюну по подбородку, может, оно и к лучшему.

Мальчишка поднял руку и распорол ладонь. Он резал медленно, будто наслаждаясь самим процессом, а демон застыл. Ноздри его раздувались, он подался вперед, явно с трудом сдерживаясь, чтобы не начать ловить темные капли. Из приоткрытого рта его доносилось ворчание, а на подбородке появились тонкие ниточки слюны.

Этна точно где-то рядом.

Должна бы...

Не думать о ней.

Думать о... о ком-нибудь... муж мой еще та сволочь, но как-то... не знаю, перегорела я, и в душе пустота, потому что думано о нем и передумано не единожды. Что остается?... брат.

Мы все еще чужие люди, точнее, мы никогда не были особо близки, хотя я несказанно благодарна ему за помощь.

Рыжий.

Нет, не хочу о нем думать. Совершенно не хочу. Не место и не время. Просто... просто я слишком давно жила одна. И привыкла к этому одиночеству, как мне казалось.

И к острову привыкла. К работе. Решила, будто жизнь моя отныне вся и пойдет так, в тишине и чертежах.

Конечно, ничего плохого в чертежах нет, но... близость смерти заставляет острее ощутить, что чего-то я себя все-таки лишила.

А рыжий...

Он просто подвернулся.

Бывает так, что человек вот есть себе и... и будет дальше. Затеять интрижку, пребывая в браке, пусть и формальном, как-то нехорошо, неправильно.

Мне нужно выйти к людям.

Осмотреться.

Понять, насколько изменился мир, а он не мог не измениться. И кто я буду в этом самом новом мире? И найти себе любовника. Определенно. Пусть это аморально с точки зрения общества — если, конечно, мораль все еще осталась прежней, — но и плевать. Общество, оно как-нибудь переживет, а любовник мне нужен, хотя бы затем, чтобы вычеркнуть из головы неправильные мысли о лишних в моей жизни мужчинах.

Влюбляться я не планирую.

Выходить снова замуж тем более.

Просто... небольшой роман, чтобы вновь почувствовать себя женщиной. Разве я многого хочу?

— Нет, — ответил демон, вновь беря меня за руку. — Твои желания отвратительно примитивны. Где размах? Где полет воображения? Где желание завоевать мир или хотя бы получить вечную молодость...

— А ее можно получить? — Я с трудом удержалась, чтобы не стряхнуть липкие пальчики твари, в которой, кажется, осталось еще меньше человеческого, чем было. — Чисто технически? Особенно

когда собственная уже прошла?

— Мои... так сказать, сородичи... — демон растянул губы в уродливой улыбке, обнажавшей и кривоватые зубы Руты, и десны ее, и белую пленочку пены на них. — Весьма рекомендовали ванны из крови девственниц...

— Это уже устарело, — мальчишка перехватил царапину куском не особо чистой тряпки. — Бабка предпочитает вытяжку из костного мозга. Говорит, там концентрация выше.

— Чего?

— Эссенции жизни. Она работала... пыталась создать... впрочем, спроси у него. Его идея, полагаю...

— Просто идея, — демон развел руками, на долю секунды отпустив меня. — Кто ж знал, что старушка так за нее ухватится. Жаль, что она все-таки выбросила нож.

— Но эксперименты не прекратила.

Йонас отряхнулся и предложил:

— Может, все-таки пойдем?

И мы пошли.

Впереди я за руку с демоном. Подозреваю, со стороны картина, несмотря на общую ее бредовость, была довольно-таки умильной. Девочка прижимается к худенькой женщине, явно пытаюсь обрести в ней какую-никакую защиту, а за ними, спотыкаясь, будто во сне, бредет растрепанный подросток.

— Я могу тебе помочь... вечная молодость — это ерунда на самом деле, но... долгая жизнь... и стареть ты будешь красиво. Я позволю огню твоего желания разгореться, и он будет привлекать мужчин. Мужчинам на самом деле не так важен возраст. Ты никогда не замечала, что некоторые женщины, очень красивые женщины, не привлекают их, тогда как другие, которые с виду страшны, заставляют мужские сердца биться чаще. Они влекут, дурманят разум, заставляют совершать дела безумные...

— Заткнись, — не слишком вежливо попросила я.

— Это горит огонь их желания, он отражается в других, он заставляет...

— Пожалуйста.

Демон фыркнул и куда спокойней продолжил:

— Ты сможешь завоевать любого мужчину, просто обратив на него внимание... твой муж... разве не хочешь ты, чтобы он полюбил тебя?

— Он уже однажды любил меня.

— Неправда, и ты знаешь, — он вновь прижался ко мне. И я ощутила, как тело Руты сотрясает мелкая дрожь. — Нет, теперь он полюбит по-настоящему. Он будет сходить с ума, пытаясь добиться твоего расположения. Он забудет обо всем...

Я представила Мара, который, позабыв обо всем, пытается... чур меня от такого счастья.

— Или любой другой мужчина. Самые сильные, самые красивые, самые достойные будут сражаться за право оказаться в твоей постели...

Буду продавать билеты.

Озолочусь.

Хотя... кажется, этот бизнес уже существует, и давно.

— Ты сможешь стать королевой...

— Зачем оно мне?

— Не знаю, — демон вполне искренне пожал плечами. — Вас, людей, тянет к власти.

— Не всех.

— А чего ты хочешь?

Сложный вопрос. Если бы я сама знала... может, в этом секрет общения с демонами? Не знать, чего тебе надо? Или... ободряюсь.

— Нам туда, — сказал Йонас, когда мы очутились между двумя ангарами. Здесь было безветрено, а темный навес и от дождя защищал. Удивительно уютное место, несмотря на то, что зубы у меня все же слегка постукивали от холода. На волосах, кажется, образовалась ледяная корка, а пальцы я и вообще не чувствовала.

Почти.

— Хочешь, согрею? — демон не собирался униматься, он взял мою руку, поднес к губам и подул. — Хочешь... силу... много-много силы... так много, что никто в мире не сравнится с тобой.

— Никто в мире и без того со мной не сравнится, — руку я забрала и сунула в подмышку. Там оно теплее. А демон усмехнулся. В полутьме зубы его блеснули.

Какие-то чересчур большие зубы для ребенка.

— Самоуверенная...

— Иногда приходится. Мы сюда корабль выбирать пришли или так побеседовать? — Ледяное крошево, попавшее за шиворот, медленно таяло, пуская по спине струйки воды. И настроения это не прибавляло, как и веры в чудесное будущее, где нет ни демонов, ни...

Рыжих.

Вот же.

Влез в голову. Я не красавица, и внутренний мой огонь, если верить личному опыту, горит так, что не всякого дохлого мотылька привлечет, что уж о людях говорить.

Он обратил на меня внимание.

Точно обратил.

Я почувствовала. Но это... от безнадёги. Людей на острове, если не брать в расчет прислугу, не так уж много. Невеста пьет, ее мамаша делится целебным ядом, поневоле единственный более-менее адекватный человек покажется чудом, как бы он ни выглядел.

Я вздохнула.

Мы шли вдоль стены, и демон, к счастью, замолчал. Почему-то я была уверена, что тварь эта не без удовольствия копается в моих мыслях, а потому и думала старательно, пускай уж, если ему интересно. Объективно говоря, до Сауле я не дотягиваю.

Даже до Ирмы, несмотря на разницу в возрасте. Огонь там или нет, но они яркие, а я... так, и сама по себе недоразумение, и жизнь у меня такая же... зачем я рыжему? Разве что приключения ради. А мне такие приключения нужны?

Приключение, еще ладно. А если влюблюсь?

Я споткнулась и как-то само собой приотсталла. Нет, я была далека от наивной мысли, что этим нехитрым способом могу вообще потеряться, что было бы весьма даже кстати, ибо демон — не самая подходящая компания для неюной девицы. Не позволит. Он следит. Позволяет поверить, что почти уже отпустил, но если попробую дернуться... по-настоящему дернуться, к примеру, подумать о камне, который можно было бы подобрать... пусть не алмаз и даже близко, но всяко увесистый булыжник. Таким дать по голове и...

Левую руку свело судорогой, и я зашипела от боли.

— Ты обещала, — с упреком произнес демон. А некромант наставительно сказал:

— Люди не должны давать обещания демонам.

— Больше не буду. — Я осторожно пошевелила пальцами, пытаюсь справиться с острой болью. Будто в кипяток опустили. И главное, очевидно, что это далеко не все, на что демон способен.

— Пра-а-авильно, — он облизнулся. — Я могу сделать больно... очень-очень больно... или очень хорошо. Так хорошо, как тебе еще не делали.

— Не надо, — я была весьма искренна в своей просьбе. — Мне... и так неплохо.

В целом. Статистически.

Главное, чтобы пальцы все же слушались. И потому, невзирая на боль, я стиснула кулак. Распрямила. И снова стиснула. Попыталась изобразить простейшую руну, но... проклятье, как я рисовать стану?

— А нечего детей обижать, — будто оправдываясь, произнес демон. Некромант же ничего не сказал, лишь толкнул едва заметную дверь, приглашая нас во тьму.

— Кроме сторожа...

— Никого нет, — договорил за меня Йонас. — Ночь на дворе. Буря. В такие ночи люди здесь предпочитают не выглядывать из дома. Здесь дома защищены по-особому.

И есть инструкция.

И это весьма разумно.

Я бы вот тоже где-нибудь да отсиделась бы.

— Боиш-ш-шься? — демон поднырнул мне под руку и нежно погладил кожу, а показалось, будто ее лоскутами сдирают. — Страх сла-а-аденький...

— Ты улететь хочешь или меня сожрать?

Мне с трудом удалось отрешиться от глухого отвращения.

— И улететь. И сожрать... я не голоден, но страх... страх сладенький.

— Я поняла.

— Если поднять корабль сейчас, — Йонас делал вид, будто наши разговоры ему неинтересны, — его размажет о море. Щиты нам не помогут. Единственный шанс — быстрый подъем, мы должны пробить грозовой фронт до того, как нас снесет ветер.

Что невозможно.

Вот невозможно и все.

— Тебе не хватает веры в себя, — с упреком заметил демон.

Дело не в вере. Просто есть вещи, которые реальны, а есть все остальные.

И быстрый подъем... я слышала, что подобный цеппелин пытались создать.

Не вышло.

Не знаю, почему идея двигателей с подвижными винтами себя не оправдала, все же некоторые вещи до журналов не доходят, но... не вышло и все тут! А у нас и двигатели-то стандартные, и корабль...

— Отец укрепил корпус, — Йонас разглядывал темную тушу цеппелина, казавшегося несоразмерно огромным, хотя я знала, что он как раз-то и невелик. Пассажирские стандарты будут больше раз в пять, не говоря уже о грузовых или люксовых, вроде «Императрицы», которая, подозреваю, не ко всякой башне пристать способна. — Он выдержит повышенное давление газа. Если открыть все вентили...

— Клапан сработает, когда давление увеличится до нормы.

— А если клапан заблокировать?

— Насос тоже остановится.

— Искусственно запустить?

Однако... я слышала, что люди со склонностью к суициду порой проявляют невероятную изобретательность, но чтобы настолько...

— Смотри, я знаю стандартную скорость подъема, — Йонас заговорил быстро и рукой взмахнул, левой. Правая лежала на рукояти ножа. — Это слишком медленно. Нас первым же порывом снесет к морю.

Если вообще до моря доберемся. Есть у меня подозрение, что, стоит подняться над крышей, и нас

просто-напросто поволочет по земле. Может, оно и к лучшему?

— Но если добавить больше газа... он легкий, соответственно потянет корабль вверх.

— Все равно недостаточно быстро, — я покачала головой. — Это простейший способ. И его... использовали раньше.

— Как полагаю, не слишком удачно?

Я ощутила осторожное прикосновение к ноге. Этна? Умничка моя. Вот только куда тебя спрятать... я повернулась боком, прислонившись к темным ящикам. В конце концов я устала. Я женщина.

Хрупкая.

Нежная. Не приспособленная к прогулкам под ледяным дождем. У меня ноги вымокли, и руки тоже, а левая, обожженная демоном, все еще болит. И я демонстративно пошевелила пальцами, сосредотачиваясь на мерзком ощущении иголок, что входят в распаренную кожу.

— К сожалению, да. Скорость удалось увеличить, но при этом внутреннее давление распирало баллоны, что приводило к деформации.

Теперь я разглядывала дирижабль с иным, научным интересом.

А Этна карабкается по ноге, чтобы спрятаться под юбкой. Проклятье, знала бы наперед, надела бы брюки, но нет... мокрое платье облепило меня второй кожей, и потому маскировка выходит дрянноватой. Но другой нет.

— Купол укреплен.

— Это я поняла, но он укреплен снаружи. Если пойдет деформация, то опорные оси просто-напросто не выдержат. Давление будет нарастать изнутри не распределено, а в отдельных локусах. И этого хватит, чтобы начался разрыв. Газа можно накачать больше, но... это не выход.

Не совсем, чтобы выход.

А вот если... нагреть?

На первый взгляд перед нами та же проблема. Возрастет давление газа на стенки баллона... но если произвести нагрев не температурный...

Коготки осторожно царапнули бедро, и Этна застыла.

Не температурный.

Блаугаз по природе своей неплохо принимает силу, вот только взрывоопасность его увеличивается в разы... но... использовать его в качестве проводника, а силу... прямой поток с отведением под гондолу. В этом случае получится эффект отталкивающей силовой струи.

Правда, энергии понадобится бездна.

— Ты умная, — с каким-то сожалением произнес демон. — Если я сожру твою душу, я и сам стану умнее. Намного умнее.

Он, кажется, призадумался. А меня перспектива не слишком вдохновила, все-таки своя душа самой нужна. Вдохнув, я принялась излагать идею, которая, в принципе, на общем уровне безумия казалась почти и реализуемой.

Подумаешь... что там?

Конвектор нужен?

И подача энергии с него на газ, а после с газораспределительного котла, где стоят баллоны для откачки, переходник с выходом из гондолы... его можно с аварийными шлангами соединить.

Схема, правда...

— А... это не слишком сложно? — Йонас почесал мокрые волосы. — Не то чтобы я вам не верил, просто... газом, оно как-то... привычнее.

Руны складывались.

Сами собой, будто кто-то подсказывал, какой узор нужен. И в моей голове этот узор казался совершенным. А еще я не помню, как и когда очутилась у цеппелина.

Я стояла.

Гладила сухое дерево гондолы, шепча что-то успокаивающее. У кораблей тоже есть имена, а с ними и души. Нынешняя глядела на нас с тревогой. Цеппелин знал своего хозяина, а мы... мы были чужими.

— Мне нужен нож, — сказала я, очнувшись.

Как ни странно, рунные цепочки не распались, как это бывает, когда ты просыпаешься. О, сколько чудесных изобретений осталось во снах, сколько идеальных решений и открытий, которые могли бы потрясти мир.

Я хихикнула.

Если выживу... если сработает, то мир точно содрогнется. Правда, подозреваю, что не от восторга. Демон на свободе — это далеко не то, что человечеству для счастья нужно.

— Не думай о плохом, — сказал демон, вкладывая в руку нож. — Иначе я уничтожу твою сущность.

— И останешься ни с чем.

— Я заберу себе тело и память.

— Одной памяти недостаточно, — я провела по узкому длинному клинку. Таким удобно нарезать колбасу, а не наносить руны на пропитанное специальным составом дерево.

Оно с трудом поддавалось, и мне приходилось нажимать снова и снова.

И опять.

И в какой-то момент я всецело сосредоточилась на работе. Страх? Тоже ушел. Выживу я или нет... жаль, с рыжим не свела куда более близкого знакомства, чем допустимо...

Приличия?

Какой в них толк. И в принципах. И... умереть после полутора десятков лет воздержания лишь потому, что смелости не хватило самой себе признаться в симпатиях к мужчине? Было бы смешно...

Только и обидно.

Очень.

И подлая мыслишка билась, что умирать не обязательно, что... можно заключить с демоном сделку. Пообещать ему... не знаю, тело в пользование?

Тело у него уже имеется.

Душу?

— Не стоит, — Йонас оказался рядом и перехватил мою руку. — Вы рисуйте, я буду нажимать, иначе мы тут до утра провозимся.

— Какой... милый мальчик, — проворковал демон, который забрался на груды ящиков и сидел, болтая ногами в воздухе. — Пытаешься человека уберечь? Пра-а-авильно... только ты забыл, что у нее есть свобода выбора? Хочет сделку заключить? Пожалуйста... я могу дать многое... очень и очень многое.

Теперь моя рука будто скользила, вырисовывая руны за руной, и они отпечатывались на дереве темными ожогами. Если я что-то понимаю, то сила здесь ни при чем.

Я хотела спросить, но...

Промолчала.

Молчание — оно и вправду золото.

— Возьмешь ты еще больше, — возразил Йонас.

И в этом была правда.

ГЛАВА 46

В себя Кирис пришел не сразу.

Больно.

Он умел терпеть боль, во многом, как теперь понимал, благодаря морю. Его шепот поддерживал, подбадривал, обещал, что боль — это ненадолго, еще немного и она пройдет, а с ней и невзгоды, надо лишь потерпеть.

И позволить воде коснуться ног.

Подняться выше, обняв колени. И не сопротивляться, когда ласковая волна обовьет плечи, потянет в уютную колыбель вод. Там, на дне, сокрыто немало тайн.

И кладов.

Кто из мальчишек не мечтает о кладе? К примеру, одноглазый Раун, третий сын старосты, родившийся кривоватым и глуповатым. Он первым поверил морю, подобрав на берегу потраченную солью монетку. Всего одну...

Он приходил на тот берег вновь и вновь, с каждым разом забираясь все дальше, черпая пальцами клейкий песок, но находя лишь перламутровые осколки раковин. Они казались Рауну драгоценностями.

Море играло.

Однажды оно забрало Рауна, чтобы вернуть через несколько дней. Синюшное распухшее тело лежало на берегу. Оно не осталось незамеченным ни крабами, ни чайками. А в руке, поговаривали, Раун сжимал золотой.

Настоящий.

Древний.

Море было по-своему честно. И теперь, поселившись в голове Кириса, ворочалось, давило на виски, жалуясь, что голова-то у Кириса тесновата.

Кровь на губах.

И из носу идет. Кирис лежит, закрыв глаза, но знает — кровь идет. У него нос слабый, а еще после того, как сломали, то кровь вовсе порой идти начинает без всякой на то причины. Сейчас причина была. Чувствовалась огненной иглой в затылке.

И шепотом того же моря.

Оно готово рассказывать сказки, как той сумасшедшей дочери рыбака, которая поверила, будто ее взял в жены капитан. Взять-то взял, как шептались, и не он один, но... блаженная.

У нее своя беседа с морем.

И она приходила каждый день, садилась, встречая все корабли и лодки, которым выпадало добраться до пристани, вглядываясь в них с безумной надеждой. Ее хватало до вечера, а потом...

Наверное, она все-таки увидела свой корабль.

— И чего ты хочешь? — голос Мара пробился сквозь шелест волн и ударил, что было сил, по вискам, заставляя зажмуриться. Проклятье, этак Кирис себя выдаст.

Он лежал.

Не на берегу.

На чем-то мягком... ковер? Пожалуй. Ноги упирались... во что-то. Руки, кажется, были свободны. А вот боль в затылке растекалась, становясь мягкой, словно воск. Она расползалась ниже, на шею, на поясницу, выкручивая позвоночник, нашептывая, что поза-то далеко не удобна, что если Кирис не поменяет ее, то позвоночник этот, выгнутый странным образом, треснет.

— Справедливости, — этот голос тоже был громким и тоже причинял боль. От него рот наполнялся слюной, и Кирис не способен был сглотнуть всю ее. Приходилось давиться, и все же слюна вытекала, мешалась с кровью.

— Что такое есть справедливость? — философски заметил Мар. — Всего-навсего субъективный взгляд на объективную реальность...

— Пусть так.

Пол скрипнул под ногами Юргиса.

— Его ты тоже убьешь?

— Еще не знаю.

— Убьешь, — Мар сделал собственные выводы. — Ты хочешь справедливости, но платить за нее не готов. Суд, каторга... нет, проще избавиться от меня и от него, а там уж соврать что ни будь правдоподобное... кстати, ты неплохо лжешь.

— До тебя мне далеко.

— И это правда.

Смешок был неуместен.

Боль нарастала волной, готовая погрести Кириса.

Море ведь и его звало. Оно подбрасывало приманку, расстило дорожки лунного серебра, которые казались достаточно прочными, чтобы выдержать вес тела. Оно приносило те же раковины и даже позолоченный кубок с трещиной. Кирис его продал местному старьевщику, а на вырученные кроны купил пару булок.

Тогда море подарило ему сытый вечер.

— Так ты уже решил, как будешь меня убивать?

— А тебе только это интересно?

У Кириса получилось удержаться. Возможно, самому, а может, море, приняв откупным даром случайную подругу его, успокоилось.

И просто повезло.

И сейчас повезет. Он пошевелил пальцами левой руки. Правая, вывернутая, затекла настолько, что почти не ощущалась.

— А что именно мне должно быть еще интересно?

Наверное, стоило послушать море, позволить ему одарить Кириса забвением, поскольку в волосы вцепилась чья-то рука и потянула, заставляя выгибаться.

— Надо же, — произнес Юргис с удивлением, — а ты живучий... мне показалось, он хорошо бил.

— Хорошо, — говорить было тяжело, море, повинаясь силе тяжести, перетекло из головы в грудь, заполнив легкие жижей. И та клекотала, клекотала, рвалась наружу кровавым кашлем.

— Что ж... какая теперь разница? — Кириса толкнули к стене, в которую он, не удержавшись на ногах, врезался и поморщился.

Боль не ушла.

Боль разлилась по телу, почему-то сосредоточившись где-то в пояснице, будто штырь воткнули. А Юргис, пнув по ноге, велел:

— Сиди. И руки давай...

Петля захлестнула оба запястья. Кирис на пробу потянул, но бесполезно, веревка наверняка не простая.

— Зачарованная, — согласился Юргис, вытирая руки. — Это хорошо... очень хорошо... что вы оба... теперь оба... вас найдут... наверное... мы поднимем корабль, а потом... случится катастрофа. Они ведь случаются, когда кто-то пренебрегает правилами техники безопасности. Верно?

Он засмеялся тихим смехом безумца.

— А ты...

— Останусь утешать безутешную вдову... хотя, конечно, вряд ли получится... она ведь так тебя любила... и никого не удивит, если вдруг вдова решит отправиться за мужем. Это так мило. Романтично.

Кровь не останавливалась. Она текла по губам, по подбородку и падала на стянутые руки, которых Кирис теперь вообще почти не ощущал.

— Думаешь, получится?

А вот Мар выглядел не в пример лучше. Он сидел в кресле, закинув ногу на ногу и ногой покачивая. Руки его, стянутые уже знакомой Кирису веревкой, лежали на коленях. И вид Мар имел вполне себе обыкновенный, будто бы и вправду не происходило ничего необычного.

— Получится, — с убеждением произнес Юргис. — Не может не получиться. Если боги есть... вы должны ответить... за все должны ответить.

— За кого именно? — уточнил Мар, подняв руки. Он коснулся носа и поморщился, потом неловко потер шею и повторил вопрос: — Ты же не за всеобщую справедливость, верно? У тебя личное, глубоко личное... настолько, что ты даже не способен взять и тихо от меня избавиться.

Он слегка наклонил голову.

— Тебе не терпится рассказать, верно? Но ты слишком горд...

Юргис дернулся было.

— Ты не единожды представлял себе, как оно будет. Да, пожалуй, ты раз за разом рисовал в своем больном мозгу картины моей казни. И всякий раз я умолял тебя о пощаде, верно? Но ты, гордый и справедливый, не снисходил до мольб какого-то засранца...

— Заткнись, — процедил Юргис сквозь зубы.

И отложил револьвер.

Хороший такой револьвер, с коротким рылом, с барабаном, который тускло поблескивал, дразня Кириса недоступной близостью своей, с аккуратной рукоятью. Не слишком маленькая, не слишком большая, лишенная всяких украшений, но тем и лучше.

Такая сама в руку просится.

— Почему? Разве приговоренному не дадут последнего слова? — Мар приподнял бровь. — Итак, не стрелять... оно и понятно. Если вдруг каким-то чудом останки корабля отыщут... скажем, поднимут со дна морского или, что вероятнее, снимут с деревьев, поскольку до моря мы точно не долетим, тебе будет сложно объяснить, откуда взялись пули в моей голове...

— А он, — Юргис кивнул на Кириса. — Пристрелил... скажем, собрался бежать с твоими деньгами, ты его догнал... выясняли отношения. Дошли до перестрелки. Или вот... ты понял, кто он, попытался убить... ты ведь и вправду попытался его убить. Не вышло.

Надо сосредоточиться.

И для начала отрешиться от знакомого шепотка, который уговаривал не сопротивляться. Люди боятся смерти? Но это зря. Нет ничего страшного. Смерть — лишь миг, за которым Кириса ждет свобода. Он ведь именно свободы жаждал, верно?

Всегда.

Сперва тихо мечтал избавиться от родителей с их навязчивой опекой, которая казалась чрезмерной. Дети непосредственны в своих желаниях, а потом, когда те исполняются, совершенно искренне не понимают, как же так получилось...

— Или вот... он пытался остановить твой побег. Где-то здесь найдут чертежи, письма, которые ты писал имперцам... что? Не все, что горит, в самом деле сгорает.

Письма?

Мар поморщился.

— Вот зачем о... неприятном.

— Ты... имперцы...

— Какая разница, что было прежде, — Мар пожал плечами. — Мне нужна была любая поддержка, но... мы ведь договорились, верно? И договор подписали.

Кровью.

А стало быть... какие бы письма ни всплыли, это ничего не изменит.

— Засранец, верно? — тихо спросил Юргис. И Кирис согласился, а заодно прикрыл глаза. От веревки избавиться не выйдет. И что остается? Броситься на Юргиса, сбить его с ног и... и одного хорошего пинка хватит, чтобы вновь отправить Кируса в небытие.

Подвиг — дело хорошее, только смысл в нем должен быть.

Или просто подождать? Пусть этот безумец сделает то, что собирался сделать сам Кирис. Правда, погибать не хотелось, во всяком случае, не первым. Кирис, если на то пошло, должен был убедиться, что ублюдок и вправду умер.

Позволят ли?

Юргис присел, опершись на узкий столик. Потер виски.

— Он осторожен. Даже в тех письмах при здравом размышлении вряд ли удастся найти что-то действительно... компрометирующее. Знаешь, сперва я надеялся... собрать достаточно улик... судить его... разоблачить прилюдно, чтобы все поняли, какая он скотина. А потом... потом осознал. Не выйдет. Он хитер. Он просчитывает каждый свой шаг, а заодно и не только свой. Он купил тебя с потрохами, уж не знаю, что пообещал... он мастер обещать чудеса.

Потом был дядька.

Вечно пьяный, вечно злой, не способный думать ни о ком, кроме себя. И от него тоже хотелось избавиться. Море помнит... море помнит многое... к примеру, как Кирис стоял, сжимая грязную подушку, и вглядывался в изуродованное морщинами лицо. Он думал, что если подушку прижать... хорошо прижать... то храп прекратится.

И тот кошмар, в который превратилась его жизнь.

Смелости не хватило. К счастью.

— У меня есть письма... и не только они... номера счетов, имена поверенных. Только этого слишком мало. Он сбросит людей, как ящерица сбрасывает собственный хвост, чтобы потом отрастить новый. Связи, связи... ничего, кроме связей. И главное, он умеет казаться полезным, притворяться, будто без него у вас ничего не получится. А еще он слишком много знает. И его не позволят судить. Он ведь многих утянет за собой...

И не только тех, чьи имена остались в кожаной папке.

Есть и другие, куда более... везучие?

Опасные?

Мар знает, как опасно переходить границу, чутье у него воистину отменное, как и чувство момента.

— Это все интересно, но... собственно говоря, чего мы ждем? — уточнил Мар, и голос его донесся словно бы издалека.

— Демона, — спокойно ответил Юргис. — Он уже близко.

ГЛАВА 47

Демон прижал палец к губам и указал на приоткрытую дверь, из-под которой пробивался свет. В гондоле кто-то был, и этот кто-то определенно не ждал гостей.

Или ждал.

— Ты, — указал демон на мальчишку. — Скажи, кого чувствуешь?

— Трое. Живых, — уточнил он зачем-то.

И посмотрел на меня.

А я отвела взгляд, заодно старательно думая о том, что мне холодно. Думать было легко, поскольку мне действительно было очень и очень холодно. Я мелко тряслась, а зубы постукивали, выбивая какую-то совершенно безумную мелодию. Мне хотелось сесть, свернуться клубочком и обнять себя.

Закрывать глаза.

Я устала. Это нормально, что люди устают. И всего-то надо, на минутку присесть... прилечь. Нельзя, это я понимаю прекрасно: холод опасен, но...

Так хочется.

Я делаю вдох.

И выдох.

Так лучше. Сердце бьется ровно и...

— Первая, — меня развернули к трапу. — Иди. И постарайся не сдохнуть.

Жизнеутверждающее пожелание, однако. Что ж... постараюсь, как он выразился... не сдохнуть... шаг. И еще. Ноги одеревенели, колени плохо сгибаются, и я останавливаюсь, что не нравится демону. В моей крови вспыхивает огонь, и крик я сдерживаю с трудом.

Кажется, я прокусила губу, во рту становится солоно, и вместе с солью появляется глухая ярость: ни одна тварь не будет обращаться со мной подобным образом.

Не позволю.

Не...

Я стучусь.

Кто бы ни скрывался внутри гондолы, вряд ли он нас не слышал. Подозреваю, о нашем появлении стало известно изрядно загодя, так зачем играть.

— Входите, — пригласили меня. — Надеюсь, вы и дальше проявите должное благоразумие...

Не сомневаюсь.

В кают-компании, и без того не слишком просторной — все же размеры курьера не позволяли разгуляться, — стало совсем тесно.

Я как-то походя отметила осколки на полу, что поблескивали в светлом ковре, выдавая себя за алмазы. Темные пятна. Кровь? Пожалуй что.

Кресло.

Мар, в нем сидящий с видом отстраненным. И Кирис, который выглядел так, что мне даже совестно стало: человек явно к богам отойти готовится, а у меня тут относительно его мысли пошлые. То есть были пошлыми, да сгинули.

Юргис.

С револьвером. Револьвер смотрел мне в лоб, и от этого становилось слегка не по себе.

— Доброго вам вечера, — я кое-как пригладила мокрые волосы, стараясь одновременно справиться с дрожью. — Надеюсь, мы не помешали?

— Вы как раз вовремя, — Юргис махнул револьвером. — Садись... куда-нибудь.

Я не заставила себя уговаривать, огляделась, пожала плечами и шагнула к рыжему. Села рядом и сказала:

— Выглядишь поганю.

— И ты не лучше.

— Замерзла, — пожаловалась я, хотя как-то... наверное, не к месту. — А еще демоны тут всякие ходят, жить честным девушкам мешают.

— Честным ли? — поинтересовалась Рута, озираясь с некоторым удивлением. — У честных девушек не бывает грязных мыслей.

— Так... это ты просто девушек неправильных встречал, — я вытащила из кармана платок и потерлась спиной о стену, стряхивая голема. Платок я приложила к ссадине Кириса, которая начиналась на макушке и тянулась до самого уха. Выглядела рана преотвратно, сильно кровила, но судя по тому, что рыжий был вполне себе жив, непосредственной опасности для жизни не представляла.

— И ты входи... некромант. Не стесняйся.

Йонас остановился у стены, огляделся. И тоже шагнул к нам. Не то чтобы третий лишний, но... Этна копошилась за спиной, надеюсь, у Кириса достанет мозгов сделать вид, будто ничего особенного не происходит.

Мальчишка присел с другой стороны от рыжего и положил ладонь на его голову.

— Ты еще и целительствуешь? — не удержался Мар, которого, кажется, не слишком обрадовало наше появление.

— Смерть и жизнь — две стороны одного явления, а тело — лишь плоть. Иногда уже мертвая, а иногда ее можно сделать таковой.

Рана вскипела, и кровь на моих глазах почернела, превращаясь в плотную корку. Да, это куда действенней платка.

— Знаешь, — Юргис описал полукруг револьвером и подвинулся. Он явно не желал упускать из виду ни нашу компанию, ни Мара. — В этом что-то да есть. Ты заметил, никто из них не выбрал тебя. Его вот — да... а ты один.

— Меня это вполне устраивает.

А вот здесь и сейчас мой дорогой ненавистный муж лгал. Но... какое мне дело?

Я вот лучше к теплому боку прижмусь... исключительно, чтобы согреться. И Кирис подвинулся, повернулся, попытался обнять меня спутанными руками.

Спасибо.

— Что ж... так даже лучше... — Юргис потер переносицу. — Демон, твое предложение еще в силе?

— Идиот, — пробормотал Йонас.

А Этна тихонько перебралась на колени Кириса. Стянув куртку, я поспешно бросила ее сверху, пожаловавшись:

— Мокрая... я замерзла. Здесь вообще можно отопление включить?

— Работает резервный генератор, — Мар качнул ногой. — К сожалению, некоторые функции недоступны. И заметь, в доме было бы теплее, не говоря уже о том, что безопасней. А ты, стало быть, тот самый демон, которым меня в детстве пугали?

Рута в мокром платице, облепившем худую ее фигурку, не выглядела пугающей, напротив, она была на редкость жалкой, человеческой настолько, насколько это вообще возможно.

Она ковырнула ножкой пол.

И бочком подбравшись к Мару, замерла. Она прижала руки к телу, а само тело изогнула, она вытянула шею и носом уперлась в нос Мара.

Ослабилась.

— Какой вкусный... гнилой человек... так бы и сожрала... ам...

Мар отпрянул.

А демон мерзковато захихикал.

— Боишься? Пра-а-авильно... бойся... вы, люди, когда забываете о страхе, становитесь невыносимы. То ли дело ты, папенька... — голосок демона сделался тоненьким и звонким. — Вот он всегда боялся... всегда и всего...

Она ущипнула Мара за щеку, а вздрогнула почему-то я. И, не сумев сдержать дрожь, затряслась заячьим хвостом. Боги, я сейчас выгляжу настолько жалко, что и убивать меня не надо, сама помру.

— Йонас, пересядь, — мрачно заметил рыжий. — С другой стороны ее, а то...

— Ничего, — демон повернулся к нам. — Скоро мы запустим основной генератор, и теплее станет всем. Правда, Эгле? А потом мы полетим. Помнишь, папа, я просила тебя взять меня с собой? Мне так хотелось полетать, но тебе ведь некогда... всем некогда... все заняты, так заняты, что им до маленькой девочки?

Этот пришепетывающий, канючащий голос ввинчивался в виски, и не только мне.

— Демон, — револьвер в руке Юргиса остановился на Руте. — Я задал вопрос.

— А что ты можешь мне предложить? — демон на пятке повернулся и, вытянув палец, сунул в дуло. — Бах...

— Я...

— Ты, тебе ведь сделка нужна?

— Осмелел? — Юргис сделал шаг назад, но вот отступить особо здесь некуда, места маловато. А мне подумалось, что если ударить его по голове...

— Сиди, — шепотом велел Йонас, устраиваясь рядом. На плечи мои упала куртка, такая тяжелая и теплая, что я вновь затряслась, и что самое поганое, зубы звонко зацокали. — Потерпи. Скоро... все закончится.

Он закрыл глаза, но из левого выкатилась слезинка, слишком уж темная для обыкновенных слез.

Скоро.

Все собрались. Почти. А кто не пришел?

— Так... ты отдашь мне свою душу? — демон теперь смотрел на Юргиса и только на Юргиса. — Ты ведь на самом деле хочешь, чтобы состоялся не суд. Суд тебе не нужен, а вот казнь нужна. И чтобы он умолял о пощаде, чтобы захлебывался кровью и рвотой. Хорошее желание. Вкусное.

Демон демонстративно облизал грязный палец.

— Но тебе страшно. Ты никогда и никого не убивал. Та несчастная собака, которую пришлось добить, уж не знаю зачем, не в счет.

Юргис отвернулся.

А под курткой кто-то очень осторожно сжал мою руку. Кирис? Стало быть, Этна сумела справиться с веревками. Хорошая девочка. Понятливая.

— И ты мучаешься, — теперь демон выглядел почти обычной девочкой, которая говорила взрослыми словами, но... была человеком.

Почти.

Она даже сочувствовала бедному Юргису.

— Ты на самом деле хороший. Ты чтить родителей и заветы богов. Бываешь в храмах. Поддаешь милостыню и не потому, что так принято. Тебе и в самом деле жаль...

— Хоть ты его на службу ставь, — проворчал Кирис.

— Вопрос, кому он будет служить, — Йонас так и сидел с закрытыми глазами.

— Ты думал, что твой гнев тебе поможет, верно? Но на самом деле гнев есть, а вот желания кого-то убить не появилось. Поэтому люди и нанимают палачей.

— Я... сам.

— Ты не сможешь, — покачала Рута головой. — Ты слаб. И в этом нет ничего страшного.

— Я... просто... она не заслуживает... чтобы вот так... убил и забыл, будто ее и не было никогда. А она его любила...

— А ты ее? — демон взял Юргиса за руку. — Ваша беда, влюбленных, в том, что вы ставите кого-то выше себя, создаете себе кумира, а потом горюете, когда кумир уходит... и я сочувствую.

И ведь действительно сочувствовал.

Человеческой частью души.

— Демоны... — почти шепотом произнес Йонас. — Они или сильны и свирепы, или изворотливы. Иначе в их мире не выжить.

И мне тоже почти жаль демона, вынужденного подстраиваться под людей.

— Я помогу тебе. Хочешь, я сделаю ему больно? Вот так, — он даже не повернулся в сторону Мара, но того скрутило от боли. — Или вот так...

Мар сполз со стула.

Он не кричал, но видно было, что это дается ему нелегко.

— Он слегка упрямится, но мы это исправим...

Из носа Мара хлынула кровь.

— Смотри... а ты? Ты не хочешь отдать мне свою душу? — демон присел у Мара, который тщетно пытался подняться с колен. — Ведь мы тоже вполне себе можем подружиться.

Смотри, совсем не обязательно умирать здесь и сейчас. Мы убьем их... поднимем корабль, и пусть он себе летит на скалы... мы вместе придумаем, что сказать, когда сюда придут друзья этого...

Демон небрежно кивнул на Кириса.

— Я подарю тебе не просто жизнь, а долгую... очень долгую жизнь... у тебя не останется врагов, поскольку любой умрет, стоит тебе лишь захотеть...

— Где ты был раньше? — просипел Мар.

— Спал, — демон пожал плечами. — У вас на острове... очень сонная атмосфера. Так что, решайте... кто первый? Это детское тело долго меня не выдержит, все-таки стоило брать старуху, раз уж она все равно ритуалами баловалась. А ты знаешь, что их подняли? Всех тех, кого отправила на тот свет твоя матушка? Смешно, целитель-демонолог... ей так хотелось сил... больше сил, больше власти...

— Она тебя разбудила?

— Она. Кровь... и смерть... когда умирают некроманты, мир истончается. А уж когда слабеет кровь, которой были закланы цепи...

Он прикусил губу.

— Так кто? Жертва, которая недавно была палачом? Или тот, кто палачом себя считает, но не способен пролить кровь? Одному я дам справедливость, второму жизнь.

Только что-то сомнительно, что в этой жизни останется место Мару.

— Ты забыл про меня, — Йонас все-таки поднялся. — В мое тело не хочешь?

— Ш-шутишь?

— Почему? — он пожал плечами, и жест получился на редкость неловким. — Думаешь, я мечтал стать некромантом? Я половину жизни считал себя сумасшедшим.

А вторую половину понял, что я действительно сумасшедший, просто с редким даром. Бабка меня держала на дурмане зелий. Отец презирал. Для матери я был вечным укором, что ей не удалось исполнить договор. Прочие люди меня ненавидели и боялись. Я устал.

— Йонас... — Мару удалось все-таки подняться и кое-как облизать губы. — Что ты творишь, мальчишка?

— Использую свой шанс. Мы ведь можем договориться, верно? Я впущу тебя в тело, демон, а ты поможешь мне исчезнуть. Я не хочу оказаться в каком-нибудь тихом месте, где варят хороший дурман. И не хочу быть запертым на острове, в окружении молчаливой стражи... не хочу работать на корону, в надежде получить призрачное право самому распоряжаться собой и своей жизнью.

Он помолчал и добавил.

— И мертвых слышать тоже не хочу. Их слишком много вокруг... говорят, говорят... чего-то хотят... вечно все от меня чего-то хотят. Как правило, невозможного.

— И ты...

— Мы заключим договор, — Йонас вытащил клинок, вид которого заставил демона вжать голову в плечи и зашипеть. — Ты не будешь трогать мою душу. Думаю, мы найдем изрядно протухших душ, чтобы ты не испытывал голода... плохих людей в мире много. Тебе хватит.

Клинок крутанулся в ладони.

— А... взамен?

— Отпусти девчонку.

— Она сама позвала меня.

— Как и я. Я тоже зову тебя. Я, может, и не совсем, чтобы взрослый, но вполне себе вынослив, я выдержу твоё присутствие. А ты со временем смиришься с моим. Мы... отправимся путешествовать. Мы оба были здесь, как в темнице, а я хочу дойти до края королевства. И побывать на соленых пустошах Империи, где небо загорается алым. Говорят, что там настолько сухо, что даже дыхания хватает, чтобы распустились солончаковые розы... редкие паразиты. А еще на востоке, далеко, есть страна Гиант, жители которой пишат сверху вниз и носят шелковые одеяния, даже нищие. На Севере живут люди народа уну. Они строят дома из льда и снега и разводят шерстистых носорогов. Их шкура толста, а шерсть искрится, будто первый снег...

Глаза Йонаса были полуприкрыты.

— Хочешь, я поклянусь, что не трону тебя? И ты принесешь клятву...

— Йонас!

— Заткнись, отец. Я от тебя устал... сколько можно лгать?

— А они?

— Боишься потерять игрушки?

Кирис поерзал и, наклонившись к самому уху, поинтересовался:

— Оно может убить демона?

Он про Этну? Демона — нет, но вот маленькую девочку, которая неосторожно позволила твари войти в тело — вполне. Только вряд ли это сильно повредит демону. Читала, они вполне способны жить и в мертвецах.

Я не хочу.

Не буду.

Я... лучше подумаю про север. Только думать надо громко... я знаю, что мальчишка не просто так, он затеял что-то. И демон это знает. И пытается судорожно понять, в чем же подвох.

— Хватит! — Юргис не выдержал. — Сядь на место...

— Ты мне надоел, — демон махнул рукой, и Юргис осел на пол. — Не люблю нытиков. Решил убивать, так убивай, а то ведь... так значит, клятва?

— Взаимная.

— И девчонка?

— Она мне все-таки сестра. Я никогда не был с нею добр, но хоть что-то... и ты можешь забрать ее память?

— Всю?

— Сколько вы вместе? Около года, верно?

Демон кивнул.

— Вот ее... не надо, чтобы она... мучилась. Ты ведь умеешь, да?

— Да.

Йонас поднял руку, раскрыл ладонь, показав демону темную рану. И кровь, которая из нее сочилась. Красная, нарядная, как... как камни. Она летела по пальцам, срывалась и падала на ковер. Она пахла так, что даже я... у меня от этого запаха голова закружилась, что говорить о демоне. Он переминался с ноги на ногу, вытягивал шею и... не мог решиться.

— Ты, конечно, можешь взять кого-то из них, но... кто тебе мешает взять и их тоже? Душа моего отца давным-давно прогнила. Я не думаю, что будет так уж сложно ее сожрать. С Юргисом сложнее. Что у него там случилось?

— Твой отец убил его невесту, — демон сунул палец в нос. — Бывшую... то есть сперва окрутил ее...

— Бабкино зелье?

— Не без того... она талантливая у вас.

— Йонас, не слушай его... — Мар поднялся и, заткнув нос ладонью, сел.

— А кого? Тебя? Ты за всю мою жизнь хорошо, если десяток слов правды произнес. Нет, демоны в этом плане надежней. Они не лгут. Не договаривают, верно, но не лгут... значит, соблазнил?

— Пообещал жениться. Потом попросил о помощи... во славу рода... он умел убеждать, а уж если слегка помочь силой... или не силой, ведь таких, как она, проверяют на наличие ментального воздействия. Но сила бывает разной. К примеру, в травах она особая, ее ни один амулет не услышит.

Со мной ведь тоже... не обошлось без воздействия.

И рука, которая стиснула пальцы, подтвердила, что эти мысли не только мне в голову пришли. Я вздохнула.

— Да, да... и ты, — демон махнул рукой. — Но ты оказалась на редкость упряма, потом вообще сбежала, избавившись от воздействия. Это его огорчило.

Мар помял переносицу. Кровь сочиться перестала, но вид у супруга был весьма потрепанный.

— С той девицей ему и стараться-то особо не пришлось. И ей бы и дальше пребывать в любовном беспамятстве, но нет же... думать начала. Порой думать вредно, а еще небезопасно для здоровья, — демон сунул палец в нос да и застыл, размышляя о чем-то своем, наверняка, глобальном, ибо только о глобальном и можно думать с пальцем в носу.

— Она стала задавать вопросы... сперва о том, когда мы поженимся. Стала ныть, что из-за меня она разорвала помолвку, — заговорил Мар. — Что поссорилась с семьей, которая рада не была... я просил держать наши отношения в тайне, мне ни к чему был скандал. И ей это нравилось. Сперва.

А потом тайна стала обузой.

Ей наверняка хотелось поделиться своей всеобъемлющей любовью с миром, если не со всем, то хотя бы с родными. Доказать им, что вовсе не ошибочен ее выбор, что... Мар хороший.

Я ведь сама себе это твердила.

Давно.

Правда, моя семья никогда не бралась диктовать мне, что делать, но... Мар хороший, мать его. Милое чудовище.

— Еще и этот со своими ухаживаниями. Прилип, что банный лист... она просила. Потом требовала. Потом забеременела и с чего-то решила вдруг, что это повод сыграть свадьбу. И ничего, что я уже дважды был женат, закон-то количество жен не оговаривает... — Мар поморщился, признания ему явно не доставляли удовольствия. — У меня уже был наследник, да и...

Дело не в наследнике и не в беременности.

И даже не в том, что брак, скорее всего, был мезальянсом. К мезальянсам Мару не привыкать. Все

куда проще и... циничней? Какой пост бы ни занимала та девица, но ее брак с Маром вызвал бы весьма и весьма обоснованные подозрения, а за ними, глядишь, и проверки. А уж что бы там проверки ни выявили...

— Мне пришлось, — сказал Мар.

— Ему пришлось, — закивал демон. — Его шантажировали. Он предлагал ей деньги. Много денег. Достаточно, чтобы убраться в какую-нибудь глушь, прикупить домик и зажить там тихой спокойной жизнью. Он бы не бросил ребенка. Он бы открыл счет на его имя... многим хватило бы.

Но не той женщине, которой я... сочувствую?

У меня детей не было.

К счастью.

— А она сказала, что не так глупа. Она записывала все, что делала по его просьбе. И да, это грозило бы судом, но... к несчастной влюбленной он был бы милосерден. Ко всему беременной. К беременной, которая раскаялась и проявила похвальное желание исправиться...

Демон мерзенько захихикал.

— А знаешь, кто ее убил? — спросил он у меня и, не дожидаясь ответа, ткнул пальцем в рыжего. — Руки крюки... в крови руки... я слышу, я чувю... смерть на них... она умерла на его руках! Правда?

— Да, — Кирис не стал отрицать очевидного, и демон захохотал.

Его смех раздирал душу в клочья. Или не демон тому виной, но игры повзрослевших мальчишек. Они и в детстве-то добротой не отличаются. То привяжут к лапам пойманной чайки камни — интересно же, взлетит или нет, то змею подбросят в сумку с книгами, то... неважно, мальчишки злы.

Мужчины не добрее.

Только... тот, который держал мою руку, отпускать не собирался. И как было ни противно признавать, я ждала. Ждала, что он заткнет демона, который был излишне говорлив. Ждала, что расскажет, как оно было на самом деле.

Демоны, конечно, не лгут.

Но и правды не говорят.

А он молчал. Поглаживал мои пальцы, спрятанные под курткой, и молчал.

— Она была осторожна, она понимала, что Мар будет присматривать, что ему не понравится шантаж. А может, почувствовала близость смерти? Некоторые люди могут и убить за такое. Она написала письмо бывшему жениху, в котором рассказала, с кем связалась. И что опасается за свою жизнь. Умоляла о прощении... прозрела, да.

Демон не сводил взгляда с Йонаса, а тот стоял, позволяя крови течь. Ее набралось уже изрядно, темное пятно у ног. А он будто и не замечал, ни пятна, ни жадного взгляда.

Кирис все-таки заговорил.

— Я получил задание... проверить... возникли подозрения, что подрядчик ведет себя нечестно, что... сопутствующие, скажем так, потери при строительстве грозят перейти всякие разумные рамки...

Голос у него спокойный.

А вот пальцы сжались, и я пошевелилась, высвобождая руку. Удерживать Кирис не стал. Рыжий, рыжий... не конопатый. Интересно, сугубо теоретически, у двух рыжих может быть ребенок, скажем, блондин?

Или брюнет?

Рыжим в жизни тяжело приходится. Я осторожно взяла его за руку и погладила раскрытую ладонь.

Не верится мне, что он убил.

Вот не верится и все тут. Пожалуй, я тоже дура, которой наука не впрок пошла, только... демон ведь не сказал, что Кирис убил ту несчастную. Он спросил, знает ли Кирис, кто ее убил... да, вопрос —

это еще не утверждение.

— Вычислить Ригис оказалось несложно. Разорванная помолвка. Подруги, которых вдруг бросили. И все, как одна, говорят о таинственном любовнике. А еще, что этот любовник полностью лишил девушку воли. Переезд в другой дом. Она получала достаточно, чтобы снять дом, но большая часть денег уходила на лечение матери. Да и матери вдруг оплатили курс в весьма недешевой столичной клинике.

Кирис замолчал.

— Мы наблюдали. Мне... отвели роль ухажера. И проверяющего. Я ведь не особо умен, зато вполне приручен. А что девушка понравилась, так это нормально. Все говорили, что жениться пора. Даже он. Так почему бы не выбрать одинокую одаренную нейту, которая выглядела несчастной? Дуракам ведь закон не писан. А я и был дураком. Отменнейшим. Но я лишь присматривал. Подружиться должна была Вельма, моя коллега...

— Которую в тот день нашли. В подворотне, — демон присел на корточки. — С ножом в боку... ограблена, изнасилована... не гуляйте, девушки, по дурным районам.

Кирис стиснул руку.

ГЛАВА 48

Вельма была...

Самоуверенной.

Ей всегда и все давалось легко. Во всяком случае, со стороны казалось, что она шла по жизни, танцуя, по головам ли, по паркету.

Ну же, тебе не хватает непринужденности, ты двигаешься так, будто у тебя суставы клинит...

Светлые волосы.

Синие глаза, яркие, словно само море. Улыбка эта, на которую тянуло улыбнуться в ответ.

Вельму никто и никогда не принимал всерьез.

Легкая.

Воздушная.

В меру красивая, чтобы на ней задержался взгляд, но не чересчур. Она не вызывала у женщин ревности, напротив, Вельма умела нравиться.

Ничего сложного. Просто улыбнись... да не так, Кир, вот же дуболом достался мне в напарники... ты не улыбаешься, ты скалишься, будто укусить хочешь. А люди, заметь, не горят желанием быть покусанными. И проще. Нет, не притворяйся, притворство подавляющее большинство чувствует, не важно, маги или нет. Искренность. Побольше искреннего интереса к их делам. Ты не поверишь, до чего люди любят поговорить о себе. Надо лишь слушать... ничего, я из тебя сделаю человека.

Вельма умела примерять маски.

И когда в конторе появилась милая неловкая провинциалочка, явно мечтающая не столько о карьере, сколько о выгодном замужестве, ее приняли. Сперва с настороженностью, но...

Пойми, Кир, нельзя набиваться. Немного подождать, и им самим станет любопытно, захочется узнать, кто я, а там и о себе рассказать...

Она прижилась там куда легче Кириса, который так и не научился толком играть кого-то. Даже себя. Глуповатый агент? Из него, пожалуй, вышел. Неловкий. Молчаливый. Стеснительный. Он тогда и вправду стеснялся, но скорее себя и собственной неумелости, нежели людей.

Он хмурился.

И кивал в поддержку беседы. Делал вид, что пытается ухаживать за Эленой Ригис, выслушивал советы и насмешки, ведь очевидно же, что такая красавица найдет кого поинтересней.

С ней явно что-то не так.

Ригис принимала букетики маргариток, которые Кирис рвал здесь же, благо маргаритки, некогда высаженные на клумбе, успели расплзтись по траве. Она делала вид, что ей льстит внимание, но, конечно, все не всерьез. Только иногда выражение лица становилось таким, что Кирис себя ненавидел.

Она несчастна. Поверь, счастливые так себя не ведут. Она не плачет, но... посмотри, за последние полгода она сильно похудела. Платье на ней висит, хотя явно его ушивали. Она постриглась и стала красить ногти.

Тогда Кирису это казалось ерундой.

Глупый. Зачем обрезать хорошие волосы, которые придется восстанавливать, если вдруг стрижка надоеет, а это, поверь, дорогое удовольствие. Да и сейчас в моде полудлинные или завивка. Завивку она не сделала, а стрижка почти неприлично короткая. Такие после болезни делают. Ногти наверняка слоются, поэтому и прячет.

Она долго не шла на контакт.

Дичилась.

И закрывалась в себе, но Вельма, она умела работать с людьми. Она была лучшей в своем роде. Не менталист, скорее уж на грани дара, и эту грань Вельма отточила так, что ей и воздействие не требовалось. Только время...

Четыре месяца в конторе — достаточно, чтобы стать своей. Еще два, чтобы люди окончательно забыли о временах, когда Вельмы здесь не было... и еще один, чтобы приручить Элену Ригис.

— Раньше она была другой, — Вельма любила забираться на крышу, садилась на парапет и покачивала ногами. Она жевала сахарный крендель, вытирая пальцы клетчатым платком, и делилась с голубями. Голубей на крыше было множество, они, казалось, слетались со всего города, и толклись, ворковали, причитали, выпрашивая кусок этого самого кренделя. — Все решили, что дело в несчастной любви. Встретила женатого, влюбилась, разорвала помолвку, поссорилась с семьей. А ее любовник, как наигрался, послал куда подальше. Только не послал... она по-прежнему с ним встречается. Это сразу заметно. Она прямо светится, правда, недолго, потом... будто откат. Знаешь, я бы ее изолировала.

Вельма отрывала куски батона.

— Здесь Корн не прав. На девчонку определенно воздействуют, пусть неклассическими способами, но какая разница? И пока она под колпаком, говорить не станет. Надо уводить. Отослать ее куда... пусть придумает.

Про Вельму и главу управления шептались... осторожно.

Слухи, они ведь в разных местах заводятся. Кирис старался не обращать на них внимания. Да и... был ли он сам влюблен? Пожалуй, как и все прочие, с кем Вельме случилось работать. В том не было ее вины, она ведь не специально, она... привыкла вот так жить. Правда, при всем том Вельма соблюдала осторожность, никогда и никому не обещая больше, чем могла дать.

Разве что...

Поговаривали, у нее есть кольцо, которое Вельма носит на шее. И что свадьба состоится, что ей давно бы пора состояться, но Вельма не желает уходить из Управления. А Корн не настаивает, он достаточно умен, чтобы предоставить избраннице право выбора.

— Конечно, если девчонку сдернуть, то хвосты зачистят, — она доела крендель и вытерла пальцы. — Но у нас будет свидетель.

Сомнительного свойства, поскольку всегда можно сослаться на желание брошенной женщины отомстить любовнику.

— Мужчины, — Вельма покачала головой. — Вам бы все в игры играть во имя государства, а девчонка с ума сходит.

В тот вечер они ушли вдвоем. Кирис, обычно провожавший Элену до станции, задержался. Привык, что уходят в одно время, да и Вельма просила не мешать. Он и не мешал. Он бы держался в отдалении, как и положено неудачливому ухажеру, у которого смелости не хватает подойти.

Но Вельма его изучила.

Не только его.

И они ушли раньше.

Оказывается, и Вельма совершила ошибку.

Ее нашли быстро. Тело не прятали, будто знали, что смысла в этом нет.

Ее нашли, и Кирису пришлось объясняться. Потом. Позже. Когда целители разрешили говорить. И он знал, что не был виновен: в их паре старшей была именно Вельма, но... знание — одно, а совесть — другое. И Корн слушал.

Наверное, ему хотелось убить идиота, из-за которого...

Кирис и сам бы умер. Только кто ж ему позволит?

Вельму нашли, это да... ограбление?

Возможно. У Вельмы при себе была пара серебряных сережек и колечко-артефакт, да цепочка на щиколотке, скрытая под чулками. Цепочку тоже сняли, а чулки завязали на горле бантиком, и в этом опять же виделась издевка.

Говорить тяжело.

— Если этот урод понял, что копают под него, Вельму убрали бы в любом случае, а окажись ты рядом, то и тебя, — сказал тогда Корн, сжимая руку, и стакан рассыпался пылью в его руках. —

Тогда у меня было бы два трупа. Тебя придется уволить.

— Нет.

Тогда Кирису казалось, что уволиться — это значит бросить Вельму.

— Думаешь, я оставлю это дело? — У Корна тяжелый взгляд, от которого тянет отвернуться, но Кирис выдерживает. Он заставляет смотреть в светлые глаза, и дышать заставляет. И вообще жить. — Нет... теперь точно нет... это и раньше было личным.

Он стряхивает осколки в мусорное ведро.

— Мы его зацепим и сожрем... но для этого мне нужны люди. Живые люди.

Живым себя Кирис не чувствовал, хотя целители и утверждали, что кризис миновал. Не отпускало ощущение, что лучше бы его добились в том проклятом доме.

— За Эленой Ригис присматривали, — рассказывать нелегко, хотя Кирис рассказывал эту историю сперва Корну, затем комиссии по внутренним делам.

Потом снова Корну.

И старому канцлеру, проявившему личный интерес.

Он рассказывал, проклятье, и собственному отражению, тренируя проклятый доклад, пока не выучил каждое слово. И все равно говорить было сложно.

Да и как?

В доклад не вошла старая ворона, которая раскапывала мусор под лавкой. Район, где Ригис снимала дом, пусть и считался приличным, но слишком близко примыкал к Пятому округу.

Работала конка.

Позвякивали рельсы. Пахло металлом и горячим жиром. Ветер дул с востока, с государственных мыловарен, и порой воздух делался будто бы липким. Местные не открывали окна и в жару. А на улице старались появляться уже к вечеру.

В доклад это тоже не вошло. Кому и какое дело до чужих привычек? А вот агент, заглянувший на чай в старую чайную, да и задержавшийся дольше срока, кажется, по сей день служит где-то в архивах. Там аккуратно собрались любители чая...

Второго после отыскивали в подвале.

Еще одно ограбление, только что удалось снять со скромного служителя почты, полиция не знала. Разводили руками, мол, бывает... Пятый округ рядом, а там довольно всякой мрази. Может, и не ограбление, может, не на ту девку паренек загляделся, оно ведь тоже бывает... у местных парни из Пятого в цене. С чего? Не спрашивайте.

Третьего нашли в подворотне, живого, но под дозой, причем такой, что трое целителей с того света вытаскивали. А вытащив, отправили под списание. Хотя парень потом вернулся, в аналитический взяли. Его с самого начала туда прочили, на землю и вовсе пустили сугубо опыта поднабраться.

И все неподалеку от того почти карамельного домика.

Светлая крыша.

Светлые подоконники с длинными кадками, в которых цвело что-то донельзя пышное и кучерявое. Светлые шторы и светлый паркет. Пятна крови цепочкой, будто манили за собой. И Кирис пошел. Он подал сигнал, попросил о помощи, потому как подозревал, и в живых остался, но...

Обои слегка выцвели, да и пахло в комнате лавандой.

А еще — кровью.

Зеркало в позолоченной раме.

Кружевная скатерть на столике. Тяжелая ваза и розы, с которых начали облетать лепестки. Раскрытая книга, положенная страницами вниз. Так делать нехорошо, тем более что под страницы натекла кровь. А вот девушка еще дышала.

Тяжело.

Со всхлипом. Она была нага. Разорванное платье валялось здесь же, постепенно пропитываясь бурой жижей. И нижняя рубашка.

Чулки.

Белье кучкой. В ее наготе не было ничего привлекательного, но она все равно попыталась поднять руку, прикрыть, то ли грудь, то ли распоротый живот. Она успела захрипеть, а Кирис... почему он поднял нож? Обычный нож...

На бойне таким орудуют. Не слишком большой, с удобной затертой рукоятью. Самое оно, чтобы живот вспарывать.

— У нее не было шансов выжить. И без того удивительно, что она протянула столько, будто ее нарочно накачали силой, чтобы продлить агонию.

Не будто.

Нарочно.

Кирис это знал, только знания одного недостаточно, факты нужны.

— Полиция пришла как раз, чтобы вырубить меня...

— Я просил, чтобы девчонку убрали аккуратно, — Мар потер переносицу. — Мне эти ужасы нужны были еще меньше, чем вам. Тихая смерть не привлекла бы внимания, а эта... подняли крик на весь мир. Газеты надрывались. Кто-то там объявил награду... тут же нашлись охотники покопаться в грязи. Не подумайте, я не чудовище...

Он умеет казаться нормальным.

Своим парнем, в меру очаровательным, чтобы это не вызывало подозрений. В меру поганцем, ибо рядом со святыми людям неудобно. В меру... во всем меру.

— Я заказывал несчастный случай. Шла, споткнулась, упала неудачно... или там, не знаю... под конку попала, тоже бывает. Ничего необычного. А эти... мне пришлось изрядно потратиться, чтобы подчистить концы. Если бы всплыл факт нашего... гм, близкого знакомства, все бы решили, что я ее убил.

— А не ты?

Мар вытянул руки и пошевелил пальцами.

— Я не имею привычки лично мараться в крови. Всегда есть те, кто выполнит грязную работу за тебя. И да, я сделал заказ... две девки сошлись, и одна рассказала другой слишком много. Мне отчаянно не хотелось, чтобы некоторые факты стали достоянием общественности. И да, с точки зрения юридической, ее показания не имели бы особой силы. Всегда можно представить их собственной инициативой влюбленной дуручки. Или происками неизвестных недоброжелателей. Поймите, она, конечно, представляла некоторую опасность, но отнюдь не ту, чтобы лично брать в руки нож.

— Он говорит правду, — сказал Йонас. — Он всегда боялся убивать.

— Дело не в страхе. Просто... я умею думать. И не считаю себя самым умным. Скажем так, я знаю, что удача не всегда будет на моей стороне, и если преступления малого списка я вполне могу... принять, то за убийство положена смертная казнь.

— За подстрекательство к убийству тоже, — уточнил Кирис.

— Это еще доказать надо. А без веских доказательств эйта не казнят. Признаю, ошибся, решив, что ваша девчонка — это всего-навсего пешка. Кто знал, что старый мой враг рискнет чем-то, чем действительно дорожит. Он доставил мне изрядно неприятных минут...

Его скрутили там же, в доме, предварительно оглушив.

И выводили, не понимающего, что происходит, отрезанного от собственной силы, под вспышки магнелии. Откуда взялись репортеры? Кто им рассказал о смерти Ригис?

И ведь не одному, но многим, а они слетелись, как чайки на дохлого кита.

Потом, позже, писали о любви, его, Кириса, которая переросла в манию. Кто-то нашел свидетелей,

готовых поделить историю, пусть и лживой, придуманной, но для тех людей она выглядела вполне себе правдоподобно.

Конечно, любовь была.

И даже страсть.

Он не давал бедной девочке прохода, ревновал безумно... она боялась.

И пожаловаться тоже, ведь знала, где Кирис работает.

Никакой логики, но лишь эмоции, а люди эмоциям верят почему-то куда больше.

Его вытащили из полицейского участка уже через пару часов. Сняли с допроса, и кажется, прибыл Корн лично, его голос Кирис слышал сквозь кровавую пелену: допрашивали его интенсивно.

Корн орал.

И на него, Кириса, тоже, хотя он честно предъявил печать.

Только полиции было наплевать. Почему? Та тройка попала под служебное расследование. И да, факт взятки удалось установить, у одного, еще двое были свято уверены, что действуют во благо. Как иначе, когда закон слишком мягок.

Была пара недель на больничной койке, потому что отбитые почки и переломанные пальцы — это, оказывается, не так просто.

А еще легкое пробитое.

Селезенка, которую чудом удалось срastить. Внутреннее кровотечение, сотрясение мозга и запредельная доза блокиратора вкупе с какой-то травяной гадостью, которая это самое кровотечение усилило. Он бы загнулся ночью в камере, но целители не позволили.

А газеты визжали. Они захлебывались пеной. Кто-то слил про нож и отпечатки на нем, а потом и про Управление, которое спешило выгородить виновного сотрудника...

И Кириса уволили.

С позором.

— Ты понимаешь, — Корн пришел сам. Он всегда приходил лично, когда собирался предложить очередную бочку с дерьмом. — Мы, конечно, можем устроить суд и выиграть, в принципе это и сделаем, потому что негоже тебе ходить под петлей.

Пальцы не болели. Легкое дышало, а ребра, если и ныли, то скорее в воображении Кириса, чем на самом деле. Вот сила не слушалась: что ему вкололи, выяснить так и не удалось, но из-за этой дряни восстановление шло куда медленней, чем могло бы.

— Но наш фигурант очень рьяно принялся тебя защищать. Появилась пара статей с вопросами, которые, скажем так, идут вразрез с общепринятым мнением. Да и ко мне обратился один человек, из Сената... весьма обеспокоен тем, чтобы суд был действительно справедлив.

— Зачем ему? — иногда Кирис все еще кашлял.

Часто — кровью, он даже по привычке к ее вкусу. Что сделать, если нынешний уровень невосприимчивости к силе у него запредельно высок?

— Кто знает этого засранца. Предполагаю, хочет вытянуть, что нам известно. В общем, уволить мы тебя уволим. Поставим ограничение на службу в государственных органах... — Корн постучал пальцами по тумбочке. — Апельсинчик почистить?

— Обойдусь.

— Газеты... подкинем им еще информации, пускай пройдутся вдоль и поперек.

Согласия никто не спрашивал.

— Из тебя сделают такого монстра, что ни один нормальный человек и близко не подойдет... постарайся уж соответствовать.

— Пить?

— И побольше. Можешь еще на жизнь пожаловаться, только не особо увлекайся.

У тебя типаж не тот... в общем, когда предложат место, соглашаться не спеши, позволь себя уговорить.

Больничная койка с панцирным днищем провисала, и чтобы повернуться, приходилось делать усилие, а усилие отзывалось ноющей болью в груди.

Его хотели убить.

И убили бы.

Потом, конечно, списали бы на попытку побега при сопротивлении. Быть может, кого-нибудь отдали бы под суд, но Кириса это бы не воскресило.

— Думаешь, — он сумел не поморщиться, только Корн покачал головой, велел:

— Лежи. Ты выглядишь в достаточной мере жалко, постарайся не растерять образ. И да, думаю... он по натуре игрок. И азартнейший. А уж показать свое превосходство над другими... нет, он не упустит столь удобного случая. Заодно постарается узнать, что известно нам.

— А клятва?

— Есть разные способы ошкурить кота, — Корн криво усмехнулся. — Ты уж постарайся... ради девочек.

Кирис старался.

Был суд.

Какой-то грязный, скандальный, полный кликуш и темноты. Он остался в памяти Кириса чередой разрозненных картин. Рыдающие женщины. Злые мужчины. Свидетели, которых он видел впервые, а они утверждали, будто бы Кирис был частым гостем.

Он — и никто другой снял дом.

Хозяйка его опознала. Благообразная старушка в строгом платье, сшитом по моде прошлого века. Разве можно не верить такой? Нет, в любом другом случае адвокат напомнил бы судье, что старушка подслеповата, пусть и не желает сознаваться в том. Она не способна отличить одно лицо от другого, а что до голоса... разве голоса достаточно для опознания?

Молочник.

И разносчик газет, клявшийся, будто бы именно Кирис выходил из дому на рассвете третьего арсения... правда, в этот день случился густой туман, а Кирис и вовсе находился на другом конце города, что могли подтвердить трое человек.

Подтверждение было не нужно.

Его адвокат, сонный и ленивый, казался на редкость бездарным. Он говорил медленно и тихо, будто бы извиняясь за то, что вынужден мешать процессу какими-то там сомнительного свойства фактами, разбивающими стеклянные стены обвинений.

Газеты требовали справедливости.

Народ — крови.

И потому оправдательный приговор, вполне заслуженный, был воспринят по меньшей мере с недоумением. Ведь не бывает так, чтобы убийца...

Не бывает.

Чтобы жил и неплохо себя чувствовал.

ГЛАВА 49

— Он нашел меня в баре. Предложил место... сказал, что я ему должен, — Кирис потер левый глаз, который невыносимо зудел. — Я послал его в бездну, но он лишь рассмеялся. Сказал, что повторит предложение, когда я готов буду его выслушать. Тем же вечером меня избили...

Мрачная троица, которая была слишком безэмоциональна для того, чтобы притворяться мстителями. Они и били-то спокойно, уверенно, стремясь причинить боль, но не желая искалечить. Таких нанимают для работы с особо упрямыми должниками, которые не желают признавать за собой долгов.

— Очнулся я уже в городском доме. Ко мне приставили сиделку. Наняли пару целителей. Сама эйта Ирма снизошла до того, чтобы приготовить укрепляющее зелье. Обо мне заботились...

Две недели.

Четырнадцать дней, в течение которых Мар просто заглядывал. Так, для беседы... пара фраз о погоде, о море и небе... и о делах.

— Мне понадобится человек, которому я смогу доверять. Более-менее доверять... ты варился в этом котле, ты знаешь, на что похож высший свет изнутри.

— Почему я?

— Почему нет? Ты получил неплохое образование. Маг, опять же. Свободный, прошу заметить, маг. Ты сообразителен. Быстро учишься. Разбираешься в механике и руноскриптке, я узнавал, у тебя был отличный табель. А еще ты не связан с другим родом.

Он умел убеждать, Мар.

Умел быть дружелюбным. Умел... просто нравиться людям. Когда Кирис поймал себя на мысли, что испытывает к нему симпатию? Что сочувствует... он ведь действительно много работал.

Во благо королевства.

И рода.

Себя самого, но тогда это казалось вполне себе логичным, правильным.

— Я не смогу принести полную клятву, — это был тонкий момент, но Мар отмахнулся:

— Хватит и малой... государственные секреты ты и так хранить обязан, а мои личные не так уж и страшны, поверь.

Верить ему хотелось.

— Так и получилось, я присматривал за ним, а он за мной.

И в итоге, получается, Мар их переиграл? Или... Корн тоже умеет считать и рассчитывать, а еще обладает отменной памятью. И Вельму он не простит.

Эгле смотрела задумчиво.

Поняла что-то?

Почему-то перед ней стало совестно, хотя видят боги, не Кирис это придумал.

— И все-таки, — спросила она, почесав нос пальцем. — Если не ты... ты и вправду слишком осторожен, чтобы мараться с кровью. Кто их убил?

Этот вопрос интересовал не только ее.

Я слышала песню ветра. Где-то там, далеко, где жило море и небо, связанные нитями силы, где набирались яростью вулканы, готовые выплеснуть накопившийся гнев, стоит лишь немного надавить... на кого?

На богов?

Их давно нет в тварном мире.

Люди?

Право слово, я начинаю думать, что среди демонов жить безопасней. Кирис почему-то стесняется смотреть на меня, хотя руку не выпускает. Мар делает вид, будто происходящее, если и не нормально, то не настолько, чтобы обращать на эту ненормальность внимания. Йонас стоит, баюкая распоротую руку, и кровь льется, льется тонкой нитью, привлекая внимание демона.

Если еще немного...

Этна вполне способна подобраться. В скрытых лакунах ее тела много полезного, помимо яда, к примеру капсула парализатора. И будь я уверена, что демона можно запереть вместе с телом, которое он занял, я бы приказала. Но я не уверена.

Поэтому жду.

Слушаю.

И стараюсь отрешиться от мысли, что грязи слишком много. Будто кто-то свыше специально собрал нас всех... для чего? Уничтожить?

Но в чем виновата я?

В неудачном выборе мужа?

Йонас едва заметно покачал головой и сказал:

— Все очевидно... правда, мама? Входи... не надо прятаться. Я тебя слышу.

И демон тоже. Демоны вообще на редкость... чувствительны.

И нынешний оскалился, глядя почему-то на меня. И знает... про Этну? Про мыслишки мои мелкие, ничтожные? Про страхи и робкую надежду выжить. Если получится, вернусь на Ольс, пусть глухомань, зато тихая, ни тебе убийц, ни демонов. Построю еще одну печь, займусь созданием нового голема... или книгу напишу, наконец, по низкоэнергетическим потокам. Давно собиралась.

Появлению Лаймы я не удивилась.

Она вошла бочком, прижимая к груди револьвер. И застыла. И улыбнулась безумной мертвой улыбкой.

— Это ведь ты их убила? — спросил Йонас, растирая ладонь, потому что ток крови замедлился, а с ним притупилось и внимание демона. — И его любовницу. И других. Из ревности.

Черное узкое платье с коротким рукавом, пожалуй, не слишком уместно. Оно выглядит несколько грубо, подчеркивая невероятную хрупкость Лаймы.

Она смотрит с нежностью, и мне становится не по себе.

— Я... защищала мою семью, — она не стала отрицать. — Эта девица... эти его девицы... если бы вы знали, как сложно быть хорошей женой. Вечно кто-то пытается влезть в твою семью, разрушить ее.

Револьвер она взяла обеими руками, подняла с явным трудом.

— Сперва она... опозорила меня... папочка был недоволен... Мар был недоволен... все были мной недовольны, а я лишь хотела как лучше...

Она сделала шаг.

И еще один.

Она ступала осторожно, но все равно покачивалась на тонких ветках каблуков.

И когда остановилась надо мной, расставила ноги, насколько это было возможно в узкой юбке. Впрочем, та слегка приподнялась, позволяя полюбоваться подвязками.

Черные.

Почти траур, правда, по ком?

— Я хотела от нее избавиться. Но нет, нельзя... столько лет терпеть... ждать... мне надоело ждать! Я родила ему сына... только он оказался плохим.

— Спасибо, мама.

— Если бы я знала, я бы нашла способ... семье нужен здоровый наследник.

— Еще раз спасибо, — Йонас лизнул ладонь. — Смею заверить, я вполне здоров. Просто... знаешь, я ведь им сперва не верил. Мертвецы... не всегда добры. А уж те, кого убили, и подавно. И врут они не меньше, чем живые.

Лайма будто не услышала его.

Она смотрела на меня и только на меня. Я даже слышала, как гулко бьется сердце в ее груди. И старалась не думать, что с нее станет выстрелить. А тогда...

Скорость пули.

Близость цели.

Шансов нет...

— Лайма, прекрати. Она нам нужна, — жестко велел Мар. И... Лайма отступила, только всхлипнула обиженно.

— Ты отдашь мне ее?

— Потом.

— Обещаешь?

— Конечно, — мой муж умел быть убедительным. — Ты же знаешь, мне ведь на самом деле не нужен никто, кроме тебя. Я всегда любил тебя, и только тебя...

Демон мерзенько захихикал, а я... я коснулась металлического тела Этны. Если с демоном она вряд ли сладит, то эту сумасшедшую вполне себе успокоит.

Коготки Этны царапнули кожу, а я сосредоточилась.

— Парализуй. Ее, — я произнесла это шепотом, но демон определенно услышал.

И еще мальчишка, во взгляде которого появилось... удивление? Или уважение?

Не умею читать по взглядам.

Кирис... тоже слышал, не мог не слышать, но переспрашивать благоразумно не стал, и вовсе сделал вид, что ничего-то не происходит.

— Нам мешали остальные... и мешают... убей Руту.

— Она твоя дочь!

— Она демон, — Мар покачал головой и вкрадчиво поинтересовался. — Разве ты не хочешь, чтобы я принадлежал тебе? И только тебе? Мы уедем... поднимемся на этом корабле... уберемся из королевства... мы найдем остров, который будет принадлежать только нам...

Его голос убаюкивал, уговаривал поверить, ведь так бывает, что судьба преподносит подарки. Так почему бы не остров? Маленький и уютный. Я почти видела его, с песчаными берегами, с темной скалой, где под защитой вековых сосен прятался дом.

Для двоих.

И жизнь для двоих, в которой лишь счастье и ничего кроме счастья... день за днем, наполненные солнцем и радостью, словно янтарные бусы моей матушки.

Лайма тоже слушала.

И слышала.

И улыбалась. И с этой улыбкой человека, поселившегося в том самом заветном доме, она повернулась к Руте.

— Мамочка, — пропищал демон, протянув ручки. — Не убивай меня...

И добавил:

— Все равно не выйдет.

Он щелкнул пальцами, и Лайма покачнулась. Она падала как-то совсем уж медленно, и мне еще подумалось, что ее стоит подхватить, чтобы не ударились, когда Лайма все-таки упала.

На живот.

На револьвер.

И палец, лежавший на спусковом крючке, дернулся. Звук выстрела получился глухим, нестрашным — и на несколько мгновений воцарилась тишина.

— Несчастный случай, — нарушил ее демон, пнув неподвижное тело. — Хотя... если поспешить, то выживет. Будем целителя звать?

— Зачем нам целитель? — Мар поморщился. — Если бы я знал, сколько от нее будет проблем, нашел бы кого другого. Совершенно безумная девка. Но такого я от нее не ожидал.

Ложь.

Не знаю почему, но его ложь я ощущала особенно остро. Она словно перец на языке.

Знал он все.

И... это ведь удобно — избавиться от надоевшей любовницы руками жены. Подсказать ей такую удобную мысль, возможно, даже помочь. Нет, не самому, но наняв нужных людей. При всем своем безумии, вряд ли бы Лайма справилась с наблюдателями. Стало быть...

Никаких случайностей.

Ее просто-напросто подвели к дому.

Вложили в руки нож.

И...

Я перехватила взгляд Мара. И кажется, он понял, что я поняла... не только я поняла.

— Знаешь, — произнес он задумчиво. — А ведь ты мне не так уж и нужна...

— Зато мне нужна, — демон облизал губы. — Полетаем?

Мое тело больше мне не принадлежало.

Неприятное ощущение.

Вот соскользнули пальцы Кириса, который до последнего пытался меня удержать. Не выйдет. Я знаю, одержимые сильнее обычных людей. А я уже одержима? Или... меня просто держат, как кукольник марионетку.

Раз шаг.

И два.

Переступить через ноги Юргиса. Он жив? Я надеюсь. С другой стороны, рассчитывать на милосердие демона глупо. Лайма... под ней расплывается темное пятно, а глаза открыты. И в них мне видится удивление, будто она не способна поверить, что все закончилось.

Интересно, а тех, других, тоже она убивала?

— Она, — ответил демон. — Кто еще? У вас, кажется, говорят, что не всякого демона можно обратно в клетку загнать.

И Мар знал.

— Конечно, знал, поэтому и старался не выпускать супругу с острова... на острове он сам себе хозяин.

Почему он вообще от нее не избавился?

— Потому, что когда-то поклялся не причинять вреда...

Разумно.

Мои руки коснулись двери. И демон задумался. Ему определенно не хотелось оставлять без присмотра людей, с которыми он еще не наигрался, но и меня он бросить не мог.

Он должен находиться рядом или...

Я подниму корабль.

Я ведь обещала.

А обещание демону — это не просто так, это сделка. И стало быть, уклониться от исполнения ее я не могу, если не хочу потерять душу. Я же не хочу.

Демон усмехнулся.

И ткнув пальцем в угол, велел:

— Возьми вот его. Пригодится... а если надумаешь дурить...

Он позволил Кирису встать, чтобы потом вдруг покачнуться. Он не упал, выставил руку, упираясь в стену, прижал подбородок к груди, но из носа, изо рта, из ушей хлынула кровь. Она была невероятно яркой, алой, будто настоящей.

— Убить его я всегда смогу... у тебя есть полчаса.

— Мало.

Мне позволено было вновь говорить. Но демон покачал головой:

— Справишься. Или он умрет. К сожалению, я еще очень молодой демон. И только учусь убивать на расстоянии... смерть, подозреваю, наступит не сразу и будет мучительной. Поэтому поспеши, женщина, если этот человек тебе и вправду симпатичен...

ГЛАВА 50

Полчаса.

За полчаса можно подняться на вершину Кривой башни, которая когда-то была причальной, но давно уже состарилась. На ней сохранились еще площадка и скобы для якорей, вмурованные в камень. Пара огромных ворот, которыми раньше притягивали цеппелины, и даже остатки конопляных веревок.

За полчаса я преодолевала все сорок три пролета, ведь, несмотря на наличие лифтовой шахты, подъемник давно не работал. Я останавливалась после каждой полусотни ступенек, чтобы, прижавшись к узкой бойнице окна, отдышаться. Заодно и на море посмотреть.

Из бойниц оно выглядело другим.

Там, наверху, обычно гулял ветер. И чайки, облюбовавшие площадку, встречали меня истощенными криками, впрочем, успокаивались они довольно быстро. Я забиралась в остатки древней клетки, в которой на вершину башни поднимали скот, и смотрела на море.

Думалось там отлично.

Но вот систему восстановить...

— Ты... можешь уйти, — Кирис старался идти ровно, но его все равно покачивало. — Уходи. Сейчас. В дом. На этом расстоянии он не дотянется. Спрячься. Выжди. Утром придет помощь. Расскажешь.

— А ты?

Он пожал плечами.

Ясно, уже приготовился героически погибнуть.

Ну уж нет... хватит с меня смертей.

Я решительно повернула ручку двери, которая вела в машинное отделение.

— Не глупи, — рыжий перехватил руку. — Пожалуйста...

Это не глупость. Это здравый расчет. Я сама дала слово демону, и если так, то... расстояние не спасет. А остаток жизни провести при храме, отмаливая случайный грех? Нет уж. Мы попробуем иначе.

Не только демоны умеют играть словами.

И корабль я подыму.

— Не мешай, — велела я рыжему. — Сядь куда-нибудь... и если будешь умирать, постарайся сделать это тихо.

Кажется, получилось грубовато, но меньше всего мне хотелось думать о чужой смерти.

О том, что я могу не успеть.

Или просто-напросто не справиться. В конце-то концов я далеко не мастер... то есть мастер, но отнюдь не гениальный. Я вырезала руны ножом некроманта, с помощью опять же некроманта, не особо задумываясь над тем, как инструмент сочетается с задачей.

Насколько правилен узор.

Какова глубина.

И смысл.

И...

И сейчас собираюсь дополнить тот, сделанный на коленке рисунок, еще одним.

И мне страшно. Мне настолько страшно, что руки немеют, а пальцы и вовсе едва гнутся. И в голове ни одной мысли, кроме тех, что о смерти.

Мучительной.

И еще о демонах, которые наверняка видят куда больше, чем люди.

Успокоиться.

Здесь тесно и темно. Узкие ребра аварийных светильников едва-едва теплятся. Слабо ворчит генератор, мощности которого явно не хватает. Интересно, конструкция не позволила поставить более мощный, или Мар сэкономить решил?

Пахнет знакомо, тем самым черным маслом и еще — смазкой. Последний запах навязчивый, и видятся мне в нем тягучие сладкие ноты тлена.

У меня есть энергия.

Целый розовый алмаз, мощности которого хватит, чтобы запитать дюжину цеппелинов, но дюжины нет, зато имеется один.

Моторы дремлют.

К ним ведет тонкая полупрозрачная лестница, выглядящая на удивление ненадежной. В мехотсеке вообще все куда как проще. Ни ковров, ни панелей, голый металл стен, кое-где украшенный глубокими царапинами.

Я погладила корабль.

Здесь его сердце.

Вот вьются под потолком тонкие патрубки. Вентили за крыты. Это неправильно, газ может идти, но наполнение поставим на минимум.

— Чем помочь?

Кирис решил погодить с бесславной кончиной.

— Дотянешься?

Все же расположили вентили до крайности неудобно.

— Да... вот на треть. И следи за давлением, когда достигнет нижней границы, прикрой, но не полностью. Поднимется до четверки, закрывай.

Спорить он не стал, кивнул. А я... я не была уверена, что все делаю правильно.

Я вообще в последние годы цеппелины видела на картинках. Или в чертежах «Технического вестника», правда, те были подвергнуты цензуре, а потому, во-первых, глубоко схематичны, а во-вторых, совершенно неправдоподобны. И дальше... камеры наполнятся блаугазом, после чего мне достаточно будет пустить энергию на рунный узор, чтобы начать подпитку этого самого газа. Внешний слой рун не позволит энергии рассеяться.

Я вытерла потные ладони о юбку.

И огляделась.

Где-то здесь... раньше энергетические узлы ставили аккуратно над двигателями, но после крушения «Виндерберга», когда случился перехлест полей и вспыхнул пожар, стали разделять.

— У тебя получится, — произнес Кирис.

Он устроился у стены, сел, запрокинул голову и даже глаза прикрыл, но я была уверена: со стрелки он глаз не спустит.

— Надеюсь.

Итак... если патрубки идут от запасных баллонов со сжиженным газом... то сугубо теоретически... никто не станет располагать главный энергоузел рядом с баллонами. Это небезопасно.

И глупо.

Если так...

Я коснулась стены, пустив слабенькую волну силы, и зажмурилась. Эхо пойдет... вот там, правее, определенно поглотители, только, судя по отклику, их давно не синхронизировали. А вот и газ, этот готов впитать всю силу, но моей-то крохи... ага, сплетение управляющих линий.

И генератор.

Запасной, похожий на свернувшуюся улитку, из раковины которой торчало с полдюжины медных проводов. Они уходили прямо в стены, при этом переплетаясь, а порой и сливаясь друг с другом. Интересно, Мар вообще сюда заглядывал? Почему не позаботился об изоляции? Зато понятно теперь, отчего аварийного генератора, даже вполне приличной, как оказалось, мощности, ни на что не хватает.

Процент рассеивания просто чудовищный.

Я не говорю уже о том, насколько это опасно. Сила искрила, вихрила и того и гляди грозила просто пережечь металл.

Идиот.

Это я про мужа. Нет, он умный, изворотливый, сволочь, но все равно идиот... этак я начну думать, что мост и вправду случайно обрушился.

Впрочем, ненужные мысли я откинула. Итак, генератор. Мощность приличная, под три сотни махов. Короб энергоблока открыт, и я могу пересчитать ячейки, стало быть, дюжина накопителей немалой мощности. У меня один и... и в стандартную ячейку он просто-напросто не влезет. Подгонять некогда, а клеммы для прямого соединения не дотянутся.

Может, и к лучшему.

Камни не умеют отдавать энергию порционно, стало быть, необходим переходник, иначе вся система просто-напросто сгорит.

— У тебя есть... проволока? — поинтересовалась я, похлопав себя по карманам. Пустые. Зато с вышивкой.

— Здесь где-то должно быть, — Кирис поднялся и подкрутил вентиль. — Погоди... где-то тут...

Он исчез где-то внизу, где раздались скрежет и ворчание, причем ворчал явно не человек. Кораблю не нравились посторонние внутри него. Он еще не злился, но и не готов был согласиться с грубым вмешательством в свой тихий сон.

— Пойдет? — Кирис прихватил не только проволоку, но и кусачки.

Умница.

А еще он принес характерного вида чемодан, в котором, как я и надеялась, отыскались паяльная лампа с почти полным кристаллом и широким диапазоном температур, припой и темно-красный шелковичный камень. Вот им бы и запасные провода изолировать, но...

Я сняла алмаз.

— Он и вправду... розовый?

— Розовее некуда, — я положила камень в центре.

Что его так удивляет? Мой, конечно, крупный, но куда меньше того, который когда-то в лупе стоял.

Ячейки были маловаты.

А если набок поставить? Заваливается...

— Можешь надавить?

Кирис нажал на камень — и тот не без труда нырнул в узкую ячейку. Блоку, конечно, потребуется реставрация. Хотя, подозреваю, по завершении нашего полета проще будет купить новый цеппелин, чем восстановить старый.

Ладони вновь взмокли.

Итак... камень есть.

Изолят худо-бедно его покрывает... крышка ровно не сядет, но если разогреть шелковичник и залить, то получится почти то же самое. Правда, слой будет тонковат... дважды залить? Или... будем надеяться, что соединение станет ровно и с первого раза, а стало быть, фоновый выброс, если и случится, то весьма и весьма ограниченный.

Я смахнула пот со лба.

Проволока толстая.

Хорошо.

Отрезать куски. Скрутить жгут. И Кирис повторяет за мной, будто знает, что клеммы должны быть две. Разогреть паяльник. Металл шипит и не желает прилипнуть к алмазу, но я настойчива. А еще я чувствую, как уходит время.

Быстрее.

Один контакт.

Второй.

Вспороть кожу родного блока, перерубить провода, чтобы сплести их с медью. Разогреть шелковицу, пока не потечет алыми слезами. Они выглядят скользкими, словно шелк, и переливаются гладко. А теперь... рунные цепочки одна за другой. Их некогда рисовать, поэтому я выдавливаю на металле силой, стараясь не думать, что подобную технику я использовала лишь однажды. И у меня не получилось, но... мне некогда заниматься огранкой.

Да и инструмента здесь нет.

Они проступают на меди, алые клейма узора, который медленно остывает. Вот так... с одной стороны вход, с другой — выход... и... снова шелковица. От изначального камня остается едва ли треть, но и ее плавлю, покрывая самодельные связки толстым слоем изолята.

Вытираю руки.

И смотрю на Кириса. А он смотрит на меня. И мы молчим. Мы оба молчим, хотя время уходит, а второго шанса судьба не предоставит.

— Внизу, — он заговаривает первым, — есть выход. Через аварийную палубу. Теперь тебя ничего не держит. Возвращайся и...

— Нет, — я коснулась его щеки. Холодная. И грязная. Кровь подсохла и перестала походить на кровь. Я смахнула пару крупинки, поднялась на цыпочки и поцеловала его. Просто потому, что смогла. А отстранившись — было до странности неловко, — спросила: — Ты вентили закрыл? Тогда молись...

С молитвой у Кириса никогда толком не выходило. Нет, он знал, в деревенской школе, если чему и учили, то тому, как правильно обращаться к богам.

Впрочем, школу он бросил рано.

А потом... в храм заглядывал, верно, становился перед статуями и смотрел. Иногда клал на стол подношений монету ли, букет ли свежих цветов. Однажды дарил кровь, впрочем, пламя тогда приняло ее столь же равнодушно, как принимало украшения из золотой фольги. Поговаривали, что золото потом выбирали из пепла, чтобы сделать новые украшения.

— Уходи...

Невозможная женщина покачала головой и положила руки на кривоватый ком, из которого торчали скрученные наспех провода. Она смотрелась нелепо, даже жалко, и он сам, как Кирис подозревал, ничуть не лучше.

Он должен был сказать что-то... найти слова.

Уговорить.

Выкинуть с корабля в конце-то концов, а вместо этого он вернулся к вентилю. Тот закрылся не сразу. Он вдруг заел, будто корабль не желал ограничивать себя в такой малости, как блаугаз. И Кирису пришлось налечь всем весом, чтобы перекрыть трубу.

А потом корабль вздрогнул.

И загудел.

Дрожь пошла по стенам потоком живой силы. И ярко вспыхнули встроенные в потолок лампы. Белый их свет, отраженный полированными стенами, ослеплял, обездвиживал. Кажется, из глаз брызнули слезы, и Кирис поспешно стер их.

Стыдно.

Заурчал первый мотор, выбирая холостой ход, а за ним и второй. Полетела по патрубкам вода, наполняя встроенные в гондолу трубы. Вдруг там, в каюте, кому-то вздумается принять ванну?

— Работает, — с некоторым удивлением произнесла Эгле, пряча за спину дрожащие руки. И тут же, словно оправдываясь, добавила: — Правда, я не уверена, что он проработает долго... и вообще...

Корабль заскрежетал.

Дрогнула палуба под ногами, и Кирис не удержался-таки, рухнул на четвереньки, а вот она осталась стоять, предусмотрительно уцепившись за скобы. Скобы поднимались к потолку, в котором виднелся круглый лючок — выход на нулевую палубу. И показалось, что Эгле не упустит случая заглянуть и туда, проверить крепления, которыми гондола пристегнута к баллонам, сами баллоны, отделенные тонкой сетью стальных канатов. Быть может, что-то еще, понятное лишь артефакторам.

Но нет, она протянула руку.

— Ты... как?

— Жив пока.

И непонятно, то ли еще не истекли отведенные демоном полчаса, то ли ему подарили отсрочку.

— Нам стоит вернуться, — сказала Эгле, старательно отводя взгляд. — Дальше... нужно выбрать момент. Если пойдем слишком рано, то ветер не даст нам подняться. Газ должен принять силу, и тогда уже есть смысл открывать ворота.

— Ты можешь уйти.

— Могу, — она кивнула. — Договор выполнен.

— Тогда почему...

— Не знаю, — она стояла, широко расставив ноги. — Но якоря сбрасывать еще рано. Надо дожидаться пика.

Пол вновь покачнулся.

— И... — Эгле прижалась к стене. — Я... не уверена, что все правильно рассчитала... то есть почти уверена, что где-то есть ошибки и... если будем падать, то... мне жаль.

Ее рука сжалась в кулак.

А потом разжалась. И Эгле произнесла:

— Когда... начнется подъем, парализуй Мара.

Правда, сказала она это не Кирису. И он не услышал. Иногда весьма полезно не слышать.

Не видеть.

Не... думать о том, что произойдет через пару минут. В конце концов он тоже живой человек. А что поцелуй получился с привкусом крови, так... в соответствии с моментом.

ГЛАВА 51

Наверное, я могла уйти.

Наверное, это было даже разумно — тихо выскользнуть через аварийный выход и затеряться где-то в ангарах, благо они огромны, если не сказать необъятны. И мне ли не знать, сколько в них укромных мест.

А еще можно вернуться в дом.

Дом тоже большой и пустой, не считая полумертвой эйты Ирмы, которая физически не в состоянии причинить мне вред. Я могу добраться до своей комнаты, закрыться и тихо ждать рассвета. Или заката. Или когда там буря успокоится. Потом отбить телеграмму с просьбой о помощи... пожалуй, это было бы разумно, вот только что станет с ними?

С Кирисом, которыйглядит спокойно и в то же время будто бы виновато.

Целуется он, к слову, вполне себе неплохо для потенциального мертвеца.

С муженьком моим, чтоб ему демоны пятки драли.

С Юргисом, который не понятно, жив или нет.

С некромантом и Рутой.

И с демоном тоже. О демонах я знала немного: они никогда не бросают то, что полагают своим. И заключив сделку, я позволила этой твари коснуться себя. А значит, он отыщет меня, где бы я ни была, как бы ни пряталась, сколько бы лиц и имен ни сменила.

Хочу ли я так жить?

Нет.

И еще... я просто не могу. Не могу взять и уйти. Ну не дура ли?

Дура.

Мой палец скользнул по губам Кириса, стирая сухие чешуйки крови.

Наверное, пора...

И нечего просто стоять, смотреть друг на друга. Только почему-то я никак не могу убрать руку, да и он... держит меня за пальцы осторожно, будто хрустальные они.

И улыбается.

Мать его...

Зачем он вот так улыбается? Как будто знает наперед, что будущего у нас нет, а настоящего осталось пара вдохов. К чему их тратить на слова? Если можно просто вот так стоять и...

Его боль я ощутила тоже.

Он попытался спрятать ее, глупый. Только пальцы под моей рукой слегка дрогнули. И на шее проступили крупные капли пота.

— Пора? — мой голос прозвучал... обреченно.

Кирис кивнул.

И молча указал куда-то вглубь мехотсека. А я покачала головой. Нет уж. Не хочу... хватит бегать. Я... справлюсь.

В конце концов должна же я в себя верить?

И в то, что иногда боги все же снисходят к людям.

Там ничего не изменилось. Разве что пятно крови под Лаймой стало больше, а сама она закрыла глаза. Она была бледна, но...

— Еще жива, — демон сидел у тела на корточках и, сунув палец в лужу крови, рисовал ею по ковру. Смешной узор, линии прямые, линии волнистые, черточки и точки. — А ты толковая... точно не хочешь принять меня?

— Нет.

— Мы ведь многого вдвоем добьемся. Что тебе надо? Славы? О тебе заговорят... — глаза Руты заволокло чернотой, и теперь я ясно ощущала присутствие существа иного, вызывающего даже не страх — липкий ужас — близостью ко мне.

Ведь руку протяни...

— Не надо бояться, — демон сунул палец в рот и облизал. — Мы подружimsя... мы вместе станем знамениты. Мы найдем себе нового мужа, который будет смотреть только на нас... а если не будет, найдем другого... или даже если будет, но надоест, тоже найдем другого... я могу сделать тебя королевой.

— Зачем?

Демон пожал плечами, и вновь же жест получился совершенно нечеловеческим, будто кто-то взял и вдавил голову девочки в эти островатые плечи.

— Не знаю... ты будешь делать все, что только захочешь...

— Я хочу от тебя избавиться.

Демон хихикнул и погрозил пальцем, тем самым, облизанным.

— Хватит уже, — подал голос Мар, поднимаясь. Он вытянул связанные руки и сказал: — Если мы собираемся лететь, то кому-то нужно управлять кораблем. Я хотя бы умею это делать.

— А он? — демону определенно нравилось играть в людей.

— Кто? Мальчишка? Боги... ты же не всерьез. Он абсолютная бездарь. И представления не имеет о том, что надо делать. А Кирис — цепной пес короны, с него станет нарочно разбить цеппелин, чтобы никто не убрался с острова. Конечно, остается Эгле...

Его взгляд не обещал мне ничего хорошего.

— Но она больше техник, вряд ли ей когда-то доводилось стоять у штурвала.

Я кивнула.

При всем своем сволочизме, Мар был прав. Я просто-напросто понятия не имею, что с этим самым штурвалом делать.

— Поэтому решай...

— Решай, — сказала я, прислушиваясь к происходящему. Впрочем, гондола была экранирована, во всяком случае, пассажирская ее часть, поэтому мне оставалось лишь догадываться, что происходит снаружи. — Я действительно понятия не имею... и мне бы в техотсек...

Вернуться до того, как энергия расплавит клеммы и выбьет кристалл из цепи. Надеюсь, это произойдет не раньше, чем блаугаз вберет достаточно силы, чтобы не просто поднять цеппелин, а сделать это быстро.

Мысли были четкими.

Я очень старалась, чтобы они были четкими.

— Развяжи его, — велел демон.

— Пусть...

— Ты развяжи.

Что ж, спорить с демоном в месте его власти глупо. А ему просто нравится. Нравится наблюдать за мной, впитывать мои эмоции, которые он слышит ясно.

Мне неприятно прикасаться к Мару.

Он спокоен.

Смотрит печально, будто просит прощения за что-то, но я больше не обманываюсь этими взглядами. Руки у него теплые, а веревка, пусть и затянута туго, поддается сразу, будто нарочно. Мар скидывает петли и растирает запястья, потом касается моего носа и говорит:

— Не злись, котенок... все, что я делал, я делал во благо короны и рода... и да, порой это было грязно, но... не я виноват. Жизнь такая.

И мне вдруг отчаянно захотелось поверить.

Жизнь.

Смех демона отрезвил.

— А ты знаешь, что если скрестить целителя и... сирену, то выйдет весьма любопытное существо? — Демон подобрался ко мне и взял за руку. Его собственная ладонь была липкой от крови. — Как правило, иные не могут оставлять потомства, но иногда... иногда случаются чудеса... и тогда появляется кто-то, чей голос заставляет слушать его.

— В этом нет моей вины.

— Как и заслуги, — оборвала я. — Иди уже. Генератор не продержится больше часа. Я не волшебница.

Его едва ли на полчаса хватит, но...

— А если добавить к голосу и запах... не останется человека, способного устоять... — демон потерся щекой о руку.

— Прошу... занять места согласно купленным билетам, — Мар кривовато усмехнулся. — Подъем будет быстрым...

Он и не представлял себе, насколько быстрым. А я не собиралась подсказывать, демон, впрочем, тоже. Я высвободила руку, за которую он держался, и попросила:

— Можно... им помочь?

— Им? — демон указал на тела. — Зачем?

— Потому что... так правильно.

— Правильно? — он подошел к Лайме и пнул ее в ногу. — Она мечтала убить тебя. И убила бы. А еще она убила ту девушку. И убивала других. Она лгала им. Обещала помощь... говорила, что не способна родить сына, но если какая-нибудь другая девушка возьмет и родит... она примет ребенка как родного. А матери выплатит приличную сумму за старания. И даже позволит остаться при ребенке няней, гувернанткой... просто дальней родственницей.

Что ж... я слышала, что иногда так делали.

Об этом предпочитали не говорить вслух, но... зато понятно, почему те девочки так охотно шли в проклятый дом. Мужчина? Мужчины они бы опасались, а вот стоит ли бояться женщины? Бедной, лишенной благословения Эйры женщины, которая вынуждена идти на обман, чтобы удержаться рядом с мужем.

Я даже подозреваю, что ее жалели.

Или нет?

Главное, ей было что предложить...

— Она давала им напиток... особый, — демон перебирал тонкие светлые прядки. — Она говорила, что этот напиток повысит их шанс забеременеть. И позволит родить одаренного ребенка, тайное зелье, которое используют эйты.

И в это легко поверить.

— На самом деле маковое молочко и пыльца лотоса. Разум дурманится, и наступает счастье... они умирили счастливыми.

— Она виновата, но... не только она виновата, — я взяла белую ледяную руку. Пульс был, но настолько слабый, что я едва его ощущала. — Пусть с ней разбирается суд и...

— Ее объявят ненормальной. И спровадят куда-нибудь, в какое-нибудь тихое уютное место, где и

позволят жить. У ее семьи есть деньги. Разве это справедливо? Не тюрьма, не казнь, а маленький милый пансионат...

С решетками на окнах и лекарствами, без надежды выбраться: я не обманывалась, из подобных тихих мест постояльцы, если куда и уходили, то на кладбище.

— А быть может, у нее получится сбежать, и тогда она снова возьмет в руки нож. Ты готова ответить за будущие смерти?

— Я готова ответить за себя и только. Кирис, помоги, пожалуйста, ее перевернуть.

И он не стал спорить, а демон не стал мешать. Для него мы были частью одной большой игры.

Лайма оказалась на удивление тяжелой. А еще неповоротливой. И на темной ткани платья, влажной от крови, дыра была почти незаметна. Пуля попала куда-то вбок, и... и понятия не имею, как ей помочь. Остановить кровотечение?

Мои амулеты добавляют ей сил, но и только.

— Я принесу аптечку, — Йонас очнулся из полудремы. — Мама... и вправду не совсем сама... я так думаю... им было выгодно держать ее такой.

Он стянул через голову рубашку, скомкал и протянул мне:

— Приложи... если поможет. Сам я... не рискну. Слишком обширные повреждения. Я пока только и умею, что кровь запечатывать.

Демон сел, скрестив ноги. Он то и дело совал пальцы в лужу подсыхающей крови, чтобы потом отправить их в рот. Он жмурился от удовольствия, вздыхал и... внимательно следил за нами. Я не сомневалась, стоит сделать что-то, что покажется ему опасным, и демон убьет.

Кого?

Кого-нибудь. Игрушек еще много, можно сломать одну другую.

Ткань я прижала к телу. А еще выбрала камень с заключенным в него плетением.

Я сунула алмаз в дыру, может, с точки зрения прикладной медицины метод не самый верный, но... заклятия я использовала простейшие, все же не целитель, да и действовали они не направленно.

Палуба завибрировала, и тут же глухо тяжело зарокотали моторы.

Что он творит?

Я прикусила губу. Этна должна была быть где-то рядом с Маром... но не сейчас, рано. Корабль должен подняться, а потом... если что, то жизнь моя была не так уж плоха.

Демон замер.

Я просто боюсь.

Это нормально для человека — бояться смерти, особенно мучительной. Я знаю, что Мар запустил прогрев двигателей, так всегда действуют перед взлетом. Сейчас разворачиваются сети сенсорных заклятий, изучая стабильность работы механики.

И наверняка доложат о нестандартном узле.

И возможно, попытаются предупредить.

Полет опасен...

Сила ушла волной куда-то вглубь тела, которое, впрочем, осталось неподвижным. Но кровь вскоре застыла, пробкой закрывая рану. Так хорошо. И рубашку бы еще чем привязать. Стоило подумать, и в руках моих появился ремень. Кирис приподнял тело, позволяя пропустить ремень под ним, а потом сам и затянул. Коснулся пальцами шеи. Пульс еще был... пока еще.

Если повезет...

Если нам всем повезет.

Демон оскалился. А я... я выдержала взгляд черных его глаз.

Рокот моторов сменился, Кирис же, склонившийся над телом Юргиса, сказал:

— Мертв. Его надо убрать. Йонас, поможешь?

Они выволокли тело в боковой коридор, а там и в каюту. Места стало больше, а... присутствие демона яснее.

— Что ты задумала, человечка? — тихо спросил он, перебираясь ко мне. Двигался демон на четвереньках, опираясь на полусогнутые пальцы рук и носочки. Спина его изогнулась треугольником, шея перекинулась и... и с каждой минутой Руты остается меньше.

— Ничего.

Я ведь и вправду ничего не задумала... план? Какой план... вот мелко задрожал корпус. И стало быть, Мар сворачивает якоря. Правда, убрать блокировочные ремни снаружи он не мог, поэтому некоторое время цеппелин еще будет привязан к ангару.

Но веревки треснут.

Начнется подъем, который ненадолго замедлит крыша. Впрочем, ее цеппелин проломит с легкостью. А дальше... небо.

Ветер.

Гроза.

Почему-то вдруг подумалось, что молния — это тоже своего рода энергия. Стандартные щиты способны поглотить и перераспределить ее, но мой рисунок эти стандартные щиты нарушил. И что будет если...

Демон погладил меня сведенными судорогой пальцами.

— Бойся, — сказал он шепотом. — Бойся... и когда мы будем падать, тыпустишь меня. Нам понравится быть вдвоем.

— Нет.

— Знаешь, люди хрупкие... настолько хрупкие, что стоит сдавить немного... — пальцы-клешни стиснули руку. — И кость хрустит... больно? Нет. Правильно. Я еще не хочу сделать тебе больно.

— Отстань от нее.

Йонас, пошатываясь, приблизился. А к рокоту двигателей добавился тонкий нервный звук. Продув включил? Это зачем...

Этна ждет.

Пусть ждет. И боли я боюсь. И... нас возили в музей «Грейцберга», крупнейшего цеппелина в новой истории. Возили, чтобы мы посмотрели не только на оплавленные искореженные силой осколки, сколько на закрытую панораму. Туда обычных посетителей не пускали, и я понимаю почему. Мы... мы все, как нам казалось, знали, чего ждать.

Как казалось.

Тела из воска.

В натуральную величину, созданные в деталях. Двести тысяч крон, потраченных на то, чтобы раз и навсегда запечатлеть картину чудовищной катастрофы.

Отказавшие на высоте в три тысячи футов двигатели.

Спуск.

И попутный ветер, вселивший надежду.

Сухой треск волн приемника. Мертвые голоса, в которых не слышалось страха. Двигатели? Бывает. Паруса раскрыты. Ход бодрый. И запасы газа позволяют продержаться в небе до появления буксира.

Музыка на борту.

Танцы.

Нельзя допустить паники...

Откачка блаугаза из баллона невозможна, поскольку насосы тоже отключились, но это ничего, есть ведь клапаны, которые открываются вручную. Нужно лишь отдать команду. И она следует.

Газ выходит.

Цеппелин снижается. Ему почти удалось добраться до ближайшего по маршруту острова. Маленький Тельпше, где только и имелось, что поле. Корабли сюда заглядывали редко, а потому на поле пасся скот. И единственный служащий не сразу понял, что происходит, когда в небесах появился объятый пламенем цеппелин.

Почему начался пожар?

Имела ли место трагическая утечка газа? Или неосторожность персонала? Несчастный случай, породивший искру? Блаугаз всем хорош, вот только загорается он моментально. «Гейнцберг» начал падение еще на подлете.

Сперва медленно, но когда пламя достигло баллонов, те стали взрываться один за другим...

Мы шли, притихшие, растерянные, еще недавно казавшиеся себе если не властелинами мира, то почти... мы слушали запись. И голос погонщика, отсчитывавшего последние секунды перед столкновением. Ему пришлось сбросить дополнительные баллоны, пока пламя не добралось до них.

Изолировать часть гондолы.

И он молился.

За упокой душ, не своей, ибо полагал себя виноватым, а тех, кто доверил ему свои жизни.

Мы касались оплавленных останков, ибо от столкновения генератор вновь заработал, правда, управляющие руны были разрушены, и поэтому случился всего-навсего стихийный выброс силы. Металл хороший проводник и в любом ином случае у пассажиров был бы шанс.

Небольшой.

Защита гондолы уже тогда делалась автономной с собственными накопителями, да и личные амулеты были у каждого второго.

Как выяснилось потом.

Не помогли.

Сила просто-напросто взломала контур, нагрев металл до полутора тысяч градусов, правда, на краткий миг, но... людям хватило и мига.

Там, в музее, меня мучило. И я знаю, что не только меня, но именно мне не простили бы открытой этой слабости. Там, в музее, я слушала тихий голос наставника, который рассказывал, что изначальный сбой произошел из-за малости.

Клемма отошла.

И рунический рисунок на отводящей цепи частично стерся, что привело к дестабилизации общего контура. Слабый поток силы просто рассеивался, а выброс — расплавил и рисунок, и медный кабель.

Здесь произойдет если не то же самое, то... почти.

Палуба вновь качнулась. А демон захихикал:

— Страшно-страшно-страшно... не бойся, я смогу защитить тебя. Моей силы хватит, чтобы наше замечательное тело выжило... и не просто выжило. Они все сгорят... уйдут... а мы придумаем собственную историю. Мы расскажем всем правду... почти правду...

— Нет.

Я... да, боялась, потому что чувствовала ненадежность корабля. А еще лучше прочих, пожалуй, понимала, что там, наверху, шансов выжить у нас нет.

Но я стиснула кулаки.

Это еще не повод уступать собственное тело демону. Стоило подумать, как корабль рванул вверх. Его, кажется, развернуло при подъеме, положило набок, и гондола соприкоснулась с полом, заскрежетала. А я полетела на стену, в которую и впечаталась.

В следующее мгновение гондола легла на другой бок.

Если он собьет рисунки, то...

Сила будет поступать, а газ ее впитает, только вот без ограничения, он быстро дойдет до малой детонационной массы, когда хватит даже не искры, а тени ее...

Рывок.

И гондола выпрямилась.

Затем откуда-то сверху донесся протяжный стон, сменившийся хрустом. Мы пробивали крышу. Пол под ногами задрожал, чтобы в следующий миг накрениться. И я полетела, успев выставить только руки. Левую обожгло болью, словно кипятком. А меня уже швырнуло в другую сторону. Нос гондолы задрался.

Боль разлилась, парализуя пальцы.

Кажется, я заплакала.

Правда...

Очередной рывок. Удар. И темнота.

ГЛАВА 52

У Кириса почти получилось удержаться. При первом рывке его швырнуло на стену, и в бок впечатался острый угол стола. На пол полетела посуда, зазвенела, захрустела, рассыпаясь под чьей-то ногой. Он все же удержался.

И успел сгруппироваться, а потому второй удар почти не ощутился.

Он даже отметил, что мальчишка держится на ногах. Про сто стоит себе, как обычно, задумавшийся, не обращающий внимания на все, что происходит вокруг.

А вот демон впился в стену, повис. И влажные волосы девочки закрыли лицо ее. Впрочем, в этой фигуре осталось мало человеческого.

Зашипела от боли Эгле.

И Кирис, оттолкнувшись от стены, шагнул к ней. Правда, лишь затем, чтобы откатиться назад: нос гондолы задрался. Он поднимался все выше и выше.

Дрожал цеппелин.

Ревели моторы.

Кувыркнулась и, ударившись о переборку, застыла Эгле. Жива? На нее рухнул выдранный из стены столик...

— Знаешь, — раздался голос мальчишки. — Сейчас самое время решить.

Ему все еще удавалось удержаться на ногах.

Демон зашипел.

А Кирис, оттолкнувшись от стены, встал на четвереньки. Может, оно и не слишком героически, но он точно знал, что на четвереньках надежней. Палуба гуляла, что бешеный конь. Надо добраться до Эгле... надо убедиться, что она жива...

Мягкие пальцы с полупрозрачной кожей. Почему-то руки у нее были светлыми и без веснушек...

Шаг и еще. Замереть, прислушиваясь к воющему ветру, от которого железо не защитит...

Ноготки из фарфора. Бледные запястья, украшенные россыпью старых шрамов, мелких, едва заметных. Почти узор, не хуже родового.

Цеппелин швырнуло, потянуло куда-то вбок, разворачивая.

Запах лета и моря в волосах. И седина, словно соль. Седина ее ничуть не портит.

— Как думаешь, надолго хватит? — Каким чудом мальчишка умудрялся удерживать равновесие, Кирис не знал.

Он добрался-таки.

И отшвырнул обломки столика, кое-как смахнул осколки с волос. Прижал пальцы к шее, с облегчением выдохнул, поймав тонкую нить пульса.

Жива.

Теперь он понимал Корна как никогда прежде. Но понимание это не избавляло от ярости. Должен был быть другой способ...

Должен.

Был.

Быть.

— Разве ты не чувствуешь?

Демон сполз со стены, двигался он рывками, то и дело замирая, будто прислушиваясь к происходящему вокруг.

— Насколько все... неустойчиво. Ты ведь не так глуп, чтобы рассчитывать, что мы улетим. Тебя

вполне устроит небольшая катастрофа у побережья...

Удар.

И хруст.

И некромант все-таки упал, правда, на одно колено.

— В огне легко спрятать следы, но... твоя беда в том, что выбранное тобой тело чересчур хрупко... сколько ты в нем? Больше года, верно? Сперва прятался, потом... по привычке. Вжился. Вот только не учел, что моя сестра чересчур юна...

Очередной удар, и гондола вновь кренится, а вой за стеной рвет душу.

Кирис подтянул к себе неподвижное тело, оказавшееся вовсе не таким уж и легким. Хрупкость женщин несколько преувеличивают.

Дышит.

Волосы все еще пахнут. Морем. Железом. Маслом.

Если присмотреться, то тело окутывает полупрозрачная дымка, стало быть, щиты работают. У Эгле, как он успел убедиться, на редкость удачные щиты. Вот только выдержат ли они падение?

— Ее тело несформировано. А следовательно, не способно справиться с дополнительной нагрузкой. Она только-только начала пробовать собственную силу, а тут ты.

Демон шипел.

И наступал.

Отступал.

Замирал. Отвечал тонким скрежетом, который не в силах было издать человеческое горло. Но издавало же. От этого скрежета начинали болеть зубы, а перед глазами вспыхивали цветные пятна.

— И несмотря на всю твою заботу, она просто-напросто не переживет падения.

— Думаешь-ш-шь... я выберу тебя?

Стенки гондолы мелко и часто вибрировали. Кажется, Кирис даже расслышал стон металла, который вот-вот расползется, ведь даже у металла есть предел прочности.

— А кого еще? Ее? — мальчишка мотнул головой в Эгле. — Во-первых, у нее голова пробита и рука сломана. Это как минимум. А больное тело — не лучший вариант. Во вторых, она согласия не даст. Поверь. Стало быть, тебе придется тратить силы, чтобы одолеть душу...

Скрежет заглушил последние его слова.

— Кто остался? Кирис? Тело цело, но на нем стоит печать. Королевских псов не зря клеймят... и мы оба знаем, что эта печать — не просто узор... Мой папочка? Подозреваю, сейчас он не в том состоянии, чтобы тебя принять...

Рывок.

И Кирису приходится обнять тело обеими руками.

К выходу... он должен добраться до выхода во что бы то ни стало. Он подхватил тело под мышки и потянул. На коленях.

Медленно. Стараясь не думать о том, сколько времени у них осталось. Судя по всему, несколько...

— Да и, опять же, если я что-то понимаю, то ему не избежать повышенного внимания властей. А стало быть, и тебя заметят. Демонов же здесь не любят, уж не знаю почему. Мама... держится на остатках жизненных сил. Так что...

Его голос утонул в грохоте, то ли гром, эхо которого прокатилось по переборкам, оглушая, то ли взрыв.

— Выбирай.

— Сделка? — демон подобрался к мальчишке и протянул руку. — Ты... даешь мне свое тело. А я...

— Не пытаешься сожрать мою душу.

— Хор-рошо...

Металл медленно нагревался. А до двери оставалось еще прилично.

— И моя сестра. Ты не причинишь ей вреда.

— Нет.

— Что ж... — мальчишка убрал руку за спину. — Тогда... сыграем? Я, конечно, еще не пробовал изгонять демонов, но никогда не поздно начать. Особенно если демон в ослабленном теле. Говорят, раньше одержимых пытали огнем и водой, потому что вместе с плотью слабела и тварь, в ней сидящая. Я, конечно, не уверен, что в этом имеется смысл, но...

— Ты...

— Я выживу...

Кирис физически ощутил, как вокруг сгущаются потоки силы. Еще немного и...

Рывок.

И шаг.

И рывок... и еще шаг.

Не думать.

Голова... голову залечат. И руку залечат. У Корна отменнейшие целители, ему ли не знать... главное, выбраться, чтобы живыми и...

— Мы оба знаем, что его благословение дает силы. А стало быть, я выживу. Руту, конечно, немного жаль, все же сестра, но увы... я найду ее тело и отправлю тебя в бездну, из которой ты появился.

Йонас говорил спокойно, но как-то так, что Кирис сразу поверил: и выживет.

И найдет.

И...

В бездну. Не думать. Спаси. Падение... в свободном падении есть шанс... больше, чем в металлической коробке, которая вот-вот схлопнется.

— Хор-р-рошо... — свист демона продрал до костей. — Я согласен...

Рука вцепилась в руку, когтями пробив кожу. И некромант поморщился, а потом сказал:

— Добро пожаловать.

А в следующее мгновение гондола захрустела, раскалываясь пополам. В лицо пахнуло ветром и жаром, огнем, дымом и...

Кирис толкнул неподвижное тело и, не способный разжать руки, сам рухнул следом. Еще успел подумать, что и это задание он провалил совершенно бездарнейшим образом. И что, слава богам, смерть будет быстрой.

Земля хлестанула горячей веткой, которая почти раскрошила щит. А потом сама вдруг встретила холодом и лужей, тьмой, правда, недолгой. Кирис успел захрипеть.

И застонать, пытаясь справиться с болью, от которой щит, рассыпавшийся искрами, не способен был защитить.

Он, кажется, упал.

Попытался подняться, но снова упал в грязную лужу. И ледяной ветер скользнул по спине, сдирая кожу, опрокидывая его, ослабшего, в черную жижу.

Горькую, как треклятое масло.

Кирис огляделся.

Он не мог выжить... он не... мог... выжить... после падения... высота... должна была быть...

приличной должна была быть высота. И выжить... почти без шансов. Но он жил. Дышал, пусть и каждый вдох отзывался пронизывающей парализующей болью, но все равно Кирис дышал. И это уже само по себе было чудом.

А еще он мог стоять, хотя по-прежнему на четвереньках.

— Эгле! — его голос украл ветер.

Рядом.

Лежит.

В луже лежит. И дышит. И... смотрит. В широко распахнутых глазах отражается небо и рукотворное солнце цеппелина.

На рассвете буря улеглась, будто приняла жертву, а может, просто испугалась. Взрыв разнесся энергетической волной по морю и острову, потревожив что чаек, что тварей глубинных. Во всяком случае, позже газеты напишут о возвращении морского змея, которого полагали вымершим, и о появлении чудовищных размеров кракена, едва не столкнувшегося с морским лайнером «Крипаль».

Но это будет потом.

А пока...

Рука ныла. Нудно. Выматывающе. Пальцы слегка подергивало, и пусть амулет слегка заглушил боль, но полностью избавиться от нее не мог. А еще я замерзла.

Мокрая одежда.

Ветер.

Ледяная крупа снега, которая летела в лицо.

Надо было подняться. Уйти... если не в дом, то к дальнему ангару, но я сидела в грязи, прижимаясь к Кирису и думала, что это странно. Я жива.

Он жив.

Мы живы.

И... это более чем странно. Время от времени я поднимала правую живую руку, чтобы прикоснуться к голове. И та отзывалась на это прикосновение яркой вспышкой боли. Но боль означала, что я действительно еще жива.

Кирис руку убирал и прижимал к себе покрепче, правда, спохватившись, отпускал, но... с ним было тепло. Надежно. И спокойно. Впервые, пожалуй, спокойно за очень долгое время. И глядя на пожар, я думала о том, что не хочу, чтобы нас спасали.

Тогда ему придется разомкнуть кольцо рук.

Не знаю, как долго мы сидели. Долго.

Газ почти выгорел, а защита сохранила останки развороченного ангара. И теперь пламя горело ровно, спокойно.

Мог бы кто-то еще выжить?

— Не понимаю, — хрипло произнес Кирис, коснувшись губами самого уха. Осторожно и... будь место другим, я бы решила, что меня дразнят. Его дыхание согрело кожу. И ухо тоже. — Как так... получилось?

Цеппелин рухнул.

Иначе и быть не могло.

Сперва, полагаю, расплавилась изоляция. Все же шелковица не предназначена для потоков энергии подобного уровня. Далее... искра?

Или десинхронизация потоков?

Аварийное включение насосов, призванных закачать излишки блаугаза в баллон. Только нынешний

газ был перенасыщен энергией и при сжатии сдетонировал. Взрыв разворотил механическую часть, а заодно прошелся по патрубкам, разливая пламя. Предохранительные клапаны, само собой, заклинило, да и щиты на остатках энергии включились, но этого хватило лишь на то, чтобы отсрочить второй взрыв на пару минут.

Или не минут?

Не знаю... главное, мы выбрались. И... за это следовало поблагодарить Кируса.

— Почему он не поднялся? — голос его звучал сипло, надсаженно. И я не выдержала, повернулась, несмотря на то, что движение породило новую вспышку боли. Кирус выглядел бледным. Но... более бледным, чем минуту назад?

Или...

Нет, все ведь закончилось. И надо всего-то дождаться помощи.

Он же осторожно коснулся губами моей щеки и повторил вопрос.

— Почему...

— Потому что и не должен был.

А мне говорить было больно, в горле будто железной щеткой поскребли.

И подозреваю, завтра мне будет еще хуже, чем сегодня. Но... главное, у меня это завтра в принципе будет.

— Я... знала... нельзя подниматься... в море шансов не было бы вообще... разбились бы о воду или... да и... куда бы отнесло.

Я потрогала горло.

Зря. Голос почти исчез.

— Давление... было слишком низким. Его хватило бы поднять цеппелин, проломить крышу, но не сняться с якорей.

— А... разве Мар...

Понятия не имею, что бы он сделал, мой уже бывший муж, но шансов я ему не оставила. Наверное, меня должна была бы мучить совесть, но пока мучила лишь рука.

И горло.

И холод.

И еще муторный страх, что пока мы сидим, мужчине за моей спиной становится хуже. В штатных амулетах щиты далеко не самого высокого класса.

— Мне... пришлось... устранить его.

Это не было планом в полном его понимании, поскольку я не настолько безумна, чтобы планировать подобное.

Это было шансом.

Крохотным, совершенно безумным, но... я ведь жива, верно?

Мы живы.

— То есть то... скажем так, создание... оно...

Кирус замолчал, нарисовав в воздухе что-то, отдаленно похожее на знак вопроса.

— Я приказала парализовать его. А дальше... когда основные системы активированы, команда особо не нужна. Просто позволить ему подняться... сдвинуть пару рычагов.

А дальше...

Все ждали подъема, он и случился, правда, на растравленных до максимума якорных канатах, стандартная длина которых превышала пару сотен лагов. Этого хватило, чтобы выпустить корабль.

И создать иллюзию подъема.

Ветер усилил боковую качку, но и у него не получилось выдрать якоря.

Да.

Я ненормальная.

Зато живая.

Ближе к рассвету, который начался с мелкого ледяного дождя, Кирис поднялся. Он, ковыляя и прихрамывая сразу на обе ноги, подошел к пылающему ангару. А я как-то отстранение отметила, что не спешат его тушить.

На острове должны быть люди.

Точнее, люди есть, только... кто-то ведь должен следить и за полем, и за ангарами, и за кораблями... и отнюдь не один лишь сторож, убитый демоном. Тогда где все?

Не заметили взрыв?

И вопль сторожевых заклятий, которые просто-напросто смело волной дикой энергии? Времени прошло изрядно. Во всяком случае, мне так кажется, да и рана на голове перестала сочиться кровью, а здесь по-прежнему никого...

Неправильно.

Невозможно.

Но...

Я тоже поднялась. Повело. Первый шаг дался с трудом, я не могла отделаться от ощущения, что земля вот-вот прыгнет мне навстречу.

Ничего.

Удержалась. Руку прижала к груди. И сделала второй шаг. Потом третий. Ненадолго остановилась у лужи кипящего масла...

Тепло.

— Тебе... в дом. Надо. Вернуться, — Кирис говорил медленно. Он стоял, задрал голову, разглядывая крышу, в которой увязла гондола. Остатки купола расползлись, выставив тонкие опорные ребра, которые ныне остывали под дождем. Пламя еще держалось. Оно сползло под защиту стен, укрылось останками крыши, вяло покусывало пропитанную огнезащитным составом ткань.

Еще пару часов и совсем погаснет.

Все же на современных кораблях гореть нечему.

— Не дойду, — здоровой рукой я уцепилась за Кириса. А больная упала плетью и вновь вызвала острый приступ боли. Интересно, перелом или вывихом обойдется? Жаль, я не целитель. — Думаешь... кто-то уцелел?

Я задала вопрос, который мучил нас обоих.

Я смотрела на расколотые окна обзорного мостика, на огромный разлом, из которого дыханием дракона вырывались клубы пара. На... гондолу, все же почти целую, а значит, шанс был.

— Скоро... помощь... будет.

Он опустился на влажноватую землю. Здесь, вблизи огня, было даже вполне себе тепло.

— Будет, — эхом отозвалась я.

После той катастрофы изменилось многое.

К примеру, у гондол появился новый пояс щитов, задачей которого было не допустить прорыва энергии внутрь. И собственная система жизнеобеспечения, запитываемая от пары спящих кристаллов. Предохранители должны были сработать при первом ударе, но...

Я не знаю, сработали ли.

И... даже если так... даже если защита выдержала несколько взрывов, устояла перед выбросом силы и сохранила останки гондолы максимально цельными, это...

Это не значит, что те, кто внутри, выжили при падении, пусть и было оно на редкость коротким.

— Ждать, — сказал Кирис.

И я села рядом.

Села, уткнулась носом в его плечо и закрыла глаза. Что ж, ждать я научилась, только...

Почему здесь нет людей?

Теплая ладонь легла на мой затылок. Мгновением позже вновь сомкнулось кольцо рук, закрывая меня от мира, и боль почти ушла. А потом снова начался дождь, небо посерело, поблекло, и на нем появились яркие точки кормовых огней. Будто звезды.

Я моргнула.

И кажется, расплакалась.

Я не хотела плакать, честное слово... не хотела, и все равно расплакалась... я растирала слезы кулаком, а они все текли и текли. Еще мне дико хотелось пить и свернуться калачиком, забраться под одеяло и не выглядывать, пока все не закончится. Но я просто сидела и плакала. А Кирис баюкал меня и не мешал слезам. И длилось это целую вечность. Кто бы мог подумать, что в одной женщине вместится столько слез.

— Скоро уже, — шепотом сказал Кирис. — Скоро все закончится и... прости, если что.

Прощу.

Уже простила. Всех. В том числе демона, но...

ГЛАВА 53

Они выступали из тумана, огромные серебристые рыбыны. Они тащили этот туман за собой. Молочный и плотный, он цеплялся за крылья, норовил прижаться к обшивке купола, укрыть вереницы сигнальных огней. А море заглушало влажный рокот двигателей.

В какой-то момент корабли оказались прямо над нами.

Они шли низко.

И я могла рассмотреть, огромные винты, вращавшиеся нарочито медленно, дюзы боевых камер и пару открытых якорных шахт, в которых, казалось, поблескивал седой металл якорей. Они опускались медленно, а параллельно под боковыми наростами гондолы, которые показались мне донельзя уродливыми, появились знакомые очертания малых лодок.

А мне казалось, это пока лишь проект.

— Знаешь, — задумчиво произнес Кирис, впрочем, не делая попытки подняться. Напротив, он как-то вдруг согнулся, едва не наваливаясь на меня. И голос стал тихим-тихим, — тебе придется подписку дать... о неразглашении.

— Дам...

Первая из лодок распахнула крылья.

А в детстве я мечтала увидеть дракона. Вот и сподобилась. Даже красиво, хотя, конечно, с точки зрения эргономики сомнительная конструкция.

— И... вообще... в целом... клятву.

— И в целом дам. Клятву, — на всякий случай уточнила я, не сводя взгляда с лодок, которые скользили по воздуху, что по морю... вот пара винтов, которые толкают вперед.

Крылья... сомневаюсь, что они способны махать, но при подаче воздушного потока прямо под лопасть... с усилением... да, опуститься они смогут.

А взлететь?

Неожиданно это проблема всецело меня заняла. Я сидела, смотрела и думала, как же сделать так, чтобы эти бесполезные на суше создания, разом утратившие бывшее величие, вновь смогли подняться в воздух. Катапульты?

Или взлетный круг с искусственным воздушным потоком, который после можно переделать на восходящий уже локальным рунным контуром?

Или...

— Эйта, вы в порядке?

Спросили меня, а я отмахнулась, потому что я почти ви дела рунную цепочку, которая могла бы... которая появляется у каждого артефактора раз в жизни, сводя с ума своим совершенством. Я была в шаге от гениального изобретения, а они с какими-то глупостями...

— Шок...

Идиоты.

А вот с воздушными потоками... максимально облегчить конструкцию, используя, к примеру, дерево, а не металл... с напылением, само дерево плохо проводит энергию, а вот металл — другое дело.

— Я сам ее...

Кирис. И руки не стоит убирать. С ними мне спокойней. Надежней.

— Сам ты скоро преставишься. Целители ждут...

Меня подняли.

И отобрали веточку, которой я собиралась запечатлеть мое уникальное плетение, точнее, попытались отобрать, но я не отдала.

Понесли.

И сунули что-то, остро пахнущее мятой и травами. Напиток был тягучим, горьким, а еще отвратительно туманящим разум. Плетение вдруг стало рассыпаться, руны вспыхивали и исчезали.

Одна за другой...

Одна за...

Другой..

Одна...

Спящей она выглядела на редкость беззащитно.

Детское личико с мягкими чертами, и синяк на лбу казался нарисованным. Кириса подмывало послушать палец и стереть его. И вот эту рану, что протянулась от левой брови к виску. Он смотрел, как целитель, залив рану желтоватой жижой, осторожно стягивает края. А когда в руке его появилась игла, Кирис Отвернулся.

Его мутило.

Было жарко.

И холодно.

И кажется, в спине что-то хрустнуло, потому что эта спина все время норовила занеметь, заодно лишая чувствительности то левую, то правую руку. И Кирис по очереди стискивал кулаки, чтобы понять, что в принципе еще способен двигаться.

Парализующая слабость почти отступила.

Амулеты.

Временное улучшение, но лучше так, чем валяться в целительском коконе.

— Хорошо горит, — Корн сплюнул темную табачную жвачку. — И давно?

— Пару часов как.

Голос то хрипел, то срывался.

— Ясно...

— Там... демон... некромант... и еще что-то... голем. Кажется. Не уверен. Ее.

— Ее, — согласился Корн, присаживаясь рядом.

А не похож.

Почти.

Разве что в выражении лица есть что-то такое, смутно знакомое. Или вот нос еще, только у главы службы безопасности он вороньим клювом, а у Эгле просто остренький.

Веснушки...

Веснушки — еще не преступление.

— Этной зовут... хороший зверь. Думаешь, уцелел?

— Не знаю. Надеюсь. Она огорчится, если нет.

Она и без того огорчится, когда поймет...

И даже если Корн промолчит, все равно ведь поймет... и огорчится. Быть может, даже возненавидит. Кого? Вряд ли брата. А Кириса... что ж, ему не привыкать к чужой ненависти.

Но пока есть еще время.

Корабль поднимается, а она спит. И можно смотреть. Исподтишка.

— Как минимум двое. Нестабильны, — не отвлекаясь от работы, сообщил целитель. — Что? Ауры ощущаются.

— Значит, — Корн поднялся, — будем тушить.

— Дом...

— Заняли. И зачистили.

— Договор...

— Ничего не изменит. Мертвецам бумаги ни к чему, — Корн ослабилась, и Кирис не стал спрашивать, что если Мар выжил.

Не выжил.

Не сейчас.

— Это личное, — Корн произнес это в сторону, наклонившись: к сапогу прилепилась тонкая нить гнилой травы. — Исключительно личное...

Берег наполнялся людьми. Кирис, честно говоря, пропустил момент, когда в занемевшее плечо вошла игла. Просто людей стало вдруг слишком много, берег покачнулся и, кувыркнувшись, поменялся с небом. В небе застряли цеппелины, и это было правильным.

Пробуждение было неприятным.

Сначала появилась жажда, затем и боль. Острая, как перец, и всеобъемлющая. Болели, кажется, даже волосы. И Кирис стиснул зубы, но все же застонал, потому что зубы тоже болели.

— Аккуратней, — велели ему.

И позволили открыть глаза.

Свет.

Яркий.

Слишком яркий, чтобы это можно было вынести.

— Дышите спокойней и постарайтесь взять себя в руки, — в этом холодном голосе слышался упрек. — Сейчас подействует обезболивающее...

— Нет.

— У вас сломаны ребра. И еще пара костей. Я не говорю уже о такой мелочи, как разорванная селезенка, пробитое легкое и пара внутренних кровотечений. Снова. Заметьте, в прошлый раз я просил вас побережись, — Кируса подняли, и в губы уперлось что-то твердое и холодное. — Я в принципе удивлен, что вы живы.

— Повезло.

— Повезло, — согласились с ним. — Пейте. И постарайтесь заснуть. Во сне организм легче восстанавливается...

— А...

— Двое выживших.

— Кто?

Молчание.

Зелье горчит, а еще расползается мягкой негой.

— Позже... да и то... непонятно, выживших ли...

Я все-таки нашла решение. Во сне. А потом проснулась и поняла, что мысль прикрепить пару весел к крыльям и посадить на них гребцов была вовсе не такой уж гениальной.

Я лежала.

В постели.

Белая. Наглаженная. Пахнет цветами и свежестью. Правда, балдахин слегка запылился, но эта общая их беда. Перина была мягкой. Одеяло жарким. А комната — незнакомой. Во всяком случае, как я ни пыталась, не могла вспомнить ни обоев в узкую полоску, ни вот этого окна с витражным драконом, да и вообще ощущения...

Не те.

Я закрыла глаза. Открыла.

Пошевелила пальцами. И попыталась сесть. Все же боли не было, а раз так... сесть получилось, правда, далеко не сразу, но я всегда отличалась редкостным упрямством.

Голова закружилась.

Ничего. Пройдет.

Прошло.

А я получила возможность осмотреться. Комната, в которой я оказалась, была невелика. Большую часть ее занимала кровать. Помимо нее имелись комод с зеркалом и шкаф с резными дверцами.

Окно.

Витраж.

Светлый ковер, на который ложились разноцветные пятна солнца. Пара светильников, правда, погасших. И длинный шнур, который покачивался у кровати, словно приглашая дернуть.

Я и дернула.

Тишина.

И пустота. Ощущение одиночества, но не тревожного, а скорее уютного.

Я потрогала бахрому на балдахине. Вздохнула. И что дальше? Ждать, когда кто-либо соизволит проверить, жива ли я вообще или самой искать выход?

Дверь вон, виднеется и даже, возможно, окажется не заперта, но...

Она отворилась, что характерно, беззвучно, впуская незнакомого мне господина. Был он высок, худ и ужасающе сутул. Светлые волосы топорщились, а на некрасивом лице застыло выражение величайшего недоумения. Господин подслеповато сощурился и сказал:

— Вы встали.

— Села, — уточнила я, потому что вставать вот так сразу было бы неразумно.

Он поморщился и достал из кармана лорнет на цепочке.

— Вам рано.

— Мне хорошо. Где я?

Почему то место ощущалось как незнакомое.

— Забытый остров, — он в два шага преодолел расстояние, нас разделявшее, и вытянул палец, ткнув мне в лоб. Палец был холодным и, кажется, немного липким. Но я не отшатнулась, чем заслужила благосклонный кивок. — У вас истощение. Нервное. Я пропишу капли.

— Спасибо.

Целители, как я помнила, в принципе существа довольно-таки специфические, впрочем, они полагали таковыми остальных.

— Пожалуйста.

— А... скажите... Кирис и остальные...

— Стабильно тяжелое состояние, но прогноз положительный, — он шевельнул длинными пальцами. — Юноша в целом скорее здоров, хотя есть сомнения в стабильности психики. А вот юная леди проявляет редкостное упорство в нежелании возвращаться. Подобное иногда бывает.

Это он... о Руте?

Стало быть, она выжила?

Йонас тоже, но здесь я не знала, стоит ли радоваться.

— Вам расскажут. Лежите. Завтра можно встать. Послезавтра — выйти из комнаты. Настоятельно рекомендую избегать нервных потрясений и стрессовых ситуаций. И не пользоваться силой как минимум пару месяцев. Ваши энергоконтуры пришлось подвергнуть принудительной стабилизации. Необходимо время, чтобы рисунок закрепился.

Я кивнула.

— И лекарства. Некоторые пациенты, — целитель произнес это с явным неодобрением, — проявляют отвратительное небрежение рекомендациям специалиста, чем причиняют ущерб собственному здоровью.

— Я... постараюсь.

— Постарайтесь.

И он ушел, оставив меня одну, правда, дверь, кажется, не запирает. И теоретически, сугубо теоретически, если у меня получится до нее добраться, то я где-то окажусь...

На Забытом острове, который сам по себе был легендой.

Клочок земли, окруженный скалами.

Кольца рифов.

И тайные проходы, известные лишь избранным.

Острые пики гор, ставшие преградой и для воздушных кораблей. Дикие ветра и нестабильное энергетическое поле. Идеальное место, чтобы хранить государственные тайны, в каком бы виде они ни пребывали.

Поговаривали о подземельях.

И еще о тварях, их населяющих. О камерах-одиночках и безумных узниках, многие из которых были виновны лишь в том, что узнали нечто, чего знать не следовало бы. Или просто вы звали недовольствие Его Величества.

А еще о секретных лабораториях.

Запрещенных исследований.

И ученых, раз и навсегда ушедших от мира, ибо знали они слишком много, чтобы запереть это знание обычной клятвой крови.

Я повела плечами, пытаясь избавиться от нехорошего предчувствия. А дверь вновь открылась. На сей раз визитер мне был известен.

— Привет, — сказал Корн, который выглядел постаревшим, а еще помятым и усталым. — Мне сказали, что ты пришла в себя.

— Привет.

Я подтянула одеяло и бросила косой взгляд в зеркало. Красавица... на лбу отцвел синяк, ниже алела длинная царапина, и еще пара — на шее. Бритый череп радовал взгляд несимметричными буграми и длинной нитью заживающей раны, перехваченной темными нитками.

— Так надо было. Отрастут, — смутившись, произнес Корн.

Я кивнула.

Конечно, куда денутся. Заодно и шрам скроют. И... подозреваю, что сбритые волосы — это наименьшая из моих проблем.

— Как ты?

— Странно, — ответила я честно, спуская ноги с кровати. — Нет, не плохо. И не больно. И вообще... странно...

Корн кивнул и приподнял полу камзола, велел кому-то:

— Вылезай.

И на пол рухнул металлический ком, правда, кувыркнувшись, приземлился на восемь конечностей. Замер, растопырив тончайшие нити волосков... оставшихся. Часть сенсоров оплавилась, еще часть сняло вместе с броней. Пострадала правая третья конечность, лишившись сегмента.

Выбило пару кристаллов визуализатора.

Но это мелочи...

— Мои отказались братья за починку, — сказал Корн, присаживаясь на край кровати. — Но с удовольствием глянули бы на чертежи...

— На Ольсе остались.

— И расчеты...

— Тоже.

Этна довольно шустро вскарабкалась на постель и тонко засвистела.

— А...

— К сожалению, твой супруг не пережил катастрофу. И не смотри так. Я бы, конечно, не упустил случая, но... его нафаршировало стеклом, а потом и огонь прошелся...

— Но это...

— Мы провели с дюжину экспертиз, включая те, которые используют вытяжку из костного мозга. Это он. Да и тело, конечно, пострадало, но не сказать, чтобы вовсе до неузнаваемости.

Я вдова.

Я закрыла глаза, пытаюсь понять, что ощущаю.

Облегчение?

Пожалуй.

А еще страх. Слабый такой подспудный страх, что Мару и на сей раз удалось всех обмануть. Он ведь способный. А что, если он разгадал мой план? Что, если предвидел все... что, если...

— Он мертв, — повторил Корн, взяв меня за руку. — Тело в стазис-камере. Мне подумалось, ты сама захочешь взглянуть. И провести пару тестов.

— Я... да, наверное.

В алхимии я разбираюсь слабо, тем более той, которая прочно с целительством связана, но взглянуть на Мара я должна.

Убедиться, что он мертв.

А еще, что это не я его убила. Парадоксально, но желая свободы, я не хотела пачкать руки.

— Завтра, — сказала я, подбирая складки одеяла, которое норовило соскользнуть на пол. — Или послезавтра, если разрешат. У вас тут... целители ходят. И... ты знаешь? Про демона и... давно я здесь?

Три дня.

То есть уже почти четыре, потому что день идет к закату. Солнечным он выдался сегодня. Наверное, это хорошо, потому что солнечные дни поздней осенью редки, а из гостевых покоев открывается чудесный вид. Да, на море и на скалы, но разве они не хороши?

И в тот вечер мы говорили о море.

О скалах, которые выглядывали из темных вод, белесые, словно сахарные головы. О ранних звездах, что бледными веснушками укрыли небо.

О том, что осень нынешняя на удивление безветренна, да и погода радует. Скоро, конечно, выпадет снег, и тогда узкие проливы закроются до поздней весны, но теперь это не страшно, ведь есть еще воздушные пути...

Мы говорили о тысяче и одном пустяке.

И кажется, этот разговор был нужен не только мне. Пусть и связанные кровью, мы были все же довольно далеки друг от друга. И теперь просто... присматривались?

Пожалуй что.

А потом Корн сказал:

— Мне нужно будет твое мнение.

— О чем?

— Обо всем. Обо всех... и вообще, о чем сочтешь нужным сказать. Не беспокойся, это ни к чему тебя не обяжет.

Я кивнула.

Почти поверила. Вечер такой. Море вот окрашивается в розовый цвет, будто примеряет новое платье, притворяясь спокойной стихией. Почему бы и нет? Морю можно подыграть.

— Я хочу их увидеть, — сказала я, поежившись. В комнате стало ощутимо прохладней, и Корн кивнул, то ли соглашаясь с моей просьбой, то ли признавая, что да, стало холоднее.

— Это все ветер. Здесь дуют северные, та еще напасть. Погоди, сейчас пол включится. А кого именно...

— Всех. Завтра.

— Или послезавтра, — сказал он, напомнив: — Здесь у нас целители ходят.

ГЛАВА 54

Кирису позволяли приходить в себя лишь затем, чтобы напоить очередной дрянью, от которой во рту оставался ощутимый привкус горечи, и задать десяток вопросов.

От дряни боль отступала, а в голове прояснялось. С вопросами было и того проще...

Чья была идея...

Почему не остановил...

Кто...

Когда...

Забвение.

Ощущение моря, необъятного и тяжелого, готового лечь на грудь волной и раздавить ничтожного человечешку, вздумавшего играть с морем. Дышать.

Сквозь воду.

Пить ее, снова горькую — все прочие вкусы исчезли, — и кривиться от соли, которая проникает в кровь, иссушая тело. Слушать шепот волн, которые звали. Все еще звали.

Пробуждение.

Каким образом удалось передать сигнал.

Морские существа...

Что именно известно...

Присутствие среди людей? Конкретные имена? Приметы?

Не знает? Плохо...

Снова забвение. И снова море, которое нашептывает, что Кирис зря отказался стать мужем Илзе, море бы его защитило. Море еще может помочь, если Кирис согласен. Всего-то надо — позвать, и море услышит. Оно остановит эту муку, оно подарит забвение и глубину.

Оно...

Будет рядом.

Пробуждение.

И горечь нового отвара, который, кажется, склеивает губы намертво. И говорить выходит еще хуже, чем дышать...

— Что со мной?

— Яд неизвестного происхождения, — целители не любят лгать, а здесь — Кирис уже понял, где находится, — им позволено говорить правду. — Мне жаль, но организм ослаблен. Мы работаем, но...

Времени осталось мало.

Корн появляется сам. В третье пробуждение? В четвертое? На нем очередная серая куртка, покрытая россыпью мелких ожогов. От него несет камнем и морем, стало быть, с полигона явился. Он кидает на постель старые перчатки и разминает руки.

Не спешит с вопросами.

А еще отводит взгляд. Стало быть, шансов выжить немного. Нет, Кирис не сомневался, что для него сделают все возможное, только слишком многого они не знают.

— Что за... — его приподнимают, и смена положения отдается в теле тянущей болью. — Твою ж... сколько осталось?

Корн не притворяется, что не понимает. За это его и любят. Целители в том числе.

— Пока непонятно. Тебе-то лучше, то хуже. Мы дважды чистили кровь, сперва вроде бы помогло, но

потом снова началась интоксикация.

Он пододвигает стул.

Садится.

— Что... — мысль о смерти не слишком пугала. — С Эгле? Она... жива?

— Жива.

— И?

— И понятия не имеет, что ей делать.

— А...

— Я не хочу, чтобы она возвращалась на Ольс. Все-таки, сам понимаешь, пусть остров и закрыт, но полную охрану обеспечить затруднительно. Но если я попытаюсь закрыть ее здесь...

Как того требуют здравый смысл и интересы королевства, но Эгле плевать хотела на интересы королевства. И если что Кирис успел понять, то любое покушение на свою свободу она воспримет как повод для побега.

— Плохо, что ты умереть вознамерился.

— Сам не в восторге.

— К тебе она привыкла...

— А ты?

— Она не дура. Она уже поняла... если не все, то многое. Остальное расскажу. Как есть. И там... может, примет. Или нет. Но верить не будет. А доверие нужно, сам понимаешь, одно дело бумаги, если они вообще существуют, и другое — нормальные отношения.

Кирис кивнул бы, если бы мог.

— Мар...

— Мертв. Судя по записи голема, получил дозу парализатора и неудачно упал, головой об угол, да... а там уже и взрывом накрыло. Эгле уверена, что дело во взрыве. Не разочаровывай.

Кирис закрыл глаза.

— Хорошо. Мальчишка...

— Некромант. И теперь полновесный. Правда, что с ним делать, ума не приложу, — Корн потер белесый след ожога. — Он кажется вполне разумным, но... знаешь, мне становится слегка... неуютно в его присутствии.

— Внизу?

— Пока там. Все-таки мы должны убедиться...

Что инициация произошла и мальчишка сожрал демона, впитав его силу и способности, прошел древним путем, о котором известно лишь то, что сойти с ума было проще, чем обрести суть.

— Приведи. Он... знает... чем меня напоили.

Молчание.

И значит, до простой этой мысли додумались без Кириса. Море смеется. Что, неужели и вправду думал, что мальчишка возьмет и сделает доброе дело? Бескорыстно? Из глубокой личной симпатии?

Некроманты, судя по летописям, добротой не отличались.

А уж те, кому удалось сожрать сущность демона, и вовсе весьма условно относились к роду человеческому.

— Свободу?

— Сестру. Но девочка в тяжелом состоянии, а учитывая, через что ей пришлось пройти, я не уверен... — Корн стиснул руки. — Впрочем, выбора у нас не останется.

— Приведи. Поговорю... он не жесток. Он...

Море добирается до Кируса раньше, чем он успевает закончить фразу. Теперь оно злится. Оно ломает кости и выворачивает связки. И в то же время обещает остановиться.

Достаточно лишь попросить.

Упрямец.

От волн пахнет так же, как от волос Эгле, там, на берегу. И это придает сил.

У мальчишки черные глаза. И дело не в расплывшихся зрачках. Почернели и белки, появилась темная кайма вокруг губ, а родовой узор казался нарисованным углем.

Он похудел еще больше.

— Ты умираешь, — и манеры лучше не стали. Мальчишка сел в ноги, сложив руки на коленях. И пара ограничителей поблескивала на запястьях. — Мне жаль.

И не солгал.

Ему и вправду было жаль.

— Ты... можешь... что за...

— Скорее всего, «мягкий туман Эттары». Помнится, бабушке хотелось опробовать собственный вариант рецепта...

Запрещенного и полагавшегося утраченным.

Ни запаха.

Ни вкуса.

Ни шанса на выживание. Медленная смерть, которая прячется под маской болезни. Легкое недомогание, которое не желает отступать. И состояние, что ухудшается день ото дня, несмотря на все усилия лекаря. Нет, временами будет наступать облегчение и даже иллюзия, что болезнь вовсе отступила.

— У нее было много... интересных книг, — мальчишка потер переносицу. — Возможно, она могла бы помочь, но насколько я знаю, бабушка сейчас не способна и своего имени произнести внятно. И это закономерно.

— Зачем тебе сестра?

— И ты не спросишь, могу ли я помочь?

Ответ очевиден, так зачем тратить силы, которых и без того не осталось.

— Я попробую, — Йонас был серьезен. — Я... не уверен, что получится. Я все же знаю не так и много. Но главный компонент «тумана» — эссенция тьмы, а тьма в моей компетенции. Если изъять ее, то есть небольшая вероятность, что с травами ваши целители справятся.

— Зачем... тебе...

— Она все, что осталось от моей семьи. И пусть... я всегда чувствовал себя немного лишним, но... — он коснулся раскрытой ладонью груди. — Сейчас мне плохо. Сущность демона — это не то, что полезно человеку... я вижу сны. Всякие. Я... иногда мне кажется, что я — это вовсе не я... я знаю, что это будет длиться долго. Что, если я позволю себе поддаться, если уступлю... меня не станет. Я же хочу жить.

Он пошевелил пальцами.

— Она — кровь... близкая кровь. И она нужна мне, чтобы удержаться.

— Демон...

— А я нужен ей, чтобы избавиться от... всего. Демоны не злые. И не добрые. Они просто другие.

Ледяная рука легла на грудь и, кажется, продавила кости. Мальчишка поморщился, закрыл глаза, а потом и руку убрал.

— Нет, так не получится, — он сунул палец под браслет и потянул. А браслет хрустнул.

И распался на две половины.

— Потом... скажешь, если им так спокойней, пусть новые наденут.

Йонас стряхнул и второй, потер запястья и пожаловался:

— Тяжелые. Только... они рассчитаны на то, чтобы отрезать внешние потоки, тогда как некроманты оперируют исключительно внутренними. Сущность демона — неплохой источник энергии.

Пальцы стали вовсе ледяными.

— Ты... с самого начала...

— Когда получил нож. Это как... пробуждение от долгого сна. Я и до этого читал... кое-какие книги, которых быть не должно. Демона оставили... скажем так, на всякий случай. Если выйдет так, что некому будет провести посвящение. Мне повезло. Он был ослаблен. А еще уверен, что человек не причинит ему вреда. Я обещал ему тело.

Я дал ему тело. На время.

Пальцы тянули силы.

И кажется, несколько мешали дышать.

— Демоны... не самые общительные существа. И память у них крайне избирательного свойства, насколько я понял. Они не способны наблюдать. Анализировать. Делать выводы. То есть могут, но... только очевидные. Это их слабость.

Дышать по-прежнему было непросто, но и только.

— Мне мешали травы... но кровь ими не заглушить. Однажды я нашел то, что не стоило находить. Записи моего прадеда... то есть не моего по крови, как выяснилось, но у некромантов собственные представления о родстве. Уже то, что я услышал зов. Сумел прочесть. Остался жив. Это говорит о признании. Иного мне не нужно.

Боль отступила.

Стала приглушенной, правда, шепот моря усилился. Морю определенно не нравилось происходящее. Оно не желало отпускать Кируса. Оно давило.

Оно ложилось на грудь мягкими лапами волн. Вздыхало.

И уговаривало.

Пока ласково... поддайся... не сопротивляйся... к чему тебе мир яви, когда есть другой, в котором ни забот, ни бед, ни боли...

Кирус и поддался.

Жаль только, не получилось увидеть Эгле.

Он бы попросил прощения.

Стыковочная башня скрывалась в тумане. Хрупкая, будто сплетенная из клубка проволоки, конструкция уходила, казалось, в небо. И я бы не удивилась, узнав, что тянулась она до самой луны.

Красиво.

И берег. И кипящее, распоротое рифами море. И белесая стена, на которой пытался закрепиться северный виноград. Глянцевые листья его слегка потемнели, а на некоторых блестел иней, впрочем, насколько я знала, винограду это не повредит.

Под листьями скрывались полупрозрачные бусины горьких ягод. Ценный ресурс. Северный виноград, который на деле виноградом и не был, представлял собой престранное растение, сотканное из дюжины видов мхов, лишайников и водорослей, обживших клетки. Встречался он лишь на севере, упрямо отказываясь покидать обывдевшиеся пустоши, несмотря на все усилия магов.

Я поежилась.

Прохладно.

Несмотря на теплый костюм, мужской, как и просила, на меховую накидку и плащ. Пропитанная каучуком поверхность блестела каплями дождя. Он же успел коснуться кожи, забраться под капюшон, и я даже подумала, что длинные волосы — это совсем и неплохо...

Отращу.

Потом.

Когда выберусь... то есть если выберусь. Этна, устроившись на плече, зашевелилась. В последнее время я не могла избавиться от ощущения, что она очень четко определяла мое эмоциональное состояние, подстраиваясь под него.

Новый навык?

— Не замерзла? — Мой старший брат обладал отвратительной привычкой появляться из ниоткуда, и ступал он бесшумно, и выглядел до омерзения довольным собой, что будило во мне некоторые сомнения, как я подозревала, вполне обоснованные.

— Нет. Почти.

— Простынешь, Ганц тебя запрет. А я не стану возражать. Ганцу вообще возражать не принято.

Это я уже поняла. Старший целитель, появившийся на свет в Империи, а после вынужденный бежать, уж не знаю почему — очередная государственная тайна, а я и без того вляпалась в слишком многие, — обладал на редкость скверным характером. А еще, несмотря на прожитые в королевстве годы, так и не сумел смириться с чересчур вольными на его взгляд порядками.

Где это видано, чтобы женщина перечила?

Мужчинам?

Магам?

И вообще... вообще я была несказанно рада, что мое нынешнее состояние позволило мне избежать ежедневных встреч с Ганцом и занудного, выматывающего душу его ворчания.

— Здесь по-своему красиво. На Ольс похоже. Он тоже принадлежит службе безопасности? — за прошедшие пару недель я многое успела обдумать.

И выводы мне категорически не нравились.

Нет, никто не пытался меня запереть. Напротив, здесь, казалось, вовсе не существовало закрытых дверей и запретных мест. В первые же несколько дней, когда самочувствие мое улучшилось настолько, что я могла сделать десяток шагов, не задыхаясь от слабости, я выбралась из гостевых покоев.

Потом поднялась на вершину башни, попутно исследуя все, что попадалось на пути, включая лаборатории. Я познакомилась с людьми, в них работавшими, и даже имела пару интересных бесед. Местные держались со мной... вежливо.

Пожалуй.

Предупредительно.

Отстраненно.

И это опять же заставляло нервничать.

Я выбралась за пределы башни. И мне предоставили сопровождение, нет, не охрану, чего бояться на острове, где боевых магов больше, чем в королевском дворце? Просто в местных лабиринтах легко заблудиться.

Я заглянула в подвалы древнего замка, который здесь именовали просто Замком. Пересчитала камеры и попыталась найти подземелье. Камеры имелись, содержались в образцовом порядке, что, согласитесь, навевало на мысли весьма определенного толка.

А вот подземелье оказалось завалено.

— Оползень, — пояснил Корн, которого мои метания забавляли. — Да и эта часть почти не используется. Разве что... слышала про Шаверского потрошителя?

Я кивнула.

Кто не слышал? С полсотни мертвецов, запрещенная магия и эксперименты обезумевшего мага.

— Его держали здесь, — Корн указал на камеру, обшитую знакомыми плитами. — До суда. Да и после некоторое время. Но, говоря по правде, здесь все устарело. Там дальше наш комендант хранит фасоль и репу.

Репу я видела.

Фасоль тоже. И еще мешки с черной мукой, из которой пекли темный, сладковатый, но упоительно вкусный хлеб.

Я побывала в исследовательском корпусе.

И пролистала чертежи корабля дракона, стараясь не обращать внимания на красные печати. Секретно? Здесь все было секретно...

Я заглянула в корпус целителей.

И долго стояла над телом Мара, пытаюсь убедить себя, что это и вправду он. И что он мертв. Я не сразу решилась прикоснуться к телу, а потом всю ночь изучала бумаги.

Я перечитывала акты экспертиз, пытаюсь понять, где в них может скрываться подвох.

Или ошибка.

Все ошибаются.

Я сама присутствовала при очередной. Смотрела, как из раскуроченной грудины изымают кость, а следом и кусок сердечной мышцы. Я несла образцы к измельчителю.

Запускала.

Ждала.

Я сидела, глядя, как переливается цветными огнями панель анализатора. Я следила за лентой, за паучьими лапами самописцев, за... за всем, даже за движениями листьев старого фикуса, мирно пылившегося на подоконнике. И за мухой, застрявшей в паутине, и за паутиной...

Я сама, обложившись справочниками, расшифровывала графики.

Сопоставляла.

Высчитывала и пересчитывала. И все равно не верила. А когда Корн мягко, но настойчиво предложил оставить дело специалистам, я... согласилась.

Так проще.

— Развод, — сказала я тогда. — Все равно оформи развод. Я знаю, что возможно... посмертно. Я читала. Искала...

— Сделаем.

Бумаги о разводе у меня имелись еще те, подписанные Маруном, но... я должна быть уверена, что и вправду получу свободу.

Я... должна знать.

Я побывала и в удушающе стерильном целительском блоке, куда меня пустили, хотя Ганц всем видом своим выражал неодобрение.

Где это видано, чтобы...

Я стояла и смотрела на Руту, невероятно хрупкую, с полупрозрачной кожей, окутанной тончайшей дымкой стабилизирующего поля. На провода и трубки, пронзившие это тело, на иглы, которыми проросли и руки, и грудь, и живот.

Она была жива.

И с десятков аппаратов вида уродливого, — мне они напоминали гигантских насекомых, сотворенных

из алюминия, лунного железа и драгоценных камней, — следили за ее состоянием.

Они помогали ей дышать.

Заставляли ее сердце биться. Они прогоняли сквозь тело питательный раствор и очищали кровь. Они держали ее на краю и...

И не удерживали.

Мне не позволили прикоснуться — нарушится целостность регенерирующего поля, а на него лишь надежда... новейшая разработка... Ганц лично...

Он был силен, этот мрачный, глубоко разочарованный в жизни целитель.

И за силу ему прощали все.

И я простила, когда увидела, как легким движением руки он наполняет истощившееся поле жизнью, и Рута вздыхает. Ресницы ее дрожат, кажется, что еще немного — и она откроет глаза. Но...

Ганц мрачнеет.

— Почки, — говорит он кому-то, явно не мне, потому что на меня он, как истинный имперец, не обращает внимания. — И печень... если откажут окончательно, то держать ее дальше не имеет смысла.

Кирис был желтым.

Он тоже спал и тоже был окружен полупрозрачной дымкой поля. Мне позволили сесть рядом, хотя не настолько рядом, чтобы я могла дотянуться и повредить это самое поле. И бесполезно говорить, что я не так глупа... я ведь женщина.

А умных женщин не бывает.

Не в Империи. Да и у нас они лишь притворяются... я видела это в глазах Ганца, как видела... что-то еще?

— У него теперь хорошие шансы, — сказал он как-то, во время очередного моего визита. Я не знаю сама, почему я раз за разом приходила сюда. Мы ведь... даже не друзья, не говоря уже о большем. Всего-то навсего случайные знакомые, и знакомство это, если подумать на холодную голову, длилось пару дней.

Разве может человек стать близким за пару дней?

Нет, конечно.

И поцелуй те не в счет.

И все остальное тоже. Это просто... получилось так.

Но я приходила.

Наверное, потому что больше заняться было нечем... то есть я могла бы подняться в исследовательский корпус, занять лабораторию — мне бы предоставили без вопросов — и починить Этну, но...

Я приходила к целителям. Садилась на треклятый жесткий стул и просто сидела, сложив руки на коленях. Я сидела и смотрела.

Следила за дыханием.

Отмечала мельчайшие детали. Вот сегодня кожа стала менее желтой, чем вчера, и это, полагаю, хороший признак. Это значит, что его печень больше не умирает, а может, даже восстанавливается. Или вот темные пятна на коже... они уменьшились и поблекли.

А дыхание стало ровнее, глубже.

Мне хотелось прикоснуться, порой желание это было почти непреодолимым, и тогда я прятала руки за спину: стоит повредить поле, и меня сюда больше не пустят.

Кирис... дышал.

Он делал вдох. Потом грудная клетка замирала на долю мгновенья и опускалась, медленно, на выдохе. И этот выдох тревожил поле. Оно рассыпалось снежинками, чтобы вновь собраться, облепить лицо...

Меня не тревожили.

Говоря по правде, я даже не знаю, сколько времени проводила у целителей. Однажды я встретила там Йонаса. Он сидел у постели Руты, прямо на полу, и смотрел на девочку.

Он обернулся.

И я поразилась, насколько другим стало его лицо. Заострившиеся черты, болезненно запавшие щеки, нос, который вдруг словно бы сделался больше, массивней. От бывшей утонченной красоты не осталось и следа.

— Это... со временем пройдет, — Йонас провел ладонью по лицу. — Она умирает.

— А... ты?

— Я нет.

Я кивнула. И села рядом. На пол. Почему-то мне показалось, что это будет правильно.

— Мне позволили покинуть камеру. Но я обещал, что буду носить маячок, — Йонас вытащил круглую бляху, которая свисала на толстой цепочке.

— Это ведь хорошо?

— Я не собираюсь воскрешать мертвецов. Я мог бы... но я знаю, что это будет не то. Я не хочу, чтобы она уходила, но она мне не верит. А еще у нее нет сил. Мне следовало бы раньше заняться демоном.

Он произнес это без тени сожаления, просто... рассказывая.

Ему, наверное, тоже было не с кем поговорить.

И я нашла Корна.

Я не знаю, почему такая простая мысль сразу не пришла мне в голову.

— Мои вещи... они ведь сохранились? Те, которые были при мне? — спросила я, не сомневаясь, что эти самые вещи никто не стал сжигать. Скорее уж переписали, запаковали и отправили на вечное хранение, куда-нибудь к мешкам с фа солью и репой.

Корн кивнул.

И вещи мне вернули.

Грязное рваное платье. И глина, смешанная с кровью, засохла, впиталась в ткань, сделав ту плотной, словно дерево. Впрочем, платье меня интересовало мало, как и нижнее белье, лежавшее в отдельном свертке.

И ботинки.

Чулки.

Россыпь камней, которые не удосужились почистить. Камни я все-таки забрала. Потребуют — верну, а так... мое.

Я почти потеряла надежду, когда увидела хрупкий стебелек-колечко, который почти потерялся в ошметках грязи. Как ни странно, он не стал выглядеть хуже. Напротив, он казался живым.

Почти.

Стоило прикоснуться, и шелковистый стебель прилип к пальцам, качнулся бутон, но полупрозрачные лепестки не облетели. И вот что дальше?

Впрочем, я знала, у кого спросить.

ГЛАВА 55

Йонас по-прежнему сидел на полу, хотя рядом с ним демонстративно поставили еще один табурет.

— Она умрет сегодня, — сказал он, не повернувшись ко мне.

— Или нет.

Он покачал головой.

— Я вижу метку... нас не любят в том числе и за это.

Что ж, наверное, мало приятного общаться с человеком, способным предсказать твою гибель.

— Помнишь, — я села рядом, на пол, на котором вдруг появился толстый теплый ковер. — Ты мне подарил... раньше... и сказал, что это... может помочь. Или... нет?

Йонас повернулся ко мне.

Он смотрел долго.

Очень долго.

И молчал.

Я тоже молчала. И в комнате стало очень-очень тихо, настолько, что я слышала слабое дыхание Руты. И даже, кажется, чувствовала, что дыхание это вот-вот погаснет, как огонек свечи на ветру.

— Ты и вправду хочешь отдать? Ей? — поинтересовался Йонас.

— Да.

— Это редкое растение... очень редкое... бабкины теплицы сохраняют, только не всякий смотритель способен справиться с таким... разнообразием. Многие исчезнут. Само по себе или волей короны.

Он говорил спокойно, отстраненно даже.

— А если и нет, то вряд ли у тебя получится вновь получить цветок клалии. Дары богов случаются лишь единожды.

— И...

— Он может храниться годами... столетиями... ты можешь его продать и получить золото. Много золота.

— У меня уже есть много золота.

Мне вспомнился сундучок, набитый монетами. Зачем я их собирала? И ведь никто не остановил, не объяснил, насколько это глупо. Те же камни, которые я завернула в носовой платок, стояли куда больше.

— Или еще можешь оказать услугу... попросить... думаю, что угодно попросить.

И получить. Чего ты хочешь?

Если бы я знала сама.

Свободы?

Пожалуй, мне даже дадут ее. Позволят поселиться где-нибудь в тихом городишке, где я буду притворяться обычной вдовой. Начну вязать или вот освою, наконец, коклюшки. Буду разводить сурфинии и варить варенье из зеленого крыжовника. Ходить на рынок, собирать сплетни. И не думать о прошлом.

Пока не сойду с ума от тоски.

— Или... ты можешь оставить себе, — Йонас смотрел, выжидая. — Жизнь, она странная штука. Когда-нибудь ты пожалеешь, что лишила себя... или кого-то еще шанса. Он ведь и вправду способен изгнать почти любую болезнь. Излечить смертельную рану. Спасти от яда или...

— Возьми.

— Я ведь даже не уверен, осталась ли в ней душа. И сохранился ли разум...

— Возьми, — я встала и подошла к постели. — Что надо делать?

— Нужна твоя кровь.

В блоке целителей не так сложно отыскать скальпель. А боли я не боюсь. Порезанный палец, это ведь мелочь. Клалия впитывает кровь, много крови, и становится будто бы ярче.

— А теперь, если ты не передумала, просто приложи к губам, только...

Щепетильные ныне пошли некроманты. А пожалеть... все мы о чем-нибудь да жалеем.

Может ли, случиться так, что через пару лет я сама заболую? Или Корн? Или... мои пока несуществующие дети? Кто-то другой, несомненно, важный для меня?

Может.

Буду ли я тогда жалеть, что отдала их жизнь девочке, которую толком-то и не знала?

Буду.

Как буду жалеть, если поддамся своему страху перед будущим.

Поле качнулось под моей рукой, рассыпаясь ворохом искр. Скоро прибежит Ганц и станет ругаться, вон, его машины уже стрекочут, возмущаясь моим вмешательством. Я же касаюсь влажноватой белой кожи. И кладу тонкую веточку, пропитанную кровью, на губы.

Отступаю.

Сажусь на пол и смотрю, ожидая чуда. А его не происходит... то есть веточка вдруг рассыпается пеплом, и Рута вдыхает этот пепел. А потом в комнате появляется Ганц.

— Я же просил не трогать! — сейчас, во гневе, его акцент особенно ярок. — Я же просил... что вы...

Аппараты стрекочут.

А нас выставляют вон и, подозреваю, в ближайшие дни не пустят.

— Спасибо, — говорит мальчишка и добавляет: — Я не забуду. Для таких, как я... долг крови — это уже много.

— Я не ради долга.

— Знаю.

— Кто убил Сауле?

— Почему ты думаешь, что мне это известно? — Он шел, слегка ссутулившись, и ступал осторожно, будто не до конца доверяя полу. Я тоже присмотрелась.

Гладкий камень, испещренный сложным узором, который на первый взгляд казался совершенно абстрактным. Но вот руны... россыпью руны... и подозреваю, стоит пожелать хозяевам, они вспыхнут негасимым огнем, превратив чужака в пепел.

Или... еще что-нибудь сделают.

— Ты некромант. Пойдем. Я знаю одно отличное место.

На башне Йонасу понравилось.

Он сделал глубокий вдох и, подойдя к самому краю, раскинул руки, так и замер. Солнце, пробившись сквозь редкие тучи, подсветило его нескладную фигуру. Вспыхнул вокруг волос бледный ореол, а кожа будто бы сделалась прозрачной.

Он стоял и дышал.

Просто дышал.

Закрыв глаза, забыв, кажется, и о месте, в котором находился, и обо мне, и обо всем сразу. Я не мешала. Я... тоже смотрела. И в очередной раз думала, что мне делать дальше.

Стоило бы поговорить с Корном.

У него наверняка есть предложение, но... я раз за разом откладывала этот разговор. Почему? Из-за страха ли, что смутные мои догадки подтвердятся? Одно дело предполагать, что ты была фигурой в чужой игре, и совсем другое знать наверняка. А я ведь спрошу.

И он ответит.

Врать не станет, хотя на этот раз я бы согласилась и на ложь, но...

А потом он объяснит мне, как жить дальше. И я соглашусь, быть может, поторгуюсь, слегка покапризничаю, потому что от меня ждут капризов и торгов, но в целом, глобально... нет уж, лучше смотреть на берег, море и скалы.

— Мар, — произнес мальчишка, делая шаг назад. — Она не сдержалась... ей приходилось тяжело, но злость мешала. Она обозвала его ублюдком. Сказала, что совсем скоро его задержат, что... даже если отец выберется, она потребует экспертизы. А любой анализ на крови покажет, что отец не имеет право наследовать. Но дело, полагаю, не в деньгах...

А в том, что Мар не потерпел бы насмешек.

Он считал себя лучше других.

Умнее.

Сильнее.

И талантливей.

И вот допустить, чтобы все вокруг узнали, что Мар — ублюдок? Это ведь не просто потеря статуса, это... смех?

Пожалуй что так.

— Он был со мной. С самого начала... он пришел на ужин. Он ушел со мной... мы...

— Направились в мою комнату, верно?

Я кивнула.

— И он показал тебе рисунки.

— У тебя талант.

— Спасибо. Бабушка полагала, что это симптом моего душевного нездоровья. Не суть важно. В этой комнате... понимаешь, там не просто краски. Сила требует выхода, а рисунки — это единственное, что мне оставалось. Вот и... на обычного человека они действуют несколько оглушающе. В последний раз та девочка... она не отличалась умом, но полагала себя истинной морской ведьмой... слугам запрещено было заглядывать туда, но она решила, что запреты не для нее. Она пришла, решив доказать, что и вправду ведьма... я не знаю, сколько она простояла...

— То есть...

— Мне кажется, отец заметил этот эффект. Он был умной сволочью. И привел тебя, зная, что ты не заметишь, сколько времени прошло...

Я и вправду не заметила.

Я ведь пытаюсь вспомнить, что видела. Люди без лиц. Много людей, лишенных лиц, но при этом узнаваемых, разных. Мар за спиной.

Или... нет?

— Не пытайся, — покачал головой мальчишка, усаживаясь на краю парапета. И не холодно ему... у меня хотя бы куртка есть, а он в одной рубашке. И пусть солнце, но ведь осеннее, зябкое, а ветерок дует ледяной. — Там словно ловушка для разума. Но мне в этой комнате было спокойно. Надеюсь, ее не станут закрасивать. Хотя... не в первый раз восстанавливать.

Он замолчал, застыл, сгорбившись, подперев подбородок кулаком.

— То есть он меня отвел и оставил?

— Возможно, дал еще что-то. У бабушки хватает... разных интересных зелий. Но тут утверждать не возьмусь. Времени требовалось немного. Спуститься к лестнице. Ему повезло встретить тетку. Она притворялась пьяной, но ему было все равно. Перерезать горло — дело нескольких мгновений... щит

укроет от брызг крови. А дальше просто — вернуться и вывести тебя из миража.

Заручившись при этом алиби.

— Это было отчасти импровизацией. Он знал, что Сауле любит проводить время в холле. И не мог допустить, чтобы она рассказала о своих догадках еще кому-то. Как не мог приказать маме. Безумцами не так просто управлять, как кажется. Но теперь он мертв.

— Точно?

Тьма в глазах Йонаса лукаво блеснула.

— Точнее некуда... Впрочем, вполне возможно, что душу его не сожрут. И тогда через пару сотен лет одним демоном станет больше. В этом есть своя логика.

Он прикусил губу.

— Я слишком долго вынужден был молчать, теперь вот... мне скоро придется замолчать снова. Я принесу клятву крови. И клятву верности. Я буду признан наследником. Короне не нужен скандал, а вот некромант пригодится.

Снег все-таки пошел.

Крупные белые хлопья падали, медленно кружась, чтобы коснуться кожи и истаять, опалив ледяным поцелуем.

И я вздохнула.

Время... шло.

Кирису становилось лучше.

Так говорили, но он улучшений не чувствовал. Его выводили из забытья. Поили отварами, горечь которых несколько не притупляла боли. Позволяли удержаться в сознании, чтобы провести очередной допрос, а после отправляли к вездесущему морю.

Море забирало боль.

И говорило, что все еще ждет... море знает, что такое верность. Кирис не верил. Кажется, там, в забытии, он разговаривал с родителями. Когда оправдывался, когда хвастался, когда просто рассказывал, счастливый, что его слушают. А после приходило осознание, что разговоры эти — всего-навсего бред.

Тогда море смеялось.

Как же... обмануло.

Однажды, очнувшись, он сумел повернуть голову и увидел женщину, которая сидела на стуле. Ей совершенно нечего было делать ни в целительском корпусе, — Кирис еще помнил, с какой неохотой Ганц смирился с присутствием в своих владениях посторонних, — ни в его палате, ни на этом стуле. А она сидела. Руки сложила на коленях, но пальцы подрагивали, выдавая, что человеку столь живого характера непросто сохранять неподвижность.

Это было удивительно.

И море оскорбилось. Оно не позволило Кирису задержаться в сознании. Впрочем, когда он вернулся в следующий раз, женщина не исчезла.

— Мне сказали, тебе становится лучше.

Стоило бы что-то ответить, всенепременно ободряющее, потому что настоящие мужчины, даже умирая, спешат ободрить всех окрестных женщин, но губы склеила жажда, а в голове было пусто.

— И сказали, что ты не умрешь, — она чуть склонила голову набок.

За спиной Эгле было окно.

Простые стекла — Ганц ненавидел витражи, как и все прекрасное в жизни, — и солнце где-то вдалеке. Оно пряталось в сизых клубах туч, но все же делилось светом, и вокруг женщины воздух дрожал.

Плясали пылинки.

— Это хорошо. У меня было только одно чудо. И я его потратила. Не на тебя.

Сама она чудо.

Странная.

Другая.

Не похожая ни на одну женщину, которую Кирис знал. Впрочем, не стоило себя обманывать: знал он не так уж и много. Но она определенно понравилось бы Вельме хотя бы короткими этими волосами, сквозь которые виднеется свежий шрам.

Или мужской одеждой.

Или этой своей привычкой прислушиваться к чему-то, а к чему — попробуй пойми.

— Ты и сам вытянешь. Ваш целитель — невозможная сволочь, но мне кажется, он лучший. Так Корн сказал. Он тоже невозможная сволочь. И меня в это дерьмо втянули с его молчаливого согласия. Или не очень молчаливого.

Ей стоило бы ответить, но... пока Кирис только и мог, что молчать.

— Позвать кого-нибудь?

Нет.

Он не желает видеть ни Ганца, ни начальство, которое вездесущест­в­ю своей успело утомить. С него хватит одной этой женщины. Жаль, что донести до Эгле не выходит.

И она встает. Правда... на пороге оборачивается.

— Интересно, — спрашивает она. — А тебе... самому не противно было играть с людьми?

Море смеется.

Оно умеет ценить хорошие шутки.

ГЛАВА 56

Кажется, я что-то сделала не так, иначе откуда это чувство вины?

И обида.

Злость.

Желание причинить кому-нибудь боль? К примеру, стене, которая молчаливо выдерживает мой пинок. Боюсь, здешние стены привычны не только к пинкам. Закричать бы. Или шагнуть со стены. А что, чем не выход? Полная свобода, как я хотела.

— Выпейте, — Ганц возник за моей спиной, и я даже не удивилась.

Молча приняла склянку.

Сделала глоток.

— Девочка будет жить, — это прозвучало почти как обвинение. — Потрясающая регенерация.

Я кивнула.

— Рада...

Правда, прозвучало совсем не радостно. Обида никуда не делась. А еще появилось желание поплакать. Вот прямо сейчас. Желательно уткнувшись в чье-то плечо, чтобы всенепременно сочувствующее. И Ганц, кажется, почувствовав что-то этакое, поспешно отступил.

Я всхлипнула.

И... ушла.

Нет, я могла бы вернуться в палату, высказать Кирису, что он сволочь, и брат мой сволочь, и вообще, кажется, мир всецело сволочами заселен. И что ждала я, когда Кирис придет в сознание, чтобы высказаться, а не потому, что за него боялась.

Слезы хлынули градом.

Зелье виновато, не иначе.

Они сыпались, мешая идти, а я все равно шла, быстро, как могла. Я, оказывается, успела изучить пятый корпус настолько хорошо, что могла и по сторонам не смотреть. Очнулась лишь на крыше.

Вдохнула ледяной воздух и сама себе сказала:

— Вот... идиотка.

— Почему?

Ага... брату, стало быть, донесли. Если он вообще мне... мысль неожиданно захватила.

— А я тебе и вправду сестра? — главное, не оборачиваться, потому что слезы продолжают течь, а рыдающие женщины выглядят жалко. То есть, может, кому то и сопلي к лицу, но не мне. В носу заципало, и вытерла его я рукавом.

Ужас кромешный.

— Вправду.

— Или... просто случай удобный?

— Если хочешь, кровь проверим.

— Проверим.

Нет, я не хочу, напротив, мне нужно хоть кому-то поверить на слово, но... кровь все равно проверим. Из принципа.

— Хорошо, — согласился он, ничуть недоверием не задетый. — Ты... как?

— Никак.

Я шмыгнула носом и села на крышу.

— Холодно.

— Заболею и умру... назло всем.

— Увы, вряд ли получится. Ганц воспримет это как личное оскорбление.

— Зачем... ты меня в это впутал? — я задала вопрос, который задавала себе не раз и не два. — Неужели... нельзя было иначе?

— Не знаю, — Корн сел рядом, и я сочла нужным предупредить.

— Холодно.

— Заболею и умру. Тебе придется возглавить род, а заодно заняться сводным отчетом для короны.

Да... меня все-таки не любят.

Он вытянул ноги и произнес:

— Возможно, другой вариант и имелся, но...

— Ты не был уверен?

— Да.

— Во мне?

— В нем. Он был изворотливым... все началось еще тогда, с твоего развода, когда мне просто-напросто его не дали.

— А должны были?

Здесь даже чаек нет. То есть где-то там, за щитом, имеются, но на крыше пустота. И это несколько раздражает.

— Я был третьим заместителем главы Службы королевской безопасности...

— А... — я кивнула, признавая, что такую деталь как-то умудрилась выпустить из вида. Больше надо было родственниками интересоваться.

— И на тот момент уже было очевидно, что старик выбрал меня в преемники. Сама понимаешь, кто будет отказывать в маленькой просьбе. Тогда это и вправду не выглядело чем-то запредельно сложным. Аристократ, да, но род не самый известный, да и забот у них хватало. Патенты, конечно, несколько усложняли жизнь, хотя бы тем, что частично были перекуплены короной, а стало быть, и тени сомнений не должно быть в авторстве.

И я решил, что патентами ты вполне можешь пожертвовать.

Я кивнула.

Я сама предлагала Мару... я бы в жизни не стала судиться, тем более там, где замешана корона.

— Но мне отказали, — Корн оперся на руки и запрокинул голову. — Мне редко отказывают. Это несколько озадачило. Я попытался решить дело миром. Предложил отступные и, поверь, вполне приличные. Но Марун лишь посмеялся. Сказал, что ты способна принести ему куда больше. Это уже было оскорбительно.

А оскорблять эйта — себе дороже.

Память у них долгая.

— Вот и получилось, что судьи оказались... в непростом, скажем так, положении. Я пытался узнать, кто стоит за Маруном, а он — справиться с моими связями.

Море остервенело кидалось на берег.

Оно рассаживало волны в кровь, и та, белесая, чуть окрашенная заходящим солнцем, кипела на прибрежной линии. Оттуда уже убрали лодки, и берег был обманчиво пуст. Правда, если присмотреться... не прямо, краем глаза, то из сумеречной зыби проступали блеклые очертания сторожевых вышек.

Надо будет сказать, что поле сбоит.

Интересно, это локальный эффект и, если так, чем он вызван?

— На меня пытались давить, требуя вернуть тебя супругу. Пару раз речь заходила об отставке. Была и попытка обвинить в заговоре против короны, но здесь не буду лгать, что из-за тебя. Врагов у меня хватает.

А если сосредоточиться, к примеру, на скале, вон той, далекой, напоминающей черепаху, и смотреть исключительно на нее, то башни проступают совсем явно. Узкие, сплетенные из стали и магии, столпы, между которыми протягиваются нити сторожевых заклятий.

— Ты спрятал меня...

— Скажем так, убрал подальше. Ольс, конечно, еще та дыра, но тем и хороша. Чужаки там, как на ладони, а за своих Терес кровью отвечает. Не смотри так. Сала — это не просто хозяин земли. Он с ней связан, с каждым, кто на его земле живет. Древняя магия... и я мог быть уверен, что тебя не похитят. Знаешь, как бывает... однажды кто-то просто исчезает.

— Думаешь...

— Тебя пытались выкрасть, правда, в тот раз мой источник предупредил, что неким людям сделано выгодное предложение. Мы успели убрать угрозу, но рисковать я не хотел.

И наверное, стоило сказать спасибо.

Или хотя бы слезы вытереть. Слезы — это несерьезно. Зато башни окончательно выступили из сумрака и не исчезали, даже когда я моргала. Стало быть, заклятие с толикой ментального воздействия, и разум, узнавший правду, уже не поддается ему.

— Ты и вправду была мне симпатична. А твой супруг... у него не должно было быть таких связей, не говоря уже о том, что он слишком быстро поднимался. Союз с Бринцигами? Ладно, его еще как-то можно было объяснить, но вот... то, с какой скоростью он обзаводился нужными знакомствами, настораживало. Потом контракт с короной...

Мой брат вздохнул.

— Наверное, к этому времени я стал... несколько одержим. С нами случается. Издержки силы и вообще. Мне хотелось доказать всем, что Мар — не несчастная жертва заговора, но хитрый засранец. Я знал, что он будет воровать. В проектах такого масштаба всегда воруют. Он ко всему отличался невероятным самомнением вкупе с жадностью. Как было не позволить?

Действительно, как?

Слезы, наконец, закончились, а злость исчезла. Может, давно стоило бы выплакаться? Женщинам, говорят, нужно, чтобы там жидкости телесные не застаивались или еще какой беды не происходило.

— Я отправил пару наблюдателей... Кириса ты знаешь.

Знаю.

И надо будет извиниться. Человек свою работу делал, и не виноват, что работа у него в сущности дерьмо первостатейное.

— Вельма... мы планировали пожениться. Она была... — Корн зажмурился. — Была... сложно сказать. Не такой, как другие. Яркой. Невероятной. Невероятно раздражающей. В ней кровь морских ведьм смешалась с благословенной. Сирота из приюта. Необычная сила. Предложение... к счастью, у нее хватило ума не принимать первое, которое часто делают красивым женщинам. Она знала себе цену. И стала лучшей в управлении. Не скажу, что мы сразу ладили. Скорее наоборот. Мне понадобилось время, чтобы понять ее. А ей... она трижды мне отказывала.

— Не хотела становиться любовницей?

— Тогда... не трижды, — кажется, Корн позволил себе улыбку. — Я был обручен, но расторг помолвку. А она сказала, что все глупости, что мы слишком разные и ничего хорошего из этого брака не выйдет.

Море попритихло.

Теперь оно кошкой терлось о столпы сторожевых башен, уговаривая выглянуть.

А может, примеряясь, может, если чуть поднажать, то получится и свернуть эту громадину.

— Мы назначили дату свадьбы. А твой... ублюдок ее убил. Не только ее... это был очень... неудачный день. В газетах поднялся вой, а от меня потребовали сдать Кируса.

Море путалось в опорах, и сети заклятий, протянувшиеся в воду, ему были не по вкусу. Интересно, из чего сделаны проводящие контуры. Морская вода достаточно агрессивна, да и магию рассеивает с легкостью. Стало быть, внешние контуры должны быть изолированы, но изоляция такова, что не мешает проявлению силы.

— Мое обвинение рассыпалось. Документы... исчезли. Крысу я позже вычислил, — кулаки Корна сжались. — Ту крысу, которая Вельму... она бы не подпустила к себе чужака. Бывший поклонник... более того, друг, который всегда готов был помочь. Он ждал, когда я наиграюсь. Он бы принял ее, простил бы, а тут я со своей свадьбой. Его признание. Ее отказ. И предложение Ильдиса, которое он принял, поверив, что я и вправду не стану копать слишком глубоко. Он отомстил. Так он полагал, что это месть и он имел право... просто воспользовался ситуацией. Шансом.

Это он зря.

Не знаю, самолюбие ли тому причиной или вправду свойства благословенной крови таковы, но зйты не просто упрямы. Порой они действительно одержимы.

Корн же тихо произнес:

— И да, здесь есть не только те подвалы, которые ты видела...

Молчание — оно действительно золото.

И мы молчали.

Он — в прошлом. Я — в настоящем, в котором море пыталось пробраться за проведенную людьми границу.

— Я бы убил Ильдиса. Я был готов. Вызов на дуэль или... у нас есть хорошие специалисты. Но мне запретили. Без веских на то оснований, а клятву приносят не только псы... клятва держала. Он подонок, но он нужен короне. Не просто нужен, жизненно необходим с его умением находить союзников и заставлять людей работать. Самозабвенно. С невероятной отдачей. Да, он тоже воровал. Все воруют, но Ильдис помнил о том, что не всесилен. И умел ладить. В том числе с короной, где решили, что его таланты можно использовать во благо государства.

И наверное, они оказались правы, ведь сумел же Мар создать эту растреклятую транспортную сеть, объединившую королевство. И не только ее.

Но вот... не знаю.

— Мне пришлось заткнуться и отойти. И тогда я сдал Кируса. Для большинства наших он стал если не убийцей, то всяко идиотом, из-за беспечности которого погибли свои. Этого не прощают.

Я не жалела.

Нет.

Глупо жалеть молодого сильного мужчину, который все-таки... победил?

— Твой муж любил играть людьми.

— А ты?

— Мне приходилось. И нет, разница, наверное, не слишком ощутима... мне жаль.

Мне тоже.

Все-таки жаль... он ведь мой брат и... и я не знаю, как поступила бы на его месте. Я вообще не хочу оказаться на его месте. Но вслух в этом не признаюсь. И буду сидеть, смотреть на море и слушать.

— Ильдис... я даже не знаю, как это объяснить, но ему требовалось подчинить. Взять к примеру Сауле. Она встречалась с парнем, пусть и не зйтом, но она все же не была наследницей, так что брак имел неплохие шансы состояться. Зачем было лезть? Ладно, если бы он планировал отдать ее кому-то...

Небо темнело, только как-то неравномерно, полосами, будто тигр меж облаков прятался. Вот сейчас выглядывает, щурит желтый глаз луны, примериваясь, как бы половчей зацепить меня когтистой лапой.

— Я бы еще понял, зайди речь о выгодном союзе. Но нет, он влез, разорвал помолвку и запер сестру на острове. Лайма... тогда ходили упорные слухи о возможном разрыве. Она родила ребенка, формально договор был выполнен. И Лайма стала появляться в свете. Затем у нее случился роман, пошли слухи о возможной помолвке...

Которой Мар не допустил. Его женщина, пусть и ненужная, не может принадлежать другому.

— Это лишь самые явные примеры, а были и другие. Девочка из кордебалета, которая долго держалась, не принимая его ухаживания. Хорошая девочка. Умненькая. Потенциально неплохой погодник... двухнедельный роман, расставание. И возвращение, когда она снова сошлась с бывшим женихом. И опять. Ильдис возвращал ее трижды.

А потом она перерезала себе вены.

И Мар был не виноват.

Конечно, как его можно винить в том, что делают другие люди?

Тигр небесный потянулся. Он готов был слушать, он тоже страдал от любопытства.

— Парнишка-инженер, который отказался подписать с Маром контракт. Он открыл собственное дело, вполне успешное, только... не рассчитал сил и влетел в долговую яму. Мар выкупил у банка просроченный долг, фирму уничтожил, а мальчишку приставил к делу. Так вот, спустя год этот парень только и мог, что говорить, как ему в жизни повезло. Тайвус, погонщик цеппелинов. Один из лучших. Мар предлагал ему контракт, но Тайвус собирался принять другое предложение. Его величество тоже нуждается в проверенных людях. Вот только за несколько дней до вступления случилась весьма некрасивая история. Тайвус изнасиловал девушку...

— Он действительно...

— Да. Правда, клялся, что понятия не имеет, что не помнит, как это произошло.

В крови нашли приличную дозу алкоголя. Ему грозил срок. Но Марун сумел договориться с девушкой, а потом предложил контракт. Все оступаются. Надо ли говорить, что Тайвус... скажем так, оценил?

Не надо.

Я... помню, насколько легко Марун находил общий язык с людьми.

— Были горничные и мастера. Простые матросы и поверенный, известный в узких кругах, как человек весьма изворотливый, немало ума. Ильдис окружал себя людьми, правда, как после выяснилось, игрушек хватало ненадолго. Тот же Тайвус протянул четыре года. В последние месяцы пил беспробудно. Личная камеристка матери Ильдиса повесилась. Горничная сестры, вот так подобранная, спустя два года сошла с ума и попыталась убить госпожу. Тот парень, из инженеров, сейчас лечится. Он тихий, безобидный. Даже не так. Он застыл. Он целыми днями сидит, слегка покачиваясь, глядя в одну точку. Он не разговаривает. Не помнит, что нужно есть и пить. И о других надобностях тела тоже не помнит.

— И ты...

— Когда все затевалось, мы еще не знали всего этого. Я лишь предположил, что Кирису сделают предложение. И попросил его принять. Понимаешь, у нас не было ничего... мы даже за финансовые махинации не могли его привлечь.

И это наверняка злило.

— И да, Кирис знал, что... ему будет сложно вернуться.

Невозможно, так будет правильнее.

Одно дело стать неудачником, из-за которого погибли люди, а совсем другое — предать, приняв предложение того, кого считали убийцей.

И после уже можно рассказывать... да что угодно можно рассказывать, но кто поверит?

— Вам повезло.

— Повезло. Еще как, — согласился Корн, вытягиваясь на крыше. Он закинул ногу на ногу, а руку вытянул, указав на небо. — Видишь? Созвездие гончих псов... это мы... хороших собак ценят. И я знаю, что Его Величество не оставит без внимания наш доклад.

Возможно, даже наградит.

Грамотой?

Орденом?

Или парой медалей, которые можно будет повесить на старый мундир, потому что новый Кирис шить не станет. Он уедет. Куда? Понятия не имею. Забьется в какую-нибудь глушь, вроде Ольса, где и приживется, и со временем убедит себя, что все сделал правильно.

Может, даже будет прав.

Мне не должно быть дела до этого, но горько... до тошноты горько. И хочется закричать, что нечестно вот так! Нельзя!

— А я... Ольс, он ведь...

— Один из немногих островов, которые формально глубоко независимы, но на деле не только тебе нужно убежище.

Это я тоже понимаю. И почему-то злость моя почти исчезла, а вот обида осталась. И еще чувство, что меня обманули, как тогда, в зимнюю ночь, когда я ждала учебник по прикладной механике, а мне подарили очередное платье.

Платье, помнится, было красивым, но...

Я ведь учебник ждала.

— И все это время...

— Ты работала на корону, — Корн указал правее. — Видишь? Северная звезда, самая яркая. На нее ориентируются погонщики и моряки. Ее свет пробивается даже сквозь тучи. Они называют ее звезда Надежды.

Красиво.

Она и вправду была яркой, почти такой же яркой, как луна. И тучи ее, если и прикрывали, то ненадолго.

— Поначалу я просто был рад, что ты отошла. Да и та мелочовка, конечно, интересная, но...

Вряд ли корона так уж нуждалась в амулетах, повышающих потенцию.

Хотя...

Нет, о таком даже думать не стоит.

— Затем пошли вещи поинтересней... — Корн смотрел на звезду, а та взирала на Корна, впрочем, не только на него. С высоты, полагаю, вид открывался удивительный.

Я бы и сама не отказалась взглянуть. Только... позволят ли подняться? Пусть не к звездам, но хотя бы с кораблем. — Твои щиты... помогли очень многим. А потом ты затеяла этот безумный проект с алмазами.

— Почему безумный? — Если бы я уже не была обижена, обиделась бы всенепременно.

И вовсе я не сумасшедшая.

Просто... там было скучно, а постройка печи выглядела интересной задачей. Да, имелись кое-какие технические сложности, но вполне преодолимые. То есть тогда они не воспринимались еще столь уж глобальным препятствием, а после, когда работа началась, и подавно. Отступить я не привыкла.

Кровь эйтов сказала?

— И вообще, печи существовали...

— Да. На редкость энергоемкие и с непредсказуемым результатом. Камни получались грязными, а стало быть, особого смысла тратиться на них не было. Примеси изрядно мешали.

— А розовый?

— В смысле?

— Когда Кирис приезжал на остров, — я подтянула колени к груди и обняла себя, — у него была лупа с розовым алмазом...

— Не алмазом.

Корн хмыкнул. Снова хмыкнул. И рассмеялся...

— Боги... вот значит... лупа... с розовым... неужели ты решила, что это и вправду алмаз? Что... какому-то мальчишке доверяют такой... артефакт?

— Не такой уж мальчишка...

А я разозлилась и пихнула брата в бок. Я, между прочим, ночей не спала, пыталась понять, а они...

— Турмалин. Розовый турмалин. Редкость, конечно, но отнюдь не такая... — Корн смахнул слезы. — И амулет слабенький. Боги... если подумать... будущее королевства предопределила игрушка, которую парню выдали для пущей солидности. Кому сказать...

Турмалин?

Он серьезно? А... какая в турмалине польза? Нет, как кристалл он, конечно, способен накапливать энергию или фильтровать, но сама структура такова, что внутренние помехи переключают всю выгоду.

— Извини, — Корн вытер глаза и сел. — Если бы... если бы я знал, что тебе нужны алмазы...

— Их бы доставили?

Он кивнул.

— Вот просто взяли и...

— Конечно, мне бы пришлось повозиться, доказывая бухгалтерии, что конторе нужна пара дюжин чистых камней, но в конце концов род у нас не бедный. Как-нибудь не разорились бы.

Это, если бы розовые камни покупать не пришлось.

И Корн, кажется, понял.

— На первом этапе не разорились бы. А там все-таки пришлось бы обоснование писать и все такое...

— И ты...

— Продавал часть камней. Кто ж знал, что у тебя получится настолько снизить расход энергии. Старые печи были просто-напросто нерентабельны.

Надо же... наверное, хорошо, что я этого не знала.

И турмалин...

С турмалином они меня, конечно, удивили. Но да... если так... я хихикнула.

И рассмеялась. И смеялась, кажется долго.

— И-извини...

— Это ты извини, — Корн протянул платок. — Еще не замерзла?

— Ты не договорил.

— Так... что ты хочешь услышать? Когда мне привезли первую партию, признаться, я испытал огромное желание просто выкинуть их. Я доверял Его Величеству, но... я понимал, что интересы короны стоят куда выше личных.

Смех исчез.

А страх вернулся.

Интересы короны, конечно. Интересы короны стоят того, чтобы не считаться с желаниями одной женщины.

— Мне удалось убедить Его Величество, что лучше предоставить тебе свободу. Что в случае постороннего вмешательства ты, скорее всего, просто-напросто закроешься.

Я покосилась на брата, но промолчала.

— Да и мой старый друг отписал, что основной проект куда как интересней... через некоторое время ты создала поликристаллическую броню, и это стало еще одним аргументом в твою пользу. Теперь ты работала на корону, но...

Знать того не знала.

И наверное, стоило поблагодарить брата, только...

— Мои бумаги...

Корн развел руками:

— Нам нужны были записи. Извини, но... ты понимаешь, что эта цена, которую пришлось заплатить. Впрочем, патенты, если хочешь, мы оформим. Да и... в твоих записях есть далеко не все. Наши так и не поняли, как тебе удалось получать розовые камни.

Не поняли они... и хорошо.

И нечего.

Совать нос в чужие бумаги.

— Если бы я рассказал все как есть, ты бы поверила? — тихо спросил Корн.

А я... я не знала, что ответить. Тогда... я была всецело погружена в работу. Корона?

Плевать было на корону.

Главное, что материалы приходили вовремя и... и могла бы голову включить. Тот же высокочастотный сегрегатор для обработки камней стоил не одну сотню тысяч крон, не говоря уже о других аппаратах.

Проклятье.

— Почему мне просто не дали развода, раз уж я была так нужна короне?

— А зачем привлекать лишнее внимание?

Действительно.

Внимание... одно дело — странная особа, которая решила, что ей забытый всеми богами остров милее, нежели родовое владение благородного эйта. И совсем другое — инженер с проектами, которые в перспективе принесут... знать не хочу, сколько они принесут.

— Да и... девочка, в любом другом случае я бы, конечно, воспользовался случаем. Твой развод и вправду занял бы пару минут, но... твой проклятый супруг... возможно, это стало навязчивой идеей. Он понял, что переступил границу дозволенного, и затих. Проклятье, он сам сдал нескольких проворовавшихся подрядчиков, выступил свидетелем на суде и...

— Они признались?

— Естественно. У всех были семьи. Да и воровство действительно имело место. Правда, как я подозревал, нам бросили кость, надеясь, что хватит.

Не хватило.

— Мар продолжал настойчиво добиваться воссоединения семьи и... заодно заинтересовался алмазами. Я заподозрил, что информацию слили...

— И?

— И оказался прав. У Мара был удивительный талант находить нужных людей.

А еще убеждать их. Несчастный муж, которого держат вдали от жены, используя ее, как орудие...

Сейчас всплакну.

— Мы... скажем так, решили воспользоваться ситуацией. Того человека нельзя было назвать предателем. Он оказался не слишком умен, а еще, как выяснилось недавно, внушаем. Кирис к этому времени не просто освоился, но и доказал Ильдису свою преданность. Так мы полагали.

И они решили воспользоваться интересом.

— Вместе с тем возобновился вдруг судебный процесс о вашем разводе, а Его Величеству подали петицию от благородных дам, умолявших не разрушать семью. Кое-кто из советников заговорил, что подобное вмешательство в личные дела подданных недопустимо, что меня следует осадить, а тебя вернуть законному супругу. На Его Величество крайне сложно надавить. Более того, мне пришлось постараться, убеждая его, что ты будешь в безопасности.

— А я была в безопасности?

— В относительной, — признал Корн. — И за это мне еще предстоит ответить. Короля убедил даже не я, но кое-какая информация от имперцев, которые начали разработку нового проекта, как ни странно, связанного с алмазами. Деталей мы не знали, но...

Предположили, что Мар решил не ограничивать себя лишь королевством.

— Осторожная проверка показала, что кое-какая информация ушла из лаборатории...

— И что будет?

— Да ничего. Имперцы, конечно, получили свои чертежи, но не совсем те, на которые рассчитывали. Несколько неудачных экспериментов... один закончился взрывом, о нем даже в газетах писали. Тот, который на канатном заводе. Нет, не помнишь?

Я покачала головой.

Не помню.

Совершенно.

— Не важно. Главное, там тоже пришли к выводу, что для понимания процесса одних чертежей недостаточно. А Его Величество решил обратить взор на молодого эйта, так много сделавшего для страны. Заслуги его на первый взгляд были очевидны...

А честолюбие не позволило Мару усомниться, что милость короля имеет двойное дно.

— Ильдис и прежде... скажем так, он в достаточной мере очарователен, чтобы подняться при дворе и без посторонней помощи. Он легко заводил знакомства, которые из случайных перерастали в деловые связи. Он умел стать не просто нужным человеком, но человеком почти незаменимым.

Почти.

Хорошая оговорка.

— Даже Его Величество продолжал сомневаться. Все-таки утечка могла пойти и не через Мара. Мне пришлось просить о доверии.

Корн сел и потер шею.

— Ноет... я предложил выдвинуть Мара на должность канцлера. А заодно намекнуть на выгодный брак. Твой муж самоуверен. Жаден. Честолюбив. Был. А еще он в достаточной мере умен, чтобы сообразить, что канцлер — это не только власть с возможностями вкуче. Он лучше, чем кто-либо, исключая, пожалуй, меня и Его Величество, знал положение дел. Нам нужны были воздушные линии, но у нас не было денег, чтобы построить их сразу. Казна не просто была пуста. Пришлось закладывать коронные драгоценности. Некоторые — продавать. Добавь займы и процент на их обслуживание, а заодно уж то, что некоторые были сделаны в Империи. Да и партнеры Мара, вложившиеся в его карьеру, тоже жаждали получить свою награду...

Шея у него была смуглая, а волосы — рыжие, но в рыжине этой виднелось изрядно седины.

У меня вот тоже появилась. И наверное, стоит подыскать подходящую краску, ведь седая женщина — это некрасиво... с другой стороны, я и без седины красотой не отличаюсь.

— Его Величество без стеснения делился своими планами на строительство экспедиционного корпуса, на освоение северных земель, на... на многое, что потребовало бы денег. Партнеры тоже намекали, что пора бы уже... мы поняли, что план сработал, когда некие активы сменили место своей дислокации. Сперва Мар передал контрольный пакет акций своих верфей...

— Кому?

— Отцу Лаймы. И оформлено это было, как генеральная доверенность на управление. Подобные сделки не любят обнародовать. Затем кое-какие земельные владения отошли людям, которые

желали получить титул...

А без земель в собственности получить его практически невозможно.

— Мар обратился к Его Величеству с просьбой разрешить вам встречу. Он клялся, что хочет разобраться со своей жизнью прежде, чем вступать в новый брак. И да, не сразу, но Его Величество разрешение дал. Стало очевидно, что Ильдиса ждали за морем.

Но ждали не с пустыми руками.

— Ты как раз закончила работу над проектом. И как мне сказали, скучала, не зная, чем себя занять.

Спасибо.

Заняли.

Благодетели.

— Кирис тебя страховал.

— А кто страховал Кириса?

Брат развел руками:

— Наша служба... и опасна, и трудна.

И хрен бы на нее, но ведь другим же жить не дают.

— Нам повезло и в том, что Кирис оказался почти невосприимчив к воздействию. Природная особенность. Ганца это злит. Говорит, что на его лечение уходит прорва силы... Неважно, главное, что к этому времени Кирису удалось заключить договор с Сауле. Она готова была выступить свидетелем, хотя знала не так и много. А еще он очистил кровь мальчишки, которого тихо травили. Кстати, спасибо за амулеты.

— Всегда пожалуйста. Обращайтесь.

— Обратимся, не сомневайся. Но я бы предпочел, чтобы ты оформила патент и передала это дело на откуп.

При одной мысли о патентах заныли зубы.

И руки.

И кажется, все тело.

— А демон... вы знали про демона?

— Нет.

— И не предполагали, что Йонас...

— Подозрения имелись, но... понимаешь, некроманты давно не появлялись в этом мире, а потому понять, что парень не безумец, а и вправду некромант... тем более нужен нам был не он.

Мар...

Мой вездесущий муж, на тело которого меня вновь тянет взглянуть. И провести еще десяток анализов, убеждаясь, что он все-таки уgomонился.

— А... скажи, его ведь не пытались убить?

— Нет. Запрет действовал. Его Величество... скажем так, если бы он позволил мне месть, пришлось бы позволять и другим.

— И мост...

— Он сам его обрушил. Ты опасалась Мара, а ему нужно было твое добровольное согласие. Он прекрасно осознавал, насколько ты ценна, и твое упрямство успел оценить сполна.

— Он и вправду надеялся...

На что?

На чудесный эликсир своей матушки? А ведь он действовал, я помню, только... только вопрос, как долго я бы проработала очарованная?

— Ему следовало показать, что опасаться следует совсем не его. Пара покушений, чудесные спасения. Его благодарность... на того, кому помогаешь, уже не смотришь, как на опасного чужака. Нет, подобные, скажем так, приключения... объединяют.

— А Кирис? Его тоже... понарошку? С пожаром?

— Нет. Его всерьез.

— И...

— Несчастный случай, во-первых, показал бы тебе, насколько все опасно. Полагаю, Ильдис бы и спасать ринулся бы, потом, когда спасать было бы некого. И разве не стала бы ты беспокоиться за несчастного Мара, который уцелел лишь чудом... ведь очевидно было бы, что убить хотели именно его.

— Кому очевидно?

— Не волнуйся, тебе бы подбросили нужную мысль. А во-вторых... боюсь, Кирис проявил к тебе несколько... излишний интерес.

Это когда?

Что-то я не заметила. Я смотрела. Честно смотрела. Но не заметила.

Корн усмехнулся:

— Иногда достаточно неосторожного взгляда.

То есть сам виноват? Надо было смотреть осторожнее? Не понимаю мужчин... и вообще не понимаю.

И не хочу.

Смотрел он... я не кукла в витрине, чтобы меня разглядывать.

— Мы знали, что там все непросто, но не догадывались, насколько, — Корн поднялся и подал мне руку. Разговор окончен?

А как же мое будущее?

И вообще...

— А...

— Суда не будет. Не над ним. Несчастный случай. Катастрофа, в которой погиб самый молодой канцлер в истории королевства. Несколько чудом выживших. Мы глубоко скорбим...

— Это ты мне речь похоронную зачитываешь?

— Скорее некролог. Его недавно во всех газетах издали. Еще месяц-другой, чтобы сплетники заткнулись, а дальше... у нас есть список. И Его Величество сумеет им воспользоваться. Казну нужно пополнять...

А перспектива каторги, думаю, многих верноподданных вдохновит на безвозмездную помощь. И скандала не будет. Скандалы королевству, как подозреваю, не нужны.

— К слову, твой развод... если хочешь, его можно аннулировать. И тогда ты получишь в наследство...

— Наследник имеется. Спасибо.

Корн лишь хмыкнул.

Он не собирался меня уговаривать? Определенно не собирался. И вообще...

— А со мной, — я все-таки решилась. — Что будет со мной?

Корн рывком поднял меня и обнял.

— Успокойся. Ничего не будет. Никто не собирается тебя запирать или прятать, отправлять в

изгнание. Хочешь в университет? Вернешься. Хочешь кафедру? Получишь. Или вот целый факультет... станешь деканом. Боги... я тебе и университет могу построить. Личный.

— Не надо!

Подобная перспектива ужаснула.

— Как хочешь.

Рядом с ним было спокойно, и тревога, не отпускавшая меня в последние дни, отступила. И вправду... не запрут же меня в подземелья.

— Можешь на Ольс вернуться...

— Нет.

Я... не то чтобы я злюсь, но... просто не смогу.

Они делали свое дело, те люди, и не мне их судить. Вот только не судить не получается. А еще не получится поверить. Я буду улыбаться им, говорить какие-то глупые слова, шутить, быть может, или смеяться шуткам. Но при всем том гадать, кто из них и что напишет в докладе...

И симпатична я ему сама по себе или же по долгу службы.

Я... не хочу больше лжи.

А вот чего хочу?

Не знаю.

— Можно... я просто немного поживу? — тихо спросила я, отпуская брата. А он кивнул. И... и я поверила ему. Почти. А потому уточнила:

— Но... присматривать за мной все равно будут?

— Будут.

Спасибо, что не стал лгать. И я, сделав глубокий вдох, решила:

— Тогда... пусть это будет кто-то знакомый, понимаешь? Мне... мне так спокойней, и вообще... я не хочу жить и гадать, кто из людей, меня окружающих, работает на тебя. То есть я хочу знать точно!

Корн хмыкнул.

А я отвела взгляд.

Это ведь логично, верно? Я не прошу невозможного, не отказываюсь, не собираюсь сбегать... я просто...

— Кажется, — улыбка моего дорогого старшего брата стала на редкость ехидной. — Или не кажется, но я знаю, кого к тебе приставить...

ГЛАВА 57,

которой в принципе могло бы не быть, поскольку и так все очевидно

— Кирис, вот скажи, обязательно было ему нос ломать? — Я потерла кончик носа, который нестерпимо чесался, разрушая и без того не слишком достоверный образ благородной эйты.

Туфли жали.

Платье неимоверной стоимости давило в подмышках, и вообще я себе в нем больше не казалась ни изящной, ни прекрасной.

— Обязательно, — Кирис сам потрогал переносицу. — И вообще...

Что именно «вообще» он уточнять не стал.

А вот цветы в урне смотрелись вполне гармонично, огромный, едва ли не больше меня, букет пурпурных роз, составленный в форме сердца.

Для самой прелестной...

У которой глаза, словно драгоценные камни, а волосы зажигают пламень в сердце. С этим пламенем они меня изрядно притомили. Вообще складывалось ощущение, что все мои внезапные ухаеры учились по одной и той же методичке.

— Почему? — поинтересовалась я, дернув Кириса за рукав.

— Потому.

— А конкретней?

Он вздохнул.

— Я его знаю. Он нечестный человек.

— А предыдущий?

— И он нечестный.

— И до него?

— В мире много нечестных людей, — Кирис пошевелил пальцами. Дерется он неплохо, в этом я за прошедший месяц успела убедиться. — Просто... считается, что лучше всего привязывать женщину семьей. А мне не нравится мысль, что этот урод может стать твоей семьей.

Мне тоже.

Хотя, положив руку на сердце, уродом мой новый внезапный знакомый не был, напротив, внешность он имел самую располагающую. Полагаю, и родовитостью отличался, и вообще являлся на редкость благонадежной личностью, если его к моей особе допустили.

Но...

Я тайком вытерла обслюнявленную руку о подол. Не видела я пока в себе желания привязываться. Семьей в том числе.

— Идем? — я взяла Кириса под руку. — Ты обещал показать, где в этом городе мороженое... ты какое любишь?

— Всякое.

Этна завозила, переползая на плечо Кириса. В чем-то я ее понимаю и даже поддерживаю, все же весила моя прелесть немало, а плечи у Кириса отличались шириной и сидеть на них было куда как удобно. Так что...

Всякое, значит...

В обморок я упала.

И была подхвачена, осторожно перенесена в сторону и поставлена на ноги.

— Жарко? — как показалось, издевательски осведомился Кирис.

— По саду прогуляемся? — У меня руки зачесались сломать веер о чью-то упрямую голову. А мне молча предложили руку. — Между прочим, он сонет сочинил...

Я помахала веером, заслоняясь от очередного ухажера, который бросал на меня пылающие взгляды, правда, осторожно, стараясь не слишком мозолить глаза моему сопровождающему. То ли нос берег, то ли в принципе наслышан был.

— Заказал, — уточнил Кирис. — Десяток. Одиннадцатый бесплатно.

— Это тот, который мне... — я нащупала карточку с этим самым сонетом, заключенным в венок из роз. Розы были нарисованы старательно, имелась и пара белых голубков.

За последний месяц у меня собралась изрядная коллекция голубков.

— Нет, ты пока третья.

Умеет он ободрить.

В саду, где тихо падал снег, укрывая облысевшие кусты и деревья, я запнулась о камень и упала. Почти.

— Не замерзни, — Кирис поставил меня на лавку и укутал собственным пиджаком. — А этот тип тебе не пара.

Сама знаю.

Но вот... веер, правда, где-то потерялся.

— Найди себе кого получше.

— Уже нашла, — пробормотала я. — Он хороший, но баран редкостный...

Меня не услышали.

Кровь капала из разбитого носа на пол.

— Сиди смирно, — я не выдержала и отвесила подзатыльник. — А то Ганцу пожалуюсь.

— Я не виноват.

— Ты никогда не виноват. — На сей раз досталось ему прилично, и пусть Кирис изо всех сил старался делать вид, будто бы все в полном порядке, но я-то не слепая.

И разбитый нос, полагаю, наименьшая из проблем.

— Пожалуюсь, пожалуюсь, — я заставила его наклонить голову. А вот тут били не рукой, такие ссадины пальцы не оставят, и будь удар чуть точнее... — Пусть он тебя запрет и лечит.

Он хотел что-то сказать, но я дернула за рыжую прядь.

— Ты вообще о чем думал?

И Этна свистнула, соглашаясь, что мыслительный процесс в деле явно задействован не был.

— Думаешь, если тебя прибьют, мне легче станет? Не станет, — я вытащила саквояж с настойками. Где-то там и обеззараживающая была, и заживляющая. Нос опять сломан, но это ничего, хуже, что я не настолько хороший целитель, чтобы понять, есть ли внутренние повреждения. — Приставят какого-нибудь... брюнета. И мучайся потом.

Кирис промывчал что-то невнятное.

— Сиди уже...

В первый месяц в столице было даже неплохо.

Обо мне почти и не знали, а кто знал, тот помалкивал. А город был красив. И я бродила по его улочкам, наслаждаясь свободой, удивляясь этой самой свободе, своей возможности вот так просто ходить, смотреть и...

И Кирис вовсе не мешал.

— Ничего страшного, — он вдруг перехватил мою руку, впрочем, тотчас отпустил. — Просто... если бы говорили обо мне...

Он знал город, может, и не как человек, родившийся в нем, но достаточно, чтобы рассказать об узких улочках и парке, где мы провели день, и плевать, что весь этот день шел дождь.

О побережье, закованном в камень и стянутом железом.

О кораблях.

И домах.

О людях, многие из которых были стары и давно уже не были в полной мере людьми, сделавшись частью города. Мы сидели на пристани, наблюдая за кораблями.

И поднимались на верх самой старой причальной мачты, которая почти уже не использовалась.

Мы пили чай.

Ели пирожки из маленькой харчевни, найти которую случайно вряд ли выйдет, и разговаривали. Обо всем. О море, что подобралось к подножию этой башни, о небе и кораблях, казавшихся слишком большими и неповоротливыми, о людях, с которыми Кируса сводила жизнь. О...

Не о Маре.

Не о мальчишке, что, я знаю, нашел место где-то здесь, в столице, но пока я не хотела с ним встречаться.

А когда говорить становилось не о чем, мы просто сидели. И проклятье, это было хорошо.

А потом появился первый поклонник.

Случайная встреча.

Настолько случайная, что я почти поверила. Пара слов. Легкий разговор, который тек сам собой. Пара прикосновений. Compliments...

Странное тепло, появившееся в груди.

И холодный взгляд, который я поймала в витрине. Поймала и... испугалась.

А Кирус, демонстративно державшийся в стороне, почувствовал этот страх. Не знаю, как, но... пара фраз.

И удар.

Сломанный нос. Исчезнувший поклонник. А спустя пару недель новое знакомство, опять же, случайное.

Приглашение в театр.

И не только в театр, высший свет, до того прочно забывший о моем существовании, будто опомнился.

Рауты.

Вечера.

Салон, где будут рады видеть меня. И плевать на траур, пусть даже этот траур формальность, но, помнится, именно соблюдение формальностей высший свет и заботило.

Нельзя не пойти.

Оскорбить.

Корн был бы признателен, если...

Симпатичный молодой человек, который вновь же готов показать мне город и...

Дуэль в саду.

И еще одна, о которой мне знать не полагалось, потому что ни к чему прекрасным эйтам беспокоиться о пустяках. Только это не пустяк, и я едва удержалась, чтобы не отправиться следом, потому как Кирис, конечно, сильный маг, но слишком уж самоуверенный. Но я не отправилась.

И сидела в треклятом роскошном номере гостиницы, считая минуты и мысленно матеря себя, Кириса, братца, поднявшего эту волну, весь свет и...

Он отделался парой ожогов. Про того, другого, я спрашивать не стала.

А приглашения отправила в камин. Горели на редкость отвратительно. Только...

— Давай уедем? — я села рядом и прижалась к плечу, а Кирис неловко меня обнял.

Ему так и не простили. Нет, он мало говорит, он вообще стал на редкость молчалив.

— Куда?

— Куда-нибудь.

И эта молчаливость изрядно меня раздражала. Виделось в ней обреченное.

— А университет?

— Плевать, — все равно там моему появлению не обрадовались, а уж слух, что мне не просто работать позволят, но и выделят в личное владение кафедру или даже факультет... нет уж, мне достаточно было взглядов, которыми уважаемые профессора обменялись, чтобы понять, что не так я и хочу нести свет знаний миру.

— Тебя ведь убьют. Рано или поздно, — я провела по спине, чувствуя слабый отклик. Стало быть ребра, которые с прошлого раза едва-едва зажить успели. — Верно?

Неловкое пожатие плечами.

— Но ведь... — я закусила губу.

Здесь дело не во мне и не в тех нелепых попытках знакомства, которые теперь мне самой не казались сколь бы то ни было серьезными. Все куда серьезней.

И мрачнее.

— Корн ведь... донес, что ты... что...

Кирис дернул головой.

Стало быть, не поверили. И да, единожды предавший... дважды предавший... от этого клейма не отмыться. А предателей не любят.

И Корн здесь не поможет. Слишком личное это дело, слишком много тех, кто решит, что ему закон не писан, что он имеет право...

— Все наладится, — не слишком уверенно произнес Кирис. А я кивнула. Конечно, наладится. Особенно если мы уберемся с острова.

— Завтра, — я встала. — Собирай вещи. Мы уходим завтра.

В крайнем случае всегда остается маленький тихий остров, только что-то не тянуло меня возвращаться в тюрьму.

Снежная буря кружила и выюжила, и я кружилась вместе с ней, хватая ртом колючий снег. Кажется, смеялась. Плевать, на этом забытом богами островке нет никого, кто бы следил за мной.

Почти никого.

— Простудишься, — пробормотал Кирис, в которого я врезалась.

И схватив за руки, потянула в белую мглу.

— Неужели не слышишь ветер?

— Слышу.

И ветер стих. Остался лишь снег, летящий и легкий, он оседал на рыжих ресницах, таял, коснувшись бледной щеки. Он отделял нас от прочего мира. И это длилось, длилось, пока Кирис не

вздохнул. И теплое его дыхание коснулось моей щеки.

Он и сам подался вперед.

И отступил.

Снова.

— Идем, — Кирис отпустил мою руку. — А то ведь и вправду замерзнешь.

Вот же...

Ничего, у меня еще мышь имеется. И белье, на которое я потратила с две сотни золотых... если не поможет, я его этим кружевом удушю.

Дверь вылетела с одного пинка. Вот же... я ведь специально оставила ее незапертой. А он пинается. Этак и ногу сломать недолго.

Впрочем, собственные ноги Кириса заботили мало.

— Что?

— Мышь! — всхлипнув, сказала я и указала в угол комнаты, где эта самая мышь сидела. Ровненько так сидела, не спуская настороженного взгляда с Этны.

— Мышь? — переспросил Кирис, развеивая огненный шар.

Кажется, кричала я слишком уж душевно.

— Мышь.

— Эта?

— Да!

— Ты боишься мышей? — уточнил он недоверчиво.

Не то чтобы боюсь... точнее, не боюсь совершенно, но... кажется, что в наших отношениях что-то пошло не так.

— Боюсь, — я даже всхлипнула.

И руки к груди прижала.

Ага... действует.

Стало быть, не зря мы вчера весь вечер эту несчастную мышь отлавливали. И белье подбирали. То есть отлавливала Этна, а подбирала я, но...

Он очень старательно отводил взгляд. А я испытывала преогромное желание стукнуть этого... этого... слов нет, по голове. А когда он сдернул с кровати покрывало и набросил на плечи, желание стало просто-таки непреодолимым.

— Замерзнешь, — сказал Кирис мрачно. — Здесь дует.

— Баран.

— Кто?

— Ты.

Искра огня метнулась в угол, спугнув несчастную мышь, которой и без того досталось. Очень надеюсь, что она переживет сегодняшний день.

— Причем круторогий, — я попыталась слезть со столика, устроиться на котором получилось далеко не сразу, потому как, несмотря на солидный внешний вид, он несколько шатался. И стоило мне пошевелиться, как столик подозрительно затрещал.

И развалился.

Падать было...

Не падать.

— Я не баран, — Кирис поставил меня на пол. — Просто ты заслуживаешь лучшего.

И покрывало поправил.

Точно баран.

— Определять как будем? — я была зла.

И на мышь в том числе, потому что она не убралась, а, спрятавшись под буфет, наблюдала за нами.

— Кого?

— Лучшего. Рекомендации там... соревнование?

— Эгле!

— Что? — Я выдернула хвост покрывала из руки, правда, опять не удержалась. Вот же... Кирис подхватил и упасть не позволил.

Поднял.

Отнес на кровать.

Усадил.

И сел рядом.

— Ты понимаешь, что фактически у меня ничего нет?

Понимаю.

— Даже имени. Не говоря уже о репутации.

И это понимаю. Впрочем, с репутацией и у меня проблемы. Не стоит обманываться, даже если я вернусь в столицу и выйду замуж за молодого и прекрасного эйта из древнего рода, о моем происхождении не забудут, как и о побеге, и...

В общем, плевать.

— Меня могут убить.

— Значит, постарайся, чтобы не убили, — я почесала бедро. Кто ж знал, что эти кружева настолько колючие. — И вообще... если что, у меня знакомый некромант имеется. Ну, если вдруг...

Кажется, перспектива Кируса не вдохновила.

Он встал.

И вдруг подхватил меня на руки.

— Куда?

— Туда, — он кивнул на проем.

— Зачем?

— Затем.

— А тут?

— Тут двери нет. Да и... — Кирис несколько смутился. — Недолюбиваю я мышей, говоря по правде. Но учти, если вдруг ты...

— Замолчи уже, что ли, — я поерзала, устраиваясь поудобнее. Кружево кололось все равно. — Не порти момент.

Не испортил.

ЭПИЛОГ

На местном рынке торговали рыбой. Прямо на земле стояли огромные корзины с гребешками и мидиями, морскими огурцами, камбалой и тунцом, который потрошили здесь же, на радость разбойничьему племени котов. Их, конечно, гоняли, но вяло, скорее для порядка. И зверье, соблюдая правила, отступало, чтобы после вернуться, тишком, воровато, скользнуть под прилавок, мазнуть пушистым хвостом по ноге, ласкаясь.

И утащить из корзины смачную рыбку голову.

Уносили их недалеко, порой жертвуя более слабым, и возвращались за новой добычей.

Гудели мухи.

Воняло.

И мальчишки-водоносы сновали в толпе, стараясь перекрыть друг друга.

— Свежая вода, свежая... всего...

Медленно прохаживались почтенные матроны, которые выбрались на рынок не столько поупок ради, сколько от скуки. Они раскланивались друг с другом, перебрасывались парой слов, но больше ревниво поглядывали, не появилось ли у соседки чего-нибудь эдакого...

Интересного.

Суетились молоденькие кухарочки. Важно ступала прислуга из белых домов, снизошедшая до рынка, верно, исключительно ввиду любопытства. Порой гремели тележки, заставляя старого горшечника разразиться бранью. Дремали мужики под старым кленом, темные листья которого почти не пропускали свет. И лишь время от времени кто-то, будто вспомнив, зачем вовсе явился сюда, протягивал руку и передвигал круглый камешек на доске для игры в ганмаш.

Партия длилась, как понимаю, не первый год.

И в этом тоже что-то да было.

Я остановилась перед лавкой, на пороге которой сидела чумакая девочка с черными глазами. Облаченная в безразмерные штаны и драную рубаху, она умудрялась не выглядеть жалкой. Длинные волосы девочка связала в хвост, из которого торчали рыбы кости и сухая трава.

— Привет, — сказала я, разглядывая не столько ее, сколько лавку.

Старый, покосившийся на один угол домишко, с крыши которого свисали медные сковородки, плетенные из ивовых ветвей амулеты «на удачу», тряпичные обережцы и белые камни с дыркой в центре. Дырки, полагаю, сверлили здесь же.

Сушеные рыбины.

Венки из морской травы и в то же время самый настоящий морской сапфир, который висел в связке простых стекляшек, правда, выделяясь среди них глубиной и характерными полосками.

— Госпожа? — из дома выскочила полная женщина в темно-вишневом платье. — Госпоже что-то угодно? Госпожа будет довольна... у меня самые лучшие зелья...

— Врет, — меланхолично заметила девочка, вычерчивая на песке безголовую рыбину.

— Есть на удачу, на красоту... веснушки вывести.

Выводить веснушки я не собиралась.

— На приворот или отворот. Отсушку так и по волосу могу сделать, — женщина вцепилась в меня и потянула внутрь хижины. — Идемте, госпожа, дело такое... сердцу-то понятно, не прикажешь...

— Ничего она делать не умеет.

К рыбине девочка пририсовала крючок.

— Пшла отсюда...

— Бабушка вот настоящей ведьмой была, а эта... только и способна, что людей душить. В бутылках у нее морская вода, чаем подкрашенная.

Руку выпустили, а женщина, как-то хитро извернувшись, толкнула меня в хижину. А сама выскочила, чтобы отвесить пинка.

Только...

Не посмела.

Девочке хватило взгляда.

Она поднялась, кое-как отряхнула песок с ладоней и произнесла:

— Она не злая. Просто глупая. Думает, что если притвориться ведьмой, то заработаешь больше.

— Я... — женщина схватилась за сердце. — Я тебя родила... я тебя...

— Неизвестно от кого, — также спокойно ответила девочка, — а потом бросила. Ты и вернулась-то, лишь когда ба не стало. Лавку забрать.

Женщина всхлипнула.

И по некрасивому лицу ее потекли слезы. А девочка лишь головой покачала.

— Эгле... — Кирис все-таки меня отыскал.

Нет, не то чтобы я надеялась всерьез спрятаться, не на этом острове и уж точно не на этом рынке, и вообще получилось случайно, я не виновата, что им так заинтересовались те две очаровательные подавальщицы...

Почти не виновата.

Надеюсь, девушки утешатся парой заслуженных монет.

— Эгле, не убегай...

Я и не думаю.

Я вот стою, разглядывая связки амулетов, раздумывая, выкупить ли ведьмин камень или не стоит. Не то чтобы он был так уж редок, скорее славился редкостной нестабильностью. Характер, что поделаешь. Но уж если удавалось найти общий язык, амулеты получались не просто сильные. Не знаю, в чем дело, но правильный камень на голову превосходил алмаз.

— Эгле! — Кирис не без труда протиснулся между двумя дородными дамами, неторопливо выяснявшими некоторые нюансы поведения третьей, которую, судя по услышанному, — а говорили они громко, — считали особой не самого скромного поведения. Толкнул корзину с рыбой, едва не наступил на расставленные горшки, чем заработал слабое проклятие от горшечника.

Проклятие, правда, впиталось в защитное поле, но...

Мог бы и поаккуратней.

Он поймал мою руку, а я с упреком произнесла:

— Где ты ходишь?

— А ты где?

Он не злился.

Странно.

Он ведь наверняка понял про тех девушек. И... подыграл? Смешно надеяться, что моего дракона можно вот так просто отвлечь, да и...

Я улыбнулась.

Просто так вот взяла и улыбнулась. Почему бы и нет? Весна догорает. Солнце вон светит вовсю. Небо ясное. Ласточки носятся, обещая хорошую погоду. А на моей ладони лежит теплый ведьмин камень.

— Это не тебе, — девчонка подпрыгивает и смахивает камень, чтобы поймать его на лету.

— Ах ты... — женщина хватается за сердце.

— Ему. Сделай кольца. Только сам, — угольно-черные глаза смотрят на Кириса, и тот кивает. — Сделаешь сам — не откажет.

— Спасибо.

Он достает кошелек, но к ужасу женщины девочка качает головой.

— За такие вещи не платят, дурень.

— Я тебя выпорю!

Девочка лишь дернула плечом и, разом потеряв интерес к происходящему, отвернулась.

— Погоди, — камень Кирис убрал в карман.

Кольца, стало быть...

С другой стороны, работать с камнем он не умеет, сразу портить не решится, стало быть пару лет в запасе у меня есть.

Я коснулась живота.

А вот у него нет.

Сказать, что ли?

Девчонка, будто догадавшись о моих мыслях, прижала палец к губам. Хорошо. Только непонятно, почему я вообще ее слушаю.

— Потому что я ведьма, — сказала она, улыбнувшись уголками губ. — Настоящая.

И я поверила.

Кирис же усмехнулся и, подхватив меня под руку, произнес:

— Ты-то нам нужна.

Зачем?

Мне вот ведьма совсем даже не нужна.

— Точнее, не нам, а одному человеку... то есть большей частью человеку...

А еще немного демону. Но это заметно, только когда он злится.

Ведьма склонила голову набок. И Кирис замолчал. Тихо что-то бормотала женщина, то ли судьбу кляла, то ли жизнь, то ли одну конкретную ведьму, от которой этой самой жизни нет. Но в остальном нам не мешали.

— Хорошо, — она протянула узкую смуглую руку. И тут же смутилась, добавив: — Если мне не понравится ваш жених, я уйду.

Жених?

Уже сразу и жених...

Почему-то подумалось, что Йонас рад не будет.

— Понравится, — Кирис все же вытащил кошелек и бляху. Чудодейственная, к слову, вещь, не артефакт, но в силу ее я успела убедиться.

Женщина охнула. И обе руки прижала к груди.

— Мне нужно ее свидетельство о рождении...

— Дурак, — ведьма покачала лохматой головой. — В кого он у тебя такой? Откуда у ведьмы это самое...

— Выправим, — пообещал Кирис.

И совсем не дурак. Просто в силу королевских законов верит. А еще он у меня понятливый и терпеливый.

— Вот, — кошелек Кирис все-таки отдал, а отказываться женщина не стала. — Позже пришло

договор об опеке. И не волнуйтесь, в любом случае я за ней присмотрю.

— А я за вами, — проворчала ведьма, глядя на Кириса с какой-то печалью. — Пока опять глупостей не натворили. Вот зачем ты от него бегаешь?

Может, все-таки ее на острове оставить?

Зачем нам ведьма, если целый некромант имеется, а еще два брата, племянники с племянницами, хозяйство бывшего супруга, за которым мне все же пришлось присматривать, потому как выяснилось, что некроманты к хозяйственным делам не слишком пригодны, тем более когда заняты не совсем здоровой сестрой. Хотя, признаться честно, в последнее время у меня складывается ощущение, что Рута слегка переигрывает в своих страданиях. И, подозреваю, появлению конкурентки она не слишком обрадуется.

С другой стороны, может, они все займутся друг другом и, наконец, отстанут от меня.

Ведьмины влажные пальчики обвили мою ладонь, дернули, заставив наклониться.

— А у тебя тоже ведьма будет, — сказала она на ухо. — Только не морская... темная.

Ведьма?

Откуда ведьма? Я ведь обычный маг, да и Кирис...

— Нечего было с демонами якшаться... — руку отпустили, но пальцы погладили запястье, как показалось, утешая. — Но ты не переживай. Ведьмой быть тоже неплохо.

Я растерянно кивнула.

— Никто не обидит.

Оно верно, самоубийц и вправду на самом деле немного.

— А что тьма, так за ней тоже кому-то следить надо. На вот, — девчонка стянула длинный стебель морских водорослей. — Пожуй. Вкусно.

Солоноватые, водоросли и вправду были вкусны. А я... я вдруг поняла, что жизнь хороша. Солнце, море и берег... а ведьмы там или демоны, если подумать, это мелочи жизни.

Кольца Кирис сделал за три дня, просто-напросто изменив камень силой. Вот уверена, что не сам он додумался, наверняка Симлис подсказала, но...

Я и вправду не смогла отказать.

Но договор все-таки потребовала. Опыт, он такой... а Кирис не возражал. Ведьмочка внутри меня тихо захихикала и, потянувшись к камню, наполнила кольцо собственной силой. Наверное, это что-то да значило.